Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 4
(XII век)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Эпоха, которой принадлежит гениальный памятник «Слово о полку Игореве», противоречива и трагична в своей основе. С одной стороны, она отмечена высоким развитием искусств: живописи, архитектуры, прикладного искусства, литературы, а с другой — она характеризуется почти полным распадом Русского государства на самостоятельные княжества, отмечена разорявшими страну междоусобными войнами князей и чревата крайним ослаблением Руси как единого целого в военном отношении.

В свое время — в конце XI и в первой четверти XII века — Владимир Мономах вносил сильное сдерживающее начало в процесс дробления Русской земли. Ему удалось глубокими походами в степь утишить половцев. Со смертью Владимира Мономаха в 1125 году вражда между отдельными русскими князьями усиливается, а через некоторое время возобновляются и набеги половцев. Вплоть до татаро-монгольского нашествия междоусобия отдельных ветвей княжеского рода становятся все более и более частыми. Воюют в основном потомки Владимира Мономаха — «мономаховичи» — с потомками постоянного противника Мономаха Олега Святославича — «ольговичами». Но внутри каждого из этих родов возникают собственные противоречия интересов. Слабеет значение Киева как объединяющего центра Руси, особенно после тех разорений, которым подвергли его сами русские князья. Возникают новые сильные центры притяжения — Владимир-Залесский во Владимиро-Суздальской земле, Чернигов, Владимир-Волынский и Галич на юго-западе Руси, Новгород и Смоленск на севере и северо-западе. Появляется тенденция к еще более мелкому дроблению. Политическое и военное единство Руси фактически перестает существовать. Однако не прекращается сознание исторического, языкового и культурного единства всего русского народа на огромном пространстве северо-

востока Европы. Развивается трагическое противоречие между осознанием себя как единого целого и фактическим положением дел. В этих условиях особую роль суждено было сыграть литературе.

*

Литература народа — это не простая совокупность литературных произведений. Сами по себе отдельные произведения еще не создают литературы как единого целого. Произведения составляют литературу, когда они связаны между собой в некое органическое единство, влияют друг на друга, «общаются» друг с другом, входят в единый процесс развития и несут совместно более или менее значительную собственную функцию.

Уже в XI веке началось «взаимообогащение литературных произведений», которое в условиях Древней Руси сводилось главным образом к заимствованию из одного произведения в другое целых отрывков или отдельных фраз, к присоединению произведений друг к другу, к их включению друг в друга, к составлению их новых редакций и новых памятников на основе старых.

Вся литература XII — начала XIII века является единым реальным целым, в котором произведения объединяются, соединяются между собой, продолжают друг друга, составляются на основе переписки нескольких писателей, живущих в разных концах Русской земли. При этом она становится литературой единой темы — темы Русской истории, литературой единой идеи — идеи необходимого единения. Вся русская литература XII — начала XIII века по существу одно произведение, которое мы могли бы назвать своеобразной проповедью единства Русской земли, — проповедью, составленной в разных концах Руси и в едином стиле монументального историзма, который, возникнув в XI веке, именно в XII и начале XIII века достигает своего особенно активного и действенного расцвета.

Академик М. Н. Сперанский писал о «нескольких типах литературы» в период раздробленности Руси. «И типы эти, — добавлял он, — будут основаны, между прочим, на различиях племенных, также и областных (государственных). Несомненно, что благодаря различной культуре отдельных племен и христианская литература распространялась далеко не равномерно, иначе сказать: перед нами этнографический принцип развития нового миросозерцания».[1]

Представления о том, что литература была так же «раздроблена», как был раздроблен на отдельные феодальные княжества весь государственный строй Древней Руси, стали общим местом всех историй литературы. Однако, в отличие от М. Н. Сперанского, все последующие исследователи главное значение придавали не «этнографическому принципу», а политическому, и разделение русской литературы в XII и в начале XIII века вели главным образом по княжествам, а не по племенам.

Между тем русская литература этого периода не только развивается как единое целое, но и не обнаруживает никаких признаков стремления к самостоятельному и замкнутому развитию в отдельных областях и княжествах. Ни одно из произведений не выступает с проповедью разделения Руси, выделения того или иного княжества в самостоятельное государство, не отражает стремления к культурному отъединению. Напротив, писатели этого периода как бы устремляются друг к другу через огромные расстояния, пытаются установить между собой связи, вступают в переписку, ощущают свою общность и избегают творческого одиночества. Стремление к преодолению расстояний определяет весь характер литературы этого периода. Каждое из княжеств дорожит своею исторической общностью с другими княжествами. Монументально-исторический стиль определяет содержание, форму и самые способы ведения летописания, составления литературных произведений, отношение писателей к окружающему миру и характер литературной традиции.

*

Начнем с летописания, которое в силу своего местного происхождения, казалось бы, должно было более всего отразить местный характер литературы, если бы он действительно существовал. Между тем именно летописям принадлежала главная роль в деле взаимообогащения литературы в XI—XIII веках.

«Повесть временных лет», составленная в самом начале XII века, подвела своеобразный итог литературному развитию предшествующего времени. Она явилась своего рода «литературной антологией» русских и переводных произведений. Помимо предшествующих летописных сводов и византийских хроник в «Повести временных лет» были отражены идеи и отдельные выражения из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, поучение о «казнях Божиих» Феодосия Печерского, жития первых русских святых и сказания о первых насельниках Киево-Печерского монастыря, повесть об ослеплении Василька Теребовльского и многое другое.[2] В XII веке происходит дальнейшее развитие объединяющего значения «Повести временных лет». Она ставится в начало многих местных летописей. По-видимому, «Повесть временных лет» начинает собой Черниговское летописание князей «ольговичей» (потомков Олега Святославича). Она появляется в Переяславле-Южном, во Владимире-Волынском и во Владимире-Залесском. В последнем княжестве в один из списков «Повести временных лет» включается собрание сочинений Владимира Мономаха — его «Поучение», его автобиография и его письмо к Олегу Святославичу. И это включение сочинений Мономаха становится важнейшей символической акцией, знаменуя собой принятие политических и моральных заветов Мономаха во Владимиро-Суздальском княжестве.

Движение «Повести временных лет» по всему горизонту Русской земли не было только историко-литературным фактом. Это был факт политического самосознания.

В XII веке многие летописи, продолжающие общерусское летописание, составляются в разных городах и монастырях Руси. Летописи ведутся не только в Киеве, но и в Чернигове, в Переяславле-Южном (летопись княжеская и летопись епископская), в Новгороде (и при владычнем дворе в Святой Софии, и в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце Новгорода), и во Владимире-Залесском, и в Ростове, и во Владимире-Волынском, и в Смоленске, а возможно, и во многих других городах Руси.

При этом замечательным свойством русского летописания оставалось его стремление охватить все русские события, всю Русскую землю. В Киевской летописи, начиная со второй половины XII века, мы находим черниговскую летопись и летопись Переяславля-Южного, извлечения из северо-восточного летописания. В летописи Переяславля-Южного отражается Киевская летопись. В новгородском летописании, открывавшемся Начальным летописным сводом XI века, в начале XIII века отражается рязанское летописание и постоянно делаются попытки выйти за пределы только новгородских событий.

В летописание Владимира-Залесского включаются обе летописи Переяславля-Южного — епископская и княжеская, а через них и Киевская летопись.

Выходило за пределы местных событий и летописание Владимира-Волынского.

Летописцы как бы ищут друг друга, их летописи постоянно переписываются и перевозятся из одного княжества в другое. В этом сказываются объединительные тенденции летописцев, их замечательное стремление к «преодолению пространства».

В разнообразии манер, в которых написаны дошедшие до нас летописи (из них главные рукописи — Ипатьевская XV века, Лаврентьевская XIV века и Синодальный список Новгородской первой летописи XIII века), сказываются не столько местные черты, так называемое «областническое начало», сколько разнообразие жанров вошедших в них произведений, разнообразие социальной принадлежности летописцев и разнообразие литературных «деловых» влияний, которое они испытывали.

В Киевский свод 1200 года (он читается и ныне в составе Ипатьевской летописи) вошли не только летописи других летописных центров Руси, но и особый жанр семейных хроник князей — Ростиславичей (потомков Ростислава Мстиславича), Святослава Ольговича и его сына Игоря Святославича (героя «Слова о полку Игореве»), вошли повести о княжеских преступлениях — Повесть об убийстве Игоря Ольговича и о преступлении Владимирки Галицкого. Заключался свод торжественной речью игумена Выдубецкого монастыря Моисея по случаю построения монастырской стены над Днепром. Этим обилием и жанровым разнообразием источников определилось в значительной мере литературное богатство сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи за XII век.

Летопись Владимира-Залесского (она сохранилась в составе Лаврентьевской) велась при храме Успения Богородицы и поэтому отразила стремление своих церковных составителей видеть в каждом знаменательном событии заступничество Богородицы, ее особое покровительство городу Владимиру и владимирскому князю. Летопись Владимира-Залесского отразила главным образом церковную литературу: Паримийник, Житие Бориса и Глеба, слово Феодосия Печерского о «казнях Божиих», «Слово о Законе и Благодати» и прочее.

Значительно меньше литературных источников отразила Новгородская летопись. Ее язык ближе всего деловой прозе — языку берестяных грамот и «Русской Правды».

Замечательно, однако, что литературные источники летописей также свидетельствуют об их распространении по всей Русской земле. Так, например, киевское «Слово о Законе и Благодати» оказывает воздействие на летопись и на северо-востоке Руси во Владимире-Залесском, и на юго-западе — во Владимире-Волынском. Характерно также, что наиболее детальный рассказ об убиении Андрея Боголюбского попал не в летопись Владимира-Залесского, где события происходили, а в Киевскую (сейчас этот подробный рассказ читается в Ипатьевской летописи, а более сжатый — в Лаврентьевской).

Своеобразную ограниченность можно усмотреть лишь в некоторых частях новгородского летописания, но объясняется это тем, что одна из новгородских летописей велась в небольшой церкви уличан на Яковлевой улице Неревского конца Новгорода ее попом Германом Воятой. Священники уличанских церквей в Новгороде выбирались жителями улицы, и этим, очевидно, объясняется, что Герман Воята (Воята — сокращение языческого имени Воислав) был носителем полуязыческих представлений. Записи этого священника с двойным — христианским и языческим — именем имеют отчасти личный характер. Так, например, под 1138 годом Герман Воята записывает, что 9 марта «бысть гром велий, яко слышахом чисто в истьбе седяще». В тот же год 23 апреля «пополошишася людье: сългаша бо, яко Святопълк у города с пльсковици (псковичами.— *Д. Л.*), и высушася всь город к Сильнищю, и не бы ничто же». В стилистическом отношении очень интересна запись 1143 года, в некоторых своих частях передающая даже короткий ритм устной речи: «...стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгь». Обращает на себя внимание в этой записи также и замена в определенном времени христианского Филиппова заговенья языческим «Корочюном».

Общественный строй Новгорода отразился и на других новгородских летописях, вошедших в состав новгородского летописания при новгородском Софийском владычнем дворе. Язык новгородских летописей простой, с малым количеством церковнославянизмов. В этой же летописи сильнее, чем в каких-либо иных, могут быть отмечены языковые диалектизмы. Элементы новгородского говора выступают в новгородских рукописях вообще довольно рано (так, например, они есть уже в новгородской Минеи 1096—1097 гг.), но и эти диалектизмы не

служат еще признаком «областного этнографического» принципа в развитии литературы. Это все свидетельства только языковых различий, но не появления областного самосознания.

В идейном отношении отдельные летописи, как и отдельные повести о княжеских преступлениях, могли стоять за своего князя, за своих местных князей, высказывать различные политические убеждения (летопись была далеко не бесстрастной и равнодушной к добру и злу), но ни один летописец никогда не высказывался за отделение своего княжества в самостоятельное государство, за сепаратистский принцип в жизни страны. Напротив, спор шел только о том, кто из князей, какая из княжеских родовых линий лучше всего служит единству Русской земли.

*

Та же постоянная общерусская интеграция пронизывает собой и наиболее значительный памятник историко-церковной литературы рубежа XII—XIII веков — Киево-Печерский патерик.

Он создавался постепенно в разных концах Русской земли, на основании различных предшествующих ему литературных памятников и был проникнут идеей общерусского значения Киево-Печерской обители.

Патерик возник в двух крайних концах Русской земли — из переписки киево-печерского монаха Поликарпа с владимиро-суздальским епископом Симоном. В своем письме из Киева во Владимир Поликарп пожаловался Симону, что его обходят в церковных назначениях. Симон ответил Поликарпу наставительным письмом на тему о великой чести подвизаться в Киево-Печерской земле и к своему письму присоединил несколько коротких рассказов о жизни печерских монахов. Письмо, очевидно, подействовало на Поликарпа, и он дополнил рассказы Симона своими собственными в письме к печерскому игумену Акиндину. Письма Симона и Поликарпа были объединены в XIII веке со сказанием Нестора о первых черноризцах печерских, которое в свое время было включено в состав «Повести временных лет» со сведениями из не дошедшего до нас Жития Антония Печерского, а также Житием Феодосия Печерского и некоторыми другими литературными материалами. Так создалось сводное произведение, не совсем похожее по форме и жанровым признакам на византийские патерики, но тем не менее названное в поздних своих списках именно патериком, чтобы как-то ввести его в привычные церковные жанры.

В Киево-Печерском патерике сказались разнообразные влияния: и влияние эпистолярной практики своего времени, и воздействие тех же греческих патериков, отразились летописная форма изложения, стиль житийной литературы, стиль учительных сочинений и, наконец, содержание устных слухов, преданий и других жанров восточнославянского фольклора. В литературной истории Киево-Печерского патерика можно проследить удивительный процесс формирования оригинального по своим жанровым признакам большого

памятника на основании множества самых разнообразных и порой неожиданных влияний. Однако не менее оригинальным явился Киево-Печерский патерик и в идейном отношении. Христианские представления соединились в его идейном содержании с древним культом Земли,[3] который также в какой-то мере отразился на идейной стороне монументально-исторической стилистической формации.

В патерике подчеркивается, что Киево-Печерская Успенская церковь воздвигнута «от Севера» и «от Юга»: варягами, давшими материальные средства, и греками, чудесным образом посланными из константинопольского монастыря Влахерны, чтобы построить монастырскую церковь и расписать ее.

Место, на котором построена церковь, — свято. Оно указано чудесами. Чудесно указана и мера церкви. По ней, этой мере, выстроены Успенские же церкви Богоматери в Ростове и Суздале. Из Печерского монастыря выходят епископы, а иноки его строят монастыри по всей Руси — вплоть до далекой Тмуторокани на Черном море. Монастырь как бы распространяет знаки святости по всей Русской земле. Это святыня всерусская и всесветная.

Всякая местность освящается построением в ней монастыря или церкви, историческими или церковно-историческими воспоминаниями. По сути дела на этом строилось и понятие «Святой Руси»: каждое место в ней утверждалось в своей абсолютной ценности благодаря этим «отметкам» — освящению их воспоминаниями и строениями.

Характерно, что владимирский епископ Симон в своем письме в Киев к Поликарпу пишет о «Русском мире» и о той роли, которую играет в нем Киево-Печерский монастырь. Именно отсюда, из Киево-Печерской обители, вышли русские церковные иерархи — Киева, Переяславля, Ростова, Новгорода, Владимира, Юрьева, Полоцка, Тмуторокани, Чернигова, Турова, Белгорода, Суздаля. «И аще хощеши вся уведати, почти летописца стараго Ростовьскаго». В этом летописце Симон отмечает 30 имен русских иерархов, вышедших из Киево-Печерского монастыря, а всего, считая и тех, кто жил позднее, «и до нас, грешных», отмечает Симон, было их около пятидесяти.

При этом обратим внимание вот на что: чтение, и особенно чтение летописи, по словам Симона, внушает мысль о значении Печерской обители для всего «Русского мира». Такова же роль чтения и в проповеди мира, как тишины и спокойствия, братолюбия князей. «Русский мир» и «мир в Руской земле» — это по существу нечто общее. Эта идея роли чтения — по-своему замечательна и очень действенна. Ни один из писателей XII — начала XIII века не опускался до высказываний за разделение Русской земли. Летописцы и отдельные книжники могли ошибаться и могли находить именно своего князя правым в создавшихся конфликтах, считая его первым среди русских князей и наиболее достойным занять в Русской земле или в том или ином княжестве руководящее место, однако в целом русская литература на всем протяжении ее вплоть до Батыева нашествия проповедовала только одно: необходимость «блюсти Русскую землю».

Киево-Печерский патерик не только служил идее единства Руси, но и утверждал самобытность этой Руси, способствовал формированию в ней церковного идеала поведения, своих русских церковных обычаев, монашеского «этикета». Так, например, в патерике рассказывается, как родился русский обычай вкладывать в руку умершего написанную молитву с просьбой о прощении ему грехов. Авторы патерика сознавали, что этого обычая нет в других землях.

Авторы патерика стремились создавать идеал чинного образа жизни не только в монастыре, но и за его пределами. В патерике рассказывается, например, на основании Жития Феодосия, как киевский князь Изяслав, навестив однажды Феодосия, спросил у него: почему так вкусна пища в его монастыре, тогда как на его собственных пирах, где пища различна и многоценна, она «не суть такова сладка, яко же сиа». Феодосии разъяснил князю: потому, что она готовится в монастыре благоговейно и по обрядам, описал эти обряды, а у князя пища приготовляется рабами, которые работают «сварящеся (ссорясь. — *Д. Л.*) и шегающе (насмехаясь. — *Д. Л.*) и клепуще друг друга, и многажды же биеми суть от приставник, и тако вся служба их с грехом съвръшается».

Патерик относится к тому времени, когда происходило становление феодального быта, устанавливался этикет — этикет поведения, этикет воинский, княжеский, монашеский. Каждое сословие в это время предстает в литературе как бы в своем геральдическом знаке, изображающем его в момент исполнения им его высшего сословного долга: князь выезжает на битву впереди войска и первым ломает в битве копье (т. е. начинает битву); подручные князя ездят у стремени своего главы; отроки предстоят перед князем; бояре заседают в совете («бояре думающие»); крестьяне пашут и т. д. Характерен тот образ работающего монаха, который дает Киево-Печерский патерик: «Многажды же великому Никону седящу и строащу книги, и блаженому (Феодосию. — *Д. Л.*) въскрай его седящю и прядущу вервие еже на потребу таковому делу. Таково бе того (Феодосия. — *Д. Л.*) смирение и простота». Сравните в патерике другую идиллическую сцену с тем же Феодосией: Ларион «бяше бо книгам хитр писати, и съй по вся дъни и нощи писаше книги в келии блаженнаго отца нашего Феодосиа, оному же (т. е. Феодосию. — *Д. Л.*) псалтыр поющу усты тихо и рукама прядуща вълну или ино кое дело...» «Делание» книг (их писание, переплетание и проч.) — это одно из важнейших монашеских занятий. Но есть и другие. Патерик замечателен тем, что живописует и эти занятия монахов помимо молитвы и бдения — в садоводстве, в приготовлении пищи, а иногда и в руководстве строительными работами. В последнем случае описываются в патерике и конфликты, возникающие между работниками, нанятыми со стороны, и монастырем. Не всегда идеально ведут себя и сами монахи. В них сказываются и дурные черты характера, и разные слабости. Однако конфликты в конце концов прекращаются, и монашеская идиллия восстанавливается.

Патерик, с одной стороны, показывает нам становление на Руси нового литературного жанра, с другой же стороны, параллельно этому — становление на Руси феодального быта и феодальных идеалов

поведения. Восхваляя или осуждая, авторы патерика и в том, и в другом случае пропагандировали идеальные с их точки зрения отношения внутри монастыря и с окружающим его обществом — князем, в первую очередь.

*

Становление литературных жанров, как и становление опять-таки быта, в целом рисует нам и другое знаменитое произведение того времени, в первой своей редакции обычно называемое «Словом Даниила Заточника», во второй — «Молением Даниила Заточника». Это произведение во многом загадочное, но и безусловно замечательное. Не ясен прежде всего главный персонаж — он же и предполагаемый автор «Моления» — Даниил Заточник: кто он по своему социальному положению, чьи интересы он выражает, какому князю служит. Не ясна и жанровая принадлежность произведения. «Загадочность» «Моления» не случайна — это результат того, что сама литература находилась в XI—XIII веках в процессе жанрообразования, а общество было обществом несформировавшимся, становящимся, находящимся в процессе классообразования. Если принять во внимание эту неустойчивость общества и всеобщее стремление обрести эту устойчивость, в частности в литературе, где шли поиски новых жанров, отвечающих задачам русской действительности, то объяснение «Молению» может быть дано такое.

В византийской и древнерусской литературе еще в XI веке существовали сборники изречений. В частности, известен был в Древней Руси «Стословец» Генадия — сочинение, возможно, и древнерусское. Но в этих сборниках изречения не располагались в каком-либо стройном порядке. Каждое изречение имело самодовлеющее значение. «Моление» — это тоже в какой-то мере сборник изречений, но нанизанных на определенный и довольно острый сюжет: бедный, зависимый, а может быть, и сосланный человек размышляет над тем, как ему выбраться из своего тяжелого положения, прикидывает различные жизненные ситуации, которые помогли бы ему выбраться из его унижений, и обращается к князю с разными мольбами. Положение, знакомое различным эпохам, но особенно острое для эпохи совершающегося классообразования. Мысленно примеривая себя к разным жизненным ситуациям, Даниил шутит над собой. Он вымаливает у князя милость, может быть — подачку, стремится рассмешить князя или поразить остроумием. Среди его шуток — предложение жениться на богатой, но «злообразной» жене и изображение этой жены: это как бы сценки для пирушек, на которых присутствуют только мужчины. Восхваляя силу князя и преувеличивая, может быть, свою нищету, Даниил вносит оттенок иронии и в свои похвалы князю.

И все же заканчивается «моление» вполне серьезным превознесением силы князя и мольбой к Богу дать «князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову (Александра Македонского. — *Д. Л.*), Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость (искусность. — *Д. Л.*) Давидову и умножи, Господи, вся человекы под нози его». Последняя просьба к

Богу особенно характерна. В огромных пространствах Русской земли людей было немного. Обязанностью князя было привлечь в свои владения как можно больше крестьян, «блюсти смерд», то есть умерять их эксплуатацию отдельными феодалами в интересах всего класса феодалов в целом, и давать крестьянам надежную защиту от набегов половцев.

*

Широкое видение Русской земли, как бы «панорамное зрение», которое, с одной стороны, охватывало Русь одновременно в разных ее концах и заставляло воспринимать происходившие в ней события в глубокой исторической перспективе (основные признаки монументально-исторического стиля), с другой — заставляло писателей и читателей древнерусских произведений XII — начала XIII века интересоваться и окружающими Русь странами. Этот интерес особенно характерен для Галицко-Волынского летописания, вошедшего в состав сохранившейся до нашего времени Ипатьевской летописи. В последней мы постоянно находим сведения об отношениях с Венгрией, Польшей, Литвой, Византией, половцами. Русская земля мыслится не только во всей ее широте, но и как часть вселенной, во всяком случае — как часть христианского мира. Этому осознанию Руси как части вселенной служил жанр «хождений» в «Святую землю» и в Царь-град. Это были два центра мировой истории и мира в его целом. Приобщение к этим центрам воспринималось как приобщение к мировому единству. Паломники и простые путешественники как бы удостоверялись в своих путешествиях, что мир как целое существует, существует и «священная» история мира.

Первым из «хождений» было «Хождение в Святую землю игумена Даниила». Путешествия в Палестину, на Афон и в Константинополь совершались и до XII века. На Афоне был, например, основатель Киево-Печерского монастыря Антоний, путешествовал туда же игумен Варлаам, но только игумен Даниил оставил об этом своем путешествии в Палестину подробные и знаменательные записки. Его записки обращены ко всем русским, кто хотел бы вслед за ним совершить паломничество в те же места. Это своего рода путеводитель: подробный и наставительный. Он свидетельствует о чувстве неразрывной связи всей Русской земли с тогдашним религиозным центром мира, и не случайно, что в Иерусалиме игумен Даниил возжигает кадило у гроба Господня «от всей Русской земли», а не только от своего монастыря или княжества. Даниил был в Палестине, когда она находилась в руках крестоносцев. Он был принят королем Балдуином как представитель Русской земли с особенным почетом. Он пишет сам о себе как об «игумене русском», а не какого-то отдельного монастыря.

В «Хождении» Даниила поражает его подготовленность к этому путешествию. Он знает историю тех мест, где он бывал, и соответственно сам выбирает свой маршрут. Такую же осведомленность он предполагает в своих читателях. В своем сочинении он как бы сверяет свои знания с виденным и дополняет уже известные сведения сообщением о сохранности памятников, их размерах, расстояниях

между памятными местами, о почитании их среди местного населения и у паломников.

По многим признакам можно считать Даниила выходцем из одного из южных княжеств, однако это никак не сказывается «идеологически». В конце XII века ходил в «Святую землю» и в Царь-град новгородец Добрыня Ядрейкович, и он также составил описание своего путешествия — как своего рода путеводитель будущим русским ходокам.

Когда в 1204 году крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, — это событие глубоко потрясло Русь. Один из русских, находившихся в это время в Константинополе, составил о взятии Константинополя крестоносцами подробную повесть — одно из самых детальных и обстоятельных описаний этого события. Русский автор этой повести показал свою глубокую осведомленность в византийских событиях, описал мотивы тех или иных действий обеих сторон и остро почувствовал трагичность происходящего. Повесть составлена одновременно и умело, и просто. Автор не только видел некоторые из событий собственными глазами, но и слышал о них от других — от греков. Впоследствии повесть была включена не только в сочинение по всемирной истории («Еллинский и Римский летописец»), но и в Новгородскую летопись: Новгород, стремившийся к церковной самостоятельности от Киева, был особенно тесно связан с Константинополем, несмотря на свою крайнюю отдаленность от него, и новгородцев глубоко интересовало все, что там происходило.

Интерес к мировой истории отразился также в распространении переводных и компилятивных сочинений по всемирной истории — особенно по истории библейской и византийской — с захватом истории Греции и Рима. Особенно большое значение имел в это время «Еллинский и Римский летописец». Под «Еллинским летописцем» разумелось описание языческой части мировой истории, под «Римским» — история христианских государств: Рима Первого, западного, и Рима Второго, восточного, связь с которым ощущалась на Руси не только по церковной линии, но и, в широком смысле, по культурной.

О мудрости мироустройства подробно говорил «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Это сочинение оказывало сильное влияние на всю русскую литературу и отчасти на изобразительное искусство вплоть до XVIII века. Это было любимое произведение русских читателей, интересовавшихся смыслом не только всего преходящего, но всего «вечно устроенного». «Шестоднев» рассказывал о творении мира в шесть дней (отсюда и его название) и о целесообразности всего в нем существующего, о саморегулировке всего в природе и самоочищении мира, о круговороте воды, о целесообразности всего живущего, о красоте моря — его набегающих на песчаный берег волнах, — разумности расселения в мире рыб и птиц и о многом другом. Человек был представлен в этом сочинении как центр вселенной, ради которого живет и совершается все в природе и который нравственно отвечает

поэтому за все то, что его окружает и ему, в сущности, принадлежит и подчиняется.

Все переводные или перешедшие из Болгарии сочинения как нельзя лучше соответствовали стилю монументального историзма, в рамках которого воспринимался мир в Древней Руси XII—XIII веков. Большинство апокрифов, патеричных рассказов Синайского или Азбучного патериков, сборников изречений учили древнерусского читателя тому же широкому видению, умению за случайным и преходящим угадывать нечто значительное и «вечное».

В тесной связи с произведениями, перенесенными к нам из Болгарии и Византии, находились те русские оригинальные сочинения, которые были написаны в строгих рамках традиционных жанров.

Русская литература в XII и начале XIII века, как мы уже видели, постоянно пыталась создать и развивать свои собственные жанры, способные наилучшим образом ответить потребностям русской действительности. Даже многие традиционные жанры претерпевали значительные изменения — как, например, жития святых, проповеди, поучения, в которые все сильнее и сильнее вторгались политические мотивы. Однако жанр торжественной проповеди сохранился почти без изменений, и в нем древнерусские писатели достигли большого искусства. Таковы были, например, «Слова» Кирилла, епископа Туровского, переписывавшиеся в древнерусских и южнославянских рукописях наряду с произведениями лучших древнехристианских и византийских ораторов: в первую очередь — наиболее авторитетного в Древней Руси отца церкви — Иоанна Златоуста.

«Слова» Кирилла Туровского, посвященные тем или иным церковным праздникам, составлены по самым высоким канонам византийского ораторства, отличаются удивительным изяществом языка, расчетливо учитывающего устное произнесение в церкви при большом стечении молящихся. По-своему — это тоже произведение монументально-исторического стиля и монументально-исторического мышления. Кирилл в каждом из своих «Слов» напоминает слушателям о «вечном смысле» происходящего, о своеобразном священном круговороте праздничного годового цикла. Он приглашал своих слушателей воспарить умом и сердцем, взглянуть на совершающийся праздник как на своего рода вечное действо, существующее «ныне и присно» (т. е. сейчас и всегда).

Очень мало дошло до нас от писаний Климента Смолятича — митрополита из русских, поставленного в Киеве, как в свое время и Иларион, без санкции константинопольского патриарха. Сохранилось лишь его послание некоему священнику Фоме. Это — часть их переписки (а переписка была очень характерна, как уже говорилось, для этого времени), которая велась киевским митрополитом Климентом Смолятичем (он был одно время епископом в Смоленске) с князем Ростиславом Мстиславичем и его священником Фомой. Но эта часть позволяет говорить, что переписка в целом велась по общемировоззренческим вопросам и касалась литературных

принципов. Фома обвиняет Климента в том, что он увлекается языческой философией и, в частности, высказываниями Гомера, Аристотеля и Платона. Это не означает, что Климент хорошо их знал. По-видимому, Климент цитировал греческих философов по сборникам изречений, которые были широко распространены в то время, но все же отзывы летописи о Клименте как о «книжнике» и «философе» свидетельствуют о высокой культуре этого писателя, сочинения которого, к сожалению, в основном до нас не сохранились, хотя летопись и говорит о том, что он был автором «многих» произведений.

*

Кульминация всех идейно-стилистических особенностей литературы XII века — гениальный памятник «Слово о полку Игореве».

По своим идеям «Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником. В сущности, вся русская литература XII века пронизана идеей необходимости единения,— особенно единения княжеского, сплочения военного и прекращения усобиц. Литература противостоит печальной действительности. Она отталкивается от нее, призывает к ее исправлению. В этом своеобразная диалектика отношений литературы и действительности. С одной стороны, она порождена действительностью и не может сказать ничего, чего бы не было в этой действительности или в существующей в это время литературной традиции («вторичной действительности» своего времени); с другой стороны — литература идет впереди своего времени. Это особенно характерно для русской литературы, которая всегда стремилась к исправлению общественных недостатков. На этом передовом характере литературы строился весь общественный авторитет русской литературы. И этот общественный авторитет она стала завоевывать с самого начала, но особенно в XII веке, в эпоху, когда литература составила большую общественную силу, — эпоху «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» посвящено походу 1185 года на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и написано, очевидно, под свежим впечатлением от его поражения. Но, по существу, настоящим героем этого произведения является вся Русская земля, взятая в широчайших географических и исторических пределах. Вот в этом широком охвате Русской земли и заключена конкретность призыва автора к единству всех русских княжеств: автор сознает реальное и художественное их единство, их историческую общность и, следовательно, трагичность разрыва между печальной действительностью Руси, ввергнутой в раздоры князей, и идеальным и возможным величием ее истории, ее природы, находящейся в сочувственном единении с русским народом.

Повествование в «Слове о полку Игореве» непрерывно переходит из одного географического пункта в другой. Автор «Слова» постоянно охватывает крайние географические точки своими призывами к единению, обращениями к отдельным князьям. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее

самые крайние точки. Мифическое существо «Див» кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Жена Игоря Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля, в котором она скрывалась во время пленения Игоря, — на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. Девицы после возвращения Игоря из плена поют на далеком Дунае, их голоса вьются через море[4] до Киева. Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому и сама битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры: черные тучи, символизирующие врагов Руси, движутся от самого моря. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Битва как бы наполняет собой всю степь.

«Слово» постоянно говорит о «славе» князей — нынешних и умерших — и также в этих широчайших пределах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копья свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в широких географических пределах, почти как нечто материальное и ландшафтное.

Стиль монументального историзма сказывается в «Слове» и в попытках передать действие как столкновение сил, как передвижение больших масс. Действующие лица переносятся в «Слове» с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в быстрых переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Последний, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка и т. д.

Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено из Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям и обходит по кругу всех русских князей по границам Руси. Движется не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет их движением. То же самое и Ярослав Осмомысл. Он неподвижен высоко на своем златокованом столе в Галиче, но его железные полки подпирают горы угорские, он мечет бремены через облаки, рядит суды до Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву.

В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения.

Вообще церемониальность играет существенную роль в стиле монументального историзма и, соответственно, — в «Слове о полку Игореве». Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы

«оба полы сего времени» и исполняет славу князьям на своем струнном музыкальном инструменте. Славу поют Святославу иноземцы. Говорится в «Слове» о плаче русских жен, о пении славы девиц на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан и упомянут в «Слове» целый ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «Звенить слава въ Кыевѣ... стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь вступает в золотое стремя — момент тоже церемониальный. После первой победы Игорю подносят «чрьленъ стягъ, бѣлу хорюговь, чрьлену чолку, сребрено стружие». В церемониальном положении изображен «на борони» Яр-Тур Всеволод. О пленении Игоря сообщается как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево (рабское). Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого: он добывает себе Киев, как «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием (древком копья) до золотого киевского стола, что напоминает сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки царевны, сидящей высоко в тереме). Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом видном месте Путивля. Наконец, завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Руси.

Церемониальность и монументализм XII века сочетается в «Слове» и с тем, что каждое событие воспринимается в нем в большой исторической перспективе. В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольгово гнезде» (Олег Святославич — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци», русское войско — «силы Даждьбожа внука). Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонят в «прадѣднюю славу», Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому. Внуков последнего призывают понизить свои стяги — признать себя побежденными в междо-усобных битвах и т. д. и т. д.

Для того, чтобы опоэтизировать события, современные походу Игоря, автор привлекает русскую историю XI века. Свои поэтические сопоставления автор «Слова» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века — «дедовские» по времени. Автор вспоминает певца Бояна — также XI века.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Повторяем: «Слово» принадлежит монументально-историческому стилю, который не только определял внешнюю форму произведений, но был глубоко идеологичен и лучше всего мог выразить представления о единстве Руси — в географическом и историческом осмыслении этого понятия. Впоследствии, когда «Задонщина» заимствовала из «Слова» ряд формул, образов и положений, она оказалась неспособной заимствовать от него эту самую характерную и самую важную черту

художественной системы «Слова» — его монументальность и глубокий средневековый историзм, придающий «Слову» при всей его лиричности своеобразную эпичность: это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах и в ее глубокой исторической перспективе.

Монументально-исторический стиль возник вместе с русской литературой. На первых порах (в XI в.) он выражал собой преодоление страха перед пространством, появление широкого видения мира, возникновение исторического сознания и ощущение своей связи с окружающим Русь миром, с мировой историей. В эпоху усиленного дробления Руси на отдельные княжества монументально-исторический стиль усложнил свои «идеологические функции»: он был идеальным выражением сознания единства всей Русской земли. В «Слове о полку Игореве» он был теснейшим образом связан с его призывом к единению, к защите пространства Руси, к динамизму обороны. Благодаря тому, что монументализм выражался в эту эпоху по преимуществу с помощью изображения быстроты передвижения в огромных пространствах, — очень небольшое по своим размерам «Слово» производило исключительно сильное впечатление непосредственным ощущением единства всей Русской земли как живого огромного существа. Оно сумело соединить лирическое отношение к Руси с эпическим, историю Руси с походом Игоря Святославича, рассказать о несчастных последствиях одного, казалось бы небольшого, похода для всей Руси. По точному определению академика А. С. Орлова: «Героем “Слова” является “*Русская земля*”, добытая и устроенная трудом великим *всего Русского народа*»?[5]

«Слово о полку Игореве» не было одиноким памятником своего времени. Это ясно не только потому, что оно принадлежало к тому же стилю монументального историзма, к которому принадлежали и все другие произведения того же времени. Это ясно и не потому также, что в нем отразилось то же сознание единства Руси, которым жили все русские произведения XII — первой трети XIII веков. В «Слове о полку Игореве» есть и прямые совпадения с летописью (главным образом с Киевской в составе Ипатьевской) и с отдельными произведениями.

Стоит в этой связи остановиться на слове, которое было произнесено 2 мая 1175 года в день празднования памяти Бориса и Глеба в черниговском соборе неизвестным автором, — «Слове о князьях». Оно, очевидно, не случайно предшествует «Слову о полку Игореве» и при этом возникает в том самом родовом гнезде «ольговичей», с которым были тесно связаны герои «Слова» — Игорь Святославич Новгород-Северский, Святослав Всеволодович Киевский и брат Игоря — Всеволод Буй-Тур. В «Слове о князьях» Борисе и Глебе, погибших мученической смертью от руки подосланных их старшим братом Святополком убийц, восхваляется безропотное подчинение старшему брату и осуждаются княжеские усобицы — усобицы, возникающие иногда «за малую обиду» (ср. в «Слове о полку Игореве»: «И начяша князи про малое се великое млъвити»), В междоусобиях князья лишаются «чести славы» (ср. в «Слове...»: «...уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ»).

Даже в службе XII века Покрову, празднику русскому по своему происхождению, мы находим поэтические строки, осуждающие братоубийственные раздоры князей. В службе этой говорится о вражеских стрелах, летящих «во тьме разделения нашего».

*

Несомненно, что период со второй четверти XII века и по 1237 год (год нашествия Батыя) был периодом самого интенсивного становления жанровых и идейных особенностей русской литературы на всем обширном пространстве Русской земли — от Новгорода на севере и до ее границы со степью на юге, от Галича и Владимира-Волынского на юго-западе и до Минска, Турова и Витебска на северо-западе, а оттуда — до Волги на востоке. Литература разнообразна по жанрам, по стилистическим особенностям языка и вместе с тем удивительно едина по своим идеалам и политическим устремлениям: она не имеет одного центра и вместе с тем не провинциальна, она продолжает традиции XI века и одновременно обогащает эти традиции различными новизнами. Старое и новое, чужеземное и свое — местное, возникшее в самых различных, раскинутых по всей Рус-ской земле городских и монастырских центрах, церковное и светское в самых различных сочетаниях — определяют удивительное богатство литературы этого периода.

В пору, когда между отдельными княжествами распадались экономические и политические связи, в литературе возникло прямо противоположное явление — стремление к объединению, утверждались идеи объединения Руси, развивались конкретные литературные связи, стремление к переписке, к взаимопополнению отдельных произведений в разных частях Русской земли. Вопреки утвердившемуся в литературоведении мнению о делении литературы на «областные кусты»,[6] литература на самом деле сильнейшим образом тяготела к «перекрестному творчеству».

Литература мыслится в этот ответственнейший период ее истории прежде всего как общение людей между собой, как укрепление единомыслия, как проповедь идей единства. Одной из форм этого общения становится переписка, другой — устное, прочитанное слово, обращенное к многочисленным слушателям, третьей — обращение к потомкам, попытка закрепить настоящее и прошлое для будущего. Во всех этих случаях это общение коллективное или становящееся коллективным в процессе переписки — многих летописцев, многих авторов, многих переписчиков и редакторов произведений, стремившихся вложить в произведение свой личный опыт и при этом пишущих в разных концах Русской земли — «Русского мира», как его называл Киево-Печерский патерик. Коллективность (в авторстве и в чтении произведения), разнотерриториальность создания — важная черта стиля монументализма, сложившегося в своих существенных чертах еще в XI веке, но в XII веке приобретшего особенно острое идеологическое наполнение.

Литературное самосознание, начиная со второй четверти XII по начало XIII века, не только определялось монументально-историческим стилем, но в значительной мере накладывало свой отпечаток на этот стиль, сообщало ему не только внешнюю монументальность, но и монументальность идейного воздействия на русскую действительность. Исторический монументализм согласовывался с той громадной обязанностью, которая легла на литературу, — сохранение единства Руси. Именно эта обязанность объясняет нам то, что за перо брались люди, облеченные властью и авторитетом, — киевский князь Владимир Мономах, а может быть, и его сын Мстислав Великий — новгородский, возможно — владимирский князь Андрей Боголюбский (гипотеза Н. Н. Воронина), митрополит Климент, владимирский епископ Симон и многие другие.

Если можно говорить в XII веке о Русской земле как о едином целом, то это целое было воплощено прежде всего в языке, в исторической и культурной общности, однако самосознание этого единства было выражено только в литературе — единой и зовущей к единству. Литература явилась живым воплощением единства Руси.

Краткий разрыв между единством всей русской литературы и отсутствием этого единства в политической и экономической жизни страны, военная слабость как следствие этого разъединения придали русской литературе особый трагический характер, сильнее всего выразившийся в характернейшем произведении этого периода — «Слове о полку Игореве». Однако этот же разрыв способствовал росту общественного авторитета литературы. Она становится важнейшим фактором сохранения единства, значительной исторической силой.

Все изложенное объясняет нам ту особую роль, которую отныне стала играть русская литература в русской истории, и то обстоятельство, почему так высоко был поднят ее моральный авторитет в русском обществе. Эту роль и этот авторитет русская литература сохранит и впоследствии — вплоть до нашего времени.

Период литературного развития, начавшийся непосредственно после смерти Владимира Мономаха, когда утеря единства Руси стала несомненным фактом, и закончившийся с полным разгромом Руси во время нашествия Батыя, подготовил собой ту мужественность, с которой в русской литературе были встречены эти катастрофические события разгрома Руси. Сознание своего долга, сознание единства, вера в будущее освобождение — все это оказалось как никогда важно в пору страшного иноземного владычества.

Д. С. Лихачев

[1] *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920, с. 282.

[2] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. IV. М.—Л., 1940.

[3] О культе Земли см. подробнее в работе: *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVI. М.—Л., 1960.

[4] Хотя между Дунаем и Киевом лежит суша, но автор «Слова», согласно представлениям своего времени, видит пространство по путям передвижения. Путь же от Дуная до Киева шел по морю, а затем по Днепру.

[5] *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, с. 48.

[6] Мнение о делении литературы по областям возникло под влиянием ложного представления о том, что литература должна непременно пассивно следовать за действительностью. На самом деле литература определяется действительностью, но в иные исторические периоды идет впереди действительности, выражая ее скрытые тенденции.

ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» — древнейшее из русских описаний паломничества в Святую землю. Для всех последующих русских хождений этот памятник начала XII века послужил образцом.

Даниил стремится быть как можно более ясным и точным в своих описаниях; чисто литературных задач он не ставит перед собой никаких; ухищрений стиля у него нет. И вместе с тем перед нами прекрасный литературный памятник, проникнутый высоким пафосом радостного узнавания, написанный рукой человека, умеющего быть внимательным и способного описать то, что он видел.

Свое путешествие Даниил начинает и оканчивает в Константинополе, ничего совершенно не говоря о пути из Руси и на Русь, каковой, очевидно, представлялся ему всем хорошо знакомым и, во всяком случае, не заслуживающим описания.

Даниил плыл по морю из Константинополя до Яффы в Палестине, посещая по пути острова и приморские города, аккуратно отмечая при этом расстояния между ними и их основные достопримечательности — святыни, промыслы, а также общее их состояние.

Из Яффы с группой паломников (с ним было и несколько русских) Даниил по суше двинулся к Иерусалиму. Описал и этот путь, небезопасный из-за нападений мусульман, которым часто подвергались путешественники; сказал о чувствах, охватывающих паломников при виде города священной истории.

Незадолго до того, в 1099 году, Иерусалимом овладели крестоносцы; побережье они завоевали чуть позже, в начале XII века. В 1100 году Иерусалим стал королевством. Когда туда прибыл Даниил, там правил первый король крестоносцев Балдуин (Балдвин) I. Даниил характеризует его как человека благочестивого, доброго, скромного, не горделивого, говорит, что тот покровительствовал ему.

В Иерусалиме Даниил поселился в подворье (метохе) палестинского монастыря Св. Саввы, где прожил шестнадцать месяцев. Там ему встретился хороший знаток этих мест, прославленных ветхозаветной и новозаветной историей. Не щадя «худого своего добыточка» на оплату провожатых, Даниил совершал путешествия по городу, его окрестностям и по стране, жадно осматривая и очень старательно описывая памятники и достопримечательности — вид, состояние, устройство, размеры, материал, из которого они сделаны, расстояние и направление движения от одного к другому.

Даниил несколько раз ходил к Иордану и Мертвому морю, посетил лавру Св. Саввы, Вифлеем, Хеврон и множество других мест. Большое путешествие на север, в Галилею, ему удалось проделать благодаря счастливой оказии — вместе с войском короля Балдуина. Войско шло к Дамаску. Даниил просил и получил позволение присоединиться к нему у самого короля, С крестоносцами Даниил дошел до верховьев Иордана, здесь оставался десять дней, пока король не возвратился, осматривал Галилею вокруг Тивериадского моря, а также Фавор, Назарет, Кану Галилейскую. Оттуда, тоже с «дружиной многой», Даниил прошел в Акру, недавно (1104) взятую христианами, далее по берегу — до Кесарии и через Самарию вернулся в Иерусалим.

Пользуясь добрым к себе отношением короля Балдуина, Даниил смог поставить на камне Гроба Господня лампаду «от всея Русьскыя земля» и оказался на удобном для обзора месте во время пасхальной службы у Гроба, когда зажигались стоящие на камне Гроба лампады. Эти праздничные события Даниил прекрасно описал в особом рассказе, помещенном в конце «Хождения». Морем — через Яффу, Кесарию, Акру, Вириту (Бейрут),— проплыв мимо устья Оронта, на котором стояла Антиохия, будучи напоследок ограблен в Архипелаге пиратами, Даниил возвратился в Константинополь.

«Аз же неподобно ходих путем симъ святым, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ, и вся неподобная дѣла творя»,— сокрушается Даниил. Единственной своей заслугой, хотя опять-таки прося прощения за «худоумие» и простоту, Даниил считает основательность своего знакомства со Святой землей. Многие, пишет он, ходили в святой город Иерусалим торопливо и, «многа добра не видѣвши», собираются идти опять, но опять торопливо, «а сего пути нелзѣ въскорѣ створити». Лишь

прожив шестнадцать месяцев в Иерусалиме, Даниил смог хорошо «походити и испытати вся святая си мѣста». Действительно, «Хождение» Даниила выделяется среди принадлежащих той же эпохе описаний Святой земли (Зевульф, Иоанн Вирцбургский, Фока) точностью и обстоятельностью наблюдений. Будучи замечательным литературным памятником, оно является в то же время драгоценным источником исторических и археологических сведений о Палестине и Иерусалиме начала XII века.

Путешествие Даниила длилось, очевидно, больше двух лет. Этим временем прежде считали 1113—1115 годы, затем его рассчитали как 1106—1108 годы, а теперь полагают вероятным, что путешествие имело место в 1104—1106 годах.

Очевидно, что Даниил был человек незаурядный по уму, энергии, душевной основательности, и потому вполне вероятно предположение Н. М. Карамзина, что «сей путешественник мог быть Юрьевским епископом Даниилом, поставленным в 1113 году», умершим 9 сентября 1122 года (*Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. II, примеч. 211 и 225). Карамзин имеет в виду южнорусский Юрьев. Иордан Даниил сравнивает с рекой Сновью, в которой видят реку, берущую начало в окрестностях Стародуба и впадающую в Десну. В таком случае Даниил в самом деле был жителем южной России, Черниговских земель.

Находясь в Палестине, Даниил, как он пишет, молитвенно вспоминал имена русских князей, а в лавре Св. Саввы и записал их для поминовений,— какие он смог вспомнить. Анализ перечня этих княжеских имен показывает, что Даниил вспомнил и расположил их, по всей видимости, не случайно, но имея в виду систему старшинства, разработанную как средство против усобиц по инициативе Владимира Мономаха на княжеских съездах в конце XI — начале XII века. Упомянул он — причем в порядке старшинства — лишь входивших в верховную коалицию князей, номинально объединенных под великим князем киевским. Называя себя «Русьскыя земли игуменом», Даниил, стало быть, мыслил себя в Палестине не частным лицом и представителем не одного лишь своего монастыря или одной области, но действительно «всея Русьскыя земля» как некоего политического целого, за которое он и ставил лампаду.

«Хождение Даниила» было очень популярно в Древней Руси. Оно сохранилось в ряде редакций и во множестве (около 150) списков. Древнейшие из списков восходят, однако же, не к XII веку, но только ко второй половине XV века.

В основу настоящего издания и перевода положен текст первой редакции «Хождения» по дному из древнейших и исправнейших списков — *РНБ*, Q.XVII. 88, 1495 г. Л. 1—48. Вставки пропущенных в этом списке отрывков (от слов «и не впусти ея сила Святаго Духа» до слов «теми вороты исходятъ къ Гепсимании» и от слов «стаащеа на Гробѣ Господни, та 3 кандила» до слов «поклонився Гробу тому Святому») сделаны по списку *РГБ*, Рум., № 335, XV-XѴI вв.

ОРИГИНАЛ

ЖИТЬЕ И ХОЖЕНЬЕ ДАНИЛА РУСЬСКЫЯ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Се азъ недостойный игуменъ Данил Рускиа земля, хужши во всѣх мнисѣх, съмѣреный грѣхи многими, недоволенъ сый во всяком дѣлѣ блазѣ, понужен мыслию своею и нетрьпѣнием моимъ, похотѣхъ видѣти святый град Иерусалимъ и Землю обѣтованную. И благодатию Божиею доходихъ святаго града Иерусалима и видѣх святаа мѣста, обиходих всю земьлю Галилѣйскую и около святаго града Иерусалима по святымъ мѣстом, куда же Христос Богъ нашь походи своима ногама и велика чюдеса показа по мѣстом тѣмъ святым. И то все видѣх очима своима грѣшныма. Безлобивый показа ми Богъ видѣти, его же жадах много дний мыслию моею.

Братиа и отци, господие мои, простите мя грѣшьнаго и не зазрите худоумью моему и грубости, еже писахъ о святѣмъ градѣ Иерусалимѣ, и о земли той блазѣй, и о пути еже к святымъ мѣстом. Иже бо кто путемъ симъ ходил съ страхом Божиимъ и смѣреньем, не погрѣшить милости Божия николи же. Аз же неподобно ходих путем симъ святым, во всякой лѣности и слабости и во пьяньствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче надѣяся на милость Божию и на вашу молитву, да ми простить Христос Богъ моихъ грѣховъ бещисленых, да си исписах путь си и мѣста сии святаа, не возносяся ни величаяся путем симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничтоже бо добра створих на пути сем; но любве ради святых мѣстъ сихъ исписах все, еже видѣхъ очима своима, дабы не в забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному. Убояхся оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и не створившаго прикупа им,[1] да сие написах вѣрных ради человѣкъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣх сихъ святыхъ, поскорблъ бы ся душею и мыслию къ святым симъ мѣстом, и равну мзду приимуть от Бога с тѣми, иже будуть доходили святыхъ сих мѣстъ. Мнози бо, дома суще в мѣстѣх своих, добрии человѣци мыслию своею и милостынею убогых, добрыми своими дѣлы, достигають мѣстъ сихъ святых, иже болшую мзду приимуть отъ Бога Спаса нашего Исуса Христа. Мнози бо, доходивше святых сих мѣстъ и святый град Иерусалимъ и възнесшеся умом своим, яко нѣчто добро створивше, и погубляють мьзду труда своего, от них же пръвый есмь азъ. Мнози бо, ходивше святаго града Иерусалима, поидуть опять, многа добра не видѣвши, тщаще опять вскорѣ. А сего пути нелзѣ въскорѣ створити ни истоком тог... щ... и вся святаа та мѣста и въ градѣ и внѣ града.

О ЕРУСАЛИМѢ, О ЛАВРѢ

Азъ недостоин игуменъ Данил, пришед въ Иерусалимъ, пребых мѣсяць 16 в мѣстѣ в лаврѣ святаго Савы, и тако могох походити и испытати вся святая си мѣста. Невозможно бо без вожа добра и безь языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ, и что имѣя в руку моею худаго мего добыточка, то от того все подавах вѣдущиимь добрѣ вся святаа мѣста в градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ; яко же и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти в лаврѣ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми; тому святому мужеви вложи Богъ въ сердце любити мя худаго, и тъи указа ми добрѣ вся святаа та мѣста: и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя, и до Тивириадъскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстом поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святаа мѣста видѣх многа, яже послѣди скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 верстъ до Великаго моря.[2] До Петалы острова[3] 100 верстъ; то есть 1 островъ на узьцѣм мори,[4] и ту есть лимен добръ, и ту есть град Ираклия Великаа.[5] И противу тому граду святое миро выходит из глубины морьскыа: ту святии мученици погружени суть мнози от мучителевъ.[6] От Петалы острова до Калиполя[7] 100 верстъ, а от Калиполя до Авида града[8] 80 верстъ. Противу тому граду лежить святый Еуфимие Новый.[9] А оттудѣ до Крита 20 верстъ, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно к Святѣй Горѣ,[10] и к Селуню,[11] и к Риму. А от Крита до Тенеда острова[12] верстъ 30. То есть 1 островъ на Велицѣм мори, и ту лежит святый Навгудимос мученикъ.[13] И противу тому острову на брезѣ град великъ был именем Троада, и ту есть Павелъ апостолъ приходил[14] и научил ту страну всю и крестил. А от Тенеда острова до Метании острова верстъ 100; и ту лежит святый митрополит Мелетиньскы.[15] А от Мелетинии[16] до Ахия острова[17] верстъ 100; и ту лежить святый мученикъ Исидоръ.[18] И в том островѣ ражаеться мастика, и вино доброе, и овощь всякий.

О ЕФЕСЪ ГРАДѢ

А от Ахиа острова до Ефеса града[19] верстъ 60. И ту есть гроб Иоанна Богословца.[20] И исходит персть святаа из гроба того на паять его, и взямают вѣрнии человѣци персть ту святую на исцѣление всякого недуга. И свита Иоаннова ту лежит, в ней же ходил.

И ту есть близь пещера, идѣ же лежать тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт:[21] при Декии цари[22] успоша, а при Феодосии цари[23] явишася. В той же пещерѣ 300 святых отець лежит; и святый Александръ[24] лежит ту, и гроб Магдалыни Марьи и глава ея; и святый апостолъ Тимофѣй, ученикъ святаго апостола Павла, в ветсѣмъ гробѣ лежить. И ту есть в ветсѣй церкви икона святыя Богородица, ею же святии препрѣша Несториа еретика.[25] И ту есть баня Диоскоридова, идеже работал Иоаннъ Богослов с Прохором у Романы. И видѣхом пристанище то, идеже Иоанна Богословца море изверже;[26] ту стояхом три дни; и зоветься пристанище то Мореморное. Ефесъ же град есть на сусѣ, от моря вдале 4 верст, в горах; обилен же есть всѣм добромъ. И ту *поклонихомся* святому гробу тому и, благодатию Божиею храними и молитвами святаго Иоанна Богословца, идохомъ, радующеся. А от Ефеса до Сама острова[27] верстъ 40. И в том островѣ рыбы многы всякы и обилен есть всѣм остров-от. А от Сама до Кария острова верстъ 20.

О ПАТМѢ ОСТРОВѢ

А отъ Кариа до Патма острова верстъ 60. На странѣ далече в мори Патмъ остров. В томъ островѣ Иоаннъ Богословець Еуангелие написал, егда заточен бысть с Прохором. Таже оттуда Леросъ островъ, таже Калимнос островъ, таже Нисера островъ, таж и Кос островъ, велик зѣло. Тот островъ богатъ велми всѣмъ, и людьми, и скотом. Таже Тилос островъ, и въ сѣм островѣ мука Иродова кипит сѣрою горящею; и ту сѣру, варяче, продають, мы же огнь вытинаемъ. Таже Харкия островъ. И ти острови вси с людми и скотом близь себе суть по ряду, яко по десяти верстъ или болши межи собою.

Таже Род островъ,[28] велик и богатъ всѣм велми. И в томъ островѣ был Олегь князь русскый 2 лѣтѣ и 2 зимѣ.[29] А от Сама до Рода острова 200 верстъ, а от Рода до Макрии[30] 60 верстъ. И въ том градѣ и по земли той по всей, нолны до Миръ, ту ражаеться темьянъ черный игоифит.[31]

И тако ражаеться темьанъ черный игофит: из древа исходит аки мезга, и снимают желѣзом острым. Имя древу тому зигия,[32] и есть яко олха образом древо то. А другое древце есть мало, образом яко осина, но есть имя древцю тому рака;[33] и есть въ древци том червь великъ, яко поноровъ[34] вболѣ есть, за корою древца того. И точит древце то черветь, и исходит из древца того червоточина та, яко отруби пшеничны, и падают от древця того, яко клей вышневый. И то сбирают людие и смѣшивают с первореченным древом и, вложивше в котел, и тако варят темианъ гоифит; и кидають в мѣхи, продають купцем.

А от Макрии до Патера града[35] верстъ 40. И ту есть рожество святаго Николы, то его есть и отчина и род — Петера. А от Патеры до Миръ,[36] идѣже гробъ святаго Николы, есть верстъ 40. А от Миръ до Хилидония[37] верстъ 60. А от Хилидония до Кипра великаго острова верстъ 200.

О КИПРЬСТѢМ ОСТРОВѢ

Кипръ есть островъ великъ зѣло, и множество в нем людий, и обиленъ есть всѣм добром. И суть в нем епископи 24, митрополия же едина. А святыхъ въ нем бе-щисла лежит: и ту лежит святый Епифание,[38] и апостолъ Варнава,[39] и святый Зинон,[40] и святый Трифолие епископъ,[41] и *святый Филагриос епископ*[42] егоже крестилъ апостолъ Павелъ.

О ГОРѢ, ИДѢЖЕ СВЯТАА ЕЛЕНА КРЕСТ ПОСТАВИЛА

И ту есть гора высока зѣло, и на той горѣ святаа Елена крестъ поставила[43] кипарисенъ велик на прогнание бѣсомъ и всякому недугу на исцѣление и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ. И бывають ту, на мѣстѣ том у креста того, знамения велика и чюдеса и донынѣ. Стоит же на въздусѣ крест-отъ, ничим же не придержится к земли, но тако Духомъ Святымъ носимъ есть на въздусѣ. И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной, и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божию на мѣстѣ том, и походих островъ тъи весь добрѣ.

О ФИНИЯНѢ

И ту ражаеться темиянъ, ладан: спадает с небесе, и тако взимают на древцих. Суть бо по горамъ тѣмъ древца многа и низка, с травою равна, и на том падаеть темианъ тъ добрый. И емлють его июля мѣсяца и августа; въ иныя же мѣсяци не спадывает, но токмо в та два ражаеться.

А Кипра до Яфа града верстъ 400, все по морю ити. От Царяграда до Рода острова 8 сот верстъ; а от Рода до Афа 8 сот верстъ. То ти всего пути по морю до Афа есть верстъ 1000 и 600. Яфъ же есть град на брезѣ

близь Иерусалима, и оттоли поити по суху къ Иерусалиму. И есть от Афа до Иерусалима верстъ 30, по полю 10 верстъ или до святаго Георгиа:[44] ту была церковь велика создана во имя святаго Георгиа, ту бо и гроб его во олтари был, ту же есть мученикъ святый Георгие. И воды многи суть ту; и ту опочивають странници у воды тоя, но съ страхом великим: есть бо пусто мѣсто то, и близь есть Асколонь град,[45] выходять бо оттуду срацини и избивають странныя на путѣхъ тѣх, да ту есть боязнь велика, от мѣста того входя в горы. И есть от святаго Георгиа до Иерусалима верстъ 20 великих, но все въ горахъ каменых. И тий путь тяжекъ и страшенъ зѣло.

О ГОРѢ АРМАФЕМ

И ту есть гора высока, близь Иерусалима, на десной руцѣ тамо идуще от Афа, имя горѣ той Армафемъ. На той горѣ той Армафемъ — на той горѣ есть гробъ святаго пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни,[46] ту бо святых было село и домъ. И есть мѣсто то градом одѣлано, да тако зоветься град-от Армафемъ.

О ЕРУСАЛИМѢ

Есть же святый град Иеросалим в дербех, около его горы каменыи высокы. Да нолны пришедше близь ко граду тоже видѣти пръвое столпъ Давидовъ[47] и потом, дошедше мало, увидѣти Елеоньскую гору,[48] и Святаа Святых,[49] и Въскресение церковь, идѣже есть Гробъ Господень, и узрѣти потом весь град. И ту есть гора равъна о пути близь града Иерусалима яко версты вдале; на той горѣ ссѣдают с конь вси людие и поставляють крестьци ту и покланяются святому Въскресению на дозорѣ граду. И бываеть тогда радость велика всякому християнину, видѣвше святый град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитье бываеть от вѣрныхъ человѣкъ. Никтоже бо можеть не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣже Христосъ Богъ нашь претрьпѣ страсти нас ради грѣшных. И идуть вси пѣши с радостию великою къ граду Иерусалиму.

И ту есть на левой руцѣ у пути, тамо идучи, церкви святаго Стефана Первомученика:[50] на том мѣстѣ побиенъ бысть камениемъ Стефанъ Прьвомученикъ от июдѣй, и ту есть гроб его. И ту есть гора камена плоска просѣлася в распятие Христво; то зоветься Адъ; есть близь стѣны градныя, яко доверъжет.

И потом входять въ святый град Иерусалимъ вси людие с радостию великою враты, сущими близь сына Давыдова. И та суть врата от Вифлеома[51] лиць, и ту суть врата Венияминова.[52] Яко воидуче въ градъ, путь есть сквозѣ град въ Святаа Святыхъ на правую руку, а на левую къ Святому Въскресению,[53] идеже есть Гроб Господень.[54]

О ЦЕРКВИ ВЪСКРЕСЕНЬЯ ГОСПОДНЯ

Есть церкви Въскресениа Господня всяка образом: кругло создана, столповъ имат 12 обьлых, а 6 зданыхъ; мощена же есть дъсками мраморяными красно; двери же имат шестеры; а на полатех столпов имат 16. А над полатьми под верхом исписани суть пророци святии мусиею, яко живи стоятъ. А над олтарем написан есть Христос мусиею. Въ олатри же велицѣм написано есть Адамово воздвижение[55] мусиею; горѣ верху написано есть мусиею възнесение Господне,[56] обаполы олтаря на обою столпу написано есть мусиею Благовѣщение.[57] Врьхъ же церковный не до конца сведенъ каменемъ, но тако сперенъ есть древом тесаным, яко полъстичнымъ образом; и тако есть безъ верха, не покрыта ничимже. Под тым самым врьхом непокрытым Гробъ Господень.

Есть же сице Гробъ Господень: яко печерка мала у камени сѣчена, дерци имущи малы, яко можеть человѣкъ влѣсти на колѣну поклонься. Възвыше же есть мала, всямокачна 4 лакоть и в длину и в ширину. И яко влѣзуче в пещерку ту дверцами малыми, и на деснѣй руцѣ есть яко лавица засѣчена въ томже камени пещерьнѣмъ, и на той лавицѣ лежа тѣло Господа нашего Исуса Христа. Есть нынѣ лавица та святая покрыта дъсками мраморяными. Суть на странѣ продѣлана оконца 3 кругла, и тѣми оконци видиться святый тъ камень, и тудѣ цѣлують вси христьяне. Висит же в Гробѣ Господни 5 кандил великих с маслом, и горят беспрестани кандила свята день и нощь. Лавица же та святаа, идѣже лежало тѣло Христово, есть в длину 4 лакот, а в ширину 2 лакти, а възвыше полулакти. И пред дверми пещерными предлежить камень, треи стопъ вдале от дверець тѣх пещерных: на том камени аггелъ, сѣдя, явися женамъ и благовѣсти има въскресение Христово.

Есть пещерка та святаа одѣлана около красным мрамором, яко имѣнъ, и столпьци около мрамором красным стоят числом 12. Верху же над пещеркою сдѣланъ яко теремець красенъ на столпѣх, верху круголъ и сребреными чешюями позлащеными покован; и на връхъ того теремца стоит Христос, сдѣланъ сребром яко в мужа болѣе, и то суть фрязи сдѣлали, и нынѣ есть под самым врьхом тѣмъ непокрытымъ. Суть двери 3-и у теремца того учинени хитро, яко и решето крестьци; и тѣми дверми влазят люде къ Гробу Господню. Да то есть Гробъ Господень

был пещерка та, якоже то сказах: испытах добрѣ от сущих ту издавъна и вѣдущих поистиннѣ вся та святаа мѣста.

Есть же церковь та Въскресение образомъ кругла, всямокачна: и в длѣ и въ преки имать же сажень 30. Суть же в ней полати пространьны, и тамо горѣ живет патриархъ. И есть же отъ дверей Гробных до стены великого олтаря саженъ 12. Ту есть внъ стѣны за олтаремъ Пупъ земли,[58] и создана над нимъ комарка, и горѣ написан Христос мусию, и глаголеть грамота: «Се пядию моею измѣрих небо и землю».

О МѢСТѢ СРЕДИ ЗЕМЛЯ, ИДѢЖѢ РАСПЯТЬСЯ ХРИСТОС

А отъ Пупа земнаго до Распятия Господня[59] и до Края[60] есть саженъ 12. Есть же Распятие Господне къ встоку лиць, есть же на камени, высоко было, яко стружия выше. Камень же тый был круголъ, яко горка мала. А посреди камени того, на самом врьху, высѣчена есть скважня лакти воглубле, а вширѣ мний пяди кругъ; и ту был въдруженъ крестъ Господень. Исподи же под тѣмъ каменемь лежить прьвозданаго Адама глава.[61] И в распятие Господне, егда на крестѣ Господь нашь Исус Христос предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма, и камение распадеся; тогда же и тъ камень просѣдеся над главою Адамлею, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени том и до днешняго дне. Знати есть на деснѣй странѣ Распятиа Господня знамение то честное.

О МѢСТѢ ЛОБНѢМ

Есть Распятие Господне и камен-ет святый озданъ стѣною все. Горѣ над распятиемъ создана комара хитро, исписана мусиею дивно. И от встока лиць на стѣнѣ написано есть мусиею — Христос на крестѣ распят — хитро и дивно, прям яко живъ, и вболѣ и възвыше, якоже был тогда. А полудне лиць написано есть снятие такоже дивно. Двери же имат двои. Възлѣсти же есть горѣ по степенемь: до дверей 7 степеней, а въ двери вшед 7 степеней. Помощено же есть мраморными дъсками красными.

Споди же под Распятиемъ, идѣже есть глава, такоже приздано есть яко церквица мала, и красно исписана есть мусиею и помощена есть красным мрамором. Да то зовется Крайниево мѣсто, еже есть Лобное мѣсто. А горѣ, идѣже есть Распятие,— то зоветь Голгофа. А отъ

Распятия Господня до Снятия есть сажень 5. И ту есть у Распятия Господня близь мѣсто къ полунощию лиц, идѣже раздѣлиша ризы его.[62] И ту другое мѣсто, идеже възложиша вѣнець трьновъ на главу Господню и в багряницу поругания облекоша.[63]

О ЖЕРТВЕНИЦѢ АВРАМОВѢ

И ту есть близ жрьтвенник Авраамовъ, идеже положи жрьтву Богови Авраамъ и закла овенъ въ Исаака мѣсто.[64] На то же бо мѣсто възведен бысть Исаакъ, идеже Христосъ възведен бысть на жертву и закланъ бысть нас ради грѣшных.[65] А оттолѣ есть близь мѣсто, яко двою сажень далее, идеже заушен бысть Христос Богъ нашь. А оттолѣ есть далѣе 10 сажень святая Темница, идеже всаженъ бысть Христос, и ту посидѣл мало, дондеже приспѣють июдѣи и поставять крестъ, да распнуть и. И та святаа мѣста вся под одиным покровом суть, по ряду вся к полунощию лиць. А отъ Темници Христовы до мѣста, идеже святаа Елена налѣзла честный крестъ, гвоздия, и вѣнець, и копие, и губу, и трость, есть сажень 20 и 5. Есть же Гроб Господень, и Распятие, и та святаа мѣста вся на удолнѣмъ мѣстѣ суть; и есть вгорие от запад лиць над Гробом и над Распятием.

И ту есть мѣсто на пригории; на то мѣсто притече скоро святая Богородица. Тщаше бо ся, текущи вслѣд Христа, и глаголаше, в болѣзни сердца своего слезящи: «Камо идеши, чадо мое? Что ради течение се скорое твориши? Еда другий бракъ в Кана Галилеи,[66] да тамо тщишися, сыну и Боже мой? Не молча отъиди мене, рожшаа тя, дажь ми слово, рабѣ своей».[67] И пришедше на мѣсто то святаа Богородица, и узрѣ с горы тоя сына своего распинаема на крестѣ, и видѣвши, ужасеся, и согнуся, и сѣде, печалию и рыданиемъ одръжима бѣаше. И зде събысться пророчество Симеоне, яко прежь рече святѣй Богородици: «И се лежит на встание и на падение многим въ Израили, и тебѣ же самой оружие душу проидет, егда же узриши сына своего закалаема».[68] Ту же стояху мнози на мѣстѣ том, друзи и знаниа его, издалеча зряще. Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии,— идѣже стояху вси, иже от Галилея пришедше и съ Ианном и съ материю Исусовою. Стояху же вси знаемии друзи Исусови, зряще издалеча, якоже пророкъ глаголеть о том: «Друзи же мои и ближники моя издалеча мене сташа».[69] И то мѣсто есть подаль от Распятия Христова, яко полутораста сажень есть на запад лиць мѣсто то от Распятия Христова. Имя мѣсту тому Спудий,[70] иже ся протолкуеть Тщание Богородично. И есть на мѣстѣ томъ нынѣ манастырь, церкви Святаа Богородица клѣтьски верхъ възперенъ.

О СТОЛПѢ ДАВЫДОВѢ

А оттуда есть до столпа Давыдова и до дому 200 сажень. Столпъ же то есть святаго пророка Давыда; ту есть и дом его был. В том столпѣ Давыд пророкъ и Псалтырю сставил и написал. Дивен есть столпъ тъ, великим камениемъ сдѣлан высоко вельми, на 4 углы созданъ, и весь есть черствъ и днероден; и камень уродился. Посредѣ его воды в немъ многи. Двери же имать 5-ры желѣзны и степеней имать 200, по нима же взити горѣ. И жита в нем бес числа лежитъ. И есть много твердъ ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюдуть его велми и не дадять влѣсти никомуже во нь лапь. Мнѣ же, худому, недостойному, пригоди Богъ в столп-от святый, одва могох ввести с собою единого Издеслава.[71]

О ДОМУ УРИЕВѢ

А от столпа того близь был домъ Уриевъ, егоже Урию уби Давыд и поя жену его, видѣвъ ю мыющюся в бани.[72] И ту есть новѣ метохия Святаго Савы,[73] и есть же близь от столпа, яко можеть доверечи. Есть знати, гдѣ же была баня та до днесь: есть же, идеже святаа Елена крестъ честный налѣзла, близ Распятиа Господня къ встоку лиць сажень 20 вдалѣе. И ту есть была на мѣстѣ том церкви создана клѣтски велика велми, нынѣ же мала церквица. Ту суть двери великия къ встоку лиць: к тѣмъ дверем прииде святаа Мария Египтянына, и хотѣ влѣсти; и цѣловати хотѣ, и не впусти ея сила Святаго Духа в церковь. И потом помолися святѣй Богородицѣ, то бо стоаше икона Святая Богородица въ притворѣ том, близь дверий тѣх, и потомъ возможе ити въ церковь и цѣловати честный крестъ.[74] Тѣми же пакы дверми изыдохъ въ пустыну Иорданскую.

А отъ тѣхъ дверей близь мѣсто, идѣже искуси святаа Елена крестъ Господень честный, абие вста мертваа дѣвица.[75] А оттуду есть, поидучи мало ко востоку лиць, Притории, идѣже воини приведоша Христа къ Пилату. И ту руцѣ свои умывъ Пилатъ и рече: «Чистъ есть отъ крове сего праведника». И бивъ Исуса и предасть июдеомъ.[76] Тужь есть темница июдейска; ис тоя темници изведе ангелъ святаго апостола Петра в нощи.[77] И то есть былъ дворъ Июдинъ, предателя Христова. Есть пусто и нынѣ дворище то проклятое: никтоже не смѣетъ на мѣстѣ томъ сѣсти клятвы ради. А оттуда мало придучи ко встоку лиць, есть мѣсто, идѣже Христосъ кровоточивую исцѣли.[78] И ту есть ровъ близь, идѣже вверженъ бысть Еремиа пророкъ,[79] ту и домъ его былъ. Тужь и Павла апостола дворъ был прежь, егда бяше вх жидовствѣ. А оттуды мало поидучи ко востоку лиць, уступить мало съ того пути: ту есть домъ был святаго Иоакима и Анны.[80]

Ту есть печера мало исподи подъ олтаремъ въ камени: въ той печерѣ родилася святая Богородица, въ тойже печерѣ есть гроб святаго Акима и Анны.

О ОВЧИИ КУПѢЛИ

А оттуду есть близь приторъ Соломонь, идѣже есть Овча купѣль, идѣже Христосъ разслабленного исцѣли.[81] И есть мѣсто то къ западу лиць о Акима и Анны, близь яко довержет человѣк. Оттуду на востокъ лиць близъ суть ворота городнаа, теми вороты исходятъ къ Гепсимании.[82]

О ЦЕРКВИ СВЯТАА СВЯТЫХ

А отъ Въскресениа Христова до Святаа Святыхъ есть вдалѣе яко дважди дострѣлити можеть. Есть церкви Святаа Святых дивно и хитро создана моисиею издну, и красота ея несказанна есть. Кругла образом создана; извну написана хитро и несказанна; стѣны ей избьены дъсками мраморными другаго мрамора; и помощена есть красно мраморными дъсками. Столпов же имать под верхом, кругом стоящих, облых 12, а зданых столповъ 8, двери же имат 4-рь; мѣдию позлащеною покованы суть двери ты. И връх исписанъ издну мусеию хитро и несказанно, а звну врьхъ побиенъ есть былъ мѣдию позлащеною. Под верхом же тѣм самѣм есть пещера, в камени изсѣчена, и в той пещерѣ убиенъ есть Захария пророкъ;[83] тужe и гробъ его был, и кровь его ту же есть была, нынѣ же нѣсть ту. И есть ту камень внѣ пещеры тоя под верхом же, и на том камени Ияковъ сон видѣл: и се лѣствиця бяше до небеси и аггели Божии всхожаху и низъхожаху по ней. И ту бралься съ аггелом Ияковъ, и вста от сна Ияковъ, и рече: «Се мѣсто домъ Божий, и се врата небеснаа суть».[84] И на том же камени пророкъ Давыдъ видѣ аггела, стояща съ оружием нагим и сѣкуща люди Израилевы, и влѣзъ в ту же пещеру плакаше, моляся Богу, и рече: «Господи, не овца согрѣшиша, но азъ согрѣших».[85] Есть же церкви та всямокачна, сажень 30 и в преки, и в длѣ; всходы же 4-ри. Ветхая же церкви Святая Святыхъ рена есть, и нѣсть ничтоже от прьваго здания Соломоня знати, и токмо знати насопъ церковный, еже Давыдъ пророкъ начал здати. И печера та днѣ въ церкви и камен-еть, иже то есть под врьхом, то есть ветхаго здания толко. А сиа церкви нынѣшняя создана есть от старѣйшины страциньскаго именемъ Аморъ.[86]

О ДОМУ СОЛОМОНѢ

Туже был домъ Соломонь, и силно было здание его, и велико велми, и зѣло красно. Мощенъ был весь мраморными дъсками и есть на комарах утверженъ, и воды исполнен весь дом-отъ был. Храми же создани были красни зѣло, и хитро мусиею украшено изрядно и столпи мраморяни драгаго мрамора и красно поставлени стоят по ряду; и комары на столпѣх тѣхъ создани суть хитро, и покрыт оловом весь. И ту суть врата дому того, красно зѣло и хитро покрыта оловом, мусею исписана и покована мѣдию позлащеною. И та врата зовуться Красная, идеже Петръ и Иоаннъ исцѣлиста хромца одного,[87] и есть мѣсто то у врат тѣхъ и донынѣ.

А иныя врата суть троя кромѣ тѣх, а 5-я врата суть Апостольская. Та бо врата Давыдъ пророкъ създалъ есть. Твердо и дивно хитростию врата суть сдѣлана: мѣдию позлащеною покована была издну, исписана хитро была по мѣди, а извну желѣзы поковна была твордо. И суть 4-ры двери у вратъ тѣх. И та бо суть врата осталася толко ветхаго здания, ти и столпъ Давыдовъ, а ино здание все ново есть. Ветхий бо град Иерусалимъ разоренъ есть весь не единою. И тѣми враты вшелъ есть Христос в Иерусалимъ от Вифаниа с Лазаремъ, егда въскресилъ Лазаря Христос.[88] Вифаниа на всток лиць противу Елеоньстѣй горѣ. И есть отъ тѣх вратъ до церкви Святаа Святыхъ сажень 100 и 50.

О ВЕСИ ВИФАИНѢ

Вифаниа же от града Иерусалима вдалѣе двою версту, за горою во удолнѣ мѣстѣ. И есть Вифаниа градок малъ к полуденью лиць от Иерусалима. И влѣзучи есть во врата градка того, на деснѣй руцѣ есть пещера, и в той пещерѣ есть гробъ святаго Лазаря. И в той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ был. И есть посрѣдѣ градка того церкви велика, создана вверхъ и исписана добрѣ была вся. И есть от церкви тоя до гроба Лазарева сажен 12; и есть гробъ Лазаревъ от церкви к западу лиць, а церковь къ встоку лиць. И пред градом к западу лиць есть вода добра зѣло, и есть глубоко в земли, по степенемъ влѣсти къ ней. А оттуда есть къ Иерусалиму лиць столпъ от Вифаниа вдалѣ версты; и на том мѣстѣ усрѣла Марфа Исуса; ту паки на осля всѣл Христос, егда Лазаря въскресивъ.

О ВЕСИ ГЕПСИМАИНѢ

Фепсиманиа же есть село, идѣже есть гробъ святыя Богородица, близь града Иерусалима на потоцѣ Кидардьстѣмъ въ Удолѣ плачевнѣм, и есть отъ Иерусалима межи встока лиць лѣтнимъ и зимным.

О ВРАТѢХЪ ГРАДНЫХ

И есть от врат градных сажень 8 до мѣста, идеже Охония жидовинъ хотѣ сврещи тѣло со одра святыя Богородица, егда несяхуть е погребать апостоли в Гепсиманию. И утя ему аггелъ обѣ руцѣ мечем, и положи я на нем.[89] И есть на мѣстѣ том был монастырь женьскый, и нынѣ же разорено есть от поганых.

О МѢСТѢ ГРОБА СВЯТЫА БОГОРОДИЦА

И оттуда до гроба святыя Богородица есть сажен 100. И есть гробъ Святыя Богородица въ удолнѣ мѣстѣ: пещерка была мала в камени изсѣчена, дверци имущи малы, яко можеть человѣкъ влѣсти наклонься; и во днѣ в пещерѣ той противу дверцам яко лавица засѣчена в томже камени пещернѣмъ, и на той лавици положено бысть тѣло честьное Пречистыя Владычица нашеа Богородица, и оттуда же взято бысть въ рай, нетлѣнно суще. И есть пещерка та днѣ мужа възвыше, а вширѣ 4 лакоть всямокачна, а около теремцем одѣлана красно мраморными дъсками. А врьху, над гробом святыя Богородица, создана была церкви велика велми клѣтьски, во имя святыя Богородица Успения; нынѣ же разорено есть от поганых мѣсто то. И есть гробъ святыя Богородица исподи под великим олтаремъ тоа церкви.

О ПЕЩЕРЪ, ИДЪЖЕ ПРЕДАН БЫСТЬ ХРИСТОС

А от гроба святыя Богородица есть сажень 10 до пещеры, идеже преданъ бысть от Июды жидом на 30 сребреницѣх.[90] И есть пещера та об онъ пол потока Кѣдарьскаго при горѣ Елеоньстѣй.

И ту есть мѣсто близь пещеры тоя, яко довержеть человѣкъ каменемь малымъ, и есть къ полуденью лиць мѣсто то, идѣже помолися Христос Отцу своему в нощи, в нюже преданъ бысть на распятие иудѣем, и рече: «Отче, аще возможно есть, да минеть чаша си от мене».[91] И есть на мѣстѣ томъ нынѣ создана церквица мала. А оттуда есть дострѣла вдалѣе до гроба Асафатова; и то есть былъ царь иудѣйскъ и потому зоветься та дебрь Асафатова.[92] И ту есть близь в той же дебри гробъ святаго Иякова, брата Господня.[93]

Елеоньскаа же гора есть от Иерусалима на лѣтний встокъ лиць. От Гепсимании полѣсти есть на гору Елеоньскую высоко велми, яко может на ню 3-жды встрѣлити едва, но до Отце нашь толко можеть въстрѣлити от Гепсимании.

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕЖЕ НАЧА ХРИСТОС УЧЕНИКЫ СВОЯ УЧИТИ

И ту есть создана церкви велика, и пещера подо олтарем есть исподи; в той пещерѣ Христос научи ученики своя пѣти «Отче нашь».[94] А оттуда *до* врьха самого Елеоньскыя горы, идеже есть Възнесение Господне, есть сажень 90.

О ГОРѢ ЕЛЕОНЬСТѢЙ

Възнесение же Господне есть на врьхъ Елеоньския горы прямо къ стоку, и есть яко горка мала. И на той горцѣ был камень круголъ, выше колѣ: с того камени възнеслъся Христос Богъ нашь на небеса. И есть мѣсто то оздано все комарами около, и верхъ на комарахъ тех созданъ есть, яко дворъ камень кругомъ, и помощень есть весь двор-от мраморнымыи дъсками. И посрѣди того двора есть созданъ аки теремецъ кругло, и есть без верха; тако и во днѣ теремца. И в том теремци под самым врьхом тѣмъ непокрытым лежит камен-етъ святый, идѣже стоястѣ и нозѣ пречистѣи Владыки нашего и Господа. И есть под каменем тѣмъ трапеза сдѣлана дъсками мраморными, и на той трапезѣ литургисаютъ нынѣ.[95] Есть исподи под святою трапезою камен-етъ, оделан весь около дъсками мраморными, толико врьхъ его видѣти мало, и ту цѣлуютъ вси християне. Двери же имат 2-и термец-етъ. Възлѣсти же есть по степенем къ Възнесению Господню, и есть же степеней тѣх 22. И есть гора Елеоньскаа высока над градом Иерусалимом и видѣти с неа все въ градѣ Иерусалимѣ, и Святаа Святыхъ, и до Содомскаго моря[96] и до Иордана с нея дзрѣти, и всю ту землю, и об онъ пол Иордана, все с неа видѣти: вышьши бо есть всѣх Еленьскаа гора сущих горъ около Иерусалима.

О ГРАДѢ ЕРУСАЛИМѢ

Иерусалимъ же град есть велик и твердь стѣнами, всямокаченъ: на 4 углы крестьным образом созданъ есть. Дебри суть многи около его и

горы каменыя. Безводно мѣсто то есть: ни рѣки, ни кладязя, ни источника нѣсть близ Иерусалима, но токмо едина купѣль Силоамля. Но дъждевою водою живуть вси людие и скоти въ градѣ том. И жита добра ражаються около Иерусалима в камении том без дожда, но тако, Божиимъ повелѣниемъ и благоволением. Родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь[97] всѣявъ и взяти 90 кадей, а другоици 100 кадей по единой кади. То нѣсть ли то благословение Божие на земли той Святѣй! Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа древеса многоплодовита, смокви и агодичия, и масличие, и рожци; и ина вся различнаа древеса бес числа по всей зели той суть. И на той же горѣ Елеоньстѣй есть пещера глубока близъ Възнесения Господня на полудне лиць, и в той пещерѣ и гроб святыя Пелагии блудници.[98] И ту есть столпникъ близь, муж духовенъ велми.[99]

О ПУТИ КЪ ЕРДАНУ

И есть путь от Иерусалима къ Иордану чресь Елеоньскую гору на лѣтний всток лиць, и есть пут-ет тяжек велми и страшенъ и безводенъ. Суть бо горы высокы камены, и суть разбои мнози, и разбивають въ горахъ тѣх и въ дербех страшных. И есть от Иерусалима до Иордана 26 верстъ великих. 15 верстъ до Кузивы, идеже постился святый Иоакимъ неплодства ради своего,[100] и есть мѣсто то въ потоцѣ глубоко у пути близь на лѣвой руцѣ, тамо идуче. А отъ Кюзивы до Иерихона 5 верстъ, а от Иерихона до Иордана 6 верстъ великых, все поравну въ пѣсцѣ; путь тяжекъ велми. Ту мнози человѣци задыхаються отъ зноя и ищезають, от жажи водныя умирають. Ту бо море Седомское близь от пути того: изходит духъ зноенъ смердящь, знoит и попаляеть всю землю ту. И ту есть, недошедше Иордана, близь на пути, монастырь святаго Иоанна Предтечи; и есть горѣ въздѣлан.

О ГОРѢ ЕРМОНѢСТѢЙ

И ту есть гора Ермонъ близь у манастыря того вдалѣе яко 20 сажежнь. И есть на лѣвѣй руцѣ, тамо идучи, у пути близь. И есть песочна горка та не велика, но мала.

А отъ Ермона до ветхаго манастыря Иоаннова вдалѣе дващи дострѣлити гораздо. И ту есть была церкви велика создана во имя Предтечи Иоанна.

О МѢСТѢ, ИДЕЖЕ МОРЕ ВИДѢ, ПОБѢЖЕ, И ЕРДАН ВЗРАТИСЯ ВСПЯТЬ

А за олтаремъ тоя церкви близь встоку лиць на пригории есть созданъ яко олтарець и комара мала, и на том мѣстѣ есть крестилъ Предтеча Иоаннъ Господа нашего Исуса Христа. До того бо мѣста изиде Иордан от ложа своего, возвратився, видѣвъ Творца своего, пришедша крестится, и убоявся, възъвратися вспять и прииде до того мѣста. И ту есть море Содомьское близь купѣли тоя было, нынѣ же есть дале от Крещениа, яко 4 версты вдалеѣе отбѣгло. Тогда убо узрѣв море наго Божество, стоаще в водах Иорданьскых, и убоявся, и побѣже; Иордан възвратися вспять, якоже пророкъ глаголеть о том: «Что ти есть, море, да побѣже, и ты, Иордане, възвратися вспять?»[101]

О МѢСТѢ, ИДѢЖЕ КРЕСТИСЯ ХРИСТОС

От того, идеже ся крестил есть Христос, есть до самыя рѣки Иордановы вдале, яко можеть доверечи мужь каменемь малым.

О КУПѢЛИ

И ту есть купѣль на Иорданѣ, и ту ся куплють христиане приходяще. Ту же есть брод чрес Иордан во Аравию. На томь же мѣстѣ Иордан раступися древле сыномъ Израилевым, и проидоша людие по суху.[102] Ту же и Елѣсѣй удари милотию Илииною в воду, и проидоша Иордан по суху.[103] На той же купѣли и Мария Египтяныни преиде по водам къ отцю Зосимѣ, и приятъ тѣло Христово, и пакы по водам же преиде в пустыню.[104]

О ЕРДАНЪ

Иордан же рѣка течет быстро, брегы же имать об онъ полъ прикруть, а отсуду пологы. Вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть сыти пиюще воду ту святую; ни с нея болѣть, ни пакости во чревѣ человѣку. Всѣм же есть подобенъ Иордан к рѣцѣ Сновьсѣй — и вширѣ, и вътлубле, и луково течет и быстро велми, якоже Сновь рѣка.[105] Вглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, якоже измѣрих и искусих сам собою, ибо пребродих на ону страну Иордана, много походихомъ по брегу его.

Вширѣ же есть Иордан якоже есть Сновь на устии. Есть же по сей странѣ Иордана на купѣли тои яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, и выше купѣли тоя по брегу Иорданову стоитъ яко лозие много, но нѣсть якоже наша лоза, но нѣкако аки силяжи подобно есть; есть же и тростие много; болоние имать, яко Сновь рѣка. Звѣрь мног ту, и свинии дикии бе-щисла много, и пардуси мнози ту суть, лвове же.

Об онъ пол Иордана горы высокы каменыя; и суть подаль от Иордана. А под тѣми горами другыя горы близь суть бѣлы; и ты суть близь Иордана. И то есть земля Заулоня и Неффалимьля[106] об онъ пол Иордана.

О ПЕЩЕРѢ ИОАНА КРЕСТИТЕЛЯ

И ту есть близь мѣсто къ встоку лиць яко двою догстрѣлу вдалѣе от рѣки, идеже Илиа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй.[107] Ту же и пещера святаго Иоанна Крестителя. И ту есть поток, воды исполненъ, и течет красно по камению во Иордан. Вода та студена зѣло и сладка велми. И ту воду пил Иоаннъ Предтечя Христовъ, егда жилъ в пещерѣ той святѣй.

О ПЕЩЕРѢ ИЛЬИ ПРОРОКА

И ту же есть другая пещера дивна, идеже жилъ святый Илия пророкъ съ Елисѣем, учеловѣкомъ его. И то все благодѣтию Божиею видѣхом очима своима грѣшныма и недостойныма. И сподоби мя Богъ трижды быти на святѣмь Иорданѣ, и в самы водокрещеный праздникъ[108] быхом на Иорданѣ, видѣхом благодать Божию, приходящюю на воды Иораднькския, и множьство народа бес числа тогда пришедших к водѣ. Всю нощь ту пѣние бывет изрядно и свѣщь бес числа горящих, и в полунощи бывает крещение водѣ. Тогда бо и Духъ Святый приходит на воды Иорданьскиа, и видять достойнии чловѣци добрии, а вси народи не видят ничтоже, но токмо радость и веселие бываеть тогда въ сердци всякому християнину. И егда рекуть: «Во Иорданѣ крещьшутися, Господи»,— тогда все людие в воду и крестяться в полунощи въ Иерданьстѣй рѣцѣ, якоже и Христос в полунощи крестился есть. И ту есть гора, высока зѣло, об онъ пол Иордана; видѣти ю есть отвсюду издалеча; и на той горѣ пророк Моисий преставился есть, видѣвъ Землю обѣтованую.[109] А от манастыря святаго Иоанна до Гарасимова манастыря есть верста едина, а от Гарасимова манастыря до Каламонии, до манастыря Святыя Богородица, есть верста едина.

И на том мѣстѣ святая Богородица съ Исусом Христомъ, и съ Иосифом, и съ Ияковом, егда бѣжаху въ Египетъ,[110] то на том мѣстѣ ношлѣг створиша. Тогда святаа Богородица нарече имя мѣсту тому Каламонии, еже ея протолкует «Доброе обителище». Ту нынѣ сходит Духъ Святый ко иконѣ святыя Богородица. И есть манастыр-етъ на устьи, идеже входить Иорданъ в море Содомское, и есть градом одѣлан весь около монастыр-ет; черноризецъ же в нем 20. А оттуда до манастыря Иоанна Златоустаго врьстѣ двѣ, а тый манастырь такоже градом одѣлан весь и есть богатъ велми.

О ГРАДѢ ИЕРИХОНѢ

А оттуда до Иерихона есть верста едина. Иерихонъ же тый был прьвѣе град велик и твердъ велми; того Иерихона Исус Навгинъ взял и разорил до конца,[111] нынѣ же ту есть село срациньское. И ту есть дом Затхѣевъ, и пень древа того и донынѣ стоитъ, на нь же бяше възлѣзлъ, хотя видѣти Христоса.[112] Ту же есть былъ и домъ оноя сумантяныни, идѣже Иелѣсѣй отрочища въскресилъ.[113] Есть же около Иерихона земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоятъ высоци, и всякаа древеса многоплодовита суть; и воды многы текут, разведены по всей земли той. Ти суть воды Иелисѣевы, ихже ослади Иелисѣй пророкъ.[114]

И ту есть мѣсто близь Иерихона, врьста едина вдалѣе на лѣтний всток лиць, и на том мѣстѣ явися святый Михаил архистратиг Исусу Навгину пред полком Израилевым; и възвед очи свои Исус, видѣ пред собою мужа страшна въоружена, и рече Исус: «Наш ли еси, или от супостат наших?» И рече ему архистратиг: «Азъ есмь Михаил, воевода Божьи, послан есмь на помощь тебѣ. Дерзай и побѣжай супостаты твоя». И рече ему: «Изуй сапогъ от ногу твоею; мѣсто бо, на немже стоиши, свято есть». И паде Исус на лици своемъ, и поклонися.[115] И есть на мѣстѣ том нынѣ манастырь, и церкви создана во имя святаго Михаила. Въ церкви той лежита 12 камени, и то камение тогда есть взято на днѣ Иордановѣ, егда раступисе Иордан людем Израилевым; и взяша камение то иерѣи, носящеи кивот завѣта Господня, по числу колѣнъ сыновъ Израилевъ на помять роду их. Имя мѣсту тому Галганий, на том бо мѣстѣ сташа сынове Израилевы, прешедше Иордан.[116]

О ГОРѢ ГАВАОНСТѢЙ

И от того мѣста есть гора высока и велика велми к западу лиць, имя горѣ той Гаваонъ, и над тою горою Гаваонъскою солнце ста и пожда, яко полудне, дондеже Исус Навгинъ побѣди враги своя, егда биашеся с ним Огъ, царь Васанескъ, и вся царьствиа Хананѣйска. И побѣди Исус до конца, и тогда солнце заиде.[117]

О ПЕЩЕРѢ, ИДЕЖЕ ХРИСТОС ПОСТИСЯ 40 ДНИ

В той же горѣ Гаваонъстѣй есть пещера высока зѣло, и в той пещерѣ постился есть Христос Богъ наш 40 дний, послѣди же взалка. И ту прииде дияволъ, искусити хотя, и рече ему: «Аще еси Сынъ Божий, рци да камение се хлѣби будут».[118]

Ту есть близъ был домъ Елисѣя пророка, и пещера его, и кладязь есть къ встоку лиць отъ Гаваона, а вдалее яко полверсты.

И есть отъ Иерусалима верстъ 6 до Феодосиева манастыря. Манастыр-ет на горѣ градом одѣланъ был, и видѣти от Иерусалима. И ту есть пещера велика посреди манастыря, и в той пещерѣ волсви нощьлѣг съствориша, егда уклонишася от Ирода. И ту нынѣ лежить святый Феодосие,[119] и мнози святии отци ту лежать, в той пещерѣ лежит мати святаго Савы,[120] и Феодосиева мати ту лежит.

О ЛАВРѢ СВЯТАГО САВЫ

И от того манастыря до лавры святаго Савы есть връстъ 6. Манастыря же та оба на полуденье лиць. Лавра же святаго Савы есть на дебри Асафатовѣ, во Удоли плачевнѣй, яже дебрь отъ Иерусалима поидет; от Гепсимании бо дебрь поидеть сквозѣ лавру и приходить к Содомьскому морю. Лавра же святаго Савы есть уставлена от Бога дивно и несказанно: поток бѣ нѣкако страшенъ и глубокъ зѣло и безъводень, стѣны имя бѣ высоки, и на тѣх стѣнахъ лпять кѣлии прилѣплены и утвержены от Бога нѣкако дивно и страшно. На высотѣ бо той стоятъ келии по обѣма странама потока того страшнаго и лпят на скалах, яко звѣзды на небеси утвержены. Суть же 3 церкви. Посредѣ же кѣлей техъ к западу лиць, ту пещера дивна под скалою каменою, и в той пещерѣ церкви святыя Богородица. И ту пещеру показа Богъ святому Савѣ столпом огненым, преже живущу ему единому в потоцѣ том. И есть же первая келиа святаго Савы, идеже жилъ един, подаль отъ лавры нынѣшняя, яко полверсты вдалѣе. И оттуда показа ему Богъ столпом

огненым над мѣстом тѣмь святым, идѣже есть нынѣ лавра святаго Савы. И есть дивно мѣсто и несказанно отнудь. И ту есть гробъ святаго Савы посредиѣ церквий тѣх трий, вдалее отъ великия сажень 4. И есть теремець над гробомъ святаго Савы; учинено красно. Ту же лежат мнози святии отци, телесы яко живи: святый Иоаннъ епископъ Исихастъ[121] ту лежить, святый Иоаннъ Дамаскинъ[122] ту лежит, и святый Феодоръ Едесский ту лежитъ и Михаилъ сыновець его,[123] Афродитианъ святый[124] ту бежит, и инии мнози святии ту лежат, телесы яко живи; и благоухание от них исходить несказанно. И видѣх кладязь святаго Савы, егоже показа ему в нощи осля дикое в потоцѣ том, противу келии его; пихом от кладязя того воду сладку и студену зѣло. В мѣстѣ бо том нигдеже нѣсть рѣки, ни потока, ни кладязя, но токмо един кладязь святаго Савы. Есть бо мѣсто то безводно в горах каменых, и есть путыни та вся суха и безводна, но токмо дъждевою водою живи суть сущии отцы въ пустыни той.

И ту есть близь лавры мѣсто на полудне лиць от лавры, имя мѣсту тому Рува, и есть близь моря Содомьскаго. И суть горы высоки каменыя, и пещеры многы ту суть в горах тѣх. И ту суть жили святии отцы в горах тѣхъ, в пустыни той страшнѣй безводнѣй. И ту суть жилища пардусом, и осли дивии мнози суть.

Море же Содомьское мрьтво есть, не имать в себѣ никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии. Но обаче внесеть быстрость Иорданьская рыбу в море то, то не можеть жива быти ни мала часа, но вскорѣ умираеть: изходит бо из дна моря того смола чермная[125] верху выды тоя, и лежит по брегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от сѣры горяща; ту бо есть мука под морем тѣмъ.[126]

О МАНАСТЫРѢ СВЯТАГО ЕВФИМЬЯ

А лавры святаго Савы на всток лиць за горою манастырь святаго Еуфимья,[127] 3 версты вдалее отъ лавры. И ту лежит святый Еуфимие, и ини мнози святии отци ту лежат, телесы яко живи. И есть же манастыр-ет на удолнѣ мѣстѣ, и горы суть около его каменыя подаль. Манастырь же был градом одѣланъ и церкви же была добра вверхъ. И ту есть близь был манастырь святаго Феоктиста[128] под горою на полудни лиць от манастыря Еуфимиева. И то все нынѣ разорено от поганных.

О ГОРѢ СИОНЬСТѢЙ

Сион же гора есть велика и высока есть, от юга лиць, а от Ерусалима пологa и равна. И на той горѣ Сионьстѣй первое был град Иерусалимъ ветхий, и того града ветхаго разорил Навходносоръ, царь Вавилонескъ, при Еремѣи пророцѣ,[129] А нынѣ Сионъ гора внѣ стѣны градныя есть, на югь лиць от Иерусалима Сионъ. И ту есть был дом Иоанна Богословца на горѣ Сионьстѣй, и на томъ мѣстѣ создана была церкви велика клѣтьски. И есть от стѣны градныя яко довержет мужь каменемь малым до церкви Святаго Сиона.

И в той церкви Сионьстѣй ту есть храмина, за олтаремъ тоа церкви, и в той храминѣ Христос умы ногы ученикoм своим.[130]

О ДОМУ ИОАНА БОГОСЛОВА, ИДѢЖЕ ХРИСТОС ВЕЧЕРЯЛ

Ис тое храмины на югъ лиць поидучи, възлѣсти есть по степенем яко на горницю. Ту есть храмина создана красно, яко на столпии и с верхом, исписа муисиею и помощена красно, и олтарь имать яко церкви на всток лиць: и то есть келиа была Иоанна Богословца, и в той кѣлии Христос вечерял со ученики своими: ту же Иоаннъ възлеже на перси его и рече: «Господи, кто ест предаяй тя?»[131] На том же мѣстѣ сшествие Святаго Духа бысть на апостолы въ Пентикостию.[132]

В той же церкви есть другая храмина долѣ на земли, и низка есть храмина та, на югь лиць: и в ту храмину прииде Христос къ ученикoм своим, дверем затвореным, и ста посредѣ их, и рече: «Миръ вам»; ту же и Фому увѣрил есть въ 8-й день.[133] Ту же есть святый камень, принесенъ аггелом с Синайскиа горы.[134]

А на друзѣй странѣ тоа же церкве, к западу лиць, есть другая храмина на земли низка, тлѣм же образом; и ту в той храминѣ преставилася святаа Богородица. И то все ся дѣяло в дому Иоанна Богословца.

И ту есть былъ домъ Каиафинъ. И ту ся Петръ отврьглъ Христа трижды, дондеже куръ възгласит.[135] И есть мѣсто на всток лиць отъ Сиона.

ИДѢЖЕ ПЕТРЪ, ОТВРЬЖЕСЯ ХРИСТА ТРИЖДЫ, ПЛАКАСЯ ГОРКО

И оттуда есть близь паки мѣсто на странѣ горы, къ въстоку лиць, и ту есть пещера глубока велми, слѣсти в ню степеней 30 и 2. И в той пещерѣ плакася Петръ горко отврьжениа своего. И над тою пещерою церковь есть создана во имя святаго апостола Петра.

О КУПѢЛИ СИЛОАМСТѢЙ

А оттуда на полудне лиць долѣ под горою есть купѣль Силоамля, идеже Христос слѣпцю очи отверзе.[136]

О СЕЛѢ СКУДЕЛЬНИЧИ

И ту есть под тою же горою Сионьское село Скудельниче, еже его купиша цѣною Христово на погребание странным.[137] И есть об он пол дебри под горою Сионьскою, на югъ лиць от Сиона. И суть пещеры многи на странѣ горы у камени изъсѣчены, и в тѣх пещерах днѣ суть гроби устроены, у камени изсѣчены дивно и чюдно; ту ся погребають страньни пришельци туне, так; ничтоже не даютъ отъ мѣста того святаго, искуплено бо есть кровию Христовою.

О ВИФЛЕОМѢ

Вифлеем же святый есть на югь лиць отъ Иерусалима святаго, 6 верстъ вдалее. По полю 2 верстѣ до ссѣданиа Авраамля, идѣже отрока своего остави съ ослятемъ Авраамъ, и поя сына своего Исаака на жертву, и задѣ ему дрова понести и огнь. И рече ему: «Отче, се дрова и огнь, а кое овча?» И рече ему Авраам: «Богъ покажет, чадо, намъ овча». И идяше Исаакъ, радуяся, путемъ темъ къ Иерусалиму лиць. На том же бо мѣстѣ приведенъ бысть Исаакъ, идеже Христос распят бысть.

И оттуда есть верста едина вдале до мѣста, идѣже святаа Богородица видѣ двои люди: едины смѣющася, а другиа плачющася.[138] И ту есть была церкви создана, манатырь был Святыя Богородица, нынѣ же разорено есть от поганых.

А оттудѣ до гроба Рахилина, матери Иосифовы,[139] еста верстѣ 2.

О ВЕРТЕПѢ, ИДѢЖЕ ХРИСТА РОДИ СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста едина есть до мѣста, идѣже ссѣла святаа Богородица съ осляти, егда понуди сущее въ чревѣ еа, хотя изыти. И ту есть камень великъ, и на том камени почивала святая Богородица, тогда ссѣдши со осляти; и от того камени, вставши,[140] шла есть пѣша до вертьпа святаго, и ту родила есть Христа в том вертьпѣ святая Богородица. И ту есть близъ Рождество Христово от камени того, яко можеть дострѣлити добръ стрѣлець.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И есть ту над вертепом тѣмъ святым Рождества Христова создана есть церкви велика крестом, и верхъ ея клѣтьски въсперенъ. Покрыта же есть вся оловом церкви та Рождества Христова, исписана есть мусею вся, столповъ же имать 8 облых марморяных; помощена же есть дъсками мрамора бѣлаго; двери же имат трои; есть же вдалѣе 50 сажен до великаго олтаря, а вширѣ 20 сажен. Есть же вертепъ и асли, идеже было Рождество Христово, под великим олтарем, яко пещера велика, создана красно, и степеней имать 7, куда же слѣсти есть къ дверемъ святаго вертьпа святаго. Имат двери двои, въ других дверий 7 же степеней. И есть, всточными дверми влѣзучи въ вертепъ, на левѣй руцѣ есть мѣсто на земли долѣ, и на том мѣстѣ родился Христос Богъ нашь. И есть надъ мѣстомъ тѣмъ въздълана трапеза святаа, и ту на той трапезѣ литургисають.

О ЯСЛѢХ ХРИСТОВЫХЪ

И ту есть мѣсто къ встоку лиць, а противу тому мѣсту на правѣ руцѣ Ясли Христовы. Къ западу лиць под скалою каменою суть Ясли Христовы святыа; и в тѣх яслех положенъ бысть Христос Богъ, в рубища повит. Нашего ради спасениа все претрьпѣ. Близъ же себе еста мѣста та, и Рождество и Ясли, яко три сажени вдалѣе межи има еста; въ единой пещерѣ оба мѣста та. Исписана же есть пещера та мусиею и помощена же красно. Церкви же исподи дупляста есть вся; и мощи святыхъ ту лежать.

И поидучи изъ церькви, на правую руку вылѣзучи, и есть пещера глубока под церковь лиць, и в той пещерѣ лежали мощи святых младенець,[141] и оттуда взяты суть святии младенци въ Царырад. Созданъ же есть градок высокъ около всея церкви тоя. И есть мѣсто то было рождества Христова на горѣ, кромѣ людей, в пустыни. Да то ся зоветь нынѣ Вифлеем, кдѣ то есть нынѣ Рождество Христово и градок-от, а ветхий Вифлеем кромѣ того мѣста был напреди, не дошедше Рождества Христова. И ту есть столпник нынѣ, и камень святыя Богородица; то на той горѣ есть был первый Вифлеемъ. И та земля вся около Вифлеема зовется Ефрантъ, земля Июдина, и о том пророкъ глаголеть: «И ты, Вифлееме, земле Июдова, ничимже менши еси в тысящах Июдовах, ис тебе бо изыдеть вожь, иже упасеть люди моя Израиля».[142] И есть земля та около Вифлеема красна зѣло въ горах, и древеса многоплодовита овощнаа стоатъ по пригориемъ тѣмъ красно: масличие, и смоквие, и рожцие много бес числа, виногради мнози суть около Вифлеема и нивы по удолиемъ многи суть.

И близь церкве Рождества Христова, внѣ стѣны градныя, к полудню лиць дострѣла вдалѣе на горѣ есть велика пещера, в той пещерѣ жила святая Богородица съ Христосомъ и со Иосифомъ.

О ДОМУ ИЕСЕОВѢ, ОТЦА ДАВЫДОВА

И ту есть мѣсто на странѣ града къ встоку лиць, от града вдалѣе, яко дострѣлить; имя мѣсту тому Вифиль. И ту был домъ Иесѣевъ, отца Давыдова; и в тот домъ прииде Самоилъ пророкъ и ту помаза Давыда на царство во Израили, в Саула мѣсто.[143]

О КЛАДЯЗѢ ДАВЫДОВѢ

Ту кладязь Давыдовъ, егоже пити древле Давыд вжадася.

О МѢСТѢ, ИДЕЖЕ БЛАГОВѢСТИША АГГЕЛИ ПАСТУХОМЪ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А оттуда есть мѣсто подъ горою на поли, версты вдалѣе от Рождеста Христова, на встокъ лиць, на том мѣстѣ святии аггели благовѣстиша пастухом рождество Христово. И есть ту была пещера; над тою

пещерою создана была церкви добра во имя святаго Иосифа, и ту былъ манастырь добръ. Нынѣ же разорено есть от поганых[144] мѣсто то. И есть около мѣста того поле красно велми и нивы многоплодны, и масличья много. И то ся мѣсто зоветь Агиа пимина, еже протолкуется «Святаа паства». И ту есть село святаго Савы к Вифлеему лиць под горою.

О ПЕЩЕРѢ И О ДУБѢ МАМРИЙСТѢ

А от Вифлеема есть на югь лиць Хевронъ, пещера Сугубаа и дубъ Мамбрийский.[145] И есть отъ Иерусалима до Хеврона верст 28, и есть путь мимо Вифлеема к Хеврону, ити до Вифлеома 6 верстъ, от Вифлеема до рѣки Афамьскиа суть версты 3. В той рѣце Афамьстѣй пророкъ глаголеть Давыдъ въ Псалтири:[146] «Ты исуши рѣки Афамля. Твой есть день и твоя есть нощь».[147] И есть рѣка та нынѣ суха: под землею течеть рѣка та, и явится у моря Содомьскаго, ту бо входить в море Содомьское. И ту есть об онъ полъ рѣки тоя гора камена высока велми, лѣсъ на горѣ той велик и частъ; и есть путь сквозѣ гору ту страшную. Неудобьпроходно есть, есть бо ту твердь велика, и биють срацины в горѣ той. Иже кто в малѣ хощеть пройти, то не можеть пройти. Мнѣ же Богъ добру дружину и многу зѣло, и тако могохомъ прейти бес пакости мѣсто то страшное. Ту бо прилежить Асколонь градъ, да оттуда выходять погании и мнози и биють на пути том злѣ. В той же горѣ, в том же лѣсѣ, убиенъ бысть Авесаломъ, сынъ Давыдовъ; туда бо бѣжаше отъ бѣды отца своего, и ту внесе его мска в чащю лѣса того, и я главу его за власы, и съя съ мщате, и повисе на древѣ высоко, и ту устрѣленъ бысть въ сердце 3-ми стрѣлами, и тако умре на древѣ томъ.[148]

А оттуда до клятвенаго кладязя Авраамова[149] есть версть 10, а от кладязя того дуба Мамъбрийскаго есть верст 6.

О ТОМ ЖЕ

Есть же дуб-от святый у пути на близу, тамо идучи на правой руцѣ; и стоит красенъ на горѣ высоцѣ. И есть около корения его долѣ от Бога помощено мраморомъ бѣлым, якоже помостъ церковный. Помощено есть около дуба того всего добраго, и есть посредѣ помоста того вырослъ дуб-от святый, ис камени того, дивенъ есть. На врьху горы тоя около дуба того уродилося яко дворище, равно и чисто бес камениа, и ту стоялъ шатеръ Авраамовъ близь дуба того къ встоку лиць. И есть дуб-от не велми высокъ, кроковат велми, и частъ вѣтми, и многъ плод на нем есть. Вѣтьви же его близ земли приклонилися суть, яко мужь

можеть, на земли стоя, досячи вѣтви его. Втолще же есть двою сажень моих около его, а голомя възвыше до вѣтвѣй его полуторы сажени. Дивно же и чюдно есть толь много лѣт стоящу древу тому на толь высоцѣ горѣ, не вредися, ни испорохнѣти! Но тоитъ утверженъ от Бога, яко то перво насаженъ. И под тый дубъ прииде Святаа Троица к патриарху Аврааму и ту обѣда у него под тѣмъ дубомъ святым. И ту благослови Святаа Троица Авраама и Сарру, жену его, и вда има родити Исаака на старость. Ту и воду показа Святаа Троица Авраамови, и есть кладяз-етъ и доднесь под горою тою у пути близь. И та земля вся около дуба того зовется Мамбрия; да потому зовется дуб-отъ Мамбрийский. А от дуба того до Хеврона есть двѣ верьстѣ.

О ГОРѢ ХЕВРОНѢ

Хеврон же гора есть велика, и град был на горѣ той велик и твердъ велми, и здания его суть ветхаа силно. Множьство людей сѣдѣло прьво по горѣ той, и нынѣ же есть пусто.

На той бо горѣ Хевроньстѣй и первое сѣлъ внук Ноевъ, сын Хамовъ, Ханаонъ, по потопѣ пришед отъ столпотворениа; и населил был землю ту всю около Хеврона; да тако земля та зоветься Хананѣя.[150] И ту землю обѣща Богъ Аврааму, и еще ему сушу въ Месопотамии и в Хараонѣ; ту бо есть был домъ отца Авраамля. И рече Богъ Авраамови: «Изиди от земля твоея, и от дому отца твоего, и иди в землю Хананѣйскую, и тобѣ дам землю ту и сѣмени твоему до вѣка и азъ буду с тобою».[151] И нынѣ поистиннѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть от Бога всѣм добром: пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зѣло, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважди ражаются лѣтом; и пчелами увязло ту есть в камении по горамъ тѣмъ красным; суть же и виногради мнози по пригорием тѣмъ, и древеса много овощнаа стоятъ бес числа, масличие, смокви, и рожцы, и яблони, и черешни, инородия. И всякий овощь ту есть; и есть овощетъ лучи и болий всѣхъ овощий, сущих на земли под небесемъ, нѣсть такого овоща нигдеже. И воды добры суть в мѣстѣ том и всѣмъ здрави. И есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добром. Неисказанна есть земля та около Феврона! И ту есть был домъ Давыдовъ на той горѣ Февроньстѣй; и ту бо есть был Давыдъ 8 лѣт, егда бяше выгнал сынъ его Авесалом.[152]

А от Феврона до Сугубыа пещеры Авраамовы близь яко полъ врьсты ближе. Сугубаа пещера в каменѣй горѣ есть и в той пещерѣ есть гроб Авраамовъ, Исааковъ и Яковль. Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронь Хетфѣянина на погребение всему роду своему,[153] егда прииде от Месопотамиа в землю Хананѣскую. И ино не притяжа ничтоже прьвѣе, но токмо пещеру Сугубую на погребение себѣ и всему роду

своему. И есть нынѣ созданъ градокъ малъ около пещеры тоя, но твердъ зѣло. И есть градок созданъ есть великим каменем, чюдно и несказанно хитростию, и стѣны его высокы суть велми. Посредѣ градка того днѣ утвержена есть пещера твердо. И помощенъ есть градокъ тъ весь дсками мраморными, бѣлаго мрамора. И есть пещера та под мостом исподи утвержена велми, идеже лежит Авраам, Исаакъ, Иаковъ, и вси сынове Ияковли; и жены их ту лежат, Сарра, Ревѣка. А Рахиль кромѣ лежить на пути у Вифлеема. Суть же въ градцѣ том днѣ над пещерею создани гроби разно себѣ; над гробы тѣми созданы церковци малы круглы. И есть близь себе гробъ Авраамовъ и жены его, Сарринъ; и гробъ Исааковъ и жены его, Ревекинъ, близь себе; гробъ Ияковль и жены его, Ревекинъ, близь себе; гробъ Ияковль и жены его, Илиинъ, близь себе еста.

О ГРОБѢ ИОСИФОВѢ

Иосифа Прекраснаго гробъ[154] внѣ градка того, кромѣ пещеры Сугубыя вдалѣе, яко довержеть до градка того. И то мѣсто нынѣ — Святый Авраамъ. И ту есть близь гора высока, на полуде лиць, отъ Сугубыя пещеры вдалѣе верста едина; и на ту гору взиде Святаа Троица со Авраамом; до тоя бо горы проводи Авраамъ Святую Троицу от дуба Мамбрийскаго. И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и высоко зѣло, и на том мѣстѣ Авраамъ, пад на лици своемъ, поклонися Святѣй Троици, моляшеся и глаголаше:

О МОЛИТВѢ АВРААМЛѢ

«Господи! Да не погубиши праведнаго с нечестивыми в пагубу! Но аще, Господи, обрящеши 50 праведник в Содомѣ, не помилуеши ли, Господи, всего града того 50 ради праведникъ?» И рече Господь Авраамови: «Аще обрящу в содомлянех 50 правеникъ, не погублю всего града того, 50 дѣля праведникь». И паки поклонився Авраамъ Богови и рече: «Аще обрящется в содомѣхъ 30 праведникъ, не помилуеши ли всего града того?» И рече Господь Богъ Аврааму: «Аще обрящется 30 праведникъ в содомѣх, не погублю всего града того». И поклонився Авраамъ Господеви, и рече: «Многомилостиве и трьпеливе о беззакониих наших Господи! Да не прогнѣваешися на мя, раба твоего, и възглаголю еще единою: аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не помилуеши ли, Господи, всего града того, 15 ради праведник?» И рече Господь Богъ къ Авраамови: «Аще обрящется в содомѣх 15 праведник, не погублю всего града того 15 дѣля праведник, ни 5 ради праведник, не погублю всего града того». И умолче Авраам, и не приложи к тому глаголати ничтоже. С тоя же горы посла Святаа Троица два аггела в Содом, да изведуть Лота сыновьца Авраамова.[155] Ту, на томъ мѣстѣ, тогда Авраамъ

жертву принесе Богови пшиницею, всыпавъ на огонь; и тѣмъ зоветься мѣсто Жертва Авраамова. И есть мѣсто то высоко велми, и видѣти есть оттуда всю ту Хананѣйскую.

И отъ Жертвы Авраамовы до дебри Грезновы верста едина, а от дебри Грезновыя до гумна Анататова веръста 1.

О ГРОБѢ ЛОТОВѢ, ИЖЕ ВѢ СИГОРѢ

А оттуда до Сигора есть двѣ верстѣ. И ту есть гробъ Лотовъ и обою дщерю его 2 гроба еста. И в той же горѣ пещера велика, и в ту пещеру въбѣглъ Лотъ со дщерма своима. Ту есть градищо близь первых людий, и был на горѣ той высокь, и то зоветься Сигоръ.

А оттуда есть веръсты вдалѣе мѣсто на взгории, к полуднию лиць от Сигора, и ту стоитъ жена Лотова столпом каменым. А от Жены Лотовы до Содома есть двѣ верстѣ.[156] И то все видѣхом очима своима, а ногама своима не могохомъ дойти до Содомскаго мѣста, боязни ради поганых. И не даша ны ити тамо правовѣрнии человѣци, рекоша ны тако: «Ничтоже вы тамо видѣти добра, но токмо муку, и смрад исходить оттуду. И болѣти ти будет, рѣша ны, от смрада того злаго». Да ту ся възвратихомъ опять къ Святому Аврааму и, благодатию Божиею съблюдаеми, проидохомъ по здраву в Сугубую пещеру, в градок, и ту поклонихся святымъ мѣстом всѣмъ, и почихом ту два дни. Благодатию Божиею обрѣтохомъ добру дружину многу, идущу въ Иерусалимъ; и ту пристахом мы к нимъ, и идохомъ с радостию с ними безь боязни, и доиддохомъ по здраву святаго града Иерусалима, и похвалихомъ Бога, сподобившаго нас недостойных видети святаа та мѣста, и неизреченнаа, и не сказаннаа.

И есть на полудне лиць отъ Вифлеема манастырь святого Харитона, на той же рецѣ Афамьстѣй; и есть близь моря Содомьскаго в горах каменых, и пустыни около его. Гроздно и безводно есть мѣсто то, и сухо. Есть под ним дебрь камена и страшна зѣло. Около был весь градом одѣланъ, посрѣдѣ же града того есть 2 церкви, в велицѣй есть церкви гробъ святаго Харитона.[157] Внѣ же есть града усыпалница, создана гораздо, и в той усыпальници лежат святии отци, телесы яко живи; и лежит ихъ ту болѣ 7-сот. Ту лежит святый Кириякъ Исповѣдник[158] тѣлом весь цѣлъ; ту лежита Ксенофонтова сына, Иоаннъ и Аркадие,[159] и благоюхание чюдно от них исходит. И ту поклонихомся на мѣстѣ том святомъ, и взидохом я на гору на угъ лиць, от манастыря того верста едина вдалее.

И ту мѣсто есть равно на нивѣ, и на том мѣстѣ всхищен бысть пророкъ Аввакум, идущу ему на поле к женцемъ съ брашном и с водою. И несе его аггелъ в Вавилон к Данилови пророку в ровъ; и ту накормивъ Данила и напоивъ, и паки всхищенъ бысть аггелом; в то же час в том же дни паки опять бысть на том же мѣстѣ у жнець и дасть им обѣд.[160] И нынѣ есть на мѣстѣ том аки теремець созданъ, знамениа ради. Есть же Вавилон оттуду вдале 40 дний.

И от того мѣста близь церкви велика, клѣтьски создана, во имя святыхъ пророкъ. И ту есть исподи под церковию тою пещера велика, и в той пещерѣ лежита 12 пророка въ трех раках: Аввакум, Наумъ, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекия, Измаил, Савеиль, Варухъ, Амос и Осий.[161]

И ту есть близь на горѣ село велико велми, и сѣдят в немь срацини мнози, и христиане суть же ту, въ селѣ томъ, мнози. И то село есть святыхъ пророкъ: ту ся суть родили святии пророци, и то их есть отчина село то. И ту лежахом нощь едину в селѣ том, Божиею благодатию хранимы. И почестиша ны добрѣ в селѣ том християне. И ту опочивше добрѣ нощь ту и заутра вставше рано, идохом к Вифлеему. Старѣйшина бо срациньский сам со оружиемъ проводи ны олне до Вифлеема, и та мѣста вся тоже ны проводил. А лапь не дойти до тѣхъ мѣстъ поганых ради: туда бо ходять мнози срацини и разбивають в горахъ тѣх. И доидохом по здраву о святаго града Вифлеема, и ту поклонихомся Рождеству Христову и, ту почише, идохомъ с радостию въ святый град Иерусалимъ.

ИДѢЖЕ УБИ ДАВЫДЪ ГОЛИАФА

И есть ту мѣсто близь Иерусалима, на всток лиць отъ столпа Давыдова яко дострѣлить, и на том мѣстѣ уби Давыд Голияда.[162] И есть мѣсто подобно близь истерны, и ту есть нынѣ нива добра.

И оттуда дострѣла есть вдалее до пещеры, и в той пещерѣ лежат мощи многих святых мученик, избиеных въ Иерусалимѣ во царство Ираклиево; и зовется мѣсто то Агаиа Мамила.[163]

ИДѢЖЕ ВЗРАСТЕ ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

И от того мѣста до Честнаго Креста есть врьста едина; и есть мѣсто за горою, на запад лиць от Иерусалима, и на том мѣстѣ посѣчен есть подножекъ Христовъ, на нем же пригвоздиша пречистѣи нозѣ Господа нашего Исуса Христа. И есть мѣсто то градом одѣлано, и посредѣ града того создана есть церкви велика вверхъ во имя Честнаго Креста, исписана есть добрѣ вся. И под великым олтарем, под трапезою глубоко, и есть пень древа того честнаго. И утвержено есть велми, и покрыто есть над пнемъ тѣм дъсками мрамора бѣлаго. И оконце продѣлано противу древу тому, и есть кругло. И то есть манастырь Ивѣрьскый.

О ДОМУ ЗАРЬИНѢ

И от того манастыря до дому Захариина суть версты 4, и есть мѣсто то под горою, к западу лиць от Иерусалима. В тот домъ Захариинъ прииде Святаа Богородица в подгорие къ Иелисавефи и цѣлова Иелисавефь. И бысть, яко услыша Иелисавефь цѣлованье Марьино, и взаграся младенець, радущами въ утробѣ ея, и рече Иелисавефь: «Откуду се прииде ко мнѣ мати Господа моего? Благословена еси в женах, и благословенъ плод утробы твоея».[164] В том же дому Иоаннъ Предтеча родился есть. И есть нынѣ на мѣстѣ том создана была цеpькви вверхъ. Идуще въ церковь ту, на левѣй руцѣ под малым олтарем есть пещерка мала, и в той пещерѣ родился Иоаннъ Предтеча. И есть мѣсто то было одѣлано градом каменым все.

О ГОРѢ, ИДЕЖЕ БѢЖА ЕЛИСАВЕФЬ СЪ ПРЕДТЕЧЕЮ

А оттуда есть полъверсты чресъ дебрь горы, въ нюже гору прибѣже Иелисавефь и рече: «Горо, приими матерь с чадомъ!» И абие разступися гора и приятъ ю. Слуги же Иродовы, иже гна вслѣд ея, пришедшие до мѣста того, не обрѣтоша ничтоже и возвратишася томлены. И есть мѣсто то знати на камени томъ и до нынѣшняго дне. И есть над мѣстом тѣм нынѣ создана церквица мала; исподи под церквицею тою пещерка мала, и церквица другая пред пещеркою тою приздана. Ис тоя пещеры исходить вода добра зѣло, и ту воду пила святаа Иелисавефь, съ Иоанномъ ту сущи, в горѣ той; ту бо есть была до умертвия Иродова, аггель бо ю набдяше в горѣ той. И есть же гора та велика велми и лѣсъ по ней есть многъ, и около ея дебри суть многи. И есть на запад от Иерусалима; имя мѣсту тому — Орини.[165] В ту же гору вбѣглъ Давыдъ пророкъ изъ Иерусалима, от Саула царя.[166]

О РАМѢ

А от тоя горы къ западу лиць есть двѣ верьстѣ до Рамы, и о той Рамѣ пророкъ Иеремѣя глаголеть: «Глас в Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыдание во ушию ею, Рахиль плачющюся чад своих и не хотяше утѣшитися, яко не суть».[167] И есть Рама та дебрь велика, и по дебри той сѣдѣла села многа. И та земля вся около дебри тоа нынѣ зоветься Рама, и то есть область Вифлеемьскаа. И ту Ирод царь посла воя своа в Раму избить святых младенець.[168]

А ЕЛЬМАУСѢ

А от Рамы к западу лиць суть версты 4 до Елъмауса, и ту Христос въ 3-тий день по въскресении явися Луцѣ и Клеопѣ, идущима има от Иерусалима на село, и ту познася има Христос в преломлении хлѣба.[169] И есть ту было село то велико. На мѣстѣ же томъ была церкви создана. Нынѣ же есть разорено все от поганых, и село то есть Елъмаусъ пустъ. И есть сторонь пути того за горою было то, на правой руцѣ, тамо идуще от Иерусалима къ Яфу.

О ЛИДДѢ

А от Елмауса до Лидды суть 4 версты. По полю все доити Лидды. И ту есть был град великъ велми, имя ему Лидда, нынѣ же зовется Рамбилий. И в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению, на одрѣ лежаща.[170]

О ОПИИ

А от Лидды до Опии есть верстъ 10, все по полю ити. В том градѣ во Опии святый Петръ апостолъ Тавифу въскресилъ.[171] В том же градѣ постившю Петру на горници въ 9 час, видѣ плащаницю с небеси сходящу, на 4 краи поврьжено; и пришедшю до него, и възрѣвъ Петръ, и видѣвъ плащаницю ту исполнь сущу четвероногых и всякого гада. И рече ему гласъ с небеси: «Петре, вставъ, заколи и яжь!» И рече Петръ: «Господи, николиже скверно и нечисто вниде въ уста моя».— И рече ему глас с небеси: «Еже Богъ очистилъ, ты не оскверняй».[172] И на том мѣстѣ нынѣ церкви создана во имя святого Петра. Есть же гряд-от

Опия у моря близь, и приходит море к стѣнам его. И тако нынѣ зовется град-от Яфъ фряжьскиинѣм языкомъ. А от Яфа до Тарсуфа есть верстъ 6.

О КЕСАРИИ ФИЛИПОВѢ

А от Тарсуфа до Кесария Филиповы суть версты 24, все подлѣ море ити. В той же Кесарии святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия.[173] Ту же есть близь гора, двою версту вдалее от града того на полудне лиць, и в той горѣ жилъ отецъ Маркиянъ,[174] к нему же прииде жена блудница искуситъ его.

О КАПЕРНАУМѢ

А от Кесариа Филиповы до Капернаума града есть верстъ 8. И есть Капернаумъ был град велик велми, и людий множество в немъ было, нынѣ же есть пустъ град-от. И есть близь моря Великаго. И о том Капернаумѣ глаголет пророкъ: «О, горе тебѣ Капернаумѣ! Възнеслъся еси до небесъ и до ада снидеши».[175] Ис того бо града изити хотяшеть антихристъ.[176] Да того ради нынѣ фрязи отпустили суть весь град-от Капернаумъ.

О ГОРѢ КАРЛИНЬСТѢЙ

А от Капернаума до Карьмильския горы есть верст 6. И в той горѣ святый пророкъ Илиа жилъ есть в пещерѣ, и той враном бысть прекормленъ Илия пророкъ. На той же горѣ жерьци Вавиловы исклалъ ножем и рече Илиа: «Ревнуя, поревновах по Господи Бозѣ моем».[177] И есть гора та Каръмильскаа высока велми, и море Великое близь горы тоя, яко версты вдалее. От горы Кармильскиа до града до Кифы есть верста едина.

О АКРѢ ГРАДѢ

А отъ Кифы до Акры есть верстъ 15. И есть градъ тъ Акра великъ велми и твердъ зданиемъ, и лимень добръ под градом тѣмъ есть. И то град есть

срациньский, нынѣ же фрязи держат. А от Акры до Тирова града есть верстъ 10, а от Тира до Сидона есть верстъ 10. И ту есть близь село Сареффа Сидонъскаа; в том селѣ Илиа пророкъ въскресилъ сына вдовича.[178]

О ВИРИТѢ ГРАДѢ

И от Сидона до Вирита града[179] есть верст 15. В том градѣ жидове прободоша образъ Христовъ копиемъ, изиде кровь и вода; и тогда мнози вѣроваша и крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И в от же град Вирит Ксенофонтова сына Иоаннъ и Аркадие пошъла бяста учить философии.[180] А отъ Рита до Зевеля 20 верстъ; а от Зевеля до Триполя 40 верстъ; а от Триполя до рѣки Судии 60 верстъ.

О ВЕЛИЦѢ АНТИОХИИ

На той бо рѣцѣ есть Антиохия Великаа. И есть от моря подале Антиохиев град 8 верстъ. Вдалее Адекия[181] 100 верстъ, таже Малаа Антиохия, таже Каниноросъ, таже Мавроноросъ, таже Сатилия градок, таже Хидониа островець малъ. И ти вси гради суть подлѣ море, да тѣ грады вси минухомъ по морю, не приставающе, и приидохомъ близь къ градомъ тѣмъ; боязни ради ратных не пристахомь в Хилидонии. И оттуда идохомъ в Мира, таже к Патеру граду; и у того града срѣтоша нь хусареве въ 4-хъ галиахъ, и яша ны, и излупиша всѣх. А оттуда дидохомъ къ Царюграду, и доидохом по здраву Царяграда.

О ГАЛИЛЕИ И О МОРИ ТИВИРИАДЬСТѢМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею к Тивериадьскому морю, и к Фаорьстѣй горѣ, и к Назарефу. Та бо земля около Тивириадьскаго моря вся зовется Галилея, и есть земля та от Иерусалима на лѣтний въстокъ лиць. И есть Тивириада град 4 дний вдалее от Иерусалима пѣшему человѣку ити, и есть путь страшен сельми и тяжекъ зѣло; в горах каменых ити 3 дни, а четвертый день подлѣ Иорданъ по полю ити все къ всходу лиць, олне до верха Иорданова, отнюдуже поиде Иордан рѣка.

И пригоди ми Богъ пут-ет исходити тако: поиде бо князь Иерусалимьский Балдвинъ[182] на войну к Дамаску путем тѣм к

Тивирьядьскому морю, туда бо есть путь к Дамаску мимо Тивириадьское море. То азъ увѣдах, оже хощеть князь путем тѣмъ к Тивириадѣ, идохъ ко князю тому, и поклонихся ему, и рекох: «И азъ бых хотѣл поити с тобою к Тивириадьскому морю, да бых походил святаа та мѣста вся около Тивириадьскаго моря. Да Бога дѣля поими мя, княже!» Тогда княз-етъ с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим. Тогда азъ с радостию великою наях под ся. И тако проидохдомъ мѣста та страшная с вои царьскими бе-страха и без пакости. А без вои путемъ тѣмъ никтоже может проити, но токмо святаа Елена путем тѣм ходила, а инъ никтоже.

Да се есть путь к Тивириадѣ: а от Иерусалима до кладязя святыя Богородица верстъ 10; а от кладязя того до Гельвуньских горъ суть версты 4. И на тѣх горах Гелвуньских убиенъ бысть Саулъ, царь июдѣйскый, и сынъ его Анафанъ ту же убиен бысть.[183] И суть же горы велики, камены сухи, безводны, нѣсть бо росы на них никогдаже. [184] А горъ тѣх до кладязя Давыдова есть верстъ двѣ; а от кладязя того до пещеры Давыдовы суть версты 4. В той пещерѣ дал бяше Богъ Саула царя в руцѣ Давыдови, и не уби его, оному спящу, но урѣза скуть окройнища его и взя мечь его и покровъ ручный.[185] А от тѣх горъ до Сихемьских горъ и до рова Иосифова суть версты 4. И на тѣх горах сынове Ияковли пасяху стада отца своего Иякова; та тѣ горы прииде Иосифъ Прекрасный къ братьи своей, от отца своего посланъ к ним, нося им миръ и благословение от отца своего Иякова. Они же, видѣвше брата своего Иосифа, вставше и яша и, и ввергоша и́ в ровъ,[186] иже и до днешняго дне есть ров-отъ, яко и стѣна глубока создана камением великым, и твердъ велми. И ту угоди ны ся ночьлѣгъ лежати на мѣстѣ том. Есть бо мѣсто то близь пути людскаго, на правой руцѣ, тамо идучи.

О КЛАДЯЗИ ИАКОВЛИ

И оттуда до вси Иосифовы, иже нарицаеться Сихарь, есть верстъ 10. И ту есть кладязь Ияковль, глубокъ и великъ, и вода студена зѣло и сладка. И у того кладязя Христос бесѣдовал с женою самарянынею. [187] И ту лежахом ночьлѣгъ.

О САМАРИИ

И ту есть близь град Самариа яко полверсты вдалее от кладязя того. Град же Самариа великъ есть велми и обиленъ есть всѣм добром. Град-от Самария стоитъ межи двѣма горама высокима, источници воднии мнози студени посредѣ града того текуть красно. И древеса овощная бе-

щисла ту суть всяка: смокви, орѣшие и рожци, масличие, яко дубравы, яко лѣси суть по всей земли той окоо Самария. По краемъ нивы многоплодовиты суть по полем тѣмъ. И есть земля та около Самариа красна и чюдна зѣло. И есть мѣсто то обилно всѣм добром: маслом и вином, пшоницею и овощомъ. И просто рещ, оттуда есть живъ Иерусалимъ всѣмъ добром. И тъ нынѣ град Самарийский зовется Неаполи. А оттуда есть мѣсто, двою версту к западу лиць от града Самариа, имя мѣсто тому Севатополи; и есть ту градокъ малъ созданъ, и то есть темница святаго Иоанна Крестителя Христова; и в той темници усѣченъ Иоаннъ Предтеча Христовъ от Ирода царя.[188] И ту есть гробъ святаго Иоанна Предтеча, и есть на мѣстѣ том церковь создана добра во имя Предтеча Иоанна. И есть нынѣ ту манастырь фряжьский, богат зѣло.

О АРИМАФЕИ ГРАДѢ

А оттуда есть 4 версты до Аримафѣя. И ту есть гробъ святаго Иосифа и святаго Малелеиля.[189] И есть мѣсто к западу лиць от Самариа в горах. Есть градок мал созданъ над мѣстом; церкви добра клѣтьски создана над гробом святаго Иосифа. И то ся мѣсто зоветь Аримафѣй. А от Самариа путь есть к Тивириадьскому морю на встокъ лиць на лѣтний.

О ГРАДѢ ВАСАНЬСТѢ

И есть от Самариа до Васана града верстъ 30. В том градѣ Васаньстѣ Огъ, царь Васаньский, был, егоже уби Исус Навгинъ у Иерихона.[190] И есть мѣсто то страшно и гроздно велми. Исходит из градища того Васаньскгаго 7 рѣкъ, и стоитъ тростие велико по рѣкам тѣм, и финици мнози стоятъ высоци по градщу тому, яко лѣсъ частый. И есть мѣсто то страшно и неудобь проходно: ту бо живуть срацини силнии погании и биют на рѣках тѣхъ на бродѣхъ. И лвове мнози ту ся ражают. И есть бо мѣсто то близь Иордана рѣки и болоние велико прилежить от Иордана къ градищу тому Васаньскому. И ты рѣки текуть от Васана въ Иорданъ; да тѣм лвове мнози суть въ мѣстѣ том.

И ту есть близь под градомъ тѣм къ востоку лиць пещера дивна крестным образом уродилася. Ис тоя пещеры исходит источник; и есть ту купѣль чюдна, сама уродилася и яко создана от Бога. В той купѣли самъ Христос купался съ ученики своими. И есть знати до днешняго дне мѣсто то, идеже Христос сѣдѣл на камени. Ту купахомся и мы грѣшнии недостойнии. Въ том же градѣ Васаньстѣмъ жидове искаху Христа, показаша ему кинисъ, и рекоша: «Достит ли дань дати или ни?» Рече

же имъ: «Чий есть образ и написание? Въздадите кесарева кесареви, а Божиа Богови». И рече Христос, обращься къ Петру: «Иди верзи удицу в море; юже преже имеши рыбу, разверзи уста ея, изми статиръ и вдай за мя и за ся».[191] У того же града Васана Христос ицѣли два слѣпца, иже зваста вълсѣд его идуща.[192]

О ИОРДАНѢ РѢЦѢ

А от Васана до врьха Иорданова и до Мытници Матфѣевы[193] есть верстъ 20; и есть пу-тет все по полю ити подлѣ Иордан, пиюще Иорданову воду,— сладка зѣло и чиста,— все къ восходу лиць ити отли до верха Иорданова. Иордан же поиде из моря Тивириадьскаго,[194] от двою источнику кипит зѣло чюдно. Имя источнику единому Иоръ, а другому имя источнику Данъ. И оттуда поиде Иордан двѣма рѣками из моря Тивириадьскаго. И еста подалѣ себе, яко трижды перестрѣлить межи има. И поидета рѣцѣ тѣ разно себѣ мало яко полверсты вдалѣе, и потомъ сонметася обѣ рѣцѣ въ едину рѣку, и то ся зоветь Иордан — по имени двою источнику. Течеть же Иорданъ быстро и чисто водою, и лукаряво велми. И есть всѣм подобен Сновѣ рецѣ, в ширѣ и в глубину, и болонием подобенъ есть Иорданъ Сновѣ рѣцѣ. И рыбы многи суть на верху его зѣло. И есть на самомъ верху Иордановѣ, на обою потоку, еста 2 моста камена, создана на комарах твердо велми, и под та моста течеть Иорданъ сквозѣ комары мосту тою.

О МЫТНИ МАТФЕОВѢ

От тою мосту близь была мытница Матьфиева, апостола Христова; ту бо ся сходять путье вси черсъ Иорданъ к Дамаску и в Месопотамию. И ту, в тою мѣсту, ста обѣдати князь Балдвинъ с вои своими. Ту же и мы стахом с нимъ у самово верха Иорданова, купахомся на самом версѣ Иордановѣ в мори Тивириадьстѣмь. И походихомъ тогда около Тивириадьскаго моря бе-страха и без боязни вся та святаа мѣста. Кудаже Христос Богъ нашь походил своима ногама, ту же и мене худаго и грѣшнаго сподоби Бог походити и видѣти всю ту землю Галилѣйскую. Его же не надѣяхомся николиже видѣти, то же ми показа Богъ видѣти и обиходити ногама своима недостойныма. И видѣхъ очима своима грѣшныма всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истинѣ, яко видѣхъ, тако и написах о мѣстѣхъ святыхъ. Мнози друзии, доходивше мѣстъ сих, не могоша испытати добрѣ, блазнятся о мѣстѣх сих, а инии, не доходивше мѣстъ сих, лжуть много и блядуть. Мнѣ же худому Богъ показа мужа свята и стара деньми, и книжна велми, и духовна, живша в Галилеи лѣт 30, а у святаго Савы въ лаврѣ живша лѣтъ 20, и тый ми мужь указа все по истинѣ, от святыъ книгъ испытавъ добрѣ. Да что въздасть мнѣ грѣшному толико добра видѣти?

И ту стояхом у мосту тою весь день тъ, и к вечеру князь Балъдвинъ поиде за Иордан к Дамаску с вои своими. Мы же идохомъ в град Тивириадьский и ту пребыхом 10 дний въ градѣ том, дондеже прииде князь Балъдвинъ с войны тоа от Дамаска. Мы же дотолѣ походихом во вся мѣста та святаа около Тивериадьскаго моря.

О МОРИ ТИВИРИАДСТѢМ

Тивириадьское есть море обиходичаво яко озеро, и вода его сладка зѣло, и нѣсть сыти, пиюще воду ту. По длѣ же есть 50 верстъ, а въ преки 20 верстъ. Рыбы же в нем много зѣло, и ту есть рыба едина, дивна и чюдна зѣло, и ту рыбу Христос любил ясти; и есть сладка въ ядь рыба та паче всякоя рыбы, образом же есть яко коропичь. И яхъ сам рыбу ту многажды, ту буда въ градѣ. Ту же рыбу по въскресении Христос ялъ есть, егда прииде къ, ученикомъ своим, лвящим имъ; и рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ: «Верзите одесную страну мрежа».[195]

О ВЕРСѢ ИОРДАНОВѢ

И есть от верха Иорданова и от мосту тою до бани Христовы и до бани Святыя Богородица, и до бани Апостольскиа[196] верстъ 6, а от бани святыхъ до града Тивериады есть верста едина.

И есть был град Тивириада великъ велми: двѣ верстѣ вдалѣе, а вширѣ версты. И есть подале море Тивириадьское. В том градѣ многа чюдеса створих Христос Богъ нашь: ту бо есть мѣсто посредѣ града того, идѣже Христос прокаженаго очисти;[197] ту есть был домъ тещи Петровы, апостола; и ту Христос вниде в дом тый и цѣли от болѣзни огньныя тещю Петрову.[198] И ту на том мѣстѣ церкви создана во имя апостола Петра, кругла образом. Ту есть и домъ Симона прокаженаго был, идеже блудница на вечери омочи слезами нозѣ пречистѣи Господа нашего Исуса Христа и власы своими отре и прия отпущение бе-щисленых грѣх.[199] И в том же градѣ и слукую жену ицѣли.[200] Ту же есть было сотниче чюдо. Ту же одръ свѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше.[201] Ту же Ханаоныню помилова.[202] Ту есть пещера, и вода в ней сладка зѣло, и студена, в ту же пещеру Христос вбѣглъ, егда хотѣша и царя поставити в Галилеи.[203] И ина чюдеса многа Христос створи въ градѣ том. В том градѣ есть гробъ Елисѣя пророка, сына Асафатова.[204] Ту же есть близь при пути гробъ Исуса Навгина.[205] И

есть ту камень великь у моря близь, къ стоку лиць, от града вдалѣе дострѣла; и на том камени стоялъ Христос, и ту учил народы, иже бяше пришли к нему от помория Тирьскаго и Сидоньскаго, и Декаполя, и от всея Галилея; и оттуда отпусти народы и ученики своя, идоша на ону страну моря в корябліх; и сам Исус ту оста и послѣди оттуда предие по морю, яко по суху ходивъ ногама своима, и бысть об онъ полъ моря пред народом. Они же, пришедше, обрѣтоша Исуса, тамо ходяща, и глаголаша: «Учителю, когда сѣмо прииде?» Он же рече им: «От Бога вся возможна суть, а от человѣкъ невозможна».[206] Есть верстъ 10 от Тивириады до того мѣста по морю. И есть мѣсто на пригории вдалеѣ от моря версты единоя.

ИДЕЖЕ ХРИСТОС НАПИТА ПЯТЬ ТЫСЯЩЬ МУЖ

И есть мъсто то равно и травно, и на том мѣстѣ Христос питал народы 5 тысящь 5-ю хлѣбъ, кромѣ женъ и дѣтий, и остася укроховъ 12 коша.[207]

ИДЕЖЕ ХРИСТОС ТРЕТЬЕЕ ЯВИСЯ УЧЕНИКОМ СВОИМ, ВСТА ОТ МЕРТВЫХ

И ту есть близь мѣсто под горою моря того Тивириадьскаго, и на том мѣстѣ явися Христос ученикомъ своим по въскресении третиее: и прииде Христос, и ста при езерѣ, рече: «Дѣти, имате ли что снѣдно?» Они же рекоша: «Ни». И рече имъ Исусъ: «Възверзите одесную страны мрежа, по глаголу моему, и обрящете». Они же въвергоша и ктому не можаху еа привлещи отъ множества рыбъ; извлекоша на сухо мрежу, полну великых рыбъ 100 и 50 и 3; и видѣша у мрежи огнь и хлѣбъ, и рыбу печену, и ту ядъ Христос, прочее дасть им. Ту создана есть церкви во имя Святыхъ Апостолъ. А оттуда есть близь был домъ Марии Магдалыни, ту ицѣли ю Христос от 7-ми бѣсовъ; и то ся мѣсто зоветь Магдалия.[208]

О ВИВСАИДѢ ГРАДА

А оттуда есть близь в горѣ Вифсаида градок Андрѣев и Петров. И ту есть мѣсто, идеже приведе Нафанаила к Петрови и къ Андрѣю.[209]

ИДЕЖЕ ХРИСТОС ПРИДЕ КО УЧЕНИКОМ, ЛОВЯЩИМ ИМЪ РЫБ

И ту есть мѣсто на мори, идеже прииде Христос к Зеведѣеви и къ Андрѣеви и к Петрови, они же влечаху мрежа и завязывяху. И ту познаста Христа Андрей и Петръ, и ту остависта лодию и мрежа, идоста вслѣд Христа.[210] И ту сѣлъ был близь моря Зеведѣева отца Иоаннова, и ту есть был домъ Богословца Иоанна. И ту Христосъ изгна человѣка легион бѣсов, и повелѣ им влѣсти въ свиния, и ту истопаша свиниа в мори.[211] И ту есть близь село Капернаумъ.

А оттуда есть близь рѣка велика, и та рѣка поиде изъ езера Генисаритьскаго, и входить рѣка та в море Тивириадьское. Езеро же Генесаритское велико вельми, 40 верстъ вширѣ, всямокачно кругло, рыбы в немъ множество есть. И ту есть близь езера того град, имя ему Генисира; да потому ся тако зовет Генисаритьское.

О ГРАДѢ ДЕКАПОЛИИ

И ту есть другий град велик зѣло, имя ему Декаполий. И ту есть мѣсто равно близь езера того, и на том мѣстѣ Исус стояше, уча народы, пришедша от Декаполя и помория Тирьскаго и Сидоньскаго, о томъ бо мѣстѣ въ Еуангелии глаголет. И ина многа чюдеса створи Исус около езера того.

О ГОРѢ ЛИВАНСТѢЙ

И ту есть об онъ пол езера того, на лѣтний встокъ лиць, гора высока велми и велика зѣло, и снѣзи на ней лежат чрес лѣто; имя горѣ той Ливан. На той горѣ ражается ливанъ и темианъ былый.[212] И с тоя бо горы Ливаньскыя идета 12 рѣцѣ велицѣ; и идетъ 6 рѣкь къ встоку лиць, а 6 рѣкъ на угъ лиць. И входят рѣкы ты въ езеро Генисаритьское. А 6 рѣкь идут к Велицѣй Антиохии. Да то ся мѣсто зоветь Месопотамия, еже есть Сердорѣчие. И ту есть межю тѣми рѣками Харъранъ, отнюдуже изиде Авраамъ.[213] От тѣх рекъ наполняется езеро Генисаритьское вод многъ. А ис того езера идеть рѣка велика в море Тивириадьское, и умножаеться вода тою водою в мори Тивириадьстѣмь. А из моря того идеть Иордан. Якоже и преже сказахъ о Иорданѣ, то тако постинѣ есть.

Горы же тоя Ливаньския не могох дойти ногами своими страха ради поганых, но сказаша ны добрѣ о горѣ той иже водяху ны християне, живущии тамо; и не даша ны тамо ити к горѣ той Ливаньстѣй, много бо поганых ту живут в горѣ той. Но токмо очима своима видѣли есмы гору ту и та мѣста около езера того Генисаритьскаго. И есть же близь езера того от Тивириадьскаго моря, яко двою версту межи вдалѣе, есть на лѣтний встокъ лиць отъ Тивириады езеро Генисаритьское.

О ФАВОРСТѢЙ ГОРѢ

Фаворьскаа же гора и Назареф от Тивириадьскаго моря на запад лиць, 8 верстъ великых до Фаворьскиа горы ити: токмо едину гору взити, а другую малу гору възлѣсти, а ино все по полю ити, оли до Фавоьскиа горы ити. Фаворьская же гора чюдно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть; от Бога поставлено есть красно и высоко велми и велика; и есть посреди поля того красного, якоже стог кругол; гора та уродилася есть красно. И есть кромѣ всѣх горъ подале. И течет рѣка подлѣ гору ту по полю долѣ. И есть по всей горѣ Фаворьстѣ росло древо всякое: смоковь, рожьци и масличие много зѣло. Вышши же есть Фаворьскаа гора всѣх, сущи окресть ея, и есть уединена кромѣ всѣх горъ, и стоитъ посреди поля красно зѣло, яко стогъ будеть гораздо здѣлан, кругло и высоко велми и великъ ободом. Възвыше есть якоже можеть 4-жды с нея стрѣлити; а еже горѣ на ню, то ни осмижды не может на ню въстрѣлити. Есть гора та вся камена, лѣсти же на ню трудно и бѣдно велми по камению, луками на ню лѣсти. Путь тяжек велми; едва бо на ню възлѣзохом: от 3-го часа до 9-го часа, борзо идуще, едва взидохом на самый врьхъ горы тоя святыа. И есть же на самом врьсѣ горы тоя мѣсто высоко ко встоку лиць къ зимнему, аки горка камена мала островерха; и на том мѣстѣ преобразился есть Христос[214] Богъ нашь. И ту есть церкви добра создана на мѣстѣ том во имя Преображениа, а другаа, во имя святых пророкъ Моисия и Илии,[215] подаль того мѣста есть создана церкви на сѣверъ лиць от Преображениа.

О МѢСТѢ, ИДѢЖЕ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Мѣсто же то святаго Преображениа одѣлано есть около градом каменым твердо, врата же имат желѣзна град-от. И то есть прьвѣе было епископиа, нынѣ же есть монастырь латыньский. И есть пред градом тѣм полце красно уродилося на версѣ горы тоя. То есть чюдно и дивно Божие устроение, еже есть на толь высоцѣ, иже водѣ быти ту; много бо воды есть на горѣ той на самом врьсѣ. То и нивы суть, и виногради добри, и древеса овощнаа многа суть по горѣ той. И видѣти с нея далече вельми.

В ПЕЩЕРѣ МЕЛЬХИСЕДЕКОВѣ

Ту есть на той же горѣ Фаворстѣй пещера чюдна зѣло на равнѣ. Тако есть, яко погребець малъ въ камени иссѣченъ. И оконце мало было на версѣ пещеры тоя святыя. Трапеза создана днѣ в пещерѣ той на встокъ лиць; дверци имат малы, слѣсти же в пещеру ту по степенемь от запада лиць. И пре-дверми же пещерки тоя стоятъ смоковици малы; около ея стоятъ древца мала всякаа. Прьвое же был лѣсъ велик ту около пещеры тоя, нынѣ же мала и худа древца суть ту. И в той пещерици жилъ святый Мелхиседекъ, и ту прииде к нему Авраам и возва 3-жды, и рече: «Человѣче Божий!» Изиде Милхиседек, и изнесе хлѣбъ и вино, и созда жрътовник ту въ пещерѣ той, створи жертву хлѣбом и вином, и абие взяться жертва на небеса к Богу. И ту благослови Мелхиседекъ Авраама, и остриже и Авраам, и обрѣза нокти его, и бѣ бо космать Мелхиседек. И то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином,[216] а не опрѣсноком.[217] О том пророкъ глаголеть: «Ты еси иерѣй в вѣкы по чину Мелхиседекову».[218] И есть пещерка та вдалѣ от Преображениа, яко догстрѣлить добрѣ, и есть къ западу лиць мѣсто то святое.

И ту почьстиша ны добрѣ в манастыри том у святого Преображенья, и ту обѣдахом. И опочивше добрѣ, и вставше, идохомъ въ церковь святаго Преображения, и поклонихомся на мѣстѣ святѣмь, идеже преобразися Христос Богъ нашь, и облобызавше мѣсто то святое с любовию и радостию великою, и вземше благословение от игумена и от всее братии, изидохом из манастыря того святого, и обиходивше вся мѣста святаа по всей горѣ той святѣй. Туда бо путь есть мимо пещеру ту Мелхиседекову к Назарефу. Назарефъ есть на запад лиць от Фавора. И второе паки любовию влѣзохом в пещеру ту святую и поклонихомся святѣй той трапезѣ, юже создалъ Мелхиседекъ со Авраамом. И есть до дняшняго дне трапеза та в пещерѣ той. И нынѣ приходить ту святый Мелхиседекъ часто и литургисает в пещерѣ той святѣй, и почивают вси вѣрнии, иже ту живут, в горѣ той святѣ. Ти же ми повѣдаша о том поистинѣ. И похвалихом Бога, сподоблешаго нас, худых и недостойных, видѣти та святаа мѣста и облобызати устнами недостойными.

И прочее снидохомъ с горы Фаворски долвь на поля и идохом по полю двѣ верстѣ к Назарефу на запад лиць. И есть от Фарския горы до Назарефа 15 верстъ великых; по полю двѣ верстѣ, а 3 в горах; путь тяжекъ велми и тѣсенъ, зѣло непроходен: туды бо погании срацини мнози сѣдят в горах тѣхъ, и по полю тому села суть многа срациньскаа, и ти биють, выходяще из селъ тѣх, в горѣ той страшной. И бѣдно ми ити в малѣ путем тѣмъ. Но ли со многою дружиною, то тако может проити путем тѣмъ бе-страха; нам же не пригодишася дружина, но сами едини тако, толко 8 нас, и то же худа и безъ оружия, на Бога надѣющеся,

проидохом. Божиею благодѣтию хранимы и молитвами святыми Владычица нашея Богородица сблюдаеми, бес пакости по здраву доидодхом святаго града Назрефа, идѣже бысть святое благовѣщение святѣй госпожи Богородици от аггела Гавриила.[219] Ту же и Христос въскормлен бысть.

О ГРАДѢ НАЗАРЕФѢ

Назарефь же градок малъ есть в горах на удолнѣ мѣстѣ, да оли надшед над онь то же узрѣти. И посредѣ градка того церкви создана велика вверхъ о трех олтарех. И, влѣзучи в церковъ ту, на лѣвѣй руцѣ есть яко пещерка мала глубока пред малым олтарцем. Имать же двери малы двои пещера та: едины дверци от запада, а другии дверци къ встоку лиць. Слѣсти по степенемъ въ пещеру ту и во обоих дверцих тѣх. Влѣзучи в пещеру ту западными дверми, на правой руцѣ есть келия создана, дверци малы имущи; и в той келийци жила святаа Богородица со Христомь, ту въскормленъ бысть Христос, в святой той храминци; и ту ложица его, идеже лежал Исус, ту в келийци той. Ложицею тако низко на земли создано.

О ГРОБѢ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

В той же пещерѣ, западными дверми влѣзочи, на лѣвѣй руцѣ есть гробъ святаго Иосифа, обрученика Мариина. Ту его Христос самъ погреблъ своима рукама пречистыма. Исходит у гроба его от стѣны яко миро, вода святаа бѣла, и взимають на ицѣление недужнымъ.

О ПЕЩЕРѢ, ИДѢЖЕ СѢДЯШЕ СВЯТАА БОГОРОДИЦА

Ту есть мѣсто в той же пещерѣ у дверей западных близь, на том мѣстѣ сѣдяше святаа Богородица при дверех тѣхъ близь и скаше кокнит, еже есть червленица. И ту прииде Гаврил архаггелъ, посланъ от Бога къ дѣвици Марии.

ИДѢЖЕ БЛАГОВѢСТИ АРХАГГЕЛѢ СВЯТѢЙ БОГОРОДИЦИ

И ста пред нею, яви очи вѣсть, подаль мало от мѣста, идѣже сѣдяше Пречистая Девица. Яко 3-и столпъ вдалѣ есть мѣсто то от дверей пещерных, идеже стояше Гавриилъ.[220] Ту поставлена трепезка мала, кругла, мраморяна, объ едином столпци; и на той трапезѣ литургисають.

О ДОМУ ИОСИФА ОБРУЧЕНИКА

И ту есть был домъ Иосифовъ, и где то есть пещера та святаа: все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ, обрученика Мариина. И ту есть церкви создана над пещерою тою святою во имя святаго Благовѣщениа. То было мѣсто святое опустѣло прьвѣе, нынѣ же фрязи обновили мѣсто то суть и устроили добрѣ. И есть ту епископъ латиньский, богатъ зѣло, и то владѣеть мѣстом тѣм святым. И почьстиша нас добрѣ питием и ядениемъ, и всѣм. И лежахом ту нощь едину в градцѣ том. И почивше добрѣ, и заутра вставше, идохом въ церковь ту и поклонихомся святому тому мѣсту. И, вшедше въ святую ту пещеру, и ту поклонимся святымъ тѣмъ мѣстом всѣмъ. И изидохдом из града того, и поидохом мало на лѣтний встокъ лиць, и обрѣтохом кладязь чюденъ, и глубок, и студен зѣло; и слѣсти есть по степенемъ к водѣ той глубоко. И есть надъ кладязем тѣм создана церкви во имя архаггела Гавриила, и есть круга образомъ.

О КЛАДЯЗИ, ИДЕЖЕ АГНЕЛЪ ПРЬВОЕ БЛАГОВѢСТИ

Есть же отъ града Назарефа вдале яко дострѣлити добрѣ до кладязя того святаго: у того бо кладязя бысть прьвѣе благовѣщение святѣй Богородици от аръаггела. Пришедши бо ей по воду, и яко почерпе водоносъ свой, възгласи ей агтелъ невидимо и рече: «Радуйся, обрадованнаа, Господь с тобою!». Озрѣвся Мария сюду и сюду, ни видѣ никогоже, но токмо глас слыша, и вземше водоносъ свой, идяше, дявящися во умѣ своем, рекущи: «Что се будеть глас, еже слышах, никогоже не видѣхъ?» И вниде в Назарефь, и вниде в дом свой, и сѣде на прежереченномь мѣстѣ, и начат скати кокнитъ; и тогда явися архагтелъ Гавриилъ явѣ, стоя на прежереченном мѣстѣ. Тогда ей благовѣсти рождество Христово.

И есть же от Назарефа до села Исавова 5 верстъ.

О КАНИ ГАЛЕЛѢЙСТѢЙ

А от села того до Кана Галилеи полторы версты. Кана Галия же есть на людском пути, и ту Христос воду в вино преложи. И ту обрѣтохом дружину многу, идущу въ Акру, и пристахомъ к ним съ радостию великою, идохом с ними въ Акру.

Акра же град[221] есть был срациньский, нынѣже фрязи[222] держать. Есть же градок-отъ Акра на Велицем мори, и лимень под нимь добръ велми. Всѣм обиленъ есть градок. А от Назарефа до Акры есть верстъ 28 великих, есть же Акра к полудню лиць от Назарефа. И ту пребыхом во Акрѣ 4 дни, и опочивше ту добрѣ, и обрѣтохом дружину многу, идущю въ святый град Иерусалимъ, и пристахом къ дружинѣ той и поидохом с ними с радостию, веселящеся, и придохом в Каифу. А оттуда идохом къ горѣ Каръмильстѣй, и туда идохом. И ту есть в горѣ той пещера святого Илии пророка. И ту поклонихомся, а оттуда идохом в Капернаум. А от Капернаума приидохом в Кесарию Филипову. И туда есть путь все ити подлѣ Великое море по полю, а другое по пѣском оли до Кесария. Ту пребыхом 3 дни въ градѣ томъ Кесарийстѣм. И ту есть былъ Корнилие, егоже Петръ апостолъ крестилъ.[223] А от Кесариа идохом в Самарию: налево от Кесария в Самарию путь есть в горы; есть верстъ 20 от Кесария до Самарии. И быхом другаго дне полудне в Самарии. Но по тиху идуще и зноа ради, и не можаху людие пѣши ходити въ зной. И ту нощь прележахом пред градом тѣмъ Самариею у кладязя Ияковля, идеже Христос бесѣдова съ женою самарянынею.

О ЕРУСАЛИМѢ

И оттуда, вставше, поидохом путем своим, имже бяхом пришли изъ Ерусалима. И доидохом святаго града Иерусалима с радостию великою по здраву.

Ничтоже зла не видѣхом на пути сем, но все добро показа намъ Богъ видѣти очима своима, вся святаа та мѣста. Куда Христос Богъ нашь походил нашего дѣля спасения, туда же и нас грѣшных сподоби походти и видѣти святаа та мѣста. И чюдную ту землю Галилейскую видѣхом очима своима, всю землю Палестину Богъ сподоби мя обиходити. И Божиею благодатию хранимы, и походихом бес пакости, молитвами святыя Богородица съблюдаеми; и походихом всю Палестиньскую землю. Та бо земля вся зовется около Иерусалима Палестина.

Божиею помощию укрѣпляем, походих мѣста та святаа, не видъх нигдеже поганых, ни лютаго звѣри, ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничтоже, ни немощи малы не почютих в тѣлѣ моем; но всегда, яко орелъ облегчеваем, Божиею благодатю съблюдаем и силою Вышняго укрѣпляемъ. Аще и похвалити ми ся подобает, но силою Христа своего похвалюся; о немощи же моей похвалюся: «Сила бо моя в немощи свершается»,— апостолъ глаголеть Павел.[224] Да что въздамъ Господеви за вся, яже въздасть мнѣ, худому и грѣшному и недостойному, толику благодѣть видѣти, и походити по святым симъ мѣстом, и исполнити ми желание сердца моего? Егоже есмь сподобился видѣти, то же ми показа Богъ видѣти недостойному рабу и худому.

Да простите мя, братие и отци и господие мои, и не зазрите худоумию моему, еже написах се не хитро, но просто, о мѣстѣх сих святых, и о Иерусалимѣ, и о Земли сей обѣтованнѣй. Обаче аще и не мудро написах, но не ложно: якоже видъх очима своима, тако и написах.

О СВѢТѢ НЕБЕСНѢМ: КАКО СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А се о свѣтѣ святѣмъ, како сходит къ Гробу Господню. Се ми Господь показа видѣти худому и недостойному рабу. И видѣх очима своима грѣшныма поистинѣ, како сходит святый свѣт къ Гробу животворящему Господа нашего Исуса Христа. Мнози бо странници неправо глаголють о схожении свѣта святаго; инъ бо глаголеть, яко Святый Духъ голубем сходит къ Гробу Господню, а друзии глаголють: молнии сходить с небесе, и тако вжигаются кандила над Гробом Господнимь. И то есть лжа и неправда: ничтоже бо есть не видѣти тогда, ни голубя, ни молнии. Но тако, невидимо сходит с небеси благодатию Божиею и вжижгает кандила в Гробѣ Господни. Да и о том скажю, яко видѣх по истинѣ.

В Великую пятницю по вечерни потирають Гробъ Господень, и помывают кандила та вся, и вливають масла честнаго без воды, единого масла того токмо. И вотъкнувше свѣтилна во оловца, и не вжигають свѣтилен тѣх, но тако оставляють кандила та невожжена. И запечатають Гробъ въ 2 час нощи. И тогда изгасять вся кандила и свѣщи по всѣм церквамъ въ Иерусалимѣ.

Тогда азъ худый, недостойный, в ту пятницю, въ 1 час дни, идох къ князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видѣв мя худаго, и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «Что хощеши, игумене русьский?» Познал мя бяше добрѣ и люби мя велми, якоже есть мужь

благодѣтенъ и смѣрен велми и не гордить ни мала. Аз же рекох ему: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на Гробѣ Святѣмь от всея Русьскыя земля!» Тогда же онъ со тщанием и с любовию повѣле ми поставити кандило на Гробѣ Господни и посла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому Святаго Въскресения и к тому, иже держить ключь гробный. И повѣлѣста ми иконом и ключарь Святаго Гроба принести ми кандило свое с маслом. Аз же поклонився има, идохъ с радостию великою, и купих кандило стькляно, велико велми, и налиавъ масла честнаго все, принесох ко Гробу Господню, уже вечеру сущу. Упросихъ ключаря того, единого внутрь Гроба суща, и обѣстихся ему; он же отврьзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити ис калиговъ, и тако босого введе мя единого въ святый Гробъ Господень и с кандилом, еже нося с собою, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господни. И поставих своима рукама грѣшныма в ногах, идеже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Исуса Христа. В главах бо стояше кандило гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило Святаго Савы и всѣхъ монастырей. Тако бо обычай имут: по вся лѣта поставляють кандило гречьское и Святаго Савы. И благодѣтью Божиею та ся 3 кандила вожгоша тогда; а фряжьскаа каньдила повѣшена бяху горѣ, а от тѣх ниединоже възгорѣся.

Аз же тогда, поставивъ кандило на Гробѣ Святѣмь, и поклонився честному Гробу тому, и облобызавъ мѣсто то святое с любовию и съ слезами, идеже лежало тѣло Господа нашего Исуса Христа, изидох из Гроба Святаго с радостию великою и идохъ в келию свою.

Заутра же в Великую суботу въ 6 час дне сбираются вси людие пред церковь Святаго Въскресениа — бесщисленое множьство народа, от всѣх странъ пришелци и тоземци: и от Вавилона, и от Египьта, и от всѣх конець земли. Ту ся сбирають во тъ день несказанно множьство. И наполнятся вся та мѣста людий около церкви и около Распятиа Христова; и велика тѣснота и томление лютѣ людемъ ту бываеть; мнози бо человѣци ту задыхаются от тѣсноты людий бещисленных. И ти людие вси стоятъ съ свѣщами не вожженами и ждуть отврьзениа дверий церковных. Внутрь же церкви тогда токмо попове едини суть. И ждуть попове и вси людие, дондеже прииде князь съ дружиною; и тогда бывает отврьзение дверемъ церковным, и входять людие въ церковь в тѣснотѣ велицѣ и въ гнетении, и наполняють церковь ту. И полати вси полны будуть, не могуть бо ся вмѣстити вси людие въ церковь ту, но ту стоять внѣ церкви людие мнози зѣло около Голгофы и около Краниева мѣста и дотуда, идеже кресты налѣзени; и все то полно будеть людий бе-щисла много множьство. И ти людие вси въ церкви и внѣ церкве иного не глаголють ничтоже, но токмо «Господи, помилуй!» зовут неослабно и вопиють силно, яко тутнати и гремѣти всему мѣсту тому от вопля людий тѣх. И ту источници слезам проливаются от вѣрных людий. Аще бо кто окаменено сердце имат, но тогда можеть прослезити. Всякъ бо человѣкъ зазрит в себѣ тогда, и поминаеть грѣхи

своя, и глаголеть в собѣ всякъ человѣкъ: «Еда моих дѣля грѣхов не снидет свѣт святый?» И тако стоать вси вѣрнии людие слезни и скрушенным сердцемъ. И тъ самъ князь Бальдвинъ стоитъ съ страхом и смирениемъ великим, источници проливаются чюдно от очию его. Такоже и дружина его около его стоятъ прямо Гробу, близь олтаря великаго, вси бо сии стоят съ смѣрением.

И яко бысть 7 час дне суботнаго, тогда поиде Бальдвинъ князь ко Гробу Господню и з дружиною своею из дому своего, и вси бо сии пѣши. И присла въ метохию Святаго Савы[225] и позва игумена того Святаго Савы и съ черници его. И поиде игуменъ с братиею къ Гробу Господню, и азъ худый ту же поидох съ игуменом тѣмъ и з братиею. И приидохом ко князю тому и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонися игумену и всей братии и повелѣ игумену Святаго Савы и мнѣ худому близь себе поити повелѣ, а иным игуменом и черньцем всѣм повелѣ пред собою поити, а дружинѣ своей повелѣ позаду поити.

И приидохомъ къ церкви Въскресения Христова к западным дверем. И се множьство людий заступили двери церковныя, и не могохомъ тогда въ церковь внити. Тогда князь Балдвинъ повелѣ воином, и разгнаша люди насилие, и створиша яко улицю олне до Гроба, и тако могохом проити сквозѣ люди ольне до Гроба. И приидохом къ восточным дверемъ Святаго Гроба Господня, и князь по час прииде и ста на мѣстѣ своем на деснѣй странѣ у преграды великаго олтаря, противу всточным дверем и Гробным; ту бо есть мѣсто княже, создано высоко.

И повелѣ князь игумену Святаго Савы стати над Гробом с своими черньци и с правовѣрными попы. Мене же худаго повелѣ поставити высоко над самыми дверми Гробными, противу великому олтарю, яко дозрѣти ми лзѣ бяше въ двери Гробныя. Двери же та Гробныя всѣ трои запечатаны бяху, и запечатаны печатию царскою. Латиньстии же попове в велицѣм олтари стояху. И яко бысть 8 час дне, и начаша вечернюю пѣти на Гробѣ горѣ попове правовѣрнии, и черноризци, и вси духовнии мужи; пустынници мнози ту бяху; латина же в велицѣм олтари начаша верещати свойскы. И тако поющим имъ всѣм, аз ту стоякъ, прилѣжно зрях ко дверем Гробным. И яко начяша чести паремии тоя суботы великиа,[226] на первих пареми изиде епископъ с дьяконом из великого олтаря, и приде къ дверем Гробным, и позрѣ въ Гробъ сквозѣ крестець дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта в Гробѣ, и възвратися опять. И яко начаша чести 6-ю паремию, тот же епископъ прииде къ дверем Гробным и не видѣ ничтоже. И тогда вси людие възпиша съ слезами «Кирие, елеисонъ», еже есть «Господи, помилуй!». И яко бысть 9-му часу минувшую и начаша пѣти пѣснь проходную «Господеви поим», тогда внезаапу прииде туча мала от встока лиць и ста над верхом непокрытым тоа церкве, и дождь малъ над Гробом Святымъ, и смочи ны добрѣ стоящих на Гробѣ. И тогда внезаапу восиа свѣтъ святый

во Гробѣ Святѣмь: изиде блистание страшно и свѣтло из Гроба Господня Святаго. И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери Гробныя, и взяша свѣщу у князя того у Балдвина, и тако вниде въ Гробъ, и вожже свѣщу княжю первѣе от свѣта того святаго. Изнесше же из Гроба свѣщу ту и даша самому князю тому в руцѣ его. И ста княз-ет на мѣстѣ своемъ, свѣщю держа с радостию великою. И от того вси свои свѣщи въжгохомъ, а от наших свѣщь вси людие вожгоша свои свѣщи, по всей церкви друг отъ друга вожгоша свѣщи.

Свѣт же святы не тако, яко огнь земленый, но чюдно, инако свѣтится изрядно, и пламянь его червлено есть, яко киноварь, и отнудь несказанно свѣтиться.

И тако вси людие стоят съ свѣщами горящими, и вопиють вси людие велегласно «Господи, помилуй!» съ радостию великою и с веселием. Така бо радость не можеть быти человѣку, ака же радость бываетъ тогда всякому християнину, видѣвши свѣтъ Божий святый. Иже бо не видѣвъ тоа радости въ тъ день, то не иметь вѣры сказающим о всемъ том видѣнии. Обаче мудрии и вѣрнии человѣци велми вѣрують и въсласть послушають сказаниа сего и истины сеа и о мѣстѣх сих святыхъ. Вѣрный в малѣ и во мнозѣ вѣренъ есть, а злому человѣку невѣрну истина крива стваряються. Мнѣ же худому Богъ послух есть и Святый Гробъ Господень и вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда во тъ день ногородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михайлович Кашкича и инии мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ и о сказании семъ.[227] Но възвратимся на прежереченную повѣсть.

Егда же свѣтъ восия въ Гробѣ Святѣмъ, тогда же и пѣние преста, и вся возпиша «Кирие, ейлеисонъ» и поидоша въ церковь съ свѣщами горящими и с радостию великою, сблюдающи свѣщи свои от угашения вѣтреняго, и идоша кождо их въ свояси. И от того святаго свѣта вжигают кандила въ своих церквахъ и канчивають пѣние вечернее дома. А в велицѣй церкви, у Гроба Госоподня, сами попове едини, безъ людий, канчивають пѣние вечернее. Тогда и мы съ игуменом и съ братиею въ свой манастырь идохом, несуще свѣщи горящи, и ту кончахом пѣние вечернее, и идохом в келии свои, хваляще Бога, показавша недостойным нам ту благодѣть Божию видѣти.

И на утрени въ Святую недѣлю, отпѣвше заутренюю и бывшю цѣлованию съ игуменом и съ братиею, и отпущению бывшю въ 1 час дне, и вземше крестъ, игуменъ и вся братия, идодхом къ Гробу Господню, поюще кондакъ[228] сий: «Аще и въ гробъ сниде, безмертне». И вшедше в Святый Гробъ животворящий, и облобызавше

Святый Гробъ Господень с любовию и со слезами теплыми, и насладившеся ту благоуханныя воня тоя Святаго Духа пришествиемъ; и кандилом тѣмъ еще горящим свѣтло и чюдно. Та бо 3 кандила бяху вожьглися тогда, якоже повѣда ны иконом и ключарь Гроба Господня. Ко игумену глаголаста оба: «Долѣ стаащеа на Гробѣ Господни, та 3 кандила възгорѣстася». А иных 5 кадилъ виситъ над Гробомъ; но горяху тогда; свѣтъ ихъ инакъ бяше, не якоже онѣхъ 3-хъ кадилъ, изрядно и чюдно свѣтится.

И потомъ изыдохомъ из Гроба въсточными дверми, и вшедше въ великый олтарь, и ту створивше цѣлование съ правовѣрными, и бывшу отпущению, игуменъ же и братиа, изыдохомъ изъ церкви Святаго Въскресения и идохомь во свой манастырь, и ту опочивше до литургии.

И по 3-емъ дни Въскресения Господня, по литургии, идохомъ къ ключареви Гроба Господня и глаголахъ ему: «Хотѣлъ быхъ взяти кадило свое». Онъ же съ любовию поимъ мя, введе въ Гробъ одиного токмо. Азъ же вшедъ въ Гробъ и видѣхъ кадило свое, стояща на Гробѣ Святѣмъ и еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонився Гробу тому Святому, и облобызавъ с любовию и слезами мѣсто то святое, идѣже лежало тѣло Господа нашего Исуса Христа пречистое. И тогда измѣрих собою Гробъ въдлѣ и вширѣ и выше же, колико есть; при людех бо невозможно есть измѣрити его никомуже. И почьстих Гроба Господня по силѣ моей, яко мога, и тому ключареви подах нѣчто мало и худое благословение свое. Он же видѣ любовь мою сущую к Гробу Господню, и ктому ми удвигнувъ дощъку, сющую во главах Гроба Господня Святаго, и уятъ ми того святаго камени мало благословение, и запрѣтивъ ми с клятвою никому не повѣдати въ Иерусалимѣ. Азъ же, поклонився Гробу Господню и ключареви, и веземъ кандло свое съ масломъ святымъ, изидох из Гроба Святаго с радостию великою, обогатився благодатию Божиею и нося в руку моею даръ святаго мѣста и знамение Святаго Гроба Господня, и идох, радуяся, яко нѣкако скровище богатьства нося. Идох в келию свою, радуяся великою радостию.

И Богъ тому послух и Святый Гробъ Господень, яко во всѣх мѣстѣх святых не забых именъ князь русскых, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игуменъ, и боляръ, и дѣтей моих духовных, и всѣх христианъ николиже не забыл есмь; но во всѣх святыхъ мѣстѣх поминалъ есмь. Первѣе поклонялъся есмь за князей за всѣх, и потомъ о своих грѣсѣх помолился есмь. И о сем похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго имена князей руских написати в лаврѣ у Святаго Савы; и нынѣ поминаются имена их во октении, с женами и с дѣтьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимеръ, Давидь Святославич, Михаилъ Олегъ, Панъкратие Святославич, Глѣбъ Менский.[229] Толко есмь ихъ помнѣл имѣнъ, да тѣх вписах. Опрочѣ всѣхъ князь русскых,— и о болярех у Гроба Господня и во всѣх мѣстѣх святых. И отпѣхом

литургии за князи русскыя и за вся християны, 50 литургий; а за усопшаа 40 литургий отпѣхом.

Буди же всѣмъ, почитающим писание се с вѣрою и с любовию, благословение от Бога и от Святаго Гроба Господня и от всѣх мѣстъ сих святыхъ: приимут мзду от Бога равно с ходившими мѣста си святаа. Блажени же видѣвше вѣроваша, треблажени не видѣвшие вѣровавше. Вѣрою бо прииде Авраамъ в Землю обѣтованную. Поистинѣ бо есть вѣра равна добрым дѣлом.

Бога ради, братие и господье мои, не зазрите худоумию моему и грубости моей. Да не будет в похуление написание се, мене ради и Гроба Господня и святыхъ ради мѣстъ сих. Кто любовию почтеть, да мьзду прииметь от Бога Спаса нашего Исуса Христа. И Богъ мира со всѣми вами в вѣки, аминь.

---

[1] *...раба лениваго... не створившаго прикупа...*— Ср, Мф. 25, 14—30.

[2] *...до Великаго моря.*— Средиземное море.

[3] *До Петалы острова...*— По-видимому, о. Мармара в Мраморном море.

[4] *...на узьцѣм мори...*— Мраморное море.

[5] *...град Ираклия Великаа.*— Гераклея или Ираклия во Фракии.

[6] *...святии мученици погружени суть мнози от мучителевъ.*— Имеются в виду, по-видимому, какие-то жертвы гонений на христиан либо при языческих римских императорах (I—III вв.), либо при византийских императорах-иконоборцах (VIII—IX вв.).

[7] *...до Калиполя...*— Город Галлиполи при входе в Дарданеллы на европейском берегу.

[8] *...до Авида града...*— Древний Вбидос, в Дарданеллах.

[9] *...Еуфимие Новый.*— Византийский святой (время жизни неизвестно, память 4 января).

[10] *...к Святѣй Горѣ...*— Полуостров Афон, где находится множество монастырей.

[11] *...к Селуню...*— Город Фессалоники, Солунь.

[12] *...до Тенеда острова...*— Остров Тенедос в Эгейском море.

[13] *...святый Навгудимос мученикъ.*— Византийский святой-мученик Авгудим (III в.).

[14] *...град великъ... Троада, и ту есть Павелъ апостолъ приходилъ...*— Город в районе древней Трои, в который, как следует из Деяний апостолов и апостольских Посланий, несколько раз приходил апостол Павел.

[15] *...святый митрополит Мелетиньскы.*— Георгий Исповедник, митрополит Митилинский, пострадавший в первой половине IX в. при византийском императоре-иконоборце Льве V Армянине.

[16] *...до Метании... А от Мелетинии...*— Остров Митилин в Эгейском море.

[17] *...до Ахия острова...*— Остров Хиос.

[18] *...святый мученикъ Исидоръ...*— Святой-мученик, пострадавший в 252 г. при римском императоре Декии.

[19] *...до Ефеса града...*— Город Эфес в Малой Азии.

[20] *...Иоанна Богословца...*— Иоанн Богослов, или Евангелист, предполагаемый автор нескольких книг Нового завета: Евангелия от Иоанна, трех Соборных посланий и Апокалипсиса.

[21] *...тѣлеса 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лѣт...*— Эфесские святые отроки-мученики Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан-Константин и Антонин.

[22] *...при Декии цари...*— Римский император Декий (249—251 гг.), гонитель христиан.

[23] *...при Феодосии цари...*— Византийский император Феодосий II Младший (408—450 гг.).

[24] *...святый Александръ...*— Какой именно, неизвестно.

[25] *...святии препрѣша Несториа еретика.*— Несторий, патриарх Константинополя в 428—431 гг., говорил о раздельном существовании в Иисусе Христе божественной и человеческой природы и называл Богоматерь не Богородицей — ибо Бога, считал он, человек родить не может,— а Христородицей; усилиями александрийского епископа Кирилла и его сторонников учение Нестория было осуждено на 3-м вселенском соборе, состоявшемся в 431 г. в г. Эфесе. Свои дни Несторий окончил монахом в Египте; его последователей называют несторианами.

[26] *...баня Диоскорадова, идеже работал Иоаннъ Богослов с Прохором у Романы... Иоанна Богословца море изверже...*— Имеются в виду события, описанные в «Житии Иоанна Богослова»: спасение его после кораблекрушения и работа в принадлежавшей городскому старейшине Диоскориду бане под началом крутой нравом женщины по имени Романа, заведовавшей баней. У Диоскорида погиб в бане сын Домн; Иоанн Богослов воскресил его, чем обратил Диоскорида и Роману к христианству.

[27] *...до Сама острова...*— Остров Самос.

[28] *...до Кария острова... Таже Род островъ...*— Острова Икария, Патмос, Лерос, Калимнос, Низиро (Нисера), Истанкой (Кос), Телос (Тилос) и Родос в Эгейском море.

[29] *И в томъ островѣ был Олегъ князь русский 2 лѣтѣ и 2 зимѣ.*— Михаил-Олег Святославич, черниговский князь; о его ссылке половцами «за море Царюграду» в 1079 г. и о возвращении его «из грек Тмутороканю» в 1083 г. сообщает Лаврентьевская летопись; о пребывании его на о. Родос говорит только Даниил.

[30] *...до Макрии...*— Город Макрин на берегу Ликии.

[31] *...темьянъ черный игоифит.*— Фимиам, ладан, древесная ароматическая смола (γομφύτις).

[32] *Имя древу тому зигия...*— Граб (ζυγία).

[33] *...рака...*— В других списках: стурика, стюряка, турика; имеется в виду дерево стиракс, или сторакс (στύραξ).

[34] *...поноровъ...*— Гусеница.

[35] *...до Патера града...*— Город Патара, приморский город в юго-западной Ликии.

[36] *...до Миръ...*— Город Миры на побережье Ликии.

[37] *...до Хилидония...*— Мыс Хелидони на Средиземноморском побережье Ликии.

[38] *...святый Епифание...*— Епифаний, архиепископ Кипрский, проповедник и писатель (ум. 403).

[39] *...апостолъ Варнава...*— Один из 70 апостолов, киприянин родом.

[40] *...святый Зинон...*— Либо Зинон пресвитер, замученный в начале IV в., либо мученик Зинон, ученик Иасона и Сосипатра, один из 70 апостолов.

[41] *...святый Трифолие епископъ...*— Трифиллий, епископ г. Левкосия на о.Кипр в IV в.; в числе первых совершил вместе с матерью паломничество в Святую землю.

[42] *...и святый Филагриос епископ...*— Епископ Кипра, ученик апостола Павла. Эти слова пропущены в нашем списке; восстановлены по списку *РГБ*, Рум., № 335.

[43] *...святаа Елена крестъ поставила...*— Елена — мать византийского императора Константина I; поставленный ею на Кипре крест — по преданиям, тот, на котором был распят один из двух одновременно с Христом казненных разбойников, признавший в Иисусе Сына Божия и потому называемый благоразумным разбойником.

[44] *...до святаго Георгиа.*— Византийский святой-великомученик, обезглавленный в 303 г. при императоре Диоклетиане.

[45] *...и близь есть Асколонъ град...*— Город Асколон на берегу Средиземного моря; в то время принадлежал мусульманам и служил им главным опорным пунктом для нападений на христиан; крестоносцы овладели им только в 1154 г. при короле Балдуине III.

[46] *...гробъ святаго пророка Самоиля, и отца Елъкана, и Марьи Египтяныни...*— Пророк Самуил; о нем говорится в Первой книге Царств; жил в XI в. до н. э.; Елкана — его отец. Мария Египетская — византийская святая, первоначально — блудница в Египте; случайно попав в Иерусалим, она там раскаялась, ушла в пустыню, где и прожила до конца своих дней (ум. 521).

[47] *...столпъ Давидовъ...*— башня, примыкающая к дому, или замку царя Давида, цитадель Иерусалима.

[48] *...Елеоньскую гору...*— Гора, отделенная от Иерусалима потоком Едрон, место ряда новозаветных событий, связанных с Иисусом Христом.

[49] *...Святаа Святых...*— Мечеть, построенная халифом Омаром I (634—644 гг.) на месте древнего иерусалимского храма и обращенная крестоносцами в церковь.

[50] *...Стефана Первомученика...*— Стефан Первомученик, один из семи первых дьяконов, поставленных в Иерусалиме апостолами; в Деяниях апостолов (6, 8—15; 7) рассказывается, что Стефан за проповедь учения Иисуса Христа был побит камнями, став таким образом первым христианским святым-мучеником; отсюда и его прозвище «Первомученик».

[51] *...от Вифлеома...*— Город Вифлеем в Иудее; согласно Евангелиям — место рождения Иисуса Христа.

[52] *...врата Венияминова.*— Вениаминовы, или Давыдовы — западные ворота Иерусалима.

[53] *...къ Святому Въскресению...*— Храм Воскресения Господня, сооруженный на месте разрушенного в 1010 г.; в 1130 г. был перестроен крестоносцами.

[54] *...Гроб Господень.*— Пещера посреди храма Воскресения, в которой, по преданию, был похоронен Иисус Христос.

[55] *...Адамово воздвижение...*— Изображение сошествия Христа в ад: Христос за руки «воздвигает» — выводит из ада — Адама и Еву.

[56] *...възнесение Господне...*— Изображение вознесения воскресшего Иисуса Хрисга на небо.

[57] *...Благовѣщение.*— Событие, о котором говорится в Евангелии от Луки (1, 26—38): ангел Гавриил, посланный к деве Марии, обрученной Иосифу из рода Давида, сообщил ей, что ее осенит сила Всевышнего и у нее родится сын, которого она назовет Иисусом.

[58] *...Пупъ земли...*— «Пуп земной», «середина» или «средоточие» земли — место за алтарем храма Воскресения Господня; основанием для такого названия служат слова 73-го псалма (12): «спасение посреди земли», и фраза библейской Книги Иезекииля (5, 5): «Это — Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земли».

[59] *...до Распятия Господня...*— Место распятия Иисуса Христа, Голгофа.

[60] *...до Края...*— То же, что «Крайниево мѣсто, еже есть Лобное мѣсто» (Κρανί ου τόπος), о котором дальше идет речь; по Даниилу — нижняя часть Голгофы.

[61] *...прьвозданаго Адама глава...*— Кровью распятого Иисуса Христа, согласно легенде, отразившейся в ряде апокрифических произведений, был омыт череп Адама.

[62] *...раздѣлиша ризы его.*— В соответствии с пророческими словами Псалтыри «разделиша ризы моя себе и о одежди моей меташа жребий»(Пс. 21, 19), одежды распятого Иисусаь Христа, по рассказам Евангелий (Мф. 27, 35; Мр, 15, 24; Лк. 23, 34), были разделены распявшими его римскими солдатами.

[63] *...вѣнець трьновъ... и в багряницу поругания облекоша.*— Согласно Евангелиям (Мф. 27—31; Мр. 15, 16—19), Иисуса Христа, осужденного римским прокуратором Пилатом на распятие, римские солдаты, чтобы надругаться над ним, облекли в одежду багряного цвета, а на голову одели венок из колючего растения и глумливо воздавали ему почести как царю: багряница изображала царскую мантию, терновый венец — корону.

[64] *...жрьтвенник Авраамовъ... въ Исаака мѣсто.*— Имеется в виду рассказ библейской Книги Бытие (22, 1—13) о том, что Авраам, повинуясь Богу, собрался принести в жертву сына своего Исаака; но,

когда он уже взял в руку нож, его остановил голос ангела с неба; тогда Авраам принес в жертву барана, запутавшегося в чаще рогами.

[65] *На то же бо мѣсто... нас ради грѣшных.*— Согласно апокрифической легенде, жертвоприношение Авраама происходило на Голгофе.

[66] *...бракъ в Кана Галилеи...*— Свадебный пир в Кане Галилейской, на который, по Евангелию от Иоанна (2, 1—11), были приглашены мать Иисуса Христа и он сам со своими учениками; там не достало вина, тогда Иисус велел наполнить водой шесть каменных водоносных сосудов и обратил эту воду в вино.

[67] *...«Камо идеши... рабѣ своей».*— Слова церковного песнопения, икоса, исполняемого на заутрени в Великую пятницу, то есть в пятницу Страстной седмицы — недели, предшествующей празднику Пасхи.

[68] *...пророчество Симеоне...сына своего закалаема.*— Пророчество Симеона Богоприимца, о котором говорится в Евангелии от Луки (2, 25—35); Симеону было предсказано, что он не умрет, доколе не увидит помазанника («Христа») Господня; взяв на руки младенца Иисуса, принесенного матерью по обычаю в храм для обрезания, он пророчествовал о его будущем.

[69] *...Мария Магдалыни и Мария Ияковля и Саломии... издалече мене сташа.*— Говоря о свидетелях распятия, Даниил основывается на Евангелии от Матфея, где говорится, что там «были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (27, 56), и на Евангелии от Марка, где сказано, что «между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова-меньшого и Иосии, и Саломия» (15, 40); цитата из 37-го псалма (12).

[70] *...Спудий...*— Σπουδή от σπεύδω — спешить.

[71] *...единого Изделава.*— Один из спутников Даниила, вероятно, — упоминаемый далее Изяслав Иванович.

[72] *...дом Уриевъ ...мыющюся в бани.*— Согласно рассказу Второй книги Царств (11) царь Давид, прогуливаясь по кровле своего дома, увидал красивую женщину, купающуюся в бассейне, послал за ней своих слуг и спал с нею; женщина эта была Вирсавией, женой Урии Хеттеянина; самого Урию царь Давид отправил на войну, написав полководцу письмо с просьбой поставить Урию в самое опасное место, чтобы он был убит; Урия погиб при осаде города аммонитян Раввы.

[73] *...метохия Святаго Савы...*— подворье монастыря Св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима.

[74] *...прииде святая Мария Египтяныня... и цѣловати честный крестъ.*— Мария Египетская, святая V в.

[75] *...искуси святаа Елена... вста мертваа дѣвица.*— Речь идет об императрице Елене (ум. 327), матери византийского императора Константина I, предпринимавшей разыскания и бывшей инициатором церковного строительства в Святой земле. Предание рассказывает, что Елена нашла крест, на котором был распят Иисус Христос и, прикоснувшись им к мертвой девице, воскресила ее, убедившись, таким образом, в его подлинности («Житие Константина и Елены»).

[76] *...Притории, идѣже воини приведоша Христа... и предастъ июдеомъ.* — Претория — резиденция прокуратора Понтия Пилата, римского правителя Иудеи, наделенного правом выносить смертный приговор и отдавать приказ о его исполнении; согласно Евангелию (Мф. 27, 2—27; Мр. 15, 1—16; Лк. 23, 1—25), туда был приведен Иисус Христос из дома Каиафы-первосвященника наутро после того, как он был схвачен в Гефсиманском саду; Пилат, первоначально склонный оправдать Иисуса или отпустить его по обычаю даровать свободу одному из узников перед праздником Пасхи, под давлением возбужденного первосвященниками и старейшинами народа согласился выдать его на казнь и, умыв руки перед народом со словами: «Неповинен я в крови праведника сего; смотрите вы» — на что иудеи ответили: «Кровь его на нас и на детях наших» — предал его солдатам на бичевание и распятие.

[77] *...темница июдейска... апостола Петра в нощи.*— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (12, 1—11) о том, как ангел ночью вывел из темницы заключенного туда царем Иродом Агриппой апостола Петра.

[78] *...Христось кровоточивую исцѣли.*— Согласно Евангелию, женщина, много лет страдавшая кровотечением, исцелилась, подойдя сзади к Христу и прикоснувшись с верой к его одежде.

[79] *...ровъ близь, идѣже вверженъ бысть Еремиа пророкъ...*— Речь идет о рве, куда, согласно библейской Книге пророка Иеремии (38, 6), был посажен Иеремия царем Седекией по требованию князей за пророчество о взятии Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором.

[80] *...домъ был святаго Иоакима и Анны.*— Родителей Марии, матери Иисуса Христа.

[81] *...Овча купѣль, идѣже Христосъ разслабленного исцѣли.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (5, 1—9) о том, как Иисус Христос исцелил одного из множества больных, лежавших в крытых галереях у бассейна «Овечья купель» и ожидавших возмущения ангелом воды; по поверью, кто успевал, когда вода забурлит, первым сойти в воду, получал исцеление; а этот исцеленный Христом больной, очевидно, парализованный,— он страдал уже тридцать восемь лет,— и сам не мог опередить других, и помощника не имел.

[82] *...къ Гепсимании.*— Гефсимания, сад на склоне горы Елеонской, где, согласно сведениям синоптических Евангелий (Мф. 26, 30; Мр. 14, 32; Лк. 22, 39), Иисус Христос молился ночью с четверга на пятницу после тайной вечери и где был схвачен.

[83] *...убиенъ есть Захария пророкъ...*— Имеется в виду отождествляемый с отцом Иоанна Предтечи Захария, о котором в Евангелиях от Матфея (23, 35) и от Луки (11, 51) говорится, что он был убит между храмом и жертвенником.

[84] *...камень внѣ пещеры...врата небеснаа суть.*— Имеется в виду рассказ библейской книги Бытие (28, 12—21) о том, что Иаков на пути из Вирсавии в Месопотамию увидел во сне лестницу, ведущую на небо, и услышал пророчество о распространении потомства его и благословенин в нем всех племен земных; проснувшись, Иаков поставил памятником камень, который служил ему изголовьем, возлил на него елей и обещал, что если он благополучно возвратится в дом отца своего, камень этот будет домом Божиим. Библейским сюжетом (Бытие, 32, 24—28) является также рассказ о борьбе Иакова с Богом ночью около потока.

[85] *И на том же камени... азъ согрѣших.*— Речь идет о наказании, которое, согласно Второй книге Царств (24, 1—17), постигло страну за проведенную царем Давидом перепись населения Израиля и Иудеи.

[86] *...старѣишины страциньскаго именемъ Аморъ.*— Халиф Омар I (634—644 гг.), сподвижник и второй преемник Мухаммеда.

[87] *...врата зовуться Красная... исцѣлиста хромца одного...*— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (3, 1—10) о том, как Петр и Иоанн, идя в храм, исцелили сидевшего при входе нищего, хромого от рождения.

[88] *И тѣми враты вшелъ есть Христос... егда въскресилъ Лазаря Христос.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (11; 12. 1—13) о том, что Христос пришел в селение Вифания и воскресил там любимого им Лазаря, брата Марии и Марфы, со дня смерти которого прошло уже четыре дня, а после этого, торжественно встреченный народом, вошел в Иерусалим для празднования Пасхи.

[89] *...Охония жидовинъ хотѣ свреци... и положи я на нем.*— Даниил опирается на распространенное византийское предание, получившее отражение в литературе и в иконографии (в сюжете Успения Богородицы).

[90] *...до пещеры, идеже преданъ бысть... на 30 сребреницѣх.*— Согласно Евангелиям (Мф. 26, 14—15; Мр. 14, 10—11; Лк. 22, 3—5; Иоан. 13, 2), Иуда Искариот, один из ближайших учеников Ииуса Христа, предал своего учителя первосвященникам за тридцать сребреников; пещера — имеется в виду та, где Христос был схвачен.

[91] *...помолися Христос Отцу своему... чаша си от мене.*— Имеется в виду рассказ синоптических Евангелий (Мф. 26, 39; Мр. 14, 36; Лк. 22, 42): Иисус Христос пред тем, как был схвачен, молился в Гефсиманском саду на Елеонской горе о том, чтобы, если возможно, миновала его «чаша сия».

[92] *...до гроба Асафатова... дебрь Асафатова.*— Иосафат, библейский царь Иудеи, о котором говорит Третья книга Царств, сын царя Асы; дебрь Асафатова — Иосафатова долина, где протекает Кедронский поток, отделяющий Иерусалим от расположенной с востока от него Елеонской горы.

[93] *...святаго Иякова, брата Господня.*— Кроме Иакова, Евангелия от Матфея (13, 55—56) и от Марка (6, 3) упоминают как братьев Иисуса Христа Иосию, Симона и Иуду, а также сестер; согласно преданиям, получившим отражение в византийской учительной литературе, это были дети Иосифа, которых родила ему Мария Клеопова — вдова его бездетного брата Клеопы, взятая им в жены согласно еврейскому закону, чтобы восстановить покойному семя; всего братьев и сестер Иисуса Христа было шесть.

[94] *...научи ученики своя пѣти. «Отче нашь».*— Имеется в виду сообщение Евангелий от Матфея (6, 9—13) и от Луки (11, 2—4) о том, что Иисус Христос научил своих учеников молитве «Отче наш».

[95] *...и на той трапезѣ литургисають нынѣ.*— Используют для совершения церковной службы литургии.

[96] *...до Содомскаго моря...*— Содомское — Мертвое море.

[97] *...кадь...*— Старинная мера сыпучих тел.

[98] *...святыя Пелагии блудници.*— Византийская святая (ум. в 461 г.).

[99] *И ту есть столпникъ близь, муж духовенъ велми.*— Отшельник, живший на «столпе», колонне разрушенного здания; речь идет, возможно, о том пустыннике, с которым крестоносцы совещались перед приступом во время осады Иерусалима в 1099 г.

[100] *...постился святый Иоакимъ неплодства ради своего...*— О посте бездетного дотоле Иоакима, у которого затем родилась Мария, будущая Богородица, говорится в апокрифическом Евангелии от Иакова.

[101] *«Что ти есть, море... възвратися вспять?»* — Пс. 113, 5.

[102] *...Иордан рaступися древле... людие по суху.*— Имеется в виду рассказ библейской Книги Иисуса Навина (3, 14—17) о переходе евреями р. Иордан, расступившейся перед ними при их вступлении после бегства из Египта в землю обетованную.

[103] *Ту же и Елѣсѣй... Иордан по суху.*— Пророк Елисей, согласно Четвертой книге Царств (2, 14). подобрал упавшую с уносимого в огненной колеснице на небо пророка Илии милость (овчину), ударил ею по воде Иордана, река расступилась перед ним, и он перешел по суху на другой берег.

[104] *..и Мария Египтяныни преиде... в пустыню.*— Об этом говорится в «Житии Марии Египетской»: отец Зосима, монах, уйдя на Великий пост

из монастыря св. Саввы в пустыню, встретил жившую там уже много лет Марию Египетскую.

[105] *...якоже Сновь рѣка.*— Имеется в виду река Сновь (название — от глагола сновать) Черниговской области, берущая начало в окрестностях г. Стародуба и впадающая в Десну.

[106] *...земля Заулоня и Неффалимьля...*— Завулон и Неффалим — библейские персонажи (Бытие. 30. 8, 20), двое из двенадцати детей Иакова-Израиля, чьими именами названы колена Израилевы, каждое из которых получило определенную землю для обитания; земли Завулона и Неффалима — к западу от Галилейского моря.

[107] *...Илиа пророкъ всхищенъ бысть на колесници огньнѣй.*— Имеется в виду библейский рассказ (4 Цар. 2, 11) о вознесении пророка Илии в огненной колеснице на небо.

[108] *...водокрещеный праздник...*— Праздник Крещения Господня в честь крещения Иисуса Христа в р. Иордан Иоанном Крестителем (Мф. 3, 13—16; Мр. 1. 9—11; Лк. 3, 21—22; Иоан. 1, 32); празднуется 6/19 января; в этот день совершается церковная служба освящения воды.

[109] *...пророкъ Моисий преставился есть, видѣвъ Землю обѣтованую.*— Пророк Моисей, согласно библейскому рассказу (Второзак.), видел Землю обетованную, в которую отвел свой народ из Египта, но не вошел в нее, так как все евреи, вышедшие из Египта, кроме Халева и Иисуса Навина, за ропот на Бога были обречены умереть, не войдя в нее.

[110] *...святая Богородица съ Исусом Христомъ... егда бѣжаху въ Египетъ...*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея (2, 13—16) о бегстве Богородицы с младенцем Христом и обручником ее Иосифом, которому явился ангел во сне и предупредил об опасности, в Египет — чтобы спасти младенца от царя Ирода, узнавшего от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, и старавшегося его убить; с этой целью царь Ирод повелел истребить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет в городе Вифлееме и его окрестностях. О Иакове как спутнике беглецов в Египет и об остановке беглецов на ночь в «Добром обителище» Евангелие не говорит; это почерпнуто из апокрифических преданий.

[111] *...до Иерихона... взял и разорил до конца...*— Город Иерихон, который евреи, согласно рассказу библейской Книги Иисуса Навина (6), взяли первым после перехода Иордана при вступлении в Землю обетованную; Иисус Навин — библейский персонаж, возглавивший евреев после смерти Моисея.

[112] *...дом Затхѣевъ... хотя видѣти Христоса.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Луки (19, 2—9): Закхей, человек маленького роста, в то время, как Христос проходил через Иерихон, влез на смоковницу, чтобы его увидеть; и Христос посетил его дом.

[113] *...домъ оноя сумантяныни, идѣже Иелѣсѣй отрочища въскресилъ.* — Имеется в виду рассказ Четвертой книги Царств (4) о воскрешении пророком Елисеем сына сонамитянки (жительницы города Сонам, а не Иерихона), которая заботилась о нем, когда он бывал в ее городе; детей у нее не было, муж был стар; пророк Елисей в благодарность за заботу обещал ей, что у нее родится сын; сын родился, но еще ребенком умер; мать привела в дом пророка Елисея, тот обнял ребенка, согрел его и воскресил.

[114] *...воды Иелисѣевы, ихже ослади Иелисѣй пророкъ.*— Согласно Библии (4 Цар., 2, 19—22), жители Иерихона пожаловались пророку Елисею на плохую воду и бесплодную землю; тот бросил в источник соли и сделал воду здоровой.

[115] *..явися святый Михаил архистратиг... на лици своемъ, и поклонися.*— Имеется в виду библейский рассказ (Иис. Нав., 5, 13—15) о видении Иисусу Навину во время осады Иерихона человека с обнаженным мечом в руке, который назвал себя вождем воинства Господня и велел Иисусу Навину снять обувь с ног, «ибо место, на котором ты стоишь, — сказал он, — свято».

[116] *Имя мѣсту тому Галганий... прешедше Иордан.*— Галгал — место первой остановки израильтян после того, как они во главе с Иисусом Навином перешли Иордан при вступлении в Землю обетованную (Иис. Нав., 4, 19).

[117] *...имя горѣ той Гаваонъ... и тогда солнце заиде.*— Имеется в виду рассказ Книги Иисуса Навина (10, 12—13) о том, как во время битвы евреев с царями Аморрейскими Иисус Навин остановил солнце и луну, доколе его народ мстил врагам своим; но Ог, царь Васанский, согласно библейским Книгам — Книге Числа (32, 33) и Книге Второзаконие (31, 4), где о нем идет речь,— был побежден не Иисусом Навином, как пишет Даниил, а Моисеем.

[118] *...постился есть Христос... камение се хлѣби будут.*— В Евангелии от Матфея (4, 1—11) рассказывается о сорокадневном посте Иисуса Христа в пустыне и искушениях его дьяволом; предложение сделать камни хлебами — первое из трех искушений.

[119] *...святый Феодосие...*— Феодосий Великий (ум. в 529 г.), глава монашеского общежития в Палестине.

[120] *...святаго Савы...*— Савва, монах, основатель в конце V — начале VI вв. знаменитой палестинской лавры, получившей его имя.

[121] *...святый Иоаннъ епископъ Исихастъ...*— Иоанн Исихаст («Молчалник»), епископ г. Колонии (Аскална) в V в., затем — отшельник (ум. 558).

[122] *...святый Иоаннъ Дамаскинъ...*— Иоанн Дамаскин (между сер. VII и сер. VIII в.), богослов-систематизатор, философ и поэт-гимнограф,

идейный вождь иконопочитателей, противников иконоборчества; по рождению араб, приближенный дамасского халифа, затем монах.

[123] *...святый Феодоръ Едесский... Михаилъ сыновець его...*— Феодор, епископ г. Эдессы, и его племянник Михаил (IX в.).

[124] *...Афродитианъ святый...*— Афродисий Палестинский (VI в.), монах, ученик основателя лавры Саввы.

[125] *...смола чермная...*— В других списках «черная»; имеется в виду асфальт, извергаемый Мертвым морем, особенно после землетрясений.

[126] *...мука под морем тѣмъ.*— Очевидно, сернистый запах, исходивший из Мертвого моря с извержениями, побуждал думать, что под морем находится место мучений грешников.

[127] *...манастырь святаго Еуфимья...*— Монастырь, выросший вокруг пещеры аскета — Евфимия Великого (376—477), прославившегося своей строгой жизнью.

[128] *...манастырь святаго Феоктиста...*— Монастырь, основанный в V в. монахом Феоктистом, другом и последователем Евфимия Великого.

[129] *...и того града ветхаго разорил Навходоносор, царь Вавилонескъ, при Еремѣи пророцѣ.*— Вавилонский царь Навуходоносор (605—562 гг. до н, э.) взял Иерусалим в 586 г. до н. э.: пророк Иеремия был тому свидетелем.

[130] *...Христос умы ногы учеником своим.*— В Евангелии от Иоанна (13, 3—10) говорится, что во время последнего ужина с учениками, тайной вечери, Христос сам умыл ноги своим ученикам.

[131] *...Христос вечерял со ученики своими... кто ест предаяй тя?* — Имеется в виду тайная вечеря, последняя вечерняя трапеза Иисуса Христа с учениками, о которой речь идет во всех четырех Евангелиях (Мф. 26, 20—29; Мр. 14, 17—25; Лк. 22, 14—38; Иоан. 13—17); согласно Евангелию от Иоанна (13, 21—25), после слов Христа, что один из присутствующих предаст его, Иоанн, бывший любимым учеником Христа, по знаку другого ученика, Симона-Петра, припал к груди Иисуса, и спросил, кто его предаст.

[132] *...сшествие Святаго Духа бысть на апостолы в Пентикостию.*— Пентикостия — Пятидесятница, пятидесятый день после Пасхи; согласно Деяниям апостолов (2, 1—14), в этот день было сошествие на апостолов Святого Духа; по сведениям Даниила, это произошло в принадлежащем Иоанну Богослову доме.

[133] *...и в ту храмину прииде Христос... увѣрил есть въ 8-й день.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о явлении Христа ученикам по воскресении (20, 19—29); сомневавшегося в реальности Христова воскресения апостола Фому Христос уверил, дав ему вложить пальцы в свои раны.

[134] *...святый камень... с Синайскиа горы.*— Даниил имеет в виду предание о том, что изъявившей желание посетить гору Синай Богородице ангел принес камень с Синайской горы, и этот камень сохранялся в доме Иоанна Богослова.

[135] *...домъ Каиафинъ... дондеже куръ възгласит.*— Согласно евангельским рассказам (Мф. 26, 57—75; Мр. 14, 53—72; Лк. 22, 54—61; Иоан. 18, 13—27), схваченного на Елеонской горе Иисуса Христа привели в дом первосвященника Каиафы; апостол Петр, вошедший следом во двор, был опознан как ученик Иисуса, но трижды отрекся от своего учителя; в это время запел петух, и Петр вспомнил предсказание Христа, что он, Петр, трижды отречется от него еще до того, как пропоет петух.

[136] *...купѣль Силоамля, идеже Христос слѣпцю очи отверзе.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (9, 6—7) о том, как Христос исцелил в субботу слепорожденного, плюнув на землю, помазав этим его глаза и велев ему пойти умыться в купальне Силоам.

[137] *...село Скудельниче... на погребание странным...*— На деньги, заплаченные Иуде первосвященниками за предательство Иисуса Христа и после осуждения Иисуса брошенные Иудой на землю, первосвященники, как говорит Евангелие от Матфея (27, 7), купили у горшечника землю для погребения странников. Это место, село Скудельниче (т. е. Горшечниково), было местом погребения паломников в течение многих веков.

[138] *...Святаа Богородица видѣ двои люди: едины смѣющася, а другиа плачющася.*— Об этом видении Богородицы говорится в апокрифическом Первоевангелии Иакова и в «Сказании о рождестве Богородицы».

[139] *...до гроба Рахилиина, матери Иосифовы...*— Рахиль — жена библейского Иакова, сына Исаака; в Библии (Бытие, 35, 19) рассказывается о погребении ее Иаковом на дороге в Ефрафу, то есть в Вифлеем, и о том, что Иаков установил там надгробный памятник.

[140] *И ту есть камень великъ... и от того камени, вставши...*— Сюжет этого рассказа Даниила восходит к апокрифическому «Сказанию о рождестве Богородицы».

[141] *...мощи святых младенець...*— Имеются в виду останки младенцев, избитых по приказу царя Ирода.

[142] *«И ты, Вифлееме... люди моя Израиля».*— Мих. 5, 2; Мф. 2, 6. Вифлеем называется здесь «землей Июдовой», потому что расположен на территории колена Иудина; «тысящи» —административное деление, восходящее, согласно Книге Чисел (1, 16), ко временам завоевания израильтянами Святой земли.

[143] *...прииде Самоилъ пророкъ и ту помаза... в Саула мъсто.*— Согласно рассказу библейской Первой книги Царств (16, 4—13), пророк

Самуил в правление царя Саула, повинуясь Божьему повелению, пошел в Вифлеем и помазал там елеем (маслом) пастуха Давида, младшего сына Иессея; Давид в дальнейшем — псалмопевец и царь, преемник Саула.

[144] *...разорено естъ от поганых....*— Иерусалим завоевывался в 614 г. — персами, в 638 г. — арабами, в 1070 г.— турками-сельджуками.

[145] *...дубъ Мамбрийский.*— У дуба Мамврийского, по Книге Бытие (18), стоял шатер Авраама, когда к нему явился Бог в виде трех ангелов (сюжет икон «Троица ветхозаветная»).

[146] *...пророкъ глаголеть Давыдъ въ Псалтири...*— Имеется в виду царь израильско-иудейского государства Давид (конец 11 в. — ок. 950 г. до н. э.), чьи поэтические произведения составили основу библейской книги Псалтырь; свое название книга получила от струнного музыкального инструмента, аккомпанируя на котором Давид пел свои песни.

[147] *«Ты исуши рѣки... твоя есть нощь».*— Пс. 73, 15—16.

[148] *...убиенъ бысть Авесаломъ... умре на древѣ томъ.*— Авессалом, один из сыновей царя Давида, согласно Второй книге Царств (13—18), восстал на своего отца; во время преследования его сторонниками отца в так называемом Ефремовом лесу мул, на котором он ехал, занес его под развесистый дуб; он запутался волосамн в ветвях дуба, мул из-под него убежал, Авессалом повис на волосах, и так, висящий, был убит стрелами.

[149] *...до клятвенаго кладязя Авраамова...*— Имеется в виду колодец, у которого заблудилась изгнанная Авраамом в пустыню Агарь (Бытие, 21, 14).

[150] *...сын Хамовъ, Ханаонъ... земля та зоветься Хананѣя.*— Имеется в виду сообщение Книги Бытие (10, 19) о том, что потомки Ханаана, сына Хама, так называемые хананеи, расселились «от Сидона к Герару до Газы, отсюда к Содому, Гоморре, Адме и Севоиму вплотьдо Даса»; но гора Хевронская там не указана.

[151] *И ту землю обѣща Богъ... и азъ буду с тобою.*— Согласно библейскому рассказу (Бытие, 12, 1—7), после смерти Фарры, отца Авраама, Бог явился Аврааму и велел ему покинуть дом отца его, находившийся в Харране, в Междуречье, и идти в землю, какую он ему укажет; когда Авраам проходил землю Ханаанскую, Бог явился ему и сказал, что отдаст эту землю его потомству.

[152] *И ту есть бьи домъ Давыдовъ... егда бяше выгнал сынъ его Авесалом.*— Речь идет о доме царя Давида в Хевроне, где он, согласно Библии (2 Цар. 2, 11), прожил первые семь с половиной лет своего царствования — до того как начал царствовать в Иерусалиме. Даниил ошибается, связывая пребывание Давида в Хевроне с восстанием против него сына Авессалома.

[153] *Ту бо пещеру Сугубую Авраамъ купил у Ефронь Хетфѣянина... всему роду своему.*— Согласно библейскому рассказу (Бытие, 23), Авраам, после смерти жены Сарры, купил в земле Ханаанской у Ефрона Хеттеянина поле с пещерой для погребения.

[154] *Иосифа Прекраснаго гробъ...*— Иосиф, библейский персонаж, сын Иакова, был продан братьями купцам, шедшим в Египет; там он и умер; Моисей, согласно библейской Книге Исход(13, 19), покидая Египет, вынес оттуда кости Иосифа.

[155] *...и на ту гору взиде... да изведуть Лота сыновьца Авраамова.*— Даниил пересказывает рассказ Книги Бытие (18—19) о том, как, отобедав под Мамврийским дубом у Авраама, три ангела отправились в Содом; молитву Авраама он цитирует почти дословно.

[156] *А оттуда до Сигора... до Содома есть двѣ верстѣ.*— Сигор — город, в который, согласно библейскому рассказу (Бытие, 19, 22—26), бежал из Содома Лот с дочерьми; жена Лота, вопреки запрету ангелов обернувшаяся, чтобы в последний раз взглянуть на обреченный город, обратилась в соляной столб.

[157] *...святаго Харитона.*— Харитон Исповедник (ум. ок. 350), основатель трех общежительных пещерных монастырей в Палестине.

[158] *...святый Кириякъ Исповѣдник...*— Кириак Исповедник (V в.), палестинский монах.

[159] *...Ксенофонтова сына, Иоаннъ и Аркадие...*— Сенатор Ксенофонт (VI в.) послал сыновей в Бейрут изучать философию. Не имея от них вестей, он отправился их разыскивать и нашел в Иерусалиме монахами. После этого и он оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей.

[160] *...всхищен бысть пророкъ Аввакум... и дасть им обѣд.*— Даниил передает библейское сказание (Дан. 19, 33—39) о том, как шедшего на поле с обедом для жнецов пророка Аввакума ангел перенес из Палестины в Вавилон к заточенному в ров пророку Даниилу; когда Аввакум Даниила накормил, ангел перенес его обратно на то поле, откуда поднял.

[161] *...12 пророка... Амос и Осий.*— Аввакум, Наум, Михей, Авдий, Захария, Иезекииль, Амос и Осия — авторы ветхозаветных книг; Варух — писец пророка Иеремии; Измаил — может иметься в виду сын Авраама от служанки-египтянки по имени Агарь (от которых пошли «агаряне» и «измаилтяне»); Иезекий и Савеиль неизвестны.

[162] *...уби Давыд Голияда.*— Имеется в виду библейский рассказ (1 Цар., 17, 4—51) о том, как юноша Давид камнем из пращи победил в единоборстве тяжеловооруженного гиганта из войска филистимлян по имени Голиаф.

[163] *...мощи... святых мученик...Агаиа Мамила.*— Даниил имеет в виду жертвы персидского царя Хосроя, взявшего Иерусалим в 614 г.; их останки, по преданию, похоронила женщина по имени Мамиллия; отсюда — название места погребения.— «Агиа Мамила», то есть «Святая Мамила»; византийский император Ираклий (610—641 гг.) отвоевал Иерусалим у персов в 630 г.

[164] *В тот домъ Захариинъ... плод утробы твоея.*— Захарий и Елизавета — родители Иоанна Предтечи; в Евангелии от Луки (1, 39—56) рассказывается о посещении их Богородицей.

[165] *...въ нюже гору прибѣже Иелисавефь... имя мѣсту тому — Орани.* — О бегстве Елизаветы с младенцем Иоанном Предтечей от слуг царя Ирода говорится в апокрифическом Первоевангелии Иакова.

[166] *В ту же гору вбѣглъ Давыдъ... от Саула царя.*— В Библии (1 Цар., 22, 1) говорится, что преследуемый Саулом Давид убежал в пещеру Одолламскую.

[167] *...о той Рамѣ... яко не суть.*— Даниил мог взять эти слова как из Книги Пророка Иеремии (31, 15), так и из Евангелия от Матфея (2, 18), где они процитированы.

[168] *И ту Ирод царь... избить святых младенець.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея (2, 13—16) о бегстве Богородицы с младенцем Христом и обручником ее Иосифом, которому явился ангел во сне и предупредил об опасности, в Египет — чтобы спасти младенца от царя Ирода, узнавшего от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, и старавшегося его убить; с этой целью царь Ирод повелел истребить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет в городе Вифлееме и его окрестностях.

[169] *...до Елъмауса... в преломлении хлѣба.*— Согласно Евангелию от Луки (24, 13—31; ср. Мр. 16, 12), воскресший Христос явился апостолам Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село Еммаус, но они его узнали не сразу; лишь в селе они поняли, кто их спутник, по тому, как он благословил, разломил и подал им хлеб; после этого он стал невидим.

[170] *...в той Лиддѣ Петръ исцѣлилъ есть Ению, на одрѣ лежаща.*— Имеется в виду рассказ Деяний апостолов (9, 32—34) об исцелении апостолом Петром в Лидде некоего Енея, восемь лет не встававшего с постели.

[171] *В том градѣ во Опии святый Петръ апостолъ Тавифу въскресилъ.*— Даниил имеет в виду рассказ Деяний апостолов (9, 36—41) о том, как апостол Петр, за которым послали из Иоппии в соседнюю Лидду по причине смерти одной из его учениц по имени Тавифа, пришел туда и воскресил ее.

[172] *В том же градѣ постившю Петру... ты не оскверняй.*— Даниил пересказывает рассказ Деяний апостолов (10, 11—15) о видении

апостолу Петру спускающегося с неба полотна, наполненного всяческими животными, каковое видение предшествовало появлению посланцев сотника Корнилия, о котором см. след. коммент.

[173] *...святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия.*— Корнилий, римлянин, центурион Италийской когорты, набиравшейся из уроженцев Италии; когорта стояла в Кесарии (Палестинской; Даниил ошибочно называет ее Филипповой); согласно Деяниям апостолов (10), сотнику Корнилию, человеку благочестивому, богобоязненному и милостивому, явился ангел и посоветовал ему пригласить из соседней Иоппии апостола Петра; Петр, явившись, крестил Корнилия, его родственников и близких друзей; это были первые крещенные Петром неиудеи, язычники.

[174] *...отецъ Маркиянъ...*— Византийский святой Мартиниан (V в.), подвизавшийся в Палестине около г. Кесарии.

[175] *...о том Капернаумѣ глаголет пророкъ... и до ада снидеши.*— Даниил цитирует здесь — как пророческие — слова Иисуса Христа, приведенные в Евангелиях от Матфея (11, 23) и от Луки (10, 15); но относятся они там к Капернауму Тивверидскому, у Даниила же применены к одноименному городу на средиземноморском побережье.

[176] *Ис того бо града изити хотяшеть антихристъ.*— Источник этого поверья неизвестен.

[177] *...святый пророкъ Илиа жилъ есть в пещерѣ... по Господи Бозѣ моем.*— Пророк Илия, согласно Библии (3 Цар., 17, 3—6), скрывался от царя Ахава у потока Хорафа близ Иордана, куда вороны приносили ему хлеб и мясо. Жрецов же Вааловых, которым покровительствовала Иезавель, дочь царя Сидонского, жена царя Ахава, Илия собрал на горе Кармил, а заколол у потока Киссон.

[178] *...Илиа пророкъ въскресилъ сына вдовича.*— По Библии (3 Цар., 17, 7—22), когда поток Хорафа, где скрывался пророк Илия, высох, он пошел в Сарепту Сидонскую и жил там во время голода у вдовы; у этой вдовы умер сын, и пророк Илия его воскресил.

[179] *...до Вирита града...*— город Бейрут.

[180] *...Ксенофонтова сына... учить философии.*— Сенатор Ксенофонт (VI в.) послал сыновей в Бейрут изучать философию. Не имея от них вестей, он отправился их разыскивать и нашел в Иерусалиме монахами. После этого и он оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей.

[181] *..Адекия...*— Древняя Лаодикия, служившая морской гаванью для Антиохии.

[182] *...князь Иерусалимьский Балдвинъ...*— Балдуин I (1100—1118 гг.), первый король Иерусалимского королевства крестоносцев.

[183] *...до Гельвуньских горъ... и сынъ его Анафанъ ту же убиен быстъ.*— Согласно Библии (1 Цар., 31, 1—2), царь израильтян Саул и трое его сыновей, в том числе Ионафан, погибли, воюя с филистимлянами, на горе Гелвуйской.

[184] *...нѣсть бо росы на них никогдаже.*— Слова Даниила, возможно, обусловлены словами Второй книги Царств (1, 21): «Горы Гелвуйские! Да не снидет роса, ни же дождь на вас...».

[185] *В той пещерѣ дал бяше Богъ Саула царя в руцѣ Давидови... и покровъ ручный.*— Даниил, очевидно, объединяет — и при этом несколько изменяет — два библейских эпизода: как Давид, скрывавшийся со своими сторонниками в пещере, отрезал у преследовавшего его царя Саула край верхней одежды, когда тот зашел испражниться в эту пещеру (1 Цар. 24, 5), и как Давид вынес из шатра, где спал Саул, его копье и сосуд с водой (там же, 26, 12).

[186] *...и до рова Иосифова... и ввергоша и́ в ровъ...*— Даниил передает библейский рассказ (Бытие. 37, 23—28) о том, как поступили с Иосифом Прекрасным из ревности к отцу его старшие братья: посадив его в ров, они затем продали его проходившим мимо купцам, направлявшимся в Египет.

[187] *...у того кладязя... с женою самарянынею.*— Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна (4, 5—26) о том, как Иисус Христос, когда ученики его ушли в город за пищей, беседовал у колодца с женщиной из племени самарян, с которыми иудеи не общались.

[188] *...темница святаго Иоанна Крестителя... от Ирода царя.*— Согласно евангельским рассказам (Мф. 14, 3—12; Мр. 6, 20—29), Иоанн Креститель был посажен в темницу за то, что говорил царю Ироду, что ему не следует жить с Иродиадой, женой его брата Филиппа; во время празднования для рождения Ирода дочь Иродиады Саломея танцевала перед собравшимися и в награду попросила у царя голову Иоанна Крестителя. По приказу царя Иоанну в темнице отрубили голову и принесли ее на блюде дочери Иродиады; тело Иоанна похоронили его ученики.

[189] *...святаго Малелеиля.*— Библейский персонаж (Лк. 3, 37—38), сын Каинана, внук Еноса, праправнук Адама.

[190] *...Огъ, царь Васаньский... у Иерихона.*— Имеется в виду рассказ Книги Иисуса Навина (10, 12—13) о том, как во время битвы евреев с царями Аморрейскими Иисус Навин остановил солнце и луну, доколе его народ мстил врагам своим; но Ог, царь Васанский, согласно библейским Книгам — Книге Числа (32, 33) и Книге Второзаконие (31, 4), где о нем идет речь,— был побежден не Иисусом Навином, как пишет Даниил, а Моисеем.

[191] *Въ том же градѣ Васаньстѣмъ... за мя и за ся.*— Даниил объединяет и переносит в Васан, Бейсан, древний Скифополь, два евангельских эпизода; разговор с фарисеями о динарии в Иерусалиме,

когда Христа спросили, позволительно ли давать подать кесарю, а он указал им на изображение кесаря на динарии и сказал, что следует отдавать кесарево кесарю, а Богово — Богу (Мф. 22, 17—21; Мр. 12, 14—17), и чудо со статиром во рту у рыбы, бывшее в Капернауме, когда Христос велел Петру забросить удочку и у первой попавшейся рыбы вынуть из рта статир, чтобы заплатить дань на храм (Мф. 17, 27). «Кинисъ» — вероятно, Даниилом слиты два употребленных в Евангелиях слова: кинсон — подушная подать, и пенязь — динарий (драхма), серебряная римская монета, которой подушную подать платили; статир — монета стоимостью в 4 драхмы.

[192] *У того же града Васана Христос ицѣли... въслѣд его идуща.*— Даниил опять путает место: согласно Евангелию от Матфея (Мф. 20, 29—34), Христос исцелил двух слепцов при выходе из Иерихона.

[193] *...до Мытници Матфѣевы...*— Имеется в виду место, где евангелист Матфей, служивший, согласно рассказам синоптических Евангелий (Мф. 9, 9; Мр. 2, 14; Лк. 5, 27), мытарем, сборщиком налогов, впервые последовал за Иисусом Христом.

[194] *...из моря Тивириадьскаго...*— Море Киннереф, или Галилейское.

[195] *...рыбу по въскресении Христос ялъ... одесную страну мрежа.*— О третьем явлении воскресшего Иисуса Христа ученикам — когда они ловили рыбу — сообщает Евангелие от Иоанна (21).

[196] *...до бани Христовы... и до бани Апостольскиа...*— Имеются в виду горячие Аммаусские источники в районе Тивериады.

[197] *...Христос прокаженаго очисти...*— Даниил имеет в виду евангельский рассказ об исцелении Христом прокаженного в Галилее (Мф. 8, 2—3; Мр. 1, 40—42; Лк. 5, 12—13).

[198] *...домъ тещи Петровы, апостола... от болѣзни огньныя тещю Петрову.*— Согласно синоптическим Евангелиям(Мф. 8, 14—15; Мр. 1, 30—31; Лк. 4, 38—39), это было в Капернауме.

[199] *...домъ Симона прокаженаго... отпущение бе-щисленых грѣх.*— Дом Симона прокаженного, где, по Евангелиям (Мф. 26, 6—7; Мр. 14, 3; Лк. 7, 37—38; Иоан. 11, 2; 12, 3), блудница возлила на голову Христу драгоценное мирро, омыла ноги его слезами и отерла волосами, находился в Вифании.

[200] *...слукую жену ицѣли...*— Об исцелении Иисусом Христом согбенной женщины, бывшем, однако же, кажется, не в Тивериаде, но в Заиорданье, говорится в Евангелии от Луки (13, 11—13).

[201] *...одръ сеѣсиша с больным отроком, покровъ прокопавше.*— Имеется в виду случай в Капернауме, о котором говорится в Евангелиях (Мр. 2, 4; Лк. 5, 19): не будучи в состоянии пронести больного к Христу через дверь из-за множества народа, его опустили к нему через крышу, проделав в ней дыру.

[202] *...Ханаоныню помилова.*— Согласно евангельскому рассказу (Мф. 15, 21—28), Христос исцелил дочь хананеянки в пределах Тирских и Сидонских, а не в Тивернаде.

[203] *...пещера, и вода в ней сладка зѣло, и студена... царя поставити в Галилеи.*— В Евангелии от Иоанна (6, 15) говорится, что Иисус Христос, узнав, что его хотят сделать царем, удалился один на гору.

[204] *...Елисѣя пророка, сына Асафатова.*— Имеется в виду ветхозаветный пророк Елисей, сын Сафатов, ученик пророка Илии.

[205] *...Исуса Навгина.*— Иисус Навин, предводитель израильтян при завоевании ими земли обетованной, см. коммент. к с. 56—58, к словам: «...до Иерихона... взял и разорил до конца...»

[206] *...на том камени стоялъ Христос... а от человѣкъ невозможна.*— Даниил вольно перелагает евангельские рассказы о хождении Иисуса Христа по воде; цитируемые им слова Христа были сказаны по другому случаю — в ответ на вопрос, может ли вообще кто-нибудь спастись (см. Мф. 19, 25—26).

[207] *...Христос питал народы 5 тысящь... укроховъ 12 коша.*— Имеется в виду евангельский рассказ (Мф. 14, 17—21; Мр. 6, 38—42; Лк. 9, 13—17; Иоан. 6, 9—12) о том, как Христос накормил пятью хлебами примерно пять тысяч человек, оказавшихся с ним в пустынном месте вечером.

[208] *...МарииМагдалыни, ту ицѣли... зоветъ Магдалия.*— Согласно евангельским сказаниям (Мр. 16, 9; Лк. 8, 2), из Марии Магдалины Иисус Христос изгнал семь бесов; Магдалия — ее родина, город на берегу Тивериадского моря.

[209] *...приведе Нафанаила к Петрови и къАндрѣю.*— Подразумевается, что Филипп привел Нафанаила к Христу, за которым уже следовали, согласно Евангелию от Иоанна (1, 37—51), братья Андрей н Петр.

[210] *...прииде Христос к Зеведѣеви... идоста вслѣд Христа.*— Даниил имеет в виду сообщение синоптических Евангелий (Мф. 4, 18—22; Мр. 1, 16—20; Лк. 5, 2—10) о том, как Христос позвал к себе в ученики рыболовов Симона-Петра, его брата Андрея и сыновей Зеведеевых Иакова и Иоанна.

[211] *...Христосъ изгна... истопаша свиниа в мори.*— Имеется в виду рассказ Евангелий от Марка (5, 8—13) и от Луки (8, 29—33) о том, как Христос изгнал из бесноватого легион бесов, позволил им войти в свиней, и стадо свиней бросилось с обрыва в море и погибло.

[212] *...ливанъ и темианъ былый.*— Благовония.

[213] *...Харъранъ, отнюдуже изиде Авраамъ.*— Харран в Месопотамии, откуда, по библейской Книге Бытие (12, 4—6), Авраам вышел в

Ханаанскую землю; см. коммент. к 72 с., к словам; «И ту землю обѣща Богъ... и азъ буду с тобою».

[214] *...преобразился есть Христос...*— Имеется в виду сообщение синоптических Евангелий (Мф. 17, 1—2; Мр. 9, 2—3; Лк. 9, 28—29) о том, как Христос с учениками Петром, Иаковом и Иоанном взошел на высокую гору помолиться и во время молитвы преобразился — лицо его и одежда стали ярко блистающими.

[215] *...а другаа, во имя святых пророк Моисия и Илии...*— По евангельским рассказам (Мф. 17, 3; Мр. 9, 4; Лк. 9, 30), во время преображения ученики Христа увидели беседующих с ними пророков Моисея и Илию.

[216] *...в той пещерици жилъ святый Мелхиседекъ... то бысть начатокъ литургиам хлѣбом и вином...*— Сюжет ряда апокрифов, базирующийся на библейском известии о том, что царь Салима и «священник Бога всевышнего» Мелхиседек, когда Авраам возвращался после поражения царей, напавших на Содом и Гоморру и пленивших его племянника Лота, вынес ему хлеб и вино и благословил его (Быт. 14, 18—20).

[217] *...а не опрѣсноком.*— Полемическое замечание, имеющее в виду богослужебную практику католиков, использующих для литургических целей, в отличие от православных, пресный, а не кислый хлеб.

[218] *О том пророкъ глаголеть... по чину Мелхиседекову.*— Слова из Псалтыри (109, 4), которые в новозаветном Послании к евреям (5, 6; 7, 17, 21) применяются к Христу.

[219] *...святое благовѣщение... от аггела Гавриила.*— Событие, о котором говорится в Евангелии от Луки (1, 26—38): ангел Гавриил, посланный к деве Марии, обрученной Иосифу из рода Давида, сообщил ей, что ее осенит сила Всевышнего и у нее родится сын, которого она назовет Иисусом.

[220] *Ту есть мѣсто в той же пещерѣ... идеже стояше Гавриилъ...*— Здесь и далее Даниил следует апокрифическим рассказам о двух явлениях Богородице архангела Гавриила — у колодца и в пещере.

[221] *Акра же град...*— Город на берегу Средиземного моря, древняя Птолемаида; до 1104 г. им владели мусульмане.

[222] *...фрязи...*— Франки, крестоносцы.

[223] *...Корнилие, егоже Петръ апостолъ крестилъ.*— См. коммент. к с. 82, к словам: «...святый Петръ апостолъ крестилъ Корнилия».

[224] *...Сила бо моя... апостолъ глаголеть Павел.*— Это, как пишет Павел, был ответ ему на молитву об исцелении больной плоти.

[225] *..въ метохию Святаго Савы...*— подворье монастыря Св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима.

[226] *...паремии тоя суботы великиа...*— Чтение определенных для этого дня отрывков из ветхозаветных книг.

[227] *...вся дружина, русьстии сынове... и инии мнози, еже то свѣдають о мне худомъ и о сказании семъ.*— По-видимому, спутники Даниила; Изяслав Иванович, возможно, то же лицо, что упомянутый выше Издеслав.

[228] *...кондакъ...*— Песнопение в честь праздника или святого; здесь — в честь Христова воскресения; исполняется обычно после 6-й песни Пасхального канона.

[229] *...Михаил Святополкъ... Глѣбъ Менский.*— Михаил-Святополк Изяславич, великий князь киевский (1093—1113 гг.); Василий-Владимир Всеволодович Мономах, князь переяславский, затем киевский (1113—1125 гг.); Давыд Святославич, князь черниговский (ум. 1123); Михаил-Олег Святославич, князь новгород-северский и курский (ум. 1115); Панкратий-Ярослав Святославич, князь муромский и рязанский (ум. 1127); Глеб Всеславич, князь минский (ум. 1119). Судя по всему, Даниил перечисляет князей в порядке старшинства.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ И ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА ИЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Вот я, недостойный игумен Даниил из Русской земли, худший из всех монахов, отягченный грехами многими, неспособный ни к какому делу доброму, будучи понуждаем мыслью своею и нетерпением моим, захотел видеть святой город Иерусалим и Землю обетованную. И, благодатью Божьею, дошел я до святого города Иерусалима, и видел святые места, обошел всю землю Галилейскую и около святого города Иерусалима святые места, куда Христос Бог наш ходил своими ногами и где, по местам тем святым, он показал великие чудеса. И то все видел я глазами своими грешными. Незлобивый Бог показал мне, чтобы я видел то, чего желал я много дней мыслью моею.

Братья и отцы, господа мои, простите меня, грешного, и не попрекните за скудоумие и грубость того, что написал я о святом городе Иерусалиме, о земле той благой и о пути, ведущем к святым местам. Ведь кто совершает этот путь со страхом Божиим и смирением, никогда не погрешит против милости Божией. Я же неподобающе ходил путем тем святым, во всякой лености, слабости, пьянствуя и всякие неподобающие дела творя. Но, надеясь, однако, на милость Божию и на вашу молитву — что простит мне Христос Бог мои грехи бесчисленные, описал я этот путь и места те святые, не возносясь, не величаясь этим путем, будто что-нибудь доброе сотворил на этом пути, — да не будет

того: никакого ведь добра не сотворил я на пути том, — но по любви к святым тем местам описал я все, что видел глазами своими, дабы не забыто было то, что дал Бог видеть мне, недостойному. Убоялся я осуждения раба того ленивого, скрывшего талант господина своего и не получившего на него прибыли, и написал это для верных людей. Может, кто-нибудь, слыша о местах этих святых, потянется душой и мыслью к этим святым местам и равную мзду примет от Бога с теми, кому удается дойти до этих святых мест. Ибо многие добрые люди, находясь дома, в своих местах, мыслью своею и милостыней к убогим, добрыми своими делами, достигают святых этих мест, и большую мзду примут они от Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Многие же, дойдя до мест этих святых и до святого города Иерусалима и вознесшись умом своим, будто нечто доброе сотворили, теряют награду за свой труд, из них же первый есть я. Многие же, сходив в святой город Иерусалим и многого хорошего не увидев, опять идут, стараясь опять пройти быстро. А этим путем нельзя пройти быстро и смочь толком рассмотреть все те святые места в городе и вне города.

О ИЕРУСАЛИМЕ, О ЛАВРЕ

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, пробыл шестнадцать месяцев на одном месте, в лавре святого Саввы, и потому смог обойти и рассмотреть все святые эти места. А так как невозможно без хорошего проводника и без знания языка разыскать и увидеть все святые места, то я, что имел под рукой из бедного моего добыточка, все для того подавал знающим хорошо все святые места в городе и вне города, — чтобы показали мне все хорошо; как оно и было. И помог мне Бог встретить в лавре мужа святого и старого днями, и очень книжного; тому святому мужу вложил Бог в сердце любить меня, худого, и он показал мне хорошо все святые те места: и в Иерусалиме, и по всей земле той поводил меня, и до Тивериадского моря проводил меня, и к Фавору, и в Назарет, и до Хеврона, и до Иордана, и по всем тем местам поводил меня, и потрудился со мною, движимый любовью. И другие святые места я видел многие, о чем после скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А вот каков путь к Иерусалиму. От Царьграда надо идти по морскому берегу триста верст до Великого моря. До Петалы-острова сто верст; это первый остров на узком море; там залив хороший, и там находится город Ираклия Великая. А против того города святое миро выходит из глубины морской: тут много святых мучеников утоплено мучителями. От Петалы-острова до Калиполя сто верст, а от Калиполя до города Авида восемьдесят верст. Против того города лежит святой Евфимий

Новый. А оттуда до Крита двадцать верст, и там — выход в Великое море: налево — к Иерусалиму, а направо к Святой горе, к Солуни и к Риму. А от Крита до острова Тенеда верст тридцать. Это первый остров на Великом море, и там лежит святой Навгудимос-мученик. И против того острова на берегу был город большой, названием Троада, туда Павел-апостол приходил, и научил ту страну всю, и крестил. А от Тенеда-острова до острова Метании сто верст; там лежит святой митрополит Мелетинский. А от Мелетинии до острова Ахия сто верст; и там лежит святой мученик Исидор. И родится на том острове мастичная смола, и вино хорошее, и плоды всякие.

О ГОРОДЕ ЕФЕСЕ

А от Ахия-острова до города Ефеса верст шестьдесят. Там находится гроб Иоанна Богослова. И исходит прах святой из гроба того в день памяти его, и собирают верные люди прах тот святой на исцеление всякого недуга. И плащ Иоанна тут лежит, в котором он ходил.

И там поблизости есть пещера, где лежат тела семи отроков, что спали триста шестьдесят лет: при Декии-царе уснули, а при Феодосии-царе явились. В той же пещере триста святых отцов лежат; тут и святой Александр лежит, и гроб Магдалины Марии, и голова ее; и святой апостол Тимофей, ученик святого апостола Павла, в древнем гробе лежит. И есть там в старой церкви икона святой Богородицы, с помощью которой святые переспорили Нестория-еретика. И есть там баня Диоскоридова, где работал Иоанн Богослов с Прохором у Романы. И видели мы ту пристань, где Иоанна Богослова море извергло; там стояли три дня; а называется та пристань Мраморная. Город же Ефес расположен на суше, в четырех верстах от моря, в горах; он изобилует всяческим добром. И мы поклонились там святому тому гробу и, хранимые благодатью Божией и молитвами святого Иоанна Богослова, шли, радуясь. А от Ефеса до Сама-острова верст сорок. На том острове много всякой рыбы, и всем изобилует этот остров. А от Сама до острова Кария двадцать верст.

ОБ ОСТРОВЕ ПАТМЕ

А от Кария до острова Патма верст шестьдесят. В стороне, далеко в море остров Патм. На том острове Иоанн Богослов написал Евангелие, когда был заточен с Прохором. Далее оттуда — остров Лерос, затем остров Калимнос, затем остров Нисера, а также и остров Кос, очень большой. Тот остров весьма всем богат: и людьми, и скотом. Далее —

остров Тилос, на этом острове мука Иродова кипит горящею серою; и эту серу, сварив, продают, мы же ею огонь высекаем. Далее — Харкия-остров. И все те острова, полные людьми и скотом, стоят в ряд, близко один к другому, примерно по десять верст или больше имея между собою.

Далее — остров Род, большой и очень всем богатый. На том острове был Олег, русский князь, два лета и две зимы. А от Сама до острова Рода двести верст, а от Рода до Макрии шестьдесят верст. И в том городе, и по всей той земле до самых Мир — там родится черный фимиам гомфит.

Вот как добывается черный фимиам гомфит: из дерева исходит как бы смола, и ее снимают острым железом. Называется то дерево зигия, а по виду оно похоже на ольху. А другое небольшое деревце похоже на осину, но название того деревца рака; в том деревце водится большой червь, по величине как поноров, за корою того деревца. И точит этот червь то деревце, и исходит из этого деревца труха, как пшеничные отруби, и падает с деревца того, словно вишневый клей. И люди собирают его, смешивают с вышеназванным деревом и, положив в котел, так варят фимиам гомфит; и кладут в мешки, продают купцам.

А от Макрии до города Патера верст сорок. Здесь родился святой Никола; это его отчизна и родина — Патера. А от Патеры до Мир, где гроб святого Николы, сорок верст. А от Мир до Хилидония шестьдесят верст. А от Хилидония до Кипра, великого острова, верст двести.

О КИПРСКОМ ОСТРОВЕ

Кипр — очень большой остров, и множество на нем людей, и изобилует он всяческим добром. На нем двадцать четыре епископа, митрополия же одна. И святых на нем лежит без числа: там лежат святой Епифаний, и апостол Варнава, и святой Зинон, и святой епископ Трифолий, и святой Филагриос епископ, которого крестил апостол Павел.

О ГОРЕ, ГДЕ СВЯТАЯ ЕЛЕНА ПОСТАВИЛА КРЕСТ

И есть там очень высокая гора, а на той горе святая Елена крест поставила кипарисный большой для прогнания бесов и исцеления всякого недуга и вложила в крест честной гвоздь Христов. И бывают там, на том месте, у креста того, знамения великие и чудеса и доныне. Стоит же тот крест на воздухе, ничем не будучи прикреплен к земле, но так, Духом Святым носим в воздухе. И тут я, недостойный, поклонился святыне той чудной, и видел глазами своими грешными благодать Божию на месте том, и исходил весь тот остров как следует.

О ФИМИАМЕ

И там родится фимиам, ладан: он спадает с небес, и его собирают на деревцах. Много ведь в тех горах деревцев низких, с травой равных, на них и падет фимиам тот хороший. Собирают его в июле месяце и в августе; в другие же месяцы не выпадает; но только в те два родится.

А от Кипра до города Яффы верст четыреста, все по морю. От Царьграда до острова Рода восемьсот верст, и от Рода до Яффы восемьсот верст. Всего же пути по морю до Яффы тысяча шестьсот верст. Яффа же — город на берегу недалеко от Иерусалима, оттуда посуху надо идти к Иерусалиму. По полю десять верст ходу до святого Георгия: тут была большая церковь, построенная во имя святого Георгия, там же и гроб его был в алтаре, тут ведь и замучен был святой Георгий. И воды там много; и там отдыхают странники, у той воды, но — с большим страхом, ибо место это пустое и близок город Аскалон, а оттуда выходят сарацины и избивают странников на тех путях, так что очень боязно от места того входить в горы. От святого Георгия до Иерусалима двадцать больших верст, но все в горах каменных. Путь тут и тяжел, и очень страшен.

О ГОРЕ АРМАФЕМ

И есть там гора высокая около Иерусалима, с правой стороны, если идешь от Яффы; название той горы Армафем. На той горе Армафем находится гроб святого пророка Самуила, и отца Елкана, и Марьи Египтянки, ибо тут святых было село, и дом. И обнесено то место оградой, и это огороженное место тоже называется Армафем.

О ИЕРУСАЛИМЕ

Святой город Иерусалим расположен в теснине, вплотную около него — высокие каменные горы. Подходя уже к самому городу, видишь сначала столп Давидов, а потом, пройдя немного, видишь Елеонскую гору, и Святая Святых, и церковь Воскресения, где находится Гроб Господен, и потом видишь весь город. И есть там пологая гора вблизи от дороги, на расстоянии примерно версты до Иерусалима, — на той горе ссаживаются с коней все люди, и кладут там крестные поклоны, и поклоняются святому Воскресению на виду у города. И испытывает тогда всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слезы льются тут у верных людей. Никто ведь не может не прослезиться, увидев эту желанную землю и видя святые места, где Христос Бог наш претерпел страсти нас ради, грешных. И идут все пешком с радостью великою к городу Иерусалиму.

И стоит здесь, по левую руку от дороги, когда там проходишь, церковь святого Стефана Первомученика: на том месте Стефан Первомученик был побит иудеями, там находится и гроб его. И тут есть гора каменная плоская — она просела во время распятия Христова; то место зовется Ад; оно находится около городской стены, на расстоянии примерно броска.

И потом все люди с великой радостью входят в святой город Иерусалим через ворота, находящиеся около столпа Давидова. Те ворота — со стороны Вифлеема; это ворота Вениаминовы. Войдя в город, видишь по правую руку дорогу через город в Святая Святых, а по левую — к святому Воскресению, где находится Гроб Господен.

О ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Церковь Воскресения Господня такова: по форме она круглая; в ней двенадцать круглых цельных столпов, а шесть сложенных; она красиво вымощена мраморными плитами; дверей у нее шесть; а на хорах у нее шестнадцать столпов. А над хорами на потолке мозаичное изображение святых пророков — как живые стоят. А над алтарем мозаикой изображен Христос. В алтаре же великом мозаика изображает воздвижение Адама, дальше кверху — мозаичное изображение вознесения Господня; на обоих столпах по сторонам алтаря изображено мозаикою Благовещение. Верх же церкви не до конца сведен камнем, но расперт каркасом из тесаного дерева, так что она без верха, ничем не покрыта. Под самым же тем непокрытым верхом — Гроб Господен.

Гроб же Господен собою таков: это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек. В высоту она мала, а в длину и в ширину одинаково четыре локтя. И когда входишь в эту пещерку через маленькие дверцы, по правую руку — как бы скамья, высеченная в том же пещерном камне: на той скамье лежало тело Господа нашего Иисуса Христа. Сейчас та святая скамья покрыта мраморными плитами. Сбоку проделаны три круглых оконца, и через эти оконца виден этот святой камень, и туда целуют все христиане. Пять больших лампад с маслом висят в Гробе Господнем, и горят беспрестанно лампады святые день и ночь. Скамья ж та святая, где лежало тело Христово, в длину четыре локтя, в ширину два локтя, а по высоте пол-локтя. Перед дверьми пещеры лежит камень — на расстоянии трех стоп от тех пещерных дверец: на том камне, сидя, ангел явился женам и благовестовал им о воскресении Христовом.

Пещерка же та святая отделана снаружи красным мрамором наподобие амвона, и столбики из красного мрамора стоят вокруг числом двенадцать. Сверху же над пещеркой построен как бы теремец красивый на столбах, сверху он круглый и окован позолоченными чешуями; а наверху того теремца стоит Христос, изваянный из серебра, выше человеческого роста; это фряги сделали; и ныне он стоит под самым верхом тем непокрытым. Есть три двери у теремца того, устроенных хитро — как решетка из крестов; через те двери люди входят к Гробу Господню. А что Гробом Господним была та пещерка, как я сказал, я хорошо разузнал от живущих здесь издавна и по-настоящему знающих все те святые места.

Церковь же Воскресения по форме круглая, а в длину и в ширину равно имеет тридцать саженей. В ней устроены просторные помещения, и там наверху живет патриарх. Расстояние же от дверей Гроба до стены великого алтаря двенадцать саженей. Здесь же, за стеной, вне алтаря, находится Пуп земли; над ним сделан свод, и сверху мозаикой изображен Христос, и надпись гласит: «Вот пядью моей я измерил небо и землю».

О МЕСТЕ СРЕДИ ЗЕМЛИ, ГДЕ БЫЛ РАСПЯТ ХРИСТОС

А от Пупа земного до Распятия Господня и до Края двенадцать саженей. Распятие Господне находится с восточной стороны на камне, оно было высоко, выше копья. Камень же тот был круглый, вроде маленькой горки. А посреди того камня, на самом верху, высечена скважина локтя два глубиной, в ширину меньше пяди, круглая, тут был водружен крест Господен. В земле же под этим камнем лежит голова

первозданного Адама. А во время распятия Господня, когда Господь наш Иисус Христос предал свой дух на кресте, тогда разорвалась церковная завеса, и камень тогда же распался; и разошелся тот камень над головой Адама; и через ту расселину кровь и вода из ребер Владыки сошли на голову Адама и омыли все грехи рода человеческого. И есть расселина эта на камне том и до сегодняшнего дня. С правой стороны Распятия Господня можно видеть знамение то честное.

О ЛОБНОМ МЕСТЕ

Распятие Господне и тот святой камень кругом обнесены стеной. Сверху над Распятием создан замысловатый свод, чудесно украшенный мозаикой. И с восточной стороны на стене мозаикой изображен Христос, на кресте распятый, искусно и удивительно, прямо как живой, и по величине и в высоту — каким был тогда. А с южной стороны написано снятие со креста, так же чудесно. Дверей же две. Входить надо вверх по ступенькам: до дверей семь ступеней, и в двери войдя семь ступеней. Пол вымощен красными мраморными плитами.

Снизу под Распятием, где лежит голова Адама, тоже пристроена как бы церковка маленькая, красиво украшенная мозаикой и вымощенная красным мрамором. Это и называется Краниево место, что значит Лобное место. А выше, где Распятие, — то зовется Голгофой. А от Распятия Господня до Снятия Господня расстояние пять саженей. И есть там, близко от Распятия Господня, место с северной стороны, где разделили ризы его. Там и другое место, где возложили венец терновый на голову Господа и в багряницу поругания облекли его.

О ЖЕРТВЕННИКЕ АВРААМА

И там поблизости находится жертвенник Авраамов, где Авраам положил жертву Богу и заклал барана вместо Исаака. Ведь Исаак был возведен на то самое место, куда возведен был Христос закланным быть нас ради, грешных. А оттуда близко место — примерно на две сажени дальше — где заушен был Христос Бог наш. А дальше через десять саженей — святая Темница, куда был посажен Христос и где посидел немного, пока иудеи успеют поставить крест, чтобы его распять. Все же эти святые места находятся под одним покрытием, все стоят в ряд по направлению к югу. И от Темницы Христовой до места, где святая Елена нашла честной крест, гвозди, венец, копье, губку и трость, саженей двадцать пять. Гроб Господен, Распятие и все эти святые места

расположены на ровном месте; взгорье же подымается над Гробом и над Распятием с западной стороны.

И есть там на склоне место, на которое прибежала святая Богородица. Она торопилась следом за Христом и говорила в болезни сердца своего сквозь слезы: «Куда идешь ты, дитя мое? Чего ради движение твое так быстро? Или снова брак в Кане Галилейской, и туда торопишься, сын и Бог мой? Молча не уходи от меня, родившей тебя, промолви мне слово, рабе своей». И придя на то место, святая Богородица увидела с горы той сына своего, распинаемого на кресте, и, видев, ужаснулась, и согнулась, и села, одержимая печалью и рыданием. И здесь сбылось пророчество Симеона, как он прежде сказал святой Богородице: «Этот лежит на востание и на падение многим в Израиле. И тебе же самой оружие душу пронзит, когда увидишь сына своего, убиваемого». Тут же стояли многие, на месте том, друзья и знавшие его, издали смотря: Мария Магдалина, и Мария Иаковля, и Саломия, — где стояли все из Галилеи пришедшие с Иоанном и с матерью Иисусовой. Стояли же все знакомые и друзья Иисуса, смотря издали, как пророк говорит о том: «Друзья же мои и близкие мои вдали от меня стали». И расположено то место поодаль от Распятия Христова; примерно полтораста саженей на запад это место от Распятия Христова. Называется то место Спудий, что переводится как «Поспешание Богородицы». А ныне на том месте стоит монастырь и церковь Святой Богородицы с поднятым клетью верхом.

О СТОЛПЕ ДАВИДА

А оттуда до столпа Давидова и до дома двести саженей. Столп этот святого пророка Давида; тут же и дом его был. В том столпе пророк Давид составил и написал Псалтырь. Чудесен этот столп, из больших камней сложен, очень высок, сделан о четырех углах, и весь крепок и прочен, и камень отборный. Внутри в нем воды много. Дверей же у него пять железных, а ступеней двести, по которым поднимаются наверх. И зерна в нем бесчисленное множество лежит. Очень он труден для взятия и главенствует над всем тем городом, и охраняют его очень, и не дают никому войти в него просто так. Мне же, дурному и недостойному, дал Бог возможность войти в тот святой столп; с собой я смог ввести одного только Изяслава.

О ДОМЕ УРИИ

А от столпа того близко был дом Урии — того Урии, которого убил Давид и взял жену его, увидев ее моющейся в бане. Там сейчас метох монастыря святого Саввы; близко он от столпа, можно до него добросить. А где баня та была, известно доныне: от того места, где святая Елена нашла честной крест — вблизи Распятия Господня — двенадцать саженей на восток. Здесь, на том месте, была построена клетская церковь очень большая, а теперь — маленькая церковка. Там стоят большие двери, обращенные на восток: к тем дверям пришла святая Мария Египетская, и хотела войти в церковь, и хотела поцеловать крест, но не впустила ее сила Святого Духа. И тогда она помолилась святой Богородице, ибо здесь, в притворе у этих дверей, стояла икона святой Богородицы, и после этого смогла войти и целовать честной крест. Этими же дверьми вышла она потом в пустыню Иорданскую.

А от тех дверей близко место, где святая Елена проверяла крест Господен честной: тотчас встала мертвая дева. А если оттуда пойти немного к востоку — Претория, куда воины привели Христа к Пилату. И здесь, руки свои умыв, Пилат и сказал: «Чист я от крови этого праведника». И, бив Иисуса, передал его иудеям. Тут находится темница иудейская; из этой темницы ангел вывел святого апостола Петра среди ночи. И тут же был двор Иуды, предателя Христова. Стоит пустым и ныне дворище то проклятое: никто не смеет на месте том поселиться из-за проклятия. А если оттуда немного пойти к востоку, будет место, где Христос кровоточивую исцелил. И тут поблизости ров, куда брошен был Иеремия-пророк; там и дом его был. Там же и Павла-апостола двор был прежде, когда он был в иудействе. А если оттуда немного пойти к востоку и чуть сойти с той дороги, то там есть дом, который принадлежал святому Иоакиму и Анне.

Там есть пещера немного ниже алтаря, в камне: в той пещере родилась святая Богородица; в той же пещере находится гроб святого Акима и Анны.

ОБ ОВЧЕЙ КУПЕЛИ

А оттуда близок притвор Соломонов, где Овчая купель, где Христос расслабленного исцелил. Место то к западу от Акима и Анны, — ближе, чем может бросить человек. Оттуда на восток близко ворота городские; теми воротами выходят, идя к Гефсимании.

О ЦЕРКВИ СВЯТАЯ СВЯТЫХ

А от Воскресения Христова до Святая Святых расстояние подальше, чем можно два раза дострелить. Церковь Святая Святых чудесно и искусно построена, украшена изнутри мозаикой, и красота ее непередаваема словами. Построена она круглой по форме, снаружи расписана изображениями искусно и несказанно, стены ее облицованы мраморными плитами другого мрамора; и вымощена она красиво мраморными плитами. Столпов же в ней под крышей, кругом стоящих, круглых цельных двенадцать, а квадратных сложенных столпов восемь. Дверей же у нее четыре; окованы позолоченной медью те двери. И купол покрыт изнутри мозаикой искусно и непередаваемо в словах, а снаружи, сверху, был обит позолоченной медью. Под самым же куполом тем — высеченная в камне пещера, а в пещере той был убит Захария-пророк, тут же был он и погребен, и кровь его тут была, теперь же ее здесь нет. И есть там вне той пещеры под куполом же камень, на котором Иаков видел сон: лестница, достигающая неба, а ангелы Божий восходят по ней и нисходят. Здесь же боролся Иаков с ангелом; встал от сна Иаков и сказал: «Это место — дом Божий, и это — врата небесные». На том же месте и пророк Давид видел ангела, стоящего с обнаженным оружием и поражающего людей Израилевых, и он вошел в ту пещеру с плачем, молясь Богу, и сказал: «Господи, не овцы согрешили, но я согрешил». Церковь же та тридцать саженей равно вдоль и поперек; входов же у нее четыре. Старая же церковь Святая Святых разрушена, и ничего не осталось от первого здания Соломонова, что можно видеть, и только видна насыпь под церковь, что начал делать пророк Давид. И пещера та теперь в церкви, и камень тот; это теперь под крышей, и это все, что осталось от старого здания. А эта нынешняя церковь построена старейшиной сарацинским по имени Амор.

О ДОМЕ СОЛОМОНА

Там же был дом Соломона. Крепким было это здание, велико весьма и очень красиво. Весь он был вымощен мраморными плитами, утвержден на сводах, и весь дом был снабжен водой. Были сделаны прекрасные помещения и искусно украшены мозаикой, и мраморные столпы из дорогого мрамора были красиво поставлены в ряд, а на тех столпах искусно возведены своды, и весь дом был покрыт оловом. Там есть ворота того дома, очень красиво и искусно облицованные оловом, покрытые мозаикой и окованные позолоченной медью. А называются те ворота Красные, где Петр и Иоанн исцелили одного хромого. И доныне известно место это у тех ворот.

И трое других ворот есть, кроме тех, а пятые ворота — Апостольские. Те ворота построил пророк Давид. Крепко и удивительно искусно сделаны ворота: они были окованы изнутри позолоченной медью и искусно

расписаны по меди, а снаружи крепко окованы железом. Четверо дверей у тех ворот. Только те ворота и остались от древних строений — они и столп Давидов, а иные постройки все новые. Ведь древний город Иерусалим неоднократно был разорен. Теми воротами и вошел Христос в Иерусалим с Лазарем со стороны Вифании, когда воскресил Христос Лазаря. Вифания с восточной стороны от города, напротив Елеонской горы. Расстояние же от тех ворот до церкви Святая Святых сто пятьдесят саженей.

О СЕЛЕ ВИФАНИЯ

Вифания же находится от города Иерусалима на расстоянии двух верст за горою на ровном месте. Вифания — это городок небольшой к югу от Иерусалима. Когда входишь в ворота того городка, то по правую руку пещера, а в той пещере гроб святого Лазаря. В той самой келье Лазарь болел, тут же и умер. Посреди того городка большая церковь, вытянутая вверх и вся хорошо расписанная. От той церкви до гроба Лазаря двенадцать саженей; Лазарев гроб от церкви — по направлению к западу, а церковь от гроба — к востоку. И есть с запада перед городом очень хорошая вода глубоко в земле; спускаются к ней по ступенькам. А по направлению оттуда к Иерусалиму — от Вифании побольше версты — стоит столп; на том месте Марфа встретила Иисуса, и тут снова сел Христос на осла по воскрешении Лазаря.

О СЕЛЕ ГЕФСИМАНИЯ

Гефсимания же, село, где находится гроб святой Богородицы, близко от Иерусалима, на потоке Кедронском, в Долине плача, и расположено от Иерусалима в среднем направлении между юго- и северо-востоком.

О ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ

От городских ворот восемь саженей до места, где Охония-еврей хотел стащить с постели тело святой Богородицы, когда несли ее погребать апостолы в Гефсиманию. И отсек ему ангел обе руки мечом, и положил их на нем. Был на том месте монастырь женский, а теперь оно разорено погаными.

О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

И оттуда до гроба святой Богородицы саженей сто. Расположен гроб святой Богородицы на ровном месте: была высечена в камне небольшая пещерка с маленькими дверьми, чтобы мог, наклонясь, войти человек; а в глубине той пещеры, напротив дверец, как бы скамья высечена в том же пещерном камне, — на той скамье и было положено тело Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и оттуда же взято было в рай, оставаясь нетленным. По высоте пещерка та повыше человеческого роста, а в ширину четыре локтя и так и так; снаружи она, как терем, красиво отделана мраморными плитами. А сверху над гробом святой Богородицы была выстроена очень большая клетская церковь во имя святой Богородицы Успения; ныне же разорено погаными то место. Расположен гроб святой Богородицы внизу под великим алтарем этой церкви.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ БЫЛ ПРЕДАН ХРИСТОС

А от гроба святой Богородицы десять саженей до пещеры, где предан был Христос Иудой евреям за тридцать сребреников. Находится же та пещера по другую сторону потока Кедронского при горе Елеонской.

И есть здесь место близ той пещеры — человек может добросить небольшим камнем, в южном направлении то место, — где помолился Христос отцу своему той ночью, когда предан был на распятие иудеям, и сказал: «Отец, если возможно, пусть минует меня чаша сия». Теперь на том месте построена церковка маленькая. А оттуда перестрел расстояние до гроба Асафата, — это был царь иудейский, и потому зовется та теснина Асафатова. И тут же поблизости, в той же теснине, гроб святого Иакова, брата Господня.

Елеонская же гора расположена от Иерусалима в направлении на юго-восток. От Гефсимании лезть на гору Елеонскую очень высоко: едва ли возможно за три раза дострелить на ее верх; но только до Отче наш можно дострелить из Гефсимании.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС НАЧАЛ УЧИТЬ СВОИХ УЧЕНИКОВ

И там возведена большая церковь, и есть под алтарем изнутри пещера: в той пещере Христос научил своих учеников петь «Отче наш». А оттуда до самого верха Елеонской горы, где Вознесение Господне, девяносто саженей.

О ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Вознесение же Господне находится на верху Елеонской горы, прямо к востоку, и выглядит как небольшая горка. На той горке был круглый камень повыше колен: с того камня вознесся Христос Бог наш на небеса. И все то место обнесено вокруг сводами, и сверху на тех сводах сделан как бы двор каменный круглый, и вымощен весь тот двор мраморными плитами. А посреди того двора сделан как бы теремок круглый, без верха; такое же отверстие и в дне теремка. А в том теремке под самым верхом тем непокрытым лежит камень святой, на котором и стояли пречистые ноги Владыки нашего и Господа. И сделана над камнем тем трапеза из мраморных плит, и на той трапезе служат теперь литургии. Камень же тот находится внизу, под святой трапезой, вокруг он весь обложен мраморными плитами, только верх его виден немного, и его целуют все христиане. Дверей же двое у того теремка. Подходить надо по ступеням к Вознесению Господню, а тех ступеней всего двадцать две. Гора Елеонская возвышается высоко над городом Иерусалимом, и видно с нее все в городе Иерусалиме; и Святая Святых, и до Содомского моря, и до Иордана с нее можно доглядеть; и всю ту землю, даже и по ту сторону Иордана — все с нее видно: ибо Елеонская гора выше всех гор, что у Иерусалима.

О ГОРОДЕ ИЕРУСАЛИМЕ

Иерусалим же большой город с крепкими стенами; стены его равны друг другу; построен он о четырех углах в форме креста. Ущелья во множестве вокруг него и горы каменные. Безводно то место: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только одна купель Силоамская. Но дождевой водой живут все люди и скоты в городе том. И хлеба хорошие родятся около Иерусалима в камнях тех без дождя, но так, Божиим повелением и благоволением. Родятся изрядно пшеница и ячмень: ведь одну кадь посеяв, берут девяносто кадей, а другой раз сто кадей за одну кадь. Это ли не благословение Божие земле той святой! Много виноградников около Иерусалима и деревьев фруктовых многоплодных, смокв, шелковиц, маслин, рожков; и другие все различные деревья без числа по всей земле той растут. И на той же горе Елеонской есть пещера глубокая близко от Вознесения Господня с южной стороны, и в той пещере — гроб святой Пелагии-блудницы. И там есть столпник поблизости, муж духовный весьма.

О ПУТИ К ИОРДАНУ

Путь от Иерусалима к Иордану лежит через Елеонскую гору на юго-восток, и путь этот очень тяжел, страшен и безводен. Ибо горы здесь высокие каменные и разбойников много, и они разбойничают в тех горах и ущельях страшных. Расстояние от Иерусалима до Иордана двадцать шесть больших верст. Пятнадцать верст до Кузивы, где постился святой Иоаким из-за своего неплодства, — есть здесь это место в глубоком ущелье близко у дороги, по левую руку, когда там идешь. И от Кузивы до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст больших, все равно по песку; путь очень тяжелый. Тут многие люди задыхаются от зноя и гибнут — от жажды без воды умирают. Там ведь море Содомское близко от той дороги: исходит дух знойный и смердящий — жжет и попаляет всю землю ту. И здесь, не доходя до Иордана, близко от дороги, находится монастырь святого Иоанна Предтечи, устроен в горе.

О ЕРМОНСКОЙ ГОРЕ

И есть там гора Ермон, вблизи от того монастыря, на расстоянии примерно двадцати саженей. Она по левую руку, когда там идешь, близко от дороги. И горка эта песчаная не велика, но мала.

А от Ермона до старого монастыря Иоаннова два хороших перестрела. Там была возведена большая церковь во имя Предтечи Иоанна.

О МЕСТЕ, ГДЕ МОРЕ, УВИДЕВ ХРИСТА, ПОБЕЖАЛО И ИОРДАН ВОЗВРАТИЛСЯ ВСПЯТЬ

А близко за алтарем той церкви, с восточной стороны на пригорке, построен как бы алтарик и свод небольшой: на том месте Иоанн Предтеча крестил Господа нашего Иисуса Христа. До того ведь места дошел Иордан, выйдя из своего ложа, когда повернул при виде Творца своего, пришедшего креститься: убоявшись, обратился он вспять и дошел до этого места. И тут близко от той купели было Содомское море, а ныне оно далеко от Крещения — на четыре версты отбежало. Ибо узрело тогда море нагое Божество, стоящее в водах Иорданских, и

убоялось, и побежало; Иордан обратился вспять, как пророк говорит о том: «Что же ты, море, побежало, и ты, Иордан, обратился вспять?»

О МЕСТЕ, ГДЕ КРЕСТИЛСЯ ХРИСТОС

От того места, где крестился Христос, до берега реки Иордан расстояние — как может докинуть муж маленьким камнем.

О КУПЕЛИ

И есть здесь купель на Иордане, и там окунаются христиане приходящие. Там же брод через Иордан в Аравию. На том месте Иордан расступился в древности перед сынами Израилевыми, и прошли люди посуху. Тут же и Елисей ударил милостью Илии по воде, и перешли Иордан посуху. У той же купели и Мария Египетская прошла по воде к отцу Зосиме и, приняв тело Христово, обратно по воде же ушла в пустыню.

О ИОРДАНЕ

Иордан-река течет быстро, берега же ее с той стороны круты, а с этой пологи. Вода очень мутная и вкусная для питья; не насытиться, когда пьешь воду ту святую; от нее — ни болезни, ни расстройства желудка у человека. Во всем похож Иордан на реку Сновь — и шириной, и глубиной, и тем, что петляет и очень быстро течет, как и Сновь-река. Глубина же четыре сажени посреди самой купели, как я измерил и проверил сам, ибо я перебродил на ту сторону Иордана и много походил по его берегу. Шириной же Иордан — как Сновь в устье. На этой стороне Иордана около купели той — вроде леса; деревья невысокие, похожие на вербу, а выше той купели по берегу Иордана стоит во множестве своего рода лоза, но она не такая, как наша лоза, несколько похожа на кизил; много и тростника, затоны есть, как у Снови-реки. Зверей много тут; и свиней диких без числа много, и барсов тут много, и львов.

По ту сторону Иордана горы высокие каменные; они поодаль от Иордана. А под теми горами другие горы близко, белые, и те горы

вблизи от Иордана. То земля Завулонова и Неффалимова по ту сторону Иордана.

О ПЕЩЕРЕ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

И поблизости там есть место к востоку, примерно в двух перестрелах от реки, где Илья-пророк восхищен был на колеснице огненной. Там же и пещера святого Иоанна Крестителя. И полноводный ручей красиво течет там по камням в Иордан. Вода та весьма холодна и очень вкусна. Эту воду пил Иоанн Предтеча Христов, когда жил в той святой пещере.

О ПЕЩЕРЕ ИЛЬИ-ПРОРОКА

И тут же находится другая удивительная пещера, где жил святой Илья-пророк с Елисеем, учеником его. И то все, благодатию Божиею, мы видели глазами своими, грешными и недостойными. И сподобил меня Бог трижды быть на святом Иордане. Даже в самый праздник водоосвящения мы были на Иордане: видели благодать Божию, приходящую на воды Иорданские, и множество людей, без числа тогда пришедших к воде. Всю ночь пение бывает изрядное, и свечи без числа горят, а в полуночи бывает крещение воды. Тогда Дух Святой и приходит на воды Иорданские; и видят достойные люди добрые, а все народы не видят ничего, но только радость и веселие бывает тогда на сердце у всякого христианина. И когда произнесут: «Во Иордане крещающуся тебе, Господи», — тогда все люди идут в воду и крестятся в полуночи в Иордане-реке, как и Христос в полуночи крестился здесь. И есть тут гора весьма высокая, по ту сторону Иордана, ее отовсюду издалека видно: на той горе Моисей-пророк преставился, увидев Землю обетованную. А от монастыря святого Иоанна до Герасимова монастыря одна верста, и от Герасимова монастыря до Каламонии, до монастыря Святой Богородицы, одна верста.

На том месте святая Богородица с Иисусом Христом, с Иосифом, и с Иаковом, когда они бежали в Египет, — на том месте ночлег устроили. Тогда святая Богородица дала название месту тому — Каламония, что переводится как «Добрая обитель». Туда ныне сходит Дух Святой к иконе святой Богородицы. И стоит монастырь тот на устье, где Иордан впадает в море Содомское; и оградой обнесен весь вокруг монастырь тот; черноризцев же в нем двадцать. А оттуда до монастыря Иоанна Златоуста версты две, а тот монастырь также оградой обнесен весь; и он очень богат.

О ГОРОДЕ ИЕРИХОНЕ

А оттуда до Иерихона одна верста. Иерихон же тот был прежде городом большим и весьма крепким, Иисус Навин взял тот Иерихон и разрушил до основания, теперь тут находится сарацинское село. И есть там дом Закхея; и пень того дерева доныне стоит, на которое он залез, чтобы видеть Христа. Тут же был и дом известной сонамитянки, в котором Елисей воскресил отрока. Земля же вокруг Иерихона хорошая и плодоносная, и поле красивое и ровное, а около него фиников много стоит высоких и всяких деревьев многоплодных; и воды во множестве текут, разведенные по всей земле той. Это Елисеевы воды, которые опреснил Елисей-пророк.

И есть тут место вблизи Иерихона, верста одна на юго-восток: на том месте явился святой Михаил-архистратиг Иисусу Навину перед войском Израилевым; и поднял глаза свои Иисус, и увидел перед собой мужа страшного вооруженного, и сказал Иисус: «Наш ли ты, или из врагов наших?» И сказал ему архистратиг: «Я — Михаил, воевода Божий, послан на помощь тебе. Будь смел и побеждай врагов твоих». И сказал ему: «Разуй сапог с ноги твоей, ибо место, на котором стоишь, свято». И упал Иисус на лицо свое, и поклонился. И стоит на месте том теперь монастырь, и церковь построена во имя святого Михаила. В церкви той лежат двенадцать камней; а камни те были взяты со дна Иордана, когда расступился Иордан перед людьми Израилевыми; и взяли камни те священники, носящие кивот завета Господня, по числу колен Израилевых на память роду их. Называется место то Галганий, ибо на том месте стали сыны Израилевы, перейдя Иордан.

О ГОРЕ ГАВАОНСКОЙ

И от того места на запад есть гора высокая и большая очень; имя горе той Гаваон; над той самой горой Гаваонской солнце остановилось и ждало примерно полдня, пока Иисус Навин не победил врагов своих, когда бился с ним Ог, царь Васанский, и все царства Хананейские. И победил Иисус до конца, и тогда солнце зашло.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПОСТИЛСЯ СОРОК ДНЕЙ

В той же горе Гаваонской есть очень высокая пещера, в которой постился Христос Бог наш сорок дней, после же взалкал. И туда пришел дьявол, искусить желая, и сказал ему: «Если ты Сын Божий, скажи, пусть камни эти хлебами будут».

Там поблизости был дом Елисея-пророка и пещера его, и колодец есть на восток от Гаваона на расстоянии примерно полверсты.

А от Иерусалима до Феодосиева монастыря верст шесть. Тот монастырь на горе обнесен оградой и виден от Иерусалима. И там есть пещера большая посреди монастыря, в которой волхвы ночевали, когда избегали Ирода. И там ныне лежит святой Феодосии, и многие святые отцы там лежат; мать святого Саввы в той пещере лежит, и Феодосия мать тут лежит.

О ЛАВРЕ СВЯТОГО САВВЫ

А от того монастыря до лавры святого Саввы верст шесть. Оба же те монастыря к югу от Иерусалима. Лавра святого Саввы находится в долине Иосафата, в Юдоли плача, которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь лавру и доходит до Содомского моря. Лавра же святого Саввы устроена Богом чудесно и непередаваемо словами. Тек некогда поток страшный и очень глубокий и обезводел, берега у него были высокие, на тех обрывах и лепятся келий — прилеплены и утверждены от Бога каким-то чудесным и страшным образом. На высоте ведь той стоят келий по обоим берегам потока того страшного и лепятся на скалах, будто звезды на небе утверждены. Церквей же три. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная под скалой каменной, а в той пещере церковь святой Богородицы. Пещеру ту Бог показал святому Савве столпом огненным, когда он сначала жил один на месте того потока. Первая же келья святого Саввы, где он жил один, находится поодаль от нынешней лавры, примерно на расстоянии полверсты. Оттуда он увидел показанный ему Богом столп огненный над местом тем святым, где есть ныне лавра святого Саввы. Чудесно это место и совершенно непередаваемо словами. Находится там и гроб святого Саввы между тех трех церквей, от большой на расстоянии саженей четырех. И есть теремок над гробом святого Саввы; сделано красиво. Там же лежат многие святые отцы, как живые телами: святой Иоанн епископ Исихаст тут лежит, святой Иоанн Дамаскин тут лежит, и святой Феодор Едесский тут лежит, и Михаил племянник его; Афродитиан святой тут лежит, и иные многие святые тут лежат, телами как живые, и благоухание от них исходит непередаваемое. И видел я колодец святого Саввы, который ему ночью показал дикий осел в потоке том против его кельи; пили мы из колодца

того очень вкусную и холодную воду. В месте же том нигде нет ни реки, ни ручья, ни колодца, но только один колодец святого Саввы. Место ведь то безводное, в горах каменных, и вся пустыня та суха и безводна, только дождевой водой и живы отцы, находящиеся в пустыне той.

И есть там вблизи лавры место, с южной стороны от лавры, под названием Рува; оно расположено вблизи моря Содомского. И горы там каменные высоки, и пещер много в горах тех. И тут, в этих горах, в пустыне той страшной безводной жили святые отцы. И там находятся жилища барсов, и ослов диких много.

Море же Содомское мертво, не содержит в себе ничего живого: ни рыбы, ни рака, ни устрицы. И если течение Иорданское выносит рыбу в то море, то она не может быть живой даже небольшое время, но вскоре умирает: ибо исходит из дна того моря смола красная на поверхность воды, и лежит по берегу тому смола та во множестве; и смрад исходит из моря того, как от серы горящей: тут ведь находится место мучений, под морем тем.

О МОНАСТЫРЕ СВЯТОГО ЕВФИМИЯ

А от лавры святого Саввы на восток за горою монастырь святого Евфимия, три версты расстояние от лавры. И там лежит святой Евфимий, и иные многие святые отцы там лежат, телами как живые. И стоит тот монастырь на ровном месте, и горы вокруг него каменные поодаль. Монастырь же был оградой обнесен, и церковь была хорошая, высокая. А поблизости тут был монастырь святого Феоктиста, под горою, на юг от монастыря Евфимия. И все то ныне разорено погаными.

О ГОРЕ СИОНСКОЙ

Гора Сион высокая и большая, если смотришь с юга; а со стороны Иерусалима пологая и ровная. На той горе Сионской и был первоначально древний город Иерусалим, тот древний город разорил Навуходоносор, царь Вавилонский, при Иеремии-пророке. А ныне гора Сион вне городской стены, на юг от Иерусалима Сион. Здесь, на горе Сионской, был дом Иоанна Богослова; на этот месте была создана большая клетская церковь. А расстояние от городской стены до церкви святого Сиона — как может добросить мужчина небольшим камнем.

И в той церкви Сионской есть, за алтарем той церкви, комната, где Христос умыл ноги ученикам своим.

О ДОМЕ ИОАННА БОГОСЛОВА, ГДЕ ХРИСТОС ВЕЧЕРЯЛ

Пойдя из той комнаты на юг, поднимаешься по ступенькам в своего рода горницу. Там находится комната, красиво сделанная, как бы на столбах, и с покрытием, украшенная мозаикой и вымощенная красиво, и алтарь есть, как в церкви, с восточной стороны: это бывшая келия Иоанна Богослова, и в той келии Христос вечерял с учениками своими; тут же Иоанн возлежал на груди его и сказал: «Господи, кто — предающий тебя?» На том же месте сошествие Святого Духа было на апостолов в Пятидесятницу.

В той же церкви есть другая комната, внизу, на земле; и низко помещение то, с южной стороны: в эту комнату и пришел Христос к ученикам своим, когда были двери закрыты, и стал посреди них, и сказал: «Мир вам»; тут же и Фому уверил в восьмой день. Тут же хранится святой камень, принесенный ангелом с Синайской горы.

А на другой стороне той же церкви, с западной стороны, есть на земле другая комната низкая, такая же по виду: в том помещении преставилась святая Богородица. Все то происходило в доме Иоанна Богослова.

И тут же был дом Каиафин. Там Петр отрекся от Христа трижды, прежде чем петух пропел. И есть место то в восточном направлении от Сиона.

ГДЕ ПЕТР, ТРИЖДЫ ОТРЕКШИСЬ ОТ ХРИСТА, ГОРЬКО ПЛАКАЛ

И оттуда, к востоку, опять же близко есть место на склоне горы, где находится очень глубокая пещера: спуск в нее — тридцать две ступени. В этой пещере Петр горько оплакивал свое отречение. Над этой пещерой создана церковь во имя святого апостола Петра.

О КУПЕЛИ СИЛОАМСКОЙ

А оттуда на юг, внизу под горой, находится купель Силоамская, где Христос слепцу глаза открыл.

О СЕЛЕ СКУДЕЛЬНИЧЕМ

И тут, под той же горой Сионской, находится село Скудельничье, которое купили на полученные за Христа деньги для погребения странников. Оно по ту сторону ущелья, под Сионской горой, на юг от Сиона. И много пещер высечено на склоне горы в камне, и в тех пещерах теперь гробы устроены, в камне высечены удивительно и чудесно: тут погребаются пришлые странники бесплатно, так; ничего ведь не дают за то святое место, ибо оно выкуплено кровью Христа.

О ВИФЛЕЕМЕ

Вифлеем же святой на юге от святого Иерусалима, в шести верстах. По полю — две версты до спешения Авраама, где Авраам оставил слугу своего с ослом, и взял сына своего Исаака для жертвы, и дал ему понести дрова и огонь. И тот сказал ему: «Отец, вот дрова и огонь, а где же овца?» И сказал ему Авраам: «Бог покажет нам овцу, чадо». И Исаак шел, радуясь, путем тем по направлению к Иерусалиму. Ведь на то самое место приведен был Исаак, где Христос был распят.

И оттуда верста одна расстояния до места, где святая Богородица видела два рода людей: одних смеющихся, а других плачущих. И тут была церковь создана, монастырь был Святой Богородицы. Ныне же разорено все от поганых.

А оттуда до гроба Рахили, матери Иосифа, две версты.

О ВЕРТЕПЕ, ГДЕ ХРИСТА РОДИЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И оттуда верста одна до места, где святая Богородица сошла с осла, когда находящееся во чреве ее, желая выйти, принудило ее. И там есть камень большой, на котором отдыхала святая Богородица тогда, сойдя с осла; от того камня, встав, шла она пешком до вертепа святого, и там, в том вертепе, родила Христа святая Богородица. И тут, близко от камня того, Рождество Христово, так что может дострелить хороший стрелок.

О ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

И там, над вертепом тем святым Рождества Христова, выстроена большая церковь в форме креста с прямоугольным, высоко поднятым верхом. Покрыта же оловом вся та церковь Рождества Христова, вся украшена мозаикой, столпов же у нее восемь цельных мраморных; вымощена плитами белого мрамора; дверей же у нее трое; в длину она пятьдесят саженей до великого алтаря, а в ширину двадцать саженей. Вертеп же и ясли, где было Рождество Христово, находятся под великим алтарем, — как бы пещера большая, сделана красиво, и семь ступеней у нее, по которым сходят к дверям вертепа святого. Дверей у нее двое; ко вторым дверям — тоже семь ступеней. И если восточными дверьми входишь в вертеп, по левую руку есть место на земле внизу, на котором и родился Христос Бог наш. Над местом тем святым возведена трапеза святая, и тут, на той трапезе, служат литургию.

О ЯСЛЯХ ХРИСТОВЫХ

И там, к востоку, есть место, напротив которого справа — Ясли Христовы. С западной стороны под каменной скалой находятся Ясли Христовы святые, в которые положен был Христос Бог, в рубища повит. Нашего ради спасения все претерпел. Близко друг от друга находятся места те — Рождество и Ясли: примерно три сажени расстояние между ними; в одной пещере оба места эти. Украшена же пещера та мозаикой и вымощена красиво. Под церковью же все выдолблено, и мощи святых тут лежат.

И если пойти, выйдя из церкви, на правую руку, то там есть пещера глубокая, уходящая под церковь: в той пещере лежали мощи святых младенцев, и оттуда взяты были святые младенцы в Царьград. И построена ограда высокая вокруг всей той церкви. И находится место то, где было рождество Христово, на горе, в стороне от людей, в пустыне. Теперь это место, где сейчас Рождество Христово, и городок

тот называется Вифлеем, а древний Вифлеем был за пределами этого места, впереди, не доходя до Рождества Христова. Там сейчас обретается Столпник и находится камень святой Богородицы; на той-то горе и был первый Вифлеем. И вся та земля около Вифлеема называется Ефрант, земля Иудина, и о ней пророк говорит: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше среди тысяч Иудиных, ибо из тебя выйдет вождь, который упасет людей моих Израилевых». И земля та около Вифлеема очень красива среди гор, и деревья многоплодные фруктовые стоят по пригорьям тем красиво: маслины, и смоквы, и рожки — много, без числа; виноградников много вокруг Вифлеема; и нив по долинам много.

А близ церкви Рождества Христова, за стеной городской к югу, на расстоянии выстрела, есть в горе большая пещера: в той пещере жила святая Богородица с Христом и с Иосифом.

О ДОМЕ ИЕСЕЯ, ОТЦА ДАВИДА

И тут есть место с восточной стороны города; от города на расстоянии примерно выстрела; название места того Вифиль. Там был дом Иесея, отца Давида; в этот дом пришел Самуил-пророк и там помазал Давида на царство в Израиле вместо Саула.

О КОЛОДЦЕ ДАВИДА

Там колодец Давидов, из которого в древности Давид возжаждал пить.

О МЕСТЕ, ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛИ АНГЕЛЫ ПАСТУХАМ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

А на восток оттуда есть место под горою на поле, на расстоянии версты от Рождества Христова: на том месте святые ангелы благовестили пастухам рождество Христово. И была там пещера; над тою пещерою была создана хорошая церковь во имя святого Иосифа, и был там монастырь хороший. Ныне же разорено погаными место то. И около того места поле очень красивое, и нивы многоплодные, и масличных деревьев много. А называется то место Агиа пимина, что переводится

«Святая паства». И там находится село святого Саввы, в направлении к Вифлеему под горою.

О ПЕЩЕРЕ И О ДУБЕ МАМВРИЙСКОМ

А от Вифлеема на юг — Хеврон, пещера Сугубая и дуб Мамврийский. Расстояние от Иерусалима до Хеврона двадцать восемь верст, путь идет мимо Вифлеема к Хеврону; ходу до Вифлеема шесть верст, от Вифлеема до реки Ифамской три версты. О той реке Ифамской пророк Давид говорит в Псалтыри: «Ты иссушил реки Ифамские. Твой есть день, и твоя есть ночь», И ныне река та суха, под землею течет та река, выходит у моря Содомского, ибо там она впадает в море Содомское. А по другую сторону той реки очень высокая каменная гора; лес на горе той большой и густой; и дорога идет через ту страшную гору. Идти плохо, ибо там есть большая крепость и сарацины разбойничают на той горе. Если кто в небольшом числе хочет пройти, то не может пройти. Мне же Бог дал хороших попутчиков, и очень много, и потому смогли мы пройти без ущерба то страшное место. Там ведь недалеко лежит город Аскалон, вот оттуда-то и выходят поганые и многих избивают на той дороге нещадно. На той же горе, в том самом лесу, убит был Авессалом, сын Давидов, ибо он бежал туда после победы отца своего, и туда внес его мул — в чащу того леса; и зацепилась голова его волосами, и сняло его с мула, и он повис на дереве высоко, и застрелен был в сердце тремя стрелами; и так и умер на том дереве.

А оттуда до клятвенного колодца Авраама десять верст, а от колодца того до дуба Мамврийского шесть верст.

О ТОМ ЖЕ

Дуб же тот святой рядом с дорогой; когда там идешь, по правую руку; и стоит, красив, на высокой горе. А вокруг корней его внизу Бог вымостил мрамором белым как пол церковный. Вымощено около всего дуба того хорошего; посреди этого помоста вырос дуб святой из камня этого, удивительный! На верху той горы около этого дуба получились как бы дворище — ровно и чисто, без камней; тут и стоял шатер Авраамов, близ того дуба к востоку. Дуб этот не очень высок, раскидист очень и густ ветвями, и плодов на нем много. Ветки же его низко к земле склонились, так что муж может, на земле стоя, достать его ветки. Окружность его в самом толстом месте две сажени, а высота его ствола до ветвей — полторы сажени. Удивительно и чудесно, что столько много лет стоит дерево то на такой высокой горе и не повреждено, не

искрошилось! Стоит утвержденный Богом, словно теперь посажен. Под тот дуб и пришла Святая Троица к патриарху Аврааму и тут обедала у него, под тем дубом святым. И тут благословила Святая Троица Авраама и Сарру, жену его, и дала им родить Исаака на старость. Тут и воду показала Святая Троица Аврааму, и есть колодец тот и доныне под той горой, близко у дороги. И вся та земля около дуба того называется Мамврия; потому и дуб тот зовется Мамврийским. А от дуба того до Хеврона две версты.

О ГОРЕ ХЕВРОН

Хеврон — гора большая, и город был на горе той большой и крепкий весьма, а теперь строения его очень ветхи. Множество людей жило прежде по горе той, а ныне все пусто.

Первым на той горе Хевронской поселился внук Ноев, сын Хамов, Ханаан, придя после потопа со строительства вавилонского столпа; и населил он землю ту всю около Хеврона, и так и зовется земля та: Хананейская. И ту землю обещал Бог Аврааму, когда он еще жил в Месопотамии и в Харране, ибо там был дом отца Авраамова. И сказал Бог Аврааму: «Выйди из земли твоей, из дома отца твоего, и иди в землю Хананейскую, и дам тебе землю ту и семени твоему до века, и я буду с тобою». И ныне поистине земля та Богом обетованна, и благословенна от Бога всем добром: пшеницей, и вином, и маслом, и всяким плодом обильна весьма, и множеством скота богата, и овцы и скот дважды родятся летом, и пчел много в камнях по горам тем красивым, также и виноградников много по тем пригориям, и деревьев много плодовых стоит — без числа: маслины, смоковницы, и рожки, и яблони, и черешни, и прочие. И всякий плод тут есть, и плод тот лучше и больше всех плодов, сущих на земле под небом, нет таких плодов нигде больше. И вода хороша в месте том и всячески полезна. И само то место превосходит все красотою и всяческим добром. Несказанна земля та около Хеврона! И там был дом Давидов — на этой горе Хевронской; и жил там Давид восемь лет, когда выгнал его сын Авессалом.

А от Хеврона до Сугубой пещеры Авраама близко, ближе чем полверсты. Сугубая пещера находится в каменной горе, а в той пещере — гроб Авраама, Исаака и Иакова. Эту ведь пещеру Сугубую Авраам купил у Ефрона Хеттеянина для погребения всего рода своего, когда пришел из Месопотамии в землю Хананейскую. И сначала ничего не купил, кроме пещеры Сугубой для погребения себе и всему роду своему. И ныне вокруг той пещеры построена крепость небольшая, но весьма прочная. Сложена крепостица из больших камней чудесно и с непередаваемым искусством, а стены ее очень высоки. Находясь

посреди той крепостицы, пещера теперь хорошо защищена. И вымощена вся та крепостица плитами мраморными, белого мрамора. Пещера же та, где лежат Авраам, Исаак, Иаков и все сыновья Израилевы, находится внизу под вымосткой, хорошо укреплена; и жены их тут лежат, Сарра, Ревекка. А Рахиль отдельно лежит у дороги около Вифлеема. И сделаны теперь над пещерою в крепостице той гробы отдельные; над гробами теми выстроены церковки маленькие круглые. И близки между собой гроб Авраама и жены его Сарры; и гроб Исаака и жены его Ревекки близко друг от друга; гроб Иакова и жены его Лии близко друг к другу стоят.

О ГРОБЕ ИОСИФА

Иосифа Прекрасного гроб вне крепостицы той, за пределами Сугубой пещеры; расстояние как камень добросить до крепостицы той. Называется теперь это место «Святой Авраам». Поблизости тут есть гора высокая, на юг от Сугубой пещеры, расстояние одна верста; на ту гору взошла Святая Троица с Авраамом, ибо до той горы Авраам проводил Святую Троицу от дуба Мамврийского. И там есть место на верху той горы, красивое и высокое очень, на каковом месте Авраам, пав на лицо свое, поклонился Святой Троице, молился и говорил:

О МОЛИТВЕ АВРААМА

«Господи! Да не погубишь праведного при погибели нечестивых! Но если, Господи, найдешь пятьдесят праведников в Содоме, не помилуешь ли, Господи, всего города того, пятидесяти ради праведников?» И сказал Господь Аврааму: «Если найду среди содомлян пятьдесят праведников, не погублю всего города того, пятидесяти ради праведников». И снова поклонился Авраам Богу и сказал: «Если найдется среди содомлян тридцать праведников, не помилуешь ли всего города того?» И сказал Господь Бог Аврааму: «Если найдется тридцать праведников среди содомлян, не погублю всего города того». И поклонился Авраам Господу и сказал: «Многомилостивый и терпеливый к беззакониям нашим Господи! Не прогневайся на меня, раба твоего, и скажу еще раз: если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не помилуешь ли, Господи, всего города того, пятнадцати ради праведников?» И сказал Господь Бог Аврааму: «Если найдется среди содомлян пятнадцать праведников, не погублю всего города того пятнадцати ради праведников, ни пяти ради праведников не погублю всего города того». И замолчал Авраам, и не прибавил к сказанному ничего. С этой горы послала Святая Троица двух ангелов в Содом, чтобы они вывели Лота, племянника Авраама. Там, на том месте, тогда Авраам жертву принес Богу, пшеницу посыпав на огонь, и потому

называется то место «Жертва Авраама». И место то высоко весьма, и видна оттуда вся земля Хананейская.

А от Жертвы Авраама до теснины Грезновой одна верста, и от теснины Грезновой до гумна Атанатова одна верста.

О ГРОБЕ ЛОТА, НАХОДЯЩЕМСЯ В СИГОРЕ

А оттуда до Сигора две версты. И там находится гроб Лота и обеих его дочерей два гроба. В той ведь горе большая пещера, в которую вбежал Лот со своими дочерьми. И там поблизости есть городище первых людей; был на горе той город высокий, он и называется Сигор.

А на расстоянии версты оттуда, на взгорий, к югу от Сигора, стоит жена Лота столпом каменным. А от Жены Лота до Содома две версты. И все то мы видели глазами своими, а ногами своими не могли мы дойти до места, где был Содом, так как боялись поганых. Не дали нам идти туда правоверные люди, сказали нам так: «Ничего вы там не увидите, но только серу, и смрад исходит оттуда. И болеть ты будешь, — сказали нам, — от смрада того злого». Так что оттуда мы возвратились опять к Святому Аврааму и, благодатью Божией соблюдаемы, прошли поздорову в Сугубую пещеру, в крепостицу. И там поклонились всем святым местам и отдохнули там два дня. Благодатью Божией там мы обрели множество хороших попутчиков, идущих в Иерусалим, и мы присоединились к ним, и шли с радостью с ними без боязни, и дошли поздорову до святого города Иерусалима, и похвалили Бога, сподобившего нас, недостойных, видеть святые те места, неизреченные и несказанные.

Есть к югу от Вифлеема монастырь святого Харитона на той же реке Афамской, вблизи от моря Содомского в горах каменных, и пустыня вокруг него. Грозно и безводно место то и сухо. Под ним находится каменное очень страшное ущелье. Вокруг он был весь обнесен оградой; посреди же огороженного места две церкви; в большей церкви находится гроб святого Харитона. А вне ограды есть усыпальница, сделанная умело, в той усыпальнице лежат святые отцы, телами — как живые, и лежит их там более семисот. Тут лежит святой Кириак Исповедник, телом весь цел; тут лежат сыновья Ксенофонта Иоанн и Аркадий, и благоухание чудное от них исходит. И мы поклонились там, на месте том святом, и пошли на гору, к югу от монастыря того, верста одна расстояние.

И там есть место ровное в поле, на котором восхищен был пророк Аввакум, когда он шел на поле к жнецам с едой и водой. И принес его ангел в Вавилон к Даниилу-пророку в ров, и оттуда, накормив Даниила и напоив, он вновь был восхищен ангелом и в тот же час, в тот же день вновь, опять был на том же месте у жнецов и дал им обед. И ныне стоит на месте том как бы теремок, построенный в честь знамения. До Вавилона же оттуда расстояние сорок дней.

И от того места близко церковь большая, построенная клетью, во имя святых пророков. И там внизу, под церковью той, есть пещера большая, в которой лежат двенадцать пророков в трех раках: Аввакум, Наум, Михей, Иезекий, Авдий, Захария, Иезекииль, Измаил, Савеил, Варух, Амос и Осий.

И близко там на горе есть село большое весьма; и живет в нем сарацин много; и христиан тут же, в селе том, много. А село это — родина святых пророков: там рождались святые пророки, и это отчина их — то село. И там мы спали одну ночь, в селе том, Божьею благодатию хранимые. И приняли нас христиане в том селе хорошо. И оттуда, хорошо опочив ту ночь и наутро рано встав, пошли мы к Вифлеему. Старейшина же сарацинский сам с оружием проводил нас до самого Вифлеема; и тамошними местами всеми тоже нас проводил. А без охраны не дойти до тех мест из-за поганых, ибо туда многие сарацины ходят разбойничать, в горах тех. И мы дошли поздорову до святого города Вифлеема, и там поклонились Рождеству Христову, и, переночевав там, пошли с радостью в святой город Иерусалим.

ГДЕ УБИЛ ДАВИД ГОЛИАФА

И есть там место близ Иерусалима, на восток от столпа Давида, можно дострелить: на том месте убил Давид Голиафа. Место это вблизи цистерны, там сейчас хорошая нива.

И оттуда расстояние выстрел до пещеры, в которой лежат мощи многих святых мучеников, избитых в Иерусалиме в царствование Ираклия; а называется место то «Агия Мамила».

ГДЕ ВЫРОСЛО ЧЕСТНОЕ ДРЕВО

А от того места до Честного Креста одна верста. И есть за горою, на запад от Иерусалима, место, где было высечено подножие Христово, к которому пригвоздили пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа. Место то огорожено стеной, и внутри выстроена церковь большой высоты, во имя Честного Креста; исписана красиво вся. А под великим алтарем, глубоко под трапезой, и находится пень древа того честного. И хорошо укреплено и облицовано над пнем тем плитами белого мрамора. И оконце проделано против дерева того, по форме круглое. Это Иверский монастырь.

О ДОМЕ ЗАХАРИИ

И от того монастыря до дома Захарии версты четыре, а место дома — под горой, к западу от Иерусалима. В тот дом Захарьин к Елизавете пришла под гору святая Богородица и поцеловала Елизавету. И случилось, что, едва почувствовала Елизавета целование Марии, взыграл младенец, радуясь в утробе ее, и сказала Елизавета: «Откуда это пришла ко мне мать Господа моего? Благословенна ты в женах, и благословен плод утробы твоей». В том же доме Иоанн Предтеча родился. И теперь на месте том возведена церковь высокая. Когда идешь в ту церковь, по левую руку, под малым алтарем, есть пещерка маленькая, в той-то пещере и родился Иоанн Предтеча. И место то все обнесено оградой каменной.

О ГОРЕ, КУДА БЕЖАЛА ЕЛИЗАВЕТА С ПРЕДТЕЧЕЙ

А оттуда — полверсты через ущелье до той горы, к которой прибежала Елизавета и сказала: «Гора, прими мать с ребенком!» И тотчас расступилась гора и приняла ее. Слуги же Иродовы, гнавшиеся по следу ее, придя до места того, не нашли ничего и возвратились усталые. И известно место то на том камне и до нынешнего дня. И есть над местом тем ныне церковка небольшая; внизу под церковкой той пещерка маленькая; и церковка другая перед пещеркой той пристроена. Из той пещеры вытекает очень хорошая вода; эту воду пила святая Елизавета, с Иоанном тут будучи в горе той, ведь тут она жила до смерти Ирода, ибо ангел ее хранил в той горе. Гора же та велика весьма, и лесу на ней много, и вокруг нее ущелий много. А находится она на запад от Иерусалима; называется то место «Орини». На ту же гору бежал Давид-пророк из Иерусалима от Саула-царя.

О РАМЕ

А от той горы к западу две версты до Рамы, о которой пророк Иеремия говорит: «Голос в Раме слышен был, плач и рыдание во ушах ее: Рахиль оплакивает детей своих и не хочет утешиться, ибо их нет». Рама та представляет собой большое ущелье, по которому разбросано много сел. И вся та земля около того ущелья теперь называется Рама и принадлежит к Вифлеемской области. Сюда-то, в Раму, Ирод-царь и послал своих воинов избить святых младенцев.

О ЕЛЬМАУСЕ

А от Рамы к западу четыре версты до Ельмауса, где Христос в третий день по воскресении явился Луке и Клеопе, когда они шли из Иерусалима в село, и где ими узнан был Христос по преломлению хлеба. Здесь находилось то большое село. На том месте была построена церковь. Ныне же разорено все погаными, и село то Ельмаус пусто. А место, где оно было, в стороне от проходящей там дороги за горою; по правую руку, когда идешь от Иерусалима к Яффе.

О ЛИДДЕ

А от Ельмауса до Лидды четыре версты. По полю надо идти до Лидды, На этом месте был очень большой город под названием Лидда, а теперь называется Рамблий. В этой Лидде Петр исцелил Ению, лежащего на постели.

ОБ ОПИИ

А от Лидды до Опии верст десять, все по полю. В этом городе Опии святой Петр-апостол Тавифу воскресил. В этом же городе, постясь на крыше в девятый час, Петр увидел плащаницу, с небес сходящую, за четыре конца повешенную, и когда она дошла до него, взглянул Петр и увидел, что плащаница та полна четвероногих и всякого гада. И сказал ему голос с небес: «Петр, встав, заколи и ешь!» И сказал Петр: «Господи, никогда скверное и нечистое не входило в рот мой». И сказал ему голос с небес: «Что Бог очистил, ты не почитай нечистым». И на том месте ныне церковь создана во имя святого Петра. Стоит же город

Опий у моря близко, и приходит море к стенам его. И называется ныне тот город Яффа фряжским языком. А от Яффы до Тарсуфа шесть верст.

О КЕСАРИИ ФИЛИППОВОЙ

А от Тарсуфа до Кесарии Филипповой версты двадцать четыре, все вдоль моря. В той Кесарии святой Петр-апостол крестил Корнилия. Тут же близко гора, в двух верстах от города того на юг, где жил отец Маркиан, к которому пришла женщина-блудница искусить его.

О КАПЕРНАУМЕ

А от Кесарии Филипповой до города Капернаума верст восемь. Капернаум был город очень большой, и людей множество в нем было, ныне же пуст тот город. А расположен вблизи моря Великого. Об этом Капернауме говорит пророк: «О, горе тебе, Капернаум! Ты вознесся до небес, и до ада сойдешь». Ибо из этого города должен выйти антихрист. Вот из-за этого фряги и опустошили ныне весь этот город Капернаум.

О ГОРЕ КАРМИЛЬСКОЙ

А от Капернаума до Кармильской горы шесть верст. В этой горе святой пророк Илья жил в пещере; и там вороном был питаем тот Илья-пророк. На той же горе жрецов Вааловых исколол ножом Илия и сказал: «Ревнуя, поревновал по Господе Боге моем». Гора же та Кармильская весьма высока, и море Великое близ горы той, примерно в версте. От горы Кармильской до города, до Кифы, одна верста.

ОБ АКРЕ-ГРАДЕ

А от Кифы до Акры пятнадцать верст. Город же тот, Акра, весьма велик и крепок строением, и залив хороший есть под тем городом. Это сарацинский город, ныне же им владеют фряги. А от Акиры до Тира-города верст десять, и от Тира до Сидона верст десять. И есть тут близко село Сарефта Сидонская: в том селе Илья-пророк воскресил сына вдовицы.

О ГРАДЕ ВИРИТЕ

И от Сидона до Вирита-города верст пятнадцать. В том городе евреи проткнули образ Христов копьем: изошла кровь и вода, и тогда многие уверовали и крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа. И в тот же город Вирит Ксенофонтовы сыновья Иоанн и Аркадий пошли учиться философии. А от Вирита до Зевала двадцать верст, а от Зевала до Триполя сорок верст, а от Триполя до реки Судии шестьдесят верст.

О ВЕЛИКОЙ АНТИОХИИ

На той-то реке стоит Антиохия Великая. А от моря Антиохиев город подалее восьми верст расстоянием. До Адекия сто верст, затем Малая Антиохия, затем Канинорос, затем Мавронорос, затем Сатилия-городок, затем Хидония — островок небольшой. И те все города стоят около моря; и все те города мы минули по морю, не приставая, хотя и подходили близко к тем городам; боясь ратных, не пристали в Хидонии. И оттуда мы шли до Мира, затем — к Патаре-городу, а у того города встретили нас корсары на четырех галерах, захватили нас и ограбили всех. А оттуда мы пришли к Царьграду и поздорову дошли до Царьграда.

О ГАЛИЛЕЕ И О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

И есть путь от Иерусалима в Галилею, к Тивериадскому морю, и к Фаворской горе, и к Назарету. Вся ведь эта земля около Тивериадского моря называется Галилеей, и лежит та земля по направлению от Иерусалима на юго-восток. И находится город Тивериада в четырех днях пути от Иерусалима, если пешком идти. И путь этот весьма страшен и очень тяжел: в горах каменных идти три дня, а четвертый день вдоль Иордана по полю идти, все на восток вплоть до верховий Иордана, откуда берет начало Иордан-река.

И дал мне Бог пройти путь тот так: пошел князь иерусалимский Балдуин на войну к Дамаску путем тем, к Тивериадскому морю, ибо там проходит дорога к Дамаску, мимо Тивериадского моря. Я узнал, что хочет князь идти путем тем к Тивериаде, пошел к тому князю, поклонился ему и сказал: «И я бы хотел пойти с тобою к Тивериадскому

морю, чтобы походить по тем всем святым местам около Тивериадского моря. Бога ради, возьми меня, князь!» Тогда этот князь с радостью повелел мне пойти с собою и пристроил меня к своим слугам. Тогда я с радостью великою нанял под себя на чем ехать. И таким образом прошли мы места те страшные с воинами царскими без страха и без ущерба. А без воинов той дорогой никто не может пройти; одна только святая Елена путем тем ходила, а другой никто.

И вот каков путь к Тивериаде: от Иерусалима до колодца святой Богородицы верст десять, а от колодца того до Гельвунских гор версты четыре. И на тех горах Гельвунских убит был Саул — царь иудейский, и сын его Анафан тут же убит был. Горы же эти велики, каменны, сухи, безводны, ибо нет росы на них никогда. А от гор тех до колодца Давида две версты, а от колодца того до пещеры Давида версты четыре. В той пещере дал Бог Саула-царя в руки Давида, и он не убил его, когда тот спал, но отрезал лоскут одеяла его и взял меч его и полотенце. А от тех гор до Сихемских гор и до рва Иосифова версты четыре. На тех горах сыновья Иаковлевы пасли стада отца своего Иакова; на те горы пришел Иосиф Прекрасный к братьям своим, отцом своим будучи послан к ним, неся им мир и благословение от отца своего Иакова. Они же, видя брата своего Иосифа, встали и схватили его, и бросили его в ров, каковой ров и до сего дня существует, — как стена углубленная, сложенная из больших камней, и крепок весьма. И там пришлось нам на ночлег ложиться, на месте том. Ибо находится это место вблизи пути людского, на правую руку, когда там идешь.

О КОЛОДЦЕ ИАКОВА

И оттуда до жилища Иосифова, что называется Сихарь, верст десять. И там есть колодец Иаковлев, глубокий и большой, и вода очень холодна и вкусна. У того колодца Христос и беседовал с женщиной-самарянкой. И мы там лежали ночь.

О САМАРИИ

И оттуда недалек город Самария — примерно полверсты расстояние от того колодца. Город же Самария большой весьма и изобилует всем добром. Тот город Самария стоит между двумя высокими горами; много источников вод холодных красиво течет посреди того города. И деревья плодовые всяческие там без числа: смоквы, орешник, рожки и маслины, — как дубравы, как леса по всей земле той около Самарии. По краям тех полей плодородные нивы. И земля та около Самарии прекрасна и

весьма удивительна. И изобильно место то всем добром: маслом и вином, пшеницей и плодами. И проще говоря, оттуда получает Иерусалим все то добро, которым он жив. И ныне город тот Самарийский называется Неаполи. А оттуда в двух верстах к западу от города Самарии есть место, которое называется Севастополи; и выстроено тут укрепление небольшое, это и есть темница святого Иоанна Крестителя Христова: в этой темнице усечен был Иоанн Предтеча Христов Иродом-царем. И там гроб святого Иоанна Предтечи, и создана на том месте хорошая церковь во имя Предтечи Иоанна. И ныне там фряжский монастырь, очень богатый.

ОБ АРИМАФЕЕ-ГРАДЕ

А оттуда четыре версты до Аримафея. Там находится гроб святого Иосифа и святого Малелеила. Находится это место к западу от Самарии, в горах. Ограда небольшая построена над местом; церковь хорошая клетью построена над гробом святого Иосифа. То место и зовется Аримафей. А от Самарии путь к Тивериадскому морю на юго-восток.

О ГРАДЕ ВАСАНСКОМ

От Самарии до города Васана тридцать верст. В том городе Васанском Ог, царь Васанский, был, которого убил Иисус Навин у Иерихона. Выглядит место то страшно и весьма грозно. Вытекает из городища того Васанского семь рек; и стоит тростник большой по рекам тем, и фиников много стоит высоких по тому городищу, как лес густой. И место это страшное и негодное для прохода, ибо там живут сильные сарацины поганые и разбойничают на тех реках, на бродах. И много львов тут водится. И находится это место вблизи реки Иордан, и большое болото прилегает со стороны Иордана к градищу тому Васанскому. А те реки текут от Васана в Иордан, оттого много львов в месте том.

И есть там, под тем городом на восток, пещера удивительная: она получилась в форме креста. Из той пещеры вытекает источник, и есть там чудесный водоем, сам образовавшийся и как бы созданный Богом. В том водоеме сам Христос купался с учениками своими. И известно до сего дня место то, где Христос сидел на камне. Там купались и мы, недостойные. В городе же том Васанском евреи испытывали Христа: показывали ему динарий и спрашивали: «Следует ли дань давать или нет?» Он же им: «Чей здесь образ и надпись? Воздайте кесарево

кесарю, а Божие Богу!» И сказал Христос, обратясь к Петру: «Иди, забрось удочку в море, и той рыбе, которую первой поймаешь, открой рот, вынь статир и отдай за меня и за себя!» У того же города Васана Христос исцелил двух слепцов, которые взывали, идя за ним следом.

О ИОРДАНЕ-РЕКЕ

А от Васана до верховий Иордана и до Мытницы Матфеевой двадцать верст; и весь путь тот все по полю идешь около Иордана, пия воду из Иордана, очень вкусную и чистую, все к востоку идешь до самого верховья Иордана. Иордан же берет начало из моря Тивериадского, из двух истоков; кипит чудесно весьма. Название одного источника Иор, а другого источника название Дан. Оттуда и выходит Иордан двумя реками из моря Тивериадского. Они вдали друг от друга, примерно три перестрела между ними. И текут те реки порознь немного, примерно полверсты, а потом сливаются обе реки в одну реку, и она называется Иордан — по названиям двух источников. Течет же Иордан быстро, чистою водою, и очень извилисто. Всем похож он на Сновь-реку: по ширине, и по глубине, и заводями подобен Иордан Снови-реке. И очень много рыбы в его верховьях. А в самом верховье Иордана есть два моста каменные через оба потока, выстроенные на сводах крепко, и под теми мостами течет Иордан, сквозь пролеты тех мостов.

О МЫТНИЦЕ МАТФЕЕВОЙ

От тех мостов близко была мытница Матфея, апостола Христова, ибо тут сходятся все пути, ведущие через Иордан к Дамаску и в Месопотамию, И там, в том месте, остановился на обед князь Балдуин с воинами своими. Тут же и мы остановились с ним у самого верховья Иордана, купались мы у самого верховья Иордана в море Тивериадском. И походили тогда около моря Тивериадского без страха и без боязни по всем тем святым местам. Где Христос Бог наш походил своими ногами, там же и меня, худого и грешного, сподобил Бог походить и дал видеть всю ту страну Галилейскую. Чего не надеялся я никогда видеть, то показал мне Бог, чтобы я видел, обходя ногами своими грешными всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истине, как видел, так я и написал о местах святых. Многие другие, доходившие до этих мест и не смогшие разузнать хорошо, обманываются относительно этих мест, а иные, не доходившие до этих мест, лгут много и выдумывают. Мне же, дурному, Бог показал мужа святого и старого днями, и книжного весьма, и духовного, жившего в Галилее лет тридцать, а у святого Саввы в лавре жившего лет двадцать; и тот муж показал мне все поистине, по святым книгам разузнав основательно. И за что это мне, грешному, столько хорошего видеть?

И там стояли у моста того весь тот день, а к вечеру князь Балдуин пошел за Иорданом к Дамаску с воинами своими. Мы же пошли в город Тивериадский и там пробыли десять дней, в городе том, пока не пришел князь Балдуин с той войны от Дамаска. Мы же за то время обошли все места те святые около Тивериадского моря.

О МОРЕ ТИВЕРИАДСКОМ

Тивериадское море можно обойти, как озеро; и вода его так вкусна, что никак не насытится пьющий ту воду. В длину же оно пятьдесят верст, а поперек двадцать верст. Рыбы в нем очень много; и есть там одна рыба весьма удивительная и чудесная, которую Христос любил есть; и вкусна для еды рыба та больше всякой другой рыбы, по виду же она как карп. И ел я рыбу ту многократно, находясь там, в городе. Ту же рыбу и по воскресении Христос ел, когда пришел к ученикам своим во время ловли, и сказал: «Дети! Есть ли что поесть?» Они же сказали: «Нет». И сказал он им: «Бросьте с правой стороны сети».

О ВЕРХОВЬЕ ИОРДАНА

Расстояние от верховья Иордана и от мостов тех до бани Христа, и до бани Святой Богородицы, и до бани Апостолов верст шесть; а от бани святых до города Тивериады одна верста.

Был прежде город Тивериада очень большим: две версты в длину, а в ширину верста. А несколько дальше — море Тивериадское. В том городе многие чудеса сотворил Христос Бог наш: там ведь находится место, посреди города того, где Христос прокаженного очистил; там был дом тещи Петра-апостола, и там Христос вошел в дом тот и исцелил от болезни огненной тещу Петрову. И здесь, на том месте, церковь создана во имя апостола Петра, круглая по форме. Там и дом Симона-прокаженного был, где блудница на вечере омочила слезами ноги пречистые Господа нашего Иисуса Христа, и волосами своими отерла, и приняла отпущение бесчисленных грехов. В том же городе он и согбенную женщину исцелил. Тут же было чудо с сотником. Тут же постель свесили с больным юношей, крышу разобрав. Тут же он Хананеянку помиловал. Есть там пещера с очень вкусной и холодной водой, куда Христос вбежал, когда хотели его царем поставить в Галилее. И другие многие чудеса Христос сотворил в городе том. В том городе находится гроб Елисея-пророка, сына Асафата. Здесь же близко

при дороге гроб Иисуса Навина. И есть там камень большой вблизи моря, к востоку от города, на расстоянии выстрела: на том камне стоял Христос и учил здесь народы, что пришли к нему из поморья Тирского и Сидонского, из Декаполя и со всей Галилеи; и отсюда отпустил он народы и учеников своих, и они поплыли на ту сторону моря в кораблях, а сам Иисус здесь остался, а затем отсюда перешел по морю, словно посуху ходив ногами своими, и оказался по другую сторону моря перед народом. Они же, приплыв, обнаружили Иисуса, там ходящего, и говорили: «Учитель, когда ты сюда приплыл?» Он же сказал им: «У Бога все возможно, а у людей невозможно». Десять верст от Тивериады до того места по морю; и находится то место на склоне горы на расстоянии одной версты от моря.

ГДЕ ХРИСТОС НАПИТАЛ ПЯТЬ ТЫСЯЧ МУЖЕЙ

Место это ровное и травянистое; на этом месте Христос напитал народу пять тысяч пятью хлебами, не считая жен и детей; и осталось двенадцать корзин ломтей.

ГДЕ ХРИСТОС В ТРЕТИЙ РАЗ ЯВИЛСЯ УЧЕНИКАМ СВОИМ, ВОССТАВ ИЗ МЕРТВЫХ

И там вблизи от моря Тивериадского есть место под горой, где явился Христос ученикам своим по воскресении в третий раз: пришел Христос и, став около озера, сказал: «Дети, есть ли у вас что поесть?» Они же ответили: «Нет». И сказал им Иисус: «Забросьте с правой стороны сети, как я вам говорю, и поймаете». Они забросили, и оказалось, что не могут ее подтащить из-за множества рыбы; вытащили на сушу сеть, полную больших рыб — сто пятьдесят три всего; и увидели у сети огонь, и хлеб, и рыбу печеную, и тут, поев, Христос дал и им. Там создана церковь во имя Святых Апостолов. А близко оттуда был дом Марии Магдалины, там исцелил ее Христос от семи бесов; и зовется то место Магдалия.

О ГРАДЕ ВИФСАИДЕ

А оттуда близко, на горе, Вифсаида, городок Андреев и Петров. И есть там место, куда Филипп привел Нафанаила к Петру и к Андрею.

ГДЕ ХРИСТОС ПРИШЕЛ К УЧЕНИКАМ, КОГДА ОНИ ЛОВИЛИ РЫБУ

И есть там место на море, где Христос пришел к братьям Зеведеевым и к Андрею с Петром, когда они тащили и чинили сети. И тут узнали Христа Андрей и Петр, и оставили там лодку и сети, и пошли вослед Христа. Там вблизи моря и село было Зеведея, отца Иоанна, и был там дом Богослова Иоанна. И Христос изгнал там из человека легион бесов и повелел им войти в свиней; тут и утонули свиньи в море. А поблизости там село Капернаум.

А оттуда близко река большая, которая течет из озера Генисаритского, а впадает в море Тивериадское. Озеро же Генисаритское очень велико, сорок верст в ширину, по форме круглое, рыбы в нем множество. И там, поблизости от озера того, есть город по имени Генисира; потому-то оно так и называется — Генисаритское.

О ГРАДЕ ДЕКАПОЛИИ

И есть там другой город очень большой под названием Декаполий. И есть там ровное место вблизи того озера: на том месте Иисус стоял, уча народы, пришедшие из Декаполя и с поморья Тирского и Сидонского; о том ведь месте в Евангелии говорится. И иные многие чудеса сотворил Иисус вблизи того озера.

О ГОРЕ ЛИВАНСКОЙ

И там есть, на другой стороне, на юго-восток от того озера, очень высокая и весьма большая гора; снег на ней лежит все лето; название горы той Ливан. На горе той родится ливан и фимиам белый. И текут с той горы Ливанской двенадцать рек больших: шесть рек текут к востоку, а шесть рек на юг. И втекают реки те в озеро Генисаритское. А шесть рек идут к Великой Антиохии. Потому то место называется Месопотамия, что значит Средоречие. И там, между теми реками, находится Харран, откуда вышел Авраам. Те реки наполняют озеро Генисаритское множеством вод. А из того озера течет большая река в море Тивериадское, и восстанавливается тою водою вода в море Тивериадском. А из моря того вытекает Иордан. Как прежде сказал я об Иордане, так оно поистине и есть.

До горы же той Ливанской я не смог дойти ногами своими из-за боязни поганых, но мне хорошо рассказали о горе той живущие там христиане, которые нас водили; они и не дали нам туда идти, к горе той Ливанской, ибо много поганых живет на горе той. Так что только глазами своими мы видели гору ту и те места около озера того Генисаритского. А до озера того от Тивериадского моря близко, примерно две версты расстояние; на юго-восток от Тивериады озеро Генисаритское.

О ФАВОРСКОЙ ГОРЕ

Фаворская же гора и Назарет от Тивериадского моря на запад; восемь верст больших ходу до Фаворской горы: на одну только гору подняться, на другую небольшую гору забраться, а остальное все по полям идти — до самой до Фаворской горы. Фаворская же гора чудесно и удивительно и невыразимо словами прекрасно получилась: Богом поставлена она красиво, и высока очень, и велика, и стоит среди поля того красивого, как стог круглый; получилась гора та красивой. И стоит в стороне от всех гор. И течет река около горы той по полю внизу. И выросли по всей горе Фаворской деревья всякие: смоковницы, рожки и маслины — очень много. Фаворская гора выше всего, что вокруг нее, одна стоит, в стороне от всех гор, и стоит среди поля очень красиво, как искусно сделанный стог — круглый, очень высокий и большой в окружности. Высота ее такова, что можно с нее четыре раза выстрелить; а если вверх на нее, то даже за восемь раз невозможно до ее верха дострелить. Вся эта гора каменная, залезать на нее трудно и весьма неудобно по камням, петлями приходится на нее лезть. Путь весьма тяжел, так что я с трудом на нее взобрался: с третьего до девятого часа, быстро идя, мы едва взошли на самый верх горы той святой. А на самом верху той горы, к северо-востоку, есть место высокое, как маленькая каменная островерхая горка: на том месте и преобразился Христос Бог наш. И там церковь хорошая построена, на том месте, во имя Преображения, а другая церковь, во имя святых пророков Моисея и Илии, выстроена поодаль от того места, на север от Преображения.

О МЕСТЕ, ГДЕ ХРИСТОС ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Место же то святого Преображения крепко ограждено вокруг каменной оградой, а ворота железные у той ограды. Раньше здесь была епископия, ныне же латинский монастырь. А перед оградой той польце красивое получилось на верху той горы. Чудесно и удивительно устроено Богом, что на такой высоте имеется здесь вода; ибо много воды на той горе на самом ее верху. Потому по той горе есть и нивы, и виноградники хорошие, и деревьев плодовых много. И видно с нее очень далеко.

В ПЕЩЕРЕ МЕЛХИСЕДЕКА

Тут же, на той же горе Фаворской, есть весьма чудесная пещера на ровном месте. Она похожа на небольшой погреб, высеченный в камне. И окошко маленькое было на верху пещеры той святой. Трапеза сделана на дне той пещеры с восточной стороны, дверцы у нее маленькие, вход в эту пещеру по ступеням с запада. А перед дверьми пещерки той стоят маленькие смоковницы; вокруг нее стоят всякие маленькие деревца. Прежде же был там лес большой, около той пещеры, а ныне там маленькие и слабые деревца. В той пещере жил святой Мелхиседек, и сюда пришел к нему Авраам и воззвал трижды, сказав: «Человек Божий!» Вышел Мелхиседек и вынес хлеб и вино, сделал здесь, в пещере той, жертвенник, и принес жертву хлебом и вином; и тут же была взята жертва на небеса к Богу. И там благословил Мелхиседек Авраама, а Авраам его постриг и обрезал ему ногти, ибо космат был Мелхиседек. И это было начало литургиям хлебом и вином, а не опресноками. О том пророк говорит: «Ты архиерей вовеки по чину Мелхиседекову». Расположена пещерка та на расстоянии примерно с хороший выстрел от Преображения; в западном направлении оно, место то святое.

Хорошо приняли нас там, в монастыре том у святого Преображения, и мы там обедали. А поспав хорошо и встав, пошли в церковь святого Преображения, и поклонились на месте святом, где преобразился Христос Бог наш, и поцеловали место то святое с любовью и радостью великою, и, взяв благословение от игумена и от всей братии, вышли из монастыря того святого и обошли все святые места по всей горе той святой. Ибо там, мимо той пещеры Мелхиседека, идет путь к Назарету. Назарет же лежит на запад от Фавора. И опять, во второй раз, вошли мы с любовью в ту святую пещеру и поклонились святой той трапезе, которую создал Мелхиседек, будучи с Авраамом. И стоит до сего дня трапеза та в пещере. И ныне приходит туда часто святой Мелхиседек и служит литургию в пещере той святой, и почивают все верные, что живут на горе той святой. Они мне и поведали о том поистине. И мы похвалили Бога, сподобившего нас, худых и недостойных, видеть те святые места и целовать их устами недостойными.

А затем сошли мы с горы Фаворской вниз на поля и шли по полю две версты к Назарету, на запад. И от Фаворской горы до Назарета пятнадцать верст больших: по полю две версты, а три в горах; путь весьма тяжел и узок, очень трудно проходим, ибо много поганых сарацин сидит в горах тех, а по полю тому сел много сарацинских, и они убивают, выходя из сел тех, на той страшной горе. И боязно мне было идти с малым числом спутников тем путем. Вот с большим отрядом

можно было бы пройти путем тем без страха, у нас же не оказалось отряда, и мы сами, одни — а всего-то нас восемь, и те слабые и без оружия — на Бога надеясь, прошли. Божиею благодатию хранимые и молитвами святой Владычицы нашей Богородицы соблюдаемые, без пакости поздорову дошли до святого города Назарета, где было святое благовещение святой госпоже Богородице от ангела Гавриила. Тут же и Христос вскормлен был.

О ГОРОДЕ НАЗАРЕТЕ

Назарет же представляет собой маленький городок в горах на низком месте, так что, только оказавшись над ним, можно его увидеть. Посреди городка того церковь выстроена большая и высокая о трех алтарях. И когда входишь в ту церковь, по левую руку как бы пещерка маленькая глубокая перед малым алтарем. Две двери маленькие у пещеры той: одни двери с запада, а другие — с востока. Вход в ту пещеру по ступенькам в обе те двери. Когда входишь в пещеру ту западными дверями, по правую руку — келия, выстроенная с маленькими дверьми: в той келейке жила святая Богородица со Христом, здесь вскормлен был Христос, в святом том помещеньице; тут и ложице его, на котором лежал Иисус, — тут, в келейке той. Ложице его сделано так низко на земле.

О ГРОБЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

В той же пещере — когда западными дверьми входишь в нее, по левую руку — есть гроб святого Иосифа, обручника Марии. Тут Христос сам погреб его своими руками пречистыми. Исходит около гроба его от стены как бы миро, вода святая белая, и берут ее для исцеления недужных.

О ПЕЩЕРЕ, ГДЕ СИДЕЛА СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

Есть там место в той пещере — близко от западных дверей: на том месте сидела святая Богородица, близко у дверей, и сучила кокнит, что значит багряницу. Сюда и пришел архангел Гавриил, посланный от Бога к деве Марии.

ГДЕ БЛАГОВЕСТИЛ АРХАНГЕЛ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

И стал перед нею, сделавшись виден очам, чуть поодаль от места, где сидела Пречистая Дева. Примерно три столпа расстояние от дверей пещерных до того места, где стоял Гавриил. Тут поставлена маленькая круглая мраморная трапеза на одном столпце, и на той трапезе служат литургию.

О ДОМЕ ИОСИФА ОБРУЧНИКА

Был дом Иосифов там, где находится пещера та святая: все то происходило в доме Иосифа, обручника Марии. И тут церковь создана над пещерою тою святою во имя святого Благовещения. Это место святое опустело было прежде, ныне же фряги обновили и устроили хорошо то место. И там пребывает епископ латинский, богатый весьма, и владеет местом тем святым. И почтили нас там хорошо питием, и едой, и всем. И спали мы там одну ночь, в городке том. И, поспав хорошо и наутро встав, пошли в ту церковь и поклонились всем тем святым местам. И выйдя из города того, пошли мы немного на юго-восток и нашли колодец чудесный, и глубокий, и очень холодный; и надо спускаться к той воде глубоко, по ступенькам. А над колодцем тем создана церковь во имя архангела Гавриила, и она круглая по форме.

О КОЛОДЦЕ, ГДЕ АНГЕЛ В ПЕРВЫЙ РАЗ БЛАГОВЕСТИЛ

От города Назарета расстояние приблизительно в хороший выстрел до колодца того святого: у того колодца ведь было первое благовещение святой Богородице от архангела. Ибо пришла она по воду, и, когда зачерпнула водонос свой, возгласил ей ангел невидимый, сказав: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» Оглядевшись туда и сюда, Мария никого не увидела, но только голос слышала и, взяв водонос свой, пошла, удивляясь и говоря в уме своем: «Что это за голос, который я слышала, никого не видя?» И вошла в Назарет, и вошла в дом свой, и села на вышеназванном месте, и начала сучить кокнит; и тогда явился архангел Гавриил явно, стоя на вышеназванном месте. Тогда он ей благовестил рождество Христово.

От Назарета же до села Исавова пять верст.

О КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

А от того села до Каны Галилейской полторы версты. Кана Галилейская стоит на людном пути, и там Христос воду в вино превратил. И там обнаружили мы отряд большой, идущий в Акру, и пристали к ним с радостью великою, и пошли с ними в Акру.

Акра же был город сарацинский, а ныне владеют им фряги. Расположен городок этот Акра на Великом море, и залив под ним очень хорош. Всем изобилует городок. А от Назарета до Акры двадцать восемь больших верст; Акра находится к югу от Назарета. И мы пробыли там, в Акре, четыре дня и, отдохнув там хорошо и найдя отряд большой, идущий в святой город Иерусалим, пристали к отряду тому и пошли, с радостью, веселясь, и пришли в Кайфу. А оттуда шли к горе Кармилской, — и туда пошли. И есть там, в горе той, пещера святого Ильи-пророка. И мы поклонились там, а оттуда пошли в Капернаум. А от Капернаума пришли в Кесарию Филиппову. А путь туда идет все подле моря Великого по полю, а иначе — по пескам до самой Кесарии. Пробыли мы там три дня, в городе том Кесарийском. Там и жил Корнилий, которого крестил апостол Петр. А от Кесарии пошли в Самарию: налево от Кесарии дорога в Самарию, через горы; верст двадцать от Кесарии до Самарии. И были на другой день в полдень в Самарии. Но из-за зноя медленно шли: не могли люди идти пешком в зной. А ту ночь мы провели перед городом тем Самариею у колодца Иакова, где Христос беседовал с женщиной самарянкой.

О ИЕРУСАЛИМЕ

И оттуда, встав, пошли мы путем своим, которым прежде пришли из Иерусалима. И дошли до святого города Иерусалима с радостью великою поздорову.

Никакого зла не видели мы на пути этом, но все хорошо показал нам Бог, чтобы мы видели глазами своими все те святые места. Где Христос Бог наш ходил нашего ради спасения, туда же и нас, грешных, сподобил сходить и дал нам видеть те святые места. И чудную ту землю Галилейскую видели мы очами своими; всю землю Палестину Бог сподобил меня обойти. И, Божиею благодатию хранимые, исходили без пакости, молитвами святой Богородицы соблюдаемые, и обошли всю Палестинскую землю. Ведь та земля вся вокруг Иерусалима называется Палестина.

Божиею помощью укрепляем, обошел я места те святые, не встретив нигде ни поганых, ни лютого зверя, не пришлось мне увидеть и иного зла никакого, ни немощи малой не почувствовал я в теле моем, но всегда был, как орел, легок, Божиею благодатию соблюдаем и силою Вышнего укрепляем. Хотя и надо бы мне похвалиться, но только силой Христа моего похвалюсь: ибо «сила моя в немощи совершается», как говорит апостол Павел. И что воздам Господу за все, что он мне, плохому, грешному и недостойному, дал столькую благодать видеть и походить по святым этим местам и исполнить мне желание сердца моего? Ведь то, что я сподобился видеть, это же мне показал Бог, чтобы я видел, недостойный раб и дурной.

И простите меня, братья, отцы и господа мои, и не попрекните худоумие мое, что написал не хитро, но просто, о местах этих святых, и о Иерусалиме, и о Земле этой обетованной. Однако же хоть и не мудро написал, но и не ложно: как видел глазами своими, так и написал.

О СВЕТЕ НЕБЕСНОМ: КАК СХОДИТ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

А это — о свете святом: как сходит ко гробу Господню. Это мне Господь дал видеть, худому и недостойному рабу. И видел очами своими грешными поистине, как сходит святой свет ко Гробу животворящему Господа нашего Иисуса Христа. Многие ведь странники неправду говорят о схождении света святого: ведь один говорит, что Святой Дух голубем сходит ко Гробу Господню, а другие говорят: молния сходит с небес, и там зажигаются лампады над Гробом Господним. И то ложь и неправда, ибо ничего не видно тогда — ни голубя, ни молнии. Но так, невидимо, сходит с небес благодатию Божиею и зажигает лампады в Гробе Господнем. Да и о том скажу, как видел, поистине.

В Великую пятницу после вечерни протирают Гроб Господен, и вымывают лампады те все, и вливают масла чистого без воды — одного только масла того. И, воткнув светильники в оловцы, не зажигают светильников тех, но так оставляют лампады те незажженными. И запечатывают Гроб в два часа ночи. И тогда гасят все лампады и свечи по всем церквам в Иерусалиме.

Тогда я, дурной и недостойный, в ту пятницу в час дня, пошел ко князю тому Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, видя меня, дурного, подозвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего хочешь, русский

игумен?» Он меня хорошо узнал и полюбил меня очень, поскольку муж он добродетельный, и смиренный весьма, и ничуть не гордый. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой! Молю тебя Бога ради и князей ради русских: повели мне, чтобы и я поставил свою лампаду на Гробе Святом от всей Русской земли!» Тогда он серьезно и с любовью повелел мне поставить лампаду на Гроб Господен, и послал со мной мужа, своего лучшего слугу, к эконому церкви Святого Воскресения и к тому, кто держит ключ от Гроба. И повелели мне эконом и ключник Святого Гроба, чтобы я принес лампаду свою с маслом. Я же, поклонившись им, пошел с радостью великой и купил лампаду стеклянную, очень большую, и, налив полную масла чистого, принес ко Гробу Господню, когда уже наступил вечер. Упросил я ключника того, одного тогда внутри Гроба бывшего, и кое-что обещал ему, и он открыл мне двери святые, велел мне снять сапоги, и так босого ввел меня одного в святой Гроб Господен с лампадой, которую я нес с собой, и повелел мне самому поставить лампаду на Гроб Господен. И я ее поставил своими руками грешными в ногах — где лежали пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа. Ибо в головах стояла лампада греческая, на груди же поставлена была лампада святого Саввы и всех монастырей. Ведь такой здесь обычай: каждый год ставят греческую лампаду и святого Саввы. И благодатию Божиею те три лампады загорелись тогда; а фряжская лампада повешена была сверху, а из тех ни одна не загорелась.

Я же тогда, поставив лампаду на Гробе Святом, и поклонившись честному Гробу тому, и облобызав с любовью и со слезами место то святое, где лежало тело Господа нашего Иисуса Христа, вышел из Гроба Святого с радостью великою и пошел в свою келью.

Назавтра же, в Великую субботу в шестой час дня собираются все люди перед церковью Святого Воскресения — бесчисленное множество народа, жители той земли и пришельцы из всех стран: и из Вавилона, и из Египта, и со всех концов земли. Собирается там в тот день несказанное множество. И наполняются людьми все те места около церкви и около Распятия Христова; и великая теснота и давка жестокая среди людей там бывает, так что многие люди тогда задыхаются от тесноты народа бесчисленного. И те люди все стоят со свечами незажженными и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви тогда одни только попы находятся. И ждут попы и все люди, пока придет князь с дружиной; и тогда бывает открытие дверей церковных, и входят люди в церковь в тесноте великой и в давке, и наполняют церковь ту и хоры. Всюду делается полно, ибо не могут поместиться все люди в ту церковь, но остается очень много людей вне церкви около Голгофы и около Крайнева места, и вплоть до того места, где были найдены кресты, и все то делается полно бесчисленно многим множеством людей. И те люди все в церкви и вне церкви ничего другого не говорят, только: «Господи, помилуй!» взывают неослабно и кричат громко, так что гудит и гремит все то место от вопля тех людей. И тут

ручьями проливаются слезы у верных людей. Даже с каменным сердцем человек может тогда прослезиться. Ибо каждый заглядывает тогда в себя, и вспоминает свои грехи, и говорит каждый в себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдет святой свет?» И так стоят все верные люди в слезах с сокрушенным сердцем. И сам тот князь Балдуин стоит со страхом и смирением великим, и ручьи чудесно текут из очей его. Также и дружина его стоит около него напротив Гроба, вблизи алтаря большого; и все они стоят со смирением.

И когда наступил седьмой час дня субботнего, тогда пошел князь Балдуин ко Гробу Господню с дружиной своею из дома своего; пешком ведь все пошли. И послал князь в метох Святого Саввы, и позвал игумена того Святого Саввы с чернецами его. И пошел игумен с братией ко Гробу Господню, и я, худой, тут же пошел с игуменом тем и с братиею. И подошли мы к князю тому, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену и всей братии, и повелел игумену Святого Саввы и мне, худому, пойти рядом с ним, и иным игуменам и чернецам всем повелел перед собой пойти, а дружине своей повелел сзади пойти.

И пришли мы к церкви Воскресения Христова, к западным дверям. И вот множество людей закрыло собой двери церкви, и не смогли мы тогда войти в церковь. Тогда князь Балдуин отдал приказ воинам, и они силой разогнали людей и сделали как бы улицу до самого Гроба, и тогда мы смогли пройти между людьми прямо до Гроба. И подошли к восточным дверям Святого Гроба Господня, и князь за нами подошел и стал на месте своем с правой стороны у преграды великого алтаря против восточных дверей и дверей Гроба, ибо тут место княжее, построенное высоко.

И повелел князь игумену Святого Саввы стать над гробом со своими чернецами и с православными попами. Меня же, дурного, приказал поставить высоко над самыми дверьми Гроба против великого алтаря, чтобы мне возможно было заглядывать в двери Гроба. Двери же Гроба все три запечатаны были, и запечатаны царскою печатью. Латинские же попы в великом алтаре стояли. И когда наступил восьмой час дня, начали вечерню петь на Гробе вверху попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи; и пустынники многие тут были; латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему. И так пели они все, а я тут стоял, прилежно глядя на двери Гроба. И когда начали читать паремии той Великой субботы, во время первой паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям Гроба, и заглянул в Гроб сквозь крестец дверей тех, и не увидел света в Гробе, и возвратился на место. И когда начали читать шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям Гроба и опять ничего не увидел. И тогда все люди возопили со слезами «Кирие, елейсон!», что значит «Господи, помилуй!» И когда минул девятый час и начали петь проходную песнь

«Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом той церкви, и пошел дождь небольшой над Гробом Святым, и смочил нас хорошо, стоящих на Гробе. И тогда внезапно воссиял свет святой в Гробе святом: вышло блистание страшное и светлое из Гроба Господня Святого. И подойдя, епископ с четырьмя дьяконами открыл двери Гроба, и взял свечу у князя того, у Балдуина, и с нею вошел в Гроб, и первым делом зажег свечу князя от того святого света. Вынеся же из Гроба ту свечу, дал самому князю тому в его руки. И стал князь на месте своем, держа свечу с великой радостью. И от него мы все зажгли свои свечи, а от наших свечей все люди зажгли свои свечи по всей церкви, друг от друга зажигая свечи.

Свет же святой не так, как огонь земной, но чудесно, иначе светится, необычно; и пламя его красно, как киноварь; и совершенно несказанно светится.

И так все люди стоят со свечами горящими, и вопиют громогласно все люди «Господи, помилуй!» с радостью великою и веселием. Такая радость не может быть у человека в другом случае, какая радость бывает тогда у всякого христианина, видевшего свет Божий святой. А кто не испытал той радости в тот день, не верит говорящим о всем том виденном. Однако мудрые и верные люди охотно верят и с радостью слушают рассказ об этом истинном событии и об этих святых местах. Верный в малом и во многом верен, а злому человеку, неверному, истинное представляется кривым. Мне же, дурному, Бог свидетель, и святой Гроб Господен, и все спутники, русские сыны, случившиеся тогда в тот день там, новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович Кашкича и другие многие, которые знают обо мне, дурном, и об этом рассказе. Но возвратимся к прерванному повествованию.

Когда же свет воссиял в Святом Гробе, тогда пение прекратилось, и все воскликнули: «Кирие, елейсон!», и пошли из церкви с горящими свечами и с радостью великою, храня свои свечи, чтобы не погасил их ветер, и шли каждый из них восвояси. И от того святого света зажигают лампады в своих церквах и пение вечернее кончают у себя дома. А в великой церкви у Гроба Господня сами попы одни без людей кончают вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братиею пошли в свой монастырь, неся горящие свечи, и там окончили вечернее пение, и пошли в свои кельи, хваля Бога, давшего нам, недостойным, видеть эту благодать Божию.

И на утрене в Святое воскресенье, отпев заутреню, и после целования с игуменом и с братиею, по отпущении, бывшем в час дня, взяв крест,

игумен и вся братия, пошли мы к Гробу Господню, поя этот кондак: «Хотя и в гроб сошел, бессмертный!» И войдя в Святой Гроб животворящий, поцеловали Святой Гроб Господен с любовью и со слезами теплыми и насладились тут благоуханным ароматом тем Святого Духа пришествия; а лампады те еще горели светло и чудесно. Три ведь те лампады зажглись тогда, как сказали нам эконом и ключник Гроба Господня. К игумену обращаясь, говорили они оба: «Внизу стоящие на Гробе Господнем, те три лампады загорелись». А иных пять лампад висит над Гробом; но они горели тогда, хотя свет их и был иным, не таким, какой у тех трех лампад, необычно и чудесно светящихся.

А потом мы вышли из Гроба восточными дверьми и, войдя в великий алтарь, сотворили там целование с православными, и, по отпущении, игумен и братия, вышли мы из церкви Святого Воскресения, и пошли в свой монастырь, и там отдохнули до литургии.

И через три дня после Воскресения Господня, по литургии, пошли мы к ключнику Гроба Господня, и я сказал ему: «Я хотел бы взять свою лампаду». Он же с любовью принял меня, ввел в Гроб одного только. И войдя в Гроб, я увидел свою лампаду, стоящую на Святом Гробе и еще горящую светом тем святым. И я поклонился тому Святому Гробу и облобызал с любовью и слезами то святое место, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. И тогда я сам измерил Гроб в длину, ширину и высоту, каков он; при людях ведь невозможно измерить его никому. И я почтил Гроб Господен по силе моей, как мог, и тому ключнику подал кое-что немногое, а также худое благословение свое. Он же, видя мою любовь ко Гробу Господню, отодвинул тогда дощечку, находящуюся в головах Гроба Господня Святого, и отделил мне от того святого камня небольшое благословение, запретив мне с клятвой кому-либо говорить об этом в Иерусалиме. Я же поклонился Гробу Господню и ключнику и, взяв лампаду свою с маслом святым, вышел из Гроба Святого с радостью великою, обогатясь благодатью Божиею, неся в руке моей дар святого места и знамение Святого Гроба Господня, и шел, радуясь, как некое сокровище богатства неся. Шел в келью свою, радуясь великой радостью.

И Бог тому свидетель, и Святой Гроб Господен, что, находясь во всех местах святых, я не забыл имен князей русских, и княгинь, и детей их, епископов, игуменов и бояр, и детей моих духовных; и всех христиан никогда не забывал; но во всех святых местах поминал. В первую очередь я кланялся за князей за всех, а потом о своих грехах молился. И за то хвалю благого Бога, что сподобил меня, худого, имена князей русских написать в лавре Святого Саввы; и ныне поминаются имена их в ектенье, с женами и с детьми их. Вот имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давид Святославич, Михаил-Олег, Панкратий

Святославич, Глеб Минский. Только их имена я и помнил, их и вписал. Помимо всех князей русских, и о боярах я молился у Гроба Господня и во всех местах святых. И отпели мы литургии за князей русских и за всех христиан — всего пятьдесят литургий, а за усопших сорок литургий отпели.

Да будет же всем, читающим писание это с верою и с любовию, благословение от Бога, и от Святого Гроба Господня, и от всех мест этих святых: примут они награду от Бога наравне с ходившими по местам этим святым. Блаженны, увидев, поверившие, втройне же блаженны, не видя, верующие. Веруя, пришел ведь Авраам в Землю обетованную. Поистине ведь вера равна добрым делам.

Бога ради, братья и господа мои, не попрекните меня за скудоумие мое и грубость мою. Да не поругано будет писание это ради меня, и Гроба Господня, и ради святых этих мест. Кто с любовью прочтет, да примет награду от Бога Спаса нашего Иисуса Христа. И Бог мира со всеми вами вовеки — аминь.

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко

ВСТУПЛЕНИЕ

Киевский митрополит Климент Смолятич был вторым на Руси (после Илариона) митрополитом из русских, возведенным на первосвятительский престол без благословения константинопольского патриарха собором русских епископов. Это произошло в 1147 г. при великом киевском княжении внука Владимира Мономаха князя Изяслава Мстиславича,— как сообщает Ипатьевская летопись, «постави Изяслав митрополитом Клима Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризец, скымник, и бысть книжник и философ так, якоже в Русской земле не бяшеть». Противники Изяслава Мстиславича в междукняжеской борьбе (а это было время особенно обострившихся княжеских усобиц) были противниками и митрополита Климента, и когда в 1149 г. князь Изяслав был изгнан с киевского стола Юрием Долгоруким, с ним вместе принужден был покинуть Киев и митрополит Климент. Но уже в 1150 г. Изяславу Мстиславичу удалось вернуть себе киевское княжение, вместе с ним вернулся в Киев и митрополит Климент. После смерти Изяслава Мстиславича, когда Киев вновь занял Юрий Долгорукий, Клименту опять пришлось оставить митрополию: князь Юрий с честью принял присланного из Царьграда митрополита Константина. Новый митрополит провозгласил «испроверженние» «Климовой службы и ставлений», так что попы и дьяконы, поставленные Климентом, получили от митрополита-трека разрешение вновь священнодействовать только после того, как подали какое-то

«рукописание на Клима». Несмотря на такое развитие событий, Климент Смолятич еще дважды после этого имел шанс занять митрополичий престол. После смерти Юрия Долгорукого (1158 г.), когда дети князя Изяслава Мстиславича позвали на киевское княжение своего дядю князя Ростислава Мстиславича Смоленского, между племянниками и дядей произошел спор, кому быть при Ростиславе митрополитом в Киеве. Дети Изяслава настаивали на кандидатуре Климента, а Ростислав Мстиславич хотел оставить Константина. Чтобы никому не было обидно, решено было пригласить третье лицо (тем более, что к концу спора между князьями митрополит Константин скончался), в результате чего в 1161 г. в Киев прибыл из Константинополя митрополит Федор.

В 1163 г. митрополит Федор умер. И снова сделана была попытка вернуть Климента Смолятича на митрополию. На этот раз его поддержал сам великий киевский князь Ростислав Мстиславич, решившийся просить Византию о поставлении Климента и пославший, как сообщает летопись, в Константинополь своего посла, «хотя оправити Клима в митрополью». Но княжеского посла опередил новый митрополит Иоанн, присланный в Киев от константинопольского патриарха. Князь Ростислав поначалу не хотел принимать этого митрополита, но византийский император поднес ему «дары многи», уговаривая признать их ставленника, и Ростислав Мстиславич согласился. Право поставлять на Русь митрополитов осталось за константинопольским патриархом.

С этого момента русские летописи перестают упоминать о Клименте Смолятиче; дальнейшая судьба его неизвестна.

Послание пресвитеру Фоме — единственное дошедшее до нас сочинение митрополита Климента, хотя из летописи известно, что он «многа писаниа, написав, предаде». Летописи сохранили характеристику Климента Смолятича как книжника и философа, какого прежде не бывало в Русской земле, и его Послание подтверждает неслучайность такой характеристики. Пресвитер Фома, как видно из контекста Послания, укорил Климента Смолятича в том, что он тщеславится своей ученостью. В ответ на это Климент обрушил на своего адресата целый поток аллегорических толкований текста Священного писания, доказывая ему необходимость их постижения для духовного воспитания христианина. Письмо Климента — это настоящий трактат в защиту аллегорического способа понимания Писания, из которого видно, что автор его прошел хорошую школу византийской образованности.

Со времен возникновения в Византии на заре христианства Александрийской школы богословия христианская культура разрабатывала аллегорический метод понимания библейской священной истории, заключающийся в том, что совершившееся во времени событие понимается как иносказание о смысле, пребывающем вне времени. При таком подходе к тексту Священного Писания всякий библейский рассказ подлежит толкованию в трех значениях: буквальном (или историческом), моральном (или душевном) и

мистическом (или духовном). По Посланию Климента Смолятича видно, что аллегорическим методом толкования библейских текстов он владел вполне.

Философами на Руси называли людей образованных, ученых. В Византии это слово имело и более конкретный оттенок, там оно употреблялось в значении звания для лиц, окончивших высшую школу, и было равноценно званию учителя. Современники называли Климента Смолятича философом, из его Послания к пресвитеру Фоме видно, что на это у них были основания.

О пресвитере Фоме нам известно только то, что можно извлечь из содержания Послания. Климент Смолятич послал «философское» «писание» некоему князю (очень вероятно, что Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, так как Фома назван в заглавии пресвитером Смоленским), приближенным которого был священник Фома; содержание этого сочинения стало известно Фоме, и он со своей стороны направил послание Клименту, укорив его в философском кичении; возможно, Климент задел каким-то образом в своем сочинении, направленном князю, Фому; возможно, это был давний его оппонент. Дошедший до нас фрагмент переписки между князем, Климентом Смолятичем и пресвитером Фомой дает нам представление о существовании на Руси открытой литературно-богословской полемики между княжескими дворами, в которой участвовали целые общественные круги во главе с князьями: недаром Климент читал полученное им от Фомы послание «предмногыми послухи и пред княземь Изяславом»; возможно, таким же образом и Фома ознакомился с «писанием» Климента к его князю.

Время создания Послания определяется периодом между 1147 г., годом возведения Климента в митрополиты, и 1154 г., годом смерти князя Изяслава Мстиславича, упоминаемого в Послании как здравствующего.

Послание митрополита Климента известно нам не в первоначальном своем виде, а, как видно из заглавия, с наслоением толкований некоего монаха Афанасия, внесенных в текст в виде вкраплений. Попытку выделить толкования Афанасия из текста Климента см. в книге: *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992, с. 116—123.

Послание дошло в испорченном виде: многие фрагменты в нем перепутаны местами; очевидно, что в том протографе, с которого делались дошедшие до нас списки (их известно два), были перепутаны листы. В настоящем издании оторвавшиеся фрагменты возвращены на свои места, за счет чего восстановлена смысловая последовательность текста, в комментариях даны соответствующие пояснения. Обоснование перестановок см. в книге: *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси... с. 97—123, 137—139.

Мы публикуем Послание Климента Смолятича по рукописи нач. XVI в. — *РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 134/1211, л. 214 об. — 231; исправления, сделанные по другому списку (*РНБ*, собр. *ОЛДП*, F. № 91,

л. 186 об. — 194, нач. XVI в.), другим рукописям и по смыслу, выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ, НАПИСАНО КЛИМЕНТОМ, МИТРОПОЛИТОМ РУСКЫМ, ФОМѢ, ПРОЗВИТЕРУ *СМОЛЕНСКОМУ*, ИСТОЛКОВАНО АФОНАСИЕМЬ МНИХОМЪ

Господи, благослови, отче!

Почет писание твоея любве, яже аще и медмено бысть, почюдихся и в чинъ въспомяновениа приникъ, зѣло дивихся благоразумию твоему, возлюбленый ми о Господе брате Фомо. Имать писание твое наказание с любовию к нашему тщеславию, и *тако* с радостию прочет пред многыми послухи и пред князем Изяславом тобою *присланое* къ мнѣ писание. И вину ми исповѣдавшу, егоже ради пишеши, ты же, любимиче, не тяжько мни мною восписаною ти хартиею.

Речеши ми: «Славишися, пиша, философ ся творя», а первие сам ся обличаеши: егда к тобѣ что писах, нъ ни писах, ни писати имам. А речеши ми: «Философьею пишеши», а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа Писаниа, аз писах от Омира, и от Аристо*те*ля, и от Платона, иже во елиньскых нырѣх славнѣ бѣша. Аще и писах, но не к тебѣ, но ко князю, и к тому же не скоро. А еже сожалил еси, оже тя есмь вмѣнилъ, а Богъ свѣдѣтель, яко не искушаа твоего благоумиа, но яко просто писавь. Да аще того не моглъ еси разумѣти, то всуе приводиши на мя *учителя* своего Григоря.[1] Речеши бо: «У Григоря бесѣдовал есмь о спасении душевнѣмь». Да еда коли порекох ли укорих Григоря? Но еще исповѣдаю, яко не токмо праведенъ, но и преподобень, нъ аще дерзо рещи, святъ есть. Но обаче того аще не училъ тя, то не вѣдѣ, откуду хощеши поручившаяся тебѣ душа руководити, Григорю бо и тебѣ того не вѣдати.

Но чюдо речеши мнѣ: «Славишися!» Да скажю ти сущих славы хотящих, иже прилагают домъ к дому, и села к селомъ, изгои же и сябры, и бърти, и пожни, ляда же, и старины, от нихже окааный Климъ зѣло свободен. Нъ за домы, и села, и борти, и пожни, сябръ же и изгои — землю 4 лакти, идѣже гроб копати, емуже гробу самовидци мнози. Да аще гроб свой вижю по вся дни седмь краты, не вѣмъ откуду славити ми ся. Не бо ми, рече, мощно иного пути имѣти до церкви, кромѣ гроба. Аще похотѣлъ бых славы, по велику Златоязычнику, то не чюдо, мнози бо богатство прѣзрѣша, славы же — ни единъ, а первое искалъ бых власти по своей силѣ. Но съвѣдый сердца и обистья тъ единъ съвѣсть,

но елико молихся, да бых избавился власти. Паки ли по его смотрению а случить ми ся — супротивити ми ся ему нѣсть лѣпо.

Отселѣ, любимиче, отвѣта да не сотворяю ти, но на въпрос твое благоумие понужаю. Нѣсть ли лѣпо пытати потонку Божественых Писаний? Торчивѣ блаженному Соломону, рекущу въ Притчах: «Аще утвердиши к нему око свое, никакоже сравнить ти ся».[2] Уже и Соломон, славы ища тако пишет? Или: «Премудрость созда себѣ храм и утверди седмь столпов».[3] А то, славы же ли ища, пишет? Се бо глаголеть Соломон «премудрость созда себѣ храм»: премудрость есть Божество, а храм — человечьство, аки во храм бо вселися въ плоть, юже приять от пречистыа владычица нашеа Богородица истинный нашъ Христос Богъ. А еже «утвердивъ 7 столпов» — сирѣч 7 соборов святых и богоносных наших отець.[4]

Что же пакы сего Соломона родивый: «яко благоволиша раби твои камение и персть его ущедрят».[5] Да о каменьи ли Бог Отецъ или о персти глаголеть, то коли ми велиши, любимиче, разумѣти камение ти персть? Се бо Богъ Отець о апостолѣхъ глаголет.

Аще ли почитаю Бытийскых книгъ боговидца Моисия: «Рече бо Господь Богъ: Се бысть Адам яко и мы и яко един от нас, и нынѣ да не простеръ руку возмет от дрѣва жизни».[6] Ни ли того почитати тщеславиа ради? Се исперва лукавый враг диавол и человеконенавѣстникъ, не могий никакоже прельстити умна и словесна человека, Богомъ почьщена, но едину от скотъ земных обрѣте себѣ змию съсуд и ходатаицю и тою испустилъ живый глас въ уши Еввы, поушая ю на прострение рукы ко *дрѣву* разумному добру и злу и на вредное то вкушение. И виждь, кацѣми ти глаголы лстивыи поущает ю, и подвижет ю, и быстру творит на дѣло вкушениа. Глаголет бо к ней: «Аще снѣста от дрѣва, будета, яко Богъ, разумѣюща злу и добру».[7] Жена же, сущи акы немощна, послѣ жь мужьжа бывши, въ равеньство возвыситися хотящи Божеско, абие притече къ древу и вкуси скоро и мужеви дасть.[8] Нъ, увы и моей немощи, моя бо прадѣдняя ми снѣста ми бо и нага быста![9]

И вижь, како ти лукавый уже отскочи, яко побѣду и натрыжненые улучивь, видя обнажены боготканыя одежда. По семь же пакы Господь, глагола къ Адаму: «Се Адам бысть яко единъ от нас»,[10] поруганиа ему образ дая, рекше: «Гдѣ ти бѣ съвѣтъ льстиваго диавола, рекшая ти: “Будета акы Богъ”, се уже не токмо нѣси *яко* аз, нъ и чьсти моея обнажился еси и смертную язву и суд приимеши, яко земля еси и в землю поидеши», и прочие.[11]

Что же ли мнѣ, брате, Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль,[12] иже тако почитати, а не искати по духу! Яко образ имѣа Иаков, въ всѣх благ, якоже бо Богъ двоя люди имѣ, израильтескыя и иже от языкъ, да убо израильтестии людие покров имѣаху на сердци, се же есть, о невѣрѣ прилѣжаху, а еже от языкъ вѣрною облежаху добротою, тако Иаков двѣ женѣ имѣ, Лию убо въ образ израильтеских людий, тѣмь и очима болна бѣ, понеже израильтестии людие покров имѣаху на сердци, и Рахиль, — иже от языкъ людие, того и красну блаженое Писание его глаголет, яко тѣм иже от языкъ людие вѣрною добротою приспѣваху и, Спасу вѣровавше правдою, ис корене исторгоша лесть, образ же сему бяше Рахиль, того ради и отча идолы окраде.[13]

Что ми хромота Иа*ко*вля, еда печаль ми, аще храмлет! Иаков бояшеся Исава, брата своего. Дерза убо творя Богъ Иакова, брася с ним, яко «съ Богомъ укрѣпился еси, а съ человеком не можеши». Пакы же образ бяше Иаков Божиа *Слова* въплощению. Сего ради и стегну ему утерпѣ,[14] понеже Божие естество крѣпчаи человеча естества бяше.

Что же ми Зарою и Фаресом! Но нуждюся и увѣдѣти прѣводнѣ. Егда тщеславие и тои есть? Провозвѣщениа бо яже о Зарѣ и Фаресѣ, двоих людии: Форесъ убо — израильскых, Зара же — тѣх, ижо от языкъ. Того ради убо Зара прежде выложи руку, иже преже Закона житие показа. Преже бо Закона бѣаху нѣции богочестиемъ облежаще, не по Закону, но по вѣрѣ живуще. Червленаа же вервь — възвѣщение то бѣаше преже Закона бывших жертвъ, яже сотвори Авель, Енох, Ной, Аврам. Тако оному руку въвлекшю, се же есть — оному отшедшу благочестиа, изыде Фаресъ.[15] Среда бо есть Закон тѣм же и бяше прежде Закона. Иже по Законѣ положим Лию, яко несовершену по благочестии рещи, и да како списатель, ясно пиша, рече: «Бѣ мужь вазнив»?[16] Почти предлежащее речение и обрящеши истинну, рече бо: «и бѣ Господь с нимъ».[17]

О Озарѣ и Фаресѣ. Ибо о семъ Божественое Писание сказа, въ первых книгах Моисиовых пишет, еже о Авраамѣ и о прочих, поминаеть же Иуду, от негоже по плоти Христос Богъ нашь, како Фамара, сноха его, и того прелести, блудническымъ образом украсившеся. Но да *не* потязает же ся о семь Иуда, не бо бяше блудникъ тъ, ни вѣдый сего сътвори, глаголю же, ни Фамара, аще и вѣдущи съвокописа, не бо прелюбодѣйства ради та изволи совокупитися, но дѣтотворениа ради. Поятъ убо Иуда, — глаголет Писание, — жену от хананѣй, ейже имя Висуя, и влѣзе к ней, и заченши роди сынъ и прозва имя ему Иръ, и потом пакы роди сынъ и нарече имя ему Аунанъ, и приложивши еще роди сынъ и прозва имя ему Силомъ. Приведе же Иуда жену сыну своему Иру, первеньцу, ейже имя Фамара. Бысть же Иръ, первенець Иудинъ, золъ пред Богомь, и уби и Богъ. Рече же Иуда Аунану, сыну своему: «Влѣзи к женѣ брата своего и поими ю и въстави племя брату

своему». Разумѣв же Аунанъ, яко не себѣ ему племя, и бысть егда влѣзе къ женѣ брата своего, пролий сѣмя на землю, да не будет племене брату своему. Разумѣв же, золъ ся явися пред Богомъ, понеже сотвори се, и уби сего Богъ. И рече Иуда Фамарѣ, невѣстѣ своей: «Иди и сѣди в дому своему, дондеже великъ будет Силомъ, сынъ мой». И шедшии же Фамара сѣдѣ в дому отца своего. Минуша же дние *ей*, умре Висуя, жена Иудина, и утѣшився Иуда, и взыде ко стрегущим овець его сам.

И Ирасъ, пастух его, повѣдаше Фамарѣ, невѣстѣ его, глаголющи: «Се свекоръ твой восходит навидѣти овець своих». И свергши ризы вдовьства своего съ себе и облечеся в ризы утвореныа и сѣде пред враты удаже минуеть Иуда. Видя ю Иуда и мняше ю любодѣицю сущю, покрыла бо бяше лице свое, и не знааше ея, яко невѣста ему есть, съвратив же ся, рече к ней: «Попусти ми внити к себѣ». Си же рече: «Что ми вдаси, аще влѣзеши ко мнѣ?» Се же рече: «Аз тобѣ дамъ козлище от стадъ своих». Она же рече: «Аще даси ми залог *дондеже пустиши*». *Сь же рече:* «*Дамъ залогъ*»; она же рече: «Перьстенъ твой, и гривну, и жезлъ, иже въ руцѣ твоей, дай ми». И да ей, и влѣзѣ к ней. И зача от него. И въстав отиде. И свергши же она ризы своя утвореныя и облечеся в ризы вдовьства своего. Пусти же Иуда козлище от козъ своих рукою Дамасита, пастуха своего, и взяти залог от жены. И не обрѣте ея Дамасит, и вопроша муж населникъ, гдѣ есть любодѣавшия. Они же рѣша: «Нѣсть здѣ любодѣи». Бысть же по третьемь месяци, повѣдаша Иудѣ: «Съблуди Фамара, невѣста твоя, и се имать въ чрѣвѣ от блуда». И рече Иуда: «Изведите ю, да ю уждегуть». Ведомѣ же ей, посла къ свекру залог, глаголющи: «От негоже человека есть се, и от того же и азъ имѣю въ чрѣвѣ, познай, чий есть перстнь, и гривна, и жезлъ сий». И позна и Иуда и рече: «Очистися Фамара, зане не дах ея Силому, сыну моему, и не приложи по томь прилѣпитися ей».[18]

Смотри же, како ти въземлеть Фамара от Иуды залог, не мьзды хотящи, но мнящи, яко ту абие от совокуплениа и дѣтородиа украдет. Ти аще бы сего залога не взяла, то *смертию бы* от Иуды осуждена бывши умерла, не бы бо вѣровал Иуда словесем ея, яко от него зача въ чрѣвѣ. Но вижь, како ти посылаеть к нему глаголющи: «Чий есть залог си». И познавъ Иуда перьстень свой, и гривну, и жезлъ, рече: «Очистися Фамара» и, осудивый ю прежде смертию, слыша, яко согрѣши, увидѣвъ же пакы свое совокупление, уже оправдаеть ю и очищаеть, зане не да ея Силому своему.

Грѣху бо и осуждению послѣдуеть смерть,[19] правдѣ же и очищению послѣдуеть живот. Того ради Фамара оправдася. И тако, заченши, роди плод, образ Закону и Благодати, Зару и Фареса. И бысть егда приближися время рождению ея, Зара прежде выложи руку. Ждющаа исхожедениа ея повяза тому червлену вервь на руку, таче оному руку вовлекши, таче изыде Фаресъ,[20] среда бо есть Фарес преже бывших

благочестию и хотящих быти Благодати. Почто же Зара вложи ру[ку], преже да же не изыде Фарес? Не якоже ли образ бяше благочестию и Благодати? Тѣм же, руку извлек, *показа* благочестие, иже сотвори Авель, и Сифъ, и Енофъ, Ной же, и Авраамь. Червленая же вервь образ бяше кровий приносимых жертвъ тѣми яже к Богу. И тако рукою показавъ: прѣжняя отдавает Закону изыти преже, рекше, Фаресу; таче изыде Зара. Сию образ бяше, та провозвѣстила двоихь люди, Фарес убо — израильскых, Зара же — иже от языкъ.

И виждь, како ти оправдается Иуда и Фамара яко не прелюбодѣйства ради се створи или уставити хотяще разгорѣние похоти. Аще бы сего похотѣла, не бы поискала Иуды, многим мимоходящим. Но от того племене похотѣ разрѣшити узы своего бещадиа. Аще ли бы тоа плод от мнимыа скверненыя тоя нечистыа похоти и безакониа былъ, кромѣ смотрениа Божиа, то не бы и Богъ тоя плодом прообразовал великаго своего смотрениа тайну хотящую быти, но да сотворить обавление, якоже отбѣгшее и отползъшее естество и отвалившееся въ безаконныа сласти, приде его исцѣлить Христос, и тому бѣжащу, ять и, отдалившуся от Бога, и к себѣ, приближивь, его приведе.

Пишет бо евангелистъ: «Иуда роди Фареса и Зару от Фамары, Фаресъ же роди Есрома, Есром же роди Арама, Арамъ роди Аминодава, и Аминодавъ роди Насона, Насон роди Салмона, Салмон роди Вооза от Рахавы, Воозъ роди Овида от Руфы, Овидъ роди Иессеа, Иессеа роди Давыда царя».[21] Матфѣй и Лука, чистаа евангелиста, явѣ показаста, яко от Давыдова племене единочадое Слово Божие родися, от чистыа Девица, Христос Богъ нашь. Матфѣй убо от Давыда Соломоном сводить Иосифа, обручника Мариина, Лука же — Нафоюю.[22] Иосифъ же от Давыдова исходя племене, правдивь сый, яко ему свѣдѣтелствуеть святое Евангелие, да не бы чресъ закон святую Деву обрѣт, привел, аще не бы от сего знамениа исходила.

Подобаеть же ны и се вѣдѣти, яко бяше закон: мужу умершу, сего брату умершаго жену его пояти себѣ женѣ и воставити племя брату своему; да убо видим: еже по естеству втораго рожешаго бяше, по закону же — умершаго. И от пленица убо Нафовы, сына Давыдова, Левгия роди Мелхию и Панфира, а Панфиръ роди Варпаифира, сице ся зовуще, Варпаифиръ роди Акима, Аким роди святую Богородицю. А от пленица Соломоновы, сына Давыдова, Матфанъ имѣ жену, от неаже роди Иакова; умершю же Матфану, Мелхий, от колѣна Нафова, сынъ Левгиинъ, братъ Панфиров, поять жену Матфаню, а матерь Ияковлю. И роди Илья и быста единоматерьца *Иаков же и Илиа*, Иаковъ от колѣна Соломонова, и Илья от колѣна Нафова. Умре же Илий без дѣтища, и поятъ Иаков, братъ его, иже от колѣна Соломонова, жену его, ти въставит сѣмя брату своему, и роди Иосифа, да Иосиф есть естеством сынъ Ияковль, по закону же — Ильинъ, иже от Нафы. Иаким же чистую

и хвалы достойну Анну поятъ женѣ, от неяже родися пречистаа девица, владычице наша Богородица и присно деваа Мариа, от Давыда племене *сводима*, от неяже родися истинный Христос Богъ наш. То аще Мариа от Давыда, явѣ и Христос от Давыда племене есть; то аще от Давыдова племене есть, то аще от Давыдова, то и от Фареса; аще ли же от Фареса, то воистинну от Июдина колѣена восия Господь нашь, якоже и святое Евангелие глаголеть. Аполинариево безумство[23] стыдится глаголати о совершенѣмь и воплощении и въ человечьнѣмъ истоваго нашего спасениа якоже видѣти стыдящася и мняща: грѣх есть прилагати къ Спасу Христу. И сему без грѣха на се пришедшу,[24] и приимьшу рабий образ,[25] и на угашение грѣховныа силы въчеловечишася, всяко бо: идѣже Богъ, то нѣсть грѣха, то чим может осквернити скверныи бо ино развий грѣха. Сего ради самовидьци мнози и работници Христови бывше съ всѣм дерзновением повѣдаша, плотнаго ради ничтоже мнимаго хулна не пытающе, и тѣми наказающе.

Друзии же се хулно мнят, поминають же Зару и Фареса и глаголют, яко от прелюбодѣаниа рождешися. Не бо от прелюбодѣйства родистася, но по смотрению Божию. Егда без совокуплениа бяше Фамара, посягши за перваго сына Иудина, таче — за втораго? Уне бо ей тогда зачати въ чревѣ, нежели от единаго того съвокуплениа Иудина. Но тогда узу бесчадиа носящии во чревѣ въ ча[до]родѣя мѣсто. Се же от единаго смѣса уза бесчадиа ради разрѣшися, и тако, заченши, роди богознаменитый тъ плод, Богъ бо — огнь, поядая[26] и очищаа грѣхы.[27] Тогда бо в завѣтѣ, еже къ Аврааму, дѣйствоваше Богъ, тѣми прообразова хотящаа быти.

Аще ли же вся законнаа потязати хощем, то убо от обоюнадесяте патреарху нѣкыа осудити хощем, яко и тѣхь матери не вся законным браком съ Иаковом съмѣсишася, точию Лия и Рахаль по преданию отчю. То аще та вся потязаем и судим, то и сами прочие бози хощем быти. Аще бо «Господь оправдая, то кто осуждаа».[28] Пакы иже по лѣтѣхь и по родѣ мнозѣ възниче Моисий, иже и боговидѣниа на Синайстѣй горѣ сподобися, емуже прѣдлагает Богъ Закон написанъ на скрижалѣх каменых, людем израилевомъ под Законом повелѣваа быти. Преспѣвшу же Закону, уже преста завѣтное *многоженство* и единоя жены сочетание узаконися. Закон бо упраздни Завѣта. Благодать бо упраздни обое, завѣтное и законное, солнцу въсиавшу. Нужа есть всему миру пребывати под мраком, но освѣтитися подобает прѣсвѣтлами лучами.

Тако и Христу, Богу нашему, солнцу праведному и озарившу нас божествеными зарями и освѣтившу нас святым крещениемь, и «се вся ветхаа низпадоша, и быша вся нова».[29] И уже не тѣснится в Законѣ человечьство, нъ въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стѣнь подаша и образ бяху будущих, а не сама та истинна.

За умножение же словесъ не оставлю сказати о блаженнѣй Руфѣ, яко и та потязана есть. Яже не потязаеть Божествѣное Писание, *но* и блажить, яко не прежде законнаго брака сочетася съ Вузом, но посагши законнѣ, вдова сущи, моявитяныни, и тако, зачении, породи Овида, дѣда славьному царю Давыду.[30] Но да заградятся уста глаголющимь на Бога неправду. Тъй бо славный богоотець и пророкь глаголеть, «яко ни от въсхода, ни от запада, ни от пустъ горъ, яко Богъ судии есть и сего смѣряет, а сего возъносит. Чаша бо, — рече, — в руцѣ Господни вина нерастворена исполнена есть растворен*и*а».[31] «И кто бо, — рече Писание, — ислѣдить умъ Господень или кто бысть съвѣтникъ ему».[32] «Тъ бо взят грѣхи наша и безакониа наша тъ бо понесе; сего раною мы вси ицѣлѣхом»,[33] но обаче не обрѣменися прегрѣшении нашими, яко глаголют нѣции, ихже конець — сѣтнаа пагуба, но паче сам облегчи от бремен тяжькых хребетъ нашь. Богъ бо ревнивь сый, не дасть славы своея иному, укланяющаяся от него въ разньствие, поженеть съ творящими безаконие. Нѣсть бо неправды у Бога, реку же, ни будет. Испытает сердца и утробы,[34] яко Богъ есть праведень.[35]

Коли того увидѣти хощеши, почто *груди* взимают попове.[36]

*Почто груди повелѣно възимати попомъ. Яко се уже Богу съвѣдительствующю на отинудьное възвращение лука*выихь имъ дѣаний та сожегаема явѣ бяху на жертовницѣ: лой же есть, се Закона, си же даема бѣаху за грѣхи их, лой бо даем бѣаше за чревное ласкосердьство, исти же — си же за чресленыа сласти, селезена — яростнаго ради, на золчьнѣм бо мѣстѣ лежит. Святителю бо даемо бяше во участие собѣ ему груди и рама. Груди убо ради — вѣдѣнное, и истязаа Богъ святителя, рама же ради — дѣанное, да и дѣаненъ и вѣдѣненъ бысть святитель.[37]

Или яже въ Леугитьских книгах о отрыгании ѣчь. Еда и то увѣдѣти тщеславие есть? Уча нас тѣх ради, како подобает быти чистымь. Надвое дѣлящаго ради живота учить нас, да творим рассуждение благых дѣаний от супротивнаго. Жюющаго ради — яко да будемь боголюбиви. Якоже бо жюющии пищу отрыгають, тако подобаеть и нам день и нощь помышляти Божиа проповѣди. Въдных *же* ради, имущих пера и чешюя, учи[т] ны: да якоже она суть горѣ вознесена, другаа же долняя вещи держится, тако подобаеть и нам со благыми дѣании и съ разумными совозвышатися, а не земными остаати. Птица же ради учить нас лихоимьства воздержатися, еже не во тмѣ ходити; иже не во тмѣ, но въ свѣтѣ, се — еже в правдѣ.[38]

Или на пятое лѣто от дрѣва ясти плод,[39] а и то славитися? Но множества ради словес *прѣмину число словес* и Вторый Законъ, и Судьи, и Руфь. Реку же и Еклисиаста, рекша: «Уже, трерременноплете, не скоро ся преторгнет».[40] Не бо о ужи глаголет Соломон, но съвѣты удержаеть, всякъ бо совѣть и дума, аще утвердится, не подвижеться, и в чаание приходит. Того ради и ужем притчю Соломон сотвори.

Но о писании моем воспоминаю, иже къ князю твоему, к моему же напрѣсну господину: «Понеже и пиавица оноа не устрегохся». Пиавицю убо глаголеть Писание и власть и славу, якоже не токмо египтяном, но и еросалимляном послѣдует добро. А египтяне суть мирьстии, иеросалимляне же — мниси. Славы *же* и сласти не токмо мирьстии желають, но и мниси, еяже хотѣние комуждо нас послѣдуеть и до гроба, аще бо и кто нас во глубоку старость доидеть, то и ту никакого же славолюбиа остатися не может. «Ибо и диктатору моему отнемогшу чювьствеными и вещественными расбойникы иерихонска прехода еже от Иеросалима». И диктаторъ — умъ сказается, тѣм же глаголет: «и убо уму моему отнемогшу»; чювьственыи же и безвещественыа расбойникы глаголет бѣсы; Ерихон же — миръ сказуется Се бо и въ Евангелии указает Господь нашь Исус Христос, глаголя: «Человекь схожааше от Иеросалима на Ерихонъ и в расбойники впаде и съвлекше и язвы возложиша на нь».[41] Едемь убо Иеросалимь сказается. Иерихон же — миръ, человекъ же исходяй — Адамъ, расбойници же — бѣси, прелщением бо тѣхъ боготканныа одежда обнажися, раны же глаголет — грѣхи.

Что философью писах, не свѣмь! Христос реклъ святымь ученикомъ и апостоломь: «Вамь есть дано вѣдати тайны царствиа, а прочим въ притчах».[42] То ли, любимиче, философьа, еюже славы ищу от человекъ?

Списающим евангелистом чюдеса Христова, хощу разумѣвати *прѣводнѣ* и духовнѣ. «Что мнѣ дщерию Аира князя?»[43] — прашаю *прѣводнѣ*, и речеть ми: «То и то есть». Что ми дщерию ханаоныня,[44] нъ хощу увѣдати духовнѣ. Что ми кровоточивою,[45] но ищу силы слову! Что ми пятью хлѣбъ и двѣма рыбама,[46] прашаю евангелиста! Что ми о усшей смокви,[47] прашаю силы слову! Что ми старицею оною, въвергъшею двѣ мѣдници въ святилище![48] Но молюся, да темнаа ми душа будет вдовица и въвержет двѣ мѣдницы во святилище: плоть — цѣломудриемъ, душю же — смирением. Что ми о ловитвѣ рыб,[49] но прашаю евангелиста! Что ми воднотрудоватым ицѣлѣвшим,[50] хотящю вѣдѣти и *прѣводнѣ*! Си же вся божественаа Господа нашего Исуса Христа знамениа же и чюдотворениа, иже въ святѣмь Евангелии поминает, волею помянухь, иже святии и *блажении* отци наши подобнаа ко Господьским словесем приложиша сказати и истолковати то и то зѣло полезно и добро и похвално.

То не толма чюдна и славна, елма же та сама истинна, иже Господь нашь дѣлом, чюдо и знамение сотворивъ, показа, въскресив Аира князя дщер, мертву сущу оттинудь и издъхшу. Аще ли и ханаоныню помянем, и кровоточивую, и 5 хлѣб, и двѣ рыбѣ, и о усшей смокви или ону старицю, въвергшую двѣ мѣдници въ святилище, и о ловитвѣ рыбъ, иже от Лукы и о воднотрудоватѣм ицѣлѣвшем, си бо вся поистиннѣ тако суть была, якоже и евангелист сказаеть, еже Господь нашь не притчею, но дѣлом божественаа своа знамениа и чюдеса показа.

Что ми самарянынею, яко аще свята есть, или 5-ю мужи ея или 6-мь, или кладязем Иаковлим и сынъми Ияковли и скоты их![51] Но речеть ми Ираклѣйскый епископь, авва,[52] того ли хощеши увѣдати: самаряныни есть душа, а 5-ть мужь ея — 5 чювьствъ, а шесты мужь ея — умъ, кладязь Ияковль — запинатель[53] по Иаковѣ, сынове Иаковли — добрыа дѣтели, скотии же — блазии помыслы.

То ли, брате, славы ища, пишу?! Повелику соблазнился еси! Ицѣляеть Исус раслабленаго, имуща 30 и 8 лѣт, на Овчии купѣли, яже имать пять притворъ.[54] Что ли 30 и 8 лѣт? И речеть *ми* авва: купѣль — крещение есть, идѣ покупася овца Христос, 5 притворъ: 4 — дѣтели, пятии — видѣнии; 30 лѣт раслабленый — есть всякъ иже въ Троицю не вѣруеть; осмь же лѣт повѣсть ти Соломон, реклъ: «Да же часть седми, таче и осмому».[55] Ища сего потонку, тщеславити ли ся велиши, любимиче?!

Поминаю же пакы реченаго тобою учителя Григориа, егоже и свята рекъ, не стыжюся. Но не судя его хощу рещи, но истиньствуа: Григорей зналъ алфу, якоже и ты, и виту подобно, и всю 20 и 4 словесъ грамоту. А слышиш ты, ю у мене мужи, имже есмь самовидець, иже может единъ рещи алфу, не реку, на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту — також.[56] Расматряй, любимиче, расматряти велит и разумѣти, яко вся состоатся, и съдержатся, и поспѣваются силою Божиею. Ни едина бо помощь развѣ помощи Божиа, ни едина же сила развѣ силы Божиа, «вся бо, рече, елико восхотѣ, и сътвори на небеси, и на земли, и в мори, и въ всѣх безднахь»[57] и прочее.

Расмотряти ны есть лѣпо, возлюблении, и разу[ме]ти. Вижь бо, яко же се огнь о[т] камения исѣкаем и от дрѣва исходяй, иже составляем есть и съгнѣщаемъ человѣчьскыми веществеными руками; егда же силу изгорѣниа приимет огнь, смотри, како ти человечьскыми хытростьми чистѣйшаа вещь, влагаема въ нь, очищается. Рекше, злато и сребро аще наполнено будеть каа любо скверны, рекше мѣса, ти влагаемо будеть къзньнивше огнь, и изжагается огненымь разгорѣнием, и очищается

въложное то злато и сребро, и отдавается вложившему е и чисто и без врѣда, а вмѣшенаа та в не черность без врѣда погибнет. Да ели то огнь веществен҄ъ сый, иже Богомъ сотворен на службу умну и смыслену и словесну человеку...[58]

И вижь како ти силу пламене.[59]

Человекъ же, почтен Богомъ, вещью вещь очищает. Да аще мы убо, тварь суще Божиа, от него сотвореною тварию дѣйствуемъ, якоже хощем, то что ны есть, возлюблении, паче наипаче помышляти о Бозѣ, егоже совѣта и премудрости нашь умъ ни худѣ достигнути не можеть, не токмо же нашь умъ, но и ти святии ангели и архангели и вся чиноначалиа. То нѣсть ли ему лѣпо дѣйствовати от него сътворе[но]ю тварию, якоже хощеть, управляти великоимениты свой корабль. Смотрению же его нѣсть ны ся лѣпо супротивити, токмо славити и благодарити. Якоже прияхом законная и благодатьная Святых Писаний от общего владыкы, Господа нашего Исуса Христа, Спаса и правителя наших душь, от святыих и божественых его апостолъ по дару и благодати и силѣ Духа, да держимся убо, возлюбленнии, за ту предлежащую надеждю, не укланяющеся ни на шую, ни на десно, да не в самое то дно падемся пагубы впадемся, но ко церковнымъ истиннымъ и честнымъ святителемъ гря[ду]ще и тако доидемъ вышния свѣтлости въ приходящемъ царствии Господа нашего Исуса Христа, емуже слава купно съ безначалнымъ Отцемъ и пресвятым и благымъ и животворящимъ Духом всегда и нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминъ.[60]

Яко не ехион морьскый ставляеть шествиа кораблю, в немже храпяше тревечерний странен. А *е*хионъ есть в мори и малъ и худообиден живот, учитель бывает многажды плавающимъ.[61] Егда бо хощет быти буря и утишение, тогда же преже разумѣти муть, будущь от вѣтра, и, возлѣзъ на камыкъ твердъ, велми ся зыблеть, якоже волнам морьскым неудобь отвлѣщи, да егда видят се знамение гребци кораблении, и разумѣють, яко приити имать буря вѣтрянаа. Никый же бо ястролог, ни халдѣй, на восход звѣздный зря, въздушьных муть знаменуа, сего научи ехиона, но иже есть морю и вѣтром господь худый сей живот вѣлицѣй своей мудрости на истинное послѣдование вложи. Ничто же бо преобидно от Господа, все видить безсонное его око, то все смотрить, у всего стоить, даа комуждо спасение. Да елико то ехиона не остави кромѣ своего мѣста Богъ, то кольми паче изообилують щедроты его и человеколюбие до нас, уповающих на имя святое его. Устрааеть и промышляеть прѣмудрено спасение наше и повелѣвает комуждо, якоже хощеть.

Егда же послан бысть Иона пророк въ Ниневгии, град великый, от Бога, да проповѣсть ему тридневное разорение, и выше силы своея пророку гнѣвь воздвигшу на Бога, и от лица Божиа в Тарсъ бѣжати восхотѣ,[62] то же не ехион морьскый стави шествие того корабля, в немже Иона храпяше во днѣ корабля, тревечерний он странникъ, тревечерний — яко толико въ китѣ пребысть, странникь же — бѣжаниа ради. Не бо бяше время, ни днии алкиотистии тогда, но всемогущаа сила Божиа расбиватися кораблю створи. Пророкъ бо гнѣваяся бѣжаше, кораблю же възбрани чюдодѣа Владыка. Множество бо видѣти бяше корабль пловущых сѣмо и онамо без врѣда, един же расбивашеся лютѣ Ионы ради. И дотуда не препочи, донеле же гнѣвливаго того бѣгуна, морю прѣдав спасение, получи. Море же, его приим, *препусти в пучины* своя, пучины же, и приимше, прѣдаша и въ чрево безсолнечному звѣрю, глубинному лву, рекше, киту. Чрево же китово, пророка приим, любо хотя, любо не хотя, Ниневгитьску граду скоро добра проповѣдника принесе; сладкоядный того во утробу приим, пакы же того на живот испусти, иже провѣда слово Господне и спасению научи, и живот тѣмь покааниа ради от Бога дарова. То кто се сотвори, не единъ ли Христос Богъ дивный въ славах, творяй чюдеса единъ!

Ибо *ни* время алкионитскаго ражданиа и возраста потворая, седмореченый годъ парфагеньскую утиши пучину, уноши рыданиемъ, удивльшему съ нимъ пловущему.[63] Алкионъ есть морскаа птица, гнѣздо же си творить на морьстѣмь брезѣ, на пѣсцѣ, а яйца ражаеть на пѣсцѣ средѣ зимы и егда многими бурями вѣтри земли прираждаются.[64] Но обаче престануть в той год вѣтри и утишатся волны морьскыа, и егда алкион насѣдит 7 дни, в ты бо точию дни изляжет птичища. Но понеже кормля имь требѣ другую 7 дний и на возрастание птичищем, великыдаровитый бо Богъ и малому сему животу такову тишину даровал есть во время рождениа его и възраста. Но и ходцы морьстии вѣдят се, алкионытыя зовуть дни ты. Се бо есть и намъ на поучение, иже просити что от Бога добрых дѣлъ и полезных и спасение когда улучити и снабдѣти, имже Богъ о бесловесных промышляеть и уставляеть. Нас же дѣля что не имать сътворити прѣславно, яко по образу Божию и по подобию быхом, елма же птица дѣля мала тако велико гордое море дръжиться, посрѣдѣ зимы тихо стати повелѣно.

Егда великый Григорий Богословецъ пловяше во Афины, ун сый, навыкнути хотя тѣх писаний, и ввнезаапу възвѣавшу духу бурну и возмутившуся морю, яко разбиватися корабълю, и всѣмъ живота отчаавшимъся, юноши же рыдающи и вопиющи, яко дивитися всѣмъ сущим в корабли человекомъ,[65] яко и абие суровства Посидонска свободишяся, рекше, морьскаго; и тако во кроткое земли, Димитры, обитати сотвори, рекше, въ кроткое и тихое земли.[66] Димитра бо земля ся нарицает.

Иже въ глубоку старость глубокаа извѣща. На послѣдьнюю бо и глубокою старость написал есть 16 словесъ,[67] яже чюдна и хвалы достойна, яже *суть* прѣдана церковьному прочитанию за величьство разума и глубину съкровенных ради и дивных словесъ.[68]

Ни саламандръ прованьскый[69] раждеженую на 49[70] всемирный ликъ составльшим[71] в Багдатѣ угаси. Саламандръ есть звѣрекь, живет же в нутрений Индии, внутреняя же индийскаа, рекше, Срѣдѣземлие, в тѣх мѣстѣх и в горах живет звѣрекь той, егоже зовуть саламанръ. Да той тако устроенъ есть от Бога естествомъ: аще въвергнуть и в пещь огнену, то пламен от его угасаеть, самъ же без врѣда прѣбывает. И мѣнит же списатель на 49 раждеженую, то убо вавилонскаа есть пещь, юже раждьже безаконный царь, лукавы паче всеа земли, егда сотвори и постави тѣло златое, емуже богоносныа дѣти не поклонишася. Тогда нечестивый тъ цесарь повелѣ ражьжещи пешь седмь седмицею. Седмь бо седмиць сочетше, обрѣтаемъ 40 и 9. И тако уноши ты в толицѣ не изваришася огни, хладному убо духу тѣх осиавшу и пламень в росу претворшу. То ти ни саламандръ угаси багдатьскую пущь, рекше, вавилонскую, но ангелъ Божий всемощный, еже есть Христос Богъ, единочадый Сынъ Отчь, посрѣдѣ пламене вѣрныа тѣ уноши спасе, прохладив смотрением Божиим. Нечестивый той цесарь акы пророчьску дару сподобися, в пещи того видѣвъ, вѣща бо предстоащимъ: «*Не 3 ли бяхом* мужа въвергли в пещь?»; вси же яко единѣми усты рѣша: «Цесарю, въ вѣкы живи, яко трие суть». «То *како*, — рече,— азъ вижю четыри, четвертаго же образ бяше подобенъ Сыну Божию?»[72] Но о великое твое смотрение, человѣколюбче Христе, не токмо отрокы спасе *и* чюдо сотвори, халдѣа ты опали, но и дѣвичьскую ту показа тайну хотящую быти своего родства. Прежде бо своему боговидцю Моисиови в купинѣ явил еси девичьскую тайну,[73] в пещи же прообразовал еси неопалиму твоея матере девичьскую утробу, на земен образ преложитися хотящу манием ти, человеколюбче.

Ни гулнаа словеса устыдѣтися съвориша асурийскым звѣремъ оного каженика, иже боговидѣниа сподобися. Гулнаа словеса, рекше, волшебнаа, многажды бо нѣцыи чародеи псы лютыя и звѣри могут укротити козниию чародѣаниа. Данилу сущу въ рвѣ, со звѣри единаче сущу въвержену,[74] то же не волшебная хитрость, ни чародѣаниа затъкоша уста асурийскымъ звѣремъ, не бо бяше тако пророкъ, но вседержащиа и всемогущаа сила Божиа акы овцѣ тѣх пророку показа. Ни гриппъ Александрова въздухохождениа[75] от египетьскыа жатвы в халдѣйскую яму скоростию принесе пророка питать; а гриппъ зовется ног, иже Александрова въздухохождениа елиньскаа писаниа сказають.[76] Аввакуму же от Египта къ жателемъ грядущу, брашно тѣмъ несшу, то же не гриппъ восхити его, рекше, ног, но свыше посланая сила Божия. Ангелъ бо скоростью принесе пророка того, да и пророчю бѣду и мѣсто видит и душу его тщу и алчющу брашна насытит, послав ему до обилия съ тезоименитцемъ.[77]

И аще по единому писана будуть, то постигнет мя, повѣсти дѣюща, лѣто.

*Ч*то мнѣ Пентефриемъ скопцемъ иже купи Иосифа![78] Аще скопець сы како жену имѣ, или того ищу? Дневными имащи ю пещися вещьми домовными, тѣм же тщеты ради мужня оному похотѣ. Что ли въ исходѣ от Египта о крастелѣх согнивающих до утриа,[79] но да тако ми речеши, почто но да не славлюся! Понеже закона преступление бѣ; уча бо их Богъ свободномъ житиемъ жити, повелѣ: на всякъ денъ да потребную пищу приемлют; они же не вѣровавше, боле собравше дневныя их пища; того ради и въсмѣрдѣша. И еже, «не свариши агняте въ молоцѣ матере его»,[80] ни ли того навыкнути велиши славы ради? Нрав нѣкакъ назнаменуеть, иже варит агнець въ молоцѣ матере его, и матерь сварят. Отмещет же то закон, вкупѣ приносити Богу с рождьшимся матерь.

Повелику, брате, дивлюся, аще тако улучиль тя Григоръ, аще бо о всемъ томъ не дал ти выникнути. От дивлюся!

---

[1] *...всуе приводиши на мя учителя своего Григоря.* — Кто таков был Григорий, учитель пресвитера Фомы, неизвестно.

[2] *...«Аще утвердиши к нему око свое, никакоже сравнить ти ся».* — Притч. 23, 5.

[3] *...«Премудростъ созда себѣ храм и утверди семдь столпов».* — Притч. 9, 1.

[4] *...премудрость есть Божество, а храм — человечьство... «утвердивъ 7 столпов» — сирѣч 7 соборов святых и богоносных наших отецъ.*— Такое толкование текста Книги притч Соломоних было чрезвычайно распространено в Древней Руси, оно известно по различным литературным и иконографическим памятникам вплоть до XVII в., а также и в более поздние времена. Семь соборов, о которых здесь идет речь,— это семь Вселенских соборов христианской церкви, на которых были выработаны и утверждены основы православного вероучения.

[5] *...«яко благоволиша раби твои камение и персть его ущедрят».* — Пс. 101, 15.

[6] *...«Се бысть Адам яко и мы... возмет от дрѣва жизни».* — Быт. 3, 22.

[7] *Глаголет бо к ней: «Аще снѣста от дрѣва, будета, яко Богъ, разумѣюща злу и добру».* — См. Быт. 3, 5.

[8] *Жена же ...вкуси скоро и мужеви дасть.* — См. Быт. 3,6.

[9] *...и нага быста!* — См. Быт. 3, 7.

[10] *...«Се Адам бысть яко единъ от нас»..* — Быт. 3, 22.

[11] *...лукавый уже отскочи... и прочие.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[12] *...Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль...* — См. Быт. 29, 16—35; 30, 1—24.

[13] *...отча идолы окраде.* — См. Быт. 31, 19.

[14] *Иаков бояшеся Исава... Дерза убо творя Богъ Иакова, брася с ним... Сего ради и стегну ему утерпѣ...* — См. Быт. 32, 24—32.

[15] *...Зара прежде выложи руку... оному руку въвлекшю... изыде Фаресъ.* — См. Быт. 38, 28—30.

[16] *...«Бѣ мужь вазнив?»* — Быт. 39, 2.

[17] *Почти предлежащее речение и обрящеши истинну, рече бо: «и бѣ Господь с нимъ».* — Здесь митрополит Климент ссылается на Иосифа Прекрасного (который был «вазнив», то есть удачлив) и развивает таким обрзом мысль о том, что и до того, как был дан через Моисея закон народу израильскому, на земле жили отдельные люди, отличавшиеся благочестием и потому приятные Богу, ибо если бы это было не так, то не было бы об Иосифе сказано: «и бѣ Господь с нимъ».

...«и бѣ Господь с нимъ».— Быт. 39, 3.

[18] *Поятъ убо Иуда... жену от хананѣй... «Очистися Фамара, зане не дах ея Силому, сыну моему, и не приложи по томь прилѣпитися ей».*— См. Быт. 38, 1—28.

[19] *Грѣху бо и осуждению послѣдуеть смерть...*— Ср. Иаков. 1, 15.

[20] *Ждющаа исхожедениа ея повяза тому червлену вервь на руку... изыде Фаресъ...* — См. Быт. 38, 27—30.

[21] *...«Иуда роди Фареса и Зару от Фамары... Иессеа роди Давыда царя».* — Мф. 1, 3—6.

[22] *Матфѣй убо от Давыда Соломоном сводить Иосифа, обручника Мариина, Лука же — Нафою.*— Здесь и далее речь идет о церковном учении, объясняющем различия между родословиями Исуса Христа у

евангелистов Марка (1, 2—16) и Луки (3, 23—38). Это различие проистекало из правовых последствий так называемого левирата, Моисеева установления, в силу которого брат израильтянина, умершего бездетным, обязан был жениться на его вдове, причем дети от этого брака считались детьми покойного. Илий, отец Иосифа Обручника по родословной Луки, и Иаков, отец Иосифа по Матфею, были единоутробными братьями, оба из рода Давыдова: Илий — по линии Нафана, Иаков — по линии Соломона. Отсюда различия обоих евангельских родословий в эпоху после царя Давыда. Матфей перечисляет поколения в нисходящем, а Лука — в восходящем до Адама порядке.

[23] *Аполинариево безумство...* Имеется в виду учение Аполинария Лаодикийского (IV в.), осужденное церковью как еретическое. Аполинарий не признавал того, что в Исусе Христе сочетались совершенное Божество и совершенное человечество, и учил, что человечество Христа ограничивалось телом и животной душой, в которой обитал божественный Логос.

[24] *...сему без грѣха на се пришедшу...* — Ср. 1 Иоан. 3, 5.

[25] *...приимьшу рабий образ...* — Ср. Филип. 2, 7.

[26] *...Богъ бо — огнь, поядая...* — Ср. Вт. 4, 24; Евр. 12, 29.

[27] *...и очищаа грѣхы.* — Ср. Сирах. 47, 13.

[28] *...«Господь оправдая, то кто осуждаа».* — Римл. 8, 34.

[29] *...«се вся ветхаа низпадоша, и быша вся нова».* — 2 Коринф. 5, 17.

[30] *...о блаженнѣй Руфѣ ...яко не прежде законнаго брака сочетася съ Вузом... породи Овида, дѣда славьному царю Давыду.* — См. Руфь. 4, 5—22.

[31] *...«яко на от въсхода, ни от запада ...Богъ судии есть и сего смѣряет, а сего возъносит. Чаша... в руцѣ Господни вина нерастворена исполнена есть растворениа».* — Пс. 74, 7—9.

[32] *«И кто ...бысть съвѣтникъ ему».* — Римл. 11, 34.

[33] *«Тъ бо взят грѣхи наша... сего раною мы вси ицѣлѣхом».* — Ис. 53, 5.

[34] *Испытает сердца и утробы...* — Ср. Апок. 2, 23.

[35] *...от неяже родися истинныйХристос Богъ наш ...яко Богъ есть праведень.*— В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[36] *Коли того увидѣти хощеши, почто груди взимают попове.*— В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[37] *Почто груди повелѣно възимати попомъ... Святителю бо даемо бяше во участие собѣ ему груди и рама ...да и дѣаненъ и вѣдѣненъ бысть святитель.* — См. Лев. 7, 31—34.

[38] *...въ Леугитьскых книгах о отрыгании ѣчь... Птица же ради учить нас лихоимьства воздержатися, еже не во тмѣ ходити... се — еже в правдѣ.* — См. Лев. 11, 1—20; Вт. 14, 3—20.

[39] *...на пятое лѣто от дрѣва ясти плод...* — См. Лев. 19, 25.

[40] *... «Уже, трерeменноплете, не скоро ся преторгнет».* — Ек. 4, 12.

[41] *...«Человекь схожaаше от Иеросалима на Ерихонъ и в расбойники впаде... язвы возложиша на нь».* — Лк. 10, 30.

[42] *...«Вамь есть дано... а прочим въ притчах».* — Мф. 13, 11; Мр. 4, 10; Лк. 8, 10.

[43] *...дщерию Аира князя...* — См. Мф. 9, 18—19, 22—25; Мр. 5, 22—24, 35—43; Лк. 8, 41—42, 49—56.

[44] *...дщерию ханаоныня...* — См. Мф. 15, 22—28.

[45] *...кровоточивою...* — См. Мф. 9, 20—21; Мр. 5, 25—34; Лк. 8, 43—48.

[46] *...пятью хлѣбъ и двѣма рыбама...* — См. Мф. 14, 13—23; Мр. 6, 30—45; Лк. 9, 10—17; Иоан. 6, 1—15.

[47] *...усшей смокви...* — См. Мф. 21, 19—21; Мр. 11, 20—21.

[48] *...старицею оною, въвергъшею двѣ мѣдници въ святилище!* — См. Мр. 12, 41—44; Лк. 21, 1—4.

[49] *...о ловитвѣ рыб...* — См. Мф. 4, 18—22; Мр. 1, 16—20; Лк. 5, 1—11.

[50] *...воднотрудоватым ицѣлѣвшим...* — См. Лк. 14, 2—4.

[51] *Что ми самарянынею... или 5-ю мужи ея ...или кладязем Иаковлим ...и скоты их!* — См. Иоан. 4, 1—42.

[52] *...Ираклѣйскый епископь, авва...*— Имеется в виду известный толкователь Священного писания, митрополит Ираклийский Никита (XI в.), толкования которого на 16 Слов Григория Богослова были известны на Руси с древнейших времен.

[53] *...запинатель...* — Запинать — мучить, бить ногами.

[54] *Ицѣляеть Исус раслабленаго, имуща 30 и 8 лѣт, на Овчии купѣли, яже имать пять притворъ.* — См. Иоан. 5, 2—5.

[55] *...«Да же часть седми, тaче и осмому».* — Ек. 11, 2.

[56] *...у мене мужи... иже может единъ рещи алфу... на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту — також.* — Это место в Послании митрополита Климента свидетельствует о том, что в его окружении были люди, образованные по-гречески. Умение сказать нечто более чем стократно на альфу, виту и все 24 буквы греческого алфавита означает не что иное, как владение таким разделом курса византийской грамотности, который именовался схедографией и состоял из особого рода орфографических и словарно-грамматических упражнений на каждую букву алфавита.

[57] *...«вся... елика восхотѣ, и сътвори на небеси... и въ всѣх безднахь...»* — Пс. 134, 6.

[58] *Расмотряти ны есть лѣпо, возлюблении... на службу умну и смыслену и словесну человеку.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[59] *И вижь како ти силу пламене.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[60] *Человекъ же, почтен Богомъ, вещью вещь очищает...Аминъ.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[61] *А ехионъ...учитель бывает многажды плавающимъ.* — Рассказ об «ехионе» — «учителе» мореплавателей митрополит Климент заимствовал из Шестоднева Иоанна, экзарха Болгарского.

[62] *Егда же послан бысть Иона пророк въ Ниневгии... и от лица Божиа в Тарсъ бѣжати восхотѣ...* — См. Ион. 1, 1—16; 2, 1—11; 3, 1—10.

[63] *Ибо ни время алкионитскаго рождания... съ нимъ пловущему.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[64] *Алкионъ есть морскаа птица... яйца ражаеть на пѣсцѣ средѣ зимы и егда... вѣтри земли приараждаются.* — Рассказ о птице алкионе восходит у митрополита Климента к Шестодневу Иоанна, экзарха Болгарского.

[65] *Егда великый Григорий Богословецъ пловяше во Афины... всѣмъ сущим в корабли человекомъ...* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[66] *Егда великый Григорий Богословецъ пловяше во Афины ... абие суровства Посидонска свободишяся, рекше, морьскаго, и тако во кроткое земли, Димитры, обитати сотвори, рекше, въ кроткое и тихое земли.* — О застигшей Григория Богослова по пути в Афины морской буре рассказывается в Житии Григория Богослова, написанном учеником его Григорием.

[67] *...написал есть 16 словесъ...* — Сборник из шестнадцати избранных Слов Григория Богослова в действительности был составлен уже после смерти Григория Богослова и является делом позднейшей рукописной

традиции; на Руси он был известен с древнейших времен и неизменно сопровождался толкованиями Никиты Ираклийского.

[68] *...яко и абие суровства Посидонска свободишяся... Иже въ глубоку старость глубокаа извѣща... за величьство разума и глубину съкровенных ради и дивных словесъ.* — В «испорченном» списке местоположение фрагмента иное.

[69] *...саламандръ прованьскый...* — О легендарном зверьке саламандре на Руси было известно по Физиологу; прованским он назван здесь потому, что, по легенде, местом его обитания являлась внутренняя часть Индии, называвшаяся в легендах Прованом.

[70] *...раждеженую на 49...* — То есть Вавилонскую печь, «седмь седмицею разжженную» (см. Дан. 3,19), которая, по церковному учению, является одним из прообразов Богородицы.

[71] *...всемирный ликъ составльшим...* — То есть тем, кто составил всемирный хор (лик); здесь имеются в виду вавилонские три отрока, Анания, Азария и Мисаил, брошенные нечестивым царем Навуходоносором в разожженую печь за отказ поклониться золотому идолу и воспевавшие в огне единого Бога «яко едиными усты» (см. Дан. 3, 51—90).

[72] *...«Не 3 ли бяхом мужа въвергли в пещь ... четвертаго же образ бяше подобенъ Сыну Божию?».* — Дан. 3, 91—92.

[73] *Прежде бо своему боговидцю Моисиови в купинѣ явил еси девичьскую тайну...* — См. Исх. 3, 2. В христианской традиции ветхозаветное событие — явление Моисею Бога в образе несгорающего куста — расценивается как прообразование о Богородице, утробу которой не опалило Божество воплотившегося в ней Исуса Христа. Прообразованием рождества Христова от девы Марии является и ветхозаветная история трех отроков: как огонь печи не опалил отроков, «прохладив их смотрением Божиим», так и Христос, вселившись в Богородицу, не опалил ее естества.

[74] *Данилу сущу въ рвѣ... въвержену...* — См. Дан. 14, 31.

[75] *...гриппъ Александрова въздухохождениа...* — Здесь имеется в виду эпизод из мифа об Александре Македонском: полет его на поднебесную высоту с помощью птицы грифона.

[76] *...иже Александрова въздухохождениа елиньскаа писаниа сказають.* — Имеется в виду греческое повествование об Александре Македонском, так называемая Александрия Псевдокалисфена (литературный памятник, сложившийся около III в. н. э., переводившийся в том числе и на славянский язык).

[77] *Аввакуму же от Египта къ жателемъ грядущу, брашно тѣмъ несшу... Ангелъ бо скоростью принесе пророка... послав ему до обилия съ тезоименитцемъ.* — См. Дан. 14, 33—38.

[78] *...Пентефриемъ скопцемъ, иже купи Иосифа!* — См. Быт. 39, 1 и след.

[79] *...о крастелѣх согнивающих до утриа...* — См. Исх. 14, 13 (ср. Числ. 11, 31).

[80] *...«не свариши агняте въ молоцѣ матере его»...* — Исх, 23, 19; Вт. 14, 21.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ КЛИМЕНТА, МИТРОПОЛИТА РУССКОГО, НАПИСАННОЕ К СМОЛЕНСКОМУ ПРЕСВИТЕРУ ФОМЕ, ИСТОЛКОВАННОЕ МОНАХОМ АФАНАСИЕМ

Господи, благослови, отче!

Прочел я, хоть и с промедлением, писание твоей милости и, восхитившись и вникнув в смысл излагаемого, сильно подивился благоразумию твоему, возлюбленный о Господе брат мой Фома. Содержит твое писание дружеское наставление нашему тщеславию, так что я с радостью прочел присланное ко мне от тебя писание пред многими свидетелями и перед князем Изяславом, Но после того, как поведал ты мне, чего ради пишешь, и сам ты, любимый мой, не пообидься на мою, написанную к тебе, хартию.

Ты говоришь мне: «Тщеславишься, пишучи, строишь из себя философа», и сам первый себя обличаешь: разве я что к тебе писал; не писал и не собираюсь писать. Говоришь мне: «По-философски пишешь»; и весьма несправедливо говоришь, будто бы я, оставив почитаемые писания, стал писать из Гомера, и Аристотеля, и Платона, прославившихся эллинскими хитростями. Если я и писал, то не к тебе, а ко князю, да и к тому не скоро. А если ты огорчился, что я чем-то тебя задел, то Бог свидетель, что я просто писал, не искушая твоего благоразумия. Если не смог ты этого уразуметь, то всуе указываешь мне на учителя своего Григория. Говоришь мне: «С Григорием беседовал я о спасении душевном». А разве я когда-нибудь похулил или укорил Григория? Я даже считаю его не только праведным, но и преподобным, и, хоть и дерзко сказать, святым. Однако, если он не учил тебя тому, то не знаю, как станешь руководить врученными тебе душами, если ни Григорию, ни тебе это неведомо.

Дивно, что говоришь мне: «Тщеславишься!» Надобно мне сказать тебе, кто ищет славы, — тот, кто присовокупляет дом к дому, к селу села,

холопов и крестьян, и борти и пожни, поля и пустоши. От всего этого окаянный Клим вовсе свободен; вместо домов, сел, и бортей, и пожень, крестьян и холопов владеет он четырьмя локтями земли под могилу; и этой могиле многие очевидцы. И если свою могилу вижу я всякий день семикратно, то не знаю, чем мне тщеславиться. Ибо нельзя, сказано, иметь иного пути до церкви, как не мимо могилы своей. Если бы восхотел я славы, что по великому Златоусту не дивно, ибо богатством пренебрегали многие, славой же — ни один, то, первое, — стал бы искать я власти себе по силе. Но тот, кто прозревает сердца и утробы, тот знает, как много я молился, чтоб быть избавлену от власти. Если же снова случилось со мной по его усмотрению, то не подобает мне противиться ему.

С этого места, любимый мой, не стану больше давать тебе ответа, но прошу твое благоразумие ответить на вопрос. Не подобает ли до тонкости испытывать смысл Божественных Писаний? Приблизимся к блаженному Соломону, изрекшему в Притчах: «Если устремишь на него глаза твои, никак тебе не дастся». Ужели и Соломон, славы ища, так пишет? Или: «Премудрость создала себе храм и утвердила семь столпов». Может быть, и это он пишет, славы ища? Вот о чем глаголет Соломон, говоря, что «премудрость создала себе храм»: премудрость — это Божество, а храм — человечество, ибо Христос, истинный Бог наш, как во храм, вселился во плоть, принявши ее от пречистой владычицы нашей Богородицы. А «утвердив семь столпов» — это значит семь соборов святых и богоносных наших отцов.

Или вот еще у родителя сего Соломона: «Ибо возлюбили рабы твои камни и прах его жалеют». О камнях или о прахе говорит Бог Отец, как прикажешь, любимый мой, разуметь те камни и прах? Это же Бог Отец говорит об апостолах.

Или стану читать книги Бытия, написанные боговидцем Моисеем, — «И сказал Господь Бог: “Вот Адам стал как мы и как один из нас, и ныне да не возьмет он от древа жизни, протянув к нему руку”». Или и это читают ради тщеславия? И вот дьявол, искони лукавый враг и ненавистник человеку, не могущий никак обольстить почтенного Богом умного и словесного человека, избрал себе сосудом и ходатаем единого из земных скотов — змею, и устами ее нашептал свою живую речь в Евины уши, соблазняя ее на простертие рук к древу познания добра и зла и на пагубное то вкушение. И посмотри, какими словами льстивыми подущает ее и подвигает, и быстру сотворяет на дело вкушения. Говорит ей: «Если вкусите от древа, будете как Бог разумеющими зло и добро». Жена же как создание слабое и происшедшее уже после мужа, желая возвыситься в равенство с Богом, тотчас приблизилась к древу и быстро вкусила и мужу дала. Увы мне, немощному, праотцы мои съели плод и стали наги!

И посмотри, как сразу же отскочил от них лукавый, заполучив свою победу и одоление, увидав их обнаженными от Богом тканой одежды. Потом снова пришел Господь, говоря Адаму: «Вот Адам стал как один из нас», стыдя его и как бы говоря: «Где же совет льстивого дьявола, сказавшего тебе: “Будете как Бог”, вот ты не только не стал как я, но теперь и чести моей лишился, и смертную язву и суд приимешь, ибо земля ты, и в землю пойдешь», и далее.

Или что мне, брат, до Иакова и двух жен его, Лии и Рахили, если о них просто так читать, а не доискиваться духовного смысла! Прообразует собой во всем благой Иаков, что как у Бога было два народа, израильский и тот, что из язычников, и израильские люди имели покров на сердце, то есть уклонялись в неверие, а те, что из язычников, облекались красотою правоверия, так и у Иакова две жены было, Лия — прообраз израильского народа, потому и была она больна глазами, что израильский народ имел покров на сердце, и Рахиль — прообраз языческого народа, потому и называет ее Священное Писание прекрасной, что народ из язычников преуспевал в добродетели веры и, уверовав истинно в Спасителя, с корнем исторг дьявольскую лесть, образ же этому была Рахиль, потому и украла она отеческих идолов.

Что мне до хромоты Иакова — может быть, жалко мне, что он храмлет! Иаков боялся Исава, брата своего. И Бог, чтобы сделать Иакова смелым, боролся с ним, как с Богом <чтобы уверить его:> «На Бога ты укрепился, а на человека <разве> не можешь». Еще же прообразом был Иаков воплощения Божьего Слова. Потому и бедро повредил ему Бог, что Божье естество было сильнее человеческого естества.

Что мне до Зары и Фареса! Но стремлюсь я понять о них иносказательно. Разве это тщеславие? Ведь в образах Зары и Фареса дано провозвещение о двух народах: в Фаресе — об израильских, в Заре же — о тех, кто из язычников. Потому Зара и высунул первым руку, что он еще до Закона <доброе> житие показал. Ведь и до Закона были некоторые люди, что украшались благочестием, не по Закону, а по вере живя. Красная же нить — то было провозвещение о бывших до Закона жертвоприношениях, которые сотворяли Авель, Енох, Ной, Авраам. И когда он убрал назад свою руку, что значит отшествие от благочестия, тогда появился на свет Фарес. Закон — это середина, потому он и был до Закона. Если станем говорить, что Лия по Закону была несовершенной в благочестии, то как же тогда списатель, ясно пиша, мог сказать: «И был муж удачливый»? Прочти стоящее перед тем изречение и поймешь истинный смысл, ибо сказано там: «и был Господь с ним».

О Заре и Фаресе. Об этом сказано в Божественном Писании, в первых книгах Моисеевых написано, в которых об Аврааме и о прочих; повествуется там и об Иуде, от которого по плоти Христос Бог наш, как прельстила его Фамара, украсивши себя подобно блуднице. Но да не будет осужден за это Иуда, ибо не был он блудником; говорю, что не ведая он это совершил, и Фамара тоже, хотя она и ведаючи соединилась с ним, но не для прелюбодеяния пожелала соединиться, а ради деторождения. Ибо взял Иуда, — рассказывает Писание, — жену ханаанеянку, имя ей Висуя, и вошел к ней, и зачав, родила она сына, и дала имя ему Ир, и потом еще родила сына и нарекла имя ему Онан, и продолжив, еще родила сына и дала имя ему Силом. И стал Ир, первенец Иудин, нехорош перед Богом, и убил его Бог. И сказал Иуда Оиану, сыну своему: «Войди к жене брата своего и обладай ею и восстанови потомство брату своему». Онан же, уразумев, что это будет не его потомство, когда был с женою брата своего, пролил семя на землю, чтобы не было потомства у брата его. Разумевши, явил себя неугодным Богу, ибо сотворил такое, и убил его Бог. И сказал Иуда Фамаре, невестке своей: «Иди и поселись в доме своем, пока не станет взрослым Силом, сын мой». И, уйдя, поселилась Фамара в доме отца своего. Прошло время, и умерла Висуя, жена Иудина, и, утешившись, пошел Иуда сам к стерегущим овец его.

И Ирас, пастух его, поведал Фамаре, невестке его, сказавши: «Вот свекор твой грядет посмотреть овец своих». И сбросив с себя вдовьи свои одежды, облеклась она в одежды украшенные и села ждать пред вратами, пока не придет Иуда. И увидал ее Иуда и принял за блудницу, ибо закрыла она тогда лицо свое, не узнал, что это невестка его, и, соблазнившись, сказал ей: «Дай мне войти к тебе». Она же сказала: «Что дашь мне, если войдешь ко мне?» И он сказал: «Я дам тебе козленка из стад своих». Она же сказала: «Не дашь ли мне залог, пока не приведешь его». И он сказал: «Дам залог»; она же сказала: «Дай мне перстень твой и гривну и жезл, что в руке твоей». И дал ей, и вошел к ней. И зачала она от него. И он, вставши, ушел. И она, повергнув с себя одежды украшенные, облеклась снова в ризы вдовства своего. И отпустил Иуда козленка от стад своих с Дамаситом, пастухом своим, чтобы взять залог у жены. И не нашел ее Дамасит, и спрашивал он у тамошних мужей, где находится любодеица. Они же отвечали: «Здесь нет любодеицы». По прошествии же трех месяцев сообщили Иуде: «Соблудила Фамара, невестка твоя, и носит во чреве своем зачатое от блуда». И сказал Иуда: «Отведите ее, пусть сожгут ее». И когда вели ее, послала она к свекру своему залог, сказав: «Которому человеку это принадлежит, от того и ношу я во чреве; узнай, чей перстень, и гривна, и жезл сей». И узнал его Иуда и сказал: «Оправдалась Фамара, ибо не дал я ее Силому, сыну моему, и не позаботился сочетать ее с ним браком».

Смотри же, как требует Фамара у Иуды залог, не платы желая, но надеясь, что тотчас же украдет от совокупления с ним чадородие. Если бы не взяла она этого залога, то умерла бы, будучи осуждена Иудой, ибо не поверил бы Иуда словам ее, что понесла от него. Но смотри, как посылает она к нему, говоря: «Чей это залог». И Иуда, узнав свой перстень, и гривну, и жезл, сказал: «Оправдалась Фамара», и, осудивши ее прежде на смерть, ибо слышал, что согрешила она, узнав, что это от совокупления с ним, уже оправдывает ее и обеляет, ибо не дал ее Силому, сыну своему.

За грехом и осуждением следует смерть, за правдой и оправданием — жизнь. Потому оправдалась Фамара. И так зачав, породила она плод, Зару и Фареса, прообраз Закону и Благодати. И было так, когда настало время их рождения, Зара первым высунул руку. И та, что ждала их появления из материнской утробы, повязала ему красную нить на руку, после этого появился на свет Фарес, ибо Фарес есть середина между бывшим благочестием и будущей Благодатью. Почему же Зара высунул руку раньше, чем появился на свет Фарес? Не было ли здесь прообраза благочестия и Благодати? Тем, что высунул он руку, показано благочестие, которое творили и Авель, и Сиф, и Енох, и Ной, и Авраам. А красная нить была прообразом крови тех жертв, что приносили они Богу. И так показавши рукою, предоставляет он первым появиться Закону, то есть Фаресу; потом появился Зара. Этими двумя был дан прообраз, они провозвестили о двух народах: Фарес — об израильском, Зара же — о тех, кто из язычников.

И посмотри, как оказались оправданными Иуда и Фамара, ибо не ради прелюбодейства сотворила она это и не потому, что захотела поддаться разожжению похоти. Если бы этого она захотела, не стала бы искать Иуды при том, что многие проходили мимо нее. Но именно его потомством захотела она разрешить узы своего бесчадия. Если бы был ее плод от той мнимой скверной и нечистой похоти и от беззакония, помимо Божьего усмотрения, то не стал бы Бог ее плодом прообразовывать грядущую тайну великого своего промысла о человеке: им будет сотворено богоявление, и отбежавшее и отползшее от него человеческое естество, уклонившееся в беззаконные наслаждения, Христос, придя, исцелит, возьмет убегающего и отпадшего от Бога и к себе, приблизив, приведет.

Пишет евангелист: «Иуда родил Фареса и Зару от Фамары, Фарес же родил Эсрома, Эсром же родил Арама, Арам родил Аминодава, а Аминодав родил Насона, Насон родил Салмона, Салмон родил Вооза от Рахавы, Вооз родил Овида от Руфи, Овид родил Иессея, Иессей родил царя Давыда». Матфей и Лука, чистые евангелисты, явственно показали, что от рода Давыдова единородное Слово Божие, Христос, Бог наш, родился, от чистой Девицы. Матфей от Давыда через

Соломона выводит Иосифа, Мариина обручника. Лука же — через Нафу. Иосиф же, происходя из рода Давыдова и будучи праведным, как свидетельствует о том святое Евангелие, не привел бы себе не по закону святую Деву, если бы не было на то знамений.

Следует нам знать, что существовал закон: когда умирал мужчина, то брату его полагалось взять себе в жены жену умершего, чтобы восстановить потомство брату своему; так что следует понимать: тот, кто по естеству принадлежал второму родителю, по закону был сыном умершего. И так из колена Нафова, сына Давыдова, Левгия родил Мелхию и Панфира, а Панфир родил Варпаифира, так называвшегося, Варпаифир родил Иоакима, Иоаким родил святую Богородицу. А из колена Соломонова, сына Давыдова, Матфан имел жену, от которой родил Иакова; когда же умер Матфан, Мелхий, из колена Нафова, сын Левгиин, брат Панфиров, взял за себя жену Матфанову, мать Иакова. И родила она Илия, и были Иаков и Илий единоутробными братьями, Иаков от колена Соломонова, Илий от колена Нафова. Илий же умер без чада, и взял Иаков, брат его, что был из колена Соломонова, жену его, чтобы восстановить потомство брату своему, и родил Иосифа; так что Иосиф по естеству сын Иакова, по закону же — Илия, который от Нафы. Иоаким же взял в жены чистую и хвалы достойную Анну, от которой и родилась пречистая девица, владычица наша Богородица и приснодева Мария, происходящая из рода Давыдова, от которой родился истинный Христос Бог наш. Если же Мария от Давыда, то ясно, что и Христос от Давыдова племени, если же от Давыдова племени, то и от Фареса, если же от Фареса, то воистину от Иудина колена воссиял Господь наш, как и глаголет святое Евангелие. Аполинариево безумство стыдится говорить о совершенном его воплощении, как бы стыдясь видеть в человеческом истинное наше спасение и мня, что грешно относить это ко Христу Спасителю. Но если тот, в ком нет греха, пришел на это, и принял рабий образ, и вочеловечился ради угашения греховной силы, ибо всегда, где Бог, там нет греха, то чем может осквернить скверный того, кто без греха. Потому многие, будучи свидетелями и служителями Христовыми, поведали о нем со всем дерзновением, ни о чем плотском, хульно помышляемом, не доискиваясь и тем поучая и нас.

Другие же об этом с хулой помышляют, поминают Зару и Фареса и говорят, что они родились от прелюбодейства. Нет, не от прелюбодейства родились они, а по Божьему промыслу. Разве без плотского совокупления оставалась Фамара, когда была за первым сыном Иудиным и потом за вторым? Ведь легче ей было тогда понести во чреве, чем от единственного того совокупления с Иудой. Но тогда она узы бесплодия носила во чреве своем вместо чадородия. И вот от единственного совокупления разрешились узы бесплодия, и так зачав, родила она богознаменитый тот плод, ибо Бог — это огонь, поедающий и очищающий грехи. В те времена действовал Бог через завет, данный Аврааму, прообразовал через тех будущее.

Если же мы собираемся осудить все подзаконное, тогда и некоторых из двенадцати патриархов осудить собираемся, ибо не все из их матерей сочетались с Иаковом законным браком, только Лия и Рахиль, по отеческому преданию. И если всех тех укорим и осудим, то значит, мы сами хотим быть другими богами. Ибо если «Господь оправдывает, то кто осуждает». Затем, спустя многие годы и многие поколения пришел Моисей и сподобился видеть Бога на Синайской горе, и дал ему Бог Закон, написанный на скрижалях каменных, повелевая людям израильским быть под властью Закона. С наступлением же Закона прекратилось бывшее в Завете многоженство и возвелось в закон сочетаться с одной женой. Ибо Законом был упразднен Завет, а Благодать упразднила и то, и другое, заветное и законное, когда воссияло солнце. Нужда есть всему миру пребывать под мраком, но подобает ему осветиться пресветлыми лучами.

Так и, когда Христос Бог наш, солнце праведное, озарил нас божественным светом и осветил нас святым крещением, тогда «все древнее прошло, и все стало новое». И уже не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит. Ибо все ветхозаветное — это тень и прообраз будущего, а не сама та истина.

Несмотря на обилие словес не премину я все же сказать о блаженной Руфи, ибо и та подвергается осуждению. Та, которую Божественное Писание не осуждает, но даже и похваляет, ибо не прежде законного брака сочеталась она с Воозом, но по закону, будучи вдовой, моавитянкой, и так, зачав, родила Овида, деда славному царю Давыду. И да заградятся уста глаголющим на Бога неправду. Славный тот богоотец и пророк говорит, что «не от востока, не от запада, не от пустыни возвышение, но Бог есть судия, и одного он смиряет, а другого возносит. Ибо чаша, — говорит, — со смешанным вином в руке Господней исполнена разделения». «Ибо кто, — гласит Писание, — познает ум Господень, или кто был советником ему». «Ибо он взял грехи наши и беззакония наши понес; раною его мы все исцелились», но при этом он не обременился нашими прегрешениями, как говорят некоторые, конец которых — крайняя пагуба, а только сам облегчил от тяжких бремен хребет наш. Ревнив Бог, не даст он славы своей тому, кто уклоняется от него, покарает его с творящими беззаконие. Ибо нет неправды у Бога, и скажу, что не будет. Провидит сердца и утробы, ибо он Бог праведный.

Если хочешь узнать о том, зачем священнослужители получают груди.

Зачем повелено брать груди священникам. То зримо сжигалось на жертвеннике, в знак того, что Бог заповедал им никогда не возвращаться на лукавые их деяния: тук — это знак Закона, его приносили за грехи их, тук приносим был за чревоугодие, почки же — за похотное сластолюбие, селезенка — за ярость, ибо она на желчном месте лежит. Священнику же как часть его отдавались груди и плечи. Груди — ради ведения, ибо испытывает Бог святителя, плечи — ради действия, чтобы и деятелен, и умудрен ведением был святитель.

Или то, что говорится в книге Левит об отрыгании жвачки. Может быть, и об этом знать — тоже тщеславие? Учит нас этим, как подобает быть чистым. Животными, имеющими раздвоенное копыто, учит нас отделять благие деяния от супротивных им. Жующими жвачку — быть боголюбивыми. Ибо как жующие жвачку отрыгают пищу, так и нам подобает день и ночь помышлять о Божиих заповедях. Водными же животными, имеющими перья и чешую, учит нас: как одни пребывают вознесенными горе, а другие держатся дольнего, так подобает и нам возвышаться со благими и разумными деяниями, а не оставаться приземленными. Птицами же учит нас воздерживаться от лихоимства, не ходить во тьме — не во тьме, но в свете, что значит: в правде.

Или знать о том, что лишь на пятый год заповедано есть от древа плод, это тоже значит тщеславиться? Из-за множества словес миную книги Второзаконие, и Судей, и Руфь. Укажу на Экклезиаста, сказавшего: «Плеть трехременносплетенная не скоро перервется». Ведь не о плети говорит Соломон, а о замыслах напоминает, ибо всякая дума и замысел, если они утвердятся и не поколеблются, то достигнут желаемого. Ради этого и сотворил Соломон притчу о плети.

Но вспоминаю о моем писании ко князю твоему, а моему присному господину: «Ибо и пиявицы той не уберегся». Пиявицей называет Писание сластолюбие и славолюбие, что прекрасно прилепляются не только к египтянам, но и к иерусалимлянам. А египтяне — это миряне, иерусалимляне же — монахи. Славы же и сласти не только миряне желают, но и монахи; желание это преследует всякого из нас до самого гроба; даже если кто из нас и до глубокой старости дойдет, то и здесь от славолюбия отстать не может. «Ибо диктатор мой изнемог от чувственных и невещественных разбойников на пути из Иерусалима в Иерихон». Диктатором ум называется, так что здесь сказано: «Ибо и ум мой изнемог»; чувственными же и невещественными разбойниками называет бесов; Иерихоном же мир называется. На это в Евангелии указывает Господь наш Исус Христос, говоря: «Человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, и, раздевши его, изранили его». Иерусалимом называется Эдем, Иерихоном же — мир, исходящий же человек — Адам, разбойники же — бесы, ибо их

прельщением обнажился он от Богом тканой одежды, ранами же называет грехи.

Что я по-философски писал, не пойму! Христос сказал апостолам, святым ученикам: «Вам дано знать тайны царствия Божьего, а остальным — в притчах». Это ли, дорогой мой, философия, с помощью которой я славы ищу пред людьми?

Когда описывают евангелисты чудеса Христовы, хочу я это понимать иносказательно и духовно. «Что мне в дочери князя Иаира?», — вопрошаю духовно, и отвечает мне: «То и то». Что мне в дочери хананеянки, но я хочу понять о ней духовно. Что мне в кровоточивой, — ищу смысла слова! Что мне в пяти хлебах и двух рыбах, — спрашиваю евангелиста! Что мне в усохшей смокве, — вопрошаю о смысле слова! Что мне в той старице, подавшей две медных монеты в сокровищницу! Но молюсь, чтоб омраченная моя душа стала вдовицей и подала две лепты в сокровищницу: от плоти — целомудрие, от души же — смирение. Что мне в ловлении рыбы, — вопрошаю евангелиста! Что мне в страждущем водяной болезнью, когда хочу я понимать о нем духовно! Обо всех этих божественных Господа нашего Исуса Христа знамениях и чудотворениях, упоминаемых в святом Евангелии, умышленно я помянул, что так же нашли подобающим применить и святые и блаженные отцы наши к Господьским словам и истолковать и то, и это весьма полезно, и хорошо, и похвально.

Все это не так чудно и славно, как сама та истина, которую Господь наш делом показал, сотворив чудо и знамение, воскресив дочь князя Иаира, уже умершую и испустившую дух. Если и хананеянку помянем, и кровоточивую, и пять хлебов, и две рыбы, и усохшую смокву, или ту старицу, подавшую две лепты в сокровищницу, и ловление рыб, и страждущего водяной болезнью, исцелившегося, о котором у Луки, все это именно так воистину было, как рассказывает евангелист, и Господь наш не притчею, но делом показал божественные свои знамения и чудеса.

Что мне в самарянке, даже если она и свята, и в пяти мужах ее, и в шестом, или в колодце Иакова, и в сыновьях Иакова, и стадах их! Но говорит мне отец ираклийский епископ, хочешь ли узнать о чем: самарянка — это душа, а пять ее мужей — пять чувств, а шестой ее муж — ум, колодец Иакова — запинатель по Иакове, сыновья Иакова — добрые деяния, стада же — благие помыслы.

Это ли, брат, в поисках славы пишу?! Сильно ошибся ты! Исцеляет Исус расслабленного, страдавшего тридцать восемь лет, у Овчей купели, которая имеет пять притворов. Что значит тридцать и восемь лет? И говорит мне авва: купель — это крещение, где искупался агнец Христос, пять притворов — четыре чувства, пятое — разумение; тридцать лет расслабленный есть всякий, кто не верует в Троицу; о восьми годах поведает тебе Соломон, сказавший: «Дай часть семи, также и восьмому». Доискивающийся до всего этого в тонкости должен ли, дорогой мой, по-твоему, тщеславиться?!

И снова вспоминаю упомянутого тобой учителя Григория, которого не стыжусь и святым назвать. И не осуждая его, хочу сказать, но ради истины: Григорий знал альфу так же, как ты, и виту подобным же образом, и всю на двадцать четыре буквы грамоту. А слышишь ли ты, есть у меня мужи, я сам тому свидетель, каждый из которых может сказать альфу, не лгу, на сто, или двести, или триста, или четыреста раз, и виту — так же. Вникай, мой дорогой, велено вникать и уразумевать, что все происходит, и содевается, и укрепляется силой Божией. Не дается ни единая помощь без помощи Божией, ни единая крепость без укрепления Божьего, ибо сказано — «все, елико восхотел Господь, то и сотворил на небесах, и на земле, и в море, и во всех безднах» и прочее.

Подобает нам, возлюбленные, вникать и уразумевать. Посмотри на огонь, из камня высекаемый и трением из дерева исходящий, что создается и возгнетается человеческими вещественными руками. Когда огонь разгорится, смотри, как ухищрением человеческим очищается самая чистая вещь, влагаемая в него. Например, если окажется золото или серебро наполненным какой-либо скверной или примесью, и если вложить их в огонь и жечь огненным пламенем, то очищается это золото и серебро и возвращается давшему его чистым и невредимым, а подмешавшаяся к нему грязь без помехи уничтожается. Так если вещественный огонь, сотворенный Богом на службу наделенному умом, мыслящему и разумному человеку...

И посмотри на силу пламени.

Человек, почтённый Богом, очищает вещью вещь. Так если мы, будучи творением Божиим, действуем как хотим с помощью твари, им же сотворенной, то, тем более и более, что следует помышлять нам о Боге, разума которого и премудрости не может наш ум и в малой степени постигнуть; и не только наш ум, но и святые ангелы и архангелы и все ангельские чины. Не подобает ли Ему действовать через им самим сотворенную тварь, как он хочет, управлять великославным своим

кораблем. Промыслу же его не подобает нам противиться, только славить и благодарить. И как приняли мы законное и благодатное Святое Писание от общего владыки, Господа нашего Исуса Христа, Спасителя и правителя наших душ, от святых и божественных его апостолов по дару, благодати и силе Духа, так да будем держаться, возлюбленные, за эту поданную нам надежду, не уклоняясь ни влево, ни вправо, да не ввергнемся на самое дно пагубы, но, приближаясь к истинным и честным церковным святителям, достигнем вышней светлости в грядущем царствии Господа нашего Исуса Христа, которому слава вместе со Отцом и пресвятым и благим и животворящим Духом всегда, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Ибо не ехион морской преградил путь кораблю, внутри которого спал тревечерний странник! А ехион — это такое есть в море малое и неприметное животное, многажды бывает оно учителем плавающих. Ибо когда собирается быть буря и бывает затишье перед ней, тогда, предвидя смятение, которое предстоит поднять ветру, влезает оно на твердый камень и сильно качается, так что волнам морским невозможно его оторвать; и когда это знамение видят корабельные гребцы, то уразумевают, что приближается ветреная буря. Никто из астрологов или халдеев, следящих за ходом звезд и предсказывающих воздушные бури, не учил этого ехиона, но морю и ветрам Господь худую эту животину наставил на истинное последование великой своей мудрости. Ничто не преобидено Господом, все видит бессонное его око, за всем смотрит, надо всем стоит, подавая всякому спасение. И раз уж того ехиона не оставил Бог без своего места, то сколь более изобилуют его щедроты и человеколюбие для нас, уповающих на имя его святое. Устраивает премудро своим промыслом наше спасение и повелевает всякому так, как желает.

Когда был послан Богом пророк Иона в великий град Ниневию, да пророчет ему тридневное разорение, и сверх силы своей воздвиг пророк гнев на Бога и восхотел бежать от лица Божия в Таре, тогда не ехион морской остановил плаванье того корабля, в недрах которого спал Иона, тревечерний тот странник, тревечерний — потому что столько времени в ките оставался, странник же — потому что бежал. Ибо не было тогда ни времени, ни дней алкионских, но всемогущая сила Божия сделала так, что разбился корабль. Пророк, гневаясь, бежал, чудодей же Владыка запретил кораблю. Ибо множество можно было видеть тогда кораблей, без помехи плывущих туда и сюда, только один из них из-за Ионы терпел жестокое крушение. И до тех пор не успокоился, покуда не заполучил гневливого того бегуна, препоручив морю его спасение. Море же, приняв его, пустило в пучины свои, пучины же, принявши его, отдали в чрево бессолнечному зверю, глубинному льву, или киту. Чрево же китово, пророка приняв, хотя того или не хотя, скоро принесло доброго проповедника к Ниневийскому граду; сладкоядный, принявши в утробу, снова выпустил на свет того, кто провидел слово Господне, и научил спасению, и даровал от Бога жизнь

тем, кто покаялся. Кто же это все сотворил, не Христос ли Бог, дивный в славе, творящий один чудеса!

Ибо не семидневный срок, охранявший рождение и возрастание птицы алкиона, утишил девственную пучину, но юноши рыдание, удивившее с ним плывших. Алкион есть морская птица, гнездо себе вьет на морском берегу, на песке, и яйца рождает на песке среди зимы, когда со многими бурями устремляются ветры на землю. Но прекращаются в то время ветры и утишаются волны морские, когда алкион семь дней сидит на яйцах, ибо только в те дни высиживает он птенца. И так как на вскармливание птенцов и возрастание их требуются другие семь дней, то великощедрый Бог даровал малой сей животине такую тишину на время ее рождения и возрастания. Об этом и мореходы знают, называют они те дни алкионитскими. Это и нам наука, как просить у Бога себе добра и пользы, чтобы некогда получить и сподобиться спасения, которым Бог и бессловесных наделяет по своему промыслу. Ради же нас что ни сотворит он преславное, по образу и по подобию Божию сущих, если даже ради малой птицы удерживается такое великое гордое море, посреди зимы тихо стать повелеваемое.

Когда великий Григорий Богослов в юности плыл в Афины, желая выучиться их наукам, и внезапно поднялся бурный ветер и взволновалось море так, что корабль стал терпеть крушение и все уже отчаялись остаться в живых, тогда юноша так рыдал и стенал, что заставил дивиться этому всех находившихся на корабле людей, и внезапно от ярости Посейдоновой, то есть морской, они освободились и очутились в кротости Деметры-земли, то есть в кротости земли и покое. Деметрой земля называется.

В глубокой старости глубокое возвещал. Ибо в крайней и глубокой старости написал шестнадцать чудных и хвалы достойных Слов, которые установлено читать в церкви за великий разум и глубину сокровенных в них дивных словес.

Не прованская саламандра погасила ту, что была разожжена сорокадевятикратно для составивших тогда в Багдаде всемирный хор. Саламандра — это зверек, живет во внутренней Индии, а внутренняя Индия — это Средиземлие, в тех местах, в горах и живет этот зверек, что зовется саламандрой. И так он устроен от Бога естеством: если бросят его в огненную печь, то пламень от него угасает, а сам он остается невредим. А под 49-кратно разожженной подразумевает списатель вавилонскую печь, которую растопил беззаконный царь, самый злохитрый на земле, когда сотворил он и поставил тело златое, которому не поклонились богоносные дети. Тогда нечестивый тот

цесарь повелел разжечь печь на семижды семь крат. Сочтя семью семь, получаем 49. И так те юноши в столь сильном огне не сварились, потому что осиял их прохладный дух и превратил пламень в росу. И это не саламандра погасила багдадскую, или вавилонскую, печь, но всемогущий ангел Божий, Христос Бог, единородный Сын Отчий, среди пламени спас трех верных юношей, прохладив промыслом Божиим. Нечестивый же тот царь как будто дару пророческого сподобился, ибо, увидав его в печи, провещал предстоящим: «Не трех ли человек ввергли в печь?»; и все как в один голос сказали: «О цесарь, во веки живи, трех». «А как же, — сказал он, — вижу четырех, и образ четвертого подобен Сыну Божию?» О, как велик твой промысел, человеколюбче Христе, не только отроков спас и чудо сотворил, но и предуказал на будущую тайну рождества своего от Девицы. Сперва своему боговидцу Моисею в купине явил девическую тайну, так же и в пещи дал прообраз неопалимой девической утробы твоей матери, желая своею волею принять земнородный образ, человеколюбче.

Не гульные словеса остановили ассирийских зверей перед тем скопцом, что сподобился боговедения. Гульные словеса — значит волшебные, ведь многократно могут разные чародеи укрощать лютых псов и зверей кознями чародейства. Когда Даниил был во рве, вверженный туда вместе со зверьми, то не волшебные ухищрения, не чародейства заградили уста ассирийским зверям, не таков был пророк, но вседержительная и всемогущая сила Божия, словно овец, тех пророку показала. Не грифон из Александрова хождения по поднебесной высоте скоро перенес от египетской нивы в халдейскую яму одного пророка, чтобы накормить другого пророка; а грифоном зовется птица ног, о которой рассказывается в эллинских писаниях об Александровой путешествии по поднебесной высоте. Когда Аввакум из Египта шел ко жнецам и нес им брашно, тогда не грифон, или ног, поднял его, но посланная свыше сила Божия. Скоро ангел перенес того пророка, чтобы увидел он беду другого пророка, и место то, и душу его, изможденную и алчащую брашна, и насытил его, послав ему изобильно через тезоименника.

Но если я стану писать обо всем до единого, то понадобится мне целое лето, чтобы повествовать.

Что мне в Пентефрии скопце, который купил Иосифа! Если скопцом был, почему имел он жену, этого, что ли, ищу? Имел он ее для попечения над каждодневными делами домашними, потому она, оставшаяся без мужа, и воспылала похотью к тому. Или что мне в коростелях, сгнивших до утра при исходе из Египта, или и здесь мне скажешь, чтоб я не тщеславился! Ведь было преступление закона: Бог повелел им, уча жить свободным житием, чтобы брали они себе пищи столько, сколько требуется на день, они же не веровали и собрали

больше, чем требовалось для дневной пищи; потому и протухли коростели. И что «не следует варить ягненка в молоке его матери», может быть, по-твоему, и в это вникают ради тщеславия? По некоему обычаю принято считать, что тот, кто варит ягненка в молоке его матери, варит и мать. А закон это отвергает — приносить Богу вместе с потомством мать его.

Премного я, брат, дивлюсь, как же учил тебя Григорий, если всего этого не дал тебе постигнуть. Вот уж дивлюсь!

СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова и Н. В Понырко

ВСТУПЛЕНИЕ

Кирилл Туровский (1130 — после 1182), родом из знатной семьи, рано увлекся «почитанием книжным» и получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, знал языки, в том числе и греческий, изучал средневековые науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником и писателем, снискав славу русского Златоуста. Уйдя от светской жизни в монастырь, посвятил себя аскезе, но со временем включился в идеологическую и политическую борьбу своего времени на стороне Киева и туровского князя Юрия Ярославича, по желанию последнего был поставлен в епископы (ок. 1169—1182 гг.) г. Турова, в котором Кирилл родился, прожил всю жизнь и умер. Сохранилось много произведений, принадлежащих Кириллу и приписываемых ему. Здесь публикуются образцы основных жанров, в которых работал писатель и которые прославили его имя: публицистическая «беседа» и торжественное «слово» (ораторская проза); последних достоверно сохранилось восемь. Известны его послания к современным ему политическим и церковным деятелям, а также службы святым и молитвы.

За религиозной формой средневековых произведений и фактами, обильно черпаемыми средневековыми писателями из Писания, за религиозной оболочкой стоят реальные факты жизни современного

писателю общества, жестокая борьба социальных и культурных тенденций, удивительным образом преломлявших идущие из древности цитаты из Писания. В известном смысле обращение к традиционным сюжетам при изложении злободневных вопросов позволяло внести элемент обобщения, подчеркнуть типичность происходящего, обосновать актуальность поднятой темы и, пользуясь традиционными художественными средствами, доступными для понимания многих, создать оригинальное художественное произведение. Свое значение имеет и личность художника. Большинство средневековых авторов и компиляторов ограничивалось комбинациями известных мотивов и композиций, создавая свой труд. Кирилл — оригинальный мыслитель и художник. Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл — совесть своего нелегкого и бурного времени. Он тонко использует богатство традиционных поэтических средств для создания полифоничного по смыслу и ощущению текста. Здесь высокий и житейский планы как бы сосуществуют, знаменуя бесконечную борьбу добра со злом.

«Притча о человеческой душе и теле» имеет и другое название — «Повесть о слепце и хромце». Эта апокрифическая притча использована автором как образное *основание* художественной ткани произведения, на котором рассматривается философская проблема соотношения духовного и телесного, небесного (высокого) и земного (низкого) в человеке и в человеческой жизни, размышлении и деятельности, как необходимых, хотя и противоположных друг другу сфер человеческого существования. Этот сквозной диалектический спор составляет идейный *смысл* повести. Однако для писателя XII века, как уже сказано, *аргументом* в споре могли быть (и потому стали) богословские проблемы, связанные с указанным смыслом повествования. Как настоящий художник, Кирилл не ограничивается схоластическими аналогиями из священных книг, а апеллирует к человеческой психологии, тонко варьируя оттенки поведения действующих лиц, которых, как в романе, оказывается немало: это и слепец с хромцом, и бесы, и сам Кирилл со всеми авторскими отступлениями, и многие не названные по именам, но известные современникам личности, в их числе князь Андрей Боголюбский («хромец») и его епископ Феодор («слепец»). *Целью* повествования является публицистическое рассуждение о взаимоотношении церковной и светской власти, актуальном в те времена. Кирилл выступает сторонником идеи «нового господина» — непосредственно перед монголо-татарским нашествием призыв к единению Руси был патриотическим, эту мысль вместе с Кириллом разделяли все его прогрессивные современники. Таким образом, злободневные для своего времени действия владимирского князя и ростовского епископа стали *поводом* для размышлений Кирилла, обращенных ко всем русским людям; текст имел сразу несколько адресатов — отсюда ненавязчивая вариация на одну и ту же тему: так Кирилл пишет для Феодора, совсем другим образом — для князя Андрея, для широкого круга мирян — совсем иначе; это туго свитая пружина с вариациями темы, разработанной до предела, до логического и художественного конца. Народный жанр притчи способствует раскрытию темы, поскольку

позволил создать подтекст, свободный от прямолинейных толкований (кстати, сами слова «толкование», «сравнение» и др., донесенные до нас древнейшими списками повести, вряд ли принадлежат самому Кириллу). Да и в своей богословской части повествование содержит тот минимум церковных знаний, который был известен каждому начинающему христианину, и со временем вошел в общераспространенный народный миф: Бог насылает дождь, он карает неправедных, душа покидает тело умершего, и т. д. Это не теоретический спор богословов, а художественная попытка связать воедино несколько самостоятельных мифологических систем: народное язычество, первоначальное христианство, интеллектуальный уровень средневекового художника. Ценность повести, таким образом, заключается и в массе косвенных сведений о быте, морали и чаяниях людей XII века. Это исключительно «авторское» произведение — большая редкость для XII века: Кирилл проявляет себя не только подбором мифологических и исторических аналогий, характерными для него толкованиями и сравнениями, но также и прямыми обращениями к читателю, в которых откровенно высказывается о смысле своей повести и при этом (из осторожности ссылаясь на Писание) проводит вполне еретическую мысль о необходимости творчески, «с разумением» вчитываться в священные книги, видя в них прецеденты злободневным поступкам людей и событиям.

И в других произведениях Кирилла изложение ведется сразу в нескольких планах: конкретно-реалистическом (эпическая основа сюжета), нравоучительном или полемическом — и в символическом, отражающем общечеловеческие и вневременные ценности мира и человеческой жизни. Текст и подтекст объединены у автора общностью темы и композицией, но противопоставлены стилистически и по языку. Исследователь творчества Кирилла профессор И. П. Еремин основным принципом стиля Слов Кирилла, подчиняющим себе все изложение, считал риторическую амплификацию: тема непрестанно словесно варьируется, распространяется включением все новых персонажей и цитат, привлекаются все новые обоснования темы, — до тех пор, пока содержание темы не будет полностью исчерпано; она развертывается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках — необычайно картинно, с использованием точной реалистической детали, в многозначности слова, которым Кирилл владел как никакой другой писатель домонгольского периода. Хотя многие сюжеты Кирилл по традиции заимствовал из известных источников (их перечень показывает осведомленность Кирилла в литературе, истории и науке того времени), обработка их является оригинальной, это художник, который может вдохнуть новую жизнь и в вечный сюжет мировой литературы — об умирающем и воскрешающем Боге (как в четвертом Слове), о преступлении и наказании (как в «Повести о слепце и хромце»). Из числа риторических произведений Кирилла публикуется Слово, наиболее полно отразившее связь с некоторыми жанрами народного творчества, формы которого Кирилл искусно использовал; народный плач, философская речь на диспуте, вдохновенное пророчество умело вплетены в эпически последовательный ряд событий. Передать всю тонкость и красочность древнерусского языка Кирилла и нервный, сбивчивый ритм его прозы на современный язык

почти невозможно, поэтому при чтении необходимо следить за оригинальным текстом.

Текст Притчи о человеческой душе и о теле (Повесть о слепце и хромце) дается по изданию: *И. П. Еремин*. Литературное наследие Кирилла Туровского. — *ТОДРЛ*, т. XII. М. — Л., 1956, с. 340—347; Слово о снятии тела Христа с креста — по изданию: *И. П. Еремин*. Литературное наследие Кирилла Туровского. — *ТОДРЛ*, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 419—426; Слово о бельцах и монашестве публикуется по рукописи XVI в., *РНБ*, собр. Титова, № 2074 (522), л. 304—320 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского: *ТОДРЛ*, т. XII, М.—Л., 1956, с. 348—354); Слово о расслабленном — по рукописи XIII в., *РНБ*, собр. Толстого, F. n. I. 39, л. 16—23 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. — *ТОДРЛ*, т. XV. М.—Л., 1958, с. 331—335); Слово на Вербное воскресенье — по рук. XIV в., *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, л. 178—181 (изд.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.— *ТОДРЛ*, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 409—411); Послание к игумену Василию о схиме — по рукописи XVI в., *ГИМ*, Синодальское собр., № 935, л. 11—14 об.

ОРИГИНАЛ

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧЬСТѢИ ДУШИ И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖИЯ ЗАПОВѢДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЬ СУДѢ, И О МУЦѢ

Господи, благослови, отче!

Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественых писаний учение: се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смирению прилагает ум, и сердце на рет добродѣтели извоостряет, и всего благодарствена человѣка стваряеть, и на небеса ко Владычним обѣщанием мысль приводить, и к духовным трудом тѣло укрѣпляеть, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатьства творить, и всея житиския свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитеся прилѣжно почитати святыя книги, да ся Божиихъ насытивше словес и будущаго вѣка неизреченых благъ жадание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмь языкомъ пишемая глаголюще, но съ расмотрениемь внемлюще, потщимся дѣлом створити я. Сладко бо медвеный сотъ и добро сахаръ, обоего же добрѣе книгий разум: сия убо суть сокровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное сокровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точью честный камень взял бы,— уже бес печали питаеться, яко до конца богатьство имый. Тако обрѣтый божестьвенныхъ книгъ скровище, пророческых же и псаломьских и апостольских и самого спаса Христа спасенных словес истиньный с расужениемь разум, — уже не собѣ единому бысть на

спасение, но и инѣмь многимъ послушающим его. Сему случается еуаггельская притча глаголющи: «Всяк нижникъ, научися царствию небесному, подобенъ есть мужу домовиту, иже износить от сокровищь своих ветхая и новая»: аще ли тщеславиемь сказаеть болшимъ угажая, а многи меншая презрить, буестью крыя господню мнасу,[1] недадый жизньнымъ торжником, да удвоить царьское cребро, еже суть человѣчскыя душа, и видѣвъ Господь горды его ум, возметь свой от него талантъ;[2] сам бо прозоривымъ противится, смиренымъ же даеть благодать. Аще бо мира сего всластели учитися в нихъ и всѣмъ сердцемъ взискати ихъ, свидѣния и в житискыхъ тружающеися вещехъ человѣци прилѣжно требуюють книжнаго поучения, колма паче нам подобаеть словес Божиих, о спасени душь нашихъ писаныхъ. Но тружается мо мутной ум, худ разумъ имѣя, немогый порядних словесъ по чину глаголати, но яки слѣпъ стрѣлець смѣху бываеть, немоги намѣренаго улучити. Но не буди намъ особь подвигнути ненаказанъ языкъ, но от божественыхъ вземлюще писаний; со многою боязнью еуаггельскых касаемся бесѣдовати словес, поводнѣ Господню притчю сказающе,[3] юже Матфѣй церкви предасть.

Зачало. Рече Господь: «Человѣкъ нѣкто домовит бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотом, и ископа точило, и остави входъ, створи врата, но не затвори входа. И отходя в домъ свои, «Кого, — рече, — оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то свѣдуще мою кротость, истеряють благая моя. Но сице створю: приставлю ко вратомъ хромца и с нимъ слѣпца. Да аще кто от врагъ моихъ въсхощеть окрасти мой виноград, то хромецъ убо видить, слѣпець же чюеть. Аще ли от сею всхощеть внити кто в виноград, хромець убо не имать ногу доити внутрених; слѣпець же аще поидеть, то заблудивъ в пропастехъ убьеться». И посадивъ я у врат, дасть има власть на всѣх внѣшних;[4] пищю же и одѣнья нетрудну съготова. «Точью, — рече, — внутрениихъ без моего не коснитеся повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣвъ има свой по времени приходъ и тогда мьзду стражбы ради обѣщав има взяти, попрѣти же и мучениемь, аще его преступита заповѣдь. Си же до зде оставлеше, паки въсприимем еуаггельское слово, плодъ устенъ на умнѣй тряпезѣ вашего ока предлагающе.

Отвѣтъ. Человѣкъ домовит — Бог Всевидец и Вседержитель, створивы вся словомъ, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть, — яко не един домъ имать, по писанию. Глаголеть бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя земля; вселеная и конець ея ты основа».[5] И паки: «Небо ми — престол, а земля — подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыдъ превыши небес воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣи: вездѣ сы домы Божиа, не токмо в твари, но и в человѣцѣхъ. «Вселю бо ся, — рече, — в ня». Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человѣчю и взнесе ю от земля на небеса, — да престол есть Божий человѣча плоть; на вышнемь же небеси престол его стоить. А еже насади виноград — рай глаголеть: того бо то есть дѣло. Пишеть бо ся: «И насади Бог рай в едемѣ». А иже остѣни его, рече,

оплотомъ — своимь страхомъ. «Страхом бо его, — рече пророк, — движется земля, рассѣдается камение, животная трепещють, горы куряться, свѣтила раболѣпно служать, облаци и вся вздушная тварь повелѣная творять». Стѣна бо — законъ речется. Закон же всему заповѣдь Божия ест. «Предѣлъ бо, — рече, — положи и, его же не преидуть, ни обратяться». Остави же вход — сирѣчь свидѣния разум: вся бо тварь не преступаеть Божия повелѣния: «Вся бо, — рече, — от тебе чають: даси имъ пищю въ время». Пища же не брашно речеться, но слово Божие, имь же питается тварь. Глаголеть бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ единомь живъ будеть человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящимь из уст Божии». Незатвореная же врата — дивныя Божия твари устроение и над тѣми божия сущьства познанье. «От твари бо, — рече, — творца разумѣй: не качьство, но величьство и силу, славу же и благодать, юже творить угажая всѣмъ вышним и нижнимъ, видимымъ и невидимым. Аще бо и нарицаеться Христос человѣкомъ, то не образом, но притчею, ни единого бо подобья имѣеть человѣкъ Божья. Не сумнить бо ся писание и ангелы человѣкы нарицати, — но словомъ, а не подобиемь. Аще бо блазняться етери, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече Бог: створим человѣка по образу нашему и подобию», — и прилагають к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донынѣ человѣкообразно глаголющим Бога, иже никако не описается, ни мѣры качьству имать. Но си оставль, о первѣмь възглаголю.

И отходя в свой домъ, «Кого, — рече, — оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — Отца и Сына и Святого Духа не о твари, но о владущеимъ тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же въсхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангеломъ бо покори вселеную, и прокая. «Оставлю, — рече, — у врат хромца и с нимь слѣпца». Что же есть хромець и что слѣпець? Хромець есть тѣло человѣче, а слѣпець есть душа. Преже Бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душю. По создании бо тѣла, глаголеть писание: «И дуну на лице его дух животнъ». Тѣм же тѣло без душа хромо ест и не наричеться человѣкъ, но труп. Смотри сдѣ и разумей от бытийскых книг. Створи Бог тѣло внѣ рая и внесе е в едемъ, а не в рай. Едемъ же речется — пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваеть обилну пищю, ти потом приведеть званаго — тако и Бог преже уготовает ему жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же жилище едемъ, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо всѣмъ входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещениемъ и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшаяся в ню. Глаголеть бо пророкъ: «Се работающии церкви ясти имуть и насытятся». И пакы: «О, чада церковная, съсущеи от сесцю ея тукъ и масть, помажете веселиемь главы своя». И Давыд: «Упиються, рече, от обилья дому твоего и потоком пищи твоея напоиши я». И пакы, о одежи священьникъ и оболчении мних: «Иерѣи твои, Господи, облекуться в правду», и прочая. Мниху же: «Соодѣлъ мя еси нужныя и нелѣпыя одежа и оболкъ мя в спасение и препоясал мя еси веселиемь». Въспойте же, рече, Господеви пѣснь нову, хваления в церквах преподобными его. И се явѣ есть: от клиросник — епископа и от монастыря — мнихъ. Вижь, яко[6] епископия и монастырь — едемъ есть, сирѣчь едемскы рай, — неудобь

въходим, аще и врата незаключена имать. Тако бѣ посажен хромець слѣпцемь у врат стрещи внутренихъ, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремь стрещи святых тайн от враг Христов, сирѣчь от еретик и зловѣрных искусник, нечестивых грѣхолюбець, иновѣрных скверникъ. Послушайте же со вниманиемь, да по ряду бесѣду скажемь, и вы со вниманиемь смотрите. Аще бо и мутен имею умъ и язык груб, но ваших недѣяйся молитвахъ прошю дара слову. Аще и недостоин есмь о сих глаголати, но ползы ради послушающих пишем. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираеть, чимь же бы нас потязал и укарял.

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание се изнутрь врат помѣтаеть мя?» Отвѣща хромець: «Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизречена сладость. Но понеже премудр есть наю господин, — посади тебездѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никакоже тѣх насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпець: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не ждали, но к сим даным нам в область и онаособь въсхытивѣ! Аще бо аз слѣпъ есмь, но имамь нози и силенъ есмь, моги носити тебе и бремя». (Вижь душевное бремя грѣхъ; того ради глаголеть пророкъ: «Яко бремя тяшко отягтѣся на мнѣ»). Рече же слѣпець: «Возми убо кошь и всяди на мя, и аз тя ношю, ты же показай ми путь, и вся благая господина наю обьемлевѣ; не мню бо, яко придеть сѣмо наю господин». Се помышления суть ищющихъ не о Бозѣ свѣта сего санов[7] и о телеси токмо пекущихся, не чающихъ отвѣта о дѣлѣхъ въздати, но акы суетну пару свою свою душу в вѣтръ полагающем. Того ради глаголеть Исайя: «Завист приимуть люди ненаказаныя», завидим мы, грѣшнии, чести и славѣ праведныхъ, а не преже творим дѣлесъ их. «Аще ли, — рече, — придет наю господин сѣмо укрыеться от него наю дѣло. Аще бо мене въспросить о тадбѣ, аз рку: “Ты вѣси, господине, яко слѣпъ есмь”. Аще ли тебе въспросить, ты рцы: “Хромъ есмь и не могу доити”, и тако премудруевѣ наю господина и приимевѣ мьзду наю стражбы». Въсѣдъ же хромець на слѣпца и дошедша окрадоста вся внутрьняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птицѣ нѣст мощно на аиерьскую възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесныхъ вязящю похотех, невозможно о духовных бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшнича словеса, не имуща благодати Святаго Духа. Обаче на предъречена възвратимся, разрѣшающе притча соузъ.

Т. Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время? — бестрашие Божия заповѣди и о телеси печение нерожение же о своей души. Никто же бо страх Божий имѣя, в плотскых прельститься; никто

же правовѣренъ, чрес закон священьскаго ищеть взяти сана[8] — никто же смерти чая и по смерти пакы въскресения; тѣ в злых пребывають дѣлѣхъ. Но пакы то же реку разума дѣля. Рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание изутрь помѣтает мя?» — и прочая. Се надмение Адамова высокомыслья, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немь сущею тварью, в едемѣ благыхъ насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради Писание глаголеть: «Изгна Бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣже его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковникъ, недостоинъ ерѣиства и утаив грѣхъ свой, не брег же о Божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскыи взиде санъ. Слогы подобны. Того ради смертью Адама осуди, понеже коснуся древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла — ест разумны грѣх и волное богоугодья дѣлатель. Пишеть бо ся: «Горе в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемь Духа животнаго, его же въдхну Бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишеть бо ся: «И дуну на лице его Дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостолом: «Приимѣте, — рече, — Дух Святы» — несвершен дар, точью обѣт священия; ждати бо им повелѣ самого Святаго Духа: «Иже пришед, — рече, — до конца освятить вы». Сице и святители святять падьяки и чтеции и дьяконы — несвершен даръ, но обѣт священия, да ся приготоваюць на свершеное святительство. Ничто же бо Богови тако любо, яко же не възноситися в санѣхъ, ничто же тако не мерзить ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о Бозѣ. Смотри же оного слѣпца с хромцем, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутренихъ, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоста, их же повелено има стрещи. Привод. Того древа вкуси Каин;[9] не сый священый на священьчскый дерзну чинъ, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и поидоша в скинию неосвящении суще, — и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже вѣдый своя сына безаконьствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею священства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемь аки вѣдуще душевный путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша. Но сия сократив, на первое взвратимся сказание.

Аще и отнемогл есть моего глагола уд, но пророк взущаеть мя, такоже глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».[10]

Обличение грѣхъ. Слышавъ же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринути от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣите же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во иерѣехъ![11] Когда умудритеся? Навсажи ухо не слышит ли? И создавы око не

смотрит ли? Наказая языкы не обличит ли? Учай человѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопадения? Господь бо свѣсть злохытрыхъ помышления, яко суть лестна, и тъ изъмѣтаеть неправедныя изъ власти и изгонить нечестивыя от жертвеника. Никий же бо санъ мира сего от муки избавить преступающих Божия заповѣдии. Но молю вашю любовь, со вниманием пишемых смотрите и яже слышите разумѣите.

Повелѣ Бог изринути из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснуся, сирѣчь преже велѣния вниде в мѣсто святое. И сели противу райстѣй пищи, — «Еда како, — рече, — простре руку и возмет от древа породнаго и жив будеть в вѣки», — сирѣчь некли помянеться и смирився покаеться о них же согрѣши. Оле многое Владычне человѣколюбие! И казнить ны и милуеть, грѣха ради озлобляеть ны — и паки покаянья ради приемлеть; не хощеть бо смерти грѣшнича, но обратитися велить и живу ему быти.

Что есть древо животное? — Смиреномудрие, ему же корень исповѣданье. «Исповѣмь бо, — рече, — на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благовѣрье. «Вѣра бо твоя, — рече, — спасеть тя»; все бо вѣрующему даеться. Того стебла многи и различны вѣтви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тѣх вѣтвий добродѣтелий плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбье — мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в раи бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросивъ его убийства братия, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о льсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земле лежи. Но понеже сего створи, но изыде от лица Божия — недальствомь земля, но неимѣньемь страха Божия при свои души. Благым дѣлом не сущим в насъ, ни покаянию о грѣсѣхъ, в коем си сану будем, далече Бога есмы. Близь бо Господь скрушеных сердцемь; смиреныя духом спасеть, волю боящихся его створит. Лице же господне на творящая злая: потребити от земля память ихъ. Сице и Павел изринулъ от святаго жертвеника Уменѣя и Филита[12] и съблудившая в Коринфи священникы и оземьствова я противу святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рек: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покаюоть — и живи будуть!» Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о нем же рече Павел: «Да вздасть ему Господь в день Судный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае,[13] быв от семи дьякон, иже отвергься Христа и быв кумирожрець в Селуни, а он предаяше мучителем крестьяны; о нею же пишеть Иоан, глаголя: «От нас изидоша и быша на ны». Того породнаго не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благ Господь!» Нѣсть бо грѣха, иже сдолѣеть Божии милости. Точию не отчаим себе, яко Июда,[14] ни невѣруим телесному въскресению, аки садукѣи, — но покаяньем

толцѣмь в Божия двери, дондѣже отверзеть нам раиская врата. Не ложь бо рекы Господь: «Толцѣте, отверзется вамъ; ищѣте и обрящете, просите и дасться вамъ». Но да не предложениемь словес умножю писане и зѣло предолжю бесѣду, но на предъ реченая възвратимъся.

Видѣв же онъ человѣкъ свой украденъ виноград, въсхотѣ отлучити слѣпца от хромца, — повелѣ первое привести слѣпца, да его опытаеть, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягл к невходьным бес повелѣния его. Ничто же бо възможет Божия таитися ока, и никто же насъ тако свѣсть себе, яко же Бог всѣхъ нас свѣсть.

Т. Повелѣ разлучити Бог душю от тѣла. Словом бо Божиимь исходить от тѣла душа: «И отимеши бо, — рече, — Дух ихъ и ищезнуть и в персть свою възвратяться». Да егда видиши тѣло погребено в земли, не мни ту суща и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святыхъ видиши чюдотворныя мощи, не ту ихъ твори душа, но Божию разумѣвъ благодать, тако прославляющю своя угодники: «Славящая бо мя, — рече, — прославлю». Повелѣ привести слѣпца: по ищезновении от тѣла душа всякаго человѣка пред Богъ приходить с приставленым к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякого безаконника. «Господь бо, — рече, — испытаеть праведнаго и нечестиваго»; вси бо роди языкъ от единоя быша крове рожении и рассѣяшася жити по лицю всея земля, им же Бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и времяна обилная. «Сияеть бо, — рече, — солнце свое на добрыя и злыя», и прокая. Но никто же о глаголѣхъ сих да не зазрить ми, — но испытайте Писания и обрящете мя от божиихъ вземлюща книг. Пишить бо Моисий: «Постави предѣлы языком по числу ангел Божии».[15] Иеремѣя же: «Единъ есть, — рече, — Господь всѣх, иже под небесемь язык», аще бо остави я в своей когождо прельсти, но душа ихъ пред нимь явиться, и тъ судить по дѣломъ их. Павел же: «Что бо мнѣ, — рече, — внѣшним судити, но утреним и вы судите, а внѣшним Бог судить». Утрьни глаголеть в законѣ, а внѣшныя — безаконнии языкы. Слышати бо подобаеть Божие имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в Послѣдни день въскресше с телесы неблазньно поклоняться Богови, а не им же ныня работаша прельщени бѣсом, по апостолу глаголюща: «И тогда увидить всяко око, и всякъ поклониться, исповѣдая, яко Господь Исус Христос в славѣ Бога Отца един». Но си вси учившеися вѣдять, — аз же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по въмѣщению ума въкратцѣ скажю, аще и поимы творящих ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от премудрости, но от грубости сия сказания. Но обаче на основании пророчестѣ и апостольстѣ зижем, имуще уголника самого Христа.

Приведену же бывъшу слѣпцю, быст опытание. «Не добра ли тя, — рече, — стража створихъ моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпець: «Господи, ты вѣси, яко аз слѣпъ есмь и не вижю

без водящаго мя камо ити, и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣлъ бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣд его въпил. Но мню, господи, яко хромець есть крал». Вижь ложное нынѣ спирание души пред Богом и клеветание на тѣло.

Т. Сице же есть душевъны глагол: «Господи, аз Духъ есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чьсти ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи створих воли, — но та вся тѣло есть створило!»

Тогда повелѣ господин блюсти слѣпца во укромнѣ мѣстѣ, идеже сам вѣсть, дондѣже придеть сам к винограду и призоветь хромца, и тогда судить обѣма.

Того ради до второго пришествия Христова нѣст суда ни мучения всякой души человѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго. Вѣруите же в правду въскресению человѣчьскых телес. «Послеши бо, — рече, — Дух свой, и съзижються, и обновиши лице земли». В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть.[16] «Пророци, — рекъ, — сыне человѣчьскъ, на мертвыя сия кости, да будуть на них телеса и опнется на нихъ кожа, да придеть Дух от четырь вѣтръ и внидеть в мертвыя си, да оживуть!» Се же все самъ Творець дѣйствуеть,[17] не инако чина превращая, но инако исконное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потомъ вдуну душю. Тако во утробѣ женьстѣй: перво от сѣмени зижет тѣло, по пяти мѣсяць творить душу. Во крещении же первое поражаеть водою, потомь же обнавляеть духомь от тлѣнья грѣховьнаго. Тако и в Послѣднии день: первое обновить землю и сбереть персть человѣчю и съзижеть всѣх нас телеса в мегновеньи ока, потом душа наша в свою когождо внидуть храмину, — по Павлю глаголющю, яко сам Господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ Божии сниде с небеси, и мертви о Христѣ воскреснуть преже, потом же и мы живии. Кто суть мертвии? Вси языци, не бывъше под Божиимь законом, ни приимше крещенья. «Елико, бо, — рече, — безаконьно съгрѣшиша, безаконьно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Вижь всѣхъ человѣкъ телесем въскреснути и вѣруим Павлову послушеству, словесем Господним глаголющем: «Иже ли не створить искони Богом создана человѣка, то не разумѣеть и крещениемь в живот порожена; тѣм же и не чаеть послѣдняго с телесы въскре-сения въстающим всѣмъ человѣком в бесконечны живот — овѣмъ в честь и славу, овѣмъ в студ и в муку». Но да и прокое речем.

Егда приде господин взяти плод от винограда и видѣвъ его окрадена и призва хромца и совъкупи с слѣпцемь, и начаста сама ся обличати. Хромець глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ти мене носил, никако же аз

могл быхъ тамо доити, понеже хромъ есмь». Слѣпець же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казал, не быхъ тамо аз доити могл». Тогда господин сѣд на суднѣмъ столѣ и начатъ има судити. И рече: «Яко же еста крала, тако да сядть хромець на слѣпца». Въсѣдшю же хромцю, повелѣ пред всѣми своими рабы немилостиво казнити в кромѣшней мученья темницѣ.[18]

Разумѣйте же, братья, сея притча сказание. Человѣкъ есть домовит — Бог Отец, всячьских творець. Его же сын добра рода — Господь наш Исус Христос. А виноград — землю и миръ нарицаеть. Оплотъ же — закон Божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимь — ангели глаголеть. Хромець же есть — тѣло человѣче. Слѣпца же душю его мѣнить. А иже я посади у врат — человѣку бо предаеть Бог в область всю землю, дав ему закон заповѣди. Преступившю же человѣку повелѣние Божие и того ради смертью осужену бывшю, первое душа к Богу приводится и спирается глаголющи: «Не аз, но тѣло есть створило». И того ради нѣсть мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иже Богъ вѣсть. Егда же придеть обновити землю и въскресити вся умершая, яко же самъ Бог преже глагола, тогда «вси сущи в гробѣхъ услышать глас Сына Божия и оживуть, изидут створше благая вскресение живота, а створши злая — въскрешение суда». Тогда бо души наши в телеса внидуть и приимуть въздание кождо по своим дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшить кто, тѣмь и мученъ будеть.

Сице и мнѣ о сих сказавъшю не от умышленья, но от святых книг. Да нѣсть се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи.

СВЯТОГО КИРИЛА МНИХА СЛОВО О СЪНЯТИИ ТѢЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ, ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКААГО, И ПОХВАЛА ИОСИФУ ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТЬЮЮ ПО ПАСЦѢ

Праздникь от праздника честьнѣй приспѣлъ есть,[19] подавая благодать Божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жьньчюгомъ, съ многоцѣньным̆ь каменьемь, веселять зрящих на ня очи, — нъ паче духовьная нам красота, праздьници святии, веселяще вѣрьныих сердца и душа освящающе. Пьрвое бо въскрьсениемь Христовомь просвѣтися мир и Пасъка бысть, вся вѣрныя освящающи; таче Фоминомь испытаниемь[20] ребр господень обновися

тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвах, всѣм извѣсто бысть телесьное въстание.

Ныня же Иосифа благообразьнааго с мюроносицами похвалим,[21] послуживъшааго по распятии тѣлу Христову, его же евангелист богата нарицаеть, пришьдьша от Аримафѣя. Бѣ бо, рече, и тъ ученикъ Исусов и чая царствия божия. И въ время страсти вольныя Спасовы видѣ страшьная в твари чюдеса: солнце помьркъше и землю трясущюся, страха исполнивъся и дивяся приде въ Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще и Марию матерь его съ единѣмь ученикомь тому прѣдстоящю, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи сице глаголааше: «Тварь съболѣзнуеть ми, Сыну, твоего зрящи бес правды умьрщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тваремъ! Что Ти ныня въсплачю? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же, и тьмницѣ, и заплевания святаго Ти лица, яже от безаконьник за благая приять? Увы мнѣ, сыне! Не повиньнъ ты поруган бысть и на крестѣ смерти въкуси. Како тя трниемь вѣнчаша, и зълчи с оцтомь напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемь прободоша! Ужаснуся небо и земля трепещеть, июдѣйска не тързпяше дерзновения; солнце помьрче и камение распадеся, жидовьское окаменение являюще. Вижю тя, милое мое чадо, на крестѣ: нага висяща, бездушна, безречна, не имуща видѣния, ни доброты, и горько уязвлюся душею. И хотѣла быхъ с тобою умрети, — не терплю бо бездушна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никако не прикоснеться, — свѣтъ бо мой и надежда и живот, Сын и Бог, на древѣ угасе. Кде ми, чадо, благовѣствование, еже ми древле Гаврилъ глаголаше: «Радуйся, обрадованная, с тобою Господь!» — цесаря тя и Сына вышняаго нарицая, Спаса миру, и животворца всѣмь, и грѣхомъ потребителя! Ныня же зрю тебе, акы злодѣя,[22] межю двѣма повѣшьна разбойникома и копием прободена в ребра мьртвьца, и сего ради горко измемагаю. Не хощю бо жити, нъ варити тя в адѣ. Ныня моего чаяния, радости же и веселия, Сына и Бога лишена быхъ. Увы мнѣ! О страньнѣм ти рожествѣ тако не болѣх,[23] яко же ныня, Владыко, растързаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславно рожество, Исусе, и ныня страшно умерщвение: — единъ от несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати моего съблюд дѣвьства и матер мя своего въплъщения показав, и пакы дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадание, нъ душевною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таиньства глубинѣ. Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих слезъ рыдание: се бо творец вашь от священик страсть приемлеть, единъ праведьнъ за грѣшникы и безаконьникы убиен бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя проречение:[24] копие бо мою ныня проходить душю, Твоего от воинъ зрящи поругания. Увы мнѣ! Кого к рыданию призову? Или с кым моихъ сльзъ излѣю потокы! Вси бо тя оставиша,[25] ужикы же и друзи, Твоих Христе, насладивъшеся чюдес. Кде нынѣ ликъ седмьдесятныхъ ученик? Кдѣ ли верховьнии апостоли? Ов бо тя льстию фарисѣомъ предаст, другый же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, не зная тебе человѣка. И едина, Боже мой, раба твоя, рыдающи предъстою с хранителем твоих словес и възлюбленымъ ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Исусе мой, драгое имя! Како стоить земля,

чюющи тя на себе на крестѣ висяща, иже на водахъ ту въ начатьцѣ основал еси, иже многыя слѣпьца просвѣтив, и мьртвыя словомь въскрѣсивъша твоего божества мановениемъ? Придѣте, видете Божия смотрения таиньство, како оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию».

И си слышавъ Иосиф приближися къ горко рыдающей Матери,— его же видѣвъши мольбьными тому оплѣташесе глаголы: «Потъщися, благообразне, къ Пилату безаконному судии, и испроси съ креста съняти тѣло Учителя своего, моего же Сына и Бога. Подвигнися и прѣдъвари, причастьниче Христову учению, тайный апостоле, обещьниче Божию царствию, и испроси уже бездушьное тѣло, пригвожденое к дрѣву и прободеное в ребра. Спостражи, благовѣрьне, сугубаго ти ради вѣнца, его же по въскресении Христовѣ въсприимеши: от всѣхъ конец земля чьстьную славу и поклонение и на небеси бесконьчную жизнь». Умилив же ся Иосиф плачевными тоя глаголы, не рече: «Жьрци на мя въстануть и озлоблять, июдѣи въскрамолять и побиють мя, фарисѣи разграбять мое богатьство, буду же и сборища отлучен». Ничто же сих не рече, нъ вся уметы створи и о своемь бо не родив животѣ, да Христа приобрящеть. Дерзнув въниде къ Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, огѣмоне, тѣло страньнаго оного Исуса, распятого межю двѣмя разбойникома, оклеветанаго от архиерѣи завистию и поруганаго от воин бес правды. Дажь ми тѣло оного Исуса, его же Сыномь Божиемь нарицяхуть книжьници[26] и цесарьмь повѣдаху фарисѣи; ему же ты повелѣ над главою дъску прибити, имущю писание: “Се ст Сын Божий и цесарь Израилевъ”. Даж ми тѣло, его же свой ученикъ жьрцем льстию на сребрѣ прѣдасть, о нем же, провидя, Захария тако написа:[27] “Дадите ми цѣну мою, — ли отрецѣтеся”; и поставиша 30 сребрьник, цѣну цѣньнаго от сыновъ Израилев. О том молю ти ся телеси, о нем же пророче Каияфа,[28] тому единому за вьсь миръ умрети; не просто сего прорече, нъ жрьць бѣ сего лѣта, о нихь же рече Иеремия.[29] “Пастуси просмрадиша виноград мой”. И пакы псалом глаголеть о них:[30] “Князи людстии събьрашася на Господа и на Христа его”. Си бо рече Соломон:[31] “Промыслиша — и прѣлстишася, ослѣпи бо я злоба их”; рекоша бо: “Уловимъ правьдника, ругаeиемь и ранами истяжем его и смертию безлѣпотьною осудим его”. Сего прошю Исусова телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: “Аз есмь Живот и Истина”.[32] И: “Не имаши на мнѣ власти никоея же, аще не бы ти дано съвыше”, его же ради и тебе моляше своя жена, глаголющи”:[33] “Ничто же не створи праведьнику тому; много бо пострадах его ради въ снѣ”. Дажь ми сего распятаго, ему же въходящю въ Иерусалим,[34] съ вѣтвьми младеньци сърѣтахути и глаголющи: “Осана, сыну Давыдов!”; его же гласъ слышав, ад отпусти душю Лазоря,[35] уже четвьродневна умрша; о семь же писа в законѣ Моиси:[36] “Узрите Живот вашь прямо очима вашима висящь”. Сего хощю мьртваго телесе, его же Мати не позънавши мужьска ложа Дѣвицею породи; о немь же Исаия къ Азаху глаголаше: “Се Дѣвица зачнеть в чревѣ и родит сына, ему имя: С нами Бог”;[37] о немь же Давыд прорече,[38] глаголя: “Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся кости моя ищьтоша”. Дажь ми сего уже умьршаго на крестѣ, о нем же ты рече къ просящим его у тебе

на смерть жидомъ: “Чист есмь от кръви праведника сего”, — умыв же руцѣ и бив прѣдасть его; о немь же глаголеть пророк:[39] “Аз же не противлюся, ни прѣкы глаголю; плещи моих дахъ на раны и ланитѣ на ударение, лица же моего не отварих от студа запльвания”. Сего прошю назарянина телесе, ему же от изумѣвъшихъся избѣгающе въпияху бѣси: [40] “Что есть намъ и тобѣ, Исусе Сыне Божий? Вѣмы тя, кто еси святый Божий: пришьлъ еси преже времене мучит насъѣ; о нем же и сам Бог Отец съ небесе, на Иерданѣ крестящюся ему,[41] послушьствоваше, глаголя: “Се есть Сынъ мой възлюбленый, о немь же благоизволихъ”; о немь же Дух Святый Исаиемь глаголеть: “Яко овча на заколение веденъ бысть”,[42] от безаконьныхъ людий прѣдан бысть на смьрть. Дажь ми тѣло съняти с креста, хощю бо его в своемь положити гробѣ. Уже бо вся о немь испѣлнишася пророчества: сь бо наша болѣзни понесе и за ны пострада; раною Его вси ицѣлѣхом, зане прѣдана бысть на смерть душа Его и с безаконьникы вънмѣнен бысть; истрѣбим бо, рѣша, память Его от земля живущих, и имя Его не помянется к тому; сего ради хощеть Бог отяти болѣзни от душа Его и дати Ему крѣпкых користь, пишеть бо ся о немь: “И ты въ кръви завѣта своего испустил еси ужникы своя от рова, не имуща воды”».[43]

И си вся слышав от Иосифа Пилат дивися, и призва сотьника въпроси и: «Аще уже умреть пропятый Исус?» И увѣдав, дасть тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хощеть.

И купив плащаницю сънять тѣло Исусово съ креста. Приде же и Никодим, несы исмѣшение изъмюрно и алойно, достойно цѣны литръ ста; обиста тѣло Христово, помазавше е мюромь. Въпияше же Иосиф, глаголя сице: «Солнце незаходяй, Христе, творче всѣхъ и тваремъ Господи! Како пречистѣмь прикоснуся тѣлѣ твоемь, неприкосновьньну ти сущю небесным силам, служащим ти страшьно? Кацѣми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго? Или какы воня възлѣю на твое святое тѣло, ему же дары съ вонями пьрсьстии принесъше цесари,[44] яко Богу поклоняхуся, преобразующе твое за вьсь миръ умьрщвение? Кыя ли надгробьныя пѣсни исходу твоему въспою, Ему же въ вышьних немолчьными гласы серафимы поють? Како ли понесу тя на моею пьрстьною руку, носящаго тварь всю, невидимаго Господа? Како ли въ моемь худѣмь положю тя гробѣ, небесный круг утвердивъшаго словомь и на хѣровимѣхъ с Отцомь и съ Святымь почивающаго Духомь? Обаче си вся смотрениемь твориши и вся си своею волею претерпѣлъ еси; идеши бо в ад, да Адама от ада с Евгою, падъша преступлениемь, пакы въведеши в рай и прочая с нима въскрьсиши мьртвьца, своего божества силою. Тѣмь же сице възглашая погребу тя, милостиве, якоже святымь наученъ бых Духом: «Святый Боже, святый крѣпъкый, святый бесмьртьне, помилуй нас!»

И положиша и́ въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ дверем гробу. [45] Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зраста, где и полагаху.[46]

И минувъши суботѣ и солнцю уже въсиявъшю, вся въкупѣ жены с мюромь,[47] се уже чьтвьртое, придоша. Пьрвое бо, яко же глаголеть Матфѣи:[48] «Вечер в суботу придоша двѣ женѣ видѣтъ гроба; при нею же трус бысть, егда ангел отвали камень от двьрий, и от страха его омьртѣша стрѣгущеи». Тѣма тъгда и сам Исус явлься рече: «Радуйтася, идѣта к братии моей, да идуть в Галилѣю, и тамо видять мя». И пакы полунощи ины придоша испытать бывъшаго, яко же от Магдалынѣ о въскрьсении Христовѣ слышаша; о тѣхъ бо Лука написа тако: «Зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отваленъ», и два ангела в них ставъша глаголаста: «Что ищете живаго с мьртвыми? Нѣсть сде, нъ въскрьсе».

По семь прѣдъ зорями друзѣи придоста женѣ, и тѣ видѣста утрь в гробѣ два ангела, идеже бѣ лежало тѣло Исусово; тѣмь же Иоан Фелогь рече: [49] «От тою слышав, Петр съ другымь ученикомь тече к гробу, и еще сущи тьмѣ». Марко же о всѣхъ повѣдаеть мюроносицах яже с вонями въ суботу придоша: и вълѣзъше въ гроб, видѣша уношю одесную сѣдяща, и ужасошася. Он же рече имъ: «Не ужасайтеся! Не вам бо есть страхъ, нъ безаконьным жьрцьмъ, съ стрѣгущи сде войны. Вы же видете тъщь гроб и рьцѣте апостолом: "Христос въскресе!" Видите, — без телесе есть плащаница, и о плотьномь Исусовѣ хвалителя въстании; будѣте благовѣстьцѣ человѣчьскому спасению, рьцѣте апостолом: "Днесь спасение миру!"» Уже не скърбите, ни сѣтуйте, яко мьртвьца, нъ радуйтеся и веселитеся о Бозѣ живѣ. Вам хощю тайны повѣдати Божия человѣколюбия, яже за Адама въ тьлю падша пострада;[50] того бо ради с небесе сниде и въплътивъся бысть человѣкъ, да истлѣвъшаго обновить и на небеса възведеть. Он послушавъ свѣта вражия, въсхотѣ быти Бог — и проклятъ бысть; сь же послушавъ Отца, Бог сы бысть человѣк, да змия погубить и человѣка обожить. Он, простер руцѣ; къ древу възбраньному, смертьное утръже ядро, и быв раб грѣху, сьниде от едема въ адъ; Христос же, на крестѣ простер, осужения грѣховнаго и от смерти человѣкы свободи. Неповиньн сы продан бысть, да проданыя грѣхомь от дьяволя работы да избавить. На тръсти губою оцьта сь золчию въкуси, [51] да загладить рукописание человѣчьскых съгрѣшений. Копиемь въ ребра прободен бысть, да пламеньное оружие отложить, бранящее человѣком въхода в рай. Кръвь с водою из ребр источи, има же телесную всю скверну очистив и душа человѣча освятил есть. Съвязан бысть и тьрниемь вѣнчанъ бысть, да раздрѣшить от уз дьяволь человѣкы и тьрние прельсти вражия искоренить. Солнце помрачи и землею потрясе, и твари всей плакатися створи, да адьская раздрушить скръвища, и тамо сущих душа свѣтъ видѣша, и Евжин плачь на радость прѣложи. Въ гробѣ яко мртвъ положен бысть — и от вѣка умьршим гробьным живот дарова. Каменьем с печатьми утвьржен бысть, да адова врата и вѣрѣя от основания скрушить. Стражьми стрѣгомь бѣ всѣми видимо, нъ невидимо съшьдъ в ад съвязя сотону. Ангельская бо

воиньства съ нимъ текуще зъваху: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вънидеть цесарь славы!» И ови съвязаныя душа рѣшаче от тьмниц пущаху; друзии же противныя силы вяжюще глаголаху: «Кде ти, смерти, жало? Кде ти, аде, побѣда?» Къ ним же оцѣпѣвъше бѣси впияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властию?» Погубил есть князя тьмы и вся его въсхытил скровища, разби смертьный град адово чрѣво, извоева плѣнникы, иже съ Адамомъ съде, сущая грѣшныхъ душа. Въскрьсе цѣлом печатемъ у гроба, тако бо и рожься неврѣди матьрня дѣвства печати. Да нѣст вам страха, — нъ омьртвѣвъшим войномъ. Уже бо вся съвьршивъ Исус, въскрьсе боголѣпьнѣ, и показася прѣже вас приходивъшимъ женамъ, възывая красно: «Радуйтася!» И апостоломъ своим в Галилѣю ити повелѣ, да вся тамо с вами освятив с плътию на небеса възидеть, с нею же и пакы придеть судитъ мирови.

Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христѣ съказахомъ.

Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразьнаго же и досточюдьнаго. Блажен еси поистинѣ, преславьный и досточюдьный Иосифе, толика блага и велика богатьства на земли и на небеси сподоблься! Достойно послуживъ, яко и херовими, Божию телеси; нъ они невидимо на своею дьржаще раму, страхомь своя покрывають лица, ты же радуяся на своею руку Христа Бога носил еси. Блажен еси, Иосифе, паче патриарха Аврама, Исака и Якова![52] Его же бо они глас точию слышавъше, чьстьнии и славьни паче всѣхъ явишася, того же ты в плащаницю обил еси тѣло. Блажю руцѣ твои, Иосифе, на нею же Сына Божия и всѣхъ творца дьржалъ еси тѣло; его же образа не тьрпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси;[53] под каменьем скрывъся слыша: «Задьняя моя узриши»; тѣма и на Фаворѣ с Илиею видѣвъ Христа,[54] послушьствоваста того суща Бога — и человѣка. Блажен еси паче Давыда цесаря, великый Иосифе! Давыд бо от Силома кивот съ Божиемь словом принесе,[55] нъ въ своемь убояся поставити его дому; ты же не скинию с Закономь, нъ самого Бога прием от крьста, въ своемь гробѣ радуясь положил еси. Блажен и преблагословенъ тобою, Иосифе, ископаный гроб, въ немь же полежа Христос Спас наш! Уже бо нѣсть гроб, нъ прѣстол Божий, олтарь небесный, покоище Святаго Духа и одр небеснаго цесаря, о немь же рече Соломон: «Стоять сильнии ратоборьци, изучени брани, имуще оружия обоюдуостра»; си глагола назнаменуя святых чины, борющихъся съ еретикы и съ жиды по Христѣ. Блажен еси, Иосифе, съвершителю Божию таиньству и пророчьскыхъ гаданий раздрѣшителю! О немь же бо заклон и пророци притчами написаша, сего ты явьствьно измюрною по святым мазаше язвам. Блажен еси, Иосифе, иже вся ожививъшаго словомь и водами покрывъшаго твердь небесную, Сего, яко мьртвьца, каменемь покрыл еси въ гробѣ, чая тридневнаго въскресения! Блажен убо и град твой Аримафѣй, из него же ты приде послужит Сыну божию! Кую похвалу створим достойну твоего блаженьства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомь ли тя прозову? Нъ того свѣтьлѣй бысть благочьстьемь, ибо въ врѣмя страсти Христовы

небо помрачися и свой свѣтъ скры, ты же тогда радуяся на своею руку Бога носяше. Землю ли тя благоцвѣтущую нареку? Но тоя честьнѣй ся показа; тъгда бо и та страхомь трясашеся, ты же с веселиемь божие тѣло съ Никодимомь въ плащаницю съ вонями обив положил еси. Апостоломь ли тя именую? Нъ и тѣх вѣрнѣе и крѣпъчею обрѣтеся; еда бо они страха ради жидовьска разбѣгошася, тъгда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Христови. Святителя ли тя и старѣйшину прозову? Тѣм бо образ своея службы предал еси, обиходя и кадя и кланяяся съ молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, Господи, помози нам, избави нас имени Твоего рали!» Священномученикомь ли тя нареку, яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пьрси оружие, ни пролься твоя от меча кръвь, нъ изволением и вѣрою по Христѣ положил еси душю. Поразили бо тя быша и на удеса расѣкли, нъ съхрани тя от тѣхъ Исус, его же ты храняше тѣло, не убоявъся гнѣва жидовска, ни прещения жречска, ни напрасно убивающих войн не устрашися, не пожали си по мнозѣмь богатствѣ, не родив ни о своемь животѣ, чая тридневнаго въскресения. Нъ паче всѣхъ святых подвизалъся еси, богоблаженый Иосифе, и паче всѣхъ имаши дерзновение къ Христу, къ нему же молися и о нас, хвалящих тя, и чтущих твою с мюроносицами память, и твой украшающих праздьникъ.

Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь,[56] буди покръвъ граду нашему от всякого зла, подавая князю на противныя побѣду и заступая его от всѣхъ видимых и невидимых врагъ мир же глубокъ, и съдравие телеси, купно же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужа, и печали, и бѣды, всѣхъ лютыхъ напастий и многымъ грѣхомъ отпуста испроси своими къ Богу молитвами, да избавит ны от бесконьчьныя мукы и причастникы створит ны будущихъ благъ вѣчныя жизни, благодатию и человѣколюбиемь Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с Отцем и съ пресвятымь и благымь и животворящимь Духомь, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

ПОВЕСТЬ КИРИЛА МНОГОГРѢШНАГО МНИХА К ВАСИЛИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРЬСКОМУ,[57] О БѢЛОРИЗЦѢ ЧЕЛОВѢЦѢ И О МНИШЬСТВѢ, И О ДУШИ, И О ПОКАЯНИИ

В нѣкоем градѣ бѣаше царь, зѣло кроток, благ же и милостив, добрѣ смотряше о своих людех. Сим же точию единѣм не бѣ разумен, — понеже не бояшеся бѣства, ни ратнаго держаше оружия, не мнѣвше иному нань въстати. Имѣяше при собѣ царь тъй многы другы и свѣтникы и едину дщерь мужеумну. В тѣх же съвѣтницѣх един бѣ мудр

и благоразумен, иже скорбяше присно о небоязньствѣ царевѣ, обаче искаше времене потребна, како бы ему глаголати к царю, да бы ся готовил на рать.

В един же час нощи внезапу бысть молва по граду велика. И рече царь к своим свѣтником: «Изидемь и походим по граду, некли обрѣтше имемь творящаго в нашем градѣ мятежь, зѣло бо в велицѣ есмь нынѣ страсѣ». И шедше же и всюдѣ походивше, ничто же обрѣтоша, но точию движание граду.

Всѣм же свѣтником в унынии бывшимь и о семь недомыслящимся, он благоразумный свѣтник, поемь царя и с дщерью его, к велицѣй приведе горѣ, имущи много различная оружиа, в нейже узрѣста свѣтлую зарю, оконцемь от пещеры исходяща.

И к тому приникнув оконцю, видѣста внутрь вертьпа жилище, в немже сѣдяше мужь, в послѣдней нищетѣ жива, худыми оболчен рубы, емуже присѣдяще искрь своя жена, слажьша брашна *поющи* пѣсь. Предстояшеть же ему нѣкто красен и высок на твердѣмь камени, питая и вино черпля. И мужю чашю приемшю, тогда похвалами вѣнчаху многою радостию мужа.

Сии же вся соглядав царь, призва своя другы и рече к нимь: «Оле чюдо, мои друзи! Видите, како худое се и потаеное житие честнѣе нашея державы веселится и свѣтлѣе внешних внутрьняя сияють!»

Сде бо слово поставлеше и на предреченаа възвратимся, разрѣшающи притчѣ съузъ успѣха ради простѣйших, а быстрии умом преже сказаниа си вѣдять. Последок же Слова подробну речемь.

Град убо есть, братье,— съставление человѣчьскаго телесе, емуже творець и зиждитель Бог. А иже в немь людие — чювьственыя уды нарицаем: слух, *видѣние*, обоняние, вкушение, осязание и нижняя теплоты сверѣпьство. Царь же есть ум, обладаай всѣм тѣлом. Зѣло же есть благ, и кроток, и милостив — о своем бо телеси паче всего печется, тому ища потребных и крася его одежами. Добрѣ же смотрить своим людемь — от слышаниа бо добра высится, а от зла мятется, очима же похоть створит, а обонянию желание исполнить, устом же обьядение даеть, а рукама несытьство бранья богатьству створит, с тѣми и нижняго сверѣпьства свершаеть похоть.

Чим же единѣм не бѣ разумен? — Понеже не тако печашеся о души, якоже о телеси: ни помышляеть бо бесконечныя злѣ сде живущим мукы, ни готовится на будущаго вѣка праведником уготованую жизнь, не слышить бо Соломона, глаголюща: «Блажены, иже обрѣте мудрость, и смыслен, иже увѣда разум житьа сего».[58]

Свѣтници же суть и друзи — житийскиа мысли, не дадуще ны о смерти помыслити. Бѣгство бо Книгы смерть нарицаюіть, ибо и Христос жидомь глаголаше: «Да не будеть бѣгство ваше зимѣ, ни в суботу»,[59] сиречь — да не достигнеть тебе смерть в гресѣх, ни в праздник без покаяниа.

Ратьная оружия пост, молитва, въздержание и телесную чистоту апостол нарицаеть, — «Възмѣте бо, рече, вся оружиа Божиа, да възможете противитися в день лют»,[60] — но сего мирьстии человѣци не любят держати.

Нощь же есть свѣта сего мятежь, в немже акы в тмѣ мятутся, друг чрес друга в погибель сами себе порѣваемь, ли яко сном одержыми, не въздеримся от грѣха.

А еже в един час бысть велика по граду молва — то есть нечаемая на человѣка напасть: ли недуг, ли потоп, ли язва, ли к власти обида зла. Тогда всѣ житийскыя останут мысли и иступление бываеть уму, — еже есть царев страх, и шествие по граду, и необрѣтение творящаго плищь. Никоторая же бо хитрость премѣнити възможет Божия попущениа, точию святых мужь молитва, истина же се есть. Петра бо от церкве за нь бывающия молитва от темници и вериг избави.[61] Слышим же и Павла к римляном глаголюща: «Паче силы оскорбѣша ны в Асии, яко не надѣятися нам и живота, но Бог избави ны вашими молитвами».[62] Аще ли не будут достойни живии о вещи Бога умолити, призываемь препочившая святыя. Свѣдѣтель же сему Исаия, иже смерть Иезекии от Бога подав, и пакы не токмо сдравие тому же Иезекыи принесе от Бога, нъ и граду избавление — «Но се ти, — рече, — дарова Бог Давыда ради отрока твоего».[63] Тако же и трие отроци моляхуся, глаголюще: «Авраама ради възлюбленаго, и Исака, раба ти, и Израиля святаго твоего», — того ради и в пламени не изгорѣвше изидоша.[64]

Да се есть подобно врея оного благоразумнаго свѣтника, еже не искати чаров, ни волхвов но вѣрою глаголати: «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим»;[65] и пакы: «Яко годѣ бысть

Господеви, тако и бысть». Господь живить и мертвит, богатить и убожить, смиряеть и высить, и от болѣзни устрабляеть немощна.

Гора же есть монастырь, в немже духовнаа оружиа на противнаго дьявола си суть: пост, молитва, слезы, въздержание, чистота, любы, смѣренье, покорение, *люботрудие* и несъние. К той горѣ благоразумный съвѣтник приводит царя, сиречь: печаль ума — к манастырю, то бо есть гора Божиа, гора тучна гора усырена, гора, юже благоволи Бог жити в ней. Приход же к горѣ — се есть обѣтное к Богу слово («Обѣщайте бо ся, — рече, — и въздадите»;[66] и пакы: «Въздам тобѣ обѣты моя, иже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя в печали моей»[67]).

Приничение же к оконцю — еже слышати душеполезное учение. «Сказание бо, — рече, — словес твоих просвѣщаеть и разум даеть младенцем».[68] Пишет бо ся: «Възведохъ очи мои в горы твоя, отнуду же приде помощь мнѣ».[69] Яко ту рещи с Давыдом: «Господь съхранить вхожение мое и исхожение отселѣ и до вѣка».[70] Никого же бо Христос к покаянию нужею влечеть, но вещми разум дает, да от тѣх познавшим его и в небесное вводить царство.

Пещера же глубокаа — церкы есть монастырска, пророкы дозрима, апостолы устроена, евангелисты украшена. А иже от нея свѣтлая сиящи заря — богохваленаа жертва, немолчьная алилугия псаломьстими гласи: «В нощех бо, — рече, — въздежете рукы ваша в святая и благословите Господа»,[71] и пакы — «Полунощи въстах исповѣдатися тебѣ»;[72] «Тако, — рече, — да просвѣтится свѣт вашь пред человѣкы, яко да узрять дѣла добрая ваша и прославять Отца вашего, иже есть на небесех».[73]

Внутрений же вертеп устав глаголю, апостольская предания келейнаго житья, в немже никтоже своевольство имать, но всѣм вся обьща суть, суть бо вси под игуменом, акы уди телеснии под единою главою, съдръжыми духовными жилами. А иже в нем сѣдяй мужь, в послѣдний жива нищетѣ, — се есть весь чернечьский чин. Сѣдѣние же безмолвие являеть: «Рѣх бо, — рече, — схраню пути моя, да не съгрѣшу языком моим, онемѣх и смирихся, и умолчах от благ»;[74] и пакы: «Аз же *яко* глух, и не слышах, и акы нѣм, не отверзох уст своих»,[75] и прочаа подобна сим. А послѣдняя нищеты житье — сирѣчь от бѣлоризець осуженье, досады и укоризны, хулы и посмѣси, опытаниа, не бо тако мнять, яко Богу работающа мнихы, но акы прелестникы и свою погублеша душю. Того ради Павел глаголаше: «Бог ны апостолы послѣдняя яви акы насмертникы, яко позору быхом всему миру»;[76] и паки: «Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христѣ».[77]

А иже худыми оболчен рубы — се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, сукняныя одежа, и от козьих кожь оболченья. Всяка бо добра риза и плотьское украшенье чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья, — «Иже бо, — рече, — Христос,— мякъкая носять, си в домѣх царскых суть»,[78] — но суть цѣломудриемь оболчени и правдою поясани, смѣрением украшени.

Присѣдящиа же искрь своя ему жена — се есть неотлучающаася смертная память, сию сладкую поющи пѣснь: «Глас радости и веселиа в селѣх праведник»;[79] «Праведници в вѣкы живут, и мзда им от Господа»;[80] «Смерть праведнику покой»; «*Богатьство* иже мимотечеть, не прилагайте сердца»;[81] «Не помилую бо всѣх творящих беззаконие»;[82] «Того ради, — рече, — забых снѣсти хлѣб мой от гласа въздыханиа моего».[83]

Предстояй же ему он красный — Христос есть: «близ бо Господь всѣх боящихся его, хотѣние их исполнить и молитву их услышить»;[84] «се красен добротою паче сын человѣческ»;[85] «щедр бо есть и милостив Господь»;[86] «не приидох бо, — рече, — да ми послужать, но да послужу и положу душу свою избавление за многы».[87] Зѣло же высок есть — понеже Сын сый Божий, съшедый с небесе, и воплотися нашего ради спасениа и бысть человѣк, да человѣка обожить.

Стоить же на твердѣм нашея вѣры камени. О сем бо Амос *и* Иеремѣя послушьствуета: он глаголеть: «И се человѣк высок стояше на твердѣм камени, призывая страны и питаа своя»;[88] Иеремия же рече: «Человѣк есть, и кто увѣсть и́. Но да *явится* странам, яко Бог есть».

Питаяй же и черпляй вино — всѣм вѣрным подаваяй честное свое тѣло в оставление грѣхов и святую свою кровь в живот вѣчный.

Възбраняющия же другы — своя комуждо свѣсть. Въпиеть бо Павел: «Иже кто ясть хлѣб ось и пиеть чашю Господню, недостоин сый, грѣх собѣ ясть и пиеть, повинен есть тѣлу и крови Господни».[89]

А егда приимѣть мужь чашю, похвалами вѣнчають его — се разумѣй очистившихся покаяниемь и приимших животворную чашю в освящение души и в очищение телеси. Тогда бо *богоотець* Давыд

хвалить пророческими гласы: «Блажени, имже отпущена суть безакониа, имже прикрышася грѣси, имже не вмѣнить Господь грѣха»;[90] и пакы: «Веселитеся о Господѣ и радуйтеся, праведники!».[91] Вѣнчаеть же Святый Дух, яко почиваеть на честных причастньцѣх, уже бо я обрѣте достойны собѣ ссуды и вселися в ня, измыша бо храм его слезами постлаша люботрудными *молитвами*, украсиша добродѣтелию, *накадиша бо жертвьными* въздыхании. Многою же радостию Христос с святыми ангелы веселится, «радость бо, — рече, — бывает на небеси о единомь грѣшници кающимся»,[92] «радуйте бо ся, — рече, — со мною, яко обрѣтох погыбшюю драхму».[93]

Се же вся соглядав, царь призва своя другы. Съгляданье — помышление есть благо, еже остатися от грѣховных обычай и научитися благоугодных, собрати же сего суетного житиа помыслы и окаяти сего *свѣта лестнаго* красная и речи соломоньскы: «О, суетие, суетою буди!»[94] Всяк бо человѣк сих ради нудяй себе трудомь, изножай себе в погибель, и чюдится ангельскому богонабдимому иночьскому житию, и вся оставляеть, и ту саму телесную печаль, и тщится всяк человѣк по искушении телесных вещий о души попещися.

Сим же сице сказаном, и прочее без разума да не останеть. Не бо мы сей повѣсти творци есмы, но *от* богодухновеных вземлюще писаний, акы от постава *уимше*, и сия прѣзъкъ плетем; акы дѣтищь пред вашим отчьством нѣмующе вашю веселимь любовь.

А се похвала мнихом, и познание Христовы благодати, и вшествие в вертеп, сирѣч пострищися, — от пророческых писаний скажем.

Рече царь: «Како худое се и потаеное житие честнѣе нашея державы веселится и свѣтлѣе внутрьняя внѣшних сиають!» Се же есть умных человѣк помяновение души. «Не спасет бо ся, — рече, — царь многою силою»;[95] и всяка власть к грѣху причтена есть; а торгующим егда купля сдѣется, ту и грѣх свершится и ины вся житийскыя вещи. В нищетѣ же и в богатствѣ спону имуть к спасению семью и дом, того ради глаголет апостол: «Оженивыйся печется женою, како угодити женѣ, а неоженивыся печется, како угодити Богови»;[96] она печаль ведеть в муку, а си печаль — в вѣчную жизнь.

Худое же и потаеное житье мнишство являеть. На смирение бо и на покорение кождо в не грядеть, токмо о Бозѣ веселится, честь по своим трудомь от Бога и человѣк въсприемля. И древо бо не възраста дѣля высока, ни листвиа, но плода дѣля хвалимо бываеть; тако и мнихы не

монастырь славныи творить, но добрая дѣтель мнишьская. И се явѣ есть от Феодоса игумена Печерьскаго, иже в Киевѣ,[97] понеже нелицемѣрно мнишьствова възлюбив Бога и братью свою акы своя уды; тѣмже и Бог възлюби и и мѣсто его ради прослави паче всѣх, иже монастырь в Руси. Сиа внутреняя добродѣтели святых калугер житиа паче мирскоѣ власти сияють чюдесы, и тѣх ради мирьскыа велможи свою покланяють мнихом главу, яко Божиим угодником достойную въздающе честь, по Господню словеси, глаголющю: «Приемляй праведника во имя праведниче мьзду праведничю приемлеть»[98] и прочая; и пакы: «Приемляй, — рече, — вас мене приемлеть»,[99] и прирече: «Не бойся малое стадо, яко благоволи Отець мой дати вамь царствие небесное»,[100] «иже бо оставить, — рече, — отца и матерь и имѣние имени моего ради, стократицею приимет и жизнь наслѣдить».[101] Сих ради обѣщаний всяк крестьянин нудится понести ярем Господень, рекше иночьскый чин на ся взяти.

Да речем уже оного царя вход. Поем бо свою единородную дщерь, внутр вертьпа входить. Дщерь же уму разумѣй душю, умородителна бо есть и обьщена ангельскым чином: «Творяй, — рече, — ангелы своя духы и слугы своя огнь полящь».[102]

Дух бо на всю добродѣтель бодр и скор на теченье богоугоднаго подвига, но плоть немощна. Обаче вся служба ангельская и мнишьская одино есть: они бо и си, всю свою оставльше волю, Божию и игумену повинуются повелѣнию, имже самь Господь мьздовъздатель противу трудом бысть. «Иже бо, — рече, — душю свою погубит моих ради словес, обрящет бо ю в вѣчном животѣ».[103]

То уже сам глаголет к внутрь стоящему: «Отверзи мнѣ врата правды, и, вшед в ня, исповѣмся Господеви, яко “взискающии его не лишатся от всякого блага”[104]».

Отвѣща предстояй он: «Си врата Господня, праведнии внидут в ня, и Господь не лишить добра ходящих не злобою зде. Ты же кто еси, тако дрързающий?»

И та рече: «Дщи убо есмь царева, “и приведутся царю дѣвы по ней”».[105]

Отвѣща стояй: «Слыши, дщи, и вижь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего, и въсхощеть царь добротѣ твоей, аще и черна еси».[106] — Сиречь, дондеже бо человѣк не останет ся телесных похоти и житийскых печали, душа его с Богом не смирится, не может бо Богу работати и мамонѣ. Черность же есть грѣх. «Смагла, — рече, — есмь, но добра».[107] Смагла убо первых дѣля съгрѣшений и яже в миру житийскых вещи. Добра же бых — скораго ради покаяниа. «Черна *есть* миродержителнаго сана властию, добра *есть* мнишьскаго ради постриженіа. — «Вся слава дщерѣ царевѣ внутрьуду».[108]

— «Ты же кто еси?»

— «Аз есмь, — рече, — пастух овцам, остави вы, — рече, — на горах 90 и 9 и снидох погыбшиѣ сде ища,[109] но аще мене послушаеши, “лицу твоему помолятся богатии *людстии*”».[110]

Отвеща: «Обѣщах, ти ся, овца бо есмь словеснаго ти стада и к тобѣ прибѣгох, доброму пастырю, взищи мене заблужьшаго и цѣлуй мя от лобзаниа уст его».

Вижь порядниих словес слугу и не мните мене кромѣ Святых Книг сих вземлюща. Аще быхом обѣт постризаниа нашего схранили, то не токмо грѣхов оцѣщение, но и земную честь приали быхом, якоже святии ваши отци и чюдотворци, имже цари и князи падше поклонишася, но и в небеснѣм царствии видѣли быхом Божие лице; сирѣчь, елико быхом в молитвѣ просили и скоро сугубо прияли.

Обаче и еще стоящаго въпрашает, глаголющи: «Аще пастух еси, «не остави мене, ни отступи от мене»,[111] яко скорбь близ, слышах бо Исаию о тебе глаголюща: «И тъ яко пастух, упасеть стадо свое и в руцѣ свои сбереть агньца и в утробѣ имущая утѣшить»[112]». Се новоосвященных мних аще не словеса, то мысли. Держаще бо ся обѣта и слабости не одолѣвше, святынѣ просят, Писаниа почитающе, бес подвига велять Богови спасти я. Не бо разумѣемь Павла глаголюща: «Бес подвига никтоже вѣнчаеться».[113] Никто же бо спя побѣдит, ни лѣний ся спасти можеть.

Обаче нераскаяннии суть Божии дарове; послух бо сих на небесех вѣрен Господь наш Исус Христос, иже туне спасаеть мнишьскый чин, сам бо за ны молится, глаголя: «Отче святый, не о мирѣ молю, но о сих, яже

дал еси мнѣ, съблюди а во имя твое; да идеже буду и аз, ту и си будуть съ мною, никтоже от них погибнеть, токмо сын погыбелный!»[114]

Си же имущи обѣщаня, о, мниси, подвизайтеся! Подобает же и в нынѣшних апостолѣх Июдѣ быти, но кождо вас съблюдеть себе; не продадим Божия Слова на лъжи, крадуще, грабяще, обидяще, на игумена злое мыслящи, клятвою ся оправдающе; ниже распнѣм Христа, недостойнѣ приступающе к причастию Святых Таин, нъ о всѣх себе съставляюще, по апостолу, яко Божия слугы, въ трьпѣнии мнозѣ свое сдевающе спасение.[115] Яко же бо кони, текуще в стадѣ, друг другу ретящеся, приспѣвають, тако и вы ревнуйте святых отець подвигу и друг друга приспѣвайте в алкании, и в бдѣнии, и в молитвах, в служебных трудѣх, да не раслабѣвше обьядениемь, и пьяньством, и плотскыми похотми да не в адьстѣй устанемь пустыни и тамо геоньскыми растерзани будем звѣрми и яко толща земная телеса наша *просядутся*, огнем мучима, и расыплются кости наша при адѣ.[116] Но вперите си разумнѣи крилѣ и възлетим от губящаго ны грѣха! Възмѣм от Книг пищу и рьцѣм с Давыдом: «Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меду устомь моим».[117]

Си же глаголя, не величаюся, но себе тѣша, от неразумиа глаголю, человѣк бо есмь грѣшен, кален уд имея мой язык. Аще бо в глубину Божиих книг внидох, но грубом языком ума просты изношю глас. Бог же мира многою милостию да створит вашему отчьству сему прияту быти сказанию; и тъй ваша съблюдеть душа чиста, и телеса бескверньна, и житие непорочно, дѣвьство неокрадомо, непретыкающееся чернечьство, несъблазньну вѣру, непремѣнно о души попеченье, братолюбье нелицемѣрно, и вашь покой *украсить знаменми*, и небесныя отверзеть двери, и огненое отложить оружье, и в горний ведеть в Иеросалимь, и десницею вѣнчаеть, и трапезу представить, и чашу веселиа и радости подасть.

Мене же, акы пса, молю вы, не презрите, но и сде в святых помянѣте молитвах и тоя святыя трапезы крупицѣ поверзѣте, еяже буди всѣм крестьяном сподобитися, — жизни о Христе Исусѣ, Господѣ нашем емуже слава с Отцем и с Святым Духом и нынѣ и *присно и во веки веком*.

В НЕДѢЛЮ ЦВѢТНУЮ[118] О СКАЗАНИИ ЕВАНГЕЛЬСТѢМЬ СВЯТАГО КИРИЛА

Велика и ветха скровища, дивно и радостьно откровение, добра и силна богатьства, нескудно ближним даемии дарове, славна и зѣло честьна дому искуснии строители, обилны и преполнены царское трапезы мнози отстатци, от нихже нищии препитаеми бывають, — не гиблющею ядью, но пребывающею в живот вѣчьный! Словеса бо евангельская пища суть душам нашим, яже Христос многообразно глагола человѣческаго ради спасения. Его же славьный и честный дом — Церкви имѣеть искусны строителя: патриархы и епископы, ерѣя же и игумены, и вся церковныя учителя, иже вѣрою и чистотою ближнии Богу створишася и приемлють Святаго Духа благодатью различныя дары ученью и цѣлению по мѣрѣ дара Христова. Тѣм же и мы, убозии, тоя же тряпезы останков крупицѣ въземлющеи, насыщаемься, киждо бо раб своего господина хвалить.

Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника, о немьже пророческая писанья сбытье прияша, творимаго ради в онь Христомь знаменья. Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всѣд на жребя осля,[119] да пророчьство Захарьино сверьшиться, иже *рече о нем*: «Радуйся зѣло, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребець ун!».[120] Се убо пророчество разумѣюще, веселимся.

Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются; жребя же — иже от язык вѣровавше в Онь людье, ихже, послав апостолы, и отрѣши от льсти дьяволя.

Днесь народи противу Исусу изидоша вайя в руках держаща и тѣмь почесть творяще, егда «Лазоря из гроба возва и от мертвых въскреси и́».[121] Предобро народа послушьство, емуже языци и вѣровавъше, Сына Божия познаша и. В жидѣх бо чюдеса створи, а языком спасение и благодать дарова. Они его не познаша, а языци прияша и. Израиль отречеся позвавшаго его в вѣчную жизнь, а языци вѣровавъшая в небесное царство въведе. Овѣм паденье, соблазн, а странам вѣра, въстанье.

Днесь апостоли на жребя своя ризы възложиша,[122] и Христос верху их сѣдя. Оле преславныя тайны явленье! Хрьстьяньския бо добродѣтели апостольския суть ризы, иже своим ученьем благовѣрныя люди престол Богови и вмѣстилище Святому Духу створиша: «Вселю бо ся, — рече, — в ня и похожю, и буду им Бог, и ти будуть мнѣ люди».[123]

Днесь народи постилають по пути ризы своя, друзии же от древа рѣзаху вѣтвѣ постилаша.[124] Добр убо и прав миродержителем и всѣм вельможам Христос бысть, егоже милостынею и безлобьем постлавше, нетрудьно входять в небесное царство. Ломящеи же от древа вѣтви рядници суть и грѣшьници, иже скрушеным сердцемь и умилениемь душа, постом же и молитвами свой путь равняюще, к Богови приходять: «Аз бо, — рече, — есмь путь, истина и живот».[125]

Днесь предъидущии и въслѣдующеи въсклицають, глаголюще: «Осана сыну Давыдову! Благословен грядый во имя Господне!»[126] Предъидущеи же суть пророци и апостоли: они же преже прорицавше о Христовѣ пришествии, а си *проповѣдавъше во всем мирѣ* Бога пришедша и во имя его крестящеи народы. А въслѣдующеи святители суть с мученики: ови с еретики крѣпко по Христѣ борющеся и тѣх яко враги от церкве издрѣюще, си же до крове за имя Христово пострадавша и вся уметы створиша, въслѣд его текоша, да причастници будуть страсти его. Вси же «осана» възываху, рекуще: «Ты еси Сын Божий, въплотивыйся на земли, да Адама преступленьем падша въздвигнеши; благословенья дѣля и мы потщимъся добрая творити дѣла во имя Господне».

Днесь весь Иеросалим подвижеся въшествия ради Господня: старци быстро шествоваху, да Исусу яко Богу поклоняться; отроци скоро течаху, да и прославять о чюдеси Лазорева въскресения; младеньци, яко крилати окрест Исуса паряще, вопияху: «Осана сыну Давыдову! Благословен грядый во имя Господне! Бог Господь и явися нам!»[127] Оле тайн *откровение* и пророческих писаний раздрѣшение! Старца бо язычьския *намѣнуеть* люди: преже бо Аврама и Израиля языци суть; тогда, прельщени, от Бога уклонивъшеся, нынѣ же Сыну Божию вѣрою покланяються. Образ же отрок всьчестьный, дѣвство любящий, отческый чин нарече, беспрестани славящим Христа и чюдеса Божиею благодатию сътворяющим. Младеньци же вся хрестьяны прообрази, иже ничтоже пытають о Христе, но о томь живуще и за того умирающе, и тому обѣты и молитвы въздающе.

Днесь Аньна и Каияфа[128] негодуеть. Всѣм радость и вселье, сима же — скорбь и смущенье. Подобаше иерѣйску чину расудну быти и пророки пытати, егда се есть Христос, о немже заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: «От племене твоего, Июдо, изидеть владыка небеси и земли, и тъ *упование* языком, привязая лозѣ жребя свое»;[129] ни помянуша Давыда, о немже пророчьствова, глаголя: «Из уст младенець съсущих свершил еси хвалу»,[130] ни разумѣша Софонья чтуща, писавша тако: «Веселися, Еросалиме, и уравнай путь Богу твоему, яко придеть в церковь свою, творяй чюдеса и дая знамения»,[131] нъ свѣт творяху на благодателя, да не токмо Исуса, но и Лазоря погубять, и не хотѣша с народы глаголати тако: «Велий еси, Господи! Глас твой потрясе адова

скровища и исторже от внутрениих душю умершаго, и изиде Лазарь паки на бытье спасен!»

Днесь тварь веселиться, свобожаема от работы вражья, и адьская врата и верея потрясошася и бѣсовьския силы ужасошася. Днесь горы и холми точать сладость, удолья и поля плоды Богови приносять, горнии въспѣвають и преисподняя рыдають, ангели ивяться, видящи на земьли невидимаго на небесѣх и на жребяти сѣдяща сущаго на престолѣ хѣрувимьстѣ, обиступаема народы неприступнаго небесным силам. Ныня младеньци радостно хвалим бываеть егоже серафими в вышних страхом славять. Ныне путь съшествуеть в Еросалим измѣривый пядью небо и землю дланью, в церковь входить невъмѣстимый в небеса.

Днесь старѣйшина жречьский гнѣваеться на творящаго великая чюдеса, книжници и фарисии дѣтем завидять, с вѣтми на срѣтенье Христу текущим и зовущим: «Осана сыну Давыдову!» Чудны вещи! Како забыша пророк, писавъших о Христѣ всяко нашего ради язычнаго спасения! «Уже бо, — рече, — нѣсть ми хотѣнья в сынѣх Израилевых, явѣ бых не ищющим мене и рку не людем моим: “Людье мои вы есте”». [132]

Тѣмьже, братье, подобаеть нам, яжо Божиим сущим людем, възлюбившаго нас Христа прославити. Придѣте, поклонимъся ему и припадем, яко блудница, мыслено того пречистѣи лобызающе нозѣ; [133] останем же ся, яко она, от злых дѣл; излѣем, якоже мюро на главу его, вѣру и любовь нашю; изыдем любовью, яко народи, в срѣтение ему и сломим гнѣводержание, яко и вѣтви; постелем ему, яко и ризы, добрыя дѣтели; въскликнем молитвами и безлобьем, яко младеньци, предъидем милостынями к нищим, вслѣдуем смирением, постом и бьдѣньем — и не погубим труда четырьдесятьдньвьняго поста, в няже подвизахомъся, очищающеся от всякоя скверны, да в нашь Иерусалим внидеть ныня Христос. Нашего бо телесе ставленье Иеросалим речеться, якоже Исая глаголеть: «На руку *своею* написах стѣны твоя, Иеросалиме, и вселюся посреде тебе».[134]

Уготоваем, яко и *горъницю*, смѣрением душа наша, да причастием внидеть в ны Сын Божий и Пасху с ученики своими створить. Поидем с идущим на страсть волную, възмем крест свой претерпѣнием всякоя обиды, распьнѣмъся *браньми* к грѣху, умертвим похоти телесныя, въскликнем: «Осана в вышних! Благословен еси пришедый на муку волную, еюже ада попра и смѣрть побѣди!», доздѣ же слово окративше, *пѣсньми*, яко цвѣты, святую церковь вѣньчаем и праздник украсим; Богови хвалословление въслѣм и Христа, Спасителя нашего, възъвеличим, благодатью Святаго Духа осѣняеми, да радостьно

праздновавше, в мирѣ достигнем тридневнаго въскресения Господа нашего Исуса Христа, емуже подобаеть всяка слава, честь, держава и покланяние с Отцемь и с пресвятымь и благымь и живоворящим Духомь всегда и ныня и присно и *в вѣки*.

ТОГО ЖЕ ГРѢШНАГО МНИХА СЛОВО О РАСЛАБЛЕНѢМЬ, ОТ БЫТИЯ И ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКАГО, — В НЕДЕЛЮ 4 ПО ПАСЦѢ

Неизмѣрьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже свѣдомо Божия смотрения таиньство, велика бо и неиздреченьна милость его на родѣ человѣчьстѣмь, еюже помиловани быхом. Того ради должьны есмы, братие, хвалити и пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, елико же их створи, неисповѣдима бо суть ни ангелом, али нъ человеѣком.

Ныня же о раслабленѣмь побесѣдуим, егоже днесь сам Бог въспомянул[135] и призрѣл и помиловал, егоже и врачеве небрѣгомаствориша, егоже презряху въмѣтающеи в купѣль, егда бо възмутяшеться вода, вьси, о богатых пекущеся сдравии, сего отрѣяху, егоже ныня Христос, благый человѣколюбець, словомь ицѣли, врачь бо есть душам нашим и тѣлом, и слово его дѣломь бысть.

Глаголеть бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовьска праздьника,[136] егда же множьство народа от всѣх град по обычаю събирахуться в Иеросалим. Тъгда и Господь приде, всячьскы угажая своим рабом и неистовьство противьных обличая июдѣй, поистинѣ бо приде, ища заблужьших и спасти погыбъших. Многа бе по всей Палестинѣ створи чюдеса, и не вѣровахуть ему, нъ противу благодати хулять, лестьца его и блазнителя нарицающе.[137] Того ради при мнозѣ приде народѣ к *Силуамстей* вододьрьжи, иже нарицаеться Вифезда, сиречь Овьча купѣль[138] (понеже ту *полоскаху* жьртвьных овець утробы). Над сим бѣ храм, пfive притвор имѣя, и ту лежаше множьство болящих, хромых же и слѣпых, и инѣми недугы болящеи, чающе движения водѣ; ангел бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущении первое вълѣзый цѣл бываше.[139]

Си же бѣ образ святаго крещения. Понеже не всегда вода та ицѣляше, нъ егда ю ангел възмутяше. Ныня же к крещения купѣли сам ангельскый владыка, Святый Дух, приходя освящает ю и даеть сдравие душам и тѣлом, и грѣхом очищение; аще кто слѣп есть разумомь, ли хром невѣриемь, ли сух мнозѣх безаконий отчаяниемь, ли раслаблен еретичьскымь учениемь, — всѣх вода крещения съдравы творить. Она купѣль многы приимающи, а единого ицѣляше, и то же не всегда, нъ единою лѣта, — а крещения купѣль по вся дьни многы оживляющи *съдравы створить*. К крещению бо аще и всея земля придуть человѣци, не умалиться Божия благодать, всѣм дающи ицѣление от грѣховных недуг.

Рьцѣм же о Господни благодати, како приде к Овчи купѣли и видѣ человѣка раслаблена, долго врѣмя на одрѣ в недузѣ лежаща, и въпроси его, глаголя: «Хощеши ли сдрав быти?» «Ей, — рече, — Господи! Хотѣл бых, нъ не имѣю человѣка, да бы по възмущении ангеловѣ въвергл мя бы в купѣль.[140] Нъ аще мя еси о сдравии, Владыко, въпросил, то крътъцѣ послушай моего отвѣта, да ти своея болѣзни напасть исповѣдѣ. 30 и 8 лѣт на одрѣ семь, недугомь пригвожден, слежю; грѣси мои вся уды телесе моего раслабиша, а душа моя преже страсти поношении бодома бысть. Богови ся молю, и не послушаеть мене, зане превъзидоша безакония моя главу мою.[141] Врачем издаях все мое имѣние и помощи улучити не възмогох, нѣсть бо зелия, могуща Божию казнь прѣмѣнити. Знаемии мои гнушаються мене, смрад бо мой всякоя утѣхы лиши мя; и ближьнии мои стыдяться мною, яко чюжь бых страсти ради братии моей. Вси человѣци мною кльнуться, а утѣшающаго не обрѣтох. Мьртва ли себе нареку? Нъ чрево ми пища желаеть, и язык от жажа исыхаеть! Жива ли себе помышлю? Нъ не тъкмо въстати с одра, нъ ни подвигнути себе не могу. Нозѣ имѣю непоступьнѣ, руцѣ же не тъчию бездѣлнѣ, нъ ни осязати себе тѣма съвладѣю. Непогребенъ мьртвьць разумѣю ся, и одр сь гроб ми есть. Мьртв есмь в живых и жив есмь в мьртвых: ибо яко жив питаю ся и якоже мьртв не дѣлаю. Мучим же есмь, акы в адѣ, бестудиемь поносящих ми; смѣх бо есмь унотам, укаряющимъся мною, и старцем же лежю притъча к наказанию. Мною вси глумяться, аз же сугубо страждю: утрьуду болѣзнь клѣщить мя, вънѣуду досадами укоризньник стужаю си. От всѣх бо пльвание слин покрываеть мя. Двое сѣтование объдержить мя: глад паче недуга прѣодалаеть ми; аще бо и брашно обрящю, нъ в уста рукою въложити его не могу; всѣм молюся, дабы мя кто накърмил, и бываеть дѣлим мой бѣдный укрух с питающими мя. Стоню съ слзами, томим болѣзнию недуга моего, и никтоже придеть посѣтить мене; един злостражю, никымьже видим. Егда же останъци трапез богобойных людий принесени будуть сде, скоро притекуть приставници Овчая купѣли, и не тако пси Лазоревы облизаху струпы,[142] якоже си моя помилования пржирають. Не имѣю же ни имѣния, да бых си единого умьздил о мнѣ пекущася человѣка, яко злѣ расточих даное ми в раи богатьство, и змьемь в Едемѣ украдена ми бысть чистоты одежа,[143] и сде лежю наг Божия покрова. Не имам человѣка, иже бы не гнушаяся послужил мне! Енох и Илия не обрѣтостася на земли, възята бо быста на колесници огньнѣ и прѣбываета идеже Бог

вѣсть;[144] Аврам с Иовомь мало послуживша мнѣ подобьным, прѣставистася в бесконьчную жизнь. Господи, человѣка не имам вѣрна к Богу! Моиси, боговидець и законодавець, послѣ же съгрѣши к Богу и не въниде в землю обѣтованную;[145] Соломон премудрый, три краты с Богомь бесѣдовав, на старость прирази к Богу и, женами прѣльстивъся, погыбе.[146] Господи, человѣка не имам, вѫложаща мя в купѣль! Вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага, нѣсть ни единого, и не разумѣють вси творящии безаконие!»

И сия вся от уст раслабленаго слышав, благый нашь врачь Господь Исус Христос отвѣщав к раслабленому: «Что глаголеши: «Человѣка не имам!» Аз тебе ради человѣ бых, — щедр и милостив, — не сългав обѣта моего вѫчеловѣчения. Слышал бо еси пророка, глаголюща, яко отроча родиться, сын Вышняго, и дан бысть нам, и тъ болѣзни и недугы наша понесет.[147] Тебе ради, горьняго царства скипетры оставль, нижьним служа обхожю, — не придох бо, да ми послужать, нъ да послужю.[148] Тебе ради, бесплътьн сы, плътию обложихъся, да всѣх душевныя и телесныя недугы ицѣлю. Тебе ради, невидим сы ангельскым силам всѣм, человѣком явихъся, не хощю бо моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нъ хощю и спасти и в разум истиньный привести. И глаголеши: “Человѣка не имам!” Аз бых человѣк, да Богомь человѣка сътворю! Рех бо: “Бози будуть и сынове Вышняго вси”.[149] И кто ин мене вѣрнѣй служай тобѣ? Тобѣ всю тваь, на работу створих; небо и земля тобѣ служита, — оно влагою, а си плодомь. Тебе ради солнце свѣтомь и теплотою служить, и луна съ звѣздами нощь обѣляеть. Тебе дѣля облаци дъждьмь землю напаяють, и земля всяку траву, сѣмениту и дрѣва плодовитая на твою службу въздращаеть. Тебе ради рѣки *рыбы* носять и пустыни звѣри питаеть. И глаголеши: “Человѣка не имам!” И кто есть мене вѣрнѣй человѣк! Яко ие сългах обѣта вѫчеловѣчения моего; кляхъся Аврамови, глаголя: “О сѣмени твоемь благословяться языци, в Исацѣ же будеть ти племя, и в томь въплътивъся, отложю обрѣзание, створю же брѣжю воду, многа чада поражающю крещениемь”,[150] о нейже глаголеть Исаия, “яко протържеся вода в пустыни”.[151] Жажюще, на воду живу идѣте! Аз есмь животьное озеро! И се породьный источник от уст моих на тя изливаю, а ты Овчая купѣли жадаеши, помалѣ прѣсъхнути хотяща! Въстани, възми одр свой; да слышить мя Адам и обновиться ныня с тобою от истлѣния, в тобѣ бо пьрваго прѣступления Евъжину клятву исцѣляю! Лазоря, уже раскысѣвъша в гробѣ и четыри дни имуща в мьртвых, словомь жива створих,[152] и тобѣ ныня глаголю: «Въстани, и възми одр свой, и иди в дом свой!»[153]

И скоро въскочи раслабленый с одра, съдрав всѣми уды телесе и силою мощьн, и възем носивъшаго и одра, посредѣ народа хожаше.

Бѣ же в тъ день субота; и видѣвъше его жидове не порадовашася о съдравии немощьнаго, ни въздаша хвалы Богови, въздвигнувъшоому раслабленаго от одра немощи, ни рѣша: «Како ти ся, брате, жилы укрѣпиша и телесныя уди утвьрдиша?» — нъ акы звѣрие, на оружьника нападъше, отбѣгоша и богохульная словеса, акы стрѣлы к камени пущающе, съламахуся. Изволиша бо неправду паче, нежели глаголати правьду, и начаша прѣтити носящему одр: «Субота есть, и недостоить ти взяти одра![154] Почто въстал еси от немощи? Почто ицѣлѣл еси от недуга? Почто прѣмѣнилъся еси от болѣзни? Не лѣпо ти бѣ нынѣ одра своего носити!»

И рече им ицѣлѣвый от недуга: «Что се глаголете, о фарисѣи! Мудри суще, злобою обуродѣсте! Не насытисте ли ся в 30 и 8 лѣт, зряще мене на одрѣ и исполумьртва лежаща? Нынѣ же, въставъшю ми Божиемь словомь, осльпосте умомь и о своей, храмлюще, прѣтыкаетеся неправдѣ. Аще не бысть добро, а зло не есть мое въстание. Аще не радуетеся преславному чюдеси, понѣ не завидите даному мнѣ съдравию. Не будѣте яко имъск конь, имже нѣсть разума! Господь поможеть мнѣ на одрѣ болезни моея и весь недуг мой обратил есть в съдравие. Рцѣте же ми, старци и судие Израилевы, в чьей вас клѣти украдено бысть даное мнѣ съдравие, да тако жаляще си прѣтите ми? Никто же вас прѣобидѣн, *ни у кого* же вас уем мнѣ дарова; нъ иже мя есть створил цѣла, тъ мнѣ рече: «Въстани, възми одр свой и ходи!»[155] И се есмь весь сдрав».

Отвѣщаша книжьници: «Кто есть он, иже тя створи цѣла?» Носяй же одр не вѣдаше, — Исусу уклоньшюся от народа, — обаче глаголаше: «Нѣсть вълхв, ни чародѣй, ни есть ходатай, ни ангел, нъ сам Господь Бог Израилев. Понеже не осяза мене руками, ни приложи былия к врѣдом удов моих, нъ слово его дѣломь бысть. Рече бо ми: «Въстани и ходи!» — и въслѣдова слову дѣло и сдравие телеси. Тѣмже не судите на лица, ни хулите Божия благодати, нъ праведный суд судите: рцѣте Богу, яко «възвеличишася дѣла твоя въ Израили», и Господнемь чюдесьмь суботу почьстите, и Бога прославите, праздьник украсите!»

Нъ жидове не умълъкняху, глаголюще: «Кто есть ицѣливый тя в суботу? Покажи повелѣвъшаго ти носити одр в праздьник!»

Обрѣте же его пакы Исус в церкви и глагола ему: «Се цѣл еси, к тому не съгрѣшай, да не горе ти что будеть!»[156]

Нъ да не мним, яко тому единому се глагола Христос, нъ всѣм нам, приемъшим крещения благодать, имьже праотечъскыя очистихомъся скврьны и ицѣлени быхом от растьлѣвающаго ны грѣха; нъ яко се бы рекл к ицѣлѣвъшему тому Господь: «Се в тобѣ Адама мозоли исцѣлих, и падъша преступлениемь възведох, и всеродьную того клятву ныня отях, омых скврьну всякого прѣгрѣшения крещениемь, възискав, обрѣтох шьдъшаго в пути неблагы кумирослужения, обязах раны уязвьнаго бѣсовьскыми разбойникы, възльях на язвы его моея кръве вино и масло, и, възьм на тѣла моего скот, вънесох в гостиньницю — святую церковь, дах два срѣбрьника гостиньнику[157] — Новый и Втъхый Закон святителем, да прилежать учениемь людем, обѣщах и мьзду по възвращении моемь спасъшим грѣшьникы. Се цѣл еси и к тому не съгрѣшай, горе бо, — рече, — в разумѣ съгрѣшающому!»

Разумѣйте же вси слова силу, — яко по крещении не велить нам Господь съгрѣшати, да не пакы и истьлим обновленаго Богомь человѣка. По въсприятии же всякого священаго сана — горе съгрѣшающому; реку же, — по мьнишьствѣ, и по иерѣйствѣ, и в самомь епискупьствѣ не боящимъся Бога!

А человѣк ть вѣрьн бѣ, ибо по исцѣлѣнии не въдасть себе в телесныя скврьны, ни похули же Исуса прѣд июдѣи, но в церкви прѣбываше, идеже и обрѣте его Христос. И тъ познав ицѣливъшаго и глагола: «Праведьн еси, Господи, и слово твое истина! Отныня причастьник есмь всѣм боящимъся тебе и хранящим заповѣди твоя»; и иде по всей странѣ повѣдая, яко «Исус есть, иже мя створи цѣла».[158]

Да и мы, братие, Исуса Христа, Бога нашего, прославим, ицѣливъшаго нас от недуг грѣховьных, и к нему вѣрою припадѣм, глаголюще: «Не помяни пьрвых безаконий наших и ныняшьняя очисти съгрѣшения, — ты бо еси всѣх Бог, небесных и земных. Человѣчьскый зижителю, ангельскый творче, цесарю мира всего, архангельскый владыко, хѣровимьскый сдѣтелю, серафимьскый украсителю, помилуй нас, на тя уповающих, да, спасени тобою, славим тя съ Отцемь и съ Пресвятымь Духомь, и ныня, и присно, и в вѣкы!»

ПОСЛАНИЕ НѢКОЕГО СТАРЦА КЪ БОГОБЛАЖЕННОМУ ВАСИЛИЮ АРХИМАНДРИТУ О СКИМѢ

Поклоняние отъ моего недостоиньства къ твоему преподобьству, милый мой господине, всечестный богоблаженый Василие, воистинну славный, великый въ всем мирѣ архимандрите, отче отцемъ, велики во всем мире, вож вышняго пути, тонкоразумноя душе, умом вся богодухновенныя книгы пронорящи, вторый печерьский игумене Феодосие, аще не именем, но, дѣлы и вѣрою, равенъ сый оного святости! Но и паче того провозвеличил тя есть Христос, яко угоднаго своего раба и своеа матери слугу: он бо, наченъ церковь, *позван* бысть Богомъ и к нему отъидеть,[159] *тобою* же не точию церковь бо содѣла, но и стѣны каменыа около святыа лавры созда,[160] идѣже святых жилища и преподобных дворы, беспрестанно поюших Бога въ Троици, славящих во двою существу воплощьшася от Духа Свята и Мариа девица вочеловечьшася, за грѣхы наша *пострадавъша* распятие и смерть.

А о немже, господине, прислалъ ми еси грамоту, аки прошая великаго и святаго скимнаго образа, въ н же издавна облещися желаеши, но не яко невѣды ищеши, но пытаеши моея нищеты, аки достоить учителю ученика и господину раба. Аз же не о собѣ скажю ти о святѣй скимѣ, но от святыхъ книгъ, паче же — отъ самаго Христа притчю извѣщю оного человѣка, о создавшемъ на камени храмъ свой и создавшем на камени свою хлевину.[161]

Не пѣска же разумѣй, ни създание храмины, ни рекъ, ни дождя, ни лютыхъ вѣтръ преражающих създаниа, да слышить мой господинъ Василие о святѣй скимѣ, юже хощеши приати.

Ты создалъ стѣны каменны около всего Печерьскаго монастыря на твердѣ основѣ, высокы и красны, и первое же изъобрѣл еси свое богатьство, тако же огнемъ и плиту устроилъ еси, водою же и калом свершилъ еси. Но оно святое создание не тако, еже съдѣлатися въ храм Богу, вселитися в ню Святому Духу.

Но оно святое хощеши ли створити обитѣль, Святѣй Троици мыслиши положити основу, сирѣч обновитися святую скимою, «разсчести си имѣние»,[162] рѣкши, преж помолися Богу и, сѣд, напиши свой обѣт смыслене, что хощеши до смерти хранити: в недели или в месяци день или два хощеши поститися от брашна или от питиа, или обнощевати въ молитвѣ, или не бесѣдовати съ человекы, или из манастыря въ обѣтный день не исходити, или милостыню ручную творити, или всяко прошение к человекомъ подати, или гнѣвъ отдати. Да аще ты створиши свое первое, а Богъ готовъ отдати свое. Аще ли хощеши взяти без расмотрениа аналаву и куколь,[163] зря инѣх, ож точию величаются скимою — аще бо и тружаются въ постѣ и въ молитвах, но понеже не

имуть тверда основание, да ни дождем, ни ветром, но своим злоумием тѣх падает храмина; овогда же от всякого же въздержатся, овогда же слабо живут, глаголють: «Праздникъ бо есть», или «Дружца деля ясти хощу или пити», или: «Крестьяне звали, а пакы заговѣю» — се есть единъ зижя, а другый разоряа, или омывая от мертвеца и пакы прикасаяся ему. Мнози бо, рече, усушиша тѣло от поста и отъ воздержаниа, а уста их въсмердѣша, но понеже без расмотрениа си творяху, тѣм далече быша от Бога. И Лотъ бо не соблазнися въ Содомѣх со безаконники, а в Сигорѣ съ дщерми осквернися.[164]

А ты в бѣлцѣх и во иночествѣ Богу угодивъ и душеполезно поживъ, а в калугерьское иго иды, апостольскы вся задняа забуди, а на преднея простирайся.[165] Земную печаль акы подѣлие имѣй, а о небеснѣй жизни всегда печися по правилу твоего обѣта. Не яко Лотъ пианьством печали уставити повосхощи, но Христово житие со опытаниемъ подражай. Господь бо, обѣща себѣ всѣмъ апостолом, подаст; а ты всей братии обѣща, сътвори, обще ти будеть Богъ, и обще любы, обще дание, обще вѣнци, да во мнозѣхъ телесѣхъ едину створи душю, всѣх ради мзду приимеши.

Се азъ во твой раль сѣю семѣна, еже суть о боготруды словеса. Ты смотри, да и плевелы здѣ будутъ, злое же семя ис корени исторгни, а мене накажи. Аще ли есть пшеница, а бы не при пути, ни на камяни, ни в тернии сѣялъ.[166] Обаче аще *три* части погибнуть, но надѣюся отъ единоа ты можеши во сто приплодити, Богу ти помогающу, аще съ ним о скимѣ общенути съвѣщаеши.

Все бо веси святых отець житие, яко съ обѣтомъ подвизавши, вечашася. Ничто же бо тѣх храмины не возможеть их порушити, ни честь, ни сан, ни богатьство, ни слава, ни скръбь, ни нужда, ни гонение, ни лѣность; ни сам диаволъ, всяческыи тѣх приразуа, ни возможна обѣтнаго свѣсти дѣла. Но акы мѣдяна секира от суха древа сама ся кажить, диавол бо собѣ золъ, а твердии вѣрою многою вѣнца искушениа собѣ приобрѣтають. А слабый ни диаволом падаеть, но своимъ зломысльством, подвершая добраго начатка дѣло, аки пѣсокъ, злыми мысльми.

Тебѣ же хотящу здати духовную храмину, на вѣрѣ оснуй и зежди надежю, любовь, аки плиту; смѣси цѣломудриемъ, акы водою, тѣлесе твоего калъ, да возвысится, акы храмъ, душа твоя. Подпри ю, акы столпом, Божиею помощью, да еще снидеть различными вещми дождь и рѣкы, пребудут, аки наковална, противу добрым же и злым человеком. Введи въ храмину матерь и жену, еже есть кротость и смирение. Кротость бо угожаетъ Богу, а смирение на небеса возводить. Оградите

же ся отвсюду татей ради, рекше, страхом Божиим и молитвою, и стража пристави, любомудра ума, да аще случить ти ся во градѣ быти, или в народѣ, или в веси, или на торгу, не дай же сердцу в тѣх поплевати мысльми, но акы внутрьуду келиа, поучаяся о разлучении душа от тѣла, се пребудеши, внемля себѣ, акы въ пустыню отшед.

Аще си съ Божиею помощию управиши да не надмешися величаниемъ, инѣх оглаголивая, и тогда свободным окомъ къ умному възрѣвъ свѣту, и узриши Отца свѣтом, яко Иовъ възглаголеши: «Преж убо слухом слышахом, нынѣ же око мое видить тя»;[167] не телѣсное, но духовное; «Въ свѣте лица твоего, Господи, пойдем и о имени твоемъ възрадуемся в вѣкы».[168] Богъ же, господинѣ, утвердит твою душю не соступити обѣта. «Обещайте бо, — рече, — и воздадите».[169] И паче: «Луче не обѣщатися, нежели, обѣщавшися, не воздати».[170] Такоже апостолъ осужает ны, глаголя: «Почто единаче не до кровѣ противистеся, къ грѣху подвизающися».[171]

О всем же семь, мой милый господине и благодетелю, не прогнѣвайся, ни возненавиди мене, не *от ума*, но от безумиа сиа написавшу, но, раздравъ, поверзи. Моа бо словеса, аки паучина, сама ся деруть, не бо могуть к ползѣ сълнути, не имущи *влагы* Святаго Духа. Не бо, яко учитель, отческы и стройно заповѣдаю, но всею простотою бѣседую с тобою, твоей любви и моа отвѣрзающи уста. Ты же избери что хощеши писания, еже ти будеть лутче, *вѣси* бо о всем богоразумно, милый мой господине, честный Василий.

Аз же аще грѣшенъ есмь, молю Господеви здраву ти быти, мирно долгоденьствующу, строящу дом святыя Богородица[172] и служащу Богу достойно, и всегда достигнеши мзду съ всеми святыми, съ праотцы и отцы, съ апостолы и патриархы и преподобными игумѣны молитвами пресвятыя Богородица и святаго Феодосиа, егоже бысть сынъ и настолникъ о Христе Исусѣ о Господѣ нашем.

---

[1] *...буестью крыя господню мнасу* — то есть мину, серебряную монету; согласно притче Христа (Лука, XIX, 12—26), господин дал трем рабам десять мин с тем, чтобы в его отсутствие они пустили их в торговый оборот; оказалось, что один из рабов приумножил капитал в десять раз, другой в пять, третий же раб сохранил полученную монету, завернув ее в платок.

[2] *...возметь свой от него талантъ...* — Талант — вес и монета; согласно другой евангельской притче, как и в предыдущем случае, господин дал восемь талантов трем рабам, и только один из них не пустил свою долю в оборот, закопав талант в землю. Именно этого раба ожидало суровое наказание (Мф. 25, 14—30).

[3] *...Господню притчю сказающе...*— В эпической основе этой повести лежит притча о слепце и хромце, восходящая к древней восточной версии (как считают ученые, талмудической: «Беседа императора Антонина с раввином») и представленная во многих памятниках мировой литературы (ср. сборник «Тысяча и одна ночь», «Gesta Romanorum» и т. д.). Славянская версия появилась в Восточной Болгарии в X в. и широко распространилась в Древней Руси. В изложении Кирилла, в соответствии с его замыслом и системой доказательств, наблюдается стилизация под евангельские притчи, имеются и частные текстуальные заимствования из Матфея, 21, 33 и Марка, 12, 1—2, из евангельских текстов, только внешне похожих на притчу о слепце и хромце.

[4] *...внутрених... внѣшних...*— Это противопоставление пронизывает весь текст повести; автор, развертывая тему, постоянно обогащает антитезу, используя многозначность этих слов в древнерусском языке: внешнее — форма, наружное, неизвестное, чужое, церковь, эдем, светское, иноверное, тьма и т. д.; внутреннее — соответственно содержание, вмещаемое, познанное, свое, алтарь, рай, церковное, христианское, свет. В переводе каждый раз приводится буквальное значение слова в соответствующем контексте.

[5] *«Твоя суть небеса... ты основа»*. — Пс. 88, 12. Здесь, как и во многих других местах повести, Кирилл цитирует неточно, возможно, по памяти, и всегда приноравливает текст к цели своего повествования.

[6] *Вижь, яко...* — Обращение к оппоненту, употребляется в тексте повести при переходе к полемическим частям повествования.

[7] *Се помышления суть ищющихъ не о Бозѣ свѣта сего санов...*— Первый определенный выпад автора против епископа Феодора (см. ниже).

[8] *...чрес закон священьскаго ищеть взяти сана...* — Обличение честолюбивого епископа Феодора Ростовского (по летописи — «Федорца, еретика епископа»), при поддержке князя Андрея Боголюбского добившегося независимости ростовской епархии от киевской митрополии, что соответствовало сепаратистским устремлениям самого князя, деятельность которого с 1160 г. была направлена на отделение ростово-суздальских земель от киевской верховной власти. Попытка разъединения Руси в это тревожное время встретила осуждение со стороны общественного мнения, отраженного, в частности, в данном произведении Кирилла. Самозванный узурпатор «святительского сана» Феодор был выдан киевскому митрополиту и в 1169 г. подвергнут суровой казни как еретик. Повесть Кирилла

насыщена выпадами против Феодора, ср.: «Се церковник недостоинъ ерѣйства...», «Ничто же богови тако любо...», и другие места повести.

[9] *Того древа вкуси Каин...* — Земледелец Каин убил своего брата, пастуха Авеля, когда Бог принял жертву не от него, а от Авеля (Быт. 4, 4—8); в соответствии со своей темой, Кирилл отмечает не факт убийства (первого, совершенного человеком), а зависть Каина к посвященному Авелю. Здесь следует развернутый ряд отрицательных примеров, сопоставляемых с поступками Феодора: левит Корей с прочими восстал против Моисея, утверждая, что все люди святы, а не только святители вроде Моисея; чтобы проверить это, Моисей предложил им совершить службу вместо него, но по слову разгневанного Бога земля поглотила не только отступников, но и их семьи, дома и имущество (Чис. 16); сыновья жреца Илии на глазах молящихся поедали жертвенное мясо и творили другие бесчинства, оскорблявшие чувства верующих (1 Цар. 2) и т. д.

[10] *«Утрудихся вопия, измолчеми гортанъ»*. — Как обычно, неточная цитата из Псалтири, 68, 4: «...я изнемог от вопля, засохла гортань моя». Стилистически Кирилл приближает цитируемые тексты к общему строю повести.

[11] *Разумѣите же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии во иерѣехъ!* — обращение к Андрею Боголюбскому (светский сановник) и к Феодору Ростовскому (сановник церковный). Андрей Боголюбский в год казни Феодора при поддержке одиннадцати князей пошел войной на Киев, с бою взял его, разорил и ограбил, однако на киевском престоле не остался, по-прежнему желая самостоятельносги Ростово-Суздальского княжества. Особенно болезненное отношение представителя Туровского княжества к проискам суздальского князя объясняется двойной зависимостью Турова и от суздальских, и от киевских князей (Андрей некоторое время номинально был туровским князем). Упрекая суздальские власти за попытки раскола Русской земли, Кирилл отражает общерусские интересы того времени; он писал и личные послания князю Андрею, которые не сохранились.

[12] *Сице и Павел изринулъ от святаго жертвеника Уменѣя и Филита...* — Кирилл перечисляет нераскаявшихся новозаветных лиц: Именея и Филита, которые утверждали, что воскресение уже было и поэтому не следует ждать конца света (2 Тим.), блудных священников в Коринфе (1 Кор.), медника Александра, нанесшего апостолу Павлу какую-то личную обиду (2 Тим.). Слова апостола Павла Кирилл немного распространяет в соответствии со своей темой: Павел не говорил о «Судном дне», и т. д.

[13] *Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае...* — В некоторых неканонических текстах рассказывается о христианах, отрекшихся от Христа и потому лишивших себя пребывания в раю: Трефисе из Эфеса, об одном из семи дьяконов-отступников Николае.

[14] *Точию не отчаим себе, яко Июда...* — Иуда, предавший Христа, получил тридцать сребреников, которые хотел положить в храме во

искупление крови; жрецы не приняли этих денег, и тогда, в отчаяньи их бросив, Иуда ушел и удавился. В Евангелии рассказывается также о саддукеях, религиозной секте в Израиле, которые не верили в воскресение после смерти и потому, в частности, требовали женитьбы на жене умершего брата.

[15] *Пишить бо Моисий... «Постави... ангел Божии».* — Даются выдержки из речей Моисея, пророка Иеремии и апостола Павла о «пределах народам» и общности всех народов перед лицом Бога.

[16] *В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть.* — В Книге пророка Иезекииля говорится о видениях и словах пророка, который повелением Бога дал надежду на восстановление Израиля, несмотря на разрушения, болезни и гонения, которые претерпел народ за свои страшные грехи. Здесь Кирилл упоминает слова Иезекииля, который оживил поле, полное сухих костей: «И когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них». Когда же по слову Бога под действием четырех ветров «вошел в них дух,— и они ожили, и стали на ноги свои...» (Иез. 37, 7—8, 10).

[17] *Се же все самъ Творець дѣйствуеть...* — Согласно христианскому учению, жизнь движется по модели, обозначенной Богом: сначала появляется материя, затем ее оплодотворяет дух — смысл соотношения этих субстанций постоянен, но применительно к каждому конкретному случаю он является новым; антитеза души и тела — основное содержание символической части повести — на это указывает и заглавие ее.

[18] *...в кромѣшней мученья темницѣ.* — Обычная для Кирилла игра слов: кромешный — это внешний, в данном случае внешним является мир по отношению к небесам, тело по отношению к душе, княжеская власть по отношению к Божеской и т. д., а также и хромец — вне сада.

[19] *Праздникь от праздника честьнѣй приспѣлъ есть...* — Четвертое Слово Кирилла входит в его цикл торжественных декламаций по поводу пасхальных праздников, для восточных славян совпавших с языческим праздником весны; в начале «Слова...» перечисляются предшествующие события, изложенные в трех других словах: на Вербницу, на Пасху и на Новую неделю.

[20]*...таче Фоминомь испытаниемь...* — Имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна о явлении Христа ученикам по воскресении (20, 19—29); сомневавшегося в реальности Христова воскресения апостола Фому Христос уверил, дав ему вложить пальцы в свои раны.

[21] *Ныня же Иосифа благообразьнааго с мюроносицами похвалим...* — Эпическая основа «Слова...» такова: Иосиф из Аримафеи, член иерусалимского совета и тайный приверженец Христа, просил Пилата отдать ему тело казненного Иисуса и получил разрешение. Вместе с другим тайным сторонником Христа, Никодимом, Иосиф похоронил

тело учителя в своем семейном склепе, вырубленном в скале. Склеп помещался в саду Иосифа, недалеко от места казни, что позволило быстро совершить погребение, и притом на глазах стражников, еще до наступления праздника Пасхи, когда запрещено прикасаться к мертвому телу. Жены, приносившие благовония, чтобы почтить умершего, и некоторые из учеников Христа видели после воскресения Христа двух ангелов, чудесного юношу, истолковавшего им суть происходящих событий. Поэтический плач Богородицы, обличительная речь Иосифа перед Пилатом, его же надгробное слово, сказание юноши при гробе Христа, похвала Иосифу полностью принадлежат Кириллу, причем только речь Иосифа перед Пилатом и похвала Кирилла насыщены библейскими и евангельскими цитатами, несколько измененными или сокращенными Кириллом в соответствии с содержанием текста.

[22] *Ныня же зрю тебе, акы злодѣя...* — По требованию жрецов, Иисус был распят между двумя разбойниками, взамен третьего, Вараввы, которого, по обычаю, помиловали в честь наступающего праздника Пасхи.

[23] *О страньнѣм ти рожествѣ тако не болѣх...* — Согласно древней легенде, отраженной и в Евангелии, Бог на земле рождается у девственницы, незнавшей мужчины (см. далее в тексте).

[24] *Днесь, Симеоне, постиже мя проречение...* — Благочестивому жителю Иерусалима Симеону было предсказано, что он не увидит смерти, пока не повстречается со Спасителем; когда он увидел в храме младенца Христа с Иосифом и Марией, то, вдохновенно признав в младенце Спасителя, произнес знаменитую речь, начинающуюся словами: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, по слову твоему». В числе пророчений, связанных с искупительной жизнью Христа, Симеон дал Марии и следующее: «И тебе самой оружие пройдет душу,— да откроются помышления многих сердец». Эти слова Симеона и обыгрываются в плаче Богородицы, получая новый смысл.

[25] *Вси бо тя оставиша...* — Напуганные возможными карами, ученики и друзья Иисуса покинули его, предали (как Иуда) или отреклись (как Петр). Похвала Иосифу, которой кончается Слово, отмечает мужество Иосифа, не устрашившегося возможного наказания за свои действия: во всей античной литературе подобные действия считались героическими.

[26] *...его же Сыномь Божиемь нарицяхуть книжьници...* — Намек на споры о божественном или царском ранге Спасителя.

[27] *...о нем же, провидя, Захария тако написа...* — В Книге Пророка Захарии говорится о «высокой цене, в какую они оценили меня» — тридцать сребреников, которые Захария по велению Бога бросил в храм для горшечника. В этих монетах видят прообраз тех тридцати сребреников, которые получил Иуда за предательство Христа, хотя сребреники Иуды в храме не приняли: на них купили землю горшечника (скудельника), чтобы хоронить там нищих.

[28] *...о нем же прорече Каияфа...* — Иерусалимский первосвященник Каиафа во время разбирательства дела Христа сказал: «Лучше для нас, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», и предсказал, «что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божьих собрать воедино» — «с этого дня положили убить его»,— добавляет евангелист. Тема неотвратимой жертвенности, основная в этом «Слове...» Кирилла, обосновывается всесторонне и тщательно.

[29] *...о нихъ же рече Иеремия...* — В Книге Пророка Иеремии говорится о том, что пастухи (т. е. скотоводы) растоптали и разрушили сады (творение рук земледельцев): «Истоптали ногами участок мой, любимый участок мой, сделали пустой степью, сделали его пустынею, и в запустении он плачет, передо мною вся земля опустошена, потому что ни одни человек не прилагает этого к сердцу... они сеяли пшеницу, а пожали терны; измучились и не получили никакой пользы...» (Иер. 12, 10—13). Кирилл относит эту характеристику к первосвященнику Каиафе, «пастуху», истребившему «ниву Божью».

[30] *И пакы псалом глаголеть о них...*— В начале Псалтыри говорится о царях земных, которые сговариваются против Бога и Христа, чтобы свергнуть гнет духовной власти, «свергнуть с себя оковы их». В Псалтыри этот мотив повторяется неоднократно.

[31] *Си бо рече Соломон...* — Многомудрый царь Соломон, предполагаемый автор некоторых текстов Библии.

[32] *«Аз есмь Живот и Истина».* — Здесь и ниже речь идет о словах Иисуса, заявившего, что Пилат не имеет власти судить его.

[33] *...моляше своя жена, глаголющи...* — Во время суда над Иисусом Пилат получил известие от жены, что во сне она видела дурное предзнаменование на случай, если он осудит Христа.

[34] *...ему же въходящю въ Иерусалим...* — Когда Иисус прибыл в Иерусалим на молодом осле, народ восторженно встретил его; поэтическая картина этого события дана Кириллом Туровским в его «Слове на антипасху».

[35] *...ад отпусти душю Лазоря...* — Речь идет о Лазаре из Вифании, которого Иисус воскресил из мертвых; об этом рассказывается в Евангелиях от Луки и от Иоанна (12, 1).

[36] *...писа в законѣ Моиси...*— В Пятой книге Моисея (Второзаконии) говорится о возможном проклятии Израиля Богом за непослушание: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей. От трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: “О, если бы пришел вечер!”, а вечером скажешь: “О, если бы наступило утро!”» Позднее символом жизни, висящим перед глазами, церковь сделала Христа на кресте — на это и намекает Кирилл.

[37] *...о немь же Исаия къ Ахазу глаголаше... ему имя: С нами Бог»...* — Бог устами пророка Исайи предрек иудейскому царю Ахазу рождение Христа непорочной девой: «И нарекут имя ему: Еммануил», что значит: «С нами Бог» (Ис. 7, 14).

[38] *...о немь же Давыд прорече...* — В Псалтыри царь Давид говорит: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище...» (21, 17—18) — как и в прочих ссылках этой речи Иосифа, Кирилл относит эти слова к распятому Христу.

[39] *...о немь же глаголеть пророк...* — Приводятся слова пророка Исайи, но в оригинальном словесном оформлении самого Кирилла, а не в древнерусском переводе.

[40] *...избѣгающе въпияху бѣси...* — Слова, приводимые в тексте, согласно Евангелию произносили бесы, изгоняемые из бесноватых повелением Христа.

[41] *...на Иерданѣ крестящюся ему...* — Приводимые слова сказаны Богом в момент крещения Христа в реке Иордан.

[42] *«Яко овча на заколение веденъ бысть»...* — Слова сказаны пророком Исайей; оттуда же взята и следующая цитата о страданиях, понесенных Спасителем за людей (Исайя. 53, 4, 5, 12).

[43] *«И ты въ кръви завѣта своего испустил еси ужникы своя от рова, не имуща воды».* — Цитата из Книги Пророка Захарии — намек на бесполезность тела распятого Христа для Пилата.

[44] *...пьрсьтии принесъше цесари...* — После рождения Христа убедиться в его появлении пришли восточные цари (волхвы), наведенные на ясли младенца светом вифлеемской звезды.

[45] *И положиша и въ гробѣ, и привалиша камень великъ къ дверем гробу.* — По приказанию Пилата у склепа на три дня была поставлена стража, а вход в нее — запечатан, чтобы тело не могли выкрасть и потом фальсифицировать воскресение из мертвых. Кирилл не останавливается на этом факте, но замечает, что две Марии наблюдали за погребением издали, что *каменьемь с печатьми утвьржен бысть*, что *стражьми стрѣгомъ* был Иисус, но вышел, не тронув печатей, к *омьртвѣвъшим воиномъ*. Считая известной слушателями читателям эпическую основу этих событий, Кирилл касается их только намеками, оценкой различных действующих лиц. Монологическая форма изложения и символический подтекст композиции требовали устранения или редукции фактической основы повествования.

[46] *Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста, кде и́ пологаху.* — У разных евангелистов содержатся различные сведения о личности второй Марии; стилистическое предпочтение Кирилла символике числа три ведет его к необходимости избрать вариант с тремя Мариями, одна

из которых — Богородица (в Евангелии от Иоанна речь идет только об одной Марии, пришедшей к гробу Христа).

[47] *...вся въкупѣ жены с мюромь...* — Среди женщин, приходивших к гробнице, перечисляются Мария Магдалина, Мария, мать Иакова и Иосии, а также Саломия и Иоанна.

[48] *...яко же глаголеть Матфѣи... ...о техъ бо Лука написа тако... Марко же о всѣхъ повѣдаеть...* — Кирилл перечисляет евангелистов, которые различным образом повествуют об описываемых событиях.

[49] *...тѣмь же Иоан Фелогъ рече...* — Речь идет об Иоанне Богослове, почитаемом на Руси отцом церкви.

[50] *...яже за Адама въ тьлю падша пострада...* — Согласно христианскому учению, Христос пришел на землю, чтобы искупить своей смертью грехи первого человека — Адама.

[51] *На тръсти губою оцьта съ золчию въкуси...* — Через несколько часов после распятия Иисус воскликнул, что жаждет. Вкусив уксуса, поднесенного к его устам в губке на копье, он умер. Солдаты пронзили ему копьем ребра, и из ран потекла лимфа (вода) с кровью. На конкретной картине казни Кирилл еще раз строит развернутый символический образ искупления.

[52] *Блажен еси, Иосифе, паче патриарха Аврама, Исака и Якова!* — Перечисляются наиболее чтимые иудейские патриархи, упомянутые в Библии.

[53] *...его же образа не търпя зрѣти въ Хоривѣ Моиси...* — В молодости Моисей, пася овец у горы Хорив, впервые услышал голос Бога из неопалимой купины; Моисей закрыл лицо руками, боясь увидеть Бога.

[54] *...тѣма и на Фаворѣ съ Илиею видѣвъ Христа...*— В Евангелии от Матфея рассказывается, как Христос повел на высокую гору Фавор трех апостолов и те увидели рядом с ним патриархов Илью и Моисея; это преображение Иисуса убедило апостолов, что Христос — сын Божий.

[55] *Давыд бо от Силома кивот съ Божиемь словом принесе...* — Не Давид, а Самуил перенес ковчег с заветом из Силома на место сражения иудеев с филистимлянами (1 Цар. 4); смешенне имен возникло от того, что в исходе этой войны именно благодаря Давиду была достигнута победа иудеев над врагами.

[56] *Подаждь, святе, всѣмъ нам твою помощь...* — Заключительная молитва святому за город, князя и народ,— факт, необычный для торжественных Слов Кирилла и известный только в этом Слове.

[57] *...к Василию, игумену Печерьскому...* — Игумен Киево-Печерского монастыря (с 1182 г.) Василий был постоянным корреспондентом Кирилла Туровского, к нему обращено и Послание Кирилла о схиме (см. на с. 198). Как сообщают летописи, Василий был поставлен в игумены

из попов-бельцов: до пострижения и возведения в игуменский сан (что произошло одновременно) он был настоятелем храма в одном из районов Киева — «на Щекавице», стал игуменом по выбору Киево-Печерской братии.

[58] *...«Блажены, иже обрѣте мудрость... разум житьа сего».* — Притч. 3, 13.

[59] *...«Да не будеть бѣгство ваше зимѣ, ни в суботу»...*— Мф. 24, 20.

[60] *...«Възмѣте бо... вся оружиа Божиа... в день лют».*— Еф. 6, 13.

[61] *Петра бо от церкве за нь... молитва от темници и вериг избави.* — Здесь автор имеет в виду событие, описанное в Деяниях апостольских: когда апостол Петр был посажен под стражу, «церковь прилежно молилась о нем Богу»; и тогда ангел Господен явился к нему в темницу и чудесным образом, незримо для стражи, вывел его на свободу (см. Деян. 12, 3—10).

[62] *...«Паче силы оскорбѣша ны в Асии... но Бог избави ны вашими молитвами».* — Ср. 2 Коринф. 1, 8—11.

[63] *...Исаия... смерть Иезекии от Бога подав... сдравие тому же Иезекыи принесе... и граду избавление... Давыда ради отрока твоего».* — Здесь автор имеет в виду событие, описанное в Четвертой книге Царств: к тяжело заболевшему царю Иудейскому Езекии явился пророк Исаия и возвестил слова Господа Бога о том, что царь умрет; но после того, как Езекия горячо помолился, Господь велел пророку возвратиться к царю и сказать ему, что он исцелит его и спасет от ассирийского царя Иерусалим «ради Давыда, раба его» (См. 4 Цар. 20, 1—6).

[64] *...трие отроци моляхуся, глаголюще: «Авраама ради възлюбленаго... и Израиля святаго твоего»... и в пламени не изгорѣвше изидоша.* — Речь идет о трех вавилонских отроках, Анании, Азарии и Мисаиле, брошенных нечестивым царем Навуходоносором в разожженную печь за то, что они не пожелали поклоняться золотому идолу, воздвигнутому царем; в печи отроки славили единого Бога и молили его о спасении «Авраама ради, возлюбленного тобою, ради Исаака, раба твоего, и Израиля, святого твоего»; и явившийся им в печи ангел Божий сделал для них огонь прохладным, и они невредимыми вышли из огня (см. Дан. 3, 1—93).

[65] *...«Благо мнѣ...да научюся оправданием твоим»...* — Ср. Пс. 118, 12, 26, 64, 68, 124, 135.

[66] *...«Обѣщайте бо ся... и въздадите»...* — Пс. 75, 12.

[67] *...«Въздам тобѣ обѣты моя, иже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя в печали моей».*— Пс. 65, 13—14.

[68] *...«Сказание бо словес твоих просвѣщаеть и разум даеть младенцем».* — Пс. 118, 130.

[69] *...«Възведохъ очи мои в горы твоя, отнуду же приде помощь мнѣ».* — Пс. 120, 1.

[70] *...«Господь съхранить вхожение мое и исхожение отселѣ и до вѣка».* — Пс. 120, 8.

[71] *...«В нощех бо въздежете рукы ваша в святая и благословите Господа»...* — Пс. 133, 1—2.

[72] *...«Полунощи въстах исповѣдатися тебѣ».* — Пс. 118, 62.

[73] *...«Тако да просвѣтится свѣт вашь пред человѣкы, яко да узрять дѣла добрая ваша и прославять Отца вашего, иже есть на небесех».* — Мф. 5, 16.

[74] *...«Рѣх бо,— рече,— схраню пути моя, да не съгрѣшу языком моим, онемѣх и смирихся, и умолчах от благ».* — Пс. 38, 2.

[75] *«Аз же яко глух, и не слышах, и акы нѣм, не отверзох уст своих»...* — Пс. 37, 14.

[76] *...«Бог ны апостолы послѣдняя яви акы насмертникы, яко позору быхом всему миру»...* — 1 Кор. 4, 9.

[77] *...«Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христѣ».* — 1 Кор. 4, 10.

[78] *...«Иже бо мякъкая носять, си в домѣх царьскых сутъ»...*— Мф. 11, 8.

[79] *...«Глас радости и веселиа в селѣх праведник»...*— Пс. 117, 15.

[80] *...«Праведници в вѣкы живут, и мзда им от Господа»...*— Ср. Пс. 36, 29.

[81] *...«Богатьство иже мимотечеть, не прилагайте сердца»...* — Пс. 61, 11.

[82] *...«Не помилую бо всѣх творящих беззаконие»...* — Ср. Иез. 24, 14.

[83] *...«Того ради забых снѣсти хлѣб мой от гласа въздыханиа моего».* — Пс. 101, 5—6.

[84] *...«близ бо Господь всѣх боящихся его... молитву их услышить»...* — Ср. Пс. 144, 18—19.

[85] *...«се красен добротою паче сын человѣческ»...* — Пс. 44, 3.

[86] *...«щедр... и милостив Господь»...* — Пс. 102, 8.

[87] *...«не придох, да ми послужать, но да послужу и положу душу свою избавление за многы».* — Мф. 20, 28; Мф. 10, 45.

[88] *...«И се человѣк высок стояше на твердѣм камени, призывая страны и питаа своя»...* — Источник этой цитаты нами не обнаружен.

[89] *...«Иже кто ясть хлѣб ось и пиеть чашю Господню, недостоин сый, грѣх собѣ ясть и пиеть, повинен есть тѣлу и крови Господни».* — 1 Кор. 11, 27.

[90] *...«Блажени, имже отпущена суть безакониа, имже прикрышася грѣси, имже не вмѣнить Господь грѣха»...* — Пс. 31, 1—2.

[91] *...«Веселитеся о Господѣ и радуйтеся, праведники!»* — Пс. 31, 11.

[92] *...«радость бо бывает на небеси о единомь грѣшници кающимся»...* — Лк. 15, 7.

[93] *...«радуйте бо ся со мною, яко обрѣтох погыбшюю драхму».* — Лк. 15, 9.

[94] *...«О, суетие, суетою буди!»* — Ср. Ек. 1, 2.

[95] *«Не спасется... царь многою силою»...* — Пс. 32, 16.

[96] *...«Оженивыйся печется женою, како угодити женѣ, а неоженивыся печется, како угодити Богови»...*— 1 Кор. 7, 32—33.

[97] *...Феодоса игумена Печерьскаго, иже в Киевѣ...* — Имеетсяв виду основатель русского монашества, игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий (ум. 1074 г.) См. Житие и его Поучения в наст. изд., т. 1.

[98] *...«Приемляй праведника во имя праведниче мьзду праведничю приемлеть»...* — Мф. 10, 41.

[99] *...«Приемляй... вас мене приемлеть»...* — Мф. 10, 40.

[100] *...«Не бойся, малое стадо, яко благоволи Отець мой дати вамь царствие небесное»...* — Лк. 12, 32.

[101] *...«иже бо оставить отца и матерь и имѣние имени моего ради, стократицею приимет и жизнь наслѣдить».* — Мф. 19, 29.

[102] *...«Творяй ангелы своя духы и слугы своя огнь полящь».* — Пс. 103, 4.

[103] *«Иже бо душю свою погубит моих ради словес, обрящет бо ю в вѣчном животѣ».*— Лк. 17, 33.

[104] *...«взискающии его не лишатся от всякого блага».* — Пс. 33, 11.

[105] *...«и приведутся царю дѣвы по ней».* — Пс. 44, 15.

[106] *...«Слыши, дщи, и вижь, и приклони ухо твое, и забуди люди товя, и дом отца твоего, и въсхощеть царь добротѣ твоей, аще и черна еси».* — Пс. 44, 11-12.

[107] *«Смагла есмь, но добра».* — Песнь. 1, 4.

[108] *...«Вся слава дщерѣ царевѣ внутрьуду».* — Пс. 44, 14.

[109] *...остави вы... на горах 90 и 9 и снидох погыбшиѣ сде ища...* — Ср. Мф. 18, 12; Лк. 15, 4.

[110] *...«лицу твоему помолятся богатии людстии».* — Пс. 44, 13.

[111] *...«не остави мене, ни отступи от мене»...* — Ср. Пс. 37, 22.

[112] *...«И тъ яко пастух, упасеть стадо свое и в руцѣ свои сбереть агньца и в утробѣ имущая утѣшить».*— Ис. 40, 11.

[113] *«Бес подвига никтоже вѣнчаеться».* — Ср. 2 Тим. 2, 5.

[114] *...«Отче святый, не о мирѣ молю, но о сих, яже дал еси мнѣ, съблюди аво имя твое; да идеже буду и аз, ту и си будуть съ мною, никто же от них погибнеть, токмо сын погыбелный!»* — Ср. Иоан. 17, 9. 10. 12. 24.

[115] *...яко Божия слугы, въ тръпѣнии мнозѣ свое сдевающе спасение.* — См.: 2 Кор. 6, 4.

[116] *...и расыплются кости наша при адѣ.* — Ср. Пс. 140, 7.

[117] *...«Коль сладка... словеса твоя... устомь моим».* — Пс. 118, 103.

[118] *Недѣля Цвѣтная.* — Цветной, или Цветоносной, неделей (то есть воскресеньем) называется последнее воскресенье Великого поста перед Страстной седмицей — двунадесятый праздник в честь входа Господнего в Иерусалим, когда дети еврейские встречали Христа, пришедшего в город с учениками из Вифании (селения близ Иерусалима), где жил со своими сестрами воскрешенный Лазарь, цветущими пальмовыми ветками — ваиями (отсюда название этого праздника — «неделя цветоносная», или «неделя ваий»). На Руси с древнейших времен принят обычай приносить в этот день в храм вместо пальмовых веток вербу и освящать ее (потому — «вербное воскресенье»). Вербному воскресенью предшествует Лазарева суббота, день, когда празднуется воспоминание о воскрешении Христом четверодневного Лазаря.

[119] *Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всѣд на жребя осля...* — См. Мф. 21, 1—9; Мр. 11, 1—10; Лк. 19, 29—38; Иоан. 12, 12—19.

[120] *...«Радуйся зѣло, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребець ун!»* — Зах. 9, 9. Ср. Мф. 21, 5; Иоан. 12, 15.

[121] *...«Лазоря из гроба возва и от мертвых въскреси и».* — Иоан. 12, 17. См. Иоан. 11, 1—46.

[122] *...апостоли на жребя своя ризы възложиша....* — См. Мф. 21, 7; Мр. 11, 7; Лк. 19, 35.

[123] *...«Вселю бо ся в ня и похожю, и буду им Бог, и ти будуть мнѣ люди».* — 2 Кор. 6, 16.

[124] *...народи постилають по пути ризы своя, друзии же... вѣтвѣ постилаша.*— См. Мф. 21, 8; Мр. 11, 8; Лк. 19, 36.

[125] *...«Аз бо есмь путь, истина и живот».* — Иоан. 14, 6.

[126] *...«Осана сыну Давыдову! Благословен грядый во имя Господне!»* — Мф. 21, 9.

[127] *...Бог Господь и явися нам!* — Пс. 117, 27.

[128] *Аньна и Каияфа* — первосвященники иудейские. Когда Исуса Христа взяли в саду Гефсиманском, его привели к ним (см. Иоан. 18, 13—24).

[129] *...о немже заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: «От племене твоего, Июдо, изидетъ владыка небеси и земли, и тъ упование языком, привязая лозѣ жребя свое»...* — Ср. Быт. 49, 10—11.

[130] *...«Из уст младенець съсущих свершил еси хвалу»...* — Пс. 8, 3; Мф. 21, 16.

[131] *...«Веселися, Еросалиме, и уравнай путь Богу твоему, яко придеть в церковь свою, творяй чюдеса и дая знамения»...* — Ср. Соф. 3, 14—15.

[132] *...«Уже бо,— рече,— нѣсть ми хотѣнья в сынѣх Израилевых, явѣ бых не ищющим мене и рку не людем моим: «Людье мои вы есте».*— Ср. Ис. 65, 1.

[133] *...яко блудница... того пречистѣи лобызающе нозѣ...* — См. Мф. 26, 7; Лк. 7, 37—38.

[134] *...«На руку своею написах стѣны твоя, Иеросалиме, и вселюся посреде тебе».* — Ис. 49, 16.

[135] *...егоже днесъ сам Бог въспомянул...* — Четвертая неделя по Пасхе посвящена в годичном богослужебном цикле воспоминанию о чуде исцеления Исусом Христом расслабленного у Овчей купели. См. об этом: Иоан. 5, 1—15.

[136] *Глаголеть бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовьска праздьника...* — См. Иоан. 5, 1; 7, 10, 14.

[137] *...лестьца его и блазнителя нарицающе.* — См. Иоан. 7, 12.

[138] *...к Силуамстей вододьрьжи, иже нарицаеться Вифезда, сиречь Овьча купѣль...* — См. Иоан. 5, 2; 9,6, 11.

[139] *Над сим бѣ храм, пять притвор имѣя, и ту лежаше множьство болящих, хромых же и слѣпых, и инѣми недугы болящеи, чающе движения водѣ; ангел бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущении первое вълѣзый цѣл бываше.* — См. Иоан. 5, 2—4.

[140] *...приде к Овчи купѣли и видѣ человѣка раслаблена... и въпроси его, глаголя: «Хощеши ли сдрав быти?» «Ей,— рече,— Господи! Хотѣл бых, нъ не имѣю человѣка, да бы по възмущении ангеловѣ въвергл мя бы в купель».*— См. Иоан. 5, 5—7.

[141] *...превъзидоша безакония моя главу мою.* — Пс. 37, 5.

[142] *...и не тако пси Лазоревы облизаху струпы...* — Имеется в виду евангельская притча о богаче и Лазаре. См. Лк. 16, 21.

[143] *...яко злѣ расточих даное ми в раи богатьство, и змьемь в Едемѣ украдена ми бысть чистоты одежа...* — Расслабленный здесь олицетворяет, по Кириллу Туровскому, все человечество, несущее бремя первородного греха, унаследованное от прародителей Адама и Евы.

[144] *...Енох и Илия... възята... быста на колесници огньнѣ и прѣбываета идеже Бог вѣсть...* — О благочестивом патриархе допотопного мира Енохе и о пророке Илье Библия сообщает, что они чудесным образом были переселены на небо, не познав смерти. См. Быт. 5, 24; 4 Цар. 2, 11.

[145] *...Моиси... послѣ же съгрѣши к Богу и не въниде в землю обѣтованную...*— Автор имеет здесь в виду то, что Моисей не удостоен был от Бога войти в землю обетованную и умер прежде, чем народ израильский вступил в нее. См. Быт. 34, 4—6.

[146] *...Соломон премудрый... женами прѣльстивъся, погыбе.* — В последние годы своего царствования Соломон уклонился от веры в единого Бога и стал служить языческим богам; в его гареме содержалось до семисот жен и трехсот наложниц, большей частью из языческих народов. См. 3 Цар. 11, 1—43.

[147] *...яко отроча родиться, сын Вышняго, и дан бысть нам, и тъ болѣзни и недугы наша понесет.* — Ср. Ис. 9, 6.

[148] *...не придох бо, да ми послужать, нъ да послужю.*— Ср. Мф. 20, 28.

[149] *...«Бози будуть и сынове Вышняго вси».* — Пс. 81, 6.

[150] *...кляхъся Аврамови, глаголя: «Осѣмени твоемь благословяться языци, в Исацѣ же будеть ти племя, и в томь въплътивъся, отложю обрѣзание, створю же брѣжю воду, многа чада поражающю крещениемь»...*— Ср. Быт. 21, 12; 22, 16—18.

[151] *...«яко протържеся вода в пустыни».*— Ис. 35, 6,

[152] *Лазоря, уже раскысѣвъша в гробѣ... словомь жива створих...* — См. Иоан. 11, 1—44.

[153] *...«Въстани, и възми одр свой, и иди в дом свой!»* — Ср. Иоан. 5, 8.

[154] *...«Субота есть, и недостоить ти взяти одра!»* — Иоан. 5, 10.

[155] *...нъ иже мя есть створил цѣла, тъ мнѣ рече: «Въстани... и ходи!»* — Иоан. 5, 11.

[156] *Обрѣте же его пакы Исус в церкви и глагола ему: «Се цѣл еси... да не горе ти что будетъ!»* — Иоан. 5, 14.

[157] *...обрѣтох шьдъшаго в пути неблагы... обязах раны уязвьнаго бѣсовьскыми разбойникы... възьм на тѣла моего скот, вънесох в гостиньницю... дах два срѣбрьника гостиньнику...*— Здесь Кирилл Туровский использует евангельскую притчу о милосердном самарянине (См. Лк. 10, 30—35), трактуя ее как иносказание о спасительном промысле вочеловечения Исуса Христа.

[158] *...повѣдая, яко «Исус... мя створи цѣла».* — Ср. Иоан. 5, 15.

[159] *...он бо, наченъ церковъ, позван бысть Богомъ и к нему отъидеть...* — Закладка каменной церкви Успения Богородицы в Киево-Печерском монастыре произошла на последнем году жизни Феодосия Печерского (в 1073 г.), достраивался же храм уже после его смерти; об этом рассказано в Житии Феодосия Печерского (см.: наст. изд., т. 1), в Повести временных лет (см.: там же) и в Киево-Печерском патерике (см.: наст. изд. т. 4).

[160] *...но и стѣны каменыа около святыа лавры созда...* — Настоящее Послание является единственным историческим источником, донесшим до нас свидетельство о том, что вокруг Киево-Печерского монастыря в XII в. была возведена каменная ограда. Во времена Феодосия Печерского монастырь имел деревянную ограду: в Повести временных лет сказано: «и монастырь огородиша столпеемь». При татарском нашествии каменная стена была разрушена и монастырь был снова обнесен деревянной оградой. Последняя каменная стена вокруг Киево-Печерского монастыря была построена в 1698 г. (см.: *Евгений*. Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1847. С. 35.).

[161] *...отъ самаго Христа притчю извѣщю о... создавшем на камени... свою хлевину.* — Имеется в виду евангельская притча о доме, построенном на камне (см.: Мф. 7, 24—25; Лк. 6, 47—48).

[162] *...«разсчести си имѣние»...* — Лк. 14, 28.

[163] *...аналаву и куколь...* — Речь идет об одеждах, составляющих монашеское облачение: аналаве — четвероугольном плате с

изображением орудий страданий Исуса Христа, носимом иноками на груди и плечах, и куколе — головном покрове.

[164] *И Лотъ бо не соблазнися въ Содомѣх со безаконники, а в Сигорѣ съ дщерми осквернися* — См. Быт. 19, 1—36.

[165] *...вся задняа забуди, а на преднея простирайся.*— Ср. Фил. 3, 13.

[166] *...а бы не при пути, ни на камяни, ни в тернии сѣялъ.*— См. Мф. 13, 4, 6, 7.

[167] *...«Преж убо слухом слышахом, нынѣ же око мое видитъ тя»...* — Иов. 42, 5.

[168] *...«Въ свѣте лица твоего, Господи, пойдем и о имени твоемъ възрадуемся в вѣкы».* — Пс. 88, 16—17.

[169] *...«Обещайте и воздадите».* — Ср. Пс. 75, 12.

[170] *...«Луче не обѣщатися, нежели, обѣщавшися, не воздати».* — Ек. 5, 4.

[171] *...«Почто единаче не до кровѣ противистеся, къ грѣху подвизающися»*. — Евр. 12, 4.

[172] *...дом святыя Богородица...* — Кирилл Туровский называет Киево-Печерский монастырь домом Богородицы по монастырскому храму во имя Успения Богородицы.

ПЕРЕВОД

ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ И ТЕЛЕ

КИРИЛЛА-МОНАХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ, И О ТЕЛЕ, И О НАРУШЕНИИ БОЖЬЕЙ ЗАПОВЕДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, И О СТРАШНОМ СУДЕ, И О МУЧЕНИИ

Господи, благослови, отче!

Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого писания смысл: это и душу делает целомудренной, и к смирению направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет, и самого человека делает благодарным, и на небеса к Божьим заветам мысль устремляет, и к духовным трудам тело укрепляет, и пренебрежение к этой земной жизни, и богатству, и славе дает, и все житейского мира печали

отводит. Потому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, Божьим насытясь словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь: если она и невидима, зато вечна и конца не имеет, прочна и недвижима. Давайте не просто проговорим, языком написанное произнося, но, с рассужденьем вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно — сокровище вечной жизни. Если бы здесь кто нашел земное сокровище, то на все и не посягнул бы, но лишь один драгоценный камень взял бы — и вот уже без печали питается, как до самой смерти богатство имеющий. Так и нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и самого спасителя Христа сохраненных речей, ум истинный, размышляющий,— уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Сюда и подходит евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое, и новое»; если же от тщеславия, большим угождая, малыми пренебрегает, дерзко скрывает серебро господина, не пустив его в оборот при жизни, чтобы удвоить царское серебро — человеческие души, то, узря горделивый его ум, возьмет Господь от него свой талант; ибо сам Он гордым противится, смиренным же дает благодать. Если же мира сего властелины и в житейских делах погрязшие люди усердно требуют книжного знания, то насколько больше следует нам учиться у них и всем сердцем в него погрузиться, познавая речи Господни, о спасении душ наших писанные! Но затрудняется мой неясный ум, слабый разум имея, не может нужных слов изложить по порядку и подобен слепому стрелку, над которым смеются, ибо не может попасть в свою цель. Пусть же не от себя изложу я необученным языком, но из священных извлекая писаний; с великой боязнью евангельских решаюсь коснуться речей, для начала Господню притчу сказав так, как Матфей ее церкви донес.

Начало. Сказал Господь. Был один домовитый человек; он насадил виноградник, и оградил стеной, и выкопал яму для отжимки вина, оставил вход — устроил и ворота, но не затворил входа. И возвращаясь домой, сказал он: «Кого оставлю я сторожем моего виноградника? Если оставлю кого-то из служащих мне рабов, то, зная мою снисходительность, расточат они мое добро. Но вот что сделаю: приставлю к воротам хромца и слепца. Если кто из врагов моих захочет обокрасть мой виноградник, то хромец увидит, а слепец услышит. Если же кто-нибудь из них двоих захочет войти в виноградник, то хромец, не имея ног, не сможет проникнуть внутрь; слепец же, если и войдет, то, заплутав, в пропасти расшибется». И, посадив их у ворот, дал им власть надо всем, что вокруг виноградника, и пищу и одежду приготовил легкую. «Только, — сказал, — того, что внутри виноградника, не касайтесь без моего повеления». И потом ушел, сказав, что вернется со временем, тогда и плату им за работу с собой принесет, но пригрозил им наказанием, если те запрет его преступят. Оставив их здесь, снова обратимся к словам Евангелия, словесный плод на умственном пиршестве вашим очам предлагающего.

Истолкование. Домовитый человек — Бог Всевидец и Вседержитель, сотворивший все словом, видимое и невидимое. Домовитым он называется, ибо имеет не только дом, согласно Писанию. Говорит ведь пророк: «Твои небеса и твоя земля: вселенную и пределы ее ты основал», и еще: «Небо мне — престол, а земля — подножие ногам моим». Моисей же под твердью понимает дно вод, а Давид ставит воду превыше небес. Но посмотри в Писание и вдумайся: везде дома Божьи, и не только в твари, но и в людях. «Ибо вселюся я, — сказал, — в них». Так же и было: сошел он, и вошел в плоть человеческую, и вознес ее от земли до небес, и престолом Божьим стала плоть человеческая; на вышнем небе престол тот стоит. А что насадил виноградник — так это рай: ибо это и есть его труд. Пишется же: «И насадил Бог рай в эдеме». А что оградил его, — говорит, — стеной — своим устрашеньем. «Устрашеньем его, — говорит пророк, — движется земля, рассыпаются камни, звери трепещут, горы дымятся, светила раболепно служат, облака и воздушные твари предначертанное исполняют». Стена же — значит закон. Закон — всем Божий завет. «Предел же, — сказал, — положил, которого не перейдут и не передвинут». Но оставил вход, то есть знание разуму: никакая тварь не нарушит Божьего повеления. «Все ведь, — сказал, — от тебя ожидают: ты дашь им пищу, и вовремя». Пищей же не еда называется, но слово Божие, которым всякая тварь питается. Ибо говорит Моисей: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из Божьих уст». Незапертые же ворота — чудесных Божьих созданий порядок, и чрез это — познание сущности Бога. «Через создание же, — сказал, — творца познай: не свойство, но величие, и силу, и славу, и благодать, которую творит самовластно, угождая всем вышним и нижним, видимым и невидимым. Если же и зовется Христос человеком, то не по виду, а иносказательно: никакого подобия Божьего не может иметь человек. Решается же Писание и ангелов людьми называть — но словом, а не подобьем. Если же соблазняются некие, слушая Моисея, говорившего: «Сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и подобию», — и прикладывают к бесплотному тело без пригодного разума, то есть это ересь и доныне у тех, кто считает Бога подобным человеку, который никак не описывается и пределов свойств не имеет. Однако, это оставив, о прежнем скажу.

И возвращаясь домой, «кого, — сказал он, — оставлю я сторожем дома моего?» Эти вопросы — Отца и Сына и Святого Духа — не о созданиях, но о владельце созданий, то есть о господине, которому пожелал передать землю и все живое покорить; не ангелам же предназначил он вселенную, и так далее. «Приставлю, — сказал, — к воротам хромца и с ним слепца». Кто это — хромец и слепец? Хромец — это тело человеческое, слепец же — душа. Сначала Бог создал тело Адама бездушным, потом же — душу. Создав же тело, говорит Писание: «И вдунул в лицо его жизненный Дух». Оттого-то тело без души хромо и не зовется человеком, но трупом. Вникни здесь и пойми Книгу Бытие. Сотворил Бог тело вне рая и внес его в эдем, а не в рай. Эдем же и

значит пища. Как и всякий, зовущий на пир, прежде приготовит обильную пищу и потом лишь приведет званого, — так же и Бог сначала приготовил ему для жилья эдем, а не рай. Рай ведь — место святое, как и в церкви алтарь. Церковь же для всех открыта. Она всем нам мать, порождающая всех крещением и легко питающая всех в ней живущих, одевающая и радующая всех, вошедших в нее. Ибо говорит пророк: «Вот служащие церкви поедят и насытятся». И снова: «О чада церковные, сосущие из сосцов ее жир и масло, окропите радостью ваши головы», и Давид: «Напьются, — сказал, — от обилия дома твоего, и потоком пищи твоей напоишь их». И еще: об облачении священников и одежде монахов: «Служители твои, Господи, облекутся в правду», и прочее. Монаху же: «Снял с меня тягостные и уродливые одежды, и одел меня в спасение, и препоясал меня радостью». Воспойте же, сказано, Господу новую песнь — хвалите в церквах его добродетельными. И вот действительно так: из священников — епископ, и из монастыря — монах. Видишь теперь, что епископия и монастырь — эдем, то есть беспечальная жизнь; алтарь же свят как эдемский рай, в который трудно войти, хотя и ворота незамкнутые имеет. Так был посажен хромец со слепцом у ворот стеречь то, что внутри, как приставлены и патриархи, архиепископы, архимандриты меж церковью и алтарем стеречь святые тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей. Послушайте же со вниманием, мы по порядку речь нашу скажем, а вы со вниманием следите. Хотя беспорядочный ум у меня и язык грубоват, но, надеясь на ваши молитвы, прошу дара слова. Хотя и недостоин я об этом говорить, но для пользы слушающих напишу. Если же кто с пристрастием слушает, тот не ищет, что бы на пользу ему отыскать, но обдумывает, в чем бы нас обвинить и за что укорить.

После того, как они сидели некоторое время, сказал слепец хромцу: «Что это за благоухание из ворот виноградника овевает меня?» Отвечал хромец: «Много доброго внутри виноградника есть у господина нашего, а на вкус — несказанно приятного. Но так как господин наш мудр, посадил тебя здесь слепого и меня хромого, и не можем никак насытиться добрыми плодами». Отвечал слепец, говоря: «Что же ты давно не сказал мне этого, мы бы так не терпели, но это, данное нам во владенье, давно бы забрали! Хоть я и слеп, но имею ноги и силен, могу носить и тебя, и груз». (Понимай, что грех есть духовный груз; потому и пророк говорит: «Бремя тяжкое отяготило меня».) И сказал слепец: «Бери корзину и садись на меня; я тебя понесу, ты же указывай путь, и все добро господина нашего мы оберем; не думаю я, что придет сюда наш господин». Вот представления не Бога ищущих, но о мирских чинах и о теле только пекущихся, не жаждущих воздать ответ за дела свои, но как будто суетный пар свою душу на ветер пускающих! Потому говорит Исайя: «Зависть восприимут люди неученые», завидуем мы, грешные, чести и славе праведных вместо того, чтобы подражать их делам. «Если же, — добавил слепец, — придет сюда наш господин, укроется от него наше дело. Коли он меня спросит о покраже, я скажу: “Ты знаешь, господин, что я слеп”. Если же спросит тебя, ты скажи:

“Хром я и не могу войти внутрь”, — и так перехитрим мы нашего господина и сами получим плату за свою работу». И сел хромец на слепца, и, войдя внутрь виноградника, обокрали все бывшее там добро господина своего.

Однако не негодуйте, братья, на мое невежество, из-за которого и повесть моя недостойный вид принимает. Ибо как и по ногам повязанной птице невозможно в воздушную взмыть высоту, так и мне, в телесных погрязшему желаньях, нельзя о духовном беседовать: не достигнут цели слова грешника, лишенные благодати Святого Духа. Все же к прежде сказанному вернемся, разъясняя сей притчи смысл.

Толкование. Сидели они, как сказано, долгое время. Что это — долгое время? — презрение к Божьей заповеди и о теле забота, безразличие же к своей душе. Ибо никто, страх Божий имея, плотским не прельстится, никто из искренне верующих незаконно не пытается получить сана — никто, ожидая смерти и после смерти опять воскресенья; другие же в злых погрязают делах. И снова то же скажу поучения ради. Сказал слепец хромцу: «Что это за благоухание из ворот овевает меня?» — и так далее. Вот раздувание Адамова высокоумия, который, владея всем земным, животными, морем и в нем находящейся тварью, в эдеме насыщаясь благости, до повеления Бога на святое дерзнув, из эдема прошел в рай. Потому Писание говорит: «Изгнал Бог Адама из рая и осудил его обрабатывать землю, из которой и взят был». Вдумайся: не там было повелено ему жить, оттуда его изгнал. Но так же вошел, как и этот церковник, недостойный священства и утаивший грех свой, пренебрег Божьим заветом, но ради высокого сана и славы земной взошел на епископский стол. Сравнение. За то Адама смертью осудил, что тот прикоснулся древа познания добра и зла. Древо же познания добра и зла — это познанный грех и добровольное действие в угождение Богу. Ибо пишется: «Горе сознательно согрешающим!» Этим погубляет дуновение животворного Духа, который вдохнул в него Бог, что есть несвершенная благость освящения. Ибо пишется: «И вдунул в него животворный дух». Так же и Христос, дунув на лица апостолам: «Примите, — сказал, — Духа Святого», — несовершенную благодать, всего лишь залог посвящения; ибо ждать повелел им самого Святого Духа: «Который, прийдя, — сказал, — до конца освятит вас». Так и святители освящают иподьяконов, чтецов и дьяконов, — несвершенный дар, но залог посвящения, чтоб могли себя приготовить на окончательное святительство. Ничто так не любо Богу, как не возноситься в чинах, и ничто столь не омерзительно ему, как высокомерная заносчивая хвастливость в захвате сана не по-Божьи. Посмотри на того же слепца с хромцом, как пренебрегли господина своего приказом и запрещеньем: взяв же хромца и груз, понес и, зайдя внутрь, приблизился к древу, вкусил плод, а он весьма хорош, и так обокрали то, что велено было стеречь им. Сопоставление. От того древа вкусил Каин; не будучи посвящен, на святительский посягнул сан, позавидовав священному Авелю, которого по зависти и убил. Того древа

вкусили сыновья Корея, бывшие с Дафаном и Авироном: взяв же кадильницы, пошли в скинию, будучи непосвященными, — и поглотила их земля. Того же древа вкусил жрец Илий, который, зная, что его сыновья нарушили закон иереев, не отлучил их от священного сана. Того древа вкусили еретики, которые в обмане, будто зная духовный путь, заблуждались и, не раскаявшись, погибли. Но это все сокращая, к прежнему возвратимся рассказу.

Хотя изнемог язык мой, но пророк вдохновляет меня, так же говоря: «Изнемог я от вопля, охрипла моя гортань!»

Обличение грехов. Услышал же господин, что обокраден его виноградник, повелел отбросить от ворот хромца и изгнать из сторожей слепца.

Понимайте же теперь, безрассуднейшие из сановников, глупейшие из священников! Когда поумнеете? Давший ухо не слышит ли? Создавший око не смотрит ли? Повелевающий народами не обличит ли? Поучающий человека разуму не уразумеет ли нашего заблуждения? Господь ведь постигнет обманные помыслы, как лживые, и извергнет неправедных от власти, отгонит нечестивых от жертвенника. Ибо никакой сан в этом мире не избавит от мучений, нарушающих Божий заповеди. Но прошу вашей милости, внимательно всмотритесь в написанное и все, что слышите, обдумайте.

Повелел Бог изгнать из рая Адама, потому что запретного коснулся, то есть до разрешения вошел в освященное место. И поселил его рядом с райской пищей. «Лишь только, — сказал, — протянет руку и вкусит с райского древа, и жить будет вечно», — если, конечно, опомнится и, смирившись, покается в том, что согрешил. Но велико человеколюбие Бога! И казнит нас, и милует, за грехи порицает и — вновь в покаянье принимает; не желает он смерти грешника, но повелевает исправиться и в жизни пребыть.

Что такое древо жизни? Смиренномудрие, начало которому покаяние. «Признаюсь же, — сказал, — в беззаконье моем, и ты простил мне нечестье сердца моего». Ствол того корня — благоверие. «Вера же твоя, — сказал, — спасет тебя», все же верующему дастся. От того ствола много различных ветвей, много ведь, сказано, видов покаяния: слезы, пост, чистая молитва, милостыни, смирение, воздыхание и прочее. Тех ветвей доброжелательный плод: любовь, послушанье, покорение, нищелюбье, — много путей спасения. Видишь: не в раю было древо

жизни, не в эдеме, но в изгнанье, то есть в отлучении от сана. Изринул он также и Каина, узнавши об убийстве им брата, и, обличив, показал ему древо жизни, сказав так: «Стенай и содрогайся!», то есть покайся во злобе, в зависти, в обмане, в убийстве, во лжи, смирись, постись, бодрствуй, лежи на земле. Но так как ты этого не совершил, то отошел от лица Божьего — не отдаленностью земли, но отсутствием страха Божья в душе. Если благих дел нет в нас и нет покаянья в грехах, то в каком бы мы ни были чине, далеко от Бога мы. Только близ сокрушенных сердцем Господь; смиренных духом — спасет, желанья страшащихся его — исполнит. Лицом же Господь обращен на злодеев, чтоб истребить на земле и память о них. Так и Павел отогнал от священного жертвенника Именея и Филита и наблудивших в Коринфе священников, и поместил их рядом со святым алтарем, то есть поставил их средь освященных, сказав: «Стыдите их, но возлюбите, чтобы не погибли в злой доле, пусть покаются — и живы будут!» Не захотел этого древа жизни вкусить кузнец Александр, о котором сказал Павел: «Да воздаст ему Господь в день Судный по греху его!» Не вкусил того древа и Трефис из Эфеса, и Николай, один из семи дьяконов, которые отреклись от Христа, ставший жрецом в селунской кумирне, который предавал христиан мучителям; о них же обоих пишет Иоанн, говоря: «Из нас вышли и встали на нас». Того райского древа не приняли и еретики, прокляты были и умерли духовной смертью, не постигнув пророка, сказавшего: «Вкусите и признайте, что — благ Господь!» Ибо нет греха, который преодолел бы Божьи милости. Но только не отчаемся, подобно Иуде; не усомнимся в воскресении плоти, подобно саддукеям, — но покаяньем постучимся в Божьи врата, пока не откроет нам райские двери. Не ложно сказал Господь: «Постучитесь — и откроется вам! ищите — и обрящете' просите — и дастся вам!» Но не буду умножать повесть изложением речей, что затянет беседу; давайте к сказанному уже возвратимся.

Увидел же тот человек, что обокраден его виноградник, и пожелал разлучить слепца и хромца; и велел сначала привести слепца, чтобы его допросить, кто нарушил его приказание и посягнул на запретное без его повеленья. Ибо ничто не сможет утаиться от Божьего ока, и никто из нас так не знает себя, как Бог всех нас знает.

Толкование. Повелел разлучить Бог душу с телом. Словом же Божьим исходит из тела душа: «И отнимешь, — сказал, — Дух их, и исчезнут они, и в персть возвратятся». Когда же видишь тело, в земле погребенное, не думай, что здесь же и душа, ибо не от земли душа и не в землю входит. Но если же и святых видишь чудотворные мощи, не тут их осталась душа, но Божию разумей благодать, столь восславившую своих угодников: «Славящих меня, — сказал, — прославлю». Повелел привести слепца: отойдя от тела, душа всякого человека пред Богом является с приставленным к ней ангелом, человека верующего и неверующего, живущего праведно и неправедного. «Господь же, — сказано, — допросит праведного и нечестивого», ибо все племена

народов от одной были крови рождены и распространились жить по лицу всей земли, и Бог им назначил благотворить его тем, что давал дождь с небес и счастливую пору урожая. «Направляет же, — сказано, — солнце свое на добрых и на злых», и прочее. Пусть никто за слова эти не осуждает меня, — но взгляните в Писание и найдете, что я из святых черпаю книг. Пишет же Моисей: «Поставил пределы народам по числу ангелов Божьих». Иеремия же: «Один лишь Господь, — сказал, — у всех поднебесных народов», хотя и оставил их каждого в его заблужденье, но души их перед ним предстанут, и он рассудит по делам их. Павел: «Зачем же мне, — говорит, — внешних судить, ведь внутренних вы сами судите, а внешних судит Бог». Внутренними называет он тех, кто в вере, а внешними — языческие народы. Слышать же подобает Божье имя теперь расстающимся с телами душам, чтоб в Судный день, воскреснув в теле, негреховно поклониться Богу, — и не подобает душам, прельщенным дьяволом, плоти своей служить, ибо говорит апостол: «И тогда увидит любое око, и всякий народ поклонится, признавая, что Господь Иисус Христос в славе Бога Отца — един». Но это всякий учивший знает, — я же о слепце начатую беседу по силе моего разумения вкратце истолкую, хотя и предвижу попреки, ко мне обращенные; знаю ведь, что не от мудрости, но от невежества это мое повествованье. Однако тут на основе пророческой и апостольской строим, за краеугольный камень полагая самого Христа.

Когда же приведен был слепец, начался допрос. «Не поставил ли я тебя, — сказал господин, — как доброго сторожа моему винограднику? Зачем же ты его обокрал?» Отвечал ему слепец: «Господин! ты знаешь, что я слеп и без поводыря не вижу, куда идти, и не знаю ни одного места, если бы и хотел пойти. Не слыхал я, чтобы кто-нибудь шел мимо меня в ворота, иначе вслед ему я начал бы громко кричать. Но вот что я думаю, господин, что хромец своровал». Узнай в этом лживый разговор души перед Богом и клевету на тело.

Толкование. Так же есть духовное слово: «Господи, я — Дух. И ни есть и ни пить не желал я, ни чести, ни славы земной не искал я, и плотских устремлений не понимал, и дьявольской воле не потворствовал, — все это делало тело!»

Тогда повелел господин постеречь слепца в тайном месте, о котором сам знал, пока не вернется в виноградник и не призовет хромца — и тогда будет судить обоих.

Потому до второго пришествия Христа нет ни суда, ни мучения никакого человеческой душе, верующей и неверующей. Веруйте же в истину воскресения человеческой плоти. «Пошлешь же, — сказано, —

Дух свой, и соединятся, и обновишь лицо земли». На примере Иезекииля показал нам надежду воскресением. «Предреки, — сказал, — сын человеческий, мертвым этим костям, чтоб наросла на них плоть и натянулась кожа, чтоб явился Дух от четырех ветров и вошел в этих мертвых — пусть оживут!» Это все сам Творец совершает, не изменяя порядка, но все же первоначальный свой труд обновляя. Сначала он создал тело Адама и только потом вдохнул ему душу. Так и в утробе женской: сперва из семени образуется тело, через пять месяцев создаст он душу. В крещении же сначала порождает водою, потом — возрождает Духом от тленья греховного. Так же и в Судный день: сначала возродит землю, и соберет прах человеческий, и создаст все наши тела во мгновенье ока, потом и души наши — каждая войдет в свое вместилище, — согласно Павлу, говорящему, что сам Господь в архангельских кликах, под Божьи трубы сошел с небес, и мертвые во Христе воскреснут раньше, потом же и мы, живые. Кто эти мертвые? Все народы, не принявшие Божьего закона, не познавшие крещенья. «Кто же, — говорится, — беззаконно согрешил, тот беззаконно погибнет». Живыми же христиан называет он. Смотри же: плотью все люди воскреснут, и верим мы показанию Павла, сказавшего по Божьему слову: «Кто не постигнет от начала Богом созданного человека, тот не поймет и порожденного в жизнь крещением; потому и не верит он в последующее во плоти воскрешение встающих на вечную жизнь всех людей: тех — в честь и славу, этих — в поругание и мучение». Но скажем же и об остальном.

Когда пришел господин взять плоды в винограднике и увидел его обокраденным, призвал хромца и соединил его со слепцом, и начали они обличать друг друга. Хромец говорил слепцу: «Если бы ты меня не понес, никак бы я не мог туда добраться, так как я хром». Слепец же говорил: «Если бы ты не показывал мне дорогу, то никак бы я не мог добраться туда». Тогда господин, сев на судейское кресло, начал судить их обоих. И сказал: «Как вы крали, так и теперь — пусть сядет хромец на слепца». И когда хромец воссел, приказал перед всеми рабами нещадно наказывать в кромешной темнице мученья.

Познайте же, братья, толкование этой притчи. Человек домовитый — Бог Отец, творец всех. Его же сын доброго рода — Господь наш Иисус Христос. А виноградник — это земля и мир. А ограда виноградника — закон Божий и заповеди. Слуги же, бывшие с ним,— ангелы. Хромец — это тело человека. А слепец — душа его. А что их посадил у ворот — это значит, что Он отдал во власть человека всю землю, дав ему закон и заповеди. Когда же человек преступил заповедь Божью и за это осужден на смерть, то сначала душа его к Богу приводится и оправдывается, говоря: «Не я, но плоть согрешила». Потому и нет мучения душам до второго пришествия, но они сохраняются, — Бог знает где. Когда же он придет обновить землю и воскресить всех умерших, как сам нам предрек, тогда: «Все сущие в гробах услышат голос Сына Божия, и оживут, и выйдут сотворившие благо в

воскрешение жизни, а сотворившие зло — в воскрешение суда». Тогда же души наши войдут в тела и каждый получит воздаяние по делам своим: праведники — вечную жизнь, а грешники — бесконечную смертную муку. «Чем же кто согрешит, тем же и муку примет».

Все это я истолковал не по своему замышлению, но по святым книгам. И это не слово мое, но только беседа, ибо я не такой учитель, как те церковные и священные мужи.

СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА

СВЯТОГО КИРИЛЛА-МОНАХА СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА И О МИРОНОСИЦАХ НА ТЕМУ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ, И ПОХВАЛА ИОСИФУ АРИМАФЕЙСКОМУ В НЕДЕЛЮ ТРЕТЬЮ ПО ПАСХЕ

После прошедшего праздника достойней приспел, доставляя Божию благость святой церкви. Ибо если и цепи златые, унизанные жемчугом, с драгоценным каменьем, радуют очи глядящих на них, — тем выше духовная нам красота, праздники святые, что радуют сердца верующих и освящают души. Так сначала воскресеньем Христовым очистился мир и настала Пасха, освящая всех в вере; затем Фominым опознаньем ребер Христа возродилось творенье: как только коснулся рукою он ран, всем подтвердилось Христа воскресение во плоти.

Ныне же Иосифа благообразного с мироносицами восславим, послужившего после распятия телу Христову; его евангелист называет богатым, родом из Аримафеи. Был, говорит, и он ученик Иисусов, ожидавший царства Божия. Пока длились добровольные страдания Спасителя, он увидел ужасные перемены в творенье: померкшее солнце, сотрясенную землю, — и страха исполнясь и удивляясь, пришел в Иерусалим. И нашел он тело Христово уже на кресте, нагим и побитым, а пред ним, с единственным учеником Иисуса, Марию, мать его, которая с болью сердца горько рыдая, так говорила: «Мир соболезнует мне, Сын мой, видя неправду казни твоей. Увы мне, чадо мое, свет и Создатель творенья! Как же оплачу я ныне тебя? Закланье ли, или удар по щекам, и битье по плечам, цепи твои и темницу, или плевки в святое лицо, что от хулителей принял за доброе дело? Увы мне, мой сын! Неповинный, ты поруган и принял смерть на кресте. Как тебя терньем венчали, напоили желчью с уксусом, а еще и пречистые ребра твои копьем прокололи! Содрогнулось небо и земля трепещет, иудейской не перенеся дерзости; солнце померкло и камни распались, еврейское окаменение являя. Вижу тебя, милое чадо мое, на кресте:

наг ты висишь, бездыханен, незряч, не имея ни облика, ни красоты, и, горькая, я уязвляюсь душою. Как хотела бы я с тобой умереть — не могу бездыханным видеть тебя. Никакая больше меня не коснется радость, ибо свет мой, надежда и жизнь, Сын и Бог, на кресте угас. Где же, чадо, та весть, что некогда мне предрек Гавриил: «Радуйся, благодатная, с тобою Господь!» — царем тебя называя и Сыном всевышнего, Спасителем мира, и всего животворцем, и грехов победителем! Ныне же вижу тебя, как злодея, распятого меж двух разбойников и копьем пробитого в ребра — мертвого, и вот почему я в горести силы теряю. Не хочу я жить, но — встретить тебя в подземном царстве. Теперь моей надежды, радости и веселья, Сына и Бога я лишена. Увы мне! При чудесном твоем рождении так не страдала, как теперь, Владыка, разрываюсь я чревом, видя тело твое пригвожденным к кресту. Преславно было твое рождение, Иисусе, умерщвленье же ныне — ужасно: единственный ты от бессеменной утробы родился, не нарушив печати моего девства, и, избрав меня матерью в своем воплощенье, все-таки девою сохранил. Знаю твое за Адама страдание, но, душевною горестью объята, рыдаю, дивясь твоего таинства глубинам. Слушайте, небеса и море с землею, внемлите слезному моему рыданию: ибо это Творец ваш от жрецов страданье приемлет, одинокий праведник за грешников и беззаконников убит. Сейчас, Симеон, я постигла твое предсказанье: копье ведь мою теперь пробивает душу, видя твое поруганье воинами. Увы мне! Кого призову я к стенанью? Или с кем моих слез изолью я потоки? Ибо все оставили тебя — родные, друзья, твоих, о Христос, насладившись чудес. Где ныне сонм семидесяти учеников? И где властительные апостолы? Тот обманом тебя фарисеям предал, другой же в страхе пред жрецами отрекся, под присягой сказав, что не знает тебя. И вот одна я, Боже мой, раба твоя, рыдая, стою пред тобою с хранителем твоего учения и с любимым твоим сподвижником. Увы мне, Иисусе мой, милое имя! Как стоит земля, на водах вначале тобой утвержденная, если на себе ощущает тебя на кресте пригвожденным, тебя, божества мановеньем многих слепых осветившего и мертвых словом воскресившего? Приходите и взирайте на таинство Божьего промысла: как все оживляющий — сам умерщвлен был проклятой смертью!»

И услышав, Иосиф приблизился к горько рыдающей Матери, — а та его увидела и обратилась с мольбой: «Устремись, благоподобный, к Пилату, преступному судье, и попроси с креста снять тело Учителя твоего, моего же сына — и Бога. Потрудись и устрой, причастник Христову учению, тайный апостол, ожидающий Божьего царства, испроси бездушное уже тело, пригвожденное к кресту и пробитое в ребра. Сострадай, благоверный, ради двойного венца, который по воскресении Христа ты получишь: от всех концов земли честную славу и поклонение, а на небесах — вечную жизнь». Иосиф, умилившись столь слезным прошением, не сказал: «Жрецы на меня поднимутся и озлобятся, иудеи вознегодуют и побьют меня, фарисеи разграбят мое имущество, и буду я отлучен от их общества». Нет, ничего подобного он не сказал, но всем пренебрег и, о жизни своей не заботясь, решил Христа отыскать. Дерзко вошел он к Пилату и попросил, говоря: «Дай

мне, наместник, тело странника Иисуса, распятого меж двух разбойников, оклеветанного жрецами по зависти и поруганного воинами неправедно. Дай мне тело Иисуса, которого Сыном Божьим называют книжники, а фарисеи объявляли царем; над его головою ты велел прибить доску с надписью: “Вот Сын Божий и царь Израиля”. Дай мне тело того, которого собственный ученик жрецам обманом за серебро предал, и о ком, предрекая, Захария так написал: “Дадите цену мою — или не давайте”; и назначил цену в тридцать сребреников, цену ценнейшему из сынов Израиля. О том прошу я тебя теле, о котором пророчил Каиафа, что ему одному умереть предстоит за весь мир; а не простое то было пророчество, ибо был он в тот год жрецом, о которых сказал Иеремия: “Князья мирские сошлись на Господа и на Христа его”. Они, как Соломон, “задумали — и обманулись, ибо ослепила их злоба”, и сказали: “Схватим праведника, глумленьем и ранами измучим его, и смерти бессмысленной осудим его”. Того прошу Иисуса тело, который на твой отвечал вопрос: “Я — Жизнь и Правда”. И еще: “Не возьмешь надо мною власти больше данной тебе свыше”; за него же молила тебя и жена твоя, говоря: “Ничего не делай праведнику тому, ибо много претерпела я за него в сновиденье”. Дай мне того распятого, которого, когда он входил в Иерусалим, ветвями младенцы встречали, восклицая: “Осанна, сын Давидов!”; которого голос услышав, ад отпустил душу Лазаря, уже четыре дня как умершего; о котором в Завете писал Моисей: “Увидите Жизнь вашу, пред глазами вашими висящую”; то хочу мертвое тело, которое Мать, не познавшая мужа, родила, оставаясь Девою; о котором Исайя Азаху пророчил: “Вот Дева, в чреве зачнет и Сына родит, которому имя — Эммануил”; о котором Давид предрек, говоря: “Пригвоздили руки мои и ноги мои, и все кости мои пересчитали”; дай мне того уже умершего на кресте, о ком сказал ты евреям, просящим у тебя его смерти: “Не повинен я в крови праведника этого”, — а, руки умыв, предал его на убийство; о котором говорит пророк: “Я же не возражаю и не противоречу; плечи мои дал я на раны и щеки мои — на удары, лица своего не отвергнул от постыдных плевков”. Того прошу назарянина тело, которому, извергаясь из исступленных, кричали бесы: “Что ты нам и мы — тебе, Иисусе, сыне Божий? Знаем мы, кто ты, святый Боже: пришел раньше времени мучить нас”; о котором сам Бог Отец с небес, когда в Иордане крестился он, свидетельствовал, говоря: “Вот Сын мой возлюбленный, которому Я благоволил”; о котором Дух святой устами Исайи говорит: “Как агнец на заклание приведен”, беззаконниками предан смерти. Дай мне тело снять с креста, потому что хочу его в своей положить гробнице. Ибо уже все о нем исполнились пророчества: ведь и боль нашу он перенес и за нас пострадал; раной его мы все исцелились, потому что предана смерти душа его и к беззаконным причислен он был; истребим же, сказали, его в памяти на земле живущих, и имя его никогда не помянется; поэтому изымет Бог из души его боль и даст ему твердых силу, ибо пишется о нем: “И ты в крови Завета твоего освободил узников изо рва, не имеющего воды”».

И услышав все это от Иосифа, Пилат удивился, и призвал сотника, и спросил его: «Умер ли уже распятый Иисус?» И, удостоверившись в этом, отдал тело Иосифу, дабы его схоронил, как пожелает.

Купив полотна, снял он тело Иисуса с креста. Пришел и Никодим, принесший состав из мирры и алоэ, ценою в сто гривен; вдвоем обвили тело Христа пеленами и помазали миррой. И воскликнул Иосиф, говоря так: «Солнце незаходящее, Христос, творец всех и повелитель творения! Как святого смел я коснуться тела твоего, если не могут тебя коснуться небесные силы, что со страхом служат тебе? Какими пеленами обовью тебя, обвивающего землю мглою и небо облаками покрывающего? Или какие благовония возолью на твое святое тело, которому, дары с благовониями принесши, персидские цари как Богу поклонялись, предвидя твое за весь мир умерщвление? Какие погребальные песни исходу твоему воспою, если в вышних немолчным гласом поют уже серафимы? Как понесу я на тленных моих руках несущего все творение незримого Господа? Как в моей жалкой положу я гробнице тебя, небесный круг утвердившего словом своим и на херувимах с Отцом и Святым возлежащего Духом? Но все по предначертанию делаешь ты, и все претерпел ты по воле своей: ибо идешь ты в ад, чтобы Адама из ада и Еву, падших в грехе, снова в рай возвести, и прочих с ними умерших воскресить силой твоего божества. Поэтому, так возглашая, я тебя погребу, наученный Духом Святым: «Святый Боже, святый сильный, снятый бессмертный — помилуй нас!»

И положили его в гробницу, и привалили камень огромный к дверям гробницы. Мария же Магдалина и Мария Яковлева обе смотрели, где его полагали.

И когда минула суббота, и солнце уже воссияло, все вместе женщины с благовониями, и это уже в четвертый раз, пришли. Ибо в первый раз, как говорит Матфей: «Вечером в субботу пришли две женщины взглянуть на гробницу; при них же тогда произошло землетрясение, когда ангел отвалил камень от входа, и, этого устрашась, омертвели стражники». К ним же тогда явившись, сам Иисус сказал: «Радуйтесь, обе ступайте к братье моей, пусть идут в Галилею и там увидят меня». И снова, около полуночи, другие пришли увериться в случившемся, потому что от Магдалины о воскресении Христовом прослышали; об этих Лука написал так: «Очень рано пришли женщины к гробнице и нашли камень уже отваленным», и два ангела, став перед ними, сказали: «Зачем ищете живого средь мертвых? Нет его здесь, но воскрес».

Потом, пред зарею, и другие пришли женщины, и они увидели внутри гробницы двух ангелов, где лежало прежде тело Иисуса; об этом Иоанн Богослов сказал: «От тех услышав, Петр с другим учеником поспешил к гробнице, когда еще тьма была». Марк же обо всех повествует мироносицах, которые с благовониями в субботу пришли; и, войдя в гробницу, увидели юношу, сидящего справа, и ужаснулись. Он же сказал им: «Не ужасайтесь! Ибо не вам теперь страх, но беззаконным жрецам со стерегущими здесь воинами. Вы же осмотрите пустую гробницу и передайте апостолам: “Христос воскрес!” Видите, без тела уже пелена, возносите хвалу о воскресении Иисуса во плоти, будьте благовестницами человеческого спасения, скажите апостолам: “Сегодня спасение миру!”» Уже не скорбите, не сетуйте как будто по мертвом, но радуйтесь и веселитесь о Боге живом. Вам сообщу я тайны Божьего человеколюбья, ради которого за Адама, в тление падшего, он пострадал; ибо для того с небес он сошел, и воплотился, и был человеком, дабы истлевшее обновить и на небеса возвести. Адам, послушав вражьих советов, захотел стать Богом — и проклят был; этот же, послушав Отца, из Бога стал человеком, чтобы змия погубить и человека приблизить к Богу. Тот, простерши руки к древу запретному, смертоносный сорвал с него плод и, став рабом греха, сошел от эдема в ад; Христос же руки простер на кресте, от греховного осуждения и от смерти людей освободив. Неповинный, он предан был, чтобы избавить от рабства преданных дьяволу за грехи. На трости с губки, пропитанной уксусом, желчи вкусил, чтоб уменьшить список грехов человеческих. Пробиты ребра его копьем, чтобы отстранить огненные мечи, возбраняющие людям вступление в рай. Кровь с водой из ребер источил, чтобы, телесную грязь очистив, освятить души людские. Связан был и терновником венчан, чтоб разорвать дьявольские узы на людях и вражьих обманов шипы уничтожить. Солнце погасил и землю потряс, и все живое ввел он в плач, чтобы адские разрушить хранилища и души там сущих вывести к свету, рыдание Евы обратив в радость. В гробнице как мертвый положен был — и обреченным на смерть жизнь даровал. Камнем с печатями был укреплен, чтобы адские ворота и запоры до основания разрушить. Всем видимо стражники его стерегли — но невидимо, сошедши в ад, он связал сатану. Ангельское же воинство, за ним поспешая, взывало: «Возьмите, врата, ваших князей, пусть внидет царь славы!» И одни, освобождая связанные души, из темниц выпускали; другие, связавши враждебные силы, говорили: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа?» К ним оцепеневшие бесы взывали: «Кто этот царь славы, с такою на нас наступивший властью?» Погубил князя тьмы и, все похитив его сокровища, разгромил смертоносный град, утробу ада, отвоевал пленников, с Адамом здесь бывших, грешников души. Воскрес он, не тронув печати гробницы, как и родился, не повредив своей матери печати девства. Да не будет вам страха — но помертвевшим стражникам! Ибо уже, все совершив, Иисус воскрес боголепно и показался прежде вас приходившим женам, взывая величаво: «Радуйтесь обе!» И апостолам своим в Галилею идти повелел, чтобы там, вас всех освятив, взойти на небеса во плоти, в которой он снова придет судить мир.

Вот и все, ангелом сказанное мироносицам о Христе, передали мы.

Восхвалим теперь Иосифа вечночтимого, благовидного и досточудного. Блажен ты воистину, преславный и досточудный Иосиф, такого блаженства и великого счастья на земле и на небе сподобившись! Достойно послужил, как и херувим, Божьему телу; но те невидимо, на своих держа плечах, от страха свои прикрывают лица, ты же, Иосиф, более патриархов Авраама, Исаака и Иакова! Ибо они только голос его слышали — и в чести и славе над всеми возвысились, ты же обвил пеленами Божие тело. Восславлю руки твои, Иосиф, на которых Божьего Сына и Творца всей вселенной держал ты тело; лик его не осмелившись видеть, в Хориве Моисей, под камнем укрывшись, услышал: «Сзади меня ты увидишь», потому и на Фаворе с Илиею увидев Христа, свидетельствовал, что тот Бог — и человек. Блажен ты более царя Давида, великий Иосиф! Ибо Давид от Силома киот с Божьим словом принес, но в своем убоялся поставить его доме; ты ж не шатер с Заветом, но самого Бога, приняв от креста, в гробнице своей, радуясь, положил. Блажен и благословен тобою, Иосиф, приготовленный склеп, в нем ведь пребыл и Спаситель Христос наш! И это уже не гробница, но Божий престол, небесный алтарь, покоище Духа Святого и ложе небесного царя, и окрест же, сказал Соломон, стоят могучие воины, искушенные в брани, имея мечи обоюдоостры; так говорил он, объявляя лики святых, борющихся с еретиками и с иудеями за Христа. Блажен ты, Иосиф, совершитель Божьего таинства, исполнитель пророческих предсказаний! Ибо кого Завет и пророки притчами живописали, того ты въявь миррой по святым мазал ранам. Блажен ты, Иосиф, ибо того, кто дал жизнь словом и водами покрыл твердь небесную, Его, как мертвеца, камнем прикрыл ты в гробнице, веря в трехдневное воскресение! Блажен же и город твой, Аримафей, из которого ты пришел послужить Сыну божьему! Какую похвалу воздадим, достойную твоего блаженства, и с кем сравним праведника? Как начну и как я продолжу? Небом ли тебя назову? Но неба светлее ты благочестьем, ибо во время страданий Христа небо померкло и свет свой закрыло, ты же тогда торжественно на своих руках Бога носил. Землею ли благоцветущей тебя назову? но и той ты честнее себя показал, ибо тогда и она от страха тряслась, ты же торжественно божие тело, с Никодимом пеленами благовонными обвив, положил. Апостолом ли тебя и старейшиной назову? Ты ведь пример своей службы передал им, обходя и кадя, и с молитвами кланяясь пречистому телу Христа со словами: «Воскресни, Господи, помоги нам, избавь нас именем твоим!» Священномучеником ли тебя я назову, такую показал ты любовь к Христу? Хотя и не пронзена оружием грудь твоя, не пролилась от меча твоя кровь, но предпочтеньем и верою за Христа положил ты душу. И тебя поразили бы и на части рассекли, но сохранил тебя от этого Иисус, ибо, погребая тело его, не побоялся ты ни гнева иудейского, ни угроз жрецов, ни жестоко убивающих воинов не устрашился, не сожалел о большом богатстве своем, не берег своей жизни, веря в трехдневное воскресенье. Но более всех имеешь ты веры в Христа, ему же молись ты и за нас, славящих тебя, и чтущих твою с мироносицами память, и твой празднующих праздник!

Подай, святой, всем нам твою помощь, будь защитой городу нашему от всякого зла, подавая князю победу над противником и охраняя его от всех видимых и невидимых врагов; мир же и здоровье телу, а с тем вместе и душе испроси спасения. И нас избавь от всякой нужды, и печали, и бед, и всех злых напастей, и многих грехов отпущенье испроси своею молитвой у Бога, чтобы избавил он нас от вечных мучений и сделал сопричастниками будущих благ вечной жизни, благодатью и человеколюбием Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, которому слава с Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим Духом, и теперь, и всегда, и во веки веков.

СЛОВО О БЕЛЬЦАХ И МОНАШЕСТВЕ

РАССКАЗ МНОГОГРЕШНОГО ИНОКА КИРИЛЛА ПЕЧЕРСКОМУ ИГУМЕНУ ВАСИЛИЮ О ЧЕЛОВЕКЕ БЕЛЬЦЕ И ЧЕРНЕЧЕСТВЕ, И О ДУШЕ, И О ПОКАЯНИИ

В некотором граде был царь, очень кроткий, хороший и милостивый, хорошо заботился о своих людях; только лишь одним он не был разумен, — тем, что не боялся нападения, не держал ратного оружия, не предполагая, что кто-то придет на него <войной>. Имел при себе тот царь много друзей и советников и одну, по-мужски умную, дочь. Был среди тех советников один мудрый и благоразумный, что всегда печалился о царском легкомыслии и искал благоприятное время, когда б сказать царю, чтобы готовился он к битве.

Внезапно одной ночью сделался в городе большой шум. И сказал царь своим советникам: «Давайте выйдем и пойдем по городу, может быть, мы найдем и схватим того, кто поднимает в нашем городе сумятицу, очень сильно мне нынче страшно». Но выйдя и обойдя все, ничего они не нашли, лишь одно смятение в граде.

И в то время, как все советники пребывали в растерянности и недоумевали, в чем дело, тот благоразумный советник взял царя с его дочкой и привел их к огромной горе со множеством разного оружия, внутри которой увидели они яркий свет, льющийся оконцем из пещеры.

И приникнув к тому оконцу, увидали они внутри пещеры жилище, где сидел в последней нищете человек, облаченный в бедное рубище, а с ним рядом сидела его жена, слаще брашен поющая ему песнь. Перед ним же на твердом камне стоял некто красен и высок, поднося ему пищу и черпля вино. И в тот миг, как принял человек чашу, так с великой радостью стали они венчать его хвалою.

Увидавши все это, царь призвал своих друзей и сказал им: «Что за чудо, друзья мои! Посмотрите, как эта нищая и безвестная жизнь честнее нашего величества веселится, как сияет внутреннее ярче внешнего!».

Остановившись на этих словах, вернемся к прежде сказанному, чтобы открыть смысл притчи разумению простецов, — быстрые же умом и без объяснения все знают. Конец же Слова станем излагать подробно.

Град, братья, — это состав человеческого тела, коему творец и зиждитель Бог. А находящимися в нем людьми органы чувств называем: слух, зрение, обоняние, вкус, осязание и низменный жар похоти. Царь — это ум, тот, что владеет всем телом. Сильно же он хорош, кроток и милостив — ибо о теле своем больше всего печется, ища ему потребное и украшая одеждой. А хорошо заботится о своих людях — значит, узнав о добром, возносится, а от злого расстраивается, очам позволяет хотение, обонянию исполняет желание, устам дает объедение, и руками ненасытно берет и присваивает богатства, вместе с тем и низменной чувственности совершает похоть.

Чем же одним он неразумен? — Тем, что не печется о душе, как о теле: не вспоминает о нескончаемых муках живущим здесь во зле, не приготовляет себя для жизни будущего века, уготованной праведникам, не слушает сказанного Соломоном: «Блаженны обретшие мудрость и мудры познавшие смысл этой жизни».

Советники же и друзья — житейские мысли, не дающие нам подумать о смерти. Ибо бегством Писание смерть именует, Христос ведь сказал иудеям: «Да не будет бегство ваше зимой или в субботу», что значит — да не постигнет смерть тебя в грехах или без покаяния в праздник.

Ратным оружием называет апостол пост, молитву, воздержание и телесную чистоту, — «ибо возьмите, — сказал он, — все Божие оружие,

дабы смогли вы противиться в день лютый», — но не любят этого соблюдать мирские люди.

А ночь — это сумятица сего мира, в котором мы как во тьме мятемся и друг друга сами в погибель вреваем или, словно объятые сном, не удерживаемся от греха.

А что однажды сделался в городе большой шум — это нежданная напасть на человека: недуг, или потоп, или моровая язва, или на властей горькая обида. Тогда отходят все житейские мысли и происходит исступление ума, что означает царский страх, и поход по городу, и необретение производящего шум. И никакие ухищрения не переменят Божьего попущения, только святых мужей молитва, это истина. Петра ведь церковная за него молитва избавила от темницы и вериг. И Павел, знаем мы, говорил римлянам: «Сверх меры изнемогли мы в Асии, так что и не надеялись быть живы, но Бог избавил нас вашими молитвами». Если же недостойны будут живые умолить Бога о нужном, тогда станем призывать почивших святых. Свидетель, тому Исайя, что принес Езекии смерть от Бога, и снова тому же Езекии не только принес от Бога жизнь, но и избавление городу. — «Это тебе, — сказал он, — даровал Бог ради Давыда, отрока твоего». Так же и три отрока молились и говорили: «Авраама ради, возлюбленного тобою, и Исаака, раба твоего, и Израиля, святого твоего», — потому они и не сгорели и вышли из огня.

А благоприятное время благоразумного того советника, это когда не ищут волшебства и колдовства, но с верою говорят: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я наставлением твоим»; и еще: «Как Господу было угодно, так и стало». Господь животворит и мертвит, делает богатым и нищим, смиряет и возносит, и исцеляет от болезни немощных.

Гора же суть монастырь, в котором духовное оружие на супостата дьявола вот что: пост, молитва, слезы, воздержание, чистота, любовь, смирение, послушание, трудолюбие и бдение. К той горе приводит благоразумный советник царя, то есть, печаль ума — в монастырь, ибо он — гора Божия, гора плодородная, гора, напитанная влагой, гора, в которой благоволил жить Бог. Приход же к горе — обетное к Богу слово («Обещайтесь, — сказано, — и воздадите»; и еще: «Вознесу к тебе обеты мои, те, что произнесли уста мои и изрек язык мой в печали моей»).

Приникновение же к оконцу — это слушанье душеполезного учения. «Слова твои, — сказано, — просвещают и вразумляют младенцев». Писано: «Возвел я очи мои горе, откуда пришло спасение мое». Надобно тут сказать с Давыдом: «Господь сохранит вхождение мое и исхождение, отныне и до века». Ибо никого не влечет Христос к покаянию насильно, но посылает вразумление делами, чтобы того, кто через них познал его, ввести в небесное царство.

Глубокая же пещера — это монастырская церковь, провиденная пророками, устроенная апостолами, украшенная евангелистами. А сияющая из нее светлая заря — это служба Богу со славословием, немолчная аллилуйя псаломскими стихами: «Ночами, — сказано, — воздевайте руки свои в святилищах и благословляйте Господа»; и еще: «В полуночи встал я исповедаться тебе»; «Так, — сказано, — пусть просияет свет ваш пред людьми, чтоб увидели они ваши добрые дела и прославили вашего Отца небесного».

Внутренней же пещерой называю я устав, апостольские заветы келейной жизни, где никому нет своеволия, но всем все общее, ибо все под игуменом, как члены тела под одной головой, связаны духовными жилами. А сидящий там в последней нищете муж — это весь чернеческий чин. Сидение же означает безмолвное отшельничество. «Изрек я, — сказано, — сберегу пути свои, чтобы не согрешить языком моим, смирился я и онемел, и отказался от благ»; и еще: «Я же, будто глухой, не слышал и, как немой, не отверзал уст своих», и другое, подобное этому. А житье в последней нищете — это от бельцов осуждение, досаждения и укоры, поношения, и насмешки, и любопытствование, ибо они принимают монахов не за людей, работающих Богу, но за притворщиков и погубителей своей души. Об этом говорил Павел: «Нас, последних апостолов, явил Бог словно смертников, ибо мы выставлены были на обозрение всему миру»; и еще: «Юроды мы Христа ради, вы же мудры о Христе».

А что в худое одет рубище — тут речь без иносказания, ибо здесь рядно и власяница, и суконные одежды, и облаченья из козьих шкур. Ибо всякие богатые ризы и плотские украшения чужды игуменам и всему монашескому укладу, — «Те, кто носят мягкую одежду, — сказал Христос, —те в домах царских», — эти же облечены целомудрием, опоясаны правдою, украшены смирением.

Сидящая же с ним его жена — это непреходящая смертная память, поющая такую сладкую песнь: «Глас радости и веселия в селениях праведных»; «Вечно праведники живут и мзда им от Господа»; «Смерть праведнику покой есть»; «Если богатство мимо идет, — не прилагайте

сердца»; «Не помилую никого из творящих беззаконие»; «Поэтому, — сказано, — забыл я съесть хлеб свой от плача моего».

А предстоящий перед ним тот прекрасный — это Христос, ибо «рядом Господь со всеми боящимися его, желание их исполнит и молитву услышит»; «прекраснее он всех сынов человеческих»; «щедр и милостив Господь»; «не пришел я, — сказано, — чтобы служили мне, но сам я стану служить и положу свою душу во избавление за многих». Высок же он очень потому, что сын Божий, сшедший с небес, нашего ради спасения воплотился и стал он человеком, чтоб обожить человека.

А стоит он на твердом камне нашей веры. Об этом свидетельствуют Амос и Иеремия: один из них глаголет: «Вот человек высок стоял на твердом камне, призывая к себе все концы земли и питая своих»; Иеремия же сказал: «Он человек, и кто познает его. Но да уразумеют все концы земли, что он Бог».

Подносит же он пищу и черпает вино — это верным всем подает он честное свое тело во оставление грехов и кровь свою святую ради вечной жизни.

Запрещающие же друзья — это собственная совесть каждого. Ибо взывает Павел: «Тот, кто ест сей хлеб и пьет Господню чашу, будучи недостоин, на грех себе ест и пьет, виновен он пред телом и кровью Господними».

А как примет человек чашу и станут венчать его хвалою — тут разумей очистившихся покаянием и принявших животворную чашу на освящение души и очищение тела. Тогда возносит Бог Отец хвалу пророческими словами: «Блаженны те, кому отпущены беззакония, кому покрыты грехи, кому Господь не вменит греха»; и еще: «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведники!» Венчает же Святой Дух, ибо он покоится на честных причастниках, обрел он их достойными себе сосудами и поселился в них, ибо они омыли храм его слезами, выстлали его усердными молитвами, украсили добродетелью, окурили жертвенными воздыханьями. И великой радостью веселится Христос со святыми ангелами, ибо сказано: «Радость бывает на небесах об одном единственном кающемся грешнике», «радуйтесь, — сказано, — со мною, ибо я обрел погибшую драхму».

Все это рассмотрев, призвал царь своих друзей. Рассмотрение — это благое решение отстать от грешных привычек и научиться благим, собрать все помыслы этой суетной жизни и осудить все блага этого соблазняющего мира и, как Соломон, сказать: «О, суета, останься суетой!» Всякий человек, понуждающий ради этого себя трудом, спасающий себя от погибели, восхищается соблюдаемым Богом ангельским житием и оставляет все, и самую ту житейскую печаль, и стремится всякий человек, пройдя через плотские искушения, полечись о своей душе.

Разъяснив все это таким образом, не оставим и прочее без рассмотрения. Ибо притче этой мы не творцы, но, заимствовав ее из богодухновенных писаний, словно взявши из поставца, плетем мы это плетение, как дитя, немотствуя пред вашей отеческой любовью, и веселим вас.

И вот по пророческим писаниям скажем похвалу монахам, и о познании Христовой благодати, и о вступлении в пещеру, то есть о пострижении.

Сказал царь: «О, как эта нищая и безвестная жизнь честнее нашего величества веселится, как ярче внешнего внутреннее сияет!» Это умные люди вспомнили о душе. Ибо сказано, что «не спасет царя многая сила»; и любая власть причастна греху; и когда между торгующими совершается сделка, и тут грех случается и все прочие житейские вещи. В нищете и богатстве помехой спасению служат семья и дом, потому говорит апостол: «Женившийся печется о жене, как угодить жене, а неженившийся печется о том, как угодить Богу», та забота ведет в муку, а эта забота — к вечной жизни.

Нищая же и безвестная жизнь означает монашество. Каждый туда идет на смирение и на покорение, одному лишь Богу радуется, принимая честь по своим трудам от Бога и людей. Ведь деревья хвалят не за высоту и листву, а за их плоды; так же и монахам не монастырь приносит славу, а иноческие добродетели. И это видно по игумену Феодосию Печерскому, по тому, как он без лицемерия иночествовал, возлюбивши Бога и свою братию как самого себя; потому и Бог его возлюбил и ради него прославил сие место больше всех монастырей на Руси. Эти внутренние добродетели жизни святых монахов сияют чудесами больше мирской власти, и потому светские вельможи склоняют перед иноками свои головы как перед Божьими угодниками, воздавая им подобающую честь по словам Господа: «Кто приимет праведника ради праведника, награду праведника приимет» и так далее; и еще: «Кто приемлет вас, тот меня приемлет»; и еще в добавок: «Не бойся, малое стадо, ибо изволил Отец мой дать вам царство

небесное»; «тот, кто оставит, — сказано, — отца и мать и все, что имеет, имени моего ради, тому сторицею воздается, и вечную жизнь он наследует». Ради таких обещаний понуждает себя всякий христианин нести Господне бремя, то есть взять на себя иноческий чин.

Скажем же, наконец, о том царском входе. Ибо входит он, взяв свою единородную дочь, внутрь пещеры. Подразумевай под дщерью ума душу, ведь она рождается от ума и имеет общее с ангельским чином, ибо сказано: «Творит ангелами своими духов и слугами своими огнь палящий».

Ибо дух бодр на всякое доброе дело и скор к шествию на богоугодный подвиг, а плоть немощна. Ангельское же и иноческое служение едины: ибо те и другие, оставивши всю свою волю, повинуются Божиим и игуменским повелениям, сам Господь воздает за труды им награду. Сказано: «Кто душу свою погубит за мои слова, тот обретет ее в вечной жизни».

Вот уже сам он говорит стоящему внутри: «Открой мне врата правды, и я войду в них и исповедаюсь Господу, ибо “взыскующие его не лишатся ни коего блага”».

Отвечает предстоящий: «Это врата Господни, и праведники войдут в них, Господь не лишит добра живущих здесь в кротости. Кто ж ты таков, дерзающий на это?»

И говорит: «Я — царская дочь, “и приведутся к царю вслед за нею девы”».

Отвечает предстоящий: «Слушай, дщерь, и виждь, и приклони слух твой, и забудь народ свой и дом отца твоего, — тогда возжелает царь красоты твоей, несмотря на то, что черна ты». — То есть, пока не отойдет человек от телесных желаний и житейской заботы, душа его с Богом не примирится, ибо нельзя работать Богу и мамоне. А чернота — это грех. «Смугла, — сказано, — да хороша». Смугла из-за сотворенных прежде прегрешений и из-за мирских житейских забот. А хороша из-за скорого покаяния. Черна властью, которую имеют над ней узы сего мира, хороша — иноческим пострижением. — «Вся слава царевой дщери внутри суть».

— «А ты кто?»

— «Я, — говорит, — овчий пастырь, оставил вас, девяносто девять овец, — говорит, — в горах и сюда спустился, ища погибшую; если меня послушаешь, тогда “лицу твоему поклонятся богатые мира”».

Отвечает: «Дала я тебе обет, ибо овца я словесного твоего стада и пришла к тебе, доброму пастырю, прими меня, заблудшую, и целуй лобзанием уст твоих».

Пойми, тому, что дальше я скажу, я сам служитель, и не думайте, что я это взял не из Святого писания. Когда б мы данный при нашем постриге обет сдержали, тогда б не только прощение грехов получили, но и земную честь восприяли (подобно вашим святым отцам и чудотворцам, перед которыми склонились цари и князи) и в царствии небесном лицезрели бы Бога; иначе говоря: чего в молитвах бы просили, то скоро и сугубой мерой получили бы.

И снова стоящего вопрошает и говорит: «Если ты пастырь, то “не оставь меня, не отступись от меня”, ведь близится скорбное время, а я знаю, что Исайя о тебе говорит: “Этот, как пастырь, упасет свое стадо, и соберет под рукою своею агнцев, и утешит зачавших в утробе”». Таковы у новопосвященных иноков если не слова, так мысли. Держа свой обет, но не одолев слабости, просят они даровать им святость; чтя Писание, велят Богу спасти их без подвигов. Ибо не понимаем мы слов Павла: «Без подвига никого не венчают». Не в состоянии ведь прийти к победе спящий и не может спасти себя ленящийся.

Но не раскаивается Бог в своих дарах; верный тому свидетель на небесах Господь наш Исус Христос, который ни за что спасает иноческий чин, ибо он сам молится за нас и глаголет: «Отче святый, не о мире молю, но о сих, что ты дал мне, сохрани их имени твоего ради, чтобы там, где буду я, и они со мной были, чтоб никто из них не погиб, только сын погибели».

Имея такие обеты, монахи, подвизайтесь! Положено и средь нынешних апостолов быть Иуде, но пусть каждый блюдет себя; не предадим во лжи Бога-Слово, крадя, грабя, нанося обиды, помышляя злое об

игумене, оправдывая себя клятвой; не распнем Христа, недостойными приступая к причастию Святых Тайн, но во всем, по апостолу, делая себя Божьими слугами, будем многотерпеливо строить свое спасение. И как кони в табуне, друг с другом соревнуясь, мерятся силою, так и вы ревнуйте к подвигам святых отцов и состязайтесь друг с другом в посте, бдении, и молитвах, и в богослужебных трудах, чтобы не ослабеть в объедении, и пьянстве, и плотских желаниях и не оказаться в адской пустыни, и не быть растерзанными там геенскими зверьми, чтоб не растрескались наши тела, как кора земная, мучимые огнем, чтобы не «рассыпались наши кости при аде». Нет, оперившись крыльями своего разума, взмоем от губящего нас греха! Возьмем пищу из святых Книг и скажем с Давыдом: «Сколь сладостны гортани моей слова твои, лучше меда они устам моим».

Все это говоря, я не величаюсь, лишь себя теша, в неразумии рассуждаю, ибо человек я грешник, и язык мой — смрадный мой член. Хоть я и вошел в глубину Божьих книг, но неловким языком своего ума издаю грубые звуки. Бог же мира, отцы мои, многою милостию своею сделает вам приемлемым это повествование и сохранит ваши души в чистоте, тела неоскверненными, жизнь непорочной, девственность нерасхищенной, любовь к братии нелицемерной, и украсит покой ваш знамениями, и раскроет небесные двери, и уберет огненное оружие, и введет в горний Иерусалим, и увенчает своей десницей, и позовет к трапезе, и подаст чашу радости и веселия.

Мною же, как псом, молю вас, не пренебрегите, и здесь в святых молитвах помяните, и там от святой трапезы бросьте крохи, — от той, которой дай Бог сподобиться всем христианам, от вечной жизни во Христе Исусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веком.

СЛОВО НА ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ О ЕВАНГЕЛЬСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ СВЯТОГО КИРИЛЛА

Велики и древни сокровища, дивно и радостно откровение, чудны и несметны богатства, неоскудеваемы подаваемые ближним дары, славны и честны искусные строители дома, обильны и велики остатки царской трапезы, которыми окормляются нищие, — не тленной пищей, но пребывающей в вечной жизни! Ибо евангельские словесаде, что многоразлично говорил Христос ради спасения людей, — пища для

наших душ. Славный же и честной его дом, Церковь, искусными строителями имеет патриархов и епископов, иереев и игуменов, и всех церковных учителей, которые верой и чистотой приблизились к Богу и приняли по благодати Святого Духа различные дары учительства и целительства, по мере, дарованной им Христом. Тем же и мы, убогие, берущие крохи, оставшиеся от той трапезы, насыщаемся, ибо всякий раб хвалит своего хозяина.

Ныне нам радость и миру всему веселие, братия, из-за наставшего праздника, в котором сбылись пророческие писания через свершаемое Христом в этот день знамение. Ныне Христос входит в Иерусалим из Вифании, сев на молодого осла, чтобы сбылось пророчество Захарии, сказавшего о нем: «Радуйся и ликуй, дщерь Сиона, вот царь твой грядет кроткий, севший на молодого жеребца!» Это пророчество разумея, веселимся.

Дщерями вышнего Иерусалима названы души святых; а молодой жеребец — уверовавшие в Него народы из язычников, которых Он освободил, послав к ним апостолов, от дьявольского прельщения.

Ныне народы вышли навстречу Исусу, держа в руках вайи и воздавая тем ему почести, после того как он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Прекрасно людское свидетельство, поверив которому, народы познали в нем Сына Божия. Он чудеса сотворил среди иудеев, а спасение и благодать даровал язычникам. Те не узнали его, а язычники приняли его. Израиль отрекся от позвавшего их к вечной жизни, а уверовавших язычников привел он в небесное царство. Для тех — падение и соблазн, а концам земли — восстание и вера.

Ныне апостолы положили ризы свои на молодого жеребца, и Христос сидит поверх них. О, явление великой тайны! Ибо добродетели христиан — это апостольские ризы, ведь своим восприятием <Христова> учения сотворили благоверные люди престол Богу и вместилище Святому Духу: «Вселюсь в них, — сказано, — и стану жить в них, и буду им Богом, и станут людьми моими».

Ныне народы устилают путь его своими одеждами; а иные срезали с деревьев ветви и их постилали. Праведным и благим путем стал Христос для мирских владык и для всех вельмож; устилая этот путь милостыней и кротостью, без труда входят они в небесное царство. А ломающие с деревьев ветви — это простолюдины и грешники, кто приходит к Богу, выравнивая свой путь сокрушением сердца и

умилением души, постом и молитвами, ибо сказано: «Я — путь, истина и жизнь».

Ныне впереди идущие и идущие позади восклицают: «Осанна сыну Давыдову! Благословен грядущий во имя Господне!» Идущие же впереди — это пророки и апостолы: те заранее пророчествовали о Христовом пришествии, а эти миру всему провозвестили о пришедшем Боге и во имя его крестили народы. А идущие позади — святители и мученики: одни крепко боролись с еретиками и отринули их как врагов от святой церкви, другие до крови пострадали за Христово имя и, оставив все, последовали за ним, чтобы стать причастниками его страданий. Все они «осанну» восклицали и взывали: «Ты — Сын Божий, принявший плоть на земле, чтобы поднять падшего из-за нарушения заповеди Адама; благословенья ради и мы потщимся творить добрые дела во имя Господне».

Ныне пришел в движение весь Иерусалим из-за Господня прихода: спешат старцы, чтоб поклониться Исусу как Богу; торопятся отроки, чтобы прославить его за чудо Лазарева воскрешения; кричат младенцы, будто на крыльях паря вкруг Исуса: «Осанна сыну Давыдову! Благословен грядущий во имя Господне! Бог — Господь и явил себя нам!» О, откровение тайны и разрешение пророчеств! Ведь старцами названы язычники: ибо и прежде Авраама и Израиля были народы; тогда, прельщенные, удалились они от Бога, сейчас же — с верою Сыну Божию поклоняются. Образом же отроков назван честной, возлюбивший девство, отеческий чин, ибо непрестанно славит он Христа и творит чудеса по Божьей благодати. А в младенцах преображены все те христиане, что никак не мудрствуют о Христе, но для него живут и за него умирают, и приносят ему обеты и молитвы.

Ныне Анна и Каиафа негодуют: Всем веселие, а им — скорбь и недоумение. Подобало бы иерейскому чину быть мудру и испытывать по пророкам, не это ли Христос, о котором заповедал сынам своим Иаков, сказав им: «Из потомства твоего, Иуда, выйдет владыка неба и земли, он — упование народов, привязавший к лозе своего молодого жеребца». Не вспомнили они и Давыда, пророчествовавшего о нем и сказавшего: «Устами грудных младенцев свершил ты хвалу», и не уразумели Софонию, так писавшего: «Радуйся, Иерусалим, и уготовь путь твоему Богу, ибо придет он в свою церковь, творя чудеса и подавая знамения», но составили заговор на подателя всех благих, чтобы погубить не только Исуса, но и Лазаря, и не захотели вместе с народом говорить так: «Велик ты, Господи! Глас твой потряс адовы глубины и исторг из них душу умершего, и, спасенный, снова вернулся к жизни Лазарь!»

Ныне всякая тварь веселится, освобождаемая от вражьего порабощения, ныне сотряслись адские врата и путы и ужаснулись бесовские силы. Ныне холмы и горы сладость источают, нивы и поля Богу плоды приносят, горние поют, а преисподние рыдают, и дивятся ангелы, видя идущим по земле невидимого на небесах, сидящим на жеребенке, сущего на херувимском престоле, окруженным народами того, кто неприступен для небесных сил. Ныне младенцы радостно восхваляют того, кого со страхом славят и серафимы. Ныне шествует на пути в Иерусалим тот, кто измерил небо пядью и землю дланью, ныне вступает в церковь непомещающийся на небесах.

Ныне старейшина жрецов исполняется гневом на творца великих чудес, ныне книжники и фарисеи завидуют детям, бегущим с ветками навстречу Христу и взывающим: «Осанна сыну Давыдову!» Чудное дело! Как забыли они пророков, каждый по-своему писавших о Христе ради нашего, языческого, спасения! «Уже, — сказано, — нет стремления ко мне среди сынов Израилевых, явился я к не ищущим меня и скажу я людям не моим: “Мои вы люди”».

Потому, братия, подобает нам, Божьим людям, прославить возлюбившего нас Христа. Придите, поклонимся ему и припадем, как блудница, лобызая мысленно его пречистые ноги, и отстанем, как она, от злых дел; прольем, как миро на главу его, веру и любовь нашу; с любовью выйдем, как народы, ему навстречу и, как ветви, сломим свою злопамятливость; постелем ему, как ризы, добрые дела; вскричим молитвами и незлобивостью, как младенцы, предшествуем милостыней к нищим, последуем бдением и постом — и не погубим труд сорокадневного поста, в котором мы подвизались, очищаясь от всяческой скверны, чтоб вступил ныне в наш Иерусалим Христос. Ибо весь состав нашего тела наречен Иерусалимом, как говорит Исайя: «На своих руках, Иерусалим, написал я твои стены и поселюсь в тебе».

Приготовим же смирением, будто горницу, наши души, чтобы с причастием вошел в нас Сын Божий и сотворил с учениками своими Пасху. Пойдем вместе с пошедшим добровольно на страдания, понесем свой крест в претерпении любой обиды, распнем себя сопротивлением греху, умертвим телесные желания, воскликнем: «Осанна в вышних! Благословен ты, пришедший на добровольную муку, которой попрал ты ад и победил смерть!» и, прекративши на этом речи, венчаем песнями, как цветами, святую церковь и украсим праздник, воздадим Богу славословие и Христа, Спасителя нашего, возвеличим, осеняемы благодатью Святого Духа, чтобы, отметив в радости праздник, достигнуть в мире тридневного воскресения Господа нашего Исуса Христа, которому подобает всякая слава, честь и держава и поклонение, со Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом, всегда, и ныне, и присно, и во веки.

СЛОВО О РАССЛАБЛЕННОМ

СЛОВО ТОГО ЖЕ ГРЕШНОГО МОНАХА О РАССЛАБЛЕННОМ, ПО БЫТИЮ И ПО ЕВАНГЕЛЬСКОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ, — В ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ ПО ПАСХЕ

Неизмерима небесная высота, неисследима преисподняя глубина, непостижима и тайна Божьего промысла, ибо велика и несказанна милость его к человеческому роду, та, которой были мы помилованы. Потому должны мы, братья, славословить, петь и восхвалять Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, возвещая о великих его чудесах, сколько он их ни сотворил, ибо непостижимы они и ангелам, не то что людям.

Ныне вот побеседуем о расслабленном, о ком сегодня помянул сам Господь, кого призрел он и помиловал, — того, кем пренебрегли врачи, кого забыли погружавшие больных в купель служители; все они, когда вскипала вода, печась о здравии богатых, отталкивали того, кого ныне благой человеколюбец Христос исцелил словом, — ибо врач он нашим душам и телам, и слово его было делом.

Глаголет евангелист: пришел Исус в Иерусалим в преполовение еврейского праздника, когда множество народа со всех городов собирается по обычаю в Иерусалим. Тогда и Господь пришел, помогая всячески своим рабам и обличая безумие непокорных иудеев; поистине, пришел, чтобы найти заблудших и спасти погибших. Много сотворил он чудес по всей Палестине, но не веруют ему и в ответ на благодать хулят его, называя соблазнителем и лжецом. Потому пришел он при стечении множества народа к Силуамскому водоему, что зовется Вифезда, или Овчая купель (ибо там внутренности жертвенных овец полоскали). Над ней был храм с пятью притворами, и там лежало множество больных, хромых и слепых, и страждущих другими недугами, чающих движения воды; ибо ангел Господень приходил и возмущал воду, и первый, кто входил в нее после возмущения, исцелялся.

И был это прообраз святого крещения. Ибо не всегда вода та исцеляла, но лишь когда возмущал ее ангел. А теперь к крестильной купели сам владыка ангелов, Святой Дух, приходит и ее освящает и подает здравие душам и телам и грехам очищение; если кто ослеп разумом, или охромел неверием, или иссох от отчаяния за многие преступления, или

расслаблен еретическим учением — всех крещальная вода делает здоровыми. Та купель многих принимала, но одного исцеляла, да и то не всегда, а единожды в лето, — а крещальная купель всякий день многих оживляет и делает здоровыми. Ведь даже если люди со всей земли придут к крещению, не уменьшится Божья благодать, подающая всем исцеление от недугов греха.

Скажем же про Господню благодать, как пришел он к Овчей купели и увидел расслабленного человека, много времени лежащего на одре в недуге, и, воззвавши к нему, сказал: «Хочешь ли быть здоров?» «Да, Господи! — отвечал тот, — давно хочу, но нет человека, кто бы после возмущения ангелом воды погрузил меня в купель. А коли спросил ты меня, Владыка, о здоровьи, то кротко выслушай мой ответ, да поведаю тебе про свою напасть и болезнь. Тридцать восемь лет лежу я, пригвожден недугом, на этом одре; грехи мои расслабили все члены моего тела, и душа моя прежде смертного суда поношеньями истерзана. Молюсь Богу, и не слышит меня, “ибо преступления мои превзошли меру выше головы моей”. Врачам раздал я все, что имел, но не смог получить помощи, ибо нет лекарства, могущего отменить Божье наказание. Знакомые мои гнушаются мной, ведь смрад мой лишил меня всякого покоя; и близкие мои стыдятся меня, так что стал из-за болезни чужим я братии своей. Все люди клянут меня, того же, кто б утешил, не нашлось. Назвать ли себя мне мертвецом? Но чрево мое просит пищи, и язык сохнет от жажды! Считать ли себя живым? Так не в силах я не только встать с одра, но и подвинуться! Ноги у меня не ходят, руки же не только не способны к работе, но и ощупать себя не могу я ими. Непогребенным мертвецом считаю я себя, и одр сей — гроб мой. Мертвый я посреди живых и живой среди мертвых, ибо как живой принимаю пищу, и как мертвый ничего не делаю. Мучит меня, как в аду, бесстыдство поносящих меня; посмешище я для юных, издевающихся надо мной, и перед старцами лежу я как пример для наставления. Все надо мной смеются, я же вдвойне стражду: изнутри когтит меня болезнь, а снаружи обидами укоряющих истерзан. Плевками ото всех покрыт я. И другое сетование владеет мной; голод, больше недуга, одолевает меня; если и найду я пищу, так не могу положить ее рукою в рот; всех молю, чтоб хоть кто-нибудь накормил меня, и, бывает, делим мой бедный кусок с кормящими меня. Стону в слезах, мучимый своим недугом, и никто не придет посетить меня; один мучусь, и никто не видит меня. А когда принесут сюда остатки от трапез богобоязненных людей, так немедленно прибегают служители Овчей купели, и не так жадно псы слизывали Лазаревы струпы, как они пожирают поданную мне милостыню. Нет у меня ничего, чтобы заплатить единственному человеку, который попечется обо мне, ибо скверно расточил я данное мне в рае богатство; украдено змеем в Эдеме одеяние моей чистоты, и лежу я здесь обнажен от Божьего покрова. Нет человека, кто бы, не гнушаясь, послужил мне! Еноха и Ильи нет на земле, взяты они на огненной колеснице и пребывают там, где Богу ведомо; Авраам с Иовом, недолго послужившие таким, как я, преставились к бесконечной жизни. Господи, нет человека, верного пред Богом! Боговидец и законодавец Моисей потом согрешил пред

Богом и не вошел в обетованную землю; премудрый Соломон, три раза беседовавший с Богом, на старости лет воспротивился Богу и, прельстившись женщинами, погиб. Господи, нет человека, который бы положил меня в купель! Все удалились и не помогли, и никого нет, кто бы сотворил добро, нет ни единого; и не понимает этого никто из совершающих беззакония!»

И услышав все это из уст расслабленного, добрый наш врач Господь Исус Христос отвечал расслабленному; «Как можешь ты говорить, что нет человека! Я ради тебя стал человеком, — щедрый и милостивый, — не разорив обманом свой обет вочеловечения. Слышал ведь ты пророка, глаголющего, — что дитя родится, сын Вышнего, что дан он нам, что он болезни и недуги наши понесет. Ради тебя, оставив скипетры горнего царства, обхожу я дольних, служа им, — ибо пришел я не для того, чтобы мне служили, но — чтобы самому служить. Ради тебя, будучи бесплотным, облекся я плотию, чтобы исцелить душевные и телесные недуги каждого. Ради тебя, невидимый никому из ангельских сил, явился я людям, ибо не хочу оставить сотворенного по моему образу лежать во прахе, но хочу спасти его и привести в истинный разум. И ты говоришь; "Нет человека!" Я сделался человеком, чтоб человека сделать Богом! Ведь я сказал: "Богами станут все и сынами Всевышнего". И кто другой верней меня служит тебе? Тебе всю тварь на работу я создал; и небо, и земля тебе служат, — одно влагой, другое плодами. Тебе служит солнце светом и теплом, и луна со звездами ночь освещает. Для тебя облака напояют землю дождем, и земля взращивает всякую семеносную траву и плодоносные деревья тебе на службу. Для тебя реки носят рыбу и пустынные дебри вскармливают зверей. И ты говоришь: "Нет человека!" Кто ж вернее, чем я, человек! Ведь не нарушил я обета о своем вочеловечении: клялся я Аврааму и говорил: "Семенем твоим благословенны будут народы, от Исаака будет тебе потомство, и, воплотившись в нем, отменю я обрезание и сотворю живую воду, многих чад порождающую крещением", о которой глаголет Исайя, что "пробилась вода в пустыни". Жаждуще, на воду живую идите! Я — озеро жизни! И вот изливаю я на тебя из своих уст живой источник, а ты жаждешь Овчей купели, которая скоро пересохнет. Встань, возьми свой одр, пусть слышит меня Адам и обновится теперь вместе с тобой от тления, ибо в тебе исцеляю я ныне проклятие первого Евиного преступления! Я словом оживил Лазаря, раскисшего уже в гробу и бывшего четыре дня мертвым, и тебе говорю теперь: "Встань, возьми свой одр и иди в свой дом!"»

И быстро вскочил расслабленный с одра, полный сил и здоровый всеми членами, и взявши одр, на котором лежал, стал ходить среди народа.

А в тот день была суббота; и иудеи, завидев его, не порадовались выздоровлению немощного, не вознесли хвалу Богу, поднявшему

расслабленного с одра его немощи, не спросили: «Как у тебя, брат, жилы и члены укрепились?» — а, как звери на вооруженного, набросились и отбежали вспять и, пуская, как стрелы о камень, богохульные речи, стали ломаться. Ведь предпочли они говорить неправду, нежели правду, и стали угрожать носившему одр: «Сейчас суббота, и не положено тебе брать одр! Зачем поднялся ты из немощи? Зачем исцелился от недуга? Зачем перестал болеть? Нехорошо сейчас носить тебе свой одр!»

И сказал им исцеленный от недуга: «Что говорите вы, фарисеи! Будучи мудрыми, обезумели вы от злобы! Не насытились ли вы за тридцать восемь лет зрелищем того, как, полумертвый, лежу я на одре? А теперь, когда я встал по Божьему слову, ослепли вы умом и, хромая, спотыкаетесь о свою неправду. Если уж не было добром, то и не зло мое востание. Если вы не радуетесь великому чуду, так хотя бы не завидуйте данному мне здоровью. Не уподобляйтесь лошакам, у которых нет разума! Господь помог мне на одре моей болезни и весь недуг мой обратил в здоровье. Скажите мне, старейшины и судьи Израилевы, у кого из вас украдено было данное мне здоровье, что вы так жалеете и грозите мне? Ведь никто из вас не обижен и ни у кого из вас не отнято, чтобы быть дарованным мне; тот, кто исцелил меня, сказал мне: “Встань, возьми свой одр и ходи!” И вот я весь здоров».

Отвечали книжники: «Кто он, тот, что исцелил тебя?» Носящий одр этого не знал, — ибо Исус удалился из толпы, — но сказал: «Не волхв он и не чародей, ни посланник, ни ангел, а сам Господь Бог Израилев. Ибо не прикасался он ко мне руками, не прикладывал снадобья к язвам моих членов, но слово его было делом. Сказал мне: “Встань и иди!” — и последовало за словом дело и телесное здравие. Поэтому не доискивайтесь лица, не хулите Божьей благодати, а справедливо рассудите: скажите Богу, что “величают дела твои в Израиле” и почтите субботу Господним чудом, и прославьте Бога, и украсьте праздник!»

Но иудеи не унимались и говорили: «Кто исцелил тебя в субботу? Покажи, кто повелел тебе носить одр в праздник!»

Нашел же его Исус снова в церкви и сказал ему: «Вот исцелен ты, больше не греши, чтобы не стало тебе горше прежнего!»

И не будем мы думать, что одному ему сказал это Христос, нет, — всем нам, принявшим благодать крещения, которым мы очищены от

прародительской скверны и исцелены от растлевающего нас греха; вот что как бы сказал Господь тому исцеленному: «Вот исцелил я в тебе болячки всего Адама, и поднял того, кто пал из-за нарушения заповеди, и упразднил ныне проклятие, лежащее из-за него на всем человеческом роде, омыл крещением скверну всякого прегрешения, поискав, нашел шедшего недобрым путем идолослужения, перевязал раны израненного бесовскими разбойниками, возлил на язвы его вино и елей своей крови и, положив на скотину своего тела, принес в гостиницу — в святую церковь, дал два серебреника хозяину гостиницы, то есть Ветхий и Новый Завет святителям, чтобы с прилежанием учили людей; обещал и вознаграждение по возвращении своем тем, кто спасает грешников. Вот исцелен ты и больше не греши, ибо горе, — сказал он, — тому, кто грешит сознательно!»

Уразумейте же все смысл сказанного, — то, что не разрешает Господь грешить нам по крещении, чтоб снова не растлить обновленного Богом человека. По восприятии же любого священнослужительского сана — горе согрешающим; и по восприятии монашества, скажу, и иерейства, и в самом епископстве — горе не боящимся Бога!

А тот человек был верен, ибо после исцеления не погрузился в телесные скверны и не похулил Исуса перед иудеями, но пребывал в церкви, где и нашел его Христос. И узнав того, кто исцелил его, он сказал: «Праведен ты, Господи, и слово твое — истина! Отныне приобщаюсь я ко всем тем, кто боится тебя и сохраняет заповеди твои»; и пошел по всей стране, разнося весть, что «он Исус, тот, кто сделал меня здоровым».

Так прославим, братья, и мы Исуса Христа, Бога нашего, исцелившего нас от греховных недугов, и, припавши с верою к нему, скажем: «Не попомни прежних наших преступлений и очисти нынешние прегрешения, — ибо ты Бог всех, небесных и земных. Помилуй нас, уповающих на тебя, создатель человека, творец ангелов, царь всего мира, владыка архангелов, создатель херувимов, украшатель серафимов, чтобы, спасенные тобою, славили мы тебя с Отцом и Пресвятым Духом, ныне, и присно, и во веки!»

ПОСЛАНИЕ К ИГУМЕНУ ВАСИЛИЮ О СХИМЕ

ПОСЛАНИЕ НЕКОЕГО СТАРЦА К БЛАЖЕННОМУ В БОГЕ АРХИМАНДРИТУ ВАСИЛИЮ О СХИМЕ

Шлю поклон от моего недостоинства твоему преподобию, милый мой господин, всечестной богоблаженный Василий, воистину, великий и славный во всем мире архимандрит, отец отцам, наставник вышнего пути, мудрая душа, проникающая умом все богодухновенные книги, второй игумен Феодосии Печерский, не именем, но делами и верою равный его святости! И больше даже него прославил тебя Христос как верного своего раба и слугу своей матери: ибо он, начав строить церковь, позван был Богом и к нему отошел, тобою же Бог не церковь только создал, но создал и стены каменные около святой лавры, где жилища святых и дворы преподобных, непрестанно хвалящих в Троице славимого Бога, славящих воплотившегося в двух сущностях от Духа Святого и от Марии девы вочеловечившегося, принявшего за наши грехи распятие и смерть.

А о чем, господин мой, прислал ко мне грамоту, вопрошая как бы о великом и святом схимническом образе, в который издавна облечься желаешь, об этом ты не как несведущий спрашиваешь, но испытываешь мое убожество, как подобает испытывать учителю ученика и господину раба. И я не от себя скажу тебе о святой схиме, но от святых книг, больше — от самого Христа, напомню притчу о том человеке, что создал на камне дом свой и хлев свой.

Не о песке помышляй, не о создании храмины, не о реках и дожде или лютых ветрах, ударяющих в здание, пусть слышит господин мой Василий о святой схиме, что хочет принять.

Ты создал на твердом основании стены каменные около всего Печерского монастыря, высокие и прекрасные; и прежде всего собрал для этого свое богатство, затем и кирпич огнем обжег, водою же и раствором довершил дело. Но не таково то святое строительство, когда создают в себе самом храм Божий, чтоб можно было поселиться в нем Святому Духу.

Если такую святую сотворить хочешь обитель, решаешься в себе самом положить основание Святой Троице, иначе, обновиться святою схимою, как говорится, «рассчесться с имением», то прежде всего, помолясь Богу, сядь и напиши свой обет, собравшись с мыслями, что станешь ты до смерти хранить: день или два в неделю либо в месяц станешь ли поститься от еды или от питья, или проводить ночь в молитве, или не разговаривать с людьми, и не выходить из монастыря в обетный день, или милостыню творить от своего рукоделия, или исполнять любое людское прошение, или гнев прощать. И если ты дашь свое обещание,

то Бог отдаст тебе свое. Если же хочешь взять аналав и куколь без рассуждения, глядя на тех, кто только величается схимою, то ведь если они и труждаются в посте и молитвах, все равно, не имея твердого основания, падает их храмина — не от дождя, не от ветра, но от собственного их неразумия; иногда от всего воздерживаются, иногда же слабо живут, говорят: «Праздник сейчас», или: «Ради приятеля стану есть и пить», или: «Христиане звали, снова потом заговею» — все это подобно тому, как если бы один созидал, а другой разорял, или же как если бы, омываясь после мертвеца, снова к нему прикасаться. Многие, сказано, иссушили тело свое постом и воздержанием, но уста их воссмердели, затем, что без рассуждения это творили, потому и далеко оказались от Бога. И Лот не соблазнился в Содоме с беззаконными, а вот в Сигоре с дочерьми осквернился.

И ты, в бельцах и в иночестве Богу угодивши и душеполезно поживши, беря на себя схимническое бремя, все прошлое, подобно апостолам, забудь и к предстоящему устремляйся. Земную печаль вмени за безделицу и о небесной жизни всегда пекись по правилу твоего обета. Не так, как Лот, позабыть в пьянстве стремись печали, но Христову житию со вниманием подражай. Господь ведь, давши обет о себе всем апостолам, исполнил его, а ты всей братии обещался, выполни же это, общий будет тогда тебе с ними Бог, общая любовь, общее воздаяние, общие венцы, и сотворишь во многих телах едину душу, и ради всех награду приимешь.

Вот я в твою борозду сею семена, слова о богоугодном труде. Сам смотри, если плевелы здесь будут, ты злое семя с корнем исторгни, а меня накажи. Если же это пшеница, то чтобы не при дороге, не на камне, не в тернии сеял. Даже если три части погибнут, то надеюсь, что от единой ты сможешь сторицей собрать с Божией помощью, если с ним о схиме посоветоваться рассудишь.

Знаешь ведь все о житии святых отцов, как, подвизаясь с обетом, достигли они венцов. Ничто их храмины не смогло порушить: ни почести, ни звания, ни слава, ни скорбь, ни нужда, ни гонения, ни леность; ни сам дьявол, всячески на них устремляясь, не смог с обетного свести их дела. Но подобию тому как медная секира сухим деревом сама себе вредит, так и дьявол сам себе содевает зло, а те, кто тверд многою верою, чрез искушение венцы себе приобретают. Слабый же падает не через дьявола, но через свое неразумие, разрушая злыми мыслями, словно зыбким песком, добрые начинания.

И коли желаешь ты строить духовную храмину, положи веру в ее основание и кирпичами пусть будут надежда и любовь; свяжи

целомудрием, как водою, грязь плоти твоей, чтобы возвысилась, словно храм, душа твоя. Подопри ее, как столпом, Божьей помощью, чтоб, если обрушатся каким-либо образом дождь и водные потоки, пребывала бы она как скала для добрых и злых людей. Введи во храмину мать и жену, то есть кротость и смирение. Кротость ведь угождает Богу, а смирение возводит на небеса. Оградитесь со всех сторон, как от татей, страхом Божиим и молитвою, и стражем поставь мудрый ум, чтоб, если случится тебе во граде быть, или в народе, или в веси, или на торгу, не дал бы ты сердцу своему там рассеяться мыслями, а оставался бы посреди всего, как внутри кельи, размышляя о разлучении души с телом, внемля себе, словно в пустыню ушедши.

Если все это с Божьей помощью устроишь и не станешь возноситься в гордости, осуждая других, тогда, свободным оком к мысленному воззрев свету, узришь Отца свету, как Иов скажешь: «Прежде лишь слухом слышали, ныне же око мое видит тебя», не телесное, но духовное; «В свете лица твоего, Господи, пойдем и о имени твоем возрадуемся во веки». Бог же, господин мой, утвердит твою душу не преступать обета. Ибо «Обещайте, — сказал, — и воздадите». И больше: «Лучше не обещаться, нежели, обещавшись, не воздать». Так же и апостол осуждает нас, говоря: «Зачем не до крови сражались, подвизаясь против греха».

За все же это, мой милый господин и благодетель, не прогневайся, не возненавидь меня, не от ума, а от неразумия все это написавшего, но, разодравши, брось это наземь. Мои ведь словеса, как паутина, сами распадаются, ибо не могут к пользе прилепиться, не имея влаги Святого Духа. И не как учитель, отечески и стройно, наставляю я тебя, но со всей своей простотой беседую с тобой только потому, что твоя любовь и мои отверзает уста. Ты же избери из написанного, что хочешь, что тебе будет лучше, обо всем ведь ведаешь благоразумно, милый мой господин, честной Василий.

Я же, грешный, молю у Господа быть тебе здраву, мирно долгоденствовать, строить дом святой Богородицы и достойно служить Богу; и непременно получишь воздаяние со всеми святыми праотцами и отцами, с апостолами и патриархами и преподобными игуменами молитвами пресвятой Богородицы и святого Феодосия, чей ты сын и преемник о Христе Исусе, Господе нашем.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Андрей Боголюбский (ок. 1110—1174 гг.), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 года великий князь владимирский и суздальский, в истории известен деятельностью по перенесению центра русской государственности на северо-восток, стремлением объединить Русь под главенством владимирских князей. Погиб в результате дворцового заговора в своей резиденции недалеко от Владимира. Повествование об этом событии содержит множество конкретных подробностей (подтвержденных впоследствии и раскопками могилы князя), которые выдают в авторе очевидца описываемых событий. Возможным автором поэтому и называют одного из действующих лиц повести, изображенного здесь сторонником князя и его политической линии: игумена Феодула, что наименее вероятно (хотя под его руководством составлялся в 1177 году летописный свод, включивший в себя повесть); киевлянина Кузьму, слугу князя или одного из мастеровых («златокузнец»), приглашенных Андреем на строительство Боголюбова; выходца из Вышгорода, главу капитула Успенского собора во Владимире Микулу (который был автором и других произведений, в том числе, возможно, и широко известного «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы»); особенно вероятен в качестве автора Микула — противник усобиц и боярской знати, повинной в убийстве князя, сторонник владимирских горожан. Автор составил текст в духе южнорусских биографических повестей XI—XII веков, с подражаниями или прямыми цитатами из житий Владимира, Бориса и Глеба, но в интересах нового политического центра Руси. Например, здесь четко и последовательно проведено противопоставление Киева — Владимиру, Боголюбова — Вышгороду, Золотых и Серебряных ворот одного города — таким же воротам другого, мученической смерти Андрея — такой же кончине Бориса и Глеба, и т. д., вплоть до смешения Владимира и Киева в тексте народной притчи, входящей в повесть.

Полный текст «Повести...» сохранился в Ипатьевской летописи под 1175 годом, тогда как во Владимирском летописном своде 1177 года помещен сокращенный и переработанный вариант ее (см. Лаврентьевскую летопись в списке 1377 г.); по некоторым соображениям, она могла быть написана между 1174 и 1177 годом.

В «Повести...» умело и тонко сплетены две линии: мирская и земная, поданная в действии (в событиях),— и церковная, духовная, поданная в размышлениях князя и комментариях автора. Психологические детали повествования и образная народная речь реалистически видоизменяют намеренно идеализированный образ князя, навеянный традицией житий. Действия живого князя не совпадают с авторскими разъяснениями в отношении этих действий; впечатление такое, будто повесть в ее полном варианте писали два автора.

Текст публикуется по Ипатьевской летописи в издании: *ПСРЛ*, том второй. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 580—595.

ОРИГИНАЛ

В лѣто 6683. Убьенъ бысть великий князь Андрѣи Суждальскии, сына Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха месяца июня вь 28-й день на канунъ святыхъ апостолъ. День бѣ тогда субота.

Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемъ Боголюбыи, толь далече, якоже Вышегородъ от Кыева, тако же и Боголюбыи от Володимѣря.[1] Сы благовѣрныи и христолюбивыи князь Аньдрѣи от млады верьсты Христа возлюбивъ и прѣчистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну душю украсивъ всими добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рождества[2] посредѣ города камену создавъ Боголюбомъ и удиви ю паче всихъ церквии; подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрыи создалъ, тако и сии князь благовѣрныи Андрѣи и створи церковь сию и память собѣ и украси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ, и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю свѣтлостью же, нѣкако зрѣти, зане вся церкви бяше золота. И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея, *и* златомъ и финиптомъ, и всякою добродѣтелью, и церковнымь строеньемь украшена и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ с каменьи драгими и рѣпидии многоцѣньными, каньдѣлы различными *извну* церкви от верха и до долу, и по стѣнамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободвѣрье церкви златомъ же ковано. Бяшеть же и сѣнь златом украшена от вѣрха и до Дѣисиса[3] и всею добродѣтелью церковною исполнена, изьмечтана всею хытростью!

Князь же Андрѣи бѣ городъ Володимѣрь *силно устроилъ*, к нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини, и доспѣ церковь камену сборъную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковьныя троѣ золотомъ устрои. Каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю мьногоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими поникадѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онъбонъ от злата и серебра устрои, а служебныхъ *съсудъ* и рипидьи и всего строенья церковьнаго златомъ и каменьемь драгимъ и жемчюгомъ великимъ велми много, а трие ерусалимъ велми велиции, иже от злата чиста, от каменья многоцѣньна устрои: и всими виды и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломоновѣ Святая Святыхъ. И въ Боголюбомъ, и въ Володимѣрѣ городѣ вѣрхъ бо златомь устрои и комары позолоти и поясъ златомъ устрои, каменьемь усвѣти, и столпъ

позлати, и изовну церкви и по комаромъ же поткы золоты и кубъкы, и вѣтрила золотомъ устроена постави, и по всеи церкви и по комаромъ около.

Посемъ же иныи церкви многы камены постави различныѣ и монастырѣ многи созда, на весь бо церковьныи чинъ и на церковникы отвѣрьзлъ бяше Богъ сердечнѣ очи. Не помрачи ума своего пьяньствомь, и кормитель бяшеть черньцемь и черницамъ, и убогымъ, и всякому чину яко вьзлюбленыи отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ, слыша Господа глаголюща: «Аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте»,[4] и пакы Давидъ глаголеть: «Блаженъ мужь милуя и дая весь день, о Господѣ не поткнется». Мужьство и умъ в нѣмъ живяше, правда же истина с нимъ ходяста. И иного добродѣяния много в нем бяше, и всякъ обычаи добронравенъ имѣяшеть: в нощь въходяшеть в церквь и свищи въжигивашеть сам и, *видя* образъ Божии, на иконахъ написанъ, взирая, яко на самаго творця; и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свои скрушеномь сердцемъ и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянье Давидово приимая, плачася о грисѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣненая паче тлѣньныхъ и небесная паче врѣмѣненыхъ и царство *съ* святыми у вседержителя Бога паче притекущаго сего царьства земльного, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторыи мудрыи Соломонъ бяшеть же.

И сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питие разноличное болнымъ и нищимъ на потребу, и, видя всякого нища приходящего к собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако, ѣда «се есть Христосъ пришедъ испытать мене», и тако приимаше всякого приходящего к нему, яко же Христос заповѣда, рече: «Аще симь меньшимъ створисте братьи моеи, то мнѣ створисте», и то помняше слово в сердци всегда. Тѣмъ достоино от Бога побѣдныи вѣнѣць приялъ еси, княже Андрѣю, мужьству тѣзоимените братома благоумныма, святыма страстотерпцема[5] вьслѣдовалъ еси, кровью умы вся страдания ти. Аще бо не напасть, то не вѣнѣць, аще ли не мука, то ни дарове: всякыи бо держася добродѣтели, не можеть бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрѣи, вражное убииство слышавъ напередъ до себе, духомъ разгореся божественымъ, и ни во что же вмѣни, глаголя: «Господа Бога моего Вседержителя и Творьца своего возлюбленни людье на крестѣ пригвоздиша, глаголяще: “кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ”; и пакы глаголющее слово усты святых еуангелистъ: «Аще кто положить душю свою за другъ свои, можетъ мои ученикъ быти».[6] Сеи же боголюбивии князь не за друга, но за самого Творца, создавьшаго всячькая от небытия вь бытье, душю свою положи, тѣмъ в память убьенья твоего, страстотерпче княже Андрѣю, удивишася небеснии вои, видяще кровь, проливаему за Христа, рыдаеть же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканеныѣ же убиицѣ огнемь крѣстяться конѣчнымь, и сожигаеть всякого грѣха купину,

рекьше дѣянья. Ты же, страстотерпьче, молися ко всемогущому Богу о племени своемь, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськои дати мирови миръ.

Мы же на преднее възвратимся.

Се же бысть вь пятницю на *обѣдни съвѣтъ* лукавыи пагубоубиистьвеныи. И бѣ у него Якимъ, слуга, възлюблены имъ. И слыша от некого, аже брата его князь велѣлъ казнить, и устрѣмися дьяволимь научениемь и тече, вопия кь братьи своеи, къ злымъ свѣтникомъ, якоже Июда къ жидомъ, тъсняся угодити отцю своему Сотонѣ, и почаша молвити: «Днесь того казнилъ, а насъ завутра, а промыслимы о князѣ семь». И свѣщаша убииство на ночь, якоже Июда на Господа.

И пришедъши нощи, они же устрѣмивьшеся, поимавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрье свѣрьпии, и идущимъ имъ к ложници его, и прия ѣ страхъ и трепетъ. И бѣжаша сь сѣнии, шедше в медушу и пиша вино. Сотона же веселяшеть ѣ в медуши и, служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, яко же ся ему обѣщали бяхуть. И тако упившеся виномъ, поидоша на сѣни. Началникъ же убиицамъ бысть Петръ, Кучьковъ зять, Анбалъ, ясинъ ключникъ,[7] Якимъ, *Кучьковичи*, а всихъ невѣрныхь убииць 20 числомъ, иже ся бяху спали на оканьныи съвѣтъ томь дни у Петра у Кучкова зятя, постигъши бо ночи суботнии на память святую апостолу Петра и Павла.

Вземъше оружье, яко звѣрье дивии, пришедъшимъ имъ к ложници, идеже блаженыи князь Андрѣи лежить, и рече одинъ стоя у двѣрии: «Господине, господине...» — и князь рече: «Кто есть?», и онъ же рече: «Прокопья», и рече князь: «О, паробьче, не Прокопья!» Они же, прискочивше кь двѣремъ, слышавше слово княже, и почаша бити вь двѣри и силою выломиша двѣри. Блаженыи же вьскочи, хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялы Амбалъ ключникъ, его то бо мечь бяшеть святого Бориса. И вьскочиша два оканьная и ястася с нимь, и князь повѣрже одиного подъ ся и, мневше князя повѣржена и уязвиша и свои другъ, и по семь, познавша князя, и боряхуся с нимь велми, бяшеть бо силенъ. И сѣкоша и мечи и саблями, и копииныя язвы даша ему, и рече имъ: «О, горе вамъ, нечестивии, что уподобистеся Горясѣру?[8] что вы зло учинихъ? Аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богь отомьстить вы и мои хлѣбъ!» Си же нечестивии, мнѣвьша его убиена до конца, и вьземше друга своего и несоша вонъ, трепещющи отидоша. Онъ же в оторопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати, и въ болѣзни сердца иде подъ сѣни. Они же, слышавше гласъ, возворотишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: «Стоя, видихъ *окъномь* князя идуша сь сѣнии доловь». И рекоша:

«Глядаите его!» — и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли, убивше. И рекоша тотъ: «Есме погибохомъ! Вборзѣ ищете его!» И тако вьжегъше свѣщи, налѣзоша и по крови.

Князь же, узрѣвъ я, идуща к собѣ, и вьздѣвъ руцѣ на небо, помолися Богу, глаголя: «Аще, Господи, и в семь *осуженъ* конѣць, приимаю. Аще и много согрѣшихъ, Господи, заповѣди твоя не схранивъ, но вѣдѣвъ, яко милостивъ еси плачюща видиши и противу течеши, обращая блудьнаго». И вьздохнувъ из глубины сердечныя и прослѣзися, и помяну вся Иовова,[9] и размышляше вь сердце своемь, и рече: «Господи, аще во время живота моего мало и полно труда и злыхъ дѣлъ, но отпущение ми даруи и сподоби мя, Господи, недостоинаго прияти конѣць сѣи, якоже вси святии, тако и толикы страсти и различныя смерти на правѣдникы находилы суть и *яко* святии пророци и апостоли с мученикы вѣнчашася, по Господѣ крови своя прольяша и *яко* и святии священномученици и приподобнии отци и горькыя мукы различныя смерти прияша и съкрушени быша от дьявола, яко злато в горнилѣ, ихъ же молитвами, Господи, избраномъ твоемъ стадѣ съ десными овцами причти мя, и *яко* святии правовѣрнии цари прольяша крови, стражюще за люди своя, и ѣще же и Господь нашь Исусъ Христосъ искупи мира от прельсти дьяволя чьстьною кровью своею». И тако глаголя тѣшашеся, пакы же глаголаше: «Господи, призри на немощь мою и вижь смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, одержащюю мя нынѣ! Да уповая терпьлю о всихъ сихъ. Благодарю тя, Господи, яко смирилъ еси душю мою, и в царьствии твоемь причастьника мя створи! И се ныне, Господи, аще и кровь и мою прольють, и причти мя въ ликы святыхъ мученикъ твоих, Господи!»

И то ему глаголавшю и моливьшюся о грѣсѣхъ своихъ к Богу и сѣдящю ему за столпомъ вьсходнымь, и на долзѣ ищющимъ его, и узрѣша и сѣдяша, яко агня непорочно. И ту оканьни прискочиша и *прикончаша его*, Петръ же оття ему руку десную. Князь же вьзрѣвъ на небо и рече: «Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ духъ мои» — и тако успе. Убьенъ же бысть в суботу на нощь, и о свѣте заутра в недѣлю, на память 12 апостолу.

Оканьнии же оттуда шедше, убиша Прокопья, милостьника его, и оттуда идоша на сѣни и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчюгъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣния, и вьскладаше на милостьныѣ конѣ, послаша до свѣта прочь. А сами, возьмьше на ся оружья княже милостьное, почаша совокупити дружину кь собѣ, ркуче: «Ци жда на насъ приѣдуть дружина Володимиря?» — и скупиша полкъ, и послаша къ Володимѣрю: «Ти что помышляете на насъ? А хочем ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ!» И рѣкоша володимѣрьци: «Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ» — и разиидошася, и вьлегоша грабить, страшно зрѣти.

И тече на мѣсто Кузмище киянинъ: «Оли нѣтуть князя, убиенъ!» И почаша прошати Кузмище: «Кдѣ есть убитъ господинъ?» — и рекоша: «Лежить ти выволоченъ в огородъ, но не мози имати его! Тако ти молвять, вси хочемы и вывеpечи псомъ! Оже ся кто прииметь по нь, тотъ нашь есть ворожьбить и того убьемъ!» И нача плакати надъ нимь Кузмище: «Господине мои! Како еси не очютилъ сквѣрныхъ и нечестивыхъ, пагубоубииственыих ворожьбить своихъ, идущихъ к тобѣ? Или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?»[10] — и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему дал бяшеть. И рече, вьзрѣвь на нь, Кузмище: «Амбале, вороже! Сверзи коверъ ли, что ли, что постьлати или чимъ прекрыти господина нашего». И рече Амбалъ: «Иди прочь! Мы хочемь вывеpечи псомъ». И рече Кузмище: «О еретиче! уже псомъ вывеpечи! Помнишь ли, жидовине, вь которых порътѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить, но молю ти ся: свѣрьзи ми что любо!» — и сверже коверъ и корзно. И, обѣртѣвъ и, и несе и в церковь, и рече: «Отмъкнете ми церковь!» — и рекоша: «Порини и ту вь притворѣ, печаль ти имъ!» — уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «Уже тебе, господине, поробьци твои тебе не знають; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и от *иныхъ* странъ, изъ Русскои земли, аче латининъ, и до всего христьяньства, и до всеѣ погани, и рече: “*Въведѣте* и вь церковь и на *полаты*, да видять истиньное христьяньство!” — и крѣстяться и болгарѣ, и жидове, и вся погань, видивше славу божию, и украшение церковьное! И тѣ болма плачють по тобѣ, а сии ни вь церковь не велять вложити!»

И тако положивы и вь притворѣ у церкви, прикрывы и корьзномь, и лежа ту 2 дни и ночи. На третий день приде Арьсѣнии, игуменъ[11] святую Кузмы и Демьяна, и рече и: «Долго намъ зрѣвшимъ на старѣишиѣ игумени, и долго сему князю лежати? Отомькните ми церковь, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си буди в гробъ. Да коли престанеть злоба си, да тогда, пришедъ из Володимеря, и понесуть и тамо». И пришедъше клирошани боголюбьскыи, вземше и, внесоша и въ церковь и вложиша и вь гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погрѣбалное со игуменомъ Арсеньемь.

Горожанѣ же боголюбьци разграбиша домъ княжь и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу, — золото и серебро, порты и паволокы, имѣние, емуже не бѣ числа. И много зла створися вь волости его: посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣтскиѣ его, и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: «Идежде законъ, ту и обидъ много.»[12] Грабители же и ись селъ приходяче *грабяху*. Тако же и Володимири, оли же поча ходити Микулица со святою Богородицею в ризахъ по городу, тожь почаша не грабити. Пишеть апостолъ Павелъ: «Всяка душа властемъ повинуется»,[13] власти бо от Бога учинены суть;

естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышьши, яко Богъ. Рече великий Златоустець: «Иже кто противится власти, противится закону Божью. Князь же не туне носить мечь, Божии ибо слуга есть».[14]

Мы же на преднее възвратимся.

Въ 6 день, въ пятницю, рекоша володимѣрцѣ игумену Феодулови и Луцѣ деместьвянику святоѣ Богородицѣ: «Нарядита носилицѣ, ать поѣдомь возмемь князя, а господина своего Андрѣя». А Микулицѣ рекоша: «Събери попы, вси, оболокше в ризы, выидѣте жь передъ Серебрѣная ворота[15] съ святою Богородицею — ту князя дождеши». И створи тако *Феодулъ*, игуменъ святоѣ Богородицѣ Володимерьскои, съ крилошаны *и* с володимѣрцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое и, веземше тѣло его, привезоша Володимѣрю со честью съ плачемь великымъ.

И бысть по малѣ времени, поча выступати стягъ от Боголюбого, и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, от слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече *бяше* слышати. И поча весь народъ плача молвити: «Уже ли Кыеву поѣха, господине! В ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихже дѣлатъ послалъ бяше тои церкви на велицѣмь дворѣ на Ярославлѣ, а река: «Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота — да будеть память всему отечьству моему!» И тако плакася по нѣмь весь градъ и, спрятавше тѣло его, съ честью и с писньми благохвальными положиша его у чюдноѣ, хвалы *достоинои*, у святоѣ Богородицѣ златоверхой, юже бѣ самъ создалъ.

Се бо князь Андрѣи нѣ вда въ животѣ своѣмь тѣлу своему покоя и очима своима дрѣманья — донелѣ же обрете домъ *истиныи*, прибежище всим христьяномъ: Царици небесныхъ чиновъ и Госпожи всея вселеныя вьсякого человѣка и многими путьми ко спасенью приводящи. Яко же апостолъ учитъ: «Его же любить Господь, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, егоже приемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыновь вамъ обрѣтается Богъ».[16] Не постави бо Богъ прѣкраснаго солнца на единомь мѣстѣ, и доволѣюща и *оттуду* и всю вселеную освѣтяща, но створи ему устокъ и полдне, и западъ. Тако и угодника своего, Андрѣя князя, не привелъ его к собѣ туне, а могущаго таковымь жьтиемь и тако душю спасти, но кровью мученьчскою умывся пригрѣшении своихъ, и со братома своима с Романомъ и съ Давидомъ[17] единодушно ко Христу Богу притече. И въ раистии пищии водворяяся неизреченьно с нима, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку възыиде, яже уготова Богъ любящимъ его, тѣхъ благъ сподобився видѣти, въ вѣки радуешися, Андрѣю княже великыи. Дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣшему на высокыхъ сѣдящему Богу молися помиловати

братью свою, подасть имъ побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честьно и многолѣтно во вся вѣки вѣкомъ. Аминъ.

---

[1] *...якоже Вышегородъ от Кыева, тако же и Боголюбыи от Володимѣря.* — Вышгород, резиденция киевских князей, находился в семи верстах от Киева, Боголюбово — в одиннадцати верстах от Владимира; в 1149 г., после взятия Киева, Андрей получил от отца во владение Вышгород, но предпочел удалиться на север и заложил Боголюбово.

[2] *...и церковь преславну святыя Богородица Рождества...* — Покидая Вышгород, Андрей взял с собою и древнюю икону Богородицы, написанную, по преданию, евангелистом Лукой (теперь известна как Владимирская Богоматерь) и считавшуюся чудотворной. Согласно легенде, повозка, в которой везли реликвию, остановилась за несколько верст от Владимира, и ее не могли сдвинуть с места. Здесь Андрей и основал Боголюбово, поставив церковь Рождества Богородицы (разрушена в начале XVIII в.); во Владимире Андрей построил храм Успения Богородицы (1158—1160 гг., сохранился до настоящего времени); об этих церквах и говорится в похвальной части повести. В Боголюбове сохранились также «сени» — лестничная башня, в которой был добит князь Андрей.

[3] *...отвѣрха и до Дѣисиса...* — от вершины купола до Деисуса; здесь Деисус — вероятно, иконостас.

[4] *...«Аще створите братьи меньшии моѣи, то мнѣ створисте»...* (то же повторяется ниже). — Пересказ евангельских слов: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф., 10, 42).

[5] *...мужьству тѣзоимените братома благоумныма, святыма страстотерпцема...* — Здесь и ниже мучение Андрея сопоставляется с убийством младших сыновей князя Владимира — Бориса и Глеба в 1015 г.; ниже говорится о мече Бориса, который мог бы спасти Андрея.

[6] *«Аще кто положить душю свою за другъ свои.. ученикъ быти».* — Ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13).

[7] *...Анбалъ, ясинъ ключникъ...* — Ясы — русское название алан (ныне осетины), живших на Северном Кавказе. Из других заговорщиков упомянуты: Яким из дома богатых бояр Кучковичей (сестра Якима была первой женой Андрея Боголюбского) и его зять Петр.

[8] *«...что уподобистеся Горясѣру?»* — Горясер — убийца младшего из сыновей Владимира — Глеба.

[9] *...и помяну вся Иовова...* —Иов — библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности Богу в постигших его несчастиях, в конечном счете был возвышен и вознагражден за все свои страдания. Пораженный проказой, «взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел» (см. Иов. 2, 4—8).

[10] . *...побѣжая полкы поганыхъ болгаръ?* — Речь идет о победоносном походе Андрея Боголюбского на камских болгар в 1164 г.

[11] *...Арьсѣнии, игуменъ...* — Здесь и далее игуменом называется не настоятель монастыря, а священник.

[12] *«Идеже законъ, ту и обидъ много».* — Как обычно у автора, перефразировка хорошо известных текстов Нового завета, ср. в Послании Павла римлянам: «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4, 15).

[13] *«Всяка душа властемъ повинуется».* — Свободное изложение мысли того же апостола Павла в Послании Титу: «Повиноваться и покоряться начальсгву и властям» (Тит. 3, 1).

[14] *«...Князь же не туне носить мечь Божии, ибо слуга есть».* — Ср. Рим. 13, 3—4.

[15] *Серебрѣная ворота* — белокаменные ворота в восточной части Владимира.

[16] *«Его же любить Господъ, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, егоже приемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномь вамъ обрѣтается Богъ».* — Евр. 12, 6—7.

[17] *...со братома своима с Романомъ исъ Давидомъ...* — Христианские имена Бориса и Глеба, убитых братом их Святополком.

ПЕРЕВОД

В год 6683 (1175). Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов. И была тогда суббота.

Создал же он себе городок каменный, под названием Боголюбове, столь же далеко Боголюбове от Владимира, как и Вышгород от Киева. Благоверный и христолюбивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и пречистую его Мать; знанье же отринув и рассужденья и, как хоромы чудесные, душу украсив всеми благими желаньями, уподобился царю Соломону, когда, храм Господу Богу и церковь

преславную Рождества святой Богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святая Святых, которую царь Соломон премудрый создал; так и этот князь, благоверный Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил ее драгоценными иконами, золотом и дорогими каменьями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшеньями разными, и украсил плитами из яшмы и всяким узорным литьем, — блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил ее, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивленье, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной ее красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшена, и всякой церковной утварью — золотая дарохранительница с дорогими каменьями, с опахалами ценными и кадилами разными, и снаружи от верха до пола по стенам и столбам тоже золотом крыто, и двери, и своды у церкви также золотом крыты, и купол златом украшен от верха до Деисуса, и разным церковным добром переполнена, украшена всяким художеством!

Князь Андрей и город Владимир неприступным сделал, к нему он ворота золотые соорудил, а другие — серебром отделал, и создал соборную каменную церковь в честь святой Богородицы, весьма прекрасную, и разными украшеньями осыпал ее из золота и серебра, и пять куполов ее вызолотил, а все три церковные двери золотом выложил и дорогими каменьями, и жемчугом украсил ее драгоценным, и всяким узорным литьем расцветил, и обильем светильников золотых и серебряных ее осветил, и амвон из золота и серебра поставил, а служебные сосуды и опахала и другие украшения церковные — все золотом и драгоценным каменьем, и жемчугом крупным в изобилии осыпал. Три же дарохранительницы, очень большие, из чистого золота, из камней драгоценных поставил: и видом своим, и работой до удивленья подобны они Святая Святых Соломона. И в Боголюбове, и в городе Владимире купола золотые поставил, и своды позолотил, и стены внутри каменьем по злату осыпал, столбы позлатил, и снаружи ее и по сводам птиц золотых, и кубки, и паруса, литые из золота, поставил по церкви по всей и по сводам кругом.

Но, кроме того, и другие он многие церкви поставил различные в камне, и монастыри он создал, почему на весь церковный синклит и на церковников всех и обратил Бог свой взор; и не отягчил своей памяти пьянством, и кормильцем был для монахов и монахинь, и нищих, и всякого звания людям он был как любимый отец, — но больше всего он милостив был подаяньем, слыша голос Господень: «Все, что творите вы малым сим, то мне вы творите». А также Давид говорит: «Блажен помогающий нищим, дающий всегда — от Господа он не отступится», сила и разум в нем жили, и верная правда ходила с ним рядом. И прочих достоинств много в нем было, любую привычку он делал достойной: ночами входил он в церковь и свечи запаливал сам, и, видя образ Божий, на иконах написанный, вглядывался как в самого Творца,

и, изображенья святых на иконах встречая, смирял свой вид, сокрушенный сердцем, испуская вздохи из глубины и слезы из глаз испуская, в раскаянье Давиду подражал, оплакивая множество грехов своих, возлюбив бессмертное выше тленного и небесное более, чем кратковременное, и жизнь со святыми у вседержителя Бога больше этого царства земного, он всяким достоинством, точно мудрый второй Соломон, был украшен.

И такое достоинство имел: велел каждый день возить по городу еду и питье различное больным и нищим на пользу, и, видя всякого нищего, к нему приходящего с просьбой, подавал им по прошению их, говоря, будто «это Христос, пришедший испытать меня», — и так принимал он любого, к нему приходящего, как Христос завещал, сказавший: «Если малым сим сотворите — то мне сотворите!» И держал то слово в сердце всегда, потому и достойно от Бога смертный венец восприял ты, княже Андрей, мужеством равный именитым братьям, благоразумным святым страстотерпцам последовал ты, кровью омыв все страданья свои. Ибо если бы не беда — не было б венца, если б не мука — не было бы благодати: всякий, живущий добродетельно, не может остаться без многих врагов. Князь же Андрей, о готовящемся злодейском убийстве своем узнав заранее, духом воспламенился священным и ни на что не рассчитывал, говоря: «Господа Бога моего, Вседержителя и Творца своего, избранный народ на кресте пригвоздил, сказав: “Пусть кровь его будет на нас и на детях наших”», а также и слово, сказанное устами святых евангелистов: «Если кто положит душу свою за други своя — может учеником моим быть». Этот же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, возведшего все из небытия в бытие, душу свою положил. Потому-то, узнав об убийстве твоем, страстотерпец княже Андрей, изумились небесные силы, глядя на кровь, за Христа проливаемую; рыдает народ православный, видя отца сирот и кормильца, омраченную тьмою звезду светоносную; а убийцы проклятые огнем окрещаются вечным, что пожигает тернье любого греха, то есть любое деянье. Ты ж, страстотерпец, проси всемогущего Бога за потомство свое, и за родичей, и за Русскую землю — миру мир даровать.

Мы ж к прежнему возвратимся.

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, Сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра — нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на Господа.

Лишь настала ночь, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери, но, пока они шли к его спальне, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, упились вином. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые, приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь отозвался: «Кто здесь?» — тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, ты не Прокопий!» Те же, подскочив к дверям и поняв, что здесь князь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним, ибо он был силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: «О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть Бог отомстит вам за мой хлеб!» Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и дрожа ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока они были там, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!» — и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскали его по кровавому следу.

Князь же, увидев, что идут к нему, воздев руки к небу, обратился к Богу, говоря: «Если, Боже, в этом суждем мне конец — принимаю его. Хоть и много я согрешил, Господи, заповедей твоих не соблюдая, знаю, что милостив ты, когда видишь плачущего, и навстречу спешишь, направляя заблудшего». И, вздохнув от самого сердца, прослезился, и припомнил все беды Иова, и вникнул в душу свою, и сказал: «Господи, хоть при жизни и сотворил я много грехов и недобрых дел, но прости мне их все, удостой меня, грешного, Боже, конец мой принять, как святые его принимали, ибо такие страданья и различные смерти выпадали праведникам; и как святые пророки и апостолы с мучениками получили награду, за Господа кровь свою проливая; как и святые

мученики и преподобные отцы горькие муки и разные смерти приняли, и сломлены были дьяволом, и очистились, как золото в горниле. Их же молитвами, Господи, к избранному тобой стаду с праведными овцами причти меня, ведь и святые благоверные властители пролили кровь, пострадав за народ свой, как и Господь наш Иисус Христос спас мир от соблазна дьявольского священною кровью своею». И, так говоря, ободрялся, и вновь говорил: «Господи! взгляни на слабость мою и смотри на смиренье мое, и злую мою печаль, и скорбь мою, охватившую ныне меня! Пусть, уповая, стерплю я все это. Благодарю тебя, Господи, что смирил ты душу мою и в царстве твоем сонаследником сделал меня! Вот и ныне, Господи, если кровь мою и прольют, то причти меня к лику святых твоих мучеников, Господи!»

И пока он так говорил и молился о грехах своих Богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его — и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою» — и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья — день памяти двенадцати апостолов.

Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, дорогие каменья и жемчуг, и всякие украшения, — все, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света еще отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружие, стали собирать воинов, говоря: «Ждать ли, пока пойдет на нас из Владимира дружина?» — и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: «Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить: ведь не только одни мы задумали так, и средь вас есть наши сообщники». И ответили владимирцы: «Кто ваш сообщник — тот пусть будет с вами, а нам без нужды» — и разошлись, и ринулись грабить: страшно глядеть!

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал расспрашивать Кузьма: «Где убит господин?» — и ответили ему: «Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все мы решили бросить его собакам! Если же кто приступит к нему — тот враг нам, убьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?» — и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да

помнишь ли, жид, в каком ты платье пришел сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!» — и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!» — ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знать тебя не хотят; бывало, купец приходил из Царьграда иль из иной стороны, из Русской земли, и католик, и христианин, и язычник любой, и ты говорил: “Введите в церковь его и в палаты, пусть видят истинное христианство!” — и принимали крещенье и болгары, и евреи, и любые язычники, увидев славу Божью и украшенье церковное! И те скорее оплачут тебя, а эти и в церковь не дают положить!»

И так положил его в притворе, накрыв плащом, и лежало тут тело два дня и две ночи. На третий день пришел козьмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Хотя мы и долго ждали старших игуменов, но долго ли этому князю лежать так? Отоприте мне церковь, отпою его и положим в гроб. А когда уляжется эта смута, то, придя из Владимира, перенесут туда князя». И пришли клирошане боголюбские, взявши тело его, в церковь внесли и вложили в каменный гроб, отпев над ним погребальные песни с игуменом Арсением вместе.

Жители же Боголюбова разграбили княжеский дом и строителей, которые сошлись на строительство зданий, — золото, и серебро, и одежды, и ткани, и добро, которому нет числа. И много случилось бед в его области: дома посадников и управителей пограбили, а самих их, и слуг, и стражей убили, дома их пограбили, не ведая сказанного: «Где закон — тут и обид много». Грабители приходили грабить и из деревень. Грабежи начались и в самом Владимире, пока не стал ходить Микула с образом святой Богородицы в ризах по городу — тогда пресеклись грабежи. Пишет апостол Павел: «Всякая душа властям повинуется», ибо власти Богом поставлены; природой земной царь подобен любому человеку, но властию сана он выше — как Бог. Сказал великий Иоанн Златоуст: «Если кто противится власти — противится закону Божьему. Князь не напрасно носит меч — он ведь Божий слуга».

Мы же вернемся к прежнему.

На шестой день, в пятницу, сказали владимирцы игумену Феодулу и Луке, начальнику хора в храме святой Богородицы: «Приготовьте носилки, давайте поедем — возьмем князя и господина своего Андрея». А Микуле сказали: «Собери священников, все, облачась в ризы, выходите за Серебряные ворота с иконой святой Богородицы — тут князя дождешься». И сделал так Феодул, игумен храма святой

Богородицы Владимирской, с клирошанами и с владимирцами поехали за князем в Боголюбово и, взяв тело его, привезли во Владимир с честью и с плачем великим.

И так, через некое время, как только стало двигаться шествие из Боголюбова, народ не мог удержаться, но все вскричали, от слез же не могли и смотреть, а вопли их издалека было слышно. И начали все люди, рыдая, говорить: «Уже ведь не к Киеву, господин наш, ты поехал! В ту церковь Владимирскую над Золотыми воротами, которую сделать велел подобною той, что стоит на великом дворе Ярослава, сказав: «Построю церковь такой золотой же, как и ворота — пусть будет во славу всей моей родине!» И так плакал по нем весь город, и, тело его убрав, с почетом и пением, хвалящим Бога, положили его в дивной, достойной похвал, церкви святой Богородицы златоверхой, которую сам он создал.

Так вот князь Андрей при жизни не дал телу своему покоя и глазам своим сна — пока не обрел настоящего дома, прибежища всех христиан: Царица небесных собраний и Госпожа всей вселенной всякого человека разными путями ко спасенью приводит. Как учит апостол: «Кого любит Бог — того и наказывает, и наказывает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказанья претерпите — точно сыном становитесь Богу». Ибо Бог не поставил прекрасного солнца на месте одном, чтоб оттуда могло освещать всю вселенную, но устроил ему восхожденье, зенит и заход. Точно так и слугу своего, князя Андрея,— не взял к себе напрасно, а дал ему подвигом душу спасти, кровью омыв прегрешенья свои, и с братьей своей, с Романом и с Давыдом, согласно к Богу пришел. И, в блаженство рая вселяясь безмолвно с ними, которых око не видит и ухо не слышит (сердцем нельзя осознать, что Бог приготовил для верных своих), те блага сподобившись видеть, вечно радуйся ты, Андрей, князь великий. Дерзай всемогущего, из богатейших богатого, на высоких престолах сидящего Бога просить, чтоб простил он братии твоих, победу им дал над врагами и мирное царство, правление почетное и многолетнее, во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ЧЮДЕСАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. П. Гребенюка

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказание «О чюдесех пречистыя Богородица Володимирьскои иконы» — одно из произведений Владимиро-Суздальской Руси XII в., которое следует рассматривать в контексте начинаний Андрея Боголюбского, предпринятых для установления почитания Богоматери во Владимире: постройки соборов — Успенского, Рождества Богородицы, Покрова на Нерли, установление праздника Покрова пресвятой Богородицы. В рукописях указанному произведению предшествует, как правило, «Сказание о победе над волжскими болгарами» 1164 г., которое некоторые исследователи приписывают самому Андрею Боголюбскому, а другие рассматривают эти два произведения как одно целое. По стилю они существенно отличаются: «Сказание о победе над волжскими болгарами» более тесно связано с литературной традицией, книжным каноном, в нем присутствуют библейские параллели и реминисценции, тогда как «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» выделяется простым разговорным языком, диалоги героев выразительны, текст наполнен бытовыми реалиями XII века, а в описании чудес не наблюдается зависимости от литературного канона.

Создавалось «Сказание», несомненно, на основе записей клира Успенского собора (здесь не один раз упоминаются поп Микула, поп Нестор, поп Лазарь).

Инициатива создания «Сказания» исходила, вероятнее всего, от самого князя Андрея Боголюбского, видевшего в иконе Богоматери державную заступницу создаваемой им новой столицы Северо-Восточной Руси. Сам Андрей был свидетелем более половины чудес, записанных в сказании, а одно из них, носящее глубоко интимный характер (о переживаниях, связанных с болезнью его жены), несомненно, могло быть услышано и записано только от него самого. Трудно предположить, чтобы к моменту создания «Сказания» было уже известно о победе над болгарами в 1164 г., происшедшей также при покровительстве Богоматери через ее икону, иначе это чудо, несомненно, попало бы в «Сказание». Однако «Сказание» заканчивается чудом о Золотых воротах, когда пали только что построенные Золотые ворота и придавили жителей Владимира, собравшихся посмотреть на их красоту. Постройкой Золотых ворот (1163 г.) и походом на болгар (1164 г.) определяется время создания «Сказания».

Начинается «Сказание» со сравнения иконы Богоматери с солнцем, обходящим и обогревающим всю Вселенную. Сравнение должно было показать, что милость Богоматери вместе с ее иконой переходит на новые земли, к новым людям. Замыслив идти на Север, Андрей начинает расспрашивать об иконах, потому что на новом месте ему нужна будет чтимая Заступница. Рассказ об иконе Вышеградского женского монастыря, которая трижды сходила с места, привлек его внимание. В православной традиции известно немало случаев, когда икона сама выбирала себе место, чудесно переносясь из Палестины в Константинополь, из Константинополя в Рим, а затем обратно в Константинополь. Сказания об этом получили особое распространение в период упрочения иконопочитания, особенно это коснулось икон Богоматери в Константинополе и на Афоне. В качестве примера можно привести историю Иверской иконы Богоматери на Афоне, которая, как

гласит легенда, неоднократно сходила с места, пока монахи не догадались, что Богоматерь желает, чтобы ее икона стала Вратарницей, то есть была помещена в башню над вратами монастыря и служила ему защитой.

Андрей, по «Сказанию», не уносит икону из своего удельного княжества, а смиренно, на коленях перед иконой, просит Богоматерь посетить «новопросвѣщеныя люди» и быть ему заступницей в Ростовской земле. Совершившиеся во время пути чудеса: спасение завязшего в речном дне проводника, избавление попадьи от сбесившегося коня — должны показать читателю, что дело, предпринятое Андреем Боголюбским «безъ отнѣ волѣ», находится под покровительством Богоматери. Интерес представляют не только легендарно-политические мотивы предпринятого пути на Север, но и сам реальный путь следования, о чем мы можем догадываться по тем реалиям, какие представлены в «Сказании». Князь Андрей, его сподвижники и клир Вышегородского храма, который нарочито выделен в «Сказании», направились во Владимир из Киева по Днепру, поднялись почти до его истоков, а отсюда направились к реке Вазузе и далее к верховью Москва-реки, чтобы мимо Москвы достигнуть реки Клязьмы, текущей к Владимиру. Этот довольно длинный путь, избранный князем, вероятно, из-за опасений погони отца, подтверждается реалиями, почерпнутыми из второго чуда, рассказывающего о спасении Микулиной попадьи. Здесь упоминаются Рогожские поля, которые находились на берегу Москва-реки у села Рогож. Любопытно и географическое распределение чудес, помещенных в «Сказании»: здесь описываются чудеса исцеления, происходившие не только с жителями Владимира и Владимиро-Суздальской земли, но и с жителями Мурома, Твери (первое упоминание в письменности) и даже далекого Переяславля Русского. Совсем не случайным является то, что вместо традиционного абстрактного без времени и места начала рассказа здесь дается точная географическая привязка. Андрею Боголюбскому, стремившемуся превратить Владимир в политический, хозяйственный и духовный центр Северо-Восточной Руси, важно было зафиксировать тот факт, что слава о чудотворной иконе прошла по всей русской земле.

Икону не только славят все концы русской земли, но иконе шлют подарки. Эти благодарственные приношения иконе имеют под собой также древнюю православную традицию, идущую еще от Иоанна Дамаскина, преподнесшего в память чудесного исцеления своей обрубленной руки серебряный слепок кисти руки, прикрепленный к иконе Богоматери, получившей название Троеручица. Этот обычай до сих пор широко распространен в Греции и на Афоне. На Руси он большого развития не получил. Уже в XVI в. в распространенной редакции «Сказания об иконе Владимирской Богоматери», которая включила в свой состав все чудеса из сказания XII в., эти эпизоды с приношением подарков иконе исключены.

Текст «Сказания» издается по рукописи последней четверти XV в. из собрания Егорова, *РНБ*, ф. 98, № 637, лл. 385 об.—390. Исправления внесены по рукописи XVI в. из собрания Егорова, *РНБ*, ф. 98, № 921,

лл. 594—601, и рукописи XVI в. из собрания Московской Духовной Академии, *РНБ*, ф. 173, № 96, лл. 13—19.

ОРИГИНАЛ

О ЧУДЕСЕХ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА ВОЛОДИМИРЬСКОЙ ИКОНЫ

Яко бо солнце створи Богъ, не на единомъ мѣстѣ постави, егда свѣтить, обиходя всю вселеную, лучами освѣщаеть, тако же и сии образ образ Пресвятыя Владычица нашея Богородица Приснодевы Мария не на единомъ мѣстѣ чюдеса и дары исцелениа истачаеть, но обьходящи вся страны и мира просвѣщаеть и от недугь различьных избавляет.

Князю же Андрѣю хотящю княжити на Ростовьскую землю,[1] и нача бесѣдовати о иконах. Повѣдоша ему икону Вышѣгорода въ женьском манастыри Пресвятыя Владычица нашеа Богородица,[2] яко 3-жды ступила с мѣста. 1-е внидоша въ церковь и видѣша ю средѣ церкви особѣ стоящю, и поставиша ю на иномъ мѣстѣ. 2-е видиша ю, обратившюся къ олтареви лицемь, и ркоша, яко въ олтари хощеть стояти. Поставиша ю за тряпезою.[3] 3-е видѣша ю кромѣ тряпезы особѣ стоящю. И иных чюдес множество.

Се слышав, князь рад быть, и приде въ церковь и начать смотрити по иконам. Си же икона, яко прешла бѣ всѣхъ образовъ, видѣвъ ю, припаде на земли, моляся и глаголя: «О Пресвятая Богородице Мати Христа Бога нашего, аще хощеши ми заступница быти на Ростовьскую землю посѣти новопросвѣщеныя люди, да въ твоей вся си воли будуть».

И тогда вземь икону поѣха на Ростовьскую землю, поимъ и крилось со собою. Ѣдущю же ему путемь, поя собѣ проводника, и приѣха к рѣцѣ Возузѣ,[4] и видѣвъ ю, наводнившюся, нужею посла человека въ рѣку пытать броду. И яко вниде в рѣку на кони и погрязе во дно. Князь же начать молитися ко иконѣ Пресвятыя Владычица нашеа Богородица и Приснодевици Марии, яко повиненъ есмь смерти его: «Госпоже, аще не ты избавиши». И се бысть намного молящюся ему, абие изиде среди рѣкѣ члък онъ[5] на кони, и батог в руцѣ, и приѣха на брег. Князь же радъ бысть видѣвый. И одаривъ, отпусти восвояси. Се же бысть первое чюдо Пресвятѣй Богородици.

Чюдо 2-е.

Князю же сушу на Рогожьских полех,[6] се же Микулиная попадья ѣха на колѣхъ съ снохою своею. Бывшима же има на истоцѣ, и соидоста с колъ. Бѣ бо попадья Микулиная нетуня. Яко хотѣша минути конь, и нападе бѣсъ на конь. И зби повозника съ себе, и ногу ему изломи. И порази попадью Микулину передними ногами. И завертьшася ему копыта в коръtлѣ,[7] и се на многъ час ядяшеть ю. Мнѣша бо ю мертву сущю и възвѣстиша попу Микули, яко: «Попадья твоя мертва есть». Он же, възрѣвъ на икону Пресвятыя Богородица, и рече: «Госпоже Пречистая Владычице, аще ты не избавиши ея от смерти, се уже мертва есть». Конь же истеръ нозѣ ис корьтля и бѣжа в лѣсь и завивъся и ста. Въспросиша ю о ядени коня, и рече, яко сдрава есмь молитвами Пресвятыя Богородица, жал ми увисла же отлогъ,[8] еже изьѣде конь.

Приѣхав Володимерь благородный князь Андрѣй и созда церковь во имя Пресвятыя Богородица,[9] украсивъ ю всякимъ благочестиемь. И постави в ней чюдотворную икону Пресвятѣй Владичици нашей Богородици.

Чюдо третьее.

По преходи же нѣколика времени человек нѣкто болѣ огненою болезнию. В той же болѣзни онѣми, и рука ему усше. Въстав же от болезни, начать помавати рукою здравою. Мняхуть, бо яко хочеть ко святому Николѣ, бѣ бо близь ту святый Никола церковь.[10] И привезоша ко святому Николи. И помаваше мимо церковь, и не уразумѣша. Онь же самъ правяше собѣ въ град къ Святѣй Богородици. И приде въ церковь Святыя Богородица на завътренюю. И ставъ въ церкви Святыа Богородица противъ олтаря и на конецъ завътренни паде. И мнѣша, яко лихою болестью палъся есть, извлекоша и въ притворъ,[11] и ту лежащю ему до обѣдни. И въставъ начать сказывати, како видѣ Святую Богородицю, идущю къ собѣ со мѣста, и рече: «видих ю близ себе и падохъ, и пакы не видѣхъ». А бѣ бо не знакомитъ человекъ той. И начаша литургию святую пѣти. Он же вниде въ церковь и нача молитися ко иконѣ Пресвятыи Богородица и яко хотѣ целовати икону Пресвятѣй Госпожи Владычици нашей Богородици. И стяжа ко иконѣ руку болную. Госпожа же Богородица Святая рукою своею яты и за руку его. Князю сущю Андрѣю и попу Нестеру и множьству людемь видящим въ церкви. Се же бысть от начала и до конца литургиа. Нестеръ же попъ съзва клирос и повелѣ облачитися в ризы имъ. Вземше же кресты обоидоша трижды церковь. Он же сѣдяше въ церкви простъ. Попъ же сътвори праздникъ позва к себѣ князя и бояре и исцелившаго одаривше и пустиша. И бысть радость велика въ градѣ Володимерѣ того дни.

Чюдо 4-е.

По нѣколицѣх же временехъ пришедшу празднику Госпожину дьни,[12] князь же Адрѣй на канонѣ стояше въ церквѣ пѣнья ликы сътворяя, а срдцемь боляше, бѣ бо княгини его боляши дѣтиною болѣзнию: два дни напрасно болящи. Яко по канонѣ бысть омывше водою икону Пресвятыя Богородица,[13] посла къ княгинѣ. Она же вкуси воды тоя и роди дѣтя здраво, и сама бысть здрава томъ часѣ молитвами Святыа Богородица.

Чюдо 5-е.

Нѣчий диаволимъ научением створше чародѣйства въ яйцѣ. И отроча, взем, изъѣде. И бысть ему изметъ золъ на очеси его: изиде яко облакъ изъ ока его и леже на лици, и глаголахуть же, яко умрет отроча. Овии глаголаху, яко око не будет. И омывше водою икону Пресвятѣй Богородици, принесоша ему, якоже помазаша и водою, и провалися изиде от него болѣзнь, и бысть здравъ, и око его цѣло бысть.

Чюдо 6-е.

Боляшеть нѣкая жена в Муромѣ срдчною болѣзнию, и слышавши от Святѣй Богородици бываемая чюдеса. И посла въ Володимир кузнь свою къ Святѣй Богородици въ клиросъ и воды взяти отъ Святыа Богородица иконы. И яко принесоша воду, въкусивши, и бысть здрава, и нача нечюти сердечьныя болѣзни.

Чюдо 7-е.

В Руском Переяславлѣ въ Славятинѣ манастыри Жидяславля дщи именемъ Мариа[14] пострижеся. За добродѣтелное еа житие даша ей игуменьство въ своего еи дѣда манастыри. И разболѣвшись очною болѣзнию и ослѣпе, и присла попа къ брату своему Борису. Борисъ же въпроси и о сестре своей. И онъ рече: «Разболѣвшися очною болѣзнию и ослѣпе, и тако водять ю се третее лѣто». Борисъ же, призвавъ попа именем Лазаря, моли и, да ми принесеши воду, омыв икону Святыа Богородица. И попъ шед, и принесе воду. Борисъ же, воду ту святую

влив в вощаницю[15] и запечатавъ, посла и в Рускый Переяславль к сестрѣ своей. Попъ же, приѣхавъ, повѣдаше ей бывамая чюдеса от святыа иконы водою. Она же радовашеся душею и рече попови: «Кое ми принесеши воды тоя». Попъ же повѣда ей у себе воду. Она же вкуси воды тоя и очи помаза, томъ часѣ прозрѣ, яко неболѣвши очима. Се же бысть Святѣй Богородици велие чюдо Володимерьской.

Чюдо 8-е.

Се же бысть ново чюдо Святѣй Богородици о женѣ именемь Еуфимии. Болѣвши ей срдчьною болѣзнию 7 лет и от многъ искавши ей исцѣлениа и не обрѣте. И призва попа Лазаря и рече: «Имъ бы помощи болѣзни сей». Попъ рече: «аще тя не избавить Святая Богородица, то не избудешь болѣзни сея». Она же, слышавши от него бываемая чюдеса водою от иконы Пресвятыа Богородица, и посла усирязи же и рясы златыя къ святѣй Богородици въ Володимиръ[16] с попомъ, глаголя, да ми принесеть пресвятыа воды тоа. И яко принесе и воду и пит ю, того дни исцѣли от болѣзни, начать ясти и пити въ сладость.

Чюдо 9-е.

А се бысть въ Тфѣри. Нѣкаа жена боляшеть дѣтятем три дни. И приѣха поп Лазарь и навита у них. Она же въспроси попа о здравьи.[17] Он же рече: «Здравы есме нъ не велми, боярыни наша в концинѣ есть». Се же глаголющима, прииде весть от нея: «О, отца, поидита». И рече има: «Не при срамѣ есть, понеже смертна есмь». Попъ же Лазарь рече ей: «Аще не обѣщаешися Святѣй Богородици Володимерьской, и не избудеши». Она же обѣщася и рече попомъ: «Идите отсюду». Повелѣ дати има ясти и пити. Прииде де вѣсть от нея, яко уже родила бѣ сына и сама здрава. И посла златыа косы[18] и усерязи свои къ иконѣ Святыа Богородица в Володимиръ, имиже обѣщалася бѣ.

Чюдо 10-е.

Князь благородный Андрѣй създа Златая врата къ празднику Святыя Богородица,[19] глаголя къ бояром: «Егда снидутся людие на праздникъ и врата узрят». Бывшу же празднику, и снидеся народ къ вратом, бѣ бо еще не суха извисть въ вратѣх. Абие же вънезапу истръгшися от стѣнъ врата, и падоша на люди, и покрыша 12 мужа. Се же слышавъ, князь Андрѣй начатъ съ въздыханием молитися къ иконѣ Пресвятѣй

Богородици: «Госпоже Пречистыа Владычице, аще сих ты не избавиши, азъ бо грѣшний повиненъ быхъ смерти сихъ». И посла боярина своего дати все на потребу мертвымь. Он же приѣхавъ, и вьзяша врата, и видиша всѣх сущих под враты живых и здравыхъ. И, се слышавъ, князь Андрѣй рад бысть. И, се чюдо видѣвше, народ чюдишася.

---

[1] *Князю же Андрѣю хотящю княжити на Ростовьскую землю...* — Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1110—1174 гг.) без согласия своего отца Юрия Долгорукого в 1155 г. покинул свой удел в Вышгороде и переехал в Ростово-Суздальскую землю.

[2] *Повѣдоша ему икону Вышѣгорода въ женьском манастыри Пресвятыя Владычица нашеа Богородица...*— Вышгород — центр удельного княжества на правом берегу Днепра в 18 км от Киева. Князь Андрей получил его во владение от своего деда в 1149 г., но вскоре вместе с отцом Юрием Долгоруким был изгнан из Киевской земли, а в 1154 г. снова занял княжеский стол в Вышгороде. Икона Богоматери была принесена из Византии вместе с иконой Богоматери Пирогощей, вероятно, во второй четверти XII в.

[3] *Поставиша ю за тряпезою.* — Трапеза — престол, алтарный жертвенник.

[4] *...приѣха к рѣцѣ Возузѣ...* — Вазуза — правый приток Волги.

[5] *...члък онъ...* — Добавлено по Собранию Егорова, в рукописи нет.

[6] *Князю же сущу на Рогожьских полех...* — Древнее село и волость Рогож, затем город Богородск, ныне Ногинск Московской обл.

[7] *...в корътлѣ* — верхней женской одежде типа халата с длинными, широкими рукавами, в зимнее время подбивалась мехом.

[8] *...жал ми увисла же отлогъ.* — Отлог (видимо, от южнорусского видлога)— название пришивного к верхней дополнительной одежде типа откидного колпака или башлыка. Увисла — вероятно, кожаная бахромчатая оторочка «видлоги». Эти объяснения, высказанные Н. Н. Ворониным (*Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 180—218), подтверждают миниатюры Лицевого свода, посвященные «Сказанию об иконе Владимирской Богоматери» XVI в., на которых изображена попадья Микулина со снохою, в их одеждах различимы корътль, увисла, отлог.

[9] *...и созда церковь во имя Пресвятыя Богородица...* — Успенский собор строился с 1158 по 1160 г.

[10] *...бѣ бо близь ту святый Никола церковь.* — Во Владимире за Золотыми воротами находилась деревянная церковь Николы Галейского.

[11] *...извлекоша и въ притвор...* — Сказание упоминает действительно существовавшую часть храма — притвор Успенского собора, который исчез при реконструкции собора в 1185—1189 гг., что еще раз подтверждает раннее время возникновения Сказания (*Воронин Н. Н.* Из истории... с. 197).

[12] *...празднику Госпожину дьни...* — Успенье пресвятой Богородицы.

[13] *...омывше водою икону Пресвятыя Богородица...* — Омовение водою чудотворных икон, которые таким образом передавали свою чудотворную силу, было известно на Руси и в Византии. При написании списка чудотворной Иверской иконы Богоматери на Афоне для растворения красок использовали омовенную воду с чудотворной иконы — святыни Иверского монастыря. Известен специальный чин «омыти мощи святых потребы ради», перевод его приписывается митрополиту Киприану. Об освящении воды посредством омовения мощей и икон и употреблении ее для исцеления от болезней повествуют Стоглав и Домострой. В народной традиции был распространен обычай употребления при недугах воды, слитой с благословенной родительской иконы (*Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, с. 189). В Сказании об Ахтырской иконе Богоматери говорится, что сама Богоматерь, явившись во сне священнику, поведала ему, что водою, омовенною с Ее иконы, получат исцеление страдающие лихорадкой.

[14] *В Руском Переяславлѣ въ Славятинѣ манастыри Жидяславля дщи именемъ Мариа...— Переяславль Русский* — столица Переяславльского княжества, ныне г. Переяслав-Хмельницкий в Киевской области. Воевода Андрея Боголюбского Борис Жидислав упоминается в рассказе летописи о походе Мстислава Андреевича на болгар в 1172 г., после убийства Андрея Боголюбского служил у Глеба Рязанского.

[15] *...воду ту святую влив в вощаницу...— Вощаница* — небольшой сосуд, сделанный из воска.

[16] *...и посла усирязи же и рясы златыя къ святѣй Богородици въ Володимиръ...* — Усѐрязи — древняя форма названия серег. Рясы златыя — подвески «рясна» с коническим полым верхом и длинными свясающими цепочками.

[17] *...И приѣха поп Лазарь и навита у них. Она же въспроси попа о здравьи.*— Употребление двойственного числа: «навита», «она» и множественного: «И рече попом: идите отсюду» указывает на то, что поп Лазарь приехал вместе с другим попом. Приехавшие осведомились у местного священника о здоровье, на что он ответил: «здоровы, да не очень — боярыня наша при смерти».

[18] *И посла златыа косы...* — Златыя косы — женский наголовник наподобие шапочки с обручем впереди, либо косник — украшение девичьей косы в виде бисерной подушечки на пряжке.

[19] *...създа Златая врата къ празднику Святыя Богородица...* — Золотые ворота Владимира были построены к празднику Успения пресвятой Богородицы 15 августа 1163 г.

ПЕРЕВОД

О ЧУДЕСАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Как Бог сотворил солнце, не на одном месте поставил его сиять; в своем движении оно всю Вселенную лучами освещает, — так и этот образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии не на одном месте чудеса и дары исцеления источает, но, обходя все страны, весь мир просвещает и от недугов различных избавляет.

Когда князь Андрей захотел княжить в Ростовской земле, то начал расспрашивать об иконах. Рассказали ему об иконе в Вышеграде в женском монастыре Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, которая трижды сходила с места. Впервые, когда вошли в церковь и увидели ее посреди церкви стоящую отдельно, то поставили ее на другое место; во второй раз видели ее, обратившуюся ликом к алтарю, и сказали, что в алтаре хочет стоять. Поставили ее за престолом. В третий раз видели ее отдельно стоявшую вне престола. И других чудес множество.

Услышав об этом, князь рад был, и пришел в церковь, и начал осматривать иконы. Увидев же сию икону, которая превзошла все образы, припал к земле, молился и говорил: «О Пресвятая Богородица, матерь Христа Бога нашего, если хочешь мне заступницей быть в Ростовской земле, посети новопросвещенных людей, да будут все в твоей воле».

И тогда взял икону и поехал в Ростовскую землю, взял и причт с собою. На время пути прихватил с собой проводника и приехал к реке Вазузе, и, увидев, что она полноводна, приказал послать человека искать броду в реке. Когда тот въехал на коне в реку, то погрузился на дно. Князь же начал молиться иконе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии: «Виноват буду в смерти его, Госпожа, если ты не спасешь!» Горячо взмолился он, и случилось так, что тотчас появился посреди реки этот человек на коне с палкой в руке и выбрался на берег.

Князь же, увидев его, обрадовался. И, одарив его, отпустил восвояси. И это было первое чудо Пресвятой Богородицы.

Чудо 2-е.

Когда князь был на Рогожских полях, жена попа Микулы ехала на повозке со своею снохою. Доехав до истока, сошли с повозки. А попадья Микулина была непраздна. Хотела она пройти мимо коня, и напал на коня бес. И сбросил повозника с себя и ногу ему сломал. И ударил попадью Микулину передними копытами. И запутались копыта в ее одежде, и он ее сильно покусал. Подумали даже, что она умерла, и сказали попу Микуле: «Попадья твоя умерла». Он же, обратившись к иконе Пресвятой Богородицы, сказал: «Госпожа Пречистая Владычица, если ты не избавишь ее от смерти, то будет она мертва». А конь выдернул копыта из одежды, убежал в лес, и запутался, и стал. Спросили ее об укусах коня, и ответила попадья, что: «По молитве Пресвятой Богородицы жива и здорова. Жаль мне только бахромы на накидке, изжеванной конем».

По приезде во Владимир, благородный князь Андрей создал церковь во имя Пресвятой Богородицы, украсив ее с подобающею честию. И поместил в ней чудотворную икону Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Чудо 3-е.

Через некоторое время человек некий заболел горячкою. От болезни этой он онемел и рука его усохла. Оправившись от болезни, начал делать он знаки здоровой рукой. И подумали, что хочет ко святому Николе, потому что близко находилась церковь святого Николы. И привезли его ко святому Николе. И он дал знак рукой, чтобы ехали мимо церкви; и не поняли его. Он же сам направил лошадей в город ко святой Богородице. И прибыл в церковь святой Борогодицы к заутрене. И стал в церкви святой Богородицы напротив алтаря, и в конце заутрени упал. И подумали, что упал он от тяжелой болезни; вынесли его в притвор, и лежал он здесь до обедни. Придя в себя, он рассказал, что видел святую Богородицу, сошедшую с места к нему, и сказал: «Видел ее вблизи и упал, а больше не видел». А человек тот не был именит. И начали петь святую литургию. Он же вошел в церковь и начал молиться перед иконой Пречистой Богородицы и хотел поцеловать икону Пресвятой Госпожи Владычицы нашей Богородицы. И приложил к иконе больную руку. Владычица Святая Богородица своею

рукою взяла его за руку. И это видели бывшие в церкви князь Андрей и поп Нестор и множество людей. И продолжалось сие от начала и до конца литургии. Поп Нестор созвал причт и повелел облачиться в ризы. Взяли кресты и трижды обошли церковь. Он же один сидел в церкви. Поп же сотворил праздник, позвал к себе князя и бояр, а исцелившегося одарили и отпустили. И была в тот день в городе Владимире великая радость.

Чудо 4-е.

Через некоторое время подоспел праздник Госпожин день. Князь же Андрей стоял в церкви на утрене и пел со всеми, а сердце у него болело, потому что княгиня его не могла разрешиться ребенком: дня два тяжко мучилась. По окончании службы он омыл водою икону Пресвятой Богородицы и ту воду послал княгине. Она же выпила этой воды и родила здоровое дитя, и сама стала сразу здоровою по молитвам святой Богородицы.

Чудо 5-е.

Некто по наущению дьявола сотворил волшебство с яйцом. А отрок, взяв его, съел. И был ему большой ячмень на глаза: изошло вроде облака из глаза его и вытекло на лицо. И сказали, что умрет отрок. Другие же сказали, что лишится глаза. И омыли водою икону Пресвятой Богородицы и принесли ему воду, помазали водою — и опал <ячмень>, и ушла болезнь, и стал здоров, и глаз его не повредился.

Чудо 6-е.

Некая жена в Муроме болела сердечною болезнью. И услышала об иконе святой Богородицы, от которой происходят чудеса. И послала причту к святой Богородице во Владимир украшения свои и попросила воды от иконы святой Богородицы. И когда принесли воду, то выпила, и сразу выздоровела, и перестала чувствовать сердечную болезнь.

Чудо 7-е.

В Русском Переяславле в Славятине монастыре постриглась Мария, дочь Жидяслава. За добродетельную жизнь дали ей игуменство в монастыре, основанном ее дедом. И заболели у нее глаза, и она ослепла, и прислала попа к брату своему Борису. Борис же спросил его о своей сестре. И он отвечал: «Разболелись глаза ее, и она ослепла, и уже третье лето как водят ее». Борис же позвал попа по имени Лазарь и попросил его, чтобы принес ему воду от омовения иконы святой Богородицы. И поп пошел и принес воду. Борис же ту воду святую влил в сосудец, крепко закрыл его и послал в Русский Переяславль к своей сестре. Поп же, приехав, поведал ей о чудесах, происходящих от воды, взятой от святой иконы. Она же возрадовалась душою и сказала попу: «Когда принесешь мне той воды?» Поп же сказал, что у него есть вода. И она выпила воды и помазала глаза, и тот час прозрела, как бы и не болели у нее глаза. Вот такое было чудо великое от иконы святой Богородицы Владимирской.

Чудо 8-е.

А это было новое чудо святой Богородицы о женщине по имени Евфимия. Она семь лет болела сердечной болезнью и у многих искала исцеления и не обрела. И призвала попа Лазаря и говорит: «Чем бы помочь от сей болезни?» Поп же отвечал: «Если тебя не избавит святая Богородица, то не избавишься от сей болезни». Она же, услышав от него о чудесах, происходящих от воды, взятой от иконы пресвятой Богородицы, послала с попом к святой Богородице во Владимир серьги и золотые подвески, прося, чтобы принес ей пресвятой той воды. И когда принес он воду, то испила ее, и в тот же день исцелилась от болезни, начала есть и пить в сладость.

Чудо 9-е.

А это случилось в Твери. Некая жена не могла разрешиться ребенком три дня. Приехал поп Лазарь с еще одним попом и остановились у них. И спросили они священника о здоровье. Он же отвечал: «Здоровы, но не очень, боярыня наша при смерти». Когда они разговаривали, то пришла просьба от нее: «Отцы придите». И сказала им: «Не стыжусь, потому что при смерти». Поп же Лазарь говорит ей: «Если не дашь обет святой Богородице Владимирской, то и не выздоровеешь». Она же обещала и говорит попам: «Выйдете отсюда». Повелела дать им есть и пить. И пришла от нее весть, что уже родила сына и сама здорова. И послала, как и обещала, золотые украшения и серьги свои иконе святой Богородицы во Владимир.

Чудо 10-е.

Благородный князь Андрей построил Золотые ворота к празднику святой Богородицы и сказал боярам: «Когда сойдутся люди на праздник, то врата увидят». Когда наступил праздник и сошелся народ к воротам, то тогда еще не высохла известь во вратах. И внезапно отвалились ворота от стен и упали на людей и завалило двенадцать человек. Когда об этом услышал князь Андрей, то начал с воздыханием молиться пред иконой пресвятой Богородицы: «Госпожа Пречистая Владычица, если ты не спасешь их, то я, грешный, буду повинен в их смерти». И послал боярина своего дать все потребное на погребение мертвых. Когда же боярин приехал и подняли ворота, то увидели всех, бывших под вратами, живыми и здоровыми. И это услышав, князь Андрей был рад. И, видевши сие чудо, народ дивился.

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Подготовка текста Т. В. Рождественской, перевод и комментарии И. П. Еремина

ВСТУПЛЕНИЕ

Комментарии составлены И. П. Ереминым. См.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., ГИХЛ, 1957, с. 330—333. В комментарии внесены отдельные изменения в соответствии с принципами данного издания.

«Слово о князьях» — литературный памятник второй половины XII века. В рукописях «Слово» иногда называется и так: «Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба», «Слово похвальное на пренесение <мощей> святых страстотерпец Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою».

«Слово» действительно приурочено ко дню церковной памяти князей Бориса и Глеба (2 мая) и представляет собою «торжественную» проповедь в честь и похвалу этих очень почитаемых на Руси святых.

В центре внимания автора, однако, не Борис и Глеб, вероломно убитые родным братом Святополком Окаянным, не прошлое, а современность. Церковный праздник явился для автора только поводом, чтобы начать речь о злобе дня.

Основная тема «Слова» — современные княжеские усобицы, княжеские братоубийственные войны, раздирающие единство Русской земли. Автора глубоко печалит тот факт, что князья постоянно нарушают ими же установленный порядок, по которому младшие князья подчиняются старшим в роде, а старшие строго выполняют свои обязанности по отношению к своим вассалам — младшим князьям. В нарушении этого порядка, освященного именами Бориса и Глеба (О политическом содержании культа Бориса и Глеба в Древней Руси см.: *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI-XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М. — Л., 1954, с. 87—90), автор усматривает основную причину всех современных ему неурядиц на Руси. Он обращается к князьям с горькими упреками. Младшие князья даже малой обиды не хотят стерпеть от старшего: тотчас же начинают войну «смертоносную» и даже накликают на Русь половцев, рассчитывая с их помощью расправиться с «братией».

Автор «Слова» призывает князей одуматься, не враждовать между собою, не пользоваться услугами иноземцев в своих корыстных расчетах, вспомнить свое «величество» и свою «честь» — славное прошлое своего рода и то высокое место, какое занимают они как самим Богом поставленные правители Русской земли.

Желая указать князьям на пример, достойный всяческого подражания, он рассказывает «притчу» о покойном князе черниговском Давыде Святославиче. В изображении автора «Слова» Давыд Святославич (ум. в 1123 г.) — высокий образец идеального князя-правителя. В «великой тишине» княжил он в Чернигове. Старший в роде, он никогда не обижал младших князей, ни с кем не враждовал, всегда крепко держал раз данное слово. За его праведность и миролюбие Бог его и наградил, как не награждал и святых. В доказательство этого последнего утверждения автор напоминает князьям чудесные обстоятельства кончины Давыда Святославича — не лишенную поэзии легенду о его смерти.

Для тех, кому нарисованный им высокий идеал показался бы хорошим, но не осуществимым в практике повседневной жизни, автор «Слова» счел полезным дать особое разъяснение: чтобы творить добрые дела, жить в мире и любви, совсем не обязательно от всего отрешиться; «заповедь Господню» исполнить можно и в миру, владея «домом», с женою и детьми. Только невежи могут думать, что добро — удел отшельников. Зло ничем не может быть оправдано.

Небольшое по объему «Слово» написано в лучших традициях избранного автором жанра. В композиционном отношении оно построено очень четко; обрамляется вступлением и заключением, «высокая» риторика которых подчеркивает важность и серьезность

темы. Большое место в «Слове» занимают повествовательные эпизоды, обнаруживающие руку искусного мастера краткого рассказа.

В научной литературе высказывалось предположение, что «Слово» было написано в 1175 году по поводу конфликта между черниговским князем Святославом Всеволодичем и его двоюродным братом князем новгород-северским Олегом Святославичем (*Голубовский П.* Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате. — Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского Археологического общества, т. I, вып. 3. М., 1899, стлб. 491—510). Так это или не так, сказать трудно: в тексте «Слова» нет указания на конкретные имена. Не исключена возможность, что «Слово» обобщает факты — имеет в виду не какой-либо один определенный эпизод из истории феодальных войн XII века, а многие.

В той своей части, где автором сурово осуждаются княжеские усобицы, «Слово о князьях» перекликается по содержанию со «Словом о полку Игореве».

Перевод «Слова о князьях» сделан по тексту, изданному Х. М. Лопаревым по рукописи XV в., РНБ, собр. Погодина, № 1024 («Слово похвальное на пренесение мощей святых Бориса и Глеба». Неизданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева.— Памятники древней письменности, т. XCVIII, 1894, с. 15—18). Отсутствующее в этом списке вступление, восполненное И. П. Ереминым по другим спискам «Слова», изданным Х. М. Лопаревым, опускается. В перевод, сделанный И. П. Ереминым, внесены некоторые уточнения.

ОРИГИНАЛ

НЕДЕЛЯ 18 ПО ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ

СЛОВО О КНЯЗЬЯХЪ

Слышите князи противящеся старѣишей братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на Страшнѣмъ Судищи. Како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганыхъ на свою братию. Нѣколи чающимь израильтяномъ рати халдѣискыя на Иерусалимъ, послаша къ фараону Египеть, помощи просяще, да быша халдѣи не плѣнили Иерусалима. Богъ посла пророка к ызраильтяномъ глаголя: «Понеже не уповасте на Бога създавшего вы, но надежю всю возложивше на египтяны, халдѣя же отвожду от васъ но от египтянъ плѣнени будете, на них же уповасте, от тѣхъ погыбнути вы велю», якоже и бысть.

Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не имате вѣры межю собою, и могуща вы родити яко пред невѣрныя грядете на судъ собѣ». И еуангелисту Иоанну глаголющу: «Аще кто глаголить, яко Бога люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть». Сам же Господь рече: «О семъ знають вси яко мои есте ученици, аще любовь имате междю собою», познаите князи свое величество и свою честь. Князя дѣда имать святаго Володимера, приведъше къ Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душь праведных. Каку братию имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глѣба. Сима поревнуите, сею образ имѣите, сима накажетеся. Аще ли Сотона коли вражду вверъжеть между братьею, да помянеть сею святою како смерть улюбита паче прияти, нежели вражду удержати. И то кто претерьпить и миръ преже начнеть, то сима от Бога равну мъзду прииметь. Скажю же вы притчю о семъ, не в чюже странѣ бывшю. Давидъ Святославичь а Святославъ Ярославичь святаго Бориса и Глѣба братъ, тотъ Давидъ ни с кѣмъ не имѣаше вражды. Аще кто на нь рать въздвигнеть, он же покорениемъ своимъ рать уставляше, княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своеи.[1] Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣстъ цѣловаше, въ весь животь свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлованиа, он же единако исправляше, никого приобидѣ ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину. Въ велицѣ тишинѣ бысть княжение его. Егда же изволи Богъ пояти душу его от тѣла и болѣвшу ему недолго, позна епископъ Фектистъ,[2] яко уже князь преставитися хощеть, повѣлѣ пѣти канунъ[3] крѣсту, единою рассѣдеся верхъ теремцю, и вси ужасошася. И влетѣ голубь бѣлъ, и сѣде ему на грудехъ. И князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть. И наполнися храмъ благыа воня. И несоша князя въ Спасъ святыи[4] долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крѣстомъ. Оттолѣ несоша и въ церьковь Бориса и Глѣба[5] създаную от него, звѣзда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Пѣвшу епископу над княземъ гробъ недокончянъ бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходить, заутра похоронимъ и». Всѣмъ сѣдящимъ над княземъ, шедъше въ церковь повѣдаша епископу: «Солнце не заходить но во единомъ мѣстѣ стоить». Епископъ же удивився и похвали Бога. Дондеже камень сровнаша и князя вложиша въ грабъ, тогда солнце заидеть.

Разумѣите чядо, како Богъ прославялетъ своа угодники и ходящая в повелѣниихъ его и сдѣ таковыми чюдесы: аггелъ явися въ голубинѣ образѣ, благоухание от тѣла, явися звѣзда с небеси пришедши, над тѣломъ ста, солнце заити не смѣаше повелѣниемъ Владычьнимъ, дондеже въ гробъ тѣло святое вложено бысть. Каку славу приемлеть на небеси!

Речеть ли кто, яко жены нѣ имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобныи Никола Святоша[6] его сынъ бѣ и ина два сына.[7] Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь Господню исправити возможе? Многажды бо слышахъ нѣкыя невѣгласы глаголюща: «Съ женою и съ

чяды своими не можем спастися». Се бо князь не единъ домъ имѣаше но многи, князь всеи земли Черниговьскои. Заповѣдь Владычню исправи в семъ животѣ своемъ, ни с кѣмъ вражды имѣ. Постыдитеся враждующи на братию свою и на единовѣрникы своя. Въстрепещете, въсплачете пред Богом пакы славы отпадаете за едино злопомнение. Но не даи же вы Господь, се слышавшимъ отпасти славы с сима страстотерпцема, ею же днесь убиениа празднуемъ, ею же чюдеса предъ очима вашима предлежитъ. Сею прославимъ и сею възвеличимъ, сима въспоимъ. Приди, Давиде, и рци: «Радуитеся, праведнии о Господѣ». Воспои, Соломане: «Праведници въ вѣкы живуть и от Гсопода мъзда ихъ». Се бо сам Богъ прославляеть сею святою, глаголя: «Праведници просвѣтятся яко солнце въ славѣ отца ихъ. Идѣ же буду азъ, и ти будуть съ мною». Гдѣ Христос съ Отцемъ на престолѣ и си святая у престола съ архаггелы безъ престани поють пѣснь аггельскую: «Святъ Отец, святъ Сынъ и пресвятый Духъ въ единомъ Божествѣ въ бесконечныя вѣкы».

---

[1] *...княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своеи.*— Черниговская земля делилась на несколько княжеств; в системе этих княжеств Черниговское занимало центральное место; княжил в Чернигове обычно старший в роде из князей черниговской династии — потомков Святослава Ярославича. После смерти своих братьев — Глеба (ум. в 1078 г.) и Романа (ум. в 1079 г.) — Давыд Святославич был старшим в роде. Под словом «братьи» имеются в виду не только братья Давыда Святославича — Олег (ум. в 1115 г.) и Ярослав (ум. в 1129 г.), но и его племянники.

[2] *...епископъ Феоктистъ* — игумен Печерского монастыря, занявший епископскую кафедру в Чернигове в 1112 г. (ум. в 1123 г.).

[3] *Канун* — церковная похвальная песнь.

[4] *...Спасъ святыи* — Спасо-Преображенский собор в Чернигове, главный храм Черниговской земли.

[5] *...церьковь Бориса и Глѣба...*— Борисоглебская церковь. построенная Давыдом Святославичем в первой четверти XII в. (около 1115 г.), служила усыпальницей черниговских князей.

[6] *Преподобныи Никола Святоша* — Святослав Давыдович (ум. в 1143 г.); причислен к лику печерских святых; при пострижении получил имя Николай. О нем см. Киево-Печерский патерик (наст. т.).

[7] *...и ина два сына.*— Всего сыновей у Давыда Святославича было пять или шесть; здесь речь идет, видимо, о Владимире (ум. в 1151 г.) и Изяславе (ум. в 1161 г.), надолго переживших своего отца.

ПЕРЕВОД

НЕДЕЛЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПОСЛЕ ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете, — пока не обличил вас Бог на Страшном своем суде! Как святые Борис и Глеб претерпели от брата своего старшего не только лишение власти, но и смерть. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию. Некогда израильтяне, рати ожидая халдейской на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попленили Иерусалима. Тогда Бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что вы не уповали на Бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян, — халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было. Павел-апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что Бога любит, а брата своего ненавидит, — лжец тот». И сам Господь сказал: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собою будете». Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к Богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете — великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте и следуйте, их примером научитесь! Когда Сатана посеет вражду между братьями, помяните этих святых, — как предпочли они лучше смерть принять, чем держать вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от Бога получит. Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось. Давыд Святославич, сын Святослава Ярославича, брат святых Бориса и Глеба, — Давыд этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирял. Княжил в Чернигове он, в большом княжении, ибо старший был меж братии своей. Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово. Когда кто нарушал целованье крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он. Когда же порешил Бог взять душу его от тела, епископ Феоктист, видя, что князь — недолго он болел — уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту, — и вдруг верх терема расселся, и ужаснулись все. Влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь. И князь испустил душу, голубь невидим стал. А терем наполнился благоуханием. И после вечерни понесли князя в святой Спас. Появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба, — звезда перешла от Спаса к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был

готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит, — завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во едном месте стоит». Подивился епископ и восхвалил Бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб, — тогда солнце зашло.

Видите, дети мои, как Бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его. Такие чудеса творил он: ангел Божий в образе голубином явился, терем благоуханием от тела наполнился, явилась звезда, с небес пришедшая, и над телом стала, солнце повелением Владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб. Какую славу получит он на небесах!

Может, кто скажет, что князь Давыд жены не имел? Но он и детей имел. Блаженный Никола Святоша был сын его, и еще два сына было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь Господню и исполнил? Не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-де и с детьми своими спастись невозможно». Этот князь не один дом имел, а много — всей земли Черниговской был он князем. А заповедь Господню исполнил, в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал он. Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред Богом, — Бог отымет славу за единое злопамятство! Да поможет вам Бог и да не отпадете вы, все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим. Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнотворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о Господе!» Скажи, Соломон: «Праведные живут вечно, и в Господе награда их». А вот и сам Господь прославляет святых этих, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, во славе отца своего. Где же я буду, там и они будут со мною». Где Христос с Отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола песнь ангельскую: «Свят Отец, свят Сын и пресвятой Дух во едином Божестве, всегда и во веки бесконечные!»

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Публикуемый фрагмент из южнорусского летописного свода конца XII века повествует о событиях, предшествовавших походу на половцев князя Игоря Святославича в 1185 году, и о самом походе. Летописный рассказ отличается особой обстоятельностью и чертами несомненной литературной обработки. Исследователи обратили внимание на сходство летописной повести о походе Игоря со «Словом о полку Игореве» — на сюжетные и текстуальные параллели.

Текст публикуется по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, по рукописи БАН № 16.4.4, первой четверти XV века. Слова, исправленные по другим спискам этой летописи (а в двух случаях по смыслу: в летописи написано «половци» вместо «полци»), выделены курсивом.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Из Лаврентьевской летописи публикуется фрагмент, в котором повествуется о походе русских князей на половцев в 1184 году и о походе Игоря Святославича в 1185 году (в этой летописи годовая сетка ошибочно сдвинута на год и о событиях рассказано соответственно в статьях 1185 и 1186 годов). Изложение здесь не только значительно короче, чем в Киевском летописном своде (в составе Ипатьевской летописи), но в ряде случаев, видимо, не точно фактически: едва ли достоверны упоминание о встрече Игоря с другими участниками похода у Переяславля-Южного, сведения о том, что Игорь взял с собой в поход двух сыновей — Владимира и малолетнего Олега, рассказ о том, как после победы над половцами Игорь три дня «веселился» на захваченных вежах, и т. д. Тем не менее этот рассказ интересен, так как отражает ту версию событий, которая вошла в большинство русских летописей последующего времени.

Текст публикуется по Лаврентьевскому списку 1377 года (РНБ, шифр F. п., № 2). Рукопись была изготовлена по заказу суздальского и нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича; один из переписчиков и, вероятно, организатор этой работы — монах Лаврентий — завершил текст своей припиской. По его имени летопись и именуется Лаврентьевской. Оригиналом для переписки послужил Тверской летописный свод 1305 года.

Исправленные слова в публикуемом тексте выделены курсивом. Ошибочно повторенные или излишние (то есть искажающие строй фразы) слова опущены; такие пропуски обозначены многоточием.

ОРИГИНАЛ

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Въ лѣто 6691. Мѣсяца февраля въ 23 въ 1-ю недѣлю поста придоша измалтяне[1] безбожнѣи половци на Русь воеватъ ко Дмитрову[2] съ оканьным Кончакомъ[3] и съ Глѣбомъ Тириевичемь, и Божьемь заступлениемь и не бысть пакости от нихъ. Князь *же* Святославъ Всеволодичь, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюриком,[4] поидоша на половцѣ и сташа у Олжичь,[5] ожидающе Ярослава[6] и-Щернигова. И устрѣте я Ярославъ и рече имъ: «Нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ, на лѣто поидемь». Святослав же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася. Святославъ же посла сыны своя с полкы своими *полем* ко Игореви, веля ему ѣхати в себе мѣсто, а Рюрикъ посла Володимѣра Глѣбовича[7] с полкы своими. Володимѣръ же Глѣбовичь посла ко Игореви,[8] прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ: князи бо русции *дали* бяхуть напередѣ ѣздити в Руской земли. Игорь же не да ему того. Володимерь же розгнѣвався и возъвратися. И оттолѣ идя, иде на севѣрьскиѣ городы,[9] и взя в них много добытокъ. Игорь же возворoти киевьскии полки и пристави к нимъ Олга, сыновца своего Святослава,[10] абы како довести полкъ цѣлъ, а самъ ѣха, поима со собою брата своего Всеволода,[11] и Святославича Всеволода, и Андрѣя с Романомъ, и нѣколко от черного клобука,[12] с Кулдюремь и с Кунътувдѣемь, и придоша к рѣцѣ к Хырии.[13] И бысть тоиѣ ночи тепло и дождь рамянъ, и умножися вода, и не бысть имъ куда переѣхати, а половцѣ, котории утягли переити вежами,[14] спасошася, а которѣи не утягли, а тѣхъ взяша; рекоша же, ако в ту рать вежѣ *и* кони и скоти мнози потопли суть в Хирии, бѣгаюче передъ русью[15] <…>

Того же лѣта Богъ вложи въ сердце Святославу, князю киевьскому и великому князю Рюрикови Ростиславичю … поити на половцѣ. И посласта по околниѣ князи, и совкупишася к нима Святославича Мьстиславъ и Глѣбъ, и Володимѣръ Глѣбовичь ис Переяславля, Всеволодъ Ярославичь из Лучьска с братомъ Мьстиславомъ, Романовичь Мьстиславъ, Изяславъ Давыдовичь и Городеньский Мьстиславъ, Ярославъ, князь пиньский с братомъ Глѣбомъ, из Галича от Ярослава[16] помочь, а своя братья[17] не идоша, рекуще: «Далече ны есть ити в низъ Днѣпра, не можемь своѣе землѣ пусты оставити: но *еже* поидеши на Переяславль, то совокупимся с тобою на Сулѣ».[18] Святослав же, не любуя на свою братью, поиде, поспѣшая путь свой и поущаемь Божиимъ промысломъ, тѣмь старѣйшии его сынове не утягоша от Черниговьской сторонѣ. Идущю же ему по Днепру, и ста ту, идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ,[19] и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра и 5 *дней* искаша ихъ. Ту же отряди моложьшеѣ князѣ передъ своими полки: отряди же Володимера Переяславьского, и Глѣба, и Мьстислава, сына своего, и Романовича Мьстислава и Глѣба Гюрговича, князя дубровицьского, и Мьстислава Володимерича и берендѣевъ[20] с нимь было 2100. Половци же, узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь на нихъ, и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божиимъ *и* святѣй Богородицѣ. Оним же, ѣхавшимъ по нихъ, не постигъше, возворотишася русь, и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже русь зоветь Уголъ.[21]

Половецький же князь Кобякъ[22], мнѣвъ толко руси, возвратися и погна во слѣдъ ихъ. Идущим же имъ по нихъ, узрѣша полци рустѣи, начаша ся стрѣляти о рѣку и начаша межи собою перегонити, и бысть имъ того надолзѣ. Слышав же Святославъ и Рюрикъ и пустиста имъ болшиѣ полкы на помочь, а сама поидоста за ними поспѣвающа. Якоже узрѣша половци помочныя полкы и мнѣша ту Святослава и *Рюрика*, абье поскочиша. Русь же, приимше помощь Божию и въвѣртѣшася в нѣ, и начаша ѣ сѣчи *и* имати. И тако створи Господь милость хрестьяномъ, в тый же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика за вѣру ею.

И ту яша Кобяка Карлыевича со двѣима сынома, Билюковича Изая и Товлыя *съ* сыномъ, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Съдвака Кулобичкого яша жь, и Корязя Калотановича ту убиша и Тарсука, а инѣхъ бе-щисла. Створи же Богъ побѣду сю мѣсяца июля въ 30 в понедѣлникъ, в память святаго Ивана Воиника. Великий же князь Святославъ Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь приемше от Бога на поганыя побѣду и возвратишася восвояси съ славою и честью великою.

Того же лѣта слышавъ Игорь Святославличь, оже шелъ Святославъ на половцѣ, призва к собѣ брата своего Всеволода и сыновця Святослава и сына своего Володимѣра, молвяшеть бо ко братьи[23] и ко всѣй дружинѣ: «Половци оборотилися противу рускимъ княземь, и мы без них кушаимся на вежах ихъ ударити». Да яко бысть за Мѣрломь,[24] и срѣтеся с половци, поѣхалъ бо бяше Обовлы Костуковичь в четырѣхъстѣхъ воеватъ к Руси, и ту абье пустиша к нимъ кони. Половци же побѣгоша Божьимь повеленьемь, и русь погнаша ѣ, и ту побѣдиша ѣ, и возвратишася восвояси.

В то же время Володимеръ Ярославичь Галичький, шюринъ Игоревъ,[25] бяшеть у Игоря, зане выгнанъ бяшеть отцемь своим из Галича. То же Володимѣръ приде преже ко Володимѣру к Романови. Романъ, блюдяся отца его, не да ему опочити у себе. Оттолѣ же иде ко Инъгварови Дорогобужю, и тотъ, блюдяся отца его, и не прия его. И онъ оттолѣ ѣха ко Святополку Турову, и тый такоже отпусти его; ко Давыдови Смоленьску — Давыдъ же отпусти, в Суждаль ко Всеволоду, уеви своему[26]. Володимеръ же Галичькый ни тамо обрѣте собѣ покоя, приде к зяти своему Путивлю, ко Игореви Святославичю. Той же прия с любовью и положи на немь честь велику, и за двѣ лѣтѣ держа й у себе, и на третьее лѣто введе й в любовь со отцемь его и посла с нимъ сына своего, зятя Рюрикова, Святослава[27] <...>.

Въ лѣто 6692.[28] Пошелъ бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со мьножествомь половець на Русь, похупаяся, яко плѣнити

хотя грады рускыѣ и пожещи огньмь, бяше бо обрѣлъ мужа таковогo бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмь[29]. Бяху же и у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужь можашеть напрящи. Но всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и свѣты ихъ раздруши. Пришедъ бо, ста на Хоролѣ, послалъ же бяшеть с лестью ко Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, не вѣды лѣсти ихъ, посла к нимъ мужъ свой Ольстина *Олексича*. Святославъ же Всеволодичь слашеть къ Ярославу, река: «Брате, не ими имъ вѣры, ни своего мужа шли, яз на ны поиду». Святославъ же Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь со всими своими полкы, не стряпя, поиде противу имъ. Рюрикъ же и Святославъ отрядиста Володимѣра Глѣбовича, въврядиша в *наворопъ,*[30] и Мьстислава Романовича, а самъ Рюрикъ и Святославъ поидоста задѣ ихъ. Ѣдущим же имъ, и устрѣтоста гости, идущь противу себе ис Половець, и повѣдаша имъ, яко половци стоять на Хоролѣ. Святослав же и Рюрикъ то слышавша и рада быста, и поидоста к нимъ. Володимѣръ же и Мьстиславъ, слышавше, придоша к мѣсту тому, идеже указаша гостье. Пришедши же на мѣсто то, идѣже *стояли*, и не видиша никогоже, шли бо бяхуть на ино мѣсто възлѣ Хоролъ. Наворопници же, перешедше Хоролъ, взиидоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ. Коньчакъ же стоялъ у лузѣ. Его же, ѣдуще по шоломени, оминуша, иныѣ же *ватагы*[31] узрѣвше, удариша на нихъ. Кончакъ же то видивъ, за нѣ утече чересъ дорогу, и мьншицю его яша и оного бесурменина яша, у негоже бяшеть живый огонь. То и того ко Святославу приведоша со устроенымъ, прочая же воя ихъ — онихъ избиша, а конѣ и оружья многое множество и ополонишася.

Въ лѣто 6693.[32] Съдѣя Господь спасение свое — дасть побѣду князема рускыма — Святославу Всеволодичю и великому князю Рюрикови Ростиславичю мѣсяца марта в 1 день. Увѣдавъша же Кончака бѣжавша, посласта по немь Кунътугдыя въ 6000. Тот же, гнавъ, самого не обрѣте, бяшеть бо тала стопа за Хороломъ. Святослав же и великый князь Рюрикъ побѣду приемша молитвами *святою* мученику Бориса и Глѣба и поидоша когождо восвояси, славяще Бога во Троицѣ — Отца и Сына и Святаго Духа.

Князь же Ярославъ Черниговьский не шелъ бяше с братомь, со Святославомъ, молвяшеть бо тако: «Азъ есмь послалъ к нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужь поѣхати», тѣмь отречѣся брату своему Святославу. Игорь же молвяшеть Святославлю мужеви: «Не дай Богъ, на поганыѣ ѣздя, ся отрещи: поганы есть всимъ намъ обьчий ворогъ!». Потом же гада Игорь с дружиною, куды бы переѣхати полкы Святославлѣ. Рекоша ему дружина: «Княже, потьскы не можешь перелетѣти: се приѣхалъ к тобѣ мужь от Святослава в четвергъ, а самъ идеть в недѣлю ис Кыева, то како *можеши*, княже, постигнути?». Игореви же бяшеть нелюбо, оже ему тако молвять дружина, хотѣ же ѣхати полемь перекъ, возлѣ Сулу. И бяшеть серенъ великъ, якоже вои не можахуть зрѣима переити днемь до вечера,[33] тѣмь никуда же не може пути собѣ налѣсти ѣхати по Святославѣ.

Тоѣ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нездиловича с берендичи на поганѣѣ половцѣ. Божиею помочью взяша вежѣ половецькѣи, много полона и коний, мѣсяца априля въ 21, на самый Великъ день[34]. Тогда же Святославъ князь иде въ вятичѣ хъ Корачеву[35] орудѣй дѣля своихъ.

В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода[36] мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поимяи со собою брата Всеволода ис Трубечка,[37] и Святослава Олговича, сыновця своего изъ Рыльска[38] и Володимѣра, сына своего, ис Путивля. И у Ярослава испроси помочь — Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи[39] черниговьскими. И тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы в годъ вечерний, Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць.[40] И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «Видите ли? Что есть знамение се?». Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «Княже! Се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «Братья и дружино! Тайны Божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему. А намъ что створить Богъ или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити».

И то рекъ, перебреде Донѣць и тако приида ко Осколу,[41] и жда два дни брата своего Всеволода: тотъ *бяше* шелъ инемь путем ис Курьска. И оттуда поидоша к Салницѣ.[42] Ту же к нимь и сторожеви приѣхаша, ихже бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша, приѣхавше: «Видихомся с ратными, ратници ваши со... доспѣхомъ ѣздять, да или поѣдете борзо, или *возворотимся* домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пуще и смерти; но како ны Богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша чересъ ночь.

Заутра же, пятъку наставшу, во обѣднее веремя, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ — вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия.[43] И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его — Всеволожь, а по лѣву — Святославль, сыновця его, на передѣ ему, сынъ Володимѣрь и другий полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве, а третий полкъ напереди же — стрѣлци, иже бяхуть от всихъ князий выведени. И тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «Братья! Сего есмы искалѣ, а потягнемь!». И тако поидоша к нимъ, положаче на Бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис половѣцькихъ полковъ стрѣлци и пустивше по стрѣлѣ на русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще

рѣкѣ Сюрлия, поскочиша же и ти *полци* силы половѣцькии, коториѣ же далече рѣкы стояхуть.

Святослав же Олговичь, и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстинъ с коуи стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспустяста полку своего. Переднии же ти русь биша ѣ, имаша. Половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и русь же дошедше вежь и ополонишася. Друзии же ночь приѣхаша к полкомъ с полономъ. И яко собрашася *полци* вси, и рече Игорь ко братома и к мужемь своим: «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава. Се же видихомъ полки половѣцькии, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили. Нынѣ же поѣдемы чересъ ночь, а кто поѣдѣть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшии коньници переберуться, а самѣми как ны Богъ дасть».[44] И рече Святославъ Олговичь строема своима: «Далече есмь гонилъ по половцехъ, а кони мои не могуть, аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати». И поможе ему Всеволодъ, якоже облечи ту. И рече Игорь: «Да не дивно есть разумѣюци, братья, умрети». И облегоша ту.

Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкии, акъ боровѣ. Изумѣшася князи рускии, кому ихъ которому поѣхати: бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь: «Се вѣдаюче, собрахомъ на ся землю всю — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробича».[45] И тако угадавше, вси сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся доити рѣкы Донця; молвяхуть бо, оже побѣгнемь — утечемь сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будеть грѣхъ: сихъ выдавше, поидемь. Но или умремь, или живи будемь на единомь мѣстѣ». И та рекше, вси сосѣдоша с конѣй и поидоша бьючеся. И тако Божиимъ попущениемь уязвиша Игоря в руку и умртвиша шюицю его. И бысть печаль велика в полку его. И воеводу имяхуть — тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до *вечера*, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ руских.

Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ. Уразумѣв же, яко далече шелъ есть от людий, и, соимя шоломъ, погъняше опять к полкомъ, того *дѣля*, что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не *возворотися* никтоже, но токмо... Михалко Гюрговичь, познавъ князя, возворотися. Не бяхуть бо добрѣ смялися с ковуи, но мало от простыхъ, или кто от отрокъ боярьскихъ, добри бо вся бьяхуться, идуще пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство *показа*. И яко приближися Игорь к полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале от полку своего. Держим же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего.

Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бьяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ.

И тако во день Святаго Воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во *веселиа* мѣсто желю на рѣцѣ Каялы[46]. Рече бо дѣи Игорь: «Помянухъ азъ грѣхы своя пред Господомь Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля.[47] Тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьяни: отлучаеми — отець от рожений своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружий своихъ, и дщери от материй своихъ, и подруга от подругы своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшюю, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи, огнемь от жизни сея искушение приемши. Старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и *немилостивыя* раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и расѣкаеми бывають, жены же осквѣрняеми. И та вся створивъ азъ, — рече Игорь, — не достойно ми бяшеть жити! И се нынѣ вижю отмѣстье от Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи? гдѣ мужи храборьствующеи? гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не ото всего ли того обнажихся! И *связана* преда мя в рукы безаконьнымъ тѣмь. Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь, и прави суди его зѣло. Азъ же убо не имамъ со живыми части. Се нынѣ вижю другая мучения вѣньца приемлюще; почто азъ единъ повиньный не прияхъ страсти за вся си? Но, владыко Господи Боже мой, не *отрини* мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ».

И тогда *кончавшюся* полку, розведени быша, и поиде *кождо* во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемь Чилбукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича — Елдечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера — Копти в Улашевичихъ. Тогда же на полъчищи Кончакъ поручися по свата Игоря,[48] зане бышеть раненъ. От толикихъ же людий мало ихъ избысть нѣкакомъ получениемь, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане, яко стѣнами силнами, огорожени бяху полкы половѣцьскими. *Но наших руси* съ 15 мужь утекши, а ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша.[49]

В то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть в Корачевъ и сбирашеть от Вѣрхъних земль[50] вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на половци, утаившеся его, и не любо бысть ему. Святослав же идяше в лодьяхъ, и яко приде к Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ

Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о половцѣхъ. Святослав же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: «О, люба моя братья, и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! Дал ми Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будеть о всемь! Да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ, братѣ моемь».

Посем же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье[51]. То бо слышавше, возмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемь Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и по всей волости Черниговьской: князи изымани и дружина изымана *и* избита. И мятяхуться, акы в мутви, городи воставахуть, и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своих, жалующе по князихъ своихъ. Посем же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: «Рекли бяхомъ поити на половци и лѣтовати на Донѣ, нынѣ же половци се победилѣ Игоря и брата его и *съ сыномъ*, а поеди, брате, постерези землѣ Рускоиѣ». Давыдъ же приде по Днепру, придоша же ины помочи, и сташа у Треполя,[52] а Ярославъ в Черниговѣ, совокупивъ вои свои, стояшеть.

Поганыи же половци, побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и скупиша всь языкъ свой на Рускую землю. И бысть у нихъ котора; молвяшеть бо Кончакъ: «Поидемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья *наша* и великый князь нашь Бонякъ»,[53] а Кза молвяшеть: «Поидем на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и... дѣти: готовъ намъ полонъ собранъ, *емлем же городы* без опаса». И тако раздѣлишася надвое: Кончакъ поиде к Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту всь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче к нимъ. И по немь мало дерьзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обьступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии, видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города и тако отьяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимеръ язвенъ, труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественаго *поту* своего за очину свою... Володимеръ же слашеть ко Святославу и ко Рюрикови и ко Давыдови и рече имъ: «Се половьци у мене, а помозите ми». Святослав же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти рекуще: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, намъ ли инοѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ». Святослав же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпрь противу половцемь, а Давыдъ возвратися опять со смолняны. То слышавше половци и возвратишася от Переяславя. Идущи же мимо, приступиша к Римови[54]. Римовичи же затворишася в городѣ и возлѣзъше на заборолѣ, и тако Божиимъ судомъ летѣста двѣ городници[55] с людми тако к ратнымъ. И на прочая гражаны наиде страх, да которѣи же гражанѣ выидоша изъ града и бьяхуться, ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, а

тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ. Он же опоздися, сжидающе Давыда с смолняны. И тако князѣ рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же, вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и поидоша восвояси, князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть *раненъ* велми язвами смертьными, и хрестьянъ плененыхъ от поганыхъ.[56]

И се Богъ, казня ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своих дѣлъ. И симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли *смирившеся* воспомянемься от злаго пути.

А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю. Кза у... силахъ тяжькихъ и повоевавши волости их и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси.

Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть в Половцехъ, и глаголаше: «Азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду от повеления твоего, владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихже есмь приялъ азъ». Половци же, аки стыдящеся воевъдъства его, и не творяхуть ему, но приставиша к нему сторожовъ 15 от сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20, но волю ему даяхуть: гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своих слугъ съ 5 и съ 6 с нимь ѣздяшеть. Сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого — бесъ пря творяхуть повелѣное им. Попа же бяшеть привелъ из Руси к собѣ со святою службою,[57] не вѣдяшеть бо Божия промысла, но творяшеться тамо и дольго быти. Но избави и́ Господь за молитву хрестьяньску, имже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него.

Будущю же ему в половцехъ, тамо... налѣзеся мужь, родомъ половчинъ, именемь Лаворъ.[58] И тотъ приимъ мысль благу и рече: «Поиду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь,[59] молвяшеть бо: «Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ неславнымъ путемь не имамъ поити». С нимъ бо бяшеть тысячского сынъ и конюший его, и *та* нудяста и глаголюща: «Поиди, княже, в *землю* Рускую, аще *восхощет* Богъ — избавить тя». И не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася от Переяславля половци, и рекоша Игореви думци его: «Мысль высоку и не угодну Господеви имѣешь в собѣ: ты

ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ, а о семь чему не разгадаешь, оже приедуть половци с войны, а се слышахомъ, оже избити им князя и васъ и всю русь. Да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приимъ во сердцѣ свѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ, и возиска бѣжати.

Не бяшеть бо ему лзѣ бежати в день и в нощь, имъже сторожевѣ стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «Перееди на ону сторону Тора[60] с конемь поводнымъ», бяшеть бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза. А и бы при вечерѣ пришедъ конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ, ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго!» И возмя на ся крестъ *и* икону, и подоима стѣну, и лѣзе вонъ, сторожем же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ, и перебредъ, и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вежа.

Се же избавление створи Господь в пятокъ в вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця,[61] и оттолѣ иде во свой Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему... обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву, к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, такъже и Рюрикъ, сватъ его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то же лѣто[62] Богъ вложи... в сердце княземъ русскымъ; ходиша бо князи русстии вси на половци: Святославъ Всеволодичь, Рюрикъ Ростиславичь,[63] Володимеръ Глѣбовичь,[64] Святославичь Глѣбъ, Гюргевичь Глѣбъ Туровьскый, Романовичь Мстиславъ, Давыдовичь Изяславъ, Всеволодъ Мстиславичь и галичьская помочь и володимерьская и лучьская.[65] И *поидоша* к ним вкупѣ вси, и, перешедше Уголъ рѣку,[66] 5 дний искаша ихъ. Володимеръ же Глѣбовичь, внукъ Юргевъ,[67] ѣздяше напереду в сторожих с переяславци, и берендѣевъ было съ нимь 2000 и 100.

Половци же услышавше русь, оже пришли на них, ради быша, надѣющеся на силу, рекоша: «Се Богъ вдалъ есть князи русскиѣ и полкы ихъ в руцѣ наши». Устремишася на бой, не вѣдуще глаголемаго, яко: «Нѣсть мужьства, ни есть думы противу Богови». Поидоша противу Володимеру, кличючи, яко пожрети хотяще. Володимеръ же Божьею

помочью и святое Богородици и дѣда своего *святою* молитвою укрѣпляем и отца своего, поиде противу им. Испросилъся бяше у Святослава, рекъ: «Моя волость пуста от половець; пусти мя, отче Святославе, напередъ с сторожи». Князи же русстии не утягли бяху с Володимеромъ. Половци же, узрѣвше полкъ Володимерь крѣпко идущь на них, побѣгоша гоними гнѣвомъ Божьимъ и святое Богородици.

Наши же погнаша, сѣкуше я, 7 тысячь руками изъимаша ихъ, князий одинѣхъ было *половецкихъ* 400 и 17: Кобяка руками яша, Осолука, Барака, Тарга, Данила, Башкърта, Тарсука, Изу, Глѣба Тирьевича, Ексна, Алака и Толгыя, Давыдовича тести, с сыном, Тѣтия с сыном, Кобякова тьсти Турундая. И поможе Богъ и святая Богородиця Володимеру мѣсяца *иуля* въ 31 день в понедѣлник, на память святаго Евдокима Новаго.

Сдѣя Господь спасенье велико нашим князем и воемъ ихъ надъ врагы нашими, побѣжени быша иноплеменьници... кумани, рекше половци. И рече Володимеръ: «Сь день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся в онь, яко Господь избавил ны есть от врагъ наших и покори врагы наша под нозѣ наши, и скруши главы змиевыя». И бысть радость велика: дружина ополонишася и колодникы поведоша, оружья добыша и конь, и възвратишася домовь, славяще Бога и святую Богородицю, скорую помощницю роду хрестьяньску.

В лѣто 6694. Мѣсяца мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни бы знаменье въ солнци[68], и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ, въ очью, яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше. Страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье Божье.

В то же лѣто, того же мѣсяца мая въ 18 день на память святаго мученика Потапья в суботу родися сынъ у великаго князя Всеволода[69] и нарекоша имя ему в святѣмь крещении Костянтинъ.

Того же лѣта здумаша Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томь лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: «Мы есмы ци не князи же? Такыже собѣ хвалы добудем!». И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома[70] из Новагорода Сѣверьскаго, ис Трубѣча Всеволодъ, *братъ* его, Олговичь Святославъ из Рыльска[71] и черниговьская помочь. И внидоша в землю ихъ. Половьци же, услышавше, поидоша, рекуще: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се нонѣ на нас идут». Послашася по всей земли

своей, а сами поидоша к симъ, и ждаша дружины своея, а си к ним идуть, к вежамъ ихъ. Они же не пустячи в вежѣ, срѣтоша ихъ, а дружины не дождавъше и сступишася. И побѣжени бывше половци, и биша и до вежь, множество полона взяша, жены и дѣти, и стояша на вежах 3 дни веселяся, а рекуще: «Братья наша ходили с Святославомъ, великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль[72], а они сами к ним пришли, а в землю ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы, и самѣхъ избили, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по них за Донъ[73] и до конця избьемъ ихъ. Оже ны будет ту побѣда, идем по них и луку моря, гдѣже не ходили ни дѣди наши, а возмем до конца свою славу и честь». А не вѣдуще Божья строенья.

А остатокъ бьеных тѣх бѣжаша дружинѣ своей, гдѣ бяху переже вѣсть послали, и сказаша имъ свою погыбель. Они же, слышавше, поидоша к ним, а по друзи *послаша*. И сняшася с ними стрѣлци, и бишася 3 дни стрѣлци, а копьи ся не снимали, а дружины ожидаючи, а к водѣ не дадуче имъ ити.

И приспѣ к ним дружина вся, многое множство. Наши же, видѣвше ихъ, ужасошася, и величанья своего отпадоша, не вѣдуще глаголемаго пророкомъ: «Нѣсть человѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви». Изнемогли бо ся бяху безводьемь и кони и сами, в знои и в тузѣ, и поступиша мало к водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ. Видѣвше ратнии, устремишася на нь, и притиснуша и к водѣ, и бишася с ними крѣпко и бысть сѣча зла велми. Друзии конѣ пустиша к нимъ съсѣдше, и кони бо бяху под ними изнемогли, и побѣжени быша наши гнѣвом Божьимъ. Князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана и та язвена. И възвратишася с побѣдою великою половци, а о наших не бысть кто и вѣсть принеса за наше согрѣшенье.

Гдѣ бо бяше в нас радость — нонѣ же въздыханье и плачь распространися! Исайя бо пророкъ глаголеть: «Господи, в печали помянухом тя», и прочая.

И *поиде* путем гость, они же казаша, рекуще: «Поидѣте по свою братью, али мы идем по свою братью к вам». Князем же всѣм слышавше таку погыбель о братьѣ своей и до бояръ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье: овѣмъ бо братья избита и изъимана, а другымъ отци и ближикы. А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи. И собрашася к нему г Кыеву и выступиша г Каневу.[74] Половци же, услышавше всю землю Русскую идуще, бѣжаша за Донъ. Святослав же, слышавъ ихъ бѣжавших, възвратися г Кыеву со всею князьею, и разидошася в страны своя.

Половци же, услышавше ихъ отшедших, гнаша отай к Переяславлю, и взяша всѣ городы по Сулѣ, и у Переяславля бишася весь день. Володимеръ же Глѣбовичь, видѣ острогъ взимаем, выѣха из города к ним в малѣ дружинѣ, и потче к ним, и бишася с ними крѣпко, и обиступиша князя злѣ. И видѣвше горожане *изнемагающа* своих и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя, боденаго треми копьи. А дружины много избьено. И вбѣгоша в городъ и затворишася. А они възвратишася со многым полоном в вежѣ.

И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половець — не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! Гониша бо по нем и не обрѣтоша, якоже и Саулъ гони Давыда[75], но Богъ избави и́, тако и сего Богъ избави из руку поганых. А они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и потвержаеми многими желѣзы и казньми.

Се же... здѣяся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различьными, огнемь и водою и ратью, и иными различными казньми, *хрестьяномъ* бо многыми напастьми внити въ царство небесное. Согрѣшихом — казними есмы, яко створихом, тако и прияхом, но кажет ны добрѣ Господь нашь, но да никтоже можеть рещи, яко ненавидит нас Богъ — не буди такого! Тако любить, якоже ны възлюбилъ е, и страсть приятъ, нас ради, да ны избавить от неприязни.

---

[1] *...измалтяне...* — В Древней Руси кочевников Востока называли «агарянами» или «измаилтянами»; считалось, что они происходят от библейского персонажа — Измаила, сына Авраама и его наложницы-египтянки Агари.

[2] *...ко Дмитрову* — к городу в Переяславском княжестве, южнее Путивля.

[3] *...Кончакомъ...* — Кончак — сын Отрока, внук Шарукана, один из влиятельнейших половецких ханов.

[4] *...Святославъ Всеволодичь, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюриком...* — Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212(?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем Киевским.

[5] *...у Олжичь* — селения, расположенного у места впадения Десны в Днепр.

[6] *...ожидающе Ярослава* — Ярослава Всеволодовича, князя черниговского (ум. в 1198 г.), брата Святослава Киевского.

[7] *...Володимѣра Глѣбовича* — князя переяславского (ум. в 1187 г.) Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

[8] *...ко Игореви* — к Игорю Святославичу, князю Новгорода-Северского (ум. в 1202 г.), герою «Слова о полку Игореве».

[9] *...на севѣрьскиѣ городы* — города Северской земли (ныне это территория Черниговской и Сумской областей), удела Игоря Святославича.

[10] *...Олга, сыновца своего Святослава...* — Олега Святославича, сына Святослава Киевского (ум. в 1204 г.), и Святослава Ольговича Рыльского, племянника Игоря.

[11] *...брата своего Всеволода* — Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его Буй Тур Всеволод.

[12] *...от черного клобука...* — Черные клобуки — собирательное наименование племенного объединения (торков, берендеев и других тюркских племен); являясь вассалами русских князей, черные клобуки участвовали в их войнах с половцами.

[13] *...к Хырии* — к Хоролу, правому притоку реки Псел.

[14] *...переити вежами...* — то есть с шатрами, повозками, имуществом.

[15] *...бѣгаюче передъ русью.* — Далее в летописи рассказывается о смерти полоцкого епископа Дионисия и о пожаре во Владимире-Суздальском; этот фрагмент мы опускаем.

[16] *...из Галича от Ярослава...* — От Ярослава Владимировича, князя галицкого (ум. в 1187 г.), тестя Игоря Святославича («Ярослава Осмомысла»).

[17] *...своя братья...* — Имеются в виду, вероятно, браг Святослава — Ярослав Черниговский и двоюродные братья Святослава — Игорь и Всеволод.

[18] *...на Сулѣ* — левом притоке Днепра.

[19] *...Инжирь бродъ* — брод на Днепре близ впадения в него Сулы.

[20] *...берендѣевъ...* — Берендеи — кочевое племя тюркского происхождения, союзники русских князей.

[21] *...на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже русь зоветь Уголъ.—* Вероятно, это район при впадении в Днепр его левого притока — реки Орель.

[22] Кобякъ — хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве».

[23] ...ко братьи... — Здесь, как и в «Слове о полку Игореве», «братья»— это и собственно братья и шире — соратники.

[24] ...за Мѣрломь — за Мерлой, притоком Ворсклы.

[25] ...Володимеръ Ярославичь Галичький, шюринъ Игоревъ... — Игорь был женат на его сестре, дочери Ярослава Осмомысла.

[26] ...ко Володимѣру к Романови... ко Всеволоду, уеви своему.— Изгнанник посещает Владимир-Волынский, Дорогобуж (на реке Горыни, юго-восточнее города Ровно), Туров (на Припяти), Смоленск и, наконец, Суздаль, где княжил Всеволод, брат его матери Ольги.

[27] ...сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. — Святослав Игоревич в 1187 г. женился на Ярославе, дочери Рюрика Ростиславича.

[28] Въ лѣто 6692. — Перед этими словами в летописи повествуется о пожаре в городе Гродно и об освящении в Киеве церкви Василия. Этот фрагмент мы опускаем.

[29] ...бесурменина, иже стрѣляше живымъ огньмь. — «Бесурменин»— мусульманин. «Живым огнем» летописец называет какое-то военное приспособление (катапульту?) для метания сосудов с зажигательной смесью.

[30] ...върядшиа в наворопъ...— Наворопом называли отряды, высылавшиеся впереди основных сил для разведки и внезапного нападения на противника.

[31] ...ватагы. — Ватага — место расположения войска и само войско или его отряд.

[32] Въ лѣто 6693. — В Древней Руси год начинался 1 марта; следовательно, события февраля 6692 г. и марта 6693 г. происходят, в переводе на наше летосчисление, весной 1185 г.

[33] И бяшеть серенъ великъ, якоже вои не можахуть зрѣима переити днемь до вечера... — «Серен» — наст, подтаявший снег; по словам В. И. Даля, «коню он подрезывает и кровянит щетки, коннице нет ходу»; «зрѣима переити»— пройти то расстояние, которое можно окинуть взором.

[34] *Великъ день* — Пасха.

[35] *...въ вятичѣ хъ Корачеву...* — Ныне город Карачев, к востоку от Брянска.

[36] *...из Новагорода* — Новгорода-Северского, стольного города Игоря Святославича (на крайнем востоке современной Черниговской области).

[37] *...ис Трубечка* — Трубчевска, города на Десне, в южной части Брянской области.

[38] *...изъ Рыльска* — города на западе Курской области.

[39] *...коуи... — Ковуи* — кочевое племя тюркского происхождения; ковуи были вассалами черниговских князей.

[40] *Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць.* — Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения — 1 мая. Затмение 1185 г. Подтверждается и расчетами современных астрономов.

[41] *...приида ко Осколу...* — левому притоку Северского Донца.

[42] *...к Салницѣ.* — Сальница — небольшая речка, левый приток Северского Донца, протекавшая по территории, где ныне расположен город Изюм.

[43] *...на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия.* — По мнению Н. В. Сибилева, М. Ф. Гетманца и др., Сюурлий — это река Голая Долина, протекающая в районе города Славянска (Донецкой области).

[44] *...а кто поѣдѣть заутра... какныБогъдасть.* — Фраза недостаточно ясна; в переводе отражено одно из возможных ее толкований: только «лучшие конники» из половецкого (а не русского) войска смогут догнать ушедшие за ночь русские полки и переправиться вслед за ними (через Донец?).

[45] *...Кончака, и Козу Бурновича... и Терьтробича.* — Помимо Кончака и Гзака (Гзы) перечисляются другие половецкие рода (орды) или их вожди.

[46] *...на рѣцѣ Каялы.* — Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла»— метафорическое название реки «печали», от глагола «каяти» (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л.. 1967, с. 179—180). Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

[47] *...взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля.* — О разгроме Глебова упоминается только в покаянной речи Игоря; можно

предполагать, что это явилось местью за разорение Владимиром Переяславским городов Северской земли. Что это за город Глебов — неясно: в летописи упоминается город Глебов в верховьях Сулы, но он далеко отстоит от Переяславля.

[48] *...по свата Игоря...* — Не обязательно думать, что дочь Кончака и сын Игоря были к этому времени уже помолвлены: возможно, что летописец просто опережает события; в то время, когда составлялась летопись, князь и хан действительно стали сватами — Владимир был обвенчан с дочерью Кончака после возвращения из плена в 1187 г.

[49] *...а прочии в морѣ истопоша.*— Едва ли имеется в виду Азовское море, как полагают некоторые исследователи; скорее всего речь идет о каком-то большом озере в районе битвы (см. выше: «И бьяху бо ся, идуще в кругъ при езерѣ»).

[50] *...от Вѣрхъних земль...* — Верхние земли — район верховий Днепра; здесь имеется в виду Брянщина.

[51] *Посемье* — земли по берегам Сейма, левого притока Десны.

[52] *...у Треполя* — города на Днепре, южнее Киева (ныне Триполье).

[53] *...Бонякъ...* — Половецких ханов Боняка и Шарукана разгромили в 1107 г. объединенные силы русских князей — Святополк Изяславич Киевский, Владимир Мономах, Олег Святославич и другие.

[54] *...к Римови* — городу Римову в Переяславском княжестве.

[55] *...возлѣзъше на заборолѣ... летѣста двѣ городници...* — По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером — забороны; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница — башня или часть городской стены.

[56] *...князи же возворотишася... плененыхъ от поганыхъ.* — Фраза испорчена, быть может, в результате неудачного слияния двух источников. Перевод ее условен.

[57] *Попа же бяшеть привелъ... со святою службою...* — Перевод предположителен: быть может, с предметами, необходимыми для богослужения.

[58] *Лаворъ.* — В «Слове о полку Игореве» он назван Овлур; эта форма более соответствует этимологии тюркского имени, но возможно, что «Овлур» — это измененное в половецком произношении имя «Лавр».

[59] *...мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь... (ср. также далее: «ты ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ...»).* — Текст неясен: Игорь «мышляшеть» бежать, но не хочет «неславнымъ путемь... поити»; перевод исходит из предположительного понимания текста (так же

толкует его и В. И. Стеллецкий в своем издании «Слова о полку Игореве», 1965 г.): Игорь хотел бежать не один, а с другими пленниками, но эта надежда была нереальной («...мысль высока... уности»).

[60] *...на ону сторону Тора...* — Тор — приток Северского Донца (Казенный Торец, или нижнее течение этой реки от впадения в нее Сухого Торца и до устья); на берегах Тора находились вежи Кончака.

[61] *...города Донця* — пограничного русского города на реке Уды; городище Донца расположено вблизи Харькова.

[62] *В то же лѣто...*— Цитируется статья 1185 (фактически — 1184) г.

[63] *...Святославъ Всеволодичъ, Рюрикъ Ростиславичь...* — Святослав (ум. в 1194 г.) и Рюрик Ростиславич (ум. в 1212(?) г.) с 1180 г. были князьями-соправителями Киевской земли; однако «Слово о полку Игореве» называет именно Святослава великим князем Киевским.

[64] *Володимеръ Глѣбовичь.* — князь переяславский (ум. в 1187 г.). Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, юго-восточнее Киевской земли; центром княжества был город Переяславль-Южный (ныне Переяслав-Хмельницкий).

[65] *...помочь и володимерьская и лучьская.* — Вспомогательные отряды из Владимира-Волынского и Лучьска (ныне — Луцк).

[66] *...Уголъ рѣку...*— Угол (или Угла) — река Орель, левый приток Днепра. Ипатьевская летопись именует «Углом» район при впадении в Днепр Орели.

[67] *...внукъ Юргевъ* — внук Юрия Владимировича (Юрия Долгорукого), князя владимиро-суздальского.

[68] *...бы знаменье въ солнци...* — Лаврентьевская летопись указывает и на день затмения — 1 мая. Затмение 1185 г. Подтверждается и расчетами современных астрономов.

[69] *...у великаго князя Всеволода* — у владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо.

[70] *...Игорь съ двѣма сынома...* — Ипатьевская летопись в рассказе о походе называет и неоднократно упоминает лишь одного сына Игоря — Владимира. «Слово о полку Игореве» в символической картине («Два солнца померкоста... с нима молодая мѣсяца...») говорит о двух князьях и двух княжичах, однако называя при этом Святослава и Олега, а не Владимира, бесспорно в походе участвовавшего. Мало вероятно, чтобы Игорь взял с собой в дальний и опасный поход мальчика Олега (он родился в 1174 г.). Поэтому скорее можно допустить, чго источник рассказа Лаврентьевской летописи располагал неточными данными, а в тексте «Слова» мы имеем дело с ошибочной глоссой (припиской на

поле), впоследствии вставленной в текст, и речь в «Слове» идет о Владимире Игоревиче и Святославе Ольговиче Рыльском.

[71] *...ис Трубѣча... из Рыльска...*— Трубчевск - город на Десне, в южной части Брянской области. Рыльск - город на западе Курской области.

[72] *...зря на Переяславль...* — Вероятно, это насмешливый намек на то, что русские князья не рисковали углубляться в половецкую степь, а сражались на границах Переяславского княжества.

[73] *...поидемъ по них за Донъ...* — Дон, как цель похода Игоря, называется в «Слове о полку Игореве», но путь русских войск, описанный в Ипатьевской летописи, убеждает, что события происходили вблизи реки Северский Донец. Однако летописец, видимо, приписывает Игорю намерение дойти до нижнего течения Дона и побережья Азовского моря (Лукоморья).

[74] *...г Каневу* — городу на Днепре, ниже по его течению от Киева.

[75] *...якоже и Саулъ гони Давыда...* — Вспоминается эпизод из Библии (1 Цар. гл. 18—31) о преследовании царем Саулом юноши Давида.

ПЕРЕВОД

ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В год 6691 (1183). Месяца февраля в двадцать третий день, в первую неделю поста, измаилтяне, безбожные половцы, пришли войной на Русь, к Дмитрову, с окаянным Колчаком и с Глебом Тириевичем, но по Божьему заступничеству не принесли они беды. Князь же Святослав Всеволодич посоветовался со сватом своим Рюриком, и пошли они против половцев и остановились у Олжич, поджидая Ярослава из Чернигова. Встретил их Ярослав и сказал им: «Сейчас, братья, не ходите, но, сговорившись о времени, если Бог даст, пойдем на них летом». Святослав же и Рюрик, послушавшись его, возвратились. Святослав послал сыновей своих с полками своими степью к Игорю, велев ему ехать вместо себя, Рюрик же послал со своими полками Владимира Глебовича. А Владимир Глебович послал к Игорю, испрашивая у него разрешения выйти вперед со своим полком, ибо князья русские поручали ему передовые полки в Русской земле. Но Игорь не разрешил ему этого. Разгневался Владимир и возвратился. И идя оттуда, напал на города северские и захватил в них большую добычу. Игорь же повернул назад киевские полки и поставил над ними Олега и племянника своего Святослава, чтобы довели они войско без потерь, а сам поехал, взяв с собой брата своего Всеволода и Всеволода Святославича, и Андрея с Романом, и некоторое число воинов из черных клобуков с Кулдюрем и с Кунтувдеем, и пришли они к реке Хоролу. И было в ту ночь тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не удалось им найти брода, а половцы, которые успели переправиться

со своими шатрами — те спаслись, а какие не успели — тех взяли в плен; говорили, что во время этого похода и бегства их от русских немало шатров, и коней, и скота утонуло в реке Хороле. <...>

В том же году побудил Бог Святослава, князя киевского, и великого князя Рюрика Ростиславича пойти войной на половцев. И послали они к соседним князьям, и собрались к ним Мстислав и Глеб Святославичи, и Владимир Глебович из Переяславля, Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом, Мстислав Романович, Изяслав Давидович и Мстислав Городенский, Ярослав, князь пинский с братом Глебом, и из Галича пришла помощь от Ярослава, а свои братья не пришли, говоря: «Далеко нам идти к низовьям Днепра, не можем свою землю оставить без защиты, но если пойдешь через Переяславль, то встретимся с тобой на Суле». Святослав же, рассердившись на братьев своих, поспешно отправился в путь, побуждаемый Божественным промыслом; потому-то старшие сыновья его и не поспели из Черниговщины. Двинулся он вдоль Днепра и достиг того места, которое называется Инжир-бродом, и тут перешел на вражеский берег Днепра и пять дней искал половцев. Тогда отправил младших князей перед своими полками: послал Владимира Переяславского, и Глеба, и Мстислава, сына своего, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя дубровицкого, и Мстислава Владимировича, и берендеев было с ним две тысячи сто. А половцы, увидев отряд Владимира, смело идущий им навстречу, побежали, гонимые гневом Божьим и святой Богородицы. Русские, погнавшись за ними, не догнали, возвратились и остановились на месте, называемом Орель, которое на Руси зовется Угол.

Половецкий же князь Кобяк, решив, что это и есть все русское войско, возвратился и стал преследовать его. Когда половцы, преследуя, увидели полки русские, то начали перестреливаться через реку и старались обойти друг друга, и так продолжалось немалое время. Узнав об этом, Святослав и Рюрик отправили им на помощь основные силы, а сами спешно двинулись следом. Когда же половцы увидели полки, пришедшие на помощь, то решили, что с ними и Святослав и Рюрик, и тотчас же повернули назад. Русские же, укрепившись Божьей помощью, прорвали их строй и начали их сечь и пленить. И так проявил Господь милость свою христианам, в тот день возвеличил Бог Святослава и Рюрика за благочестие их.

И взяли в плен тогда Кобяка Карлыевича с двумя сыновьями, Билюковича Изая, и Товлыя с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Содвака Кулобичского также пленили, и Корязя Калотановича тут убили и Тарсука, а прочих — без счета. Даровал Бог победу эту месяца июля в тридцатый день, в понедельник, в день памяти святого Ивана Воиника. А великий князь Святослав

Всеволодич и Рюрик Ростиславич, получив от Бога победу над погаными, возвратились по домам со славой и с честью великой.

В это же время Игорь Святославич, услышав, что Святослав отправился на половцев, призвал к себе брата своего Всеволода, и племянника Святослава, и сына своего Владимира и обратился к братии своей и ко всей дружине: «Половцы выступили против русских князей, и мы без них попытаемся напасть на их вежи». И когда переправились за Мерлу, встретились с половцами — ехал Обовлы Костукович с четырехстами воинами воевать на Русь, и тут помчались им навстречу на конях. Половцы же, по повелению Божьему, обратились в бегство, и русские погнались за ними, и победили их тут, и возвратились восвояси.

В это же время Владимир Ярославич Галицкий, шурин Игорев, находился у Игоря, так как был изгнан отцом своим из Галича. Тот Владимир прежде всего отправился во Владимир к Роману, но Роман, боясь его отца, не разрешил ему поселиться у себя. Оттуда направился к Ингварю в Дорогобуж, и тот, из страха перед отцом его, не принял Владимира. И он оттуда поехал в Туров, к Святополку, и тот также не пустил его, к Давиду в Смоленск — и Давыд его не пустил, в Суздаль к Всеволоду, дяде своему, но и там Владимир Галицкий не обрел покоя и пришел в Путивль, к зятю своему Игорю Святославичу. Тот же встретил его радушно и с честью великою и два года держал у себя, а на третий год примирил его с отцом и послал с ним сына своего, зятя Рюрикова, Святослава. <...>

В год 6692 (1184). Двинулся окаянный и безбожный и трижды проклятый Кончак с бесчисленными полками половецкими на Русь, надеясь захватить и пожечь огнем города русские, ибо нашел он некоего мужа басурманина, который стрелял живым огнем. Были у них и луки-самострелы, едва пятьдесят человек могли натянуть у них тетиву. Но всемилостивый Господь Бог противится гордецам и козни их разрушает. Кончак же, придя, стал на Хороле и послал с хитростью к Ярославу Всеволодичу, предлагая ему мир. Ярослав же, не подозревая обмана, направил к половцам мужа своего Ольстина Олексича. А Святослав Всеволодич послал к Ярославу, говоря ему: «Брат мой, не верь им и своего мужа не посылай, я на них войной иду». Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич со всеми полками своими без промедления двинулись на половцев. Рюрик и Святослав отрядили Владимира Глебовича в передовой полк и Мстислава Романовича с ним, а сами Рюрик и Святослав двинулись следом за ними. Когда они были в пути, встретились им купцы, шедшие навстречу из Половецкой земли, и сказали, что половцы стоят на Хороле. Святослав и Рюрик, услышав об этом, обрадовались и направились туда. А Владимир и Мстислав, узнав об этом, пришли на место, указанное купцами. Но когда пришли туда, где стояли половцы, то не увидели никого, ибо те перешли на другое

место на берегу Хорола. Передовой же полк, переправившись через Хорол, поднялся на холм, чтобы оттуда заметить врага. А Кончак стоял в долине. И ехавшие по холмам миновали его, а другие полки половецкие — увидели и напали на них. Кончак же за их спиной бежал на ту сторону дороги, и лишь наложницу его захватили и того басурманина, у которого был живой огонь. И привели его к Святославу со всем устройством, а прочих воинов их кого перебили, а кого взяли в плен, с конями и со множеством всякого оружия.

В год 6693 (1185). Даровал Господь избавление — дал победу русским князьям, Святославу Всеволодичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, месяца марта в первый день. Узнав о бегстве Кончака, послали за ним следом Кунтугдыя с шестью тысячами воинов. Но тот, преследуя, не смог его догнать, ибо помешала распутица за Хоролом. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба и пошли каждый восвояси, славя Бога в Троице — Отца и Сына и Святого Духа.

А князь Ярослав Черниговский не пошел с братом своим Святославом, говоря так: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа»; этим и оправдался перед братом своим Святославом. Игорь же отвечал Святославову мужу: «Не дай Бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг!» Потом стал совещаться Игорь с дружиной: каким путем поехать, чтобы соединиться с полками Святослава. Отвечала ему дружина: «Князь наш, не сможешь ты перелететь, как птица: вот приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он идет из Киева в воскресенье, то как же ты сможешь, князь, догнать его?» Игорю не по душе пришлись эти слова дружины, хотел он ехать по степи прямиком, по берегу Сулы. Но была распутица, так что войско за целый день не смогло бы преодолеть и поля от края и до края, поэтому Игорь и не мог выступить со Святославом.

А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями на поганых половцев. С Божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать первого апреля, на самый Великий день. В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Корачеву.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями

черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божественной никто не ведает, а знамение творит Бог, как и весь мир свой. А что нам дарует Бог — на благо или на горе нам, — это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги наши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: не удачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти; так будет же так, как нам Бог даст». И, так порешив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив на Бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюурлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот Бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные

полки половецкие — чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как Бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Не удивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принять». И заночевали на том месте.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед Богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по Божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они сражаясь. На рассвете же в воскресение вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный, Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у Бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И так в день Святого Воскресения низвел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал

разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от Господа Бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного передал меня Бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне Господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен Господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я — один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но, владыка Господи Боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам — словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

В это время великий князь Святослав Всеволодич отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловолод Просович и поведал Святославу о случившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне Бог победу над погаными, а вы, не сдержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля Господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князья в плену, и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятении, в городах брожение началось, и не милы были тогда никому свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печалясь о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь, и расположились у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк»; а Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там для нас готовый полон собран, будем города забирать, никого не опасаясь». И так разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою, выехал он из города и напал на врагов. И лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и окружен был множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненного тремя копьями. А славный воин тот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой и утер мужественный пот за отчину свою. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами. Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча — сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем — устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборолы, и, по воле Божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх, кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе — тех всех пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов, с полоном отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так Бог, казня нас за грехи наши, привел на нас поганых не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне Сулы к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка Господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастия, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе для святой службы, не зная еще Божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его Господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половец, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то Божья воля — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден Богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но показалось ему самым удобным время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», ибо решился он бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу Божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, Владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В то лето Бог вложил в сердце русским князьям мысль — ходили все князья русские на половцев: Святослав Всеволодич, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич и помощь из Галича, Владимира и Лучьска. И пошли все вместе на половцев, и перешли реку Угол, и пять дней искали их. Владимир же Глебович, внук Юрия, ездил впереди в сторожевом полку с переяславцами, и берендеев было с ним две тысячи сто.

Половцы же, услышав, что русские пришли на них, обрадовались, надеясь на силу свою, и сказали: «Вот Бог отдал князей русских и полки их в руки наши». Бросились в битву, не ведая, что говорится: «Тщетно мужество и умысел, если Бог противится». Пошли они против Владимира, с кликами, словно пожрать его хотели. А Владимир, с помощью Божьей и святой Богородицы и укрепляем молитвой деда своего и отца своего, пошел им навстречу. Он упросил Святослава, говоря: «Волость моя опустошена половцами, пусти меня, отец мой Святослав, с передовым сторожевым полком». А князья русские не поспели за Владимиром. Половцы же, увидев полк Владимира, храбро

на них идущий, побежали, гонимые гневом Божиим и святой Богородицы.

Наши же погнали их, и рубили их, и семь тысяч взяли в полон, одних князей половецких было четыреста семнадцать, и Кобяка схватили, Осолука, Барака, Тарга, Данилу, Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тириевича, Ексна, Алака и Толгыя, тестя Давыдова, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помог Бог и святая Богородица Владимиру месяца июля в тридцать первый день, в понедельник, в день памяти святого Евдокима Нового.

Даровал Господь победу великую нашим князьям и воинам их над врагами нашими, побеждены были иноплеменники куманы, или половцы. И сказал Владимир: «В этот день, дарованный нам Господом, возрадуемся и возвеселимся, ибо Господь избавил нас от врагов наших и поверг врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змиевы». И была радость великая: дружина обогатилась пленниками, и колодников повели, оружье добыли и коней, и возвратились домой, славя Бога и святую Богородицу, скорую на помощь роду христианскому.

В год 6694 (1186). Месяца мая в первый день, в день памяти святаго пророка Иеремии, в среду, под вечер было знаменье на солнце, и так сильно потемнело, что можно было людям увидеть звезды, и в глазах все позеленело, а солнце превратилось как бы в месяц, а в рогах его словно горящие угли. Страшно было видеть людям знамение Божие.

В тот же год, того же месяца в восемнадцатый день, в день памяти святого мученика Потапия, в субботу, родился сын у великого князя Всеволода, и нарекли имя ему в святом крещении Константин.

В том же году надумали внуки Ольговы пойти на половцев, так как не ходили в прошлом году со всеми князьями, но сами по себе пошли, говоря: «А что, мы разве не князья? Такую же себе славу добудем!» И встретились у Переяславля Игорь с двумя сыновьями из Новгорода-Северского, брат его Всеволод из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска и пришедшие на помощь к ним из Чернигова. И вошли в землю половцев. Те же, услышав, пошли навстречу, говоря: «Братия наша перебита и отцы наши, а другие в плену, а теперь вот на нас идут». Послали весть по всей земле своей, а сами пошли навстречу и поджидали войска свои, а наши к ним идут, к вежам их. Половцы встретили их, не подпустив к вежам, и, не дожидаясь остальных войск, сошлись в битве. И побеждены были половцы, и гнали их до веж, и

взяли русские полон — жен и детей, и стояли три дня в вежах их, веселясь и говоря: «Братия наша ходила со Святославом, великим князем, и бились с половцами на виду у Переяславля, те сами к ним пришли, а в землю Половецкую не посмели за ними пойти. А мы в земле их, и самих перебили, и жены их полонены, и дети их у нас. А теперь пойдем следом за ними за Дон и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца». Но не знали о предначертании Божьем.

А остатки разбитых половцев бежали к войску своему, куда прежде весть посылали, и рассказали им о своем поражении. Те же, услышав, пришли к ним на помощь и за другими послали. И сошлись с русскими стрельцы, и бились три дня стрельцы, а в копийном бою не сходились, ожидая свою дружину, а к воде не дали им подойти.

А подошло к ним войско все, бесчисленное множество. Наши же, увидев их, ужаснулись и забыли о похвальбе своей, ибо не ведали сказанного пророком: «Тщетны человеку и мудрость, и мужество, и замысел, если Бог противится». Изнемогли от безводия и кони и сами, в жаре и в муках, и наконец пробились к воде, а то три дня не подпускали их к воде. Видев это, враги устремились на них, и прижали их к воде, и яростно бились с ними, и лютая была битва. Сменили половцы коней своих, а у наших кони изнемогли, и были побеждены наши гневом Божьим. Князей всех в плен взяли, а из бояр и вельмож и дружины всей, — кто убит, другие в плен взяты или ранены. И возвратились с победой великой половцы, а о наших не ведомо кто и весть принес, а все за грехи наши.

Где же радость наша — теперь вздохи и плач повсюду! Исайя же пророк говорит: «Господи, в печали вспомнил тебя», и прочее.

Шел своей дорогой купец, и половцы приказали ему передать: «Идите за своей братией, или мы идем за своей братией к вам». Князья же все, услышав о таком несчастии с братией своей и с боярами, застенали все, и повсюду был плач и рыдания: у одних братья погибли или в плен попали, у других отцы или близкие. А князь Святослав послал за сыновьями своими и за всеми князьями. И собрались к нему в Киев, и выступили к Каневу. Половцы же, услышав, что вся земля Русская идет против них, бежали за Дон. Святослав же, узнав, что они бежали, возвратился со всеми князьями к Киеву, и разошлись все по своим землям.

А половцы, услышав, что они отошли, внезапно напали на Переяславль, и взяли все города по Суле, и у Переяславля бились весь день. Владимир же Глебович, видя, что они сейчас захватят острог, выехал из города с небольшой дружиной, и напал на них, и смело сразился с ними, они же, на беду, окружили князя. Но горожане, видя, что свои изнемогают в бою, выскочили из города и в бою едва отняли князя, раненного тремя копьями. А из дружины его многие погибли. И поспешили в город, и затворились в нем. А половцы возвратились с большим полоном в вежи.

Вскоре бежал Игорь от половцев — ибо Господь не оставит праведника в руках грешников: взирает Господь на тех, кто боится его, и прислушивается к молитвам их! Гнались за ним и не догнали; как Саул преследовал Давида, но Бог избавил того, так и Игоря Бог избавил от рук поганых половцев. А остальных держали строго и сторожили, угрожая цепями и муками.

Все это свершилось из-за грехов наших, так как умножились грехи наши и преступления. Бог ведь казнит рабов своих различными напастями, и огнем, и водой, и войной, и иными различными бедами; христианам, многое перенесшим, суждено будет войти в царство небесное. Согрешили и казнимы, как поступали, за то и получили, но наказывает нас справедливо Господь наш, и пусть никто не посмеет сказать, что ненавидит нас Бог — не будет этого! Так любит, как возлюбил нас, когда муки принял нас ради, чтобы избавить нас от дьявола.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII века. Поводом для создания произведения явился неудачный поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 году: русское войско потерпело поражение, а возглавлявшие его князья и оставшиеся в живых воины оказались в плену. Об этом походе рассказывается также в современных событиям летописях (см. отрывки из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, публикуемые в наст. т.).

Однако автор «Слова» создал не воинскую повесть, а произведение совершенно особого жанра. Злосчастный поход Игоря Святославича явился поводом для глубоких раздумий о судьбах Русской земли, о

пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом - о славных и о трагических периодах русской истории.

В «Слове» сочетаются как бы две художественные стихии — книжная, близкая по системе образов и поэтическим приемам к ораторскому слову, и фольклорная, причем эта последняя объединяет в себе элементы разных жанров — «плачей» и «слав». Яркий язык «Слова», его образная система, ритмический строй, сочетание тонкого лиризма и гражданского пафоса — все эти черты памятника выделяют его среди других произведений русской литературы XII века и в то же время роднят с ними, поскольку те же художественные приемы и те же образы, хотя и не в такой концентрации и не в столь же совершенной форме, мы встречаем и в русских летописях, и в «Словах» Кирилла Туровского, и в таких произведениях XII—XIII веков, как «Слово Даниила Заточника» или «Слово о погибели Русской земли».

Рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. До нового времени сохранился лишь один список памятника. Он входил в состав сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей, графу А. И. Мусину-Пушкину. Но в 1812 году вся коллекция рукописей графа погибла в пожаре Москвы. Сгорел и сборник, содержавший «Слово о полку Игореве». Мы располагаем сейчас только изданием памятника, осуществленным в 1800 году А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским, а также копией с текста «Слова», изготовленной не позднее 1793 года для Екатерины II. Сравнение первого издания (оно обозначается в дальнейшем буквой *П*) и Екатерининской копии (*Е*), а также сравнение языка «Слова» с языком других древнерусских памятников позволило исследователям установить, что издатели в ряде случаев не только недостаточно точно передали текст, подновив его орфографию и допустив немало опечаток, но и не поняли смысла отдельных слов и фраз, не сумели разобраться в написаниях рукописи. Поэтому, положив в основу текст первого издания «Слова», мы устраняем некоторые явные опечатки, иначе, чем в издании 1800 года, делим текст на слова, а также исправляем ошибки рукописи и восстанавливаем написания, неверно прочтенные издателями. В перевод внесен ряд изменений, сравнительно с прежними изданиями. Более подробные комментарии к тексту см. в издании «Слова» в серии «Литературные памятники» (1950 г.) и в изданиях серии «Библиотека поэта» 1952, 1967 и 1985 гг.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО О *ПЛЪКУ* ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА[1]

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ[2] бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помняшеть бо, *рече*, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди *пѣснь* пояше старому *Ярославу****[3]*** храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю[4] предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю.[5] Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера[6] до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую,

О Бояне, соловию стараго времени![7] А бы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу,[8] летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню[9] чресъ поля на горы!

Пѣти было *пѣснь* Игореви, того внуку:[10] «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче:[11] «Комони ржуть за Сулою[12] — звенить слава вь Кыевѣ!»

Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ,[13] Игорь ждетъ мила брата Всеволода.[14] И рече ему Буй Туръ[15] Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени; пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю — славѣ».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты,[16] И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, —

рече, — копие приломити[17] конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста, *збися* Дивъ,[18] кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,[19] и тебѣ, *Тьмутороканьскый* блъванъ.[20] А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ *телѣгы* полунощы, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по *дубию*, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.[21]

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь *мрькнетъ.* Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славий успе, говоръ галичь *убудися*. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ *пятъкъ* потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты,[22] Орьтъмами, и япончицами, и кожухы[23] начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святьславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было *онъ* обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ[24] ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго!

Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ,[25] у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци,[26] вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: «Половци идуть»; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы *оступиша*. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.[27] Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,[28] — тамо лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя[29] отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая *рана* дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола,[30] и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны,[31] свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя.[32] Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, *той* же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ *Всеволодъ*, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.[33] Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы[34] Святоплъкъ *полелѣя* отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву.[35] Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.[36] Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи[37] Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кровава́го вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша,[38] а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы[39] на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица князем ъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птиць бья, — къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля[40] поскочи по Руской земли, смагу *людемъ* мычючи въ пламянѣ розѣ.[41] Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. [42]

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убудиста которою; ту* бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь[43] грозный великый Киевскый грозою, бяшеть *притрепалъ* своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую,[44] притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря,[45] отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы,[46] а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «*Синочи* съ вечера *одѣвахуть* мя, — рече — чръною паполомою на *кровати* тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено, сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже

дьскы безъ кнѣса[47] в моемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю нощь съ вечера *бусови* врани възграяху у Плѣсньска на *болоньи*, бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю».[48]

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а *самою опуташа* въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ *нима* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци,[49] аки пардуже гнѣздо,[50] и великое буйство подасть Хинови.[51] Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь на землю. Се бо готския красныя дѣвы[52] въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю.[53] А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий *Святъславъ* изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многовоя* брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы.[54] Тии бо бес щитовь, съ засапожникы, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: “Мужаемѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю *си* сами подѣлимъ”. А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,[55] высоко птацъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие; наниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,[56] а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»[57]

Великый княже Всеволоде![58] Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити[59], а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ.[60] Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.[61]

Ты, буй Рюриче, и Давыде![62] Не ваю ли *вои* злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата *стремена* за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе![63] Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи[64] своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча *бремены*[65] чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть, *отворяеши* Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.[66] Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе![67] Храбрая мысль носить *ваю* умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *паворзи* подъ шеломы латинскими.[68] Тѣм и тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи,[69] Деремела[70] и Половци — сулици[71] своя *поврьгоша*, а главы своя *подклониша* подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю *утрьпѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули[72] гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи,[73] не худа гнѣзда шестокрилци![74] Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите Полю ворота[75] своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,[76] позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. *Исхыти* юна кров, а тьи рекъ:[77] «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не *бысть* ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода,[78] единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. *Уныли* голоси, пониче веселие. Трубы трубять городеньскии.[79]

Ярославе и вси внуце Всеславли![80] Уже *понизите* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю: *которою* бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ[81] жребий о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони,[82] и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утръже *вазни* с три кусы: *отвори* врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови[83] влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи[84] въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *друзѣ* тѣлѣ,[85] нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду[86] суда Божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира[87] нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ *розно* ся имъ хоботы пашутъ.[88] Копиа поютъ.[89]

На Дунаи[90] Ярославнынъ гласъ[91] слышитъ, зегзицею *незнаема* рано кычеть.[92] «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ[93] въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О *вѣтре* вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ *горѣ* подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле̂, аркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозе̂ землю Половецкую. Ты леле̂ялъ еси на себе̂ Святославли носады до плъку Кобякова.[94] Възлеле̂й, господине, мою ладу къ мне̂, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ *въ* Путивле̂ на забрале̂, аркучи: «Све̂тлое и тресве̂тлое слънце! Всêмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладе̂ вои? Въ поле̂ безводне̂ жаждею имь лучи съпря-же, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля ме̂ритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца.[95] Комонь въ полуночи Овлуръ[96] свисну за ре̂кою — велить князю разуме̂ти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшуме̂ трава, вежи ся половецкии *подвизаша*. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бе̂лымъ гоголемъ на воду, *възвръжеся* на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете̂ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обе̂ду, и ужине̂. Коли Игорь соколомъ полете̂, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, леле̂явшу князя на влънахъ, стлавшу ему зеле̂ну траву на своихъ сребреныхъ бреземе̂хъ, оде̂вавшу его теплыми мъглами подъ се̂нию зелену древу. Стрежаше *его* гоголемъ на воде̂, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветре̂хъ». Не тако ли, рече, ре̂ка Стугна: худу струя име̂я, пожрьши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу *князя Ростислава* затвори дне̂ *при* темне̂ березе̂.[97] Плачется мати *Ростиславля* по уноши князи Ростиславе̂. Уныша цве̂ты жалобою, и древо с тугою къ земли *пре̂клонилося*.

А не сорокы втроскоташа — на сле̂ду Игореве̂ е̂здитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, *полозие****[98]*** ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ ре̂це̂ кажутъ, соловии веселыми *пе̂сньми* све̂тъ пове̂даютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гне̂зду летитъ, — соколича растре̂ляеве̂ своими злачеными стре̂лами». Рече Кончакъ ко Гзе̂: «Аже соколъ къ гне̂зду летитъ, а ве̂ соколца опутаеве̂ красною дивицею».[99]

И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына[100] Святъславля, *пѣснотворца* стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло и тѣлу кромѣ головы», — Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей.[101] Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю *Святъславличю*, Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

---

[1] *...Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова.* — Игорь Святославич (1151—1202) был сыном черниговского князя Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича (в «Слове» он назван Гориславичем).

[2] *Боянъ.* — Как полагают, он был певцом у князя Святослава Ярославича и творил в традициях норманнских поэтов — скальдов.

[3] *...старому Ярославу...* — Ярославу Владимировичу — великому князю киевскому в 1016—1018 и 1019—1054 гг.

[4] *...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю...* — О поединке тмутараканского князя Мстислава Владимировича с Редедей, князем касогов (предков черкесов), рассказывается в Повести временных лет под 1022 г.

[5] *...красному Романови Святъславличю* — князю тмутараканскому, брату Олега.

[6] *...отъ стараго Владимера...* — Вероятнее всего речь идет о Владимире Святославиче (ум. в 1015 г.), а не о Владимире Мономахе: в XII в. между его потомками и Ольговичами — потомками Олега Святославича шла ожесточенная борьба, и едва ли автор «Слова» поставил бы Мономаха в ряд с Игорем, представителем Ольговичей.

[7] *О Бояне, соловию стараго времени!.. а князю славѣ.* — Этот фрагмент в *П* и *Е* читается ниже, после слов: «...а любо испити шеломомь Дону». А. И. Соболевский, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц и другие исследователи полагают, что фрагмент этот при переписке «Слова» ошибочно попал не на свое место. За правомерность предлагаемой перестановки фрагмента говорит несколько фактов. Прежде всего, первая фраза переставленного фрагмента продолжает предшествующий текст («...наведе... плъкы... А бы ты сиа плъкы ущекоталъ...»); во-вторых, о затмении солнца при перестановке будет говориться в одном месте: Игорь видит затмение («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...»), решает пренебречь им, пускается в путь, но грозное предзнаменование как бы преследует его («Солнце ему тъмою путь заступаше...»). Если произвести перестановку, то оба соседствующих фрагмента начинаются одинаково: «Тогда Игорь възрѣ...», «Тогда въступи Игорь...» В-третьих, в начале подражающей «Слову» «Задонщины» последовательность параллельных со «Словом» чтений соответствует тексту «Слова» с предложенной перестановкой.

[8] *...по мыслену древу...* — Метафора в стиле песен Бояна. Образ «мирового древа», соединяющего небо и землю, знаком скандинавскому эпосу.

[9] *...рища въ тропу Трояню...* — Троян четырежды упомянут в «Слове» (см. также: «вѣчи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни»). Видимо, Троян — языческое божество; он упомянут в числе других языческих богов в «Хождении Богородицы по мукам» (см. наст. изд., т. 3).

[10] *...Игореви, того внуку...* — В *П* и *Е* после слова «того» в скобках написано «Ольга». По свидетельству Н. М. Карамзина, этого слова не было в рукописи, и, как можно его понять, оно добавлено издателями «для большей ясности речи»; однако, может быть, это была глосса (разъясняющая помета писца) на полях рукописи, и издатели лишь внесли ее в текст.

[11] *...Велесовь внуче...* — По вероятной догадке И. М. Кудрявцева (высказанной им Д. С. Лихачеву) речь идет о Бояне — внуке Велеса. Следовательно, языческое божество Велес, по представлениям автора «Слова», было также покровителем музыки или поэзии.

[12] *...за Сулою...* — За Сулой (левым притоком Днепра) начиналась половецкая степь.

[13] *...въ Новѣградѣ... въ Путивлѣ...* — Из Новгорода-Северского отправился в поход Игорь, в Путивле к нему присоединился сын его Владимир.

[14] *...мила брата Всеволода.* — Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского (ум. в 1196 г.); «Слово» называет его Буй Тур Всеволод.

[15] *...Буй Туръ...* — Тур — дикий бык, зубр; тур выступает здесь как олицетворение мужества и силы.

[16] *...възрѣ на свѣтлое солнце... воя прикрыты.* — Речь идет о затмении 1 мая 1185 г.

[17] *...копие приломити...* — всгупить в битву; здесь, как и во многих других месгах «Слова», мы встречаемся с традиционными воинскими метафорами или символами, такими, как «главу приложити» — погибнуть в бою, «испити шеломомь» из реки на вражеской земле — одолеть, победить врага.

[18] *...збися Дивъ...* — В *П* «въ стазби дивъ»; чтение «збися» предложено В. Н. Перетцем. Див — видимо, фантастическое существо (вещая птица?).

[19] *...Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню...* — Автор как бы указывает крайние пункты огромной территории, которая разбужена предостережением Дива, и откуда спешат навстречу Игорю половецкие войска. Поморие — побережье Азовского моря, Посулие — левобережье Днепра, Сурож (ныне Судак) и Корсунь (Херсонес, окраине нынешнего Севастополя) — города в Крыму.

[20] *...Тьмутороканьскый блъванъ* — вероятно, античная статуя или языческий идол, вблизи города Тмутаракани, на Таманском полуострове.

[21] *...чрълленыя щиты.* — Археологические раскопки и миниатюры древнерусских рукописей подтверждают, что щиты русских воинов окрашивались в красный цвет.

[22] *...паволокы, и драгыя оксамиты.* — Шелковые ткани.

[23] *Орьтъмами, и япончицами, и кожухы...* — Ортьмаи епанча — разновидности покрывал, плащей; кожух — разновидностъ тулупа.

[24] *Гзакъ... Кончакъ* — половецкие ханы.

[25] *...на рѣцѣ на Каялѣ...* —Существует большая литература о местонахождении этой реки. Некоторые исследователи полагают, что «Каяла»— метафорическое название реки «печали», от глагола «каяти» (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л. 1967, с. 179—180). Присоединяемся к тем исследователям, которые считают название Каяла (Каялы) тюркским гидронимом и ищут ее в районе

города Славянска, отождествляя, например, с рекой Макатихой, притоком реки Голая Долина, впадающей в реку Сухой Торец.

[26] *...Стрибожи внуци...* — Стрибог — языческое божество древних славян.

[27] *...мечи харалужными.* — Харалуг — сталь особой выделки (булат?).

[28] *...своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая...* — Дорогой княжеский шлем мог быть позолоченным, но характерно, что в «Слове» «золотыми» именуются многие предметы, относящиеся к быту русских князей (шлем, седло, стремя, княжеский престол).

[29] *...поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя...* — Половецкие шлемы состояли из деревянных лубков, скрепленных металлическим навершием, поэтому ударом сабли их можно было «поскепать» — «расщепить»; шлемы названы аварскими, возможно, потому, что были сделаны по типу шлемов аварцев, обитавших на территории современного Дагестана.

[30] *...града Чрънигова отня злата стола...* — Отец Игоря и Всеволода — Святослав Ольгович был черниговским князем.

[31] *...красныя Глѣбовны...* — Всеволод был женат на сестре Владимира Глебовича Переяславского, внучке Юрия Долгорукого, дочери Глеба Юрьевича.

[32] *Были вѣчи Трояни... плъци Олговы, Ольга Святьславличя.* — Сопоставляются древние времена язычества, времена Ярослава Мудрого и годы, когда зачинщиком бесконечных междоусобиц выступал князь тмутараканский и черниговский Олег Святославич — дед Игоря (ум. в 1115 г.).

[33] *Ступаетъ въ златъ стремень... въ Черниговѣ.* — Некоторые комментаторы «Слова» предлагают читать «Ярослав(ъ), а сынъ Всеволожь Владимиръ...» и видят здесь упоминание Ярослава Мудрого, который будто бы еще за два десятилетия до походов Олега (Ярослав умер в 1054 г.) предугадывал раздоры, которые возбудит этот князь. Такому пониманию текста, на наш взгляд, противоречит смысл всего пассажа, где рассказывается об одном эпизоде — войне 1078 г. Тогда Олег явился на Русь из Тмутаракани («Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ...») и вместе с Борисом Вячеславичем напал на Всеволода Ярославича. На Нежатиной ниве, под Черниговом, против Олега и Бориса выступили Всеволод, его сын Владимир Мономах, Изяслав Ярославич и сын последнего Ярополк. Речь идет, видимо, не о Ярославе, а о Всеволоде Ярославиче (форму «Всеволожь» исправляем на «Всеволодъ») и о сыне его Владимире. Смысл слов «по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ» остается неясным; вероятно, здесь имеются в виду какие-то военные мероприятия Мономаха: во время описываемых событий, по сообщению летописи, он овладел оборонительными укреплениями Чернигова. В следующей фразе продолжено описание

того же военного столкновения, во время которого погибли Борис Вячеславич и Изяслав Ярославич.

[34] *...на Канину... Съ тоя же Каялы...* — Неясно, встречаем мы здесь осмысленное упоминание Каялы (параллелизм с событиями 1185 г.) или описку вместо «съ... Канины». Канин — ручей или река близ Чернигова, упоминаемый в Лаврентьевской летописи.

[35] *...Святоплъкь полелѣя отца... ко святѣй Софии къ Киеву.* — Святополк назван здесь, вероятно, ошибочно: в летописи говорится, что тело убитого Изяслава сопровождал в Киев его сын Ярополк. Указание «Слова» на погребение Изяслава в соборе святой Софии подтверждают Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи. Угорские иноходцы — венгерские лошади, обученные особой ходьбе, при которой делается шаг попеременно то обеими правыми, то обеими левыми ногами. На носилках, укрепленных между двумя лошадьми, перевозили раненых.

[36] *Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.* — Этот текст перекликается с рассказом Ипатьевской летописи: Игорь поскакал к обратившимся в бегство отрядам ковуев, пытаясь вернуть их назад («плъкы заворочаетъ»), на обратном пути он был пленен, в этот момент увидел отчаянно сражавшегося Всеволода и «проси души своей смерти, яко дабы не видилъ падения брата своего» («жаль бо ему мила брата Всеволода»).

[37] *...падоша стязи...* — Выражение «падоша стязи» означает, что войско потерпело поражение.

[38] *...кроваваго вина не доста... сваты попоиша...* — Автор «Слова» использует эпический образ «битвы-пира».

[39] *Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука... въсплескала лебедиными крылы...* — Обида (оскорбление, нанесенный Руси ущерб) здесь персонифицируется; изображение девы — олицетворения беды, встречается в миниатюре Радзивиловской летописи XV в.

[40] *Карна, и Жля...* — олицетворение скорби, горя; «карити», видимо, не просто оплакивать, но именно «оплакивать умерших» (см. в статье 1262 г. Ипатьевской летописи); слово «желя», в значении «плач по умершему, скорбь», также известно древнерусским памятникам.

[41] *...смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.* — Этот метафорический образ не совсем ясен; выражение «смагу мыкать» — «терпеть лишения», «испытывать невзгоды» до сих пор сохранилось в народных говорах Брянщины.

[42] *...емляху дань по бѣлѣ отъ двора.* — Половцы, разумеется, не собирали податей, они расхищали имущество, уводили пленных; здесь выражение «по беле со двора» — поэтический символ унижений, притеснений от иноплеменников.

[43] *...отецъ ихъ Святъславь...* — Святослав был двоюродным братом Игоря и Всеволода, «отцом» он назван как старший по положению — киевский князь.

[44] *...наступи на землю Половецкую...* — Имеется в виду поход Святослава на половцев в 1184 г.

[45] *А поганаго Кобяка изъ луку моря...* — Возможно, что Кобяк был ханом лукоморских половцев, обитавших в низовьях Днепра и далее на восток до побережья Азовского моря.

[46] *...градомъ забралы...* — По верху земляного оборонительного вала (или крепостной стены), окружавшего древнерусские города, сооружались крытые галереи, защищенные с внешней стороны деревянным бруствером — забороды; с них отстреливались от осаждающих защитники крепости. Городница — башня или часть городской стены.

[47] *...великый женчюгъ... дьскы безъ кнѣса...* — По народным поверьям, видеть во сне крупный жемчуг предвещает слезы, а перерубленный или утраченный конек или кнес (матица, балка, скрепляющая доски крыши) — смерть. Паполома — погребальное покрывало, саван.

[48] *Всю нощь... бусови врани... къ синему морю.* — Одно из наиболее трудных для понимания мест «Слова». Плесеньск, как полагают, селение под Киевом, болонье — низкий берег Днепра, где располагался киевский Подол; «дебрь Кисаня», по догадке Н. В. Шарлеманя, ошибочно вместо «дебрь Кияня» — овраг в окрестностях Киева, конец фразы часто исправляют: «и несошася к синему морю», но и в этом случае и грамматическая конструкция и смысл фразы остается неясным.

[49] *...два солнца помѣркоста... прострошася половци...* — Символическая картина рисует поражение князей Игоря и Всеволода (два солнца) и двух княжичей — видимо, Владимира Игоревича и Святослава Рыльского (два молодых месяца). Однако текст испорчен и, по мнению большинства комментаторов, требует перестановки нескольких слов. В *П* это место читается так: «Два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олег и Святославъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови». Ясно, что в море погрузились не одолевшие в битве половци, а побежденные князья. В Ипатьевской летописи тоже говорится, что русские воины «в море истопоша». Едва ли имена Олега и Святослава присутствовали в первоначальном тексте «Слова»: странно упоминание имен княжичей в символической картине, где имена старших князей правомерно заменены символами («два солнца»). Кроме того, едва ли автор «Слова» имел здесь в виду Олега, участие которого в походе предположительно, а не Владимира Игоревича. Поэтому в переводе эти имена опускаем.

[50] *...пардуже гнѣздо...* — Половцы сравниваются с выводком гепардов, хищников, отличающихся быстротой бега. Гепардов знали на Руси; прирученных гепардов князья держали для охоты.

[51] *...великое буйство подасть Хинови.* — Хинова упоминается также в числе народов, «подклонивших главы под мечи» русских; «хиновские стрелы» летят на воинов Игоря. Однако какой именно народ имеется в виду — неясно; одни исследователи полагают, что речь идет о каком-то восточном народе, другие видят в хинове венгров.

[52] *...готския красныя дѣвы...* — Существует мнение, что имеются в виду готы, жившие на Таманском полуострове и в Крыму.

[53] *...поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю.* — Согласно общепринятой точке зрения, здесь говорится об антском короле Бозе (IV в.), казненном готским королем Винитаром; но эта гипотеза представляется весьма спорной; более допустимо, что здесь имеется в виду какой-то половецкий хан, тем более что далее назван Шарукан, дед Кончака, разбитый русскими князъями в 1106 г.

[54] *...Ярослава, съ черниговьскими былями... ольберы.* — Здесь перечисляются, видимо, роды ковуев, кочевников тюркского происхождения, находившихся на службе у черниговских князей; ср. подобные перечисления родов и орд половцев в Ипатьевской летописи.

[55] *Коли соколъ въ мытехъ бываетъ...* — Имеется в виду не период линьки (когда сокол «мытится»), а сокол в зрелом возрасте. Характерно, что в поздней редакции «Повести об Акире», отразившей этот образ «Слова», говорится о соколе «трех мытей» — то есть в расцвете сил.

[56] *Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми...* — О захвате половцами Римова и истреблении его жителей говорится в Ипатьевской летописи.

[57] *...Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!* — Владимир Глебович был тяжело ранен, когда оборонял свой Переяславль от половцев. См. об этом в Ипатьевской летописи.

[58] *Великый княже Всеволоде!* — Обращение к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, князю суздальскому.

[59] *Ты бо можеши Волгу веслы раскропити...* — Намек на походы Всеволода против волжских болгар.

[60] *...чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ.* — Ногата и резана — мелкие монеты; имеется в виду, что в случае победы над половцами пленники (кощеи) и пленницы (чаги) были бы очень дешевы.

[61] *...живыми шереширы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.* — Как полагают, имеются в виду рязанские князья, сыновья Глеба

Ростиславича, зависимые от Всеволода Юрьевича; значение слова «шерешир» неизвестно.

[62] *...Рюриче, и Давыде!* — Рюрик и Давыд Ростиславичи. Рюрик был соправителем Святослава Киевского, Давыд — княжил в Смоленске.

[63] *Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!* — Обращение к Ярославу Галицкому, на дочери которого был женат Игорь. Смысл прозвища Ярослава неясен.

[64] *...горы Угорскыи* — Карпаты.

[65] *...меча бремены...* — Как пониматьэтот поэтический образ — неясно; речь идет, видимо, о могущеетве Ярослава Осмомысла.

[66] *...стрѣляеши... салтани за землями.* — Во времена «Слова» европейские страны готовились к походу против султана Саладина, но крестовый поход 1193 г. произошел уже после смерти Ярослава (в 1187 г.), и летописец, упоминая о самом походе, не сообщает об участии в нем галичан. Смысл намека автора «Слова» нам до конца не ясен.

[67] *...Романе, и Мстиславе!* — Роман — князь Владимира Волынского; какой именно Мстислав (Мстислав Ярославич Пересопницкий или Мстислав Всеволодович Городенский) имеется в виду — неясно.

[68] *...желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими.* — «Паворзи» — ремешки, удерживающие шлемы; у шлемов европейского образца («латинских») они покрывались металлическими пластинками. Упоминание о «латинских шлемах» — намек на связи волынских князей с Польшей.

[69] *...Ятвязи* — литовское племя.

[70] *...Деремела* — возможно, также литовское племя.

[71] *...сулици* — короткие метательные копья.

[72] *...по Роси и по Сули...* — Рось — правый, а Сула — левый приток Днепра, впадающие в него южнее Киева.

[73] *Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи...* — волынские князья.

[74] *...шестокрилци* — эпитет соколов (крыло сокола состоит как бы из трех частей), с соколами в «Слове» часто сравниваются воины.

[75] *Загородите Полю ворота...* — Здесь имеется в виду вся степь, земли, населенные половцами.

[76] *...Изяславъ, сынъ Васильковъ* — один из полоцких князей.

[77] *Исхыти юна кров, а тьи рекъ...* — одно из возможных прочтений этого испорченного места в «Слове» (в *П* и *Е*: «и схоти ю на кровать, и рекъ»); смысл текста остается неясным, и перевод его не дается.

[78] *...Брячяслава... Всеволода...* — Брячислав и Всеволод — сыновья Василька Володаревича, полоцкого князя.

[79] *Трубы трубятъ городеньскии.* — Имеется в виду, возможно, город Городец (недалеко от Минска). Неизвестно, какое событие имеется здесь в виду; возможно, что фраза оборвана.

[80] *Ярославе и вси внуце Всеславли!* — Эта конъектура, по мнению Д. С. Лихачева, соответствует содержанию «Слова»: автор призывает к примирению всех русских князей — потомков Ярослава Владимировича и Всеслава Брячиславича (внука Владимира Святославича); в этом случае следовало бы читать: «Ярославли вси внуци и Всеславли!»

[81] *Всеславъ* — Всеслав Брячиславич, полоцкий князь (ум. в 1101 г.). Далее упоминаются различные эпизоды его бурной жизни: кратковременное правление в Киеве в 1068 г., когда он лишь «дотчеся» («дотронулся») копьем до великокняжеского стола, тайный побег князя от своего войска из Белгорода перед битвой с Изяславом, овладение Новгородом, битва на Немиге (под Минском).

[82] *Тъй клюками подпръся о кони...* — Чтение неясное, в переводе его опускаем.

[83] *...Хръсови...* — Хорс — древнерусское языческое божество; видимо, Хорс считался богом солнца.

[84] *...въ Полотскѣ... у святыя Софеи* — в Софийском соборе в Полоцке.

[85] *Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ...* — Летопись сообщает, что Всеслав родился «от волхвования»; возможно, что ему приписывались какие-то сверхъестественные способности.

[86] *...ни птицю горазду...* — Эти слова не понятны, предлагали читать «птицегоразду» — то есть умеющему гадать по полету птиц.

[87] *...стараго Владимира...* — Вероятнее всего речь идет о Владимире Святославиче (ум. в 1015 г.), а не о Владимире Мономахе: в XII в. между его потомками и Ольговичами — потомками Олега Святославича шла ожесточенная борьба, и едва ли автор «Слова» поставил бы Мономаха в ряд с Игорем, представителем Ольговичей.

[88] *...стязи Рюриковы... имъ хоботы пашутъ.* — Развевающиеся порознь бунчуки («хоботы») стягов Рюрика Ростиславича и Давыда Ростиславича Смоленского — символ княжеского «непособия»: Давыд отказался помочь брату в борьбе против половцев (см. Ипатьевскую летопись).

[89] *Копиа поютъ.* — Слова эти непонятны, возможно, что фраза оборвана.

[90] *На Дунаи.. .*— Здесь и далее («полечю... по Дунаеви», «девицы поютъ на Дунаи») название Дунай употреблено как поэтическое наименование реки вообще.

[91] *...Ярославнынъ гласъ...* — Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла, жена Игоря Святославича.

[92] *...зегзицею... кычеть...* — У исследователей нет единого мнения о том, с какой птицей сравнивается Ярославна: с кукушкой или с чайкой. Слово «зегзица» в древнерусском языке действительно обозначает кукушку, но в народных говорах на территории бывшей Северской земли оно применимо именно к чайке; контекст «Слова» скорее указывает на чайку, птицу, живущую у воды, а эпитет «незнаемь», думается, указывает на то, что Ярославна причитает наедине.

[93] *...бебрянъ рукавъ...* — Н. А. Мещерский показал, что «бебрян» означало не «бобровый», а изготовленный из «бебра» — особого вида шелковой ткани.

[94] *Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова*. — Ярославна вспоминает победоносный поход Святослава на лукоморских половцев (Кобяк - хан лукоморских половцев, кочевавших в низовьях Днепра и по берегам Черного и Азовского морей. О пленении Кобяка Святославом в 1184 г. вспоминает и «Слово о полку Игореве»). Носады — речные суда с высокой носовой частью; на них перевозили воинов.

[95] *...отъ Великаго Дону до Малаго Донца.* — Игорь находился в плену в вежах Кончака на реке Тор (правом притоке Северского Донца), поэтому Малым Донцом здесь названа, видимо, река Уды, а Великим Доном — среднее течение реки Донец.

[96] *Овлуръ* — половец, помогший Игорю бежать из плена; в летописи он назван Лавром.

[97] *...рѣка Стугна: худу струю имѣя... днѣ при темнѣ березѣ.* — В *П* и *Е* иначе: «...и стругы ростре на кусту... затвори Днѣпрь темнѣ березѣ». Принятая конъектура отвечает и грамматической конструкции фразы, и ее смыслу. Здесь вспоминается эпизод, рассказанный в Повести временных лет под 1093 г.: при переправе через реку Стугну (правый приток Днепра), которая в то время неожиданно разлилась («наводнилася велми» — говорит летописец, «рострена к усту» — скажет автор «Слова»), утонул молодой князь Ростислав Всеволодович. Слово «стругы» значит здесь не «лодки», как думали некоторые комментаторы, а «потоки».

[98] *...полозие...* — В *П* «по лозию», с переводом — «по сучьям»; полагают, что здесь упомянуты полозы — крупные змеи.

[99] *...соколца опутаевѣ красною дивицею.* — Речь идет о сыне Игоря — Владимире. Будучи в плену, он женился на дочери Кончака. Ипатьевская летопись под 1187 г. сообщает: «...приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемь».

[100] *Рекъ Боянъ и Ходына... Ольгова коганя хоти...* — Это место одно из труднейших для толкования. В *П* читается: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти». Видеть здесь рядом с Бояном второго певца — Ходыну предложил еще И. Забелин. Принято толкование, согласно которому «хоть» не «любимец», а «жена» (князя-кагана Олега). Если считать Бояна певцом скальдического типа, то для скальдов исполнение произведения двумя певцами прием традиционный (см. *Шарыпкин Д. М.* «Рек Боян и Ходына...». — В кн.: Скандинавский сборник, XVIII. Таллин, 1973).

[101] *...къ святѣй Богородици Пирогощей.* — Церковь Богородицы Пирогощей находилась в Киеве, на дороге, по которой князь Игорь должен был проезжать, возвращаясь из Киева домой.

ПЕРЕВОД

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову!

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Белеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!», — от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о

почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмутаракани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброму и молодому князю. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, гибло достояние Даждь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита; бедами взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир докончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Даждь-Божьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по

Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, причитая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидать, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, — Святослав грозный великий киевский, — грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который потопил благоденствие в Каяле, реке половецкой, — русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмутаракани, либо испить шеломом Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, лишились веселия».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: “Помужествуем сами: мы и прежнюю славу поддержим, а нынешнюю меж собой разделим”. Но не диво ли, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах

паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и сулицы польские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизади». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютый зверь, в полночь из Белгорода, окутанный синей мглой, трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, мудрый: «Ни хитрому, ни удачливому ...суда Божьего не избежать!».

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют...

На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька спозаранку как чайка кличет. «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыка, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь

мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе славы, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах» Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «Олега кагана жена! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы

будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. В. Соколовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Произведение Даниила Заточника принадлежит к числу наиболее интересных литературных памятников Древней Руси. Оно известно в нескольких редакциях, которые настолько отличаются друг от друга, что правильнее говорить не о разных редакциях одного произведения, а о разных произведениях, подписываемых именем Даниила, или анонимных. Один из двух основных памятников называется «Словом Даниила Заточника», другой — «Молением Даниила Заточника». Едва ли не все основные вопросы литературной истории этого произведения до сих пор не решены окончательно. Спорным является прежде всего вопрос о личности автора и характере его сочинения. Одни исследователи считают, что Даниил Заточник — чисто литературный образ, от лица которого анонимный автор создал сугубо литературное произведение, другие полагают, что Даниил Заточник — историческая личность, а его произведение — реальное послание князю. Сторонники последней точки зрения по-разному определяют социальный статус Даниила (дворянин, дружинник, ремесленник, холоп, летописец и т. п.) и адресатом послания считают разных князей.

Спорным также является вопрос о взаимоотношении и датировке «Слова» и «Моления». Одни ученые считают первичным «Слово», датируя его XII в., другие — «Моление», датируя его XIII в.

Автор данной публикации считает, что «Моление» — это литературный отклик на «Слово», своеобразная пародия на него. Однако и публикуемое в настоящем издании «Слово» не является первоначальным авторским текстом. Оно дошло до нас в списках XVI—XVII вв., отражающих, по всей вероятности, поздний этап литературной истории памятника.

Первоначальный, авторский текст «Слова» представлял собой, вероятно, послание опального княжеского дружинника своему князю, Ярославу Владимировичу, с перерывами княжившему в Новгороде в 80-е — 90-е гг. XII в.; в это время и было, очевидно, написано послание.

Оказавшись в опале за свою дерзость, излишнюю прямоту и испытав в изгнании все тяготы нищенской жизни, Даниил обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в княжескую дружину, указывая на свои достоинства (ум, мудрость, дар художественного слова) и претендуя на роль княжеского советника, посла и ритора.

Авторский текст «Слова» Даниила Заточника был написан по всем правилам эпистолярного жанра. В нем, в частности, содержатся все необходимые композиционные части послания, в средневековых латинских риториках носящие названия salutatio, exordium, captatio benevolentiae, narratio, petitio, argumentatio, conclusio.

Соблюдено Даниилом и такое правило эпистолярного жанра, как афористичность. Даниил использует афоризмы, фразеологию и образность Библии и различных древнерусских памятников, создавая из «чужих слов» глубоко личное, цельное и органичное произведеиие.

«Слово» Даниила Заточника было написано книжным языком, в высоком стиле, для которого характерна, в частности, абстрагированность, «деконкретизация».

Характеризуя стиль «Слова» и «Моления», Д. С. Лихачев отметил в них скоморошье балагурство автора (см.: *Лихачев Д. С.* Моление Даниила Заточника. — Великое наследие. М., 1975. С. 205—221; 2-е изд., доп. М., 1980. С. 241—258; см. также в предисловии к наст. т. с. 13—14). Соглашаясь с этим, можно, однако, предположить, что первоначальному авторскому тексту «Слова» скоморошье балагурство не было присуще, а привнесено в «Слово» позднейшими вставками.

Высоким стилем послания продиктована и ритмико-строфическая организация авторского текста, что графически отражено в данном издании. «Слово» написано псалтырным, или молитвословным стихом. По словам Д. С. Лихачева, Даниил широко использует характерный для псалмов прием стилистической симметрии, а также другие парные сочетания: сравнение, противопоставление, риторическое «качание» (см.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979, с. 174—175). Эти парные сочетания и являются основой ритмической организации текста «Слова».

В дошедшем до нас виде «Слова» первоначальный текст, как это часто бывало в рукописной традиции, значительно расширен позднейшими вставками (обоснование этого см. в статье: *Соколова Л. В.* К характеристике «Слова Даниила Заточника»: Реконструкция и интерпретация первоначального текста. — ТОДРЛ, т. 46, с. 229—255. Там же см. публикацию текста с выделением вставок). Добавленные цитаты, пословицы, «мирские притчи» развивают затронутые автором популярные в древнерусской литературе темы о бедных и богатых, о щедром и скупом господине, о мудрых и глупых, о «злых» женах и т. п. В результате вставок была утрачена композиционная стройность и стилистическая однородность текста, нарушена его ритмико-строфическая организация, наряду с книжной лексикой появилась

бытовая лексика «мирских притч», скоморошин. Текст перестал быть посланием, превратившись в произведение другого жанра.

«Слово» печатается по списку XVII в., «Академическому» (название дано по бывшему месту хранения: библиотека СПб. Духовной академии), лучше других сохранившему первоначальный текст. Шифр рукописи: *РНБ*, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 43/1120.

При переводе и комментировании «Слова» использованы перевод и комментарий Д. С. Лихачева, опубликованные в кн.: *ПЛДР*, 2, с. 388—399, 688—690.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ, ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего
И начнемъ бити в сребреныя арганы[1] *возвития* мудрости своеа.
Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!
Востану рано, исповѣмъ ти ся;[2]
Да разверзу въ притчах гаданиа моя
И провѣщаю въ языцѣх славу мою.[3]
Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой — трость книжника-скорописца,[4]
И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость.
Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего
И разбих злѣ, аки *древняя* — младенца о камень.[5]
Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.
Азъ бо есмь аки óна смоковница проклятая:[6]
Не имѣю плода покаянию.[7]

Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию,
И бысть умъ мой — аки нощный вранъ на нырищи.[8]
Забдѣх — и расыпася животъ мой, аки ханаонскыи царь, буестию;[9]
И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона.[10]
Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего,
Аки Агарь рабыни от Сарры,[11] госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ
И притекох къ обычней твоей любви.

Глаголеть бо въ Писании:
Просящему у тебе дай, толкущему отверзи,[12]
Да не лишенъ будеши царствия небеснаго.
Писано бо есть:
Возверзи на Господа печаль свою,
И той тя препитаеть въ вѣки.[13]

Азъ бо есмь, княже господине,
Аки трава блещена, растяще на застѣнии,[14]
На нюже ни солнце сиаеть, ни дождь идет;
Тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь,
Зане огражен есмь страхом грозы твоеа,
Яко *плотомъ* твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
Но зри на мя, аки мати на младенецъ.
Возри на птица небесныа,
Яко тии не орють, ни сѣють,[15] но уповають на милость Божию;
Тако и мы, господине, *желаем* милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво,[16] а мнѣ горе лютое;
Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣй смолы;
Кому Лаче озеро,[17] а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкий;
И кому ти есть Новъгород,[18] а мнѣ и углы опадали,
Зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене,
Зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ.
Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило,
А при напасти аки врази обрѣтаются
И паки помагающе подразити нози мои;
Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
Тѣмъже не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь:
«Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение»;[19]
Такоже и мужеви:
Лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети.
Якоже бо Соломонъ рече:
Ни богатества <...>, ни убожества, Господи, не дай же ми.
Аще ли буду богатъ — гордость восприиму,

Аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбой,[20]
А жены на блядню.

Тѣмъже вопию к тебѣ, одержимъ нищетою:
Помилуй мя, сыне великаго царя Владимера,[21]
Да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая;
Пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть,
И на чюжей странѣ друзи держить,
А убогъ во своей ненавидим ходить.
Богат возглаголеть — вси молчат
И вознесут слово его до облакъ,
А убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть.[22]
Ихже ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Княже мой, господине!
Избави мя от нищеты сея,
Яко серну от тенета,
Аки птенца от кляпци,[23]
Яко утя от ногти носимаго ястреба,
Яко овца от устъ лвовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути:
Мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють;
Тако и азъ всѣм обидимъ есмь,
Зане огражен есмь страхом грозы твоеа.[24]

Якоже бо олово гинеть, часто разливаемо,
Тако и человѣкъ, приемля многия бѣды.
Никтоже может соли зобати, ни у печали смыслити.
Всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжей бѣди,
А о своей не можеть смыслити.
Злато *искушается* огнемъ, а человѣкъ напастьми.
Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являеть,
А в печали человѣкъ обрѣтаеть умъ свръшенъ.
Молеве, *княже*, ризы ѣдять, а печаль — человѣка;
Печалну бо мужу засышють кости.[25]
Аще кто в печали человѣка призрит,
Какъ студеною водою напоить во знойный день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери;
Весна украшаеть цвѣты землю,
А ты оживляеши вся человѣкы милостию своею,
Сироты и вдовици, от велможь погружаемы.
Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего,
Яко гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ;
Мед истачаюŧь устнѣ твои,[26] и послание твое — аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны —
А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща;
Или пиеши сладкое питие —
А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена;[27]
Егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы —
А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа,
И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе.

Да не будет, княже мой, господине,
Рука твоя согбена на подание убогих:[28]
Ни чашею бо моря расчерпати,
Ни нашим иманиемъ твоего дому истощити.
Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы,
Тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра,
Но раздавай людем.

Паволока[29] бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть;
Тако и *князь* многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам.
Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонскаго[30]
И показа им множество злата и сребра, —
Они же рѣша:
Нашь царь богатѣй тебе не множеством злата, но множеством воя,
Зане мужи злата добудуть, а златом мужей *не* добыти.

Якоже рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ,[31]
Ида на Царьград с малою дружиною, и рече:
Братиа! Намъ ли от града погинути
Или граду от нас пленену быти?
Якоже Богъ повелить, тако будеть:
Поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма.[32]
Надѣяся на Господа яко гора Сионъ:
Не подвижится въ вѣки.[33]

Дивиа за буяном кони паствити;[34]
Тако и за добрымъ князем воевати.
Многажды безнарядиемъ полци погибають.
Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть;
Тако и многи полки без добра князя.
Гусли бо страяются персты,
А тѣло основается жилами,
А *дубъ крѣпится* множеством корениа;
Тако иградъ нашь — твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим;
Мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают.
Доброму бо господину служа, дослужится слободы,
А злу господину служа, дослужится болшеи роботы.
Зане князь щедръ — аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы,
Напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри,
А князь скупъ — аки рѣка въ брезѣх, а брези камены:
Нѣлзи пити, ни коня напоити.
А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути:
Напаяеть мимоходящих.
А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ.

Не имѣй собѣ двора близъ царева двора
И не дръжи села близъ княжа села:
Тивунъ бо его — аки огнь, трепетицею накладенъ,
И рядовичи его — аки искры.[35]
Аще от огня устережешися,
Но от искоръ не можеши устеречися
И сождениа портъ.

Господине мой! Не лиши хлѣба нища мудра,
Ни вознесе до облакъ богата несмыслена.
Нищь бо мудръ — аки злато в кални судни,
А богат красенъ и не смыслить —
То аки паволочито изголовие, соломы наткано.

Господине мой! Не зри внѣшняя моя,
Но возри внутреняя моа.
Азъ бо одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ;
Унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ.
Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь[36] под *потокъ* капля языка моего,
Да *накаплетъ* ти слажше меду словеса устъ моих.
Якоже Давидъ рече:
Сладка *суть* словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.[37]
Ибо Соломонъ рече:
Словеса добра сладостью напаяють душу,
Покрываеть же печаль сердце безумному.[38]

Мужа бо мудра посылай — и мало ему кажи,
А безумнаго посылай — и самъ не лѣнися по немъ ити.
Очи бо мудрых желают благых,
А безумнаго — дому пира.[39]

Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных.[40] Дай бо премудрому вину — премудрие будеть.[41] Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных.[42] Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Какъ в утелъ мѣх[43] лити, такъ безумнаго учити. Псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному — драгии словеса. Ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, — тогды безумный уму научится.

Или ми речеши: «От безумиа ми еси молвилъ». — То не видал есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: «Сългалъ еси, аки песъ». — Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: «Сългалъ еси, аки тать». — Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мой! То не море топить корабли, но вѣтри;
Не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное;
Такоже и князь не самъ впадаеть въ вещь, но думци вводять.
З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть,
А с лихимъ думцею думая — меншего лишенъ будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах:
Не скотъ въ скотѣх коза,
Ни зверь въ звѣрех ожь,
Ни рыба въ рыбах ракъ,
ни потка въ потках нетопырь,
не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть,

не жена в женах, иже от своего мужа блядеть,
не робота в роботах — под жонками повозъ возити.[44]

Дивнѣй дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка дѣля. Видѣх жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣх ей: «Не зри в зерцало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши».

Или миречеши:
«Женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пий и яжь».
Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свой, нѣже зла жена поняти.
Волъ бо ни молвить, ни зла мыслить,
А зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится;
Въ богатествѣ гордость приемлеть, а *в* убожествѣ иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослѣпление уму, началница всякой злобѣ; въ церкви — бѣсовская мытница: поборница грѣху, засада от спасениа.

Аще который муж смотрить на красоту жены своеа и на *ея* ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаеть, то дай Богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят. Но по сему, братиа, расмотрите злу жену: и рече мужу своему: «Господине мой и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти. Егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю».

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща:
«Крестъ есть глава церкви, а мужь — женѣ своей».[45]
Жены же — у церкви стойте, молящесе Богу и святѣй Богородици;
А чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужей.
А вы, мужи, по закону водите жены свои,
Понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена — вѣнець мужу своему и безпечалие, а зла жена — лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити. Железо уваришь, а злы жены не научишь: зла бо жена ни учениа

слушаеть, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаеть.

Что лва злѣй в четвероногих,
И что змии лютѣй в ползущихъ по земли?
Всего того злѣй зла жена.
Нѣсть на земли лютѣй женской злобы.
Женою сперва прадѣдъ нашь Адамъ из рая изгнанъ бысть;
Жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть;[46]
Жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша,[47]
И лви ему нози лизаху.
О злое, острое оружие диаволе
И стрѣла, лѣтяща с чемеремъ!

Нѣ у когоже умрѣ жена. Онъ же по *малых* днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: «Чему дѣти продаешь?» Он же рече: «Аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут».

Еще возвратимся на предняя словеса.
Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся,
Но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеный сотъ;
Тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум,
И съвокупих, аки в мѣх воды морскиа.[48]

Да уже не много глаголю.
Не отмѣтай безумному прямо безумию его,
Да не подобенъ ему будеши.[49]
Уже бо престану с нимъ много глаголати.
Да не буду аки мѣх утѣлъ,
Роня богатство в руци неимущим;
Да не уподоблюся жорновом,
Яко тии многи люди насыщают,
А сами себе не могут насытитися жита.

Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою,
Якоже бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть.
Глаголеть бо в мирских притчах:
Рѣчь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока.

Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александрову,[50]
Иосифль разумъ,[51] мудрость Соломоню и хитрость Давидову.[52]
И умножи, Господи, вся человѣкы под *руку* его.
Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

---

[1] *Арганы.* — Здесь, вероятно, бубны, судя по выражению «бити в... арганы». Ср. в «Александрии»: «Ударьте в бубны, иже зовутца арганы, сии же таково три разных писков имѣють».

[2] *Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех! / / Востану рано, исповѣмъ ти ся.* — Словами Давида Псалмопевца (ср. Пс. 56, 9; 107, 3—4) Даниил говорит о своем желании возродить былую славу песнетворца, исполняющего песни под аккомпанемент музыкальных инструментов (псалтири и гуслей), и о своем решении обратиться с этой целью к князю с исповедальным посланием.

[3] *Да разверзу въ притчах гаданиа моя / / И провѣщаю въ языцѣх славу мою.* — Ср. Пс. 77, 2; 95, 3.

[4] *Бысть языкъ мой* — трость книжника-скорописца....— Ср. Пс. 44, 2. *Трость* (отточенный кусок тростника) — один из инструментов для письма в древности.

[5] *...и разбих злѣ, аки древняя — младенца о камень.*— Ср. Пс. 136, 9. Используя библейский образ младенцев, безжалостно разбиваемых врагами о камень, Даниил, вероятно, подчеркивает свое страстное желание освободиться раз и навсегда от того, что тяготит и гнетет его.

[6] *...аки она смоковница проклятая...* — Даниил сравнивает себя со смоковницей (фиговое дерево, инжир), которую, согласно Евангелию (Мр. 11, 13—14, 20—21), Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял за то, что она не плодоносила, будучи плодовым деревом, после чего эта смоковница засохла.

[7] *...не имѣю плода покаянию.* — Ср.: «Сотворите убо плоды достойны покаяния» (Лк. 3, 8).

[8] *Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию, / / И бысть умъ мой — аки нощный вранъ на нырищи.* — Этим выражением Даниил объясняет, почему он не имеет «плода покаяния». Вероятно, смысл его таков: «имел я бесстрастное сердце и настороженный, бодрствующий, как филин в ночи, ум», то есть руководствовался в своих поступках не сердцем, а разумом. Образ бодрствующего филина на развалинах заимствован из Псалтири. Ср. Пс. 101, 7—8.

[9] *Забдѣх — и расыпася животъ мой, аки ханаонскыи царь, буестию.* — Смысл данного выражения, вероятно, таков: пребывая в бдении (бдительно, ревностно служа князю), Даниил своей «буестью» (дерзостью, излишней прямотой) погубил, расстроил свою жизнь, подобно хананейским царям. Говоря о буести хананейских царей, Даниил, очевидно, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейский города были преданы заклятью и полностью истреблены (См. Нав. 11, 19—20; Пс. 134, 10—12).

[10] *...аки Чермное море фараона.* — Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском (См. Исход, 14).

[11] *...аки Агарь рабыни от Сарры...*— Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму «войти» к служанке своей Агари. Агарь, видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра с позволения Авраама «смиряла» Агарь, и та убежала. (См. Бытие, 16.)

[12] *Просящему у тебе дай, толкущему отверзи.* — Ср. Мф. 5, 42.

[13] *Возверзи на Господа печаль свою, // И той тя препитаеть въ вѣки.* — Ср. Пс. 54, 23.

[14] *Застѣние.* — Здесь — пространство между двумя смежными городскими (крепостными) стенами, застенок.

[15] *Возри на птица небесныа, // Яко тии не орють, ни сѣють...* — Ср. Мф. 6, 26.

[16] *Боголюбиво.* — Боголюбово, город невдалеке от Владимира. Вероятно, Даниил сознательно написал название города через «и», обыгрывая первоначальное значение имени: Богом любимое.

[17] *Лаче озеро* — озеро Лаче на севере Новгородской области, куда, судя по всему, был сослан Даниил.

[18] *Новъгород.* — Новгород Великий. Автор обыгрывает семантику этого топонима: Новый город для Даниила настолько старый, что и углы домов в нем разрушились, поскольку не сложилась счастливо его жизнь в Новгороде: он был изгнан из него князем.

[19] *Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: // «Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение».* — Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым, когда великий князь Всеволод Ольгович изгонял его с Переяславского престола, отдавая взамен Курское княжество (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Выражение *«Не лгалъ бо ми...»* не означает, что

приведенные слова были сказаны Ростиславом автору послания, Даниилу, поскольку «ми» является здесь не личным местоимением, а усилительной частицей.

[20] *Якоже бо Соломонъ рече: / / Ни богатества... помышляю на татбу и на разбой.* — Ср. Притч. 30, 8—9.

[21] …*сыне великаго царя Владимера* — Под Владимиром Даниил мог разуметь как Владимира Мономаха, «сыном» (потомком) которого был Ярослав Владимирович, так и отца адресата — Владимира Мстиславича, который, пусть недолго, но сидел на Киевском столе, и потому мог быть назван «великим царем (князем)».

[22] *Богат возглаголеть — вси молчат... // А убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть.* — Ср. Сирах 13, 28—29.

[23] *...яко серну от тенета, / / Аки птенца от кляпци...* — Ср. Притч. 6, 5.

[24] *...зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.* — В данном случае при глаголе «ограженъ» требуется по смыслу частица «не», отсутствующая во всех списках «Слова». С палеографической точки зрения пропуск «не» после «зане» вполне объясним, такие случаи постоянно встречаются, как указал академик В. М. Истрин.

[25] *Молеве, княже, ризы ѣдять, а печаль — человѣка; / / печалну бо мужу засышють кости.* — Ср. Притч. 25, 21 и 17, 22.

[26] *Яви ми зракъ лица своего,... // Мед истачають устнѣ твои...* — Ср. Песнь 2, 14 и 4, 11.

[27] *Или пиеши сладкое питие... от мѣста незавѣтрена...* — Ср. Изборник Святослава 1076 г.: «Насыштяя ся многосластънааго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слъньца въстопѣвъшу, и ту же пороха нападъшу отъ мѣста не завѣтръна».

[28] *Да не будет... рука твоя согбена на подание убогих.* — Ср. Сирах 4, 35.

[29] *Паволока* — шелковая или иная дорогая ткань.

[30] *Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонскаго...* — Езекия (Иезекииль) — еврейский царь. Согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить Бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон (см. Ис. 39, 1—6).

[31] *Якоже рече Святославъ князь, сынъ Олъжинъ...* — Имеется в виду Святослав Игоревич, сын Ольги, князь X в., совершавший походы на Царьград.

[32] *Поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма.* — Ср. Вт. 32, 30.

[33] *Надѣяся на Господа яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣки.* — Ср. Пс. 124, 1. Сион — гора близ Иерусалима.

[34] *Дивиа за буяном кони паствити...* — Слово «буян» словари дают только со значением «дерзкий, наглый человек». Однако исходя из того, что прилагательные «буявый» и «буий» означали не только «дерзкий, наглый», но и «отважный, смелый», можно думать, что и слово «буян» имело значение «отважный, смелый». Смысл сравнения в таком случае в следующем: так же, как опытный и храбрый табунщик справляется с табуном коней, так и доблестный, мудрый князь умело организует многочисленные полки на поле боя.

[35] *...тивунъ бо его — аки огнь, трепетицею накладенъ, // И рядовичи его — аки искры.* — Тиун — княжеский управляющий. *Рядовичи.* — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Тиун сравнивается с огнем костра, разложенным на осине, горящей ровным, спокойным пламенем, без искр, а рядовичи — с искрами от искрящего огня. Смысл сравнения в том, что от неискрящего огня можно уберечься, но от множества искр уберечься нельзя: от одной из них обязательно пострадаешь.

[36] *...сосуд скуделничь...* — Даниил, используя цитату из Изборника Святослава 1076 г. («Простьри сердечьный съсудъ, да накаплють ти словеса слажьша меду»), заменяет «сердечный» на «скудельничь».

[37] *Сладка суть словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.* — Ср. Пс. 118, 103.

[38] *Ибо Соломонъ рече: ...сердце безумному.* — Искаженная цитата из Притч Соломона. Ср. Притч. 16, 24.

[39] *Очи бо мудрых желают благых, // А безумнаго — дому пира.* — Ср. Ек. 7, 3—5.

[40] *Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных.*— Ср. Ек. 7, 6. У Екклизиаста не «прѣние», а «прѣщение» (угроза).

[41] *Дай бо премудрому вину — премудрие будеть.* — Ср. Притч. 9, 9.

[42] *Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных.* — Вероятно, наставление не сеять рожь на бороздах следует понимать как совет не сеять хлеб на незабороненном поле, то есть на бороздах, образовавшихся в результате вспашки. Смысл сравнения в том, что сердце глупого — плохо подготовленная к восприятию зерен мудрости почва. Выражение это встречается в «Поучении Кирилла Философа».

[43] *Мѣх* — мешок, в данном случае кожаный, для хранения воды, — бурдюк.

[44] *...под жонками повозъ возити.* — Повоз возити — фразеологизм, означающий «обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место». Поскольку извоз был сугубо мужским делом, выполнять его «под женками», то есть под руководством женщин, справедливо считалось «не работой в работах».

[45] *Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: // «Крестъ есть глава церкви, а мужь — женѣ своей».*— Ср. Еф. 5, 23.

[46] *...жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть...* — Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу. См. Быт., 39.

[47] *...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша...* — Согласно Библии, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, однако причиной этого была не женщина. См. Дан. 6, 10—24; 14, 23—40.

[48] *...и съвокупих, аки в мѣх воды морскиа.* — Ср. Пс. 32, 7.

[49] *Не отмѣтай безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши.* — Ср. Притч. 26, 4.

[50] *...храбрость Александрову...* — Александр Македонский (356—326 гг. до н. э.), царь и полководец, прославившийся своим мужеством и храбростью.

[51] *...Иосифль разумъ...* — Согласно Библии, Иосиф Прекрасный отличался мудростью, за что египетский фараон сделал его своим соправителем. См. Быт., 41, 42—43.

[52] *...хитрость Давидову...* — Речь идет об иудейском царе Давиде, который благодаря своей хитрости удачно спасся в молодости от преследований Саула. См. 1 Цар. 18, 10—29.

ПЕРЕВОД

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, КОТОРОЕ ОН НАПИСАЛ СВОЕМУ КНЯЗЮ, ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованные трубы, в разум ума своего
И начнем бить в серебряные органы плетения мудрых словес своих.
Восстань, слава моя, восстань в псалтири и в гуслях!
Встану рано, исповедуюсь тебе;
Да раскрою в притчах раздумья мои
И возвещу народам славу мою.
Ведь сердце разумного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой — словно трость книжника-скорописца,
И сладкоречивы уста, как быстрые струи речные.
Поэтому вознамерился я написать о всех оковах сердца моего
И разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.
Но боюсь, господине, осуждения твоего,
Ибо я — как та смоковница проклятая:
Не имею плода покаяния.

Ведь сердце мое — как лицо без очей,
И был ум мой — как филин на развалинах.
Радел я <о твоем благе> —
И дерзостью погубил свою жизнь, как хананейские цари;
И покрыла меня нищета, как Красное море фараона.
Сие же написал тебе, спасаясь от лица убожества своего,
Как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Ведал я, господине, твою благосклонность
И прибегаю к дружеской твоей любви.
Ибо говорится в Писании:
Просящему у тебя дай, стучащему открой,
Да не будешь лишен царствия небесного.
Ибо написано:
Возложи на Господа печаль свою,
И он напитает тебя вовеки.

Ведь я, княже мой, господине,
Как чахлая трава, растущая в застении,
На которую ни солнце не светит, ни дождь не попадает;
Так и я всего лишен,
Ибо огражден страхом гнева твоего,
Как оградой прочной.

Но не взирай на меня, господине, как волк на ягненка,
А зри на меня, как мать на младенца.
Взгляни на птиц небесных:
Не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию;
Так и мы, господине, жаждем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне — горе лютое;
Кому Белое озеро, а мне — черней смолы;
Кому Лаче озеро, а мне, на нем <в ссылке> живущему, плач горький;

И кому Новгород, а по мне — и углы развалились,
Ибо не процвела там моя судьба.

Друзья же мои и близкие мои — и те отвергли меня,
Ибо не предложил им трапезы с многоразличными яствами.
Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в блюдо,
А в несчастье ведут себя как враги,
Помогая даже сбить меня с ног;
Очами плачут со мной, а в душе смеются надо мною.
Поэтому не верь другу и не надейся на брата.

Правду ведь сказал князь Ростислав:
«Лучше бы мне смерть, чем Курское княжение»;
Так же и для мужей:
Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете.
Как и Соломон сказал:
«Ни богатства, ни бедности, Господи, не дай мне.
Если буду богат — возгоржусь,
Если же буду беден — задумаю воровство и разбой,
Как женщины распутство».

Потому-то я и взываю к тебе, плененный нищетою:
Помилуй меня, потомок великого царя Владимира,
Да не восплачу, рыдая, как Адам о рае;
Пошли тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде известен,
Он и на чужой стороне друзей имеет,
А убогий и в своей презренным ходит.
Богатый заговорит — все умолкнут
И вознесут речь его до небес,
А убогий заговорит — все на него крикнут.
Чьи одежды светлы, тех и речь честна.

Княже мой, господине!
Избавь меня от нищеты этой,
Как серну от сетей,
Как птенца от силков,
Как утенка от когтей ястреба,
Как овцу от львиной пасти.

Я ведь, княже, как дерево при дороге:
Многие обрубают его и бросают в огонь;
Так вот и я обижаем всеми,
Ибо не огражден страхом наказания твоего.

Как олово гибнет, часто переплавляемое,
Так и человек, претерпевающий много бед.
Ведь никто не может ни солью питаться, ни в печали размышлять.
Всякий человек находчив и мудр, когда судит о чужой беде,
А к своей ума не приложит.
Злато испытывается огнем, а человек бедами.
Пшеница, долго мучимая, становится чистым хлебом,
А человек, будучи в печали, обретает зрелый ум.
Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека;
У горюющего человека сохнут кости.
И если кто человека в печали призрит,
То как студеной водой его в жаркий день напоит.

Птица ведь радуется весне, а младенец матери;
Весна украшает цветами землю,
А ты оживляешь всех людей своей милостью,
Сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.
Княже мой, господине! Дай же мне лицезреть тебя,
Ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен;
Мед источают уста твои, и послание твое — как сад с плодами.

Когда увеселяешься многими яствами —
Вспомни меня, сухой хлеб жующего;
Или когда пьешь вкусные напитки —
Вспомни меня, теплую воду пьющего на ветру;
Когда лежишь на мягкой постели под собольими одеялами —
Вспомни меня, под единой тряпицей лежащего и от холода умирающего,
И каплями дождевыми, словно стрелами, до сердца пронзаемого.

Да не будет, княже мой, господине,
Рука твоя согнута на подаяние неимущим,
Ибо ни чашею моря не расчерпать,
Ни милостыней дома твоего не истощить.
Как невод не удерживает воду, а одних лишь рыб,
Так и ты, княже, не удерживай злата и серебра,
А раздавай людям.

Паволока красива, расшитая множеством шелков,
А князь честен и славен по всем странам множеством слуг.
Некогда ведь похвалялся царь Иезекииль перед послами царя вавилонского,
Показывая им множество злата и серебра, —
Они же сказали ему:
«Наш царь богаче тебя не множеством злата, а множеством воинов,
Ибо воины злато добудут, а воинов златом не добыть».

Как сказал князь Святослав, сын Ольги,
Идя на Царьград с небольшой дружиной:
«Братия! Нам ли от этого града погибнуть
Или граду пленену быть?
Как Бог повелит, так и будет:
Погонит один сто, а от ста побегут тысячи.
Уповающий на Господа как гора Сион:
Не дрогнет вовеки».

Славно со смельчаком коней пасти;
Так и с хорошим князем в бой идти.
Часто из-за беспорядка полки погибают.
Видел я: огромен зверь, а головы нет;
Так же и множество полков без мудрого князя.
Гусли ведь настраиваются перстами,
А тело скрепляется жилами,
А дуб удерживается множеством корней;
Так же и град наш — твоею властью.

Ведь щедрый князь — отец всем слугам своим;
Многие оставляют отца и мать и к нему приходят.
Ибо кто доброму господину служит — дослужится до свободы,
А кто злому господину служит — дослужится до большей неволи.
Ведь щедрый князь — как равнинная река с пологими берегами,
Насыщающая не только людей, но и зверей,
А скупой князь — как река в каменных берегах:
Нельзя ни самому напиться, ни коня напоить.
А боярин щедрый — как источник с пресной водой при дороге:
Насыщает мимо идущих.
А боярин скупой — как источник с соленой водой.

Не имей двора близь царского двора
И не держи села близь княжьего села.
Ибо тиун господский — как огонь, на осине разложенный,
А рядовичи его — как искры.

Если от огня убережешься,
То от искр не сможешь уберечься —
И прожжешь одежду.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудреца
И не вознеси до небес богатого глупца.
Ибо нищий мудрец — как злато в грязном сосуде,
А богатый — разодетый, но глупый —
Как шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою,
Но вглядись в сущность мою.
Ибо одеждой я оскудел, но разумом богат;
Юный возраст у меня, но зрелый ум во мне.
Парил бы я мыслию, как орел по воздуху.

Поставь сосуд глиняный под капе́ль с языка моего,
Да накаплет тебе слова уст моих, — слаще меда они.
Как Давид сказал:
«Сладки слова твои, лучше меда они устам моим».
Ибо Соломон сказал:
«Слова добрые сладостью питают душу,
Сердце же неразумного наполняет печаль».

Мудрого мужа посылая — мало ему объясняй,
А неразумного посылая — и сам не ленись вслед идти.
Ибо очи мудрых устремлены к благим делам,
А очи неразумных — к дому пирующих.

Лучше слышать спор умных, чем наставление глупых. Наставь премудрого — станет еще мудрее. Не сей на бороздах жито, а мудрость — в сердце глупых. Глупых не сеют, не выращивают, и в житницу не собирают, — сами родятся. Как в дырявый сосуд лить, так и безумного учить. Псам и свиньям не нужно злато и серебро, а глупому — дорогие слова. Мертвеца не рассмешить, а глупого не научить. Когда пожрет синица орла, когда камень поплывет по воде, и когда будет свинья на белку лаять, — тогда глупый уму научится.

Быть может, скажешь: «По глупости мне это наговорил». — Но не видел я неба войлочного, ни звезд из лыка, ни глупого, мудрость

изрекающего. Быть может, скажешь: «Солгал ты, как пес». — Но хорошего пса князья и бояре любят. Быть может, скажешь: «Солгал, как вор». — Но если бы я умел украсть, то не молил бы тебя с такой скорбью. Ведь девица губит свою красоту распутством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, а ветры;
Не огонь раскаляет железо, а нагнетающие воздух мехи;
Так же и князь не сам впадает в грех, а советники вводят.
С мудрым советником совещаясь, князь высокий престол займет,
А с плохим советником совещаясь — меньшего лишен будет.

Говорится ведь в народных присловьях:
Не скот меж скота козы,
Не зверь меж зверей еж,
Не рыба меж рыб рак,
Не птица меж птиц летучая мышь,
Не муж среди мужей, над которым жена властвует,
Не жена среди жен, которая от своего мужа блудит,
Не работа среди работ — под началом женок повоз возить.

Дивней дивного, если кто возьмет в жены уродину ради богатства. Видел я жену некрасивую, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотрись в зеркало, ибо, увидевши безобразие лица своего, сильно опечалишься из-за этого».

Быть может, скажешь мне:
«Женись на богатой ради чести великой;
У богатого тестя в доме пей и ешь».
Но лучше мне бурого вола ввести в свой дом, чем злую жену взять.
Вол ведь не говорит и зла не замышляет,
А злая жена наказуема — бесится, а укрощаема — заносится;
В богатстве тщеславной становится, а в бедности других осуждает.

Что такое злая жена? Приют ненадежный, бесчинница бесовская. Что такое злая жена? В миру — мятеж, ослепление уму, источник всякой злобы; в церкви — таможня бесовская: греху — пособница, спасению — преграда.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не испытает, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят. Вот как, братья, распознайте злую жену: говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя не в силах смотреть: когда ты говоришь со мной, тогда лишь гляну — и обмираю, и содрогаюсь всем телом, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла:
«Крест — глава церкви, а муж — жене своей».
Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице;
А чему хотите учиться — учитесь дома у своих мужей.
А вы, мужья, по закону наставляйте жен своих,
Ибо нелегко найти добрую жену.

Добрая жена — украшение мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое, разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом мужа своего истощает. Лучше в утлой ладье плавать, нежели злой жене тайну поведать: утлая ладья одежду намочит, а злая жена всю жизнь своего мужа погубит. Лучше камень долбить, чем злую жену учить. Железо переплавишь, а злой жены не научишь, ибо злая жена ни учения не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Кто свирепее льва среди четвероногих,
И кто ядовитее змеи среди ползущих по земле?
Всех тех злее злая жена.
Нет на земле ничего лютее женской злобы.
Сперва из-за жены предок наш Адам из рая изгнан был;
Из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу заточен был;
Из-за жены пророка Даниила в ров ввергли,
Где львы ему ноги лизали.
О злое, острое оружие дьявола
И стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена. Он же вскоре начал детей продавать. И люди спросили его: «Почему детей продаешь?» Он же ответил: «Если уродились они в мать, то, выросши, меня продадут».

Но вернемся к прежнему.
Я, княже, за море не ходил, у философов не учился,
Но был как пчела, припадающая к разным цветам
И собирающая <их нектар> в соты;

Так и я, из многих книг выбирая сладость словесную и мудрость,
Собрал их, как в сосуд воды морские.

Но не стану много говорить.
Не обличай в споре с глупцом глупость его,
Дабы не уподобиться ему.
Перестану с ним много говорить.
Да не буду как худой мешок,
Роняя свое богатство в руки неимущим;
Да не уподоблюсь жерновам,
Которые многих людей насыщают,
А сами себя не могут насытить житом.

Да не буду ненавистен миру долгою беседою,
Как птица, что поет без умолку и скоро ненавистной становится.
Говорится ведь в народных присловьях:
Длинная речь — не благо, благо — длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александрову,
Разум Иосифа, мудрость Соломона, хитрость Давида.
И умножь, Господи, людей, подвластных ему.
Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

ПОУЧЕНИЯ О ПРОСТОЙ ЧАДИ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Среди древнерусских поучений, адресованных простому люду, не искушенному в книжной премудрости, особое место занимают краткие увещевательные «Слова», направленные против языческих пороков в среде ранних славянских христиан. Произнесенные на понятном разговорном языке своего времени, русскими по рождению людьми, в своеобразной поэтической форме, лаконично и в народном ритме, они затрагивают нравственные проблемы общего значения и до сих пор сохраняют свою художественную ценность. Их особенность — почти в полном отсутствии цитат из Священного писания, что так характерно для торжественного красноречия, и в той системе эмоциональных доказательств, которые диктуются простой и понятной житейской мудростью умудренного опытом человека.

Слова об излишествах и об языческих клятвах приписываются новгородскому игумену Моисею, умершему в 1187 году; они публикуются по пергаменному сборнику XIV века — *ГИМ*, Хлудовское собрание, 30-д, в издании: *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе. — Известия ОРЯС, т. XVII, кн. 3, с. 77—80 (СПб., 1912).

Слово против пьянства приписывается Григорию, жившему в конце XII века, которого рукописи называют философом (мудрецом). Согласно традиции, его считают епископом Белгорода — городка под Киевом; в домонгольской Руси такой епископ считался вторым в церковной иерархии лицом и обычно заменял митрополита в его отсутствие — это случалось довольно часто и подолгу. В Слове содержится несколько мест, показывающих. что Григорий воспользовался таким случаем и произнес свое непритязательное слово перед прихожанами знаменитой Софии киевской. Издается оно по публикации: *Соболевский А. И.* Два русских поучения с именем Григория. — Известия ОРЯС, т. XII, кн. 1, с. 254—258 (СПб., 1907).

ОРИГИНАЛ

ПОУЧЕНИЕ МОИСѢЯ О БЕЗЪВРЕМЕНЬНѢМЬ ПИЯНЬСТВѢ

Богъ вложилъ есть всякое похотѣние человѣку духовнымь и телеснымь дѣломь: спанию время и мѣра, похотѣнию ѣдению время и мѣра, питию врѣмя и мѣра, женоложью похотѣнию врѣмя и мѣра, — что ли боле въ имена писати? Всему есть похотѣнию время и мѣра уречено, живущему въ вѣрѣ честьнѣй, въ крестьяньствѣ. Да аще вся та похотѣния дѣяти будеть безъ времене и без мѣры, то грѣхъ будеть въ души, а недугъ в телеси. Недугъ всь ражаеться въ телеси человѣчи, въ кручинѣ. Кручина же съсядеться от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без времене и без мѣры. Кручины же три въ человѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дьяволъ же тогда радуеться о погибели человѣчи. Того же недуга Богъ не створи, нъ самъ в себе стваряеть недугъ безвременьнымь дѣяниемь и безмѣрьннымь, и самъ ся осужаеть на муку; аще ся не покаеть, ни въстягнеться от того. И творилъ бы в подобно время и въ мѣру, и спасенъ бъ былъ. Да всякому вѣрному человѣку держати той норовы: похотѣнию время, а на излишное похотѣние мѣру налагати узду въздержания; аще будеть похотѣние будеть, то твори, его же хощеши, нъ въ мѣру, а не без мѣры. Колико больше суть кони, колико ны вышии есть песъ, и коеждо бо от тѣхъ животныхъ видимъ, ѣдъша или пивша, чересъ сыть не брегуть: аще и тмами нудящеи будуть, не хощеть излише мѣры прияти — не убо ли сихъ и конь хужьши мы? Аще видимъ и скота грязяща, тъ не презримъ, егда ли видимъ друга, всегда погружаема, то посмѣемъся. Нъ мы, братье, не створимъ тако, да не будемъ осужени в муку: вѣкъ бо сий коротокъ, а мука долга и бес конца грѣшьному.

СЛОВО ОТЦА МОИСѢЯ О РОТАХѢ И О КЛЯТВАХѢ

Пророкъ глаголеть: того ради завяза небо, не пустить дъждя на землю, зане человѣци кленуться Богомъ и его святыми, и другъ друга догонять до клятвы, и Церковь святую невѣсту Христову ротою скверняще. Приводяще, закалають сына предъ матерью. Слугы же тоя матере своего брата, рожьшагося по духу святымь крещениемь, пиють кровь заколенаго сына матери тоя. И того ради вся силы небесныя трепещють страхомь, занеже Господь Богъ не велить догонити человѣка до клятвы и до роты. Тому же подобна и другая вина: жертву приносят бѣсомъ, и недугы лѣчать чарами и наузы; немощнаго бѣса, глаголемато Трясцю, прогонять нѣкыми писмены лживыми; проклятыхъ бѣсовъ елиньскыхъ, пишюще на яблоцѣхъ и покладають на святѣй трапезѣ в годъ святыя литургия. И тогда ужаснуться страхомъ ангельская воиньства, и того ради Богъ гнѣваяся не пущаеть дъждя на землю, занеже не велить Богъ недугъ лѣчить чарами и наузы, ни бѣсъ искати — или на ловы идуще, или куплю дѣюще, или милости от царя хотяще. Горе крестьяномъ тако дѣющи, и мука горши поганыхъ, аще ся не останують того и придуть на покаяние, то вѣкъ сь коротокъ, а мука долга и бес конца.

ПОУЧЕНИЕ ФИЛОСОФА, ЕПИСКОПА БѢЛГОРОДЬСКАГО

Придете, вси мужи вкупѣ и жены, попови и людье, и мниси, и бѣлци, богати и убозни, домашнии и пришельци, сберитеся и послушайте мене, аще бо нѣсмь пастырь вашь, но не вѣдь откуду рещи. Пастыри бо утроби прилежю, в пастыря бо мѣсто оставленъ есмь вамъ, да ничтоже чюжего творю, аще вся вижю закалаема и на земли оканьни падающа — и теку на помощь: да бы когда варило милосердие Божие и мертви въскреснутъ, и Богъ въ тѣхъ прославится, но который рабъ в истину любить свой господинъ, видя и бе-ществуема, ни во что же мѣнима, не болѣзнуеть ли сердцемъ? И аще иного ничтоже не можеть творити, но обаче покажеть свой успѣхъ, яко не терпѣть зрѣти толька приобидѣния и беславья своего господина? И вы же вси, елико васъ душю имуть челвѣчьскую и нѣсть отинудь звѣрообразни: егда видить коего домъ от пожара оступаемъ, ти яко хотящю ему уже погибнути, не успѣшно ли обѣма рукама востанеть и течеть, тщашеся угасити огня и пламяни? Како убо видя азъ ни едины храмины, но всь градъ, не точью градъ, но и кромѣ града погарающа, вся ижьжена, не яко же огня древо, но от пламяни изгыбающе, то не болю ли душею, елико ми сила есть потьщатися угасити пламень? Кый ли то есть пламянь? Вы рцѣте ми, не то ли, егда пиете вино и медъ, или иное питие чрез сытость и наполняетеся и, то како мните внутрь себе имѣти, не яко от огня нѣкоего изгараеть? Тако бо родомъ хмель: съгрѣвая и распаляя вьнутрьняя, то бо есть убо душа погубьляяй пламяни. Пьяницѣ бо

царьствия Божия не приемлють, то не тако ли явѣ есть, яко всякъ пьяница погыбаеть, и от Бога отлучаются, и в негасимый вѣчный огнь посылаеми бывають, Азъ же, убо вѣру имете ми, ужасаюся, помышляя, како васъ бѣси ликують и Сотона во васъ играеть и красуеться пьяньству, во васъ чтему, яко нѣкоторого бога, всимъ имущимъ его; яко и дѣти ваша нудити покланятися пьяньству. И то мните праздникъ великъ, егда вси лежать, яко мертви от пьяньства, яко идоли уста имуше и не ходяще. Кто достойно васъ оплачеть, тако умильно от пьяньства гыбьнущимъ? Нѣсть человѣка оканьнее пьяницѣ: пьяница живота своего лишаеться, и тамъ сущаго здѣ живота паче умерлъ есть, и тамо живота не сподобится! А васъ мню услышати Господу глаголющю, яко «не пребудить Духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ», зане плоть суть, гдѣ бо суть духъ во пьяницахъ: дымъ прогонитъ пчелы, а пьяньство Святаго Духа прогонить, пьяница всь плоть есть и всь страстехъ исполненъ; пьяница ничто же блага не помышляеть. Устрашаюся, вѣру имѣти ми, како святое крещение стужаетъ си пияньствомъ вашимъ, крещение бо на святыни почиваеть, а во пьяницѣ святыни отинудь нѣсть. Стужаю си, како паче Христа изволисте дьявола, празники бо его творите дьяволя. Егда бо упивается, тогда блудите, и играете, плищете, поете, пляшете, в сопѣли сопете, завидите, рано пьете, обьѣдаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гнѣваетеся, лаетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритеся, море вамъ до колѣна, смѣетеся, крадете, бьетеся, деретеся, праздновловите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитеся, укаряете, клеплете, — не по истиннѣ ли святое крещение стужитъ си пьяньством вашимъ? А и плясавица есть сатанина невѣста, супружница диавола, всѣмъ мужемъ тѣмъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаредно и своему мужу; образъ Божий нося, съ женою своею совокупитися во плясании, — аще и въ церковь въходите! Повѣдите ми, како убо вы Бога прославите? Повѣдите ми, яко пьяного смрадомъ отрыгающа, Богъ толма ненавидить, яко же мы пса мертва смердяща гнушаемся! Увы мнѣ! увы мнѣ! како сотвори Господь Богъ тако до дни, в няже не чаяхъ, яко вижу человѣки, чтуща дѣла сатанина — и не стыдящася о томъ, но и паче хвалящеся? Останите, братие, окаяннаго пьяньства, яко на веселие намъ Богъ питие далъ есть, и тожде в подобно время, а не пьяньство. Увы мнѣ! увы мнѣ! яко оставляете Бога сотворившаго васъ и прилѣпяетеся пияньству горше идолъ. Рцете ми, чимъ есте отложени от невѣрныхъ, аще до пьяньства упиваетеся? Они убо служать зданию, а медъ что есть, не здание ли Божие? И глаголете, яко тогда имамъ праздникъ честенъ, егда по многи дни упиваемся. Разумѣйте сами, что глаголите, яко оставльше праздникъ, а диаволу угождаете! Окамени бо душу вашу Сатана! Иже что много глаголю? Покайтеся, и лишитеся таковаго празднования, еже упиватися по праздникомъ, и плачитеся, кающеся о пьяньствѣ вашемъ, яко бо затворяетеся от небеснаго царьства пьяньства ради, аще же не покаетеся, ни останетеся таковаго творения, то мучими будете в бесконечныя вѣки в негасимомъ огни. Богу нашем слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПЕРЕВОД

ПОУЧЕНИЕ МОИСЕЯ О ЧРЕЗМЕРНОМ ИЗЛИШЕСТВЕ

Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну свое время и мера, желанию пищи и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности в женщине время и мера, — стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени — грех будет в душе, а в теле недуг. Рождается всякий недуг в человеческом теле из желчи. Желчь же свернется от чрезмерной еды и питья, и лежанья, и от женской ласки без меры и срока. Желчи же три в человеке: желта, зелена и черна; от желтой — горячка, зеленая даст лихорадку, от черной же — смерть, то есть кончина души; дьявол тогда возликует о гибели человека. Такого недуга Бог не создал, но сам в себе человек создает тот недуг непотребным поступком без меры и сам осуждает себя на мученье; и коль не покается, то не удержится он от того. А делал бы в нужное время и в меру, и был бы спасен. Пусть каждый, веры достойный, обычая держится так: желанию — время, а на избыток желанья узду налагать воздержания; если же будет желание впору, то делай что хочешь — но в меру, а не безмерно. Насколько больше нас кони, насколько быстрее нас пес, а каждый из этих животных, как видим, в еде и в питье пренебрегает обжорством: хоть не раз понуждаемы будут, не захочет сверх меры принять, — неужели коней тех мы хуже? Если видим: скотина завязла — не отвергаем ее; если же видим друга в постоянном шатанье — лишь посмеемся. Так не поступим же, братья, мы так, дабы не быть осужденным на муку: жизнь коротка, а мучение — долго и бесконечно для грешных.

СЛОВО МОИСЕЯ О ПРИСЯГАХ И КЛЯТВАХ

Пророк говорит: оттого закрылись небеса, не пуская дождь на землю, что люди клянутся Богом и его святыми, и друг друга понуждают на клятвы, и Церковь святую, невесту Христову, оскверняют присягой. Приведя, приносят в жертву сына на глазах матери. Слуги той матери и брата своего по крещенью святому и духу пьют кровь закланного сына той матери. И вот почему все силы небесные объяты ужасом, ведь Бог запрещает понуждать человека на присягу и клятву. Похожа на то и другая причина: жертву приносят языческим богам и болезни лечат колдовством и заклятьем; бессильного демона, называемого трясцей, изгоняют какими-то лживыми знаками; отверженных бесов языческих, на шарах их рисуя, помещают на священном столе во время святой литургии. И тогда содрогается в ужасе множество ангелов, и Бог потому, прогневясь, не пускает на землю дождь, что не велит Бог

болезни лечить колдовством и заклятьем, ни бесов просить — на охоту идя, или торгуя, или на царскую милость надеясь. Беда христианам, так поступающим, и мученье страшнее языческого, если того не оставят и не покаются! Ибо век этот короток, а мука долга и бесконечна.

СЛОВО МУДРОГО ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО

Приблизьтесь все вместе, мужи и жены, церковные и светские, монахи и попы, богатые и бедные, местные и чужеземцы, соберитесь и послушайте меня, хоть я и не пастырь ваш и не знаю, как начать. Ибо всего лишь я нахожусь рядом с пастырем и вместо пастыря оставлен вам я, но ничего для вас вредного не совершу, хоть вижу всех убиваемых и на землю несчастную падающих — и спешу на помощь. Ибо если оберегает милосердие Божье — воскреснут и мертвые, и Бог в них восславится, но если раб действительно любит своего господина, то, видя его в позоре, в пренебрежении, не сочувствует ли он сердцем? И, если другого ничего не может сделать, не выкажет ли он свою поспешность в том, что не сможет видеть столько унижений и бесславья своего господина? Вы же все, сколько вас есть, душу имеете человеческую и еще не совсем звероподобны: если видит, чей дом огнем занимается и когда он совсем уже гибнет, не со рвением ли обеими руками поднимется и спешит, стараясь загасить огонь и пламя? Как же я, не один лишь дом видя, но весь город, не только город, но и окрестности его горящими, полностью сожженными, и не как от огня дерево, но от пламени погибающих, — то не восскорблю ли душою и, насколько есть силы во мне, не попытаюсь ли загасить пламя? Что же это за пламень? Скажите вы мне: не тот ли, которым вы наполняетесь, когда пьете вино и мед или иные напитки безмерно, так что будто от злого огня выгораете? Таков по рождению хмель: согревает и разжигает нутро, как будто душу уничтожающее пламя. Пьяницы ведь царства Божьего не получат — и не так ли уж ясно, что всякий пьяница погибает: и от Бога они отгоняются, и в негасимый вечный огонь посылаемы. Я же, поверьте мне, ужасаюсь, раздумывая, как в вас бесы ликуют и Сатана торжествует в вас и радуется пьянству, чтимому вами; все будто богом неким захвачены им, и детям своим вы велите поклоняться пьянству. И тот лишь считает праздник славным, когда все лежат, будто мертвые спьяну, как идолы, — с разверстыми ртами, но языками безгласными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить. Кто по достоинству вас оплачет, столь горестно от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается — для загробной жизни он больше чем умер, но жизни и там не сподобится! О вас хотел бы услышать, как Бог говорит, что «не пребудет Дух мой в людях таких», — так как плоть лишь у пьяниц там, где должен быть дух; дым отгоняет пчел, а пьянство Духа Святого прогонит; пьяница — весь из плоти, весь пороков исполнен и нечистот, пьяница ни о каком благе не помышляет. Боюсь я, верьте мне, что крещенье угнетается вашим пьянством, ибо крещенье святое на святыне основано, в пьянице же святыни нет никакой. Я

рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему доставляете радость. Когда вы упьетесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, завидуете, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюете и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возноситесь, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеетесь, крадете, бьете, деретесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, поносите, — ну как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья женщина — сатанина невеста, супруга дьяволу: когда любой мужчина глядит на такую жену, для мужа ее непристойно то и бесстыдно; образ Божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! — и вы еще входите в церковь! Так скажите же мне, как вы Бога восславите? Ведь ясно, что пьяного, смрадом рыгающего, Бог так же не любит, как сами гнушаемся мертвого пса мы смердящего. Горе мне! горе мне! как допустил все это Господь Бог в дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса — и совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся! Прекратите, братья, проклятое пьянство, ибо на радость нам дал Бог напитки, а также в угодное время, а не на пьянство. Горе мне! горе мне! зачем Бога, создавшего вас, покидаете и предаетесь пьянству, которое идолов хуже? Скажите мне: чем отличаетесь вы от неверных, когда напиваетесь до опьянения? Они ведь служат созданию, а мед — что такое, не есть ли создание Божье? И говорите: «Тогда только праздник хорош, если на несколько дней мы упьемся!» Подумайте сами, что говорите: ведь, отвлекаясь от праздника, дьяволу вы угождаете! Как очерствил Сатана вашу душу! Но зачем так много я говорю? Покайтесь! откажитесь от такого веселья, что велит напиваться по праздникам, и восплачьте, каясь в ваших излишествах, не то затворится небесное царство. Если, покаясь, не оставите подобных поступков, то будут вас мучить бесконечное время в негасимом огне! Богу нашему слава и власть с Отцом и с Духом Святым и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО МОИСЕЯ ВЫДУБИЦКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

10 июля 1198 года была заложена, а 24 сентября того же года завершена и освящена подпорная стена, удерживавшая древний (заложенный еще отцом Владимира Мономаха) Михайловский собор на осыпающемся берегу Днепра. Строил стену известный мастер Милонег (Петр) на средства киевского князя Рюрика Ростиславича. В день открытия величественного сооружения игумен Выдубицкого монастыря (которому принадлежал собор) Моисей произнес торжественную речь, «Слово» (некоторые ученые считают, что это была кантата,

составленная Моисеем, но исполненная монашеским хором), восхваляя щедрость князя и отмечая важность постройки. Этой торжественной и красочной речью завершается Киевский летописный свод 1198 года, составителем которого считают того же Моисея. Ему же приписывают и некоторые другие древнерусские произведения, но публикуемое Слово, несомненно, является самым ярким образцом его творчества и вместе с тем выдающимся произведением этого жанра вообще.

Слово игумена Моисея печатается по тексту Ипатьевской летописи под 1199 годом в издании: ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908, с. 712—715.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЧАХЪ

Дивна днесь видиста очи наши, мнози бо, преже насъ бывшеи, желаше видити, яже мы видихомъ — и не вѣдѣша и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ княжениемь! Не токмо ибо отялъ еси уничижения наша, но и со славою приятъ ны, поставивъ на пространѣ нозѣ рабъ твоихъ. Мы же, смирении, что воздамъ ти противу благодѣянию ти, яже твориши и створилъ еси к намъ? И самъ бо имъ не трѣбуеши, но точию воздыхания и молитвы о здравьи и о спасеньи твоемъ. Богъ же милости воздасть ти противу *трудомъ* твоимъ, и архистратигъ Михаилъ,[1] емуже еси послужилъ нелестно, но о Христѣ державно милосердуя и о всѣхъ. По обычаю благому и нашея грубости писание приими, акы даръ словесенъ — на похваление добродѣтели: во газъфулакию бо княжения твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица она двѣ мѣдницѣ, прочее на милость твою надѣющеся.

Слову ятися о Господѣ дерзаемъ, то же не от скудости нашего нищетоумья, но от дѣлъ твоихъ причту приобрѣтше. И со преподобнымъ Мефедьемь[2] глаголемь, днесь бо събытье божественыхъ словесъ его, яже положи въ своихъ ему написаниихъ вѣщая: «Малое небо, богомудрого душа, воистину повѣдающи славу Божию правостью вѣры, и словесы истѣньными, и дѣлы добрыми. Небеса бесловесное естьство суще, и сочювьствено, и самовластьно, но точью свѣтлостью солнца, и растѣниемь луны, украшениемь звѣздъ, и непременьно храняще уставы временемь Владычня повеления, повѣдають славу его». Яко же всимъ, добрѣ смотрящимъ Творца, о томъ похвалити добраго ради уряжения, здѣ же преболе *намъ* того о тобѣ является: словеса бо честьна, и дѣла благолюбна, и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо в рускыхъ концехъ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече. Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя, христолюбовная дѣла, ими же о всихъ Владыка твои славиться, да видѣвше бо вѣща еуаггелистъ: «Дѣла ваша добрая прославять Отца вашего, иже есть на небесѣхъ»[3]. От днесь бо мнозии боголюбци познаються, без лѣности тещи во слѣдъ тебе ревнующе,

обрѣтше тя проводника, яко Моисѣа[4], новыи сии Израиль изводящаго из работы немилосердья и от мрака скупости. Отселѣ бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего создания, пою ти пѣснь побѣдную, аки Мариамъ древле[5]. Днесь, по Исаи[6], «понавляються острови», а рекуть праведныхъ душа, видяще поновление честьнаго храма Господня утвержениемь твоимъ о Господѣ. Яко и при *Зороавели*[7] свобожьшеися от вавилоньска нечаяния, днесь и множьство вѣрных кыянъ, и населники ихъ болше потщание и любовь ко архистратигу Господню имѣти начинають и не токъмо ради спасения своего, но и новаго ради чюдеси, иже во дня царства твоего свѣршися. Утверждающе бо *неподвижно* нозѣ свои на удобренемь ти зданьи и очима си любезно смотряши, отвсюду веселие души привлачаще, и мняться яко аера достигше, а тако любовью отходять, похваляюще богомудрество твое. Блажении же, не видивше, но вѣрующе, радуються, якоже вѣща Соломонъ: «Похваляему правѣдному веселяться людье»[8]. Днесь *отъяшася* от многъ сердець помышления суетьная и глаголи маловѣрнии — овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена есть церкви от небесе, и тѣмь же утверждена, а ови, яко поступаеть церкви в монастырь, инако же мнози, — и ни от единѣхъ же бѣ помощи истѣньны утѣшению, дондеже *придеть*, ему же щадено бысть благодать и милость во преподобьныхъ его и посѣщение во избраныхъ его. Еще же и мы долъжнии ти милостивници, нашь присныи господине, единомысльно суще ко избраньному сему мѣсту надѣемься, не *забытно* жажюще от тебе милости, якоже елень на источникы водныя. И Богъ милости и Отець щедротамъ, и любы единочадаго Сына его, и причастье Святаго Духа да будеть съ царьствомъ твоимъ, купь съ любыми тобою. Архистратигъ Михаилъ, покрываи храня кропомъ крилу твоею, нынѣ и присно, и въ будущия вѣкы, аминъ.

---

[1] *...милости воздасть ...и архистратигъ Михаилъ...* — поскольку опорная стена укрепляла храм, посвященный святому архангелу Михаилу — патрону князя, строившего его.

[2] *...со преподобнымъ Мефедьемъ...* — Речь идет о почитаемом за свои пророческие писания Мефодии Патарском (выписки из его сочинений содержатся и в Повести временных лет).

[3] *«Дѣла ваша добрая прославять Отца вашего, иже есть на небесѣхъ»* — Ср. Мф. 5. 16.

[4] *..яко Моисѣа...* — В библейской книге Исход рассказывается об уходе евреев из египетского плена под водительством Моисея.

[5] *...аки Мариамъ древле.* — В библейской книге Исход рассказывается о благодарственной песне пророчицы Мариам и других женщин в честь

Бога, утопившего войско фараона, когда оно преследовало уходивших из египетского плена евреев.

[6] *...по Исаи...* — В Книге Пророка Исайи Бог говорит о своей власти реки превратить в острова, а озера — иссушить.

[7] *Яко и при Зороавели...* — Правитель Иудеи Зоровавель по голосу Бога приступил к обновлению Иерусалимского храма после вавилонского плена.

[8] *«Похваляему правѣдному веселяться людъе».* — В Псалтыри, 63, 11, сказано: «А праведник возвеселится о Господе и будет уповать на него; и похвалятся все правые сердцем».

ПЕРЕВОД

СЛОВО ИГУМЕНА О ПОСТРОЕНИИ СТЕНЫ В ВЫДУБИЦАХ

Дивное сегодня увидели очи наши; столь многие, прежде нас жившие, желали бы видеть то, что увидели мы, — и не видели, и даже слышать не пришлось им о том, что нам Бог даровал княженьем твоим! Ибо не только не отринул ты ничтожества наши, но и со славой нас принял, по свободной стезе направив рабов твоих. Мы же, смиренные, чем воздадим тебе в ответ на благодеянье твое, которое ты творишь и уже сотворил нам? Ибо сам ничего не требуешь ты, — но лишь воздыханья и молитвы о здравье и о спасенье твоем. Бог тебе милость воздаст по заботам твоим, и архистратиг Михаил, которому ты послужил непритворно, о Христе державно заботясь и обо всех. По благому обычаю и невежества нашего слово прими как словесный подарок — на похвалу добродетели, ибо в сокровищницу твоего правленья любовь и желанье вложим, как та вдовица — две медных монеты, в остальном надеясь на снисхожденье твое!

Словом коснуться Бога дерзаем — не от скудости нищего нашего разума, но делами твоими себе пример получив. И с преподобным Мефодием скажем (ибо сейчас — исполненье святых его слов, что начертал он, в своих предписаньях вещая): «Малое небо, душа богомудрого, величие Бога всегда раскрывает достоинством веры, истинным словом и добрым деяньем. Небеса бессловесны по сути своей, не ощутимы, свободны — но только сиянием солнца, измененьем луны, красотою звезд и незыблемой точностью времени по Божьему слову раскрывают величье его». Как всем, глубоко познающим Творца, хочется славить чудесное то устроенье, так и здесь о тебе нам больше того является: потому что достойное слово, и боголюбивое дело, и свободная сила, устремленные к Богу, величием выше небесных звезд, не только в русских пределах известны, но и тем, кто в море далече! По всем сторонам разошлись, по пророку, мирные в Боге слова твои и дела

благочестья, которыми всюду Владыка твой славится, ибо увидев, возвестил евангелист: «Дела ваши добрые прославят Отца вашего, который на небесах». Отныне все христолюбцы познаются в том, что ревностно устремятся вслед за тобой, вождя признавая в тебе, как Моисея, новый народ Израиль изводящего из рабства, жестокости и из мрака скупости. Ибо теперь, не на берег став, но на стену, тобою построенную, пою тебе славу победную, как некогда Мариам. Ныне, по слову Исайи, «острова создаются», а праведных души ликуют, видя обновленье священного храма Господня твоим укрепленьем о Господе! Как и при Зоровавели освобожденные от вавилонского плена, так и сегодня многие из киевлян благоверных и жителей местных сильнее стремленье и любовь к архистратигу Господню нести начинают — не только ради спасенья души, но и из-за чуда, что в правленье твое совершилось: твердо ноги свои утверждая на укрепленной тобою подпоре и очами с весельем взирая, душой насыщаются миром окрест, и кажется им, будто неба достигли, и так, в умиленье, уходят, восславляя твое богомыслье. А блаженные, даже не видев, но, веруя, радуются, как сказал о том Соломон: «Радуются люди, когда хвалят праведного!» Сегодня отъяты из многих сердец помышления суетные и слова маловерия — ведь те говорили, что золотым волоском привязан наш храм к небесам и на то опирается, а другие — что вдвигается он в монастырь, и по-разному многие, — но ни от кого действительно не было помощи, пока не пришел тот, кому уже приготовлены милость и благодать среди, как и он, добродетельных, и проявление благости средь избранных, как и он. Мы также в долгу пред тобой, богомольцы, к нам наш господин подоспевший! Единой душой уповая на это священное место, всегда ожидали всех благ от тебя, как олень — источников водных. И милостивый Бог, наш щедрый Отец, и любовь единородного Сына его, и причастие Духа Святого — да будут в правленье твое вместе с твоими близкими! Архистратиг Михаил да охранит тебя, покрывая крылами своими — ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Подготовка текста Л. А. Ольшевской, перевод Л. А. Дмитриева, комментарии Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшевской

ВСТУПЛЕНИЕ

Киево-Печерский патерик — первый и самый известный из оригинальных русских патериков. Это сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре, основанном в середине XI века, и его подвижниках.

История формирования памятника относится к первой трети XIII века, когда возникла «переписка» между владимиро-суздальским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом. Поводом послужило

неиноческое поведение Поликарпа, добивавшегося высокой церковной должности. К посланию, где Симон обличал Поликарпа в честолюбии, он приложил девять рассказов о жизни печерских святых, чтобы дать наглядные примеры истинного монашества и доказать мысль о богоизбранности Киево-Печерского монастыря. Собирание и литературную обработку монастырского эпоса Симон вел давно. До послания к Поликарпу им, постриженником Киево-Печерского монастыря, была описана история создания печерского Успенского собора. Поликарп продолжает дело, начатое Симоном, его духовным учителем и, возможно, родственником. Он пишет послание игумену Печерского монастыря Акиндину, сопровождая его одиннадцатью рассказами о святых. В XIII же веке к произведениям Симона и Поликарпа было присоединено Слово о первых черноризцах печерских, имеющее летописное происхождение и патериковую форму. Объединение всех этих текстов создало древнее ядро Киево-Печерского патерика. Структура Патерика отличалась незамкнутостью и подвижностью, с течением времени границы монастырской «агиографической летописи» были значительно раздвинуты путем введения текстов, родственных в тематическом и жанровом отношении первооснове памятника. В первоначальном виде Патерик до нас не дошел, его состав был реконструирован А. А. Шахматовым и Д. И. Абрамовичем.

Древнейшая из дошедших до нас датированных редакций Патерика была создана по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 году и включала в свой состав тексты, сначала существовавшие как литературный «конвой» Патерика, — Житие Феодосия Печерского и похвалу святому, летописное сказание об основании монастыря.

Как литературный сборник особого состава, имеющий свою «программу» изложения материала (оглавление), определенный принцип организации произведения, традиционную концовку, Патерик сложился к 60-м годам XV века, когда в стенах Киево-Печерского монастыря были созданы первая и вторая Кассиановские редакции памятника. Вторая Кассиановская редакция Патерика, выполненная печерским монахом Кассианом в 1462 году, получила наибольшее распространение в письмениости Древней Руси и легла в основу всех дальнейших переработок этого памятника.

В XVII веке центром редакторской работы над Патериком стал Киев, что объясняется обострением борьбы между православием и католичеством, движением за национальную независимость Украины. В это время были канонизированы печерские святые, рассказы о которых читаются в Патерике. Самая известная из многочисленных рукописных и печатных редакций памятника, созданных в XVII веке, была выполнена по «повелению и благословению» Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерского монастыря, и опубликована в 1661 году. В ней патериковый материал делится на три авторских цикла и сопровождается биографиями Нестора, Поликарпа и Симона.

Количество списков Патерика (к настоящему времени их известно около 200), пометы на полях сборников, принадлежащие читателям и

переписчикам, говорят о том, что произведение являлось популярной четьей книгой Древней Руси. Повествуя о славном прошлом монастыря, Патерик в страшные годы монголо-татарского ига, феодальных «котор» и государственных «нестроений» будил патриотический дух русского народа.

Некоторые сюжеты и мотивы Киево-Печерского патерика восходят к произведениям переводной житийной литературы, к библейско-евангельской традиции, однако это не лишает памятник яркой самобытности. Все рассказы Патерика остросюжетны, элемент чудесного в них носит сказочный характер. Они не только иллюстрируют ту или иную христианскую добродетель, показывают подвиги монахов во славу христианской веры, но и воссоздают картины реальной жизни монастыря и Киева той эпохи, реальных взаимоотношений между монахами, между монастырем и миром. Из патериковых рассказов мы узнаем, как монастырь рос, богател, влиял на политику князей, какой трудной была для монаха, отрекшегося от мира и посвятившего себя служению Богу, борьба с живыми человеческими страстями. Основной конфликт в патериковых рассказах определяется не только столкновениями печерских монахов с иноверцами, но и их выступлениями против отрицательных явлений монастырского быта, самоуправства и корыстолюбия князей.

Киево-Печерский патерик оказал определяющее влияние на развитие жанра «патерика» в древнерусской литературе: под его воздействием складываются Волоколамский, Псково-Печерский, Соловецкий патерики.

Текст Киево-Печерского патерика публикуется по списку конца XV — начала XVI века второй Кассиановской редакции (ркп. РГБ, собр. Румянцева, № 305). Утраченные части текста восстановлены по списку, близкому к первому по времени создания и одной с ним редакции (ркп. РГАДА, собр. Оболенского, № 69). Внесены исправления в основной текст по данным других списков и редакций (приведены в изданиях Патерика Д. И. Абрамовича 1911 и 1931 года). В тексте настоящего издания Киево-Печерского патерика опущено 8-е «слово» — Житие Феодосия Печерского, написанное Нестором, так как оно включено в первый том «Библиотеки литературы Древней Руси».

ОРИГИНАЛ

ПАТОРИК[1] ПЕЧЕРЬСКЫЙ, ИЖЕ О СЪЗДАНИИ ЦЕРКИ, ДА РАЗУМѢЮТЬ ВСИ, ЯКО САМОГО ГОСПОДА БОГА ПРОМЫСЛОМЬ И ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТЫ МАТЕРЕ МОЛИТВОЮ И ХОТѢНИЕМЬ СЪЗДАСЯ И СЪВРЬШИСИ БОГОЛѢПНАА И НЕБЕСНОПОДОБНАА ВЕЛИКАА ЦЕРЬКИ БОГОРОДИЦИНА ПЕЧЕРЬСКАА,[2] АРХИМАНДРИТИА[3] ВСЕА РУСКЫА ЗЕМЛЯ, ЕЖЕ ЕСТЬ ЛАВРА[4] СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ[5]

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК САМОГО ГОСПОДА БОГА ПРОМЫСЛОМ И

ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ, АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

СЛОВО 1

Благослови, *отче*.

Бысть в земли Варяжской княз Африканъ, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златы *луды*, биася плъком по Ярославѣ с лютымь Мьстиславом. И сему Африкану бяху два сына — Фриадъ и Шимон.[6] По смерти же отцю ею изъгна Якунъ обою брату от области ею. Прииде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу;[7] его же приимь, въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него; приа же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любвии его къ святому тому мѣсту.

При благовѣрномь и великом князи Изяславѣ в Киевѣ половцем ратию пришедшимъ на Рускую землю в лѣто 6576, и изыдоша сие трие Ярославичи въ сретение им: Изяславъ, Святославь и Всеволод,[8] имый съ собою и сего Шимона. Пришедшим же им к великому и святому Антонию[9] молитвы ради и благословениа, старець же отвръзъ неложнаа своа уста и хотящую имъ быти погыбель ясно исповедаше. Сий же варягъ пад на ногу старцу и моляшеся съхранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженны же рече тому: «О чадо, яко мнози падут *остриeм* меча, и бежащимь вамь от супостат ваших, попрани и язвени будете и в *водѣ* истопитеся; ты же, спасень бывь, зде имаеши *положенъ* быти в хотящей *създатися* церкви».

Бывшим же имь на-Лтѣ, съступишася плъци обои, и Божиимь гнѣвом побѣжени бысть христиане, и бѣжащим имь, *убьени* быша и воеводы съ множеством вои, егдаже съступишася. Ту же и Шимонъ лежаше язвен посрѣдѣ их. Възърѣв же горѣ на небо, и видѣ церковь превелику, якоже прежде видѣ на мори, и въспомяну глаголы Спасовы, и рече: «Господи! Избави мя от горкиа сиа смерти молитвами пречистыа твоеа Матере и преподобную отцу Антониа и Феодосиа!» И ту абие нѣкаа сила изъят его из среды мертвых, и абие исцѣлѣ от ранъ и вся своа обрѣтѣ цѣлы и здравы.

Пакы възвратися к великому Антонию, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: «Отець мой Африканъ съдѣла крестъ и на немь изообрази богомужное подобие Христово написаниемь вапным, новъ дѣло, якоже латина чтут, велик дѣломь, яко 10 лакот.[10] И сему честь творя, отець мой възложи поясъ о чреслѣх его, имущь *вѣса* 50 гривенъ[11] злата, и венець злат на главу его. Егда же изгна мя Якунъ, стрый мой, от области моеа, азъ же взях поясъ съ Иисуса и венець съ главы его и слышах глас от образа; обратився ко мнѣ и рече ми: “Никакоже, человѣче, сего възложи на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣже зиждется церковь Матере моея от преподобнаго Феодосиа, и тому в руцѣ вдаждь, да обѣсит над жрътовникомъ моим”. Аз же от страха *падохся*, оцепнѣвь, лежах акы мертвъ; и въстав, скоро внидох в корабль.

И пловущимь намь, бысть буря велиа, яко всѣмь намь отчяятись живота своего, и начях въпити: “Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погыбаю, понеже изъяхъ от честнаго твоего и *человѣкоподобнаго* образа!” И се видѣх церковь горѣ и помышляхомь, каа си есть церковь? И бых свыше глас к намь, глаголяй: “*Еже* хощет създатися от преподобнаго въ имя Божиа Матере, в нейже и ты имаши положенъ быти”. И якоже видѣхомь величествомь и высотою, размѣривь поясомь тѣмь златымь, 20 лактей в ширину и 30 — в долину и 30 — в высоту стѣны, с верхомь — 50. Мы же вси прославихомь Бога и утѣшихомся радостию великою зѣло, избывше гръкыа смерти. Се же и донынѣ не свѣдя, гдѣ хощет създатися показаннаа ми церкви на *мори* и на-Лтѣ, и уже ми при смерти сущу, дондеже слышах от твоихъ честныхъ устенъ, яко здѣ ми положену быти, в хотящей създати церкви». И иземь, дасть пояс съ златы и глаголя: «Се мѣра и основание, сий же вѣнець да обѣшенъ будет надъ святою трапезою».

Старець же похвали Бога о семь, рекь варягови: «Чадо, отселе не наречется имя твое Шимонъ, но Симонъ будет имя твое». Призвав же Антоний блаженнаго Феодосиа, рече: «Симоне, сий хощет въздвигнути таковую церьковь», и дасть ему поясъ и венець. И оттоле великую любовь имяше къ святому Феодосию, подавь ему имѣниа многа на възграждение монастырю.

Нѣкогда же сему Симонови пришедшу къ блаженному и по обычней бесѣде рече ко святому: «Отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосий же рече к нему: «О чядо, что просит твое величьство от нашего смирениа?» Симонъ же рече: «Велика же паче и выше моеа силы требую азъ от тебе дара». Феодосий же рече: «Съвеси, чадо, убожьство наше, иже иногда многажды и хлѣбу не обрѣстися въ дневную пищу, иного же не свѣмь, что имѣю». Симонъ же глагола: «Аще хощеши подаси ми, можеши бо по даннѣй ти благодати от Бога, еже именова тя преподобным. Егда бо снимах вѣнець с главы Иисусовы, той ми рече:

“Неси на уготованное мѣсто и вдаждь в руцѣ преподобному, иже зижет церковь Матере моеа”. И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословит мя душа твоа якоже в животѣ, тако и по смерти твоей и моей». И отвѣща святый: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя, отходяща отсуду, свѣта сего, и по моемь отшествии сию церковь устроенну, и уставы преданныа съвръшатся в той, извѣстно ти буди, яко имам дрързновение къ Богу; нынѣ же не съвѣмь, аще приата ми есть молитва».

Симонъ же рече: «От Господа свѣдѣтельствованъ еси, сам бо от пречистыхь устъ святого его образа слышахь о тебѣ, и сего ради молю ти ся, якоже о чрънорисцѣх, тако и о мнѣ, грѣшнемь, помолися, и о сыну моемь Георгии, и до послѣднихь рода моего». Святый же яко обещася и рече: «Не о сихь единехь молю, но и о любящих мѣсто сие святое мене ради». Тогда Симонъ поклонися до земля и рече: «Не изыду от тебе, отче, аще написанием не извѣстиши ми».

Принужен же бывь любве его ради преподобный, и пишет тако, глаголя: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа», иже и донынѣ влагаются умершему в руку таковую молитву. И оттоле утвердися таковое написание пологати умерьшимь, прѣжде бо сего инъ не сотвори сицевыа вещи в Руси. Пишет же и сие въ молитвѣ: «Помяни мя, Господи, егда приидеши въ царствии си и въздати хотя комуждо по дѣлом его, тогда убо, Владыко, и раба своего Симона и Георгиа сподоби одесную тебе стати въ славе твоей и слышати благы твой глас: “Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира”».[12]

И рече Симонъ: «Рцы же и к симь, отче, и да отпустятся грѣси родителма моима и ближним моимь». Феодосий же въздвигъ руци свои и рече: «Да благословить тя Господь от Сиона, и узрите благаа Иерусалиму вся дьни живота вашего и до послѣднихь рода вашего!»[13] Симон же приимь молитву и благословение от святого, яко нѣкы бисер многоценный и дарь. Иже прежде бывь варягь, и нынѣ же благодатию Христовою христианъ, наученъ бывь святымь отцемъ нашимь Феодосиемъ; оставивь латиньскую буесть и истиннѣ вѣровавъ въ Господа нашего Иисуса Христа и со всѣмь домомь своимь, яко до 3000 душь, и со ерѣи своими, чюдесъ ради бывающих от *святою* Антониа и Феодосиа. И сий убо Симонъ пръвый положенъ бысть в той церкы.

Оттоле сынъ его Георгий велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту. И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сий Георгий, дасть же ему и сына своего Георгиа. По лѣтех же мнозѣх сѣдѣ

Георгий Владимерович в Киевѣ;[14] тысяцькому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую.

О ПРИШЕСТВИИ МАСТЕРОВЬ ЦЕРЬКОВЬНЫХ ОТ ЦАРЯГРАДА КЪ *АНТОНИЮ* И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И се вы, братие, скажу ино дивно и преславно чюдо о той богоизбраннѣй церкви Богородичинѣ.

Приидоша от Царяграда мастери церковнии, четыре мужие богати велми, въ печеру к великому Антонию и Феодосию, глаголяще: «Гдѣ хощета начати церковь?» Она же къ нимь рѣста: «Идѣже Господь мѣсто наречет». Сии же рѣста: «Аще смерть себѣ проповѣдасте, мѣста ли не назнаменавше, толикое злато вдавше намь?» Антоний же и Феодосие призвавше всю братию и въспросиста грек, глаголюще: «Скажите истинну, что се бысть?»

Сии же мастеры рѣста: «Намь спящимь в домѣхъ наших, рано въсходящу солнцю, приидоша къ комуждо нас *благообразнии* скопци, глаголюще: “Зовет вы царица Влахерну”.[15] И нам же идущим, пояхомь съ собою другыи и южикы своа, и обретохомся равно вси пришедше къ царици, и стязавшеся, едину рѣчь царицину слышавше, и едини зватаеве быша у нас. И видѣхомь царицю и множество вои от ней, поклонихомся ей, и та рече к намь: “Хощу церковь възградити себѣ в Руси, в Киевѣ, велю же вамь, да возмѣта злата собѣ на 3 лѣта”. Мы же, поклонившеся, рѣхомь: “О госпоже царице! В чюжу страну отсылаеши нас, къ кому тамо приидемь?” Она же рече: «Сию посылаю *ко Антонию и Феодосию*». Мы же рехомь: “Почто, госпоже, на 3 лѣта злата даеши намь? Сима прикажи о нас, что есть намь на пищу вся потребнаа, сама же веси, чимь насъ даръствовати”. Царица же рече: «Сий Антоний, точию благословивъ, отходит свѣта сего на вѣчный, а сий Феодосий въ 2 лѣто по нем идет къ Богу. Вы же возмѣте до избытка вашего злата, а еже почтити васъ, тако не может никтоже: дамь вамь, еже ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде. Прииду же и сама видѣти церквии и в ней хощу жити». Вда же намь и мощи святыхь мученикь: Артемиа и Полиекта, Леоньтиа и Акакиа, Арефы, Иакова, Феодора, рекши нам: “Сиа положите во основании”.[16] Взяхомь же злато и лише потребы. И рече к намь: “Изыдете наясно и видите величество”. И видѣхом церковь на въздусе, и, вьшедше, поклонихомся ей, и въспросихомь: “О госпоже царице, каково имя церкви?” Она же рече яко: “Имя себѣ хощу нарещи”. Мы же не смѣхом еа воспросити: “Како ти есть имя?” Сии же рече: “Богородичина будет церьки”, и дасть ти намь сию икону. “Та намѣстнаа, — рече, — да будет”.[17] Ей же поклонившеся, изыдохом в домы своа, носяще и сию икону, юже приахомь от руку Царицину».

И тогда вси прославиша Бога и того рождьшую. И отвѣща Антоний: «О чада, мы николиже исходихомь от мѣста сего». Грѣци же съ клятвою рѣша яко: «От вашею руку злато взяхомь пред многыми свидетели, но и до корабля с теми ваю проводихомь, и по ваю отшествии мѣсяць единь пребывше, пути ся яхомь; и се есть день десяты, отнележе изыдохомь от Цариграда. Въспросихомь же Царица величества церкве, и та рече намь: “Мѣру убо послах пояс Сына моего, по повелѣнию того”».

И отвѣща Антоний: «О чада, велики благодати Христос сподобилъ васъ, яко того воли съвръшители есте. Суть же вас звавшеи они благообразнии скопци — пресвятии аггели, а еже Влахернѣ царици — сама чювьствѣннѣ явившися вамь пресвятаа, чистаа и непорочнаа владычице нашеи Богородице и приснодевице *Мариа, еже* о той вои предстоаще суть бесплотнии аггельскыа силы. Наю подобии, дание вамь злата — Бог вѣсть, якоже самь сътвори и изволи о своею рабу. Благословенъ приход вашь, и добру спутницу имѣете, сию честную икону Госпожину, и та отдасть вамь, якоже обѣщася, еже ни ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде: тогоже *никтоже* может дати, развии тоа и сына еа, Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа, егоже поясъ и венець от варягъ принесенъ бысть, и мѣра сказася широты и долготы и высота тоа пречестныа церкве, гласу таковому съ небеси пришедшу от велелѣпныа славы».

Грѣци же поклонишася съ страхом святым и рѣша: «Гдѣ мѣсто таковое, да видимь?» Антоний же рече: «3 дни прѣбудем молящеся, и Господь явить нам». И в ту нощь, молящуся ему, явися ему Господь, глаголя: «Обрѣл еси благодать предо мною». Антони же рече: «Господи, аще обретох благодать прѣд тобою, да будет по всей земли роса, а на мѣсте, идѣже волиши освятити, да будет суша». Заутра же обрѣтоша сухо мѣсто, идѣже нынѣ церьки есть, а по всей земли роса. Въ другую же нощь, тако помолящеся, рече: «Да будет по всей земли суша, а на мѣсте святѣмь роса». И шедше, обретоша тако. Въ 3-й же день, ставше на мѣсте том, помолящеся и благословивъ мѣсто, и измѣриша златымь поясомь широту и долготу. И въздвигъ руцѣ на небо Антоний, и рече великым гласом: «Послушай мене, Господи, днесь послушай мене *огнем*, да разумѣют вси, яко ты еси хотяй сему». И абие спаде огнь съ небеси и пожже вся древа и трьние, и росу полиза, долину сътвори, якоже рвомь подобно. Сущии же съ святыма от страха падоша яко мертвии. И оттуду начатокъ тоа Божественныа церкви.

О ЕЖЕ КОГДА ОСНОВАНА БЫСТЬ ЦЕРКВИ ПЕЧЕРСКАА. СЛОВО 3

Основана же бысть Божественаа сиа церьки Богородичина в лѣте 6581. В дни благовѣрного князя *Святослава*, сына Ярославля,[18] начя здатися церкви сиа, иже своима рукама начя ровь копати. Христолюбивы князь Святославь вдажь 100 гривенъ злата в помощь блаженному и мѣру положше златымь поасомь по оному гласу, еже от небесъ слышанный на мори. Въ Житии бо святого Антониа[19] се пространнѣе обрящеши. В Феодосиевѣ Житии[20] всем явлена суть, како столпъ огненъ явися от земля до небесъ, овогда же облакъ, иногда же яко дуга от връха оноа церьки на сие мѣсто, многажды же и иконѣ прѣходити, аггеломь ту носящимь, на хотящее быти мѣсто.

Что сего, братие, чюднѣе? Прошед убо книги Ветхаго и Новаго закона, нигдѣже убо таковых чюдес обращеши о святыхъ церквахъ, якоже о сей: от варягъ и от самого Господа нашего Иисуса Христа и честнаго его и божественнаго и человѣкообразнаго подобиа — и святыа главы Христовы вѣнець, и богозвучный гласъ слышахом от Христова подобиа, нести велящь на уготованное мѣсто и того поасомь измѣрити по небесному гласу, иже видена бысть прежде начатиа. Такожде и от Грекь иконѣ пришедши с мастеры, и мощи святыхь мученикъ подо всѣми стенами положены быша, идѣже и сами написаны суть над мощми по стѣнамь.

Должно же есть похвалити прежде отшедших благовѣрных князий, и христолюбивых болярь, и честных мнихь, и всѣх христианъ православных. Блаженъ и треблажен сподобивыся в той положен быти, велики благодати и милости от Господа достоинъ бысть молитвами святыа Богородица и всѣх святых. Блаженъ и треблаженъ сподобивыйся в той написанъ быти, яко оставление грѣховь приимет и мздыи небесныа не погрѣшит. «Радуйтеся бо, — рече, — и веселитеся, яко имена ваша суть написана на небесѣх»[21] — церкви бо си Богови люблеши небеси. И того рожьдшиа изволи сию съдѣлати, якоже обѣщася Влахернѣ мастером, си рекши: «Иду видѣти церьки, в ней хощу жити». Добро убо, зѣло добростою въдворитися во святѣй еа и въ божественѣй церьки, и какоа славы и похвалы улучити положеный в той и написаный в ней въ животныа книгы,[22] еже прѣд тоа очима поминаему быти всегда.

И се вы, възлюбленнии, приложу слово на утвержение ваше. Что сего злѣе, еже таковаго свѣта отпасти и тму любити, и себе измѣтати богонареченныа церкве, еже оставити Богомь създанную и искати человѣки сотворенныа от насилиа и граблениа, еже та сама вьпиеть на создавшаго ю. Сея же зижитель, и хитрець, и художникъ, и творець — Богъ, иже огнемь Божества своего попали вещи тлѣнныа, древеса же и горы путь равнаа дому Матере своеа на преселение рабомъ своим. Разумѣйте, братиа, основание, начало еа: и Отець свыше благословилъ росою, и столпомь огненымь, и облаком свѣтлым; Сынъ мѣру даровалъ

своего поаса, аще бо и древо бяше существом видимо, но Божиею силою одѣано есть; Святый же Духь огнемь невещественым яму ископа на въдружение корениа, и на семь камени съгради Господь церковь сию, и врата адова не удолѣют еи.[23] Что же и Богородице: на 3 лѣта злата даеть мастеромь и своего пречестнаго образа икону даровавши и ту намѣстницу постави, от неа же чюдеса многа сотворяются и донынѣ.

О ПРИШЕСТВИ ПИСЦЕВЪ ЦЕРКОВНЫХ КО ИГУМЕНУ *НИКОНУ*[24] *ОТ ЦАРЯГРАДА. СЛОВО 4*

И се дивное чюдо, еже сказаю вамь. Приидоша того же богохранимаго Констянтина-града къ игумену Никону писци иконнии, глаголюще сице: «Постави рядца наша, хощеве ся истязати: намь показаша церковь малу, и тако урядихомся предо многыми свѣдетели, сиа же церьковь *велика* велми; и се ваше злато възмѣте, а мы идемь ко Цариграду». И отвѣща игуменъ: «Какови бяше деавшеи ряд с вами?» Писци же рѣша подобие и образь игумена Феодосия и Антониа. И рече имь игуменъ: «О чада, намь не мощно вамь явити тѣх, прежде бо 10 лѣт отъидоша свѣта сего, и суть непрестанно молящеся за ны, и неотступно хранят сию церковь, и соблюдают свой монастырь, и промышляют о живущих в нем».

И сиа слышавша грѣци, ужасни быша о отвѣте, приведоша же и инѣхь купець много, иже бѣша оттуду путешествовавше с тѣми, грѣци и обези. И глаголаху: «Пред сими ряд сотворихом, злато взяхомь от руку ею, и ты не хощеши намь явити ею. Аще ли преставилася еста, яви намь образъ ею, да и сии видят, аще та еста». Тогда игумень изнесе пред всѣми икона ея. Вѣдѣвши же грѣци и обези образъ ею, и поклонишася, глаголюще, яко: «Сии еста воистинну, и вѣруемь, яко жива еста и по смерти, и можета помогати, и спасати, и заступати прибѣгающих к нима». Вдаша же и мусию, иже бе принесли на продание, еюже святый олтарь устроиша.

Писци же начаша каатися своего съгрѣшениа. «Егда, — рече, — приидохомь в Каневь[25] в лодиах, и се видѣхомь церковь сию велику на высотѣ. Въпросихом же сущих с нами: “Каа си есть церкви?” И рѣша: “Печерьскаа, ей же вы есте писци”. Разгнѣвавши же сь, хотѣхом бежати внизъ. В ту же нощь бысть буря велика на рецѣ. Заутра же воставше, обрѣтохомся близь Треполя,[26] и лодиа сама идяше горѣ, аки нѣкаа сила влечаше. Мы же нуждею удръжахомь ю, и стоавше весь день, размышляюще, что се будет, яко толикь путь преидохомь единою нощию, не гребуще, еже съ трудомь едва треми деньми доходят друзии. Въ другую же нощь видѣхомь сию церковь и чюдную икону намѣстную, глаголюще нам: “Человѣци, что всуе мятетеся, не покоряющеся воли

Сына моего и моей; и аще мене преслушаетеся и бежати восхощете, вся вы воземъши и с лодиею поставлю в церьки моей. И се же да вѣсте, яко оттуду не изыдете, но ту в монастыри моемь, остригшися, живот свой скончяета, и азь вам дамь милость в будущем вѣцѣ строителю сею ради Антониа и Феодосиа”. Мы же, заутра въставше, хотѣхом бѣжати внизъ, и много трудившеся, гребуще, а лодиа горѣ идяше противу. Мы же, повинувшеся воли и силѣ Божии, дахомся, и скоро под монастыремь сама лодиа приста».

Тогда купно вси черноризци и грѣкы, мастери же и писци, прославиша великого Бога, и того пречистыа Матере чюдную икону, и святаа отца Антониа и Феодосиа. И тако обои живот свой скончаша в Печерьскомь монастырѣ, мастеры же и писци, во мнишескомь житии, и суть положени въ своем притворѣ; суть же и нынѣ свиты ихъ на полатах и книгы их грѣческыа блюдомы в память чюдеси.

Егда же Стефанъ-игумень, демественикъ, из монастыря изгнанъ бысть и видѣвь преславнаа чюдеса, како мастеры приидоша, и икону носяще, и Царицино видѣние, еже Влахернѣ, повѣдаша, и сего ради самь Влахерньскую церковь на Кловѣ създа.[27] Благовѣрный же князь Владимеръ Всеволодичь Монамах,[28] юнъ сый, и самовидець бывь тому дивному чюдеси, егда огнь съ небеси спаде и выгори яма, идѣже основание церковное положися поасомь. И се слышаша по всѣй земли *Руской*. Сего же ради Всеволодъ съ сыном своимь Володимеромь ис Переяслава приеха видѣти таковаго великого чюдеси. Тогда Владимеръ боленъ сый, и тѣмь поасомь златым обложенъ бысть, и ту абие здрав бысть молитвами святую отцю нашею Антониа и Феодосиа.

И во своемь княжении христолюбець Владимеръ, вземь мѣру божественыа тоа церкви Печерьскыа, всѣмь подобием създа церковь въ градѣ Ростовѣ: в высоту, и в ширину, и в долготу. И он писмя на хартии написавь, идѣже кииждо праздникъ в коемь мѣсте написанъ есть, сиа вся в чинъ и в подобие сотвори по образу великоа тоа церьки богоназнаменаныа. Сынъ же того, Георгий-князь, слыша от отца Владимира еже о той церкви съторися, и той во своемь княжении създа церковь в градѣ Суждалѣ в ту же мѣру, яже по лѣтех вся та распадошася,[29] сиа же едина Богородичина прѣбывает в вѣкы.

О ИОАННѢ И СЕРГИИ ЧЮДО ИЗРЯДНО В БОЖЕСТВЕНОЙ ПЕЧЕРЬСКОЙ ЦЕРЬКИ БЫСТЬ ПРЕД ЧЮДНОЮ ИКОНОЮ БОГОРОДИЧИНОЮ. СЛОВО 5

Быста два мужа нѣкаа от великых града того, друга себѣ, Иоаннь и Сергий. Сиа приидоста во церковь богонареченную и видѣста свѣт, паче сълнца, на иконѣ чюдней Богородичинѣй, и въ духовное братство приидоста.

По мнозѣх же лѣтех Иоанъ, разболѣвся, остави сына своего Захарию, 5 лѣт суща. И призва игумена Никона и раздаа все имѣние свое нищимь, и часть сыновну дасть Сергию: 1000 гривень сребра и 100 гривенъ злата. Предасть же и сына своего Захарию, юна суща, на съблюдение другу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавь тому, яко: «Егда возмужаеть сынъ мой, дайжде ему злато и сребро».

Бывшу же Захарии 15 лѣт, въсхотѣ взяти злато и сребро отца своего у Сергиа. Сий же, уязвенъ бывь от диавола, и мнѣвь приобрѣсти богатество, и хоте живот съ душею погубити, глаголеть юноши: «Отець твой все имѣние Богови издалъ, у того проси злата и сребра: тъ ти длъженъ есть, аще тя помилуеть. Азъ же не повиненъ есмь твоему отцу, ни тебѣ ни въ единомь златницѣ. Се ти сътворилъ отець твой своимь безумиемь, раздаа все свое в милостыню, тебе же нища и убога оставилъ».

Сиа же слыша, юноша начя плакатися своего лишениа. Посылает же юноша с молбою к Сергию, глаголя: «Дай же ми половину, а тебѣ половина». Сергий же жестокыми словесы укаряше отца его и того самого. Захариа же третиа части проси, таче десятыа. Видѣв же себе лишена всего, глаголеть Сергию: «Прииди и клени ми ся въ церькվии Печерьской прѣд чюдною иконою Богородичиною, идѣже и братство взя съ отцемь моим».

Сей же иде въ церьковь и ста пред иконою Богородичиною, отвѣща и кленыйся, яко не взях 1000 гривень сребра, ни 100 гривенъ злата; и хотѣ цѣловати икону, и не възможе приближитися ко иконѣ. И исходящу ему из двѣрий, начя въпити: «О святаа Антоние и Феодосие, не велита мене погубити аггелу сему немилостивому, молита же ся святей Богородици, да отженет от мене многиа бѣсы, имже есмь предан. Възмѣте же злато и сребро, запечатлѣнно в клити моей». И бысть страх на всѣх. И оттоле не дадяху клятися святою Богородицею никомуже.

Пославше же, взяша сосуд *запечатанъ* и обрѣтоша в немь 2000 гривенъ сребра и 200 гривенъ злата: та бо *усугуби*. Господь, отдатель милостивымь. Захариа же дасть все игумену Иоану,[30] да растрошит,

якоже хощет. Сам же постригся, скончя живот свой ту. *Симъ же златом и сребром поставлена бысть* церьки Святого Иоана Предтеча, удуже на полата въсходять, въ имя Иоанну болярину и сыновѣ его Захарии, еюже бысть злато и сребро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТѢЙ ТРАПЕЗѢ[31] И ОСВЯЩЕНИИ ТОА ВЕЛИКЫА ЦЕРЬКИ БОЖИА МАТЕРЕ. СЛОВО 6

Священа бысть церкви Печерьскаа в лѣто 6597, въ прьвое лѣто игуменьства Иоаннова. Не бысть же дъскыи каменныи на положение трапезѣ. И много убо поискавше, да будет съдѣлана трапеза камена, и не обретеся мастер ни единъ; древянѣ же досцѣ съдѣланѣ положиша. Иоан же митрополит[32] не въсхотѣ дрѣвянѣй трапезѣ быти в таковѣй велицѣ церкви, и сего ради игуменъ в велицѣй печяли бысть. И преиде нѣколико дней, не бывшу священию. В 13 же день августу внидоша иноци въ церковь, по обычаю, пѣти вечрьню, и видѣша у олтарныа ограды дьску каменну положену и стлъпци на устроение трапезѣ. И скоро въвъзвѣстиша митрополиту такую вещь. Он же похвали Бога и повѣлѣ быти священию вечернии.

Много же поискавше, откуду и ким принесена бысть таковаа дьска и како въ церковь внесена бысть, заключенѣ ей сущи. И всюду пытавше, по водѣ же и по суху, откуду привезена бысть, и никакоже обрѣтеся слѣд тѣх стопъ, възивших ю. Пославше же убо тамо, идѣже дѣлаются таковыа вещи, 3 гривны сребра, да тоа мастеръ възмет за свой труд. Заповѣди же всюду прошедши, и не бысть дѣлатель. Но хитрець и промышленикъ всѣх, Богъ, сътворивый и ту: дѣлавь, и положивь, и утвердивь рукама святительскыма на предложение своему пречистому телу и святѣй крови, изволив на той святѣй трапезѣ, юже самь дарова, за весь миръ по вся дни заклатися.

Въ утрий же день и приидоша с митрополитомь Иоанномь епископи: Иоань Черниговьскый и Исайа Ростовьской, Лука Белоградскый, Антоний Юрьевьскый,[33] никимже звании бывше, и обрѣтошася в чинъ священиа. И въпроси тѣх блаженный митрополит: «Что ради приидосте, не звани бывше?» И отвѣщаша епископи: «От тебе, владыко, присланний, пришед, глагола намь, яко 14 августа освящается *церьки* Печерьскаа, готови вси будите со мною въ врѣмя литургиа. Мы же не смѣвшеся прѣслушати твоего словеси, и се есмы». И отвеща Антоний, епископъ Юрьевьскый: «Азъ бѣх боля, сеа же нощи вниде чернец къ мнѣ и глагола ми: “Заутра свящается церьки Печерьскаа, да будеши тамо”. Якоже точию слышах — и тако здрав бых, и се есмь по повелению вашему». И вси дивляхуся епископьску приходу.

Святитель же хотѣ изыскати такых человѣкь, кто суть звавшеи тѣх, и ту абие глас таковь: «Изчезоша испытающей испытаниа!»[34] Он же пакы простеръ руцѣ на небо и рече: «Пресвятаа Богородице! Якоже во свое преставление апостолы от конець вселенныа собравши въ честь своему погрѣбению,[35] тако и нынѣ въ освящение своеа церкве събравьше тѣх намѣстникы, наши сослужебникы!»

И вси въ ужасти быша от великих чюдесъ. Обышедше же церковь 3-жды и начаша пѣти: «Възмѣте, врата, князи ваша»,[36] — и не бысть никогоже въ церьки, иже бы отпѣлъ: «Кто есть царь славы?»,[37] бѣ бо ни единаго же въ церкви оставиша. Многу же млъчанию бывшу, и бысть глас изутрь, яко аггелескъ: «Кто сей есть царь славы?» Възыскани же бывше таковии гласи, кто суть и чии суть. Внидоша же въ церковь, дверемь затвореным сущимь, и ни единъ человѣкь обретеся въ церкви. Разумно бысть всем, яко все строится Божиим промысломь, еже о той святѣй и божественей церкви.

Тѣмже и мы рецемь: «О глубина богатества и сило разума! Кто ислѣдит умь Господень или кто съвѣтникъ бысть ему?»[38] И Господь да съхранит вы и съблюдет въ вся дьни живота вашего и молитвами пресвятыа Богородица, и преподобных и блаженных отець наших печерьскых Антониа и Феодосиа, и святых черноризець монастыря того. С ними же буди и нам милость получити в сей вѣк и в будущей о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемь, ему же слава съ Отцем и съ Святымь Духомь нынѣ, *и присно, и в вѣкы вѣком. Аминь.*

НЕСТЕРА, МНИХА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО,[39] СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ПРОЗВАСЯ ПЕЧЕРЬСКЫЙ МОНАСТЫРЬ. СЛОВО 7

В княжение самодръжьца Рускыа земля, благовѣрного великого князя Володимира Святославича,[40] благоволи Богъ явити свѣтилника Рустей земли и наставника иночьствующим, яже о нем намь сказание.

Бысть убо нѣкы благочестивый *мужь от града Любичя*,[41] яже во нь измлада вселися страхъ Божий, и желаше въ иноческый облещися образъ. Человѣколюбивый же Господь възложи ему на сердце въ страну ити Грѣческую и тамо острищися. Абие путному шествию *устремився*, страньствуа за страньствовавшаго Господа и труждьшагося нашего ради спасениа, и достиже царьствующаго града. И въ Святую Гору

доиде,[42] и обшед святаа монастыря, яже на *Офонѣ*, и видѣ *монастыря*, сущаа ту на Святой Горѣ, и пребывание *святыхь тѣх*, отець выше человѣческаго естества, въ плоти аггельское житие подражающе, паче ражжеся Христовою любовию, желаа тѣх житию отець поревновати. И прииде въ единъ монастырь от сущих тамо монастыревь, и моли игумена, дабы на нь възложилъ агглескъ образъ иноческаго чина. Игуменъ же, прозря яже в нѣмь хотящаа быти добродѣтели, послушавь, постриже его и нарече имя ему Антоние,[43] *наказав* и *научи* его иноческому житию. Антоний же въ всѣмь Богу угаждаа, *на* прочаа подвизаяся в покорении же и в послушании, яко всѣмь радоватися о нѣм. Рече же ему игуменъ: «Антоние, паки иди в Русию, да тамо прочим на *успѣхъ* и утвержение будеши, и буди ти благословение Святыа Горы».

И Антоние же отъиде в Русию, и прииде въ град Киевь, и мысляше, гдѣ пребыти. И походи по манастырем, и не възлюби ни въ едином же, гдѣ бы жительствовати: Богу не *волящю*. И нача ходити по дебрем, и по горамь, и по *всем* мѣстомь. *На Брестовое*[44] прииде, и обрете печеру, и вселися в ню, юже бѣ ископали варязи, и в нѣй пребысть в велицем въздержании. По сих же преставлѣшуся *князю* Володимеру, и приа власть безбожный и оканный Святополкъ, и сѣдѣ в Киевѣ, и нача избивати братию свою: уби святаго Бориса и *Глѣба*[45] Антоний же, *видѣ* таковое кровопролитие, иже съдѣа окааный Святоплъкъ, паки бѣжа въ Святую Гору.

Егда же благочестивый князь Ярославь побѣди Святоплъка, и *сѣдѣ* в Киевѣ. Боголюбивому же князю Ярославу любящу Берестово и церковь Святых Апостолъ, и священники многы набдящу. В ней же бѣ презвитерь, именемь *Ларионъ*[46] муж благочестивь, божественым Писаниемь разуменъ и постник. И хождаше съ *Брестова* на Днѣпрь, на холмъ, гдѣ нынѣ вѣтхый монастырь Печерьский, и ту молитву творяше, бѣ бо тамо лѣс велик. И ископа ту печерьку малу дву саженъ[47] и, приходя съ Берестова, псалмопѣние пояше, моляшеся Богу втайнѣ.

Посем же благоволи Богъ възложити на сердце благовѣрному великому князю Ярославу, и, събрав епископы, в лѣто 6559 поставиша его митрополитом въ Святѣй Софии,[48] а *сии* его печерька оста.

Антонию же сущу въ Святѣй Горѣ, в монастыри, идѣже острижеся, и бысть от Бога извещение игумену. Рече: «*Пусти* Антониа в Русию, яко трѣбуют его». Призвавъ же его игуменъ и рече: «Антоние! Иди пакы в Русию, Богу тако хотящу, и буди благословение имѣа Святыа Горы, яко мнози имут быти от тебѣ черноризци». И, благословивъ его, отпусти и, и рек ему: «Иди с миром!»

Антонию же пришедшу к *Киеву*, и прииде на холмъ, идѣже бѣ Иларионъ печерьку *ископа* малу, и възлюби мѣсто то, и вселися в нем. И нача молитися Богу съ слезами, глаголя: «Господи, утверди мя в мѣстѣ сем, и да будет на мѣсте сем благословение Святыа Горы и молитва моего отца, иже мя постриглъ». И нача жити ту, моля Бога. Ядь же его бѣ хлъбъ *сух*, и воды в мѣру вкушаа; и копаше печеру, и не дааше себѣ покоа *въ дьне и нощи*, въ трудѣ же *пребываа*, въ бдѣниих и молитвахъ. Посем же увѣдавши его людие, прихождаху к нему, приносяще яже на потрѣбу. И прослу якоже и Великий Антоние;[49] и приходяще к нему, *просяще* от него благословениа.

Посем же, *преставлѣшуся*, князю Ярославу, и приа власть сынъ его Изяславь и седѣ в Киевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Рустей земли. Князь же Изяслав, увѣдавь житие его, прииде къ нѣму съ дружиною своею, прося у него благословениа и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великий Антоние, и почитаем всѣми. И начаша к нему приходити пострищися боголюбии нѣции, онъ же приимаше их и постризаше. И събрася братии к нему яко числом 12. К нему же и Феодосий пришед, пострижеся. *Ископаша* печеру велику, и церковь, и кѣлиа, яже суть и до сего дьни в печере под вѣтхым монастырем.

Съвъкупленей же *братии* сущи, рече имъ великий Антоние: «Се Богъ вас, братие, съвъкупилъ, и от благословениа есте Святыа Горы, имже мене постръже игуменъ Святыа Горы, азъ же вас постригох; и буди благословение на вас: прьвие от Бога и пресвятыа Богородица, второе от Святыа Горы!» И рече имь сице: «Живете собѣ, и азъ поставлю вам игумена, а сам хощу въ ону гору ити и тамо сѣсти един». Якоже и прежде рѣх — обыклъ уединився. И постави им игумена именем Варлама,[50] а сам идѣ в гору, ископа печеру, *яже* под новым *манастырем*; в ней же скончa живот свой, живь в добродѣтели лѣт 40, не исходя ис печеры никогдаже нигдѣ. В ней же лежат честныа мощи его, чюдеса творяще и до сего дьни.

Игуменъ же и братиа живяху в печере. И умножившимся братии и не могущим в печеру вместитися, помыслиша внѣ печеры поставити монастырь. И прииде игуменъ и братиа къ святому Антонию, и рекоша ему: «Отче! Умножилося есть братии и не можем вместитися в печеру, дабы Богъ повелѣлъ и пресвятаа Богородица и твоа молитва, да быхомь поставили *церквицю* внѣ печеры». И повелѣ имь преподобный. Они же поклонишася ему до земля и отъидоша. И поставиша *церквицю* малу над печерою въ имя святыа Богородица Успение.

И нача Богъ умножити *черноризцевь* молитвами пресвятыа Богородица и преподобнаго Антониа, и съвѣт сътвориша братиа съ игуменом поставити монастырь. И идоша пакы къ Антонию, и рѣша ему: «Отче, братии умножаеться, и хотѣли быхомъ поставити монастырь». Антоний же, рад бывь, рече: «Благословенъ Богъ о всем, и *молитва* святыа Богородица и сущихь отець, иже въ Святѣй Горѣ, да будет с вами!» И сиа рек, посла единаго от братиа къ князю Изяславу, рек тако: «Княже благочестивый, *Богъ* умножаеть братию, и мѣсце мало, просим у тебѣ, дабы еси нам далъ гору ту, иже над печерою». Князь же Изяславь, сиа слышавь, зѣло радостень бысть, и посла к ним болярина своего, *дасть* им гору ту.

Игуменъ же и братиа заложиша церковь велику и монастырь, *оградиша* столпиемь, и кѣлиа поставиша многыи, и церковь поставиша, и украсиша иконами. И *оттоле* нача зватися Печерьскый монастырь, понеже бѣаху жили черноризци преж в печере. И оттоле прозвася Печерьскый монастырь, иже есть от благословениа Святыа Горы.

Монастырю же свершену, и игуменьство държащу Варламу, князь же Изяславь постави монастырь Святаго Дмитреа[51] и выведе Варлаама на игуменьство къ Святому Дмитрию, хотя сътворити свой монастырь выше Печерьскаго монастыря, надѣася на богатство. Мнози бо монастыреве от царя, и от болярь, и от богатества поставлени; но не суть таковии, *яковии* суть поставлени слезами и пощениемь, молитвою и бдѣниемь. Антоние бо не имѣ злата ни сребра, но стяжа слезами и пощениемь, якоже глаголахь.

Варлааму отшедшю къ Святому Дмитрию, и съвѣт сътворивше, братие идоша къ старцю Антонию и глаголаста ему: «Отче, постави *нам* игумена». Онъ же *рече*: «Кого хощете?» Они же глаголаста ему: «Кого хощет Богъ, и пречистаа *Богородице*, и ты, честный отче». И рече им великий Антоние: «Кто таковь есть в вас, якоже блаженный Феодосие, послушливый, кроткый и смиреный *сый*? Да будет вам игуменъ». Братиа же вси, ради бывше, поклонишася ему до земля, и поставиша Феодосиа игуменом. *Сущии* братии тогда числом 20.

Феодосию же, приимшу монастырь, нача имѣти въздержание велико, пощение и молитвы съ слезами. И съвъкупляти нача многы черорисца, и съвъкупи всѣх братии числом 100. И нача взыскати *правила* чернечьскаго; и обретеся тогда честны инок Михаилъ, монастыря Студийскаго,[52] иже бѣ пришелъ из Грѣкъ с митрополитом Георгиемь.[53] И нача его въпрашати о уставѣ отець студийских, и обрете у него, и исписа. И устави в монастыри своем, како пѣти пѣниа монастырьскаа и *поклони* како дръжати, и чтениа почитати, и стоание въ церкви, и все

уряждение церковное, и на трапезѣ седание, и что ядение в кыа дьни. Все съ уставлениемь Феодосий сие то изобрѣтъ, предасть монастырю своему; от *того* монастыря приаша вси *монастыре* рустии уставь. *Тѣмже* почтенъ есть монастырь Печерьскый, иже пръвие всѣх и *честию выше всѣх*.

Феодосию же живящу в монастыри и правящи добродѣтелное житие и иночьское правило, и принимающаго всякого приходящаго к нему.

Приидох же азъ к нему, худый и *недостойный* рабъ Нестеръ, и приат мя, тогда ми лѣт сущу 17 от рожениа моего. Се же написахъ и положих, иже в кое лѣто началъ быти монастырь и что ради зовется Печерьскый. А о Феодосиевѣ житии пакы скажем[54] <...>

НЕСТЕРА, МНИХА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО, О ПРИНЕСЕНИИ МОЩЕМЬ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРЬСКАГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

«С похвалами бывающиа памяти праведных възвеселятся людие»,[55] — рече премудрый Соломонъ. Обычай бо есть въ божественем праздника тръжествѣ духовнѣ ликоствовати богоименитым людем, по речению мудраго Соломона: «Праведник, аще умреть, — живъ будет, и душа праведных в руцѣ Божии суть».[56] Прославляет бо Господь славящаа его, якоже въистинну сего *блаженнаго* и добляго мужа, высокаго житиемь, чюднаго в добродѣтелех, изряднаго в чюдесех, блаженнаго Феодосиа. Благоволи Богъ явити своего угодника, иже истинно сътворивый Богъ сице по 18 лѣт преставление преподобнаго.

В лѣто 6599 събрашася пречистыа Печерьскыа лавры множество иночествующих с наставником игуменомъ их вкупѣ, единонравнѣ совѣт сътвориша еже принести мощи Феодосиа преподобнаго.

Тѣмже лѣпо есть приглашатися вам: въистинну блаженнии есте, отци, добро съвещание ваше! О богосъбранный личе! О постническый великий съборе! О пречестный полче! О благое съвокупление, еже бо Отца пѣсеное вѣщание събывше есть на вас, реченное: «Се коль добро и что красно, еже быти братии вкупѣ».[57] Въистинну добръ съвѣтъ вашь, отци, велегласнѣйши трубы глас вещаний ваших. Истиннаго своего пастыря желающе, яко ту не глаголаху: «Лишаеми есмы отца и учителя!» И вси, яко *единеми* усты, рекше: «Возмем честныа мощи

любимаго отца нашего Феодосиа, нѣсть бо нам лѣпо пастыря лишеным быти, ни пастырю подобно есть своих Богомъ порученых овець оставляти, да не дивий зверь, пришед, распудит стадо Христовых словесных овець; но да прииде пастырь во свою ограду и духовною цевницею въструбит, да пастырьскаа сопль отгонить звѣря мысленаго нападание и съблюстителя живота нашего и хранители аггели призовите». Вси единогласно друг другу вѣщающе: «Лѣпо есть нам, братие, всегда пред очима нашима честную раку отца нашего Феодосиа имѣти и достойно поклонение всегда тому приносити, яко поистенѣ отцу и учителю. Неудобно есть пребывати преподобному отцю нашему Феодосию кромѣ монастыря и церкви своеа, понеже той основал ю есть и черноризца съвъкупил».

И съвѣт съторше, абие же повелѣша устроити мѣсто на положение мощемь святаго, и раку каменну поставиша. Бѣ же приспѣ праздникъ, пречестное Успение святыа владычица Богородица; и прежде триехъ дьний праздника Божии Матере повелѣ игуменъ в печеру ити, да мѣсто назнаменуют, идѣже суть мощи святаго отца нашего Феодосиа. Его же благому изволению и азъ, грѣшный Нестеръ, сподобленъ быхъ и пръвие самовидець святых его мощей, по повелѣнию игуменову. Еже исвѣстинно извѣстно вам повѣм, не от инех слышах, но сам началник бых тому.

Пришед бо игуменъ и рече: «Грядивѣ, чадо, в печеру къ преподобному отцу нашему Феодосию». И приидохом же в печеру, не съвѣдущу никомуже. Разсмотривше, кудѣ раскоповати, и *назнаменавши мѣсто, гдѣ раскоповати*, кромѣ устиа, таже рече ко мнѣ игуменъ: «Да не повѣси никомуже, развѣ поими, егоже волиши, да поможет ти, и развѣе того да не увѣсть ни единъ от братии, дондеже святаго мощи вынесем пред печеру». Аз же пристроихъ въ *семь* дний рогалиа, имже копати. Бяше же день вторник. Въ вечеръ глубокъ поахъ съ собою два мниха, чюдна мужа в добродѣтелех, иному же не ведущу никомуже. И яко приидохом в печеру, молитвы и молениа сътворше с поклонениемь и псаломьское пѣние пѣвше, таже приахомся дѣлу. Начах копати, и тружашеся много, и вручих другому брату; и раскоповающе до полунощи, и не могохом обрести мощи святаго. Начахом зѣло скорбѣти и слезы от очию испущаховѣ, помыслих, егда святый не волит себѣ явити; и другаа мысль прииде ми, егда како на страну копаем. Аз же взях рогалиа, начах прилѣжно копати. И иже со мною сущему мниху, предстоащу пред печерою, и, якоже услыша било церковное заутрении, [58] възгласи ко мнѣ братъ, яко удариша въ церковное било. Азъ же прокопахъ над мощьми святаго, *и оному, ко мнѣ рекшу о билномъ ударении, мнѣ же к нему отвѣщающю: «Прокопах, брате!» Егда же прокопах над мощьми святаго*, и абие велий страхъ обиат мя, начах звати: «Преподобнаго *ради* Феодосиа, Господи, помилуй мя!»

В то же время бѣста два мниха в монастырѣ бдящя и стрегуща, егда игуменъ утаився нѣ с кыми и принесет мощи преподобнаго отай, и зряста прилѣжно к печерѣ. Егда же удариша въ церковное било заутрении, и видѣша 3 столпы, яко дугы свѣтозарнии, и, стоявше, приидоша на връх церьки Пречистыа, идѣже положен бысть преподобный Феодосие. И се видѣвше вси мниси, иже ко утрени идуще, тако и мнози благочестивии въ градѣ. Бѣаше бо имъ прежде и *възвѣщенно бысть* о пренесении мощей святаго, и рѣша: «Се есть преносят честныа мощи преподобнаго Феодосиа от печеры». Утру же бывшу и дьни освѣтающу, и слышано бо бысть по всему граду, и множество людий приидоша съ свѣщами и фимианом.

Досточюдный же и именный Стефанъ, яже преже реченный въ Житии блаженнаго, иже бысть въ него мѣсто игуменом, пакы по отшествии из монастыря състави на *Кловѣ* свой монастырь и по семь, благоволениемь Божиимъ, бысть епископъ града Владимера, и в то время бывъ въ своемь монастырѣ, виде в нощи чресъ поле зарю велику надъ печерою. Мнѣвъ: преносят честныа мощи святаго Феодосиа, бѣ бо ему преж възвещенно пред единем дьнемь; и съжаливси зѣло, яко без него преносят мощи святаго, в той час вседе на конь, вборзе *женый* к печерѣ, поимъ съ собою Климента, егоже постави игуменом в себѣ мѣсто.[59] Грядущима же има, зряще зарю велику над печерою, и приближишася к печерѣ и не видѣста ничтоже, разумѣвше, яко аггельскаа свѣтлость бѣ.

И яко приидоша ко двѣрем печеры, нам же седящим у мощий святаго. Азъ же, егда прокопах, послах ко игумену, глаголя: «Прииди, отче, да изнесем мощи преподобнаго». Прииде игуменъ съ двема братома. И якоже прокопах велми и преклоншеся, видѣх его лежаща мощи святолѣпно, и състави его цели бяху вси и тлѣнию непричастнии, власи же главнии присхли бяше къ главѣ его, и лице преподобнаго свѣтлостно, и очи съмжанѣ, и устнѣ доброглаголивыа съединенѣ. И тако, възложивше на одръ святыа и честныа его мощи, и изнесохом пред печеру. И въ другый же день, изволениемь Божиимъ, съвъкуплешеся епископи вси вкупѣ, приидоша в печеру, им же суть имена: Ефрѣмь Переаславьский, Стефанъ Владимерьский, Маринъ Юрьевьский, Иоанъ Черниговьский, Антоней Порьский.[60] И игумени вси от всех монастырей съ множествомъ черноризець приидоша, и людие благовѣрнии. И взяша пречестныа мощи святаго Феодосиа от печеры съ множеством свѣщь и фимианом; якоже предъ речено, изыдоша же от града народи въ срѣтение святому, свѣщи в руках дръжаще; и принесше его въ богосъзданную пречистую церковь, въздравася и пречистаа церкви, въсприимши своего служителя. И бѣ видѣти въ церкви, покрываему дьнѣвному свѣту свѣщным свѣтом; прикасающеся святителие, облобызающе мощи святаго, припадающе же иерѣи, любезне целующе, притечющи же с народи иноци, прикасающеся ометы одѣжди святаго, пѣсни духовныа Богу възсылающе и благодарьственаа хваления святому приносяще. И тако

положиша въ своей ему церьки Божиа Матере на деснѣй странѣ мѣсяца августа въ 14 день, в *четвергъ*, въ 1 час дьни; и тако праздноваша свѣтло в той день.

В лѣто же 6616 Фектистъ игуменъ[61] нача понужати благовѣрнаго великого князя Святоплъка[62] с молбою, да поминають имя святаго преподобнаго отца нашего Феодосиа, игумена Печерьскаго, в Синодикѣ[63] — Богу тако изволшу. Святоплъкъ же рад бывъ, обѣщася сътворити; съвѣдый житие его, и нача Святоплъкъ повѣдати всѣмь житие преподобнаго Феодосиа. Еже и сътвори митрополит, повелѣ въписати святаго в Синодик. Митрополитъ же повелѣ всѣмь еппискупиамъ вписати имя святаго Феодосиа в Синодик. Вси же епископи с радостью вписаша имя святаго и преподобнаго отца нашего Феодосиа; и поминають его на всѣх съборех и донынѣ.

О пророчении святаго. И се же достоить не молчаниемь преити, но повѣмь вам мало нѣчто, еже събысться пророчение святаго отца нашего Феодосиа.

Еще бо в жизни сей сущу блаженному Феодосию, игуменство съдръжащу и правящу еже Богомъ порученое ему стадо, иже не точию черноризци единеми, но и мирьскими, печашеся о душах ихъ, како бы спаслися; паче же о сыновехъ своихъ духовных, утѣшаа и наказаа приходящаа к нему, иногда же и в домы их приходяще и благословение имъ подаваа. Нѣкый же благочестивый велможа, духовный сынъ святому, имянем Янъ тако нарицаемь. Единою пришедшу ему в дом к Янови и ко подружию его Марии; оба благочестива суща, *в цѣломудрии живуща*, по божественому Павлу, бракъ честенъ храняще.[64] Сего ради любяше их блаженный Феодосие, понеже живяста в заповѣдех Господнихъ и в любви межу собою пребываста.

Абие пришедшу ему к нимъ, учаша их о милостыни къ убогым и о небеснемь царьствии, еже приати праведным, а грѣшным муку, и о смертнѣмъ часѣ. Еще же ему глаголющю има и ина множайшаа божественаа Писаниа, дондеже к сему дойде словеси, еже глаголаше има о положении тѣла въ гробѣ има. Благочестиваа же жена, въсприимши речь от преподобнаго, рече к тому Яневаа: «Отче, честный Феодосие, кто вѣсть, гдѣ мое тѣло положено будет?» Богодуховный же Феодосие, пророческаго дара исполнь сый, рече: «Въистиннѣ глаголю ти, идѣже тѣло мое положено будет, тамо и ты, по пришедших временех, почиеши». Еже и събысться по въ 18 лѣт по преставлении святаго. Преподобному Феодосию преставлещуся прежде 18 лѣт пренесениа телеси его; егдаже принесоша мощи святаго, и тогда, того же лѣта и мѣсяца, преставися Яневаа, имянем Мариа, мѣсяца августа

въ 16. И пришедши черноризци, пѣвьше обычныа пѣсни, и принесоша, положиша ю въ церьки Святыа Богородица *Печерьскиа* противу гробу Феодосиеву, на шуей странѣ. Преподобный бо положенъ бысть въ 14 августа, и сиа въ 16.

Вижьте ми досточюднаго мужа сего, еже събысть проречение преподобнаго Феодосиа, добляго пастыря, иже пасяше словесныа овца нелицимѣрно, съ кротостию и съ расмотрѣниемъ, съблюдаа их и бдя за ня, и моляся за порученное ему стадо, и за вся православныа христианы, и за землю Рускую. Иже по отшествии своемь от сиа жизни молится за люди вѣрныа и за своа ученикы, иже взирающе на честную его раку и поминающе учениа его и въздержание, и прославляют Бога.

Аз же, грѣшный и недостойный рабъ его и ученикъ Несторь, недоумѣю, како похвалити добраго его житиа и въздержаниа, но сиа реку мало нѣчто. Радуйся, отче нашь и наставниче, иже мирьскиа плища отринувъ и млъчание възлюбивъ! Радуйся, Богу послуживый и в тишинѣ, и въ мнишеском житии, всяко себѣ принесениемь божественое принеслъ еси! Радуйся, отче, пощениемь провозвышься, и плотьскиа страсти възненавидѣ, и миръскую красоту и желание вѣка сего отринувъ! Радуйся, послѣдовавый стопам высокомыслыным, отцемь ревънуа, млъчаниемь възвышаяся *и смирением украшаася*, въ словесех книжных веселуася! Радуйся, укрѣпивыйся надѣждею вѣчныхъ благъ, ихже приялъ еси! Радуйся, умертвивый плотское мудрование и источник безакониа и мятѣжа, преподобне! Радуйся, иже бесовъскых козней избѣгъ и сѣтей его! Радуйся, иже съ праведными, отче, почилъ еси, въсприимъ трудовъ своих възмѣздие! Радуйся, отцемь наслѣдникъ бывъ, ихже последова учению, и нраву, и въздержанию, и божественому въ молитвѣ предстоянию, паче же ревновавшу Великому Антонию, объщему житию началнику, обычаемъ и житиемь подобяся житию его и послѣдствуа пребыванию его, преходя от дѣла въ труды уншаа, обычныа молбы Богу въздаа в воню благоюханиа, принося кандило молитвеное, фимианъ благовонны! Радуйся, победивы мирскиа похоти и *миродержца* же, князя тмы вѣка сего! Радуйся, сопротивника поправый диавола и козни его побѣдникъ, явлься противным его стрѣлам, иже крѣпкым помыслом ста супротивно! Радуйся, укрѣпивыйся оружиемь крестнымъ и вѣрою *непобѣдимою*, Божиею помощию!

Тѣмже, о честный отче, пастырю Христова стада, Феодосие богомудре, молися за ны и за мя, раба твоего Нестора, избавленым намъ быти от сѣти неприазненый, и от противнаго врага съблюди ны твоими молитвами о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемь. Ему же подобаеть слава, честь и поклоняние съ безначалным его Отцемь и с пресвятымъ и благым животворящим ти Духомъ нынѣ и присно.

ОБ ОКОВАНИИ РАЦѢ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИА ПЕЧЕРЬСКАГО. СЛОВО 10

По времени нѣколицѣ въсхотѣ Георгий, сынъ Симоновъ, внукъ Африкановъ, оковати раку преподобнаго отца нашего Феодосиа, еже и сътвори.

Посла убо от болярь своихъ, сущих под ним, имянем Василиа, от града Суждаля въ богоименитый град Киевъ, в Печерьскый монастырь, оковати раку преподобнаго *Феодосиа*, и сему дасть Георгий 500 гривенъ сребра и злата 50 гривенъ на окование рацѣ преподобнаго. Приим же убо сие Василие и неволею емлется пути, проклинаа живот свой и день рождениа своего, и глаголаше въ умѣ си: «Что се смыслилъ князь нашь толико богатество погубити? И каа мзда сего ради будет ему, еже мертваго гробъ оковати? Но яко туне добыто и туне же и повержено! *Лютѣ* же мнѣ единому, не смѣвшу преслушати господина своего! Что ради дом мой оставих и кого ради путь сий горкий шествую? И от кого ли честь прииму: къ князю есмь не посланъ, ни ко иному *вельможи*. Что реку или что възглаголю къ оной *корстѣ* каменной, и кто ми дасть отвѣт? Кто ли не посмеется моему безумному приходу?» Сиа глаголаше к сущим с ним, и инаа множашаа сихъ.

Святый же явися ему въ снѣ, кротцѣ глаголя: «О чадо, хотѣх ти въздати мзду труда ради твоего; но аще не покаешися, многа злаа имаши подъяти». Василий же не преста же ропща, и многу бѣду наведе на нь *Господь* грѣха ради его: кони бо вси изомроша, и прочаа суть у них покрадоша, и вся взяша у нихъ татие, развѣ посланнаго у него съкровища. Отврызъ же Василий посланнаго у него съкровище на окование рацѣ святаго, и взят оттуду пятую часть злата и сребра, и исторши сие на потрѣбу себѣ и конем, и не разумѣ бывшаго гнѣва хулы ради его.

Бывшу же ему в Черниговѣ, спаде с коня и разбися, якоже не мощи ему ни рукой двигнути. Сущии же с нимъ вложивше его в насад, привезоша его под Киевъ, вечеру же бывшу. В ту нощь явися ему святый, глаголя: «Василие, не слышалъ ли еси Господа, глаголюща: “Сътворите себѣ другы от мамоны неправедныа, да егда оскудѣете, приимут вы в вѣчныа кровы”.[65] Добрѣ убо помысли сынъ мой Георгий рекша Господа: “Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничю примить”.[66] Ты же труда ради твоего вѣнчанъ хотяше быти, якоже такыа славы никтоже получи, еяже ты хотяще съобѣщник быти с нимъ; нынѣ же всего обнаженъ еси, но обаче не отчай живота своего. Инако бо не можеши исцѣлити, аще ся не покаеши о съгрѣшении том: повели убо, да тя внесут в Печерьский монастырь, въ церковь Святыа Богородица, и

да положат тя на раку моею — и здравъ будеши, и растрощенное тобою злато и сребро цело обрящеши». Се же явѣ бысть Василию тоа нощи, а не во снѣ, въ нъ не вечеръ явися ему преподобный Феодосие.

На утрий же прииде к нѣму Георгий-князь[67] съ всими боляри, и, видѣвь его съкрушенна велми, печаленъ бывъ его ради, и отъиде.

Василий же вѣрова видѣнию святаго, повелѣ своимъ вести ся в Печерьский монастырь. Бывшим же им на брезѣ, вниде нѣкто ко игумину, глаголя: «Скоро шед на брег, възведи Василиа и сего положи на гробѣ преподобнаго Феодосиа, и, еже дасть съкровище, *обличи его* пред всими, яко взялъ еси пятую часть от него, и аще ся покает, отдаждь ему». Сиа рекъ, невидим бысть. Игуменъ же поискавъ таковаго человѣка, явльшагося ему, и никтоже виде его, входяща или исходяща. Шед же ко Днепру, възведе на гору Василиа, и положиша его на рацѣ святаго — и тако въставъ, цѣлъ *и* здравъ бысть всѣмь тѣлом, вдасть же игумену 400 гривенъ сребра и 40 гривенъ злата. Игуменъ же рече ему: «Чадо, гдѣ еще 100 гривенъ сребра и 10 злата?» Василей же начатъ каатися, глаголя: «Азъ взях и истощих; *пожди*, отче, и все ти отдам; хотѣхъ убо утаити сего, мнях сие укрыти от всевидящаго Бога». Тогда изсыпаше от *съсуда*, в немже бѣ запечатлѣно, и пред всѣми изчетъше, обретоша все полно: 500 гривенъ сребра и 50 гривенъ злата, — и вси прославиша Бога и святаго Феодосиа. И тогда нача вся по ряду Василей исповѣдывати: явление святаго и деание.

Заутра же князь поимъ съ собою лечци, прииде въ предиреченное мѣсто, хотяше врачевати Василиа, и не обретъ. Увѣдавъ же, яко в Печерьскый монастырь отвезенъ бысть и мнѣвъ его, яко уже умерша, и скоро еха в монастырь, обрѣте его *здрава*, яко *николиже* болѣвша. И слышавъ от него князь дивнаа чюдеса и ужасеся, радости же духовныа исполнився, пришед, поклонися чюдотворному гробу великаго Феодосиа, и отъиде.

И сиа слышавъ Георгий Симоновичь, тысяцький, приложися весь душею къ святѣй Богородици и ко святому Феодосию, и ко многому подаянию вдасть и гривну, юже ношаше сий,[68] в ней же *вѣса* 100 гривенъ злата, и тако написа сице: «Се азъ, Георгий, сынъ Симоновъ, рабъ пресвятыа владычица Богородица и святаго Феодосиа, благословенъ бывъ святою его рукою: нѣкогда болѣх 3 лѣта очима, не видѣ ни луча солнечнаго, словом же его исцелѣх, слышах бо от устъ его: “Прозри!” — и прозрѣх. И сего ради пишю епистолью сию послѣднему роду своему, да никтоже отлученъ буди дому пресвятыа владычица Богородица и преподобныхъ отець Антониа и Феодосиа. Аще ли кто въ послѣднее убожество приидеть, не могый что дати, да поне в

селехъ церьки тоа положенъ будет: везде бо молитва Антониева и Феодосиева заступаеть. Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича с половци,[69] и видихомъ град высок издалеча, и абие идохомь на нь, и никтоже знaаше, кий то есть град. Половци же бишася у него, и мнози язвени быша, и бежахом от града того. Послѣди же увидихом, яко село есть святыа Богородица обители Печерьскиа, града же николи ту нѣсть бывало, ниже тии сами сущеи в селѣ том разумѣвше бывшаго, но ишедше заутра, видѣша крови пролитие и почюдишася бывшему. И сего ради пишу вам, яко вси вы вписании в молитву святаго Феодосиа; той бѣ обещася отцу моему Симонови, якоже о своихъ черноризцех, тако и о нас молитися. Сию же молитву повелѣ отець мой вложити в *руку* свою, когда хотяше въ гробъ положенъ быти, чаа обѣта святаго, иже и извѣстно явися нѣкоему от богоносных отець, глаголя ему тако: “Рци сынови моему Георгию, яко вся въсприахъ благаа молитвъ ради святаго, подщися и ты, чадо, приити въ слѣд менѣ добрыми дѣлы”. Кто же ли не въсхощет благословениа и молитвы святаго отца *Феодосиа* и от него уклонится, възлюбить же клятву, и да приидеть ему». И сего ради правнуци его любовь имѣють къ Святому Дмитрею,[70] — ту бо имѣют мѣсто свое в нем, и иже кто их лишится, сии под клятвою суть своих прародетелей и отець, иже своею волею отмещуться молитвы святаго, и благословениа, и обѣта преподобнаго отца нашего Феодосиа.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦЮ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРЬСКОМУ, ИЖЕ ЕСТЬ ВЪ БОГОСПАСАЕМѢМЬ ГРАДѢ КИЕВѢ. СЛОВО 11

Похваляему праведнику възвеселятся людие.[71] Радости бо есть день и веселиа, егда муж праведенъ и преподобенъ конець житиа въсприимет, егда покой трудовъ своих узрит, егда, печаль оставль, на веселие грядет, егда, землю оставивъ и земнаа вся, на небеса идет, егда человѣкъ оставль, и съ аггелы въдворяеться, и Бога зрѣти сподобляется. В сий бо день учитель нашь, наставник же и пастырь, преставися въ вѣчный живот, великий въ отцѣхъ отець Феодосие, и прежний светилникъ, *трудоположникъ* и чюдотворець в земли Рустей.

Гдѣ *радости* сии болшии, еже сподобихомся видѣти отца и учителя нашего отшествие къ Богу, приимша венець нетлѣниа и нѣгде близъ престола Владычня *предстояща всегда и дерзновениа имуще молити о нас Владыку*? Ибо радуется сынъ, и не точию сынъ, но и раби, видяще господина своего, предстоание имуща у земнаго царя по многыхъ трудех и побѣдах на врагы *царевы*. Мы же, сынове и раби господина своего, ликуимъ, весело празнуемь, хваляще его подвиги и побѣду на-духы нечистыа, и честь многу приимша у Господа Вседръжителя, и многым исходатайствующа жизнь некончаемую. И убо кто достойно хвалит или възвеличит земнаго аггела и небеснаго человѣка?

Ибо людие, сѣдяще въ тьмѣ и в сѣни далече, видѣхомъ свѣт вѣры апостоломъ нашим, посланным от Бога, князemь Владимером:[72] сам Бога познавъ святымь крещениемь и нам того показавъ, покровъ невѣдениа от душь наших отъятъ, и свѣтлостию трисъставнаго Божества озарении быхом. Другых путь, иже Христосъ ученикомъ *показа*, рекъ: «Аще кто остави отца и матерь, град и села, стократицею приимет мзду и въ будущий вѣкъ царство небесно».[73] От кого же увидихом сий путь и бремя легкое Иисусово и кто ны есть показавый взяти крестъ и послѣдовати Христу? *Точию сий преподобный* отець нашь Феодосие! Бѣша бо преже сего отходяще от мира, узкымь грядуще *путемь*, но от сего чинъ и устроение всѣмь в Руси монастыремъ предасться. Ни бо инъ никтоже съвръшенаго умершвениа прежде его показа, якоже се съ учителемъ своимъ, блаженнымъ Антониемь, ибо исполни притчю Господню, юже рече: «Аще зерно пшенично впадет в землю, не умреть, то едино пребываеть; аще ли умреть, то многъ плод сътворит».[74] Умертви бо ся всему миру, оживе же Христу и плод мног принесе, егоже породи духомъ и упасе преподобиемь и правдою, и умножи талантъ, данный ему от Бога,[75] и слышит реченое от Бога: «Благый рабе, вѣрный, в мале бѣ вѣренъ, над многыми тя поставлю».[76] О сем бо рече Христосъ: «Мнози будут послѣднии пръвии и пръвии послѣднии».[77]

Съй, аще в послѣдняа роды обретеся, но крѣпость и любовь Божиа многых прежде его премину, яже в нем сиаша. Еще бо въ уностнѣмъ възрастѣ сый, и земных гнушашеся и небеснаа мудръствоваше, млад, ис чрева матерня чистъ бысть сосуд Святому Духу, не възлюби славы мира сего, и нищету же волную приимъ, и въ всемъ подобяся Господу своему. Доброта мимотекущих ни въ что же вменив, единаго точию желаа, — когда приити и явитися лицю Божию, и единому съ единеѣмъ бесѣдовати молитвою. Иже от матере многы и люты раны приемля, и сим хотя отвратити его злый врагъ *от добра* помысла святаго отрока; вѣдяше бо окаанный лстець, яко от сего хотяше побеженъ быти, тѣмже и многы бѣды наведе на нь. Благодать же Божиа вѣдяше его тамо, идѣже, яко солнце, восиа на тверди небѣснѣй, лучами просвѣти всь миръ, и дѣанное приимъ и видѣниа не лишенъ бысть, умомъ въсходя на лучшее елико дьний, по апостолу, — «задняа забываа, на прѣдняа простираася».[78] В послушании искусенъ рождьшеи, но паче ведяшеся на Божественаа повелениа; разумѣвь мудростию Духа Святаго, яко спона есть миръскими пекущеся заповѣди Божественыа исправити, вся отврьгъ бѣ, Господу вдасть помысли, в себѣ глаголя: «Лучши есть матерь оскорбити на мало врѣмя, егда ей Господь дасть разум *суетных* отлучитися, нежели царства Господня лишену быти».

Въ град Киевь прииде, вожда искаше и правителя, дабы сказалъ ему незаблудно путь божественый; и много искавъ, и обрѣтѣ, — не лишит бо Господь желающих полѣзнаа. Мужа бо чюдна обрете, съвръшена

смыслом, и зѣло многоразумна, и пророчьства даръ имуща, нарицаемаго Антониа. К сему прииде блаженный Феодосие, млад сый възрастом, разумомъ же старъ. Вся повелѣннаа ему учителемъ усердно творяше, к повеленным прилагаше, и бысть, по Иеву рещи, — «око слепым и нога хромым»;[79] апостолское слово присно въ сердци дръжа, еже рече: «Друг другу тяготы *носите*, и тако скончаете закон Христовъ».[80] Сей же блаженный не единаго или двою понесе тяготу, но всеа братиа служение приимъ и всем лготу творяше собою. И мнози от *нихъ* покой приимаху подвигом его. Богу помогающу ему и крѣпость телесную подавающу, се же творяше по вся дьни, и николиже събора церковнаго лишися и правила кѣлейнаго никогдаже преступи, къ уставу отечьскому, еже написаше къ доброму труду и благому послушанию, велико прилежание творя. Тѣмъже и Господь превознесе его.

Имже работаше, яко послѣдний хуждьшей всѣх, и всѣм слуга вменяшеся, и тѣмже и пастырь, и отець, и учитель поставленъ бысть. Варлааму бо игумену князем изведену и инде устроену, Феодосий же много не хотѣвъ, не могый иже въ ослушании быти своему учителю Антонию, и познавъ, яко Божий съвѣт се, приася и неволею игуменити, и в болши труд вдасть себѣ, помышляа, аще и телесною *потрѣбою* много печахся, боле паче душевне прележати. И глаголаше святый к себѣ Феодосие: «Приложу ко трудом труды и къ подвигомъ подвигы. Како явитися своему Владыцѣ, стада его добре не упася? Како ли речеши: “Се азъ и дѣти, яже ми дал, Боже”?» Тѣмже по вся нощи без сна пребываше: ово въ молитвѣ предстоа, овогда же по кѣлиамъ ходя и братию на молитву възбужаше. Иже въ старешиньствѣ сый, добраго начинаниа не лишися: иногда бо воду нося, иногда же дрова секый, и тако всей братии собою образъ подаваше. И егда приспѣаше Великий постъ, тогда храборъ Христовъ Феодосие всѣх земных *вещей* гнушашеся: изхожаше от братиа, и в печерѣ единъ затворяшеся, и тамо всю Четыредесятницю пребываше, и единъ ко Единому *молитвою бесѣдоваше*. Кто же исповѣсть труды, и болѣзни, и рыданиа слезнаа, и постъ крѣпкый, и брани с лукавыми духы? И егда приближашеся свѣтлый день Воскресениа Господа нашего *Иисуса* Христа, тогда преподобный прихождаше, яко Моисий съ горы Синайскыа, душею сиаа паче лица Моисиева,[81] и въ вся лѣта устава своего не преступи.

Тогда и откровениа Божиа сподобися: исход свой увѣде, яко от сего свѣта на бесконечный повелѣно быть ему приити. Не утаи сего от друговъ и от ученикъ своих, яко къ Богу идет, и Бога умолити обещевается о дому пречистыа Матере и о стадѣ чад своихъ и до пришествиа Господа Бога нашего. И яко обѣщася, тако и сътвори.

Елико болших сподобься дарований от Бога, толику и милость Господню подасть намъ на всяко врѣмя и лѣто, приходя и посѣщаа,

заступаа и съхраняя, съблюдаа стадо свое от врагъ душь наших. Кто бо *коли*, полѣзных просив еже къ спасению у ракы святаго, и погрѣшивь надѣжду? Или кто, призвавъ с вѣрою имя его святое, и не избавлен бысть язвы душевныа и болѣзни телесныа? Се нам апостолъ и проповѣдникъ, сый нам пастырь и *учитель*, сый нам вождь и правитель, сый нам стѣна и ограждение, похвала наша великаа, дрързновение наше къ Богу.

Днѣсь нам, братие, радоватися и веселитися духовно подобает, и благоукрашатися, и празновати радостно, имуще всегда пред очима нашима раку преподобнаго отца нашего Феодосиа, в нейже днѣсь положено бысть многострадалное и святое тѣло, испущающа луча чюдесъ въ вся конца Рускиа земля. Сиа рака приатъ съкровище некрадомо, сосуд Святаго Духа, арганъ божественый, честное тѣло отца нашего и учителя. Сию сматряюще, яко на самого возирающим, ибо аще и въ гробѣ положенъ бысть святый, но духомъ с нами есть всегда и видит. Аще по заповѣдем его живем и повелѣниа его храним, то радуеться и милостивно приближается к нам, хранит и блюдет, яко чада възлюбленаа. Аще ли нерадити начнем о своемь спасении и наказании словесъ его не храним, то сами помощи его лишаемся.

Но, о святый отче Феодосие! *Сам* наплъни недостатки наша своими добродѣтелми! Бес твоеа помощи нѣсьми мощни благо что сътворити, но въ день преставлениа твоего любовию ликъ съставлеше, възываем тя. Радуйся, просвѣщение Рускиа земля, ибо яко деньница на западѣ явлься, от въстока просиа, и всю землю Рускую просвѣти! Радуйся, прописателю и образе пути истинному вождю, и правителю, и наставниче иноческому житию! Радуйся, началниче и поборниче, поспешителю и пособниче хотящим спастися! Радуйся, умноживь стадо словесных овець в дому Божиа Матере, яко ни единъ преж тебѣ, ни по тобѣ в земли нашей обретеся! Радуйся, насадителю винограда Христова, яко прострошася розги его до моря и до рекъ отрасли его: нѣсть бо страны тоа, ни мѣста, идѣже не бысть лоза винограда твоего! Радуйся, откровениа Божиа приателище и дому пречистыа Матере *Божиа* строителю, юже създа, и величествомъ украси, и в даръ Богородици принесе! Радуйся, умноживый талантъ господину своему, иже десятъ талантъ приимъ и тысящу ими приобрѣте![82] Радуйся, пажити винограда Христова напитавы до избытка словесныа овца, еяже вкусивше и чюждестраньнии овци в дому Божиа Матере затворишася и вкупѣ с вѣрными твоими чады съвъкупишася! Радуйся, источниче сладкый, от негоже пивше, плъци мнишестии хлад божественый приаша, и бес труда путь тесный преидоша, и вселишася при исходящих водъ превысъпрених! Радуйся, пастырю и *учителю*, иже съблюд стадо от влъка разумнаго непорочно и неклосно, началнику пастыремь Христу приведе! Радуйся, столпе огненый, свѣтлѣе паче при Моисии бывшаго: онъ бо просвѣщаше телеснѣ, ты же духовно просвѣти новаго израиля, пустыню проведе съблазнъ житиа пустошнаго, и амалика мысленаго лучами духа устраши,[83] и в землю обетованную

введе, паче реку, — райскиа пища, идѣже ученици твои ликуют! Радуйся, земный аггеле и небесный человѣче, рабе и слуго пречистыа Божиа Матере, иного бо не обрете строителя дому своему, развѣ *тебе*, егоже възлюби и обѣщася присѣщати благодатью даровъ, якоже и бысть! Радуйся, отче Феодосие, наша похвала и великолѣпѣе!

Лавра твоа хвалится о тобѣ, и в концех вселенныа славно бысть наречение еа. Страны дивятся отцемъ, бывшим в ней, како просиаше, яко звѣзды на тверди небеснѣй: дѣлатели заповѣдем Божиимъ явишася, и чюдотворци показашася, и пророчеству от Бога сподобишася, и прозрѣнию от Святаго Духа даръ приаша, и словеси Божественому быша учители. Притекоша царие, и поклонишася князи, и покоришася велможа, и въстрепеташа силнии, ужасошася иноязычници, видяще человѣки небесныа, по земли ходяща. Яко престолу Господню, в дом Божиа Матере събирающеся, пѣснь аггельскую поаху беспрестани; и съ аггелы вкупѣ въдворяющеся къ жрътовнику Господню, овѣх убо извѣстно *видяще* аггельский зракъ, инѣх же мысленѣ и душевне с ними бесѣдуающе и знающеа духомъ, егда Божиих аггелъ приход бываше; инии же чювъственѣ духы лукавыя прогоняста и страшнии имъ показашася.

И таковии суть отрасли твоего винограда, тации суть вѣтви твоего корене, таковии суть столпи твоеа храмины, такова суть чада твоего порождениа, таци суть отци твоеа лавры! Ибо, отче, подоба бѣ такым ученикомъ от такаваго учителя быти; ибо въистинну река Святаго Духа, истекшиа изъ устъ твоих, юже намени сам Христосъ, сынъ Божий, егда глаголаша, уча иудѣа: «Вѣруай в мя — рекы истекуть исъ чрева его воды живы».[84] Се же глаголаше о Дусѣ, егоже хотящу приимати вѣрующаа в него. Тажде река, нѣгде ставящися, беспрестани *напаяетъ* чада твоа и до вѣка лѣтом. Ту реку испустивше, апостоли приведоша вся языки къ Богу; ту реку пивше, мученици небрегоша телесъ своих, но преда а на раны и на мукы различныа; сию реку пивше, отци оставиша грады и села, богатество и домы и вселишася в горы, и в врътьпы, и в пещеры земныа; сию реку пивше, ученици твои небрегоша земныхъ, но всь имуще ум къ небеси, и въсприаша ихъже желааху, — и вселишася въ свѣт божественый, идѣже лици бесплотных. Имъ же мы послѣдующе, прибегохом в дом Божиа Матере, въ твою надѣждю и въ твое ограждение, възложше все упование наше на пречистую деву Богородицю и на тя, преблаженне отче Феодосие!

Аще и не достигнем грясти путем прежних твоихъ ученикъ, но поминающе рекшаа святаа уста: «Аще кто скончает живот свой в дому пречистыа Божиа Матере и в моей надѣжди и аще чим не достигнут на подвиги, азъ сие наплъню и Бога умолю о нихъ», — тѣмже тому словеси надѣющеся, молебно призываем тя. Сам вѣси, преподобне, аще и нам млъчащим, яко дьние наши исчезоша в пустошных мира сего, и, мало

въсклоншеся, приахом иго Христово и прибегохом в дом пречистыа владычица нашеа Богородица и въ ограду святую твою. Не предай же *нас* врагом душь наших, ибо въоружишася на нас, и пленяют ны на всякъ час, и различными *помыслы стрѣляют* сердца наша, отводят ны Божиа разумѣниа, и любити нудят ны мимотекущаа и тлѣннаа, и до конца погружают ны въ глубинѣ грѣховней. Но тебѣ, кормъчию, обретохом: направи нас къ пристанищу тихому, и бурю мысленую утиши, и умоли о насъ общаго Владыку, да подасть нам глаголъ и слово, мысль и дѣание вся заповѣди его творити. Аще бо *и* заповѣдей Господнихъ уклонихомъся и устава, тобою преданнаго, лѣностию не исполнихом, но единыа ради вѣры нашиа, еже къ пречистей Дѣвѣ и к тобѣ, отче святый Феодосие, да причте ны к лику чад твоих, еже ходиша бес порока по стезям правды, и *неразлучьныи* сътворит ны зрѣниа свѣтообразнаго своего лица, егда отсюду поимет ны.

Еще же в житии семъ нам сущим, да посѣщаеши нас и съблюдаеши от всякыа козни неприазненыа и дѣл, яже отводят от Бога, но молитвою ти подаждь нам житие чисто и богоугодно, и въздвигнеши умъ наш, падший лѣностию на землю, бодрость подаси и страждю внутренюю и дрѣвним грѣхом отдание. Аще бо и небрежение ума нашего преможе ны, но тебѣ имуще пособника и помощника лавре твоей пребывающе, надѣемь тобою свободни пред Богомъ явитися и не обладании врагы, видимы и невидимыми. Сам бо своим учеником реклъ еси, егда отъити отсюду Богом повелѣно ти бысть: «Извѣстно вы буди, чада, аще по отшествии моемь къ Богу начнет мѣсто сие умножатися мнихъ и потрѣбными изобиловатися, и от сего разумно буди вам, яко дръзновение имѣю у Бога и молитва моа приатна есть от него». Мы же, *отче*, извѣстно вѣмы по равноаггельному житию и по страсторпъческому подвигу, яко прежде исхода своего дръзновение имѣаше къ Вседръжителю Богу. Кольми паче *по исходѣ* пророчество показуа, яко хощет мѣсто сие пресвятыа Богородица и твоа святаа лавра възвеличиться и възрастити славою и величеством. И се назнаменуа, яко беспрестани хощеши молитися о оградѣ святей своей, якоже и съвръшися истинное твое и неложное обѣщание, ибо по преставлении твоемь *не* обладано бысть, не разрушено от кого мѣсто твое, но от лѣта расташе и превосхождаше.

Егда умножишася грѣси наша,[85] и съвръшишася безакониа наша, и злоба наша Бога прогнѣва, тогда Божиимъ попущением, грѣх ради наших, раздрушишася домове Божии, и монастыреве разорени быша, и грады пленени *суть*, и села опустѣша от языка незнаема, от языка немилостива, от языка, студа исполнена, ни Бога боащеся, ни утробы человѣколюбивы дръжаще. Тѣмже и еще от них в работѣ сущеи, и въ озлоблении злѣ, и в томлении лютѣ, припадаем ти, молбу приносяще: въздвигни руцѣ твои о нас къ владычицѣ дѣвѣ пречистей Богородици, да помянет милости своа дрѣвняа о *оградѣ* сий, еже дасть ей в достояние, и ослабу подасть нам от *сокрушениа* горкаго и *от* врагы лукавыа и хулникы нашей православней вѣре, и сътворит необоримую

церковь свою святую, юже сама изволи въздвигнути в жилище себѣ; и умножит стадо ограды твоеа и присѣщает, якоже и прежде, съблюдающе и утвержающи, заступающи и хранящи от врагъ, видимых и невидимых, да свободни обретъшеся душами и телесы, и въ свѣте сем временем богоугодно поживем, не обладани никимже, развѣ пречистою Богородицею, якоже и прежде отци наши, и тобою, преподобне Феодосие.

Вѣдаа твое легкосердие, дрързнух простирети языкъ свой на твое хваление: не яко по достоанию *хвалу* ти приношу, но себѣ чаах успѣхъ приобрѣсти, отче, от тебѣ, и ослабу грѣхом своимъ, и на прочиа съблюдениа и неподобнаа обучениа. Ибо прославиша тя небесныа *силы*, приаша тя апостоли, и присвоиша тя пророци, обиаша тя мученици, срадуют ти ся святители, сретоша тя *лици* черноризець, и възвеличи тя и сама Царица пречистаа, Мати Господня, и зѣло *превознесе* и знаема показа от конець вселенныа до конець земли, вѣрный рабъ Господень!

Азъ же како по достоанию възмогу похвалити тя, сквѣрнаа уста имѣа и нечистъ язык? Но, не имый что принести тобѣ в день преставлениа твоего, сие малое похваление, яко мал и смердящь потокъ к ширинѣ морьстей приливаася, не да море наплънити, но да смрада очистится. Тѣмже, о честнаа главо, святый отче *Феодосие*, не прогнѣвайся на мя, грѣшнаго, но моли о мнѣ, рабѣ твоем, да не осудит менѣ въ день пришествиа своего Господь Иисус Христосъ, ему же слава подобаеть съ безначалным его Отцемь и съ пресвятым, *и благым, и животворящимь Духомъ нынѣ и присно*.

О СВЯТЫХЪ БЛАЖЕННЫХ ПРЬВЫХ ЧЕРНОРИЗЦЕХ ПЕЧЕРЬСКЫХЪ, ИЖЕ В ДОМУ ПРЕЧИСТЫА БОЖИА МАТЕРЕ И ВЪ БОЖЕСТВЕНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕХЪ ПРОСИАВШИХ, В ПОЩЕНИИ ЖЕ И ВЪ БДѢНИИ, И ВЪ ПРОРИЦАНИИ ДАРА, ВЪ СВЯТЕМЬ МОНАСТЫРИ ПЕЧЕРЬСКОМ. *СЛОВО 12*[86]

Бѣ въистинну предивно чюдо видѣте, братие, съвъкупи бо Господь такых черноризець въ обители Матере своеа. Яко пресвѣтлаа свѣтила в Руской земли сиаху: ови бо биаху постници, друзии же — на бдѣние, инии же — на колѣнопоклонение, овии же — на пощение чрезъ день или чрес два дьни, инии же ядуще хлѣбъ с водою, инии же зѣлие варено, друзии же — сурово; и вси в любви пребывающе: мѣншии покоряющеся *старѣйшим*, не смѣющи пред ними глаголати, но все *съ* покорением и послушанием великимъ; такоже и старѣйшии имѣаху любовь к меншимъ, наказающе их и утѣшающе, яко чада своа възлюбленнеа. И аще который брат впадаше нѣ в кое съгрѣшение, утѣшаху его и того единаго епитемью раздѣляху любо трие или четыре,

за великую любовь. *Такова* бяше божественаа любовь в той святей братии, въздержание и смирение. И аще нѣкий братъ отхождаше от монастыря, вся братиа о том имѣаху печаль и посылаху по нь, призывающе в монастырь брата, дабы възвратился. И егда прихождаше брат, и шедше ко игумену, вси поклоняхуся за брата и умоляху игумена, абие же приимаху брата с радостью въ монастырь. Таковии бо тогда черноризци, *постници, въздержьници*! От нихъ же *намѣню* нѣколико муж чюдных.

Яко се убо бысть пръвый Дамианъ прозвитерь. Бяше таковъ постник, яко, развѣ хлѣба и воды, ничтоже ядяше до дьне *смерти* своеа. И аще убо когда приношаше кто *дѣтищь* боленъ, каковѣмъ убо недугомъ одръжим бяше, приношаху в монастырь къ преподобному Феодосию, той же повелеваше сему Дамиану молитву сътворити над болящимъ. И абие творяше, и маслом святымъ помазываше, и приимаху исцѣлениа *приходящии* к нѣму.

Единою же разболѣвшуся сему блаженному Дамиану и конець житию приати хотящу, и лежащу ему в немощи, прииде к нему аггелъ въ образѣ Феодосиевѣ, обѣщеваа ему царство небесное за труд его. Посемь же прииде к нему великий *Феодосие* съ братиею, и присѣдяще у него, оному же изнемогающу. И възрѣвъ на игумена, рече: «Не забывай, отче, еже ся еси обѣщалъ в сию нощь». Разумѣв же великий Феодосие, яко видѣние видѣ, и рече ему: «Брате Дамиане! Еже ти есмь обѣщалъ, то ти будет». Онъ же смеживъ очи свои и предасть душу в руцѣ Божии. Игуменъ же и вся братиа погрѣбоша его честно.

Таковъ же бѣ другый брат, Иермиа имянем, иже помняше кресщение Рускиа земля; и сему даръ от Бога данъ: провѣдяше бо хотящаа быти. И аще кого видяше в помышлении, то обличаше его в тайнѣ и *наказоваше* блюстися от диавола. И аше который брат умышляаше ити из монастыря, он же пакы, пришед к нему, обличаше его мысль и утѣшаше брата. И аще кому глаголаше, что добро или что зло, то збывашеся слово старче.

Бѣ же инъ старець, имянем Матфѣй, бѣ бо прозорливъ. Единою же, стояще ему въ церьки на мѣсте своем, възвед очи свои и позрѣвъ по братии, иже стоать по обѣма странама поющим, виде бѣса, обходяща въ образѣ *ляха* и въ приполцѣ носяща *цвѣткы*, иже глаголются лѣпкы, и взимаше и нѣкако з лона *цвѣток*, и връзаше на кого любо. И аще кому прилепняше цвѣток стоащихъ от братиа, то мало постоавъ, и раслабѣвъ умом, и вину себѣ притворивъ какову убо, исхождаше исъ церькви, и шед спаше, и не възвращашеся на пѣние. Аще ли же връзаше на другого от стоащих и не прилепняше ему цвѣток, то тъй крѣпко стоаше

в пѣнии своемь, дондеже отпоаху утренюю, и тогда идяху кождо в кѣлия своа.

Обычай же бѣ *сему* старцю: по отпѣнии утрѣняа братии отходящим по кѣлиамь своим, сий же блаженный старець послѣ же всѣх исхождаше исъ церькви. Единою же идущу ему и седе под клепалом, хотя опочинути, — бѣ бо кѣлиа его подале от церкви, — и виде се, яко толпа велика идяше от вратъ. И възвед очи свои, и видѣ единаго бѣса, сѣдяща на свинии и величающися, и другыа около его множество текуще. И рече старець: «Камо идете?» И рече имъ бѣсъ, сѣдяй на свинии: «По Михаля по Тоболъковича». Старець же знаменася крестомъ и иде в кѣлию свою. Якоже бысть освѣтающу дьню, разумѣ старець видѣние, и рече старець ученику своему: «Иди, въпрошай — есть ли Михаль в кѣлии?» И рече ему: «*Давѣ* изыде по заутрении за ограду монастырьскую». Старець же повѣда видение игумену и старейшей братии, еже вѣдѣ, призвавъ же игуменъ брата и утверди его.

При сем же блаженнѣмъ Матфѣи блаженный игуменъ Феодосий представися, и бысть Стефанъ-игуменъ въ его мѣсто, и по сем — Никонъ, и сему же старцю въ житии сущу, и ина многа видѣниа провидяше. И почи старець о Господѣ и в добре исповѣдании в Печерьском святемь монастырѣ.

О БЛАЖЕННЕМЬ НИФОНТѢ, БЫВШУ ЕПИСКОПУ НОВАГОРОДА[87], КАКО ВЪ СВЯТѢМЬ МОНАСТЫРѢ ПЕЧЕРЬСКОМ, ВЪ БОЖЕСТВЕНОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДѢ СВЯТАГО ФЕОДОСИА. СЛОВО 13

Блаженный Нифонтъ бысть убо черноризець Печерьскаго монастыря, тѣхъ святых отец поревнуа житию, и за многую его добродѣтель поставленъ бысть епископъ Новугороду. И бѣ велию вѣру и любовь имѣа къ пресвятей Богородици и къ преподобнымь отцемь печерьскым Антонию и Феодосию. Абие же слыша, яко от вселенъскаго патриарха в Русию идет *Константин-митрополит*[88] радости же духовныа исполнився, помысли в себѣ, яко да обое съвръшит: в дому *Пречистыа будеть* и преподобным поклонится и от святителя благословениа приимет; и таковыа ради вины прииде Киеву в лѣто 6664. И пребывающу ему, ожидающи митрополита пришествиа, биаше бо ему вѣдомо, яко извѣстно от царствующаго града выйде митрополит.

Тогда же Клим-митрополит столъ святительский приимъ не патриаршим благословениемь Цариграда. Сего блаженнаго епископа Нифонта принужаше Климъ служити со събою. Онъ же глаголяше ему:

«Понеже не приалъ еси благословениа от святаго вселенъскаго патриарха Царяграда, за сие не хощу служити с тобою, ни въспоминати тебѣ въ святей службѣ, но поминаю святаго Царяграда патриарха». Климу же велми принужающу его, научающу на нь князя Изяслава и своа поборники, и не възможе ему зла сътворити ничтоже.

Патриархъ же Цариграда, слышавъ яже о немь, присла к нему послание, сицѣ блажа его о величьствѣ разума и крѣпости и причитаа его ко прѣжнимъ святымъ, иже твердѣ о православии ставших. Онъ же патриарше послание прочет и зѣло велми крѣпостию себѣ утвержаше, любовъ же имаста съ княземь *Святославом съ Олговичем*,[89] бѣ бо преже того Святославъ сѣде в Новѣгороде.

Бывшу же сему блаженному епископу Нифонту въ святѣмь Печерьском монастырѣ, велию же вѣру имѣа ко преподобным, якоже преже реченно бысть, не по мнозе же времени постиже его болѣзнь. И дивно же видение повѣда. «Прежде болѣзни своеа треми деньми пришедшу ми, — рече, — съ заутрении и мало опочивающу, и абие в тонок сонъ сведенъ бых. И се обретохся въ церьки Печерьской на Святошинѣ мѣсте, и молящу ми ся много съ слезами святѣй Богородици, да бых виделъ святаго и преподобнаго отца Феодосиа. И събирающимся многым братиамъ въ церковь, и приступи ко мнѣ единъ брат и рече ми: “Хощеши ли видети святаго отца *нашего* Феодосиа?” Мнѣ же отвѣщавшу: “Зѣло желаю, аще възможно ти есть, покажи ми его”. И поимъ мя, введе въ олтарь и тамо показа ми святаго отца Феодосиа. Азъ же, видѣх преподобнаго, от радости притекъ, пад на нозѣ его и поклонися ему до земля. Онъ же въстави *мя*, нача благословляти, и, обиатъ рукама своима, нача любѣзнѣ лобызати мя, и рече ми: “Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, *отселѣ* будеши с нами неразлучно”. И държащу преподобному в руцѣ своей свитокъ, мнѣ же просящу его, и яко да вда ми, и разгнувъ, прочтох. И бяше в нем написано в началѣ сицѣ: “Си азъ и дѣти, яже ми дал Богъ”. И оттоле възбнухъ, и нынѣ вѣмь, яко сиа болѣзнь посещение ми от Бога».

Болѣвшу же ему 13 дьни, и тако успѣ с миром мѣсяца апрѣля въ 18, Свѣтлыа недѣли.[90] И положенъ бысть честно в печерѣ Феодосиевѣ, к *любимому* прииде, якоже обѣщася *ему* Феодосие преподобный; вкупѣ Владыцѣ Христу предстоаща, наслажаася неизреченных онѣх небесных красот и о нас молящеся, своих чадѣх.

Сицевы чюднии мужи в том въ святѣмъ Печерьскомъ монастырѣ быша, иже мнози от них апостоломъ съпричастници быша и престолом их намѣстници, якоже настоащее слово в послании семь извѣстно явит намъ.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦЮ *ПЕЧЕРЬСКОМУ*[91] СЛОВО 14

Брате! Сѣд в безмолвии, събери си умъ свой и рци к себѣ: «О, убозей иноче, неси ли мира оставил и по плоти родитель Господа ради?» Аще же и здѣ, пришед на спасение, не духовнаа твориши, и что ради в чернеческое имя облъкъся еси? Не избавят бо тебѣ мукы черныа ризы, аще не иноческы живеши. Се же вѣждь, яко блажимъ еси здѣ от князь, и от болярь, и от всѣх друг своих, глаголють бо: «Блаженъ есть, якоже *възненавидѣ* мира сего и славы сеа, и к тому не печется земными, но небесных желаетъ». Ты же не черническы живеши. Велика срамота обдержит мя тебѣ ради! Аще же блажаще нас здѣ предваряють ны въ царстви небеснѣмь, и тии в покой обрящутся, мы же, горко мучими, възопием? И кто помилует тя, самому себѣ погубившу?

Въспряни, брате, и попецися мыслено о своей души! Работай Господеви съ страхом и съ всякою смиреною мудростию! Да днѣсь кроток — и утро яръ и золъ; въмалѣ молчание — и пакы роптание на игумена и на того служебникы. Не буди лживъ — виною телесною събора церковнаго не отлучайся: якоже бо дождь растит сѣмя, и тако церкви влечет душу на добрыа дѣтели. Все бо, елико твориши в кѣлии, ничтоже суть: аще и *Псалтырь* чтеши или обанадесять псалма поеши,[92] ни единому «Господи, помилуй!» — и уподобистся съборному. О сем, брате, разумѣй, яко и връховъный апостолъ Петръ сам церьки сый Бога жива, и егда атъ бысть от Ирода и всаженъ в темницю, не от церьки ли бывающиа молитвы избавиша его от руку Иродову?[93] И Давидъ бо молится и глаголя: «Единою прошу у Господа, того взыщю, да живу в дому Господни вся дьни живота моего, и да зру красоту Господню и посѣщаю *церковь* святу его».[94] Сам бо Господь рече: «Дом мой — дом молитвы наречется».[95] «Идѣже бо, — рече, — два или трие събрании въ имя мое, ту есмь посреди ихъ».[96] Аще ли же толикъ съборъ, боли ста братий съберутся, то къль паче вѣруй, яко ту есть Богъ наш. И того божественаго огня тѣх обѣд сътворяется, его же азъ желаю единоа крупица паче всего сущаго иже предо мною обѣда. Свѣдитель ми есть о том Господь, яко ничемуже бы причастился иному брашну, развѣ укруха хлѣба и съчива, устроеннаго на святую братию.

Ты же, брате, не днесь похваляа лежащих на трапезѣ, и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, — и симь старейшинѣ пакость твориши, и обряшися мотылу ядый, и якоже въ Отечьницѣ писано.[97] *Егда бо* видѣ онъ старець хулящих брашно — мотылу ядущихъ, а хвалящих — медъ ядуща, якоже бо провидѣ *тоже* старець различиа брашном. Ты же, егда яси или пиеши, благохвали Бога, ибо

исчезновение себѣ творит хуляй, по апостолу. «Аще убо ясте и пиете — все въ славу Божию творите».[98] Тръпи же, брате, и досажение: претерпѣвый до конца — бес труда спасется бо таковый. Аще бо ключится озлоблену быти, и пришед нѣкто възвѣстити ти, яко онъсица потяза тя злѣ, — рци же възвистившему ти: «Аще и укори мя, но брат ми есть, и *достоинъ* есмь того: не о себѣ же се творить, но враг-диаволъ поустил есть его на се, да вражду сътворить между нами. Господь же да проженеть лукаваго, брата же да помилуеть!» Речеши же, яко в лице ми досади пред всѣми: не скорбенъ о томъ буди, чадо, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но, пад, поклонися брату до земля, глаголя: «Прости мя, брате!»

Исправи в себѣ прегрѣшениа, и тако побѣди всю силу вражию. Аще ли потязанъ съпротивишися, се убо себѣ досадиши. Ты ли еси болши Давида царя, емуже Семей досаждаше в лице?[99] Единъ же от слуг царевь не тръпя укоризны царевы и рече: «Иду, отъиму главу его: почто, песъ мерътвый, проклинаеть господа моего, царя!» Но что Давидъ к нему рече? «О сыну Сарушь! Не дѣй его проклинати Давида, да видит Господь смирение мое и воздасть ми благаа клятвы его ради». Помысли, чадо, и болша сих, како Господь нашь смири себѣ, бывъ послушливъ до смерти своему Отцю: досажаем — не прещаше, слышася «бѣсъ имаши», по лицю биемь и заушаемь, оплеваемь — не гнѣвашася, но и о распинающих его моляшеся.[100] Тако и нас научилъ есть: «Молите бо, — рече, — за врагы ваша и добро творите ненавидящим васъ, и благословите кленущаа вы».[101]

Доволно же ти буди, брате, твоего круподушьа и сътворенное дѣло. Тѣмъже ти плакатися подобаеть, яко оставилъ былъ еси святый и честный монастырь Печерьский, и святых отець Антониа и Феодосиа, и святых черноризець, иже с ними, и ялся еси игуменити у Святую безмѣзнику Козмы и Дамиана. Но нынѣ добро еси сътворилъ, *лишився* таковаго начинаниа пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему, ибо вражие желание — погубити тя хотяше. Не веси ли, яко древо, часто не напааемо, паче же пресаждаемо, скоро исхнеть? И ты, от послушаниа отча отлучися и братий своих, оставль свое мѣсто и въскоре хотяше погыбнути. Овча бо, пребываа въ стадѣ, невреждено *пребывает*, и отлучившееся — въскорѣ погыбаеть и волком изъядено бывает. Подобаше бо ти прежде рассудити, что ради въсхотѣлъ еси изыти от святаго, и честнаго, и спасенаго того мѣста Печеръскаго, в немже дивно есть всякому хотящему спастися. Мню, брате, яко Богъ сътвори се, не тръпя гордости твоеа: *низверъже* тя, якоже прежде Сатану съ отступными силами,[102] зане не въсхотѣлъ еси служити святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандрыту Акиндину Печерьскому.[103] Печерьский бо монастырь море есть и не дръжит в собѣ гнилого ничегоже, но измѣщеть вонь.[104]

А еже въписалъ ми еси досаду свою, — люте тебѣ: погубил еси душу свою! Въпрошаю же тя, чимъ хощеши спастися? Аще и постник еси или трезвитель о всемъ, и нищь, и без сна пребываа, а досажениа не тръпя, не узриши спасениа. Но радуются нынѣ о тобѣ игуменъ и вся братия, и мы же, слышавше яже о тобѣ, и вси утѣшихомся о тебѣ и обретении твоем, яко погыбе и обретеся. Попустих же и еще *своей* воли быти, а не *игумени*: въсхотѣлъ еси пакы игуменити у Святаго Дмитриа, а не бы тебѣ принудилъ игуменъ, ни князь и азъ, и се яко искусился еси. Разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старейшинъство, и сего ради дарова ти Господь оскудѣние очию. Но ты никако съдрогнуся, идѣже бѣ *подоба* рещи: «Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданиемь твоимъ».[105] Разумѣхъ бо тя санолюбца, и славы ищеши от человѣкъ, а не от Бога. Не вѣруеши ли, окаанне, написанному: «Никтоже възметь *чести* о собѣ, но званный от Бога».[106] Аще ли апостолу не вѣруеши, ни Христу имеши вѣры. Что от человѣкъ сану *ищеши*, а не от Бога, сущимъ же от Бога не хощеши повинутися и мыслиши высокаа? Иже древле таковии съ *небесъ* съвръжени быша. «Азъ бо, — рече, — несмъ ли достоинъ увѣритися таковому *начинанию* сана, или *хуждьши есмъ* иконома[107] сего или его брата спѣюще?» Сам, не получивъ желаниа, мятешися, хощеши же часто исходити от кѣлиа в кѣлию и *сважати* брата съ братом, глаголя неполѣзнаа: «Или мнить себѣ, — рече, — сиа игуменъ и сий иконом, яко здѣ точию Богу угодити, индеже невъзможно спастися? А нами что ми не разумѣють?» Сиа диавольскаа начинаниа, сии тощных тебѣ изящьства. Аще же и сам кое предспѣание получиши, яко стати ти на вышнемь степени, то не забывай смиренныа мудрости, да егда прилучить ти ся съступи степени, и то обрящеши путь свой смиренный и не впадеши в различныа скорби.

Пишет бо ми княгини Ростиславляа, Връхуславля,[108] хотящи тя поставлена быти епискупом или Новугороду, на Онтониево мѣсто, или Смоленьску, на Лазарево мѣсто, или Юрьеву, на Олексѣево мѣсто.[109] «И аще ми, — рече,— и до 1000 сребра расточити тебѣ ради и Поликарпа». И рѣхъ ей: «Дъщи моа, Анастасие! Дѣло не богоугодно хощеши сътворити: но аще бы пребылъ в *монастырѣ* неисходно, съ чистою съвѣстию, в послушании игумении и всей братии, трѣзвяся о всѣх, то не токмо бы въ святительскую одѣжю оболченъ, но и вышняго царствиа достоинъ былъ».

Ты же, брате, епископъству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хощеши! Но послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю,[110] и, почетъ, разумѣеши, аще еси что от того исправилъ, какову епископу подобаетъ быти. Но аще бы ты былъ *достоинъ* таковаго сана, то не бых тебѣ пустилъ от себѣ, но своима рукама съпрестолника тя себѣ поставил бых въ обѣ епископии, Владимерю и Суждалю, якоже князь Георгий хотѣлъ,[111] но азъ ему въсбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаешися, каковѣй любо власти въсхощеши, или епископъству, или игуменьству повинешися, — буди клятва, а не благословение! И к тому не внидеши въ святое и честное мѣсто, в немже еси остриглъся.

Яко съсуд непотрѣбенъ будеши, и изверженъ будеши вонъ, и плакатися имаши послѣжде много безъ успѣха.

Не токмо бо есть съвръшение, брате, еже славиму быти от всѣх, но еже исправити житие свое и чиста себѣ съблюсти, От того, брате, Печерьскаго монастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, якоже от самого Христа, Бога нашего, апостоли въ всю *вселенную* послани быша, и, яко свѣтила свѣтлаа, освѣтиша всю Рускую землю святымъ крещениемь. Пръвый — Леонтий, епископъ Ростовъскый,[112] великий святитель, егоже Богъ прослави нетлѣниемь, и се бысть пръвый престолникъ, егоже невѣрнии много мучивше и бивше, — и се третий гражанинъ бысть Рускаго мира, съ онема варягома вѣнчася от Христа,[113] егоже ради пострада. Илариона же, митрополита, и самъ челъ еси в Житии святаго Антониа, яко от того постриженъ бысть, тако священства сподобленъ. Посем же: Николае и Ефремь — Переяславлю, Исайа — Ростову, Германъ — Новуграду, Стефанъ — Владимерю, Нифонтъ — Новуграду, Маринъ — Юрьеву, Мина — Полотску, Никола — Тмутороканю, Феоктистъ — Чернигову, Лаврѣнтей — Турову, Лука — Белуграду, Ефрѣмъ — Суждалю.[114] И аще хощеши вся увѣдати, почти Лѣтописца старого Ростовскаго:[115] есть бо всѣхъ болий 30; а еже потом и до нас, грѣшных, мню, близъ 50.

Разумѣй же, брате, колика слава и честь монастыря того! И постидѣвся, покайся и извол и си тихое и безмятѣжное житие, к немуже Господь призвал тя есть. Азъ бы рад оставилъ свою епископию и работалъ в томъ святемь Печерьском монастырѣ. И се же глаголю ти, брате, не сам себѣ величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть самъ вѣси. Кто не вѣсть мене, грѣшнаго, епископа Симона, и сиа съборныа церьки, красоты Владимерьскиа, и другиа, Суждальскиа церьки, юже сам създахъ?[116] Колико имѣета градовъ и селъ, и десятину[117] събирають по всей земли той, — и тѣмъ всѣмь владѣеть наша худость. И сиа вся бых оставилъ, но вѣси, какова велиа вещь духовнаа и нынѣ обдержить мя, и молюся. Господеви, да подасть ми благо врѣмя на правление.

И съвѣсть тайнаа Господь: и истинно глаголю ти — яко всю сию славу и честь въскорѣ яко калъ вменилъ бых, и аще бы ми ся смѣтиемь пометнути в Печерьскомъ монастырѣ и попираему человѣки, или единому быти от убогых пред враты честныа лавры и сътворитися просителю, — то лучши бы ми врѣменныа сиа *чести*. Единъ день въ дому Божиа Матере паче 1000 лѣт, и в немъ изволилъ бых пребывати паче, нежели жити ми в селех грѣшничих. И въистину глаголю ти, брате Поликарпе: гдѣ слыша сих дивнѣйши, в томъ въ святемь монастырѣ Печерьском чюдеса? Что же ли божественѣйших сих отцевъ, иже в конець вселенныа просиаша, подобно лучам солнечнымъ? О них

же достовѣрно повѣдаю ти настоащим писанием к сим же, иже тебѣ реченнымъ. И се тебѣ, брате, скажю, что ради мое тщание и вѣра къ святому Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЖДАЛЬСКАГО, О СВЯТЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦЕХ ПЕЧЕРЬСКЫХ И ЧТО РАДИ ИМѢТИ ТЩАНИЕ И ЛЮБОВЪ КЪ ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦЕМЬ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРЬСКИМ.[118] СЛОВО 15

Слышах вещь предивну от блаженныхъ техъ старець, яко рѣша слышавъше от самовидець *онѣхъ* таковаго чюдеси, бывшаго при игуменъствѣ Пиминовѣ[119] в Печерьскомъ святѣмъ монастырѣ.

Бысть убо муж съвръшен *въ всякой* добродѣтели в том же Печерьскомъ монастырѣ, имянем Ансифоръ, презвитеръ саном. И прозорлива дара сподобися от Бога, еже видити на всяком человѣцѣ съгрѣшниа. И инаа того исправлениа повѣдают, но се едино скажю.

Бысть сему блаженному Ансифору сынъ духовный, черноризець нѣкто и другъ по любви, иже не истиною подражаше житие того святаго: постникъ ся являася лжею и цѣломудръ ся творя, втайнѣ же ядый и пиа и сквѣрно живый препровади лѣта своа. Се же утаися духовнаго того мужа, и ни единъ же от братиа сего разумѣвъ.

Въ единъ же день, здравъ сый, напрасно умре. Не можаше ни единъ же телеси его приближитися смрада ради, бывъшаго от него. И приатъ же страхъ вся, и нуждею сего изъвлекше, и не можаху пѣниа над нимъ сътворити *смрада ради*. Положивше того особъ и ставъше издалеча, пѣние *обычное* сътворивше, нѣцѣи же заимше ноздри своа. И сего, внесше внутрь, в печерѣ положиша, и толми въсмердѣшася, якоже и безъсловесным бѣгати тоа печеры. Многажды же и вопль слышашеся горекъ, яко нѣции мучаще того.

И явися святый Антоний прозвитеру *Оньсифору*, съ прещениемь глаголя: «Почто се сътворилъ еси? Таковаго скевернаго, и нечистаго, и безаконнаго, и многогрѣшнаго здѣ положилъ еси, якоже таковъ не бысть положен никтоже, иже осквернилъ есть святое мѣсто сие». Възбнувъ же от видениа и пад на лици своемь, *моляшеся* Богу, глаголя: «Господи, что ради съкрылъ еси от менѣ дѣла человѣка сего?» И приступль аггелъ, глаголя ему: «На показание всѣмь съгрѣшающим и

не кающимся бысть се, да видѣвше, покаются». И сие рекъ, невидимъ бысть. Тогда прозвитерь, шед, възвести вся сиа игумену Пимину. И пакы в другую нощь тоже видѣ и рече: «*Изверзи его* вънъ въскорѣ на снедение псомъ, недостоинъ бо есть пребываниа здѣ». Прозвитерь же пакы на молитву обратися, и бысть к нему глас, глаголяй: «Аще хощеши, — *помози* ему».

Съвѣт же сътворше съ игуменомъ, да нуждею приведуть нѣкия, и извлекуть и вонъ, и въврьгут и в воду, волею бо никтоже можаше горе той приближитися, идѣже бѣ печера. Пакы же явися имъ святый Антоний, глаголя: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обѣта брата моего, иже к вамь обѣщахся, *яко* всякъ, положенный здѣ, помилованъ будет, аще и грѣшенъ есть. Не суд бо хуждешии, иже со мною здѣ в печерѣ отци, бывших прежде закона и по законѣ, угодивших Господу Богу моему и пречистей его Матере, — да ни единъ от сего монастыря осужденъ будет въ муку. Господь же рече ми, яко слышати ми глас его: “Азъ есмь рекий Аврааму: двадесяти ради праведникъ не погублю града сего”,[120] — то кольми паче тебѣ ради и иже сущих с тобою помилую и спасу грѣшника; аще здѣ постигнет умрети, в покои будеть». Сиа же слышавъ Анъсифоръ от святаго, вся видѣннаа и слышаннаа възвѣсти игумену и всей братии. От них же азъ обретох единаго, иже исповѣда ми вещь сию от тѣх пръвыхъ черноризець.

Пиминъ же игуменъ, въ множѣ недоумѣнии бывъ от страшней сей вещи, съ слезами моляше Бога о спасении души братнѣй. И бысть ему явление от Бога нѣкое, тако глаголюще: «Понеже здѣ мнози грѣшнии положени быша, и вси прощени быша ради угодивших ми святыхъ, иже в печерѣ, и сего же окааннаго душу помиловахъ Антониа ради и Феодосиа, рабу моею, и сущихъ с нима святыхъ черноризець молитвою. И се ти знамение буди изменению: смрад бо на благовоние преложися». И сие слышавъ, игуменъ радости исполнився, и, съзва всю братию, сказа имъ явление, и иде с ними к печерѣ видѣти бывъшаго; и обоняше вси благоюхание от телеси его, злосмрадие же и вопль никакоже слышашеся. И всй насладишася добровониа, прославиша Бога и святаа его угодникы, Антониа и Феодосиа, о спасении братнѣ.

И сего ради азъ, грѣшный, епископъ Симонъ, тужу, скорблю, и плачю, и жалаю тамо ми скончатися, да бых точию положенъ былъ въ божественой тоии пръсти и малу отраду приалъ бых многых ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отець о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемъ, ему же слава нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣком.

О БЛАЖЕННѢМЬ ЕУСТРАТИИ ПОСТНИЦИ. СЛОВО 16

Нѣкий человѣкъ прииде ис Киева в печеру, хотя быти черноризець. И повелѣ игуменъ его пострищи, и нарече имя ему Еустратие. Онъ же, раздаа все свое имѣние убогым, мало нѣчто остави ближним своимъ, да по нем раздають. Бысть же сий черноризець Еустратий постникъ и послушникъ всѣмь.

Той же блаженный, *крѣпя и моля вся християны*, наказоваше ихъ, глаголя: «Братие, елико вас крестися и въ Бога вѣроваете, не будемъ отмѣтници своего обѣта, еже въ святѣмь кресщении. Христосъ бо ны искупи от клятвы законныа и породи водою и духомъ, сыны и наслѣдникы нас сътвори: то аще умремъ — Господеви умремъ; *аще ли* живем — бытию длъжнаа послужим; аще за люди умремь — смертию живот купимъ, той животъ вѣчный дасть намъ».

Бѣ бо сий Еустратие плененъ безбожными агаряны[121] и проданъ жидовину. Не по мнозѣх же днехъ вси изомроша от глада и истаавша жаждею: овии по трех днехъ, инии же по седми, крѣпции же по 10 днехъ. И скончашася вси гладом и жаждею. Бѣ же их числом 50: от монастырьскых работникъ 30, от Киева 20.

Минувшимъ же днемъ 14, оста мнихъ единъ живъ, бѣ бо постникъ от младых ноготь. Видѣвъ же жидовин, яко сий мних вина бысть погыбели злата его, еже на плѣнных вдасть, и съдѣа на немъ Пасху свою. Наставшу же дни Въскресениа Христова, поругание сътвори святому Еустратию: по писанному въ Евангелии, иже сътвориша на Господа нашего Иисуса Христа и поругашеся ему, и тако и сего блаженънаго пригвоздиша къ кресту. И благодаряше Бога на нем, и живъ бысть 15 дней.

Жидове же рѣша ему: «Нынѣ насытися законныа пища, безумнѣ, да живъ будеши, ибо Моисий, закон приимъ от Бога, намъ дасть, и се во книгахъ речено бысть: “Проклят всякъ, висяй на древѣ”.[122] Мних же рече: “Велики благодати сподобил мя есть Богъ днѣсь пострадати. Иречет ми, яко и разбойнику: “Днесь съ мною будеши в раи”.[123] Сам бо разори клятву законную и въведе благословение. О нем же рече Моисий: “Узрите живот вашь, висящь прямо очима вашима”;[124] Давидъ же: “Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои”, и пакы: “Разделиша ризы моа себѣ и о матизмѣ моей меташа жребиа”.[125] О семъ же дни глаголеть: “Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемся и възвеселимся и во нь!”[126] Ты же и иже с тобою жидовѣ днѣсь въсплачете и възрыдаете, яко прииде на вы отвѣтъ от Бога, и кровѣ ради моеа и всѣхъ христианъ, яко субот ваших *ненавидить* Господь и

преложи праздникы ваша в сѣтование,[127] яко убиенъ *бысть* началник вашего безакониа».

Слышавъ же сиа жидовинъ, яко распят сый и поносит ему, и, вземь копие, прободе его, и тако предасть душу свою Господеви. И бѣ видѣти душу преподобнаго, носиму на колесници огнѣнѣ, и кони огняни, и глас бысть, глаголя греческыи: «Се добрый небеснаго града гражанинъ нареченный!» И сего *ради* протостраторъ[128] зоветься въ *поминании* вашем.

И ту абие вѣсть бысть от царя на жиды том дни, да ижденуть вся жиды, и имѣниа ихъ отъимше, а старѣйшины избиють. Бысть убо сицева вѣщь. Нѣкто от жидовъ крестися, богат сый и храборъ велми, и сего ради приатъ его царь, по малех же днехъ сътвори его епарха.[129] Онъ же, получивъ санъ, втайнѣ бывает отмѣтникъ Христа и его вѣры и дасть дрързновение жидовомъ по всей области Греческаго царства, да купят христианы в работу себе. Обличенъ же бывъ нечестивый сей епархъ и убиенъ бысть, по словеси блаженнаго Евстратиа, и ту сущаа жиды, иже озимостваша в Коръсуни;[130] и имѣниа отъимше того жидовина, а съдѣлавшаго на блаженнаго повѣсиша. «Обрати бо ся болѣзнь того на главу его, на връхъ того неправда его снидет».[131]

Тѣло же святаго в море вверъжено бысть, идѣже множество чюдесъ сътворяется. По искании же быша вѣрными святыа его мощи не обретенныи, не въсхотѣ бо святый от человѣкъ славы, но от Бога. Окааннии же жидовѣ, видѣвше чюдо страшно, и крестишася.

О СМИРЕННЕМЪ И МНОГОТРЪПѢЛИВЕМ НИКОНѢ ЧЕРНОРИЗЦИ. СЛОВО 17

Другый же мних, имянем Никонъ, въ пленении сый, окованъ дръжимъ бѣаше. И прииде нѣкто от Киева, хотя искупити его. Сий же не рад о том, бѣ бо от великих града. Тожде христолюбець искупи многы пленникы, възвратися. Слышавши же, свои ему съ многымъ имѣниемь идоша искупити его. Мних же рече к нимъ: «Никакоже всуе истощите имѣниа вашего. Аще бы хотѣлъ Господь свободна мя имѣти, не бы мя предалъ в руцѣ безаконным симъ и лукавнѣйшю паче всеа земля. Той бо рече: “Азъ есмь предаай священникы въ плѣнъ”. Благаа ли въсприахомъ от рукы Господня, — злых ли не търпимъ?» Сии, укоривъше его, отъидоша, носящи съ собою богатество много.

Половци же видѣвше *лишение* своего желаниа и начаша мучити мниха велми немилостивно. За 3 лѣта по вся дни озлобляемь и вяжемъ, на огни пометаемь, ножи разрѣзаемь, окованнѣ имый руцѣ и нозѣ на солнцѣ пребываа жгом, от глада и жажди скончеваемь, овогда бо чрезъ день, овогда чрес два дни или за три дни ничтоже вкушаа. И благодаряше Бога о всѣх сихъ и моляшеся. Зимѣ же на снѣгу и на студении пометаемь. Се же все творяху ему окааннии половци, да дасть на *собѣ* искупъ многъ. Онъ же глаголаше к ним, яко: «Христосъ избавит мя туне от рукъ ваших; уже бо извѣщение приахъ: яви бо ми ся братъ мой, его же прадасте жидовом на распятие. И тии бо осудятся с рекшими: “Възми, възми, распни его, кровъ его на нас и на чадѣх нашихъ!”[132] — вы же, окааннии, съ Июдою мучими будете въ вѣки, яко предатели нечестивии, безаконници. Тако бо ми рече святый Герасим, яко: “Въ 3 день имаши въ монастырѣ быти, молитвъ ради святыхъ Анътониа и Феодосиа и святыхъ черноризець, иже с ними”». Слышав же половчинъ, мнѣвъ, яко бежати хощет, и подрѣза ему лыста, да не убѣжит, и стрежаху его крѣпко. В 3-й день *всѣмъ* преседящим у него въ оружии, въ 6 час невидимъ бысть, и слыша глас, глаголющь: «Хвалите Господа!» — съ небесъ.

И тако въ церковь Печерьскую пресвятыа Богородица принесенъ бысть невидимо въ врѣмя, егда начаше кенаникъ пѣти.[133] Вся же братиа стекошася к нему и въпрошаху его, како сѣмо *прииди*? Онъ же исперва хотя утаити преславное то чюдо. Видѣвши же на немь желѣза тяжка, и раны неисцѣлныа, и все тѣло, съгнившеся ранами, и самаго суща въ юзах, и еще крови каплющи от прерѣзаная лыстовъ, — и не аша вѣры.

Послѣди же яви имъ истинну и не дасть отняти желѣзъ от руку и ногу. Игуменъ же рече: «Брате, аще бы хотѣлъ Господь в нужи тя имѣти, не бы тя извелъ оттуду; нынѣ же повинися воли нашей». И снемше с него желѣза, и сковаша еже на потрѣбу олътареви.

По днехъ же мнозехъ прииде онъ половчинъ в Киевъ мира ради, иже дръжавый блаженнаго сего, и вниде в монастырь Печерьский. Видѣвъ же старца, сказа игумену и всей братии, еже о немь, и к тому не възвратився въспять, но крестися и бысть мних, и с родомъ своим; и ту живот свой скончаша въ покоании, работаше плѣннику своему, и суть положени въ своемь притворѣ.

Многа же и ина исправлениа того блаженнаго Никона повѣдуеть, о нихже нѣсть нынѣ врѣмя писати, но се едино ти скажю. Егда бѣ въ пленении блаженный сей, разболѣвшися нѣкогда пленником от глада и *жажди*. Заповѣда имъ блаженный не вкусити ничтоже от поганых, самъ же, въ юзах, молитвою вся исцѣли и бѣжати сътвори невидимо.

Пакы же тому половчину умрети хотящу, заповѣда женамъ своимъ, дѣтемъ, да сего мниха распнут над ним. Сий же помоливъся, блаженный, и исцели и: прозря того послѣднее покаание, себѣ же избави горкиа смерти. Сий же убо Никонъ «Сухий» именуется въ поминании вашем: истекъ кровию, и изъгнивъ от ранъ, и изхну.

К Поликарпу. Како възмогу, брате, исповѣдати тебѣ святыхъ муж, бывших въ честнѣмъ том и блаженнѣ монастырѣ Печерьскомъ?! *Ихъ же* ради добродѣлнаго житиа и погании крестишася, и быша мниси, яко оного ради блаженнаго, предреченнаго Христова мученика Герасима жидове крестишася, сего же ради страстотръпца Никона половци же быша черноризци. Многа же и паче сихъ слышалъ еси от мене, грѣшънаго епископа Симона, и худжьшаго въ епископѣхъ, недостойна суща тѣхъ святыхъ черноризецъ подножию; им же, мню, не весь миръ достоинъ, ни тому же самому списателю, исписати могущу тѣхъ чюдес. Къ тѣм бо рече Господь: «Тако да просвѣтится свѣт вашь пред человѣкы, да видят ваша добраа дѣла и прославят Отца вашего, иже есть на небесѣхъ».[134] Что же убо и бысть измѣнение нашего обѣщаниа и претворение житиа от таковыа высоты въ глубину житейскую впадшим? Начална наставники имам, равны бесплотным, пръвыа же молитвеникы и ходатаа ко Творцю, подобни бо суть аггеломъ и мученичьскими увязени венци!

О СВЯТѢМЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИЦѢ КУКШѢ И О ПИМИНѢ ПОСТНИЦИ. СЛОВО 18

Волею како премену сего блаженнаго и священномученика, того же монастыря Печерьскаго черноризца, Кукшу, егоже вси извѣдають, како бѣси прогна, и вятичи крести, и дождь съ небеси сведе, и езеро изъсуши, и многа чюдеса сътворивъ, и по многых муках усеченъ бысть съ учеником своим. С нима же и Пиминъ, блаженный постник, въ единъ день скончася, проувѣдевъ свое отхождение къ Господу прежде двою лѣту, и многа ина пророчествовавъ, недужныа исцеливъ. И посреди церкви велегласно рекъ: «Брат нашь Кукша противу свѣту убиенъ бысть». И то рекъ, преставися въ единъ час с тѣма святыма.

Къ Поликарпу. *Оставлю* убо много еже глаголати о святыхъ. Аще ли не довлѣетъ ти моа бесѣда, иже слыша от устъ моих, то ни самое писание на увѣрение тя приведет; аще ли же симъ не вѣруеши, то аще кто от мертвых въскреснеть, — не имеши вѣры.

О СВЯТѢМЬ АФОНАСИИ ЗАТВОРНИЦИ, *ИЖЕ* УМЕРЪ И ПАКЫ ВЪ ДРУГЫЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫСТЬ ЛѢТ 12. СЛОВО 19

Бысть убо и се в том же святѣ монастырѣ. Брат единъ, живый свято и богоугодно житие, имянемь Афонасие, болѣвъ много, умре. Два же брата отрътше тѣло мертво, отъидоста, увивше его, якоже подобает мертваго. По прилучаю же пришедше нѣции и, видѣвше того умеръша, отъидоша. Пребысть же мертвый всь день непогребенъ: бѣ бо убог зѣло, не имѣа ничтоже мира сего, и сего ради небрегомъ бысть; богатым бо всякъ тщится послужити и в животѣ, и при смерти, да наслѣдит что.

В нощи же явися нѣкто игумену, глаголя: «Человѣкъ Божий сей два *дни* имат непогребенъ, ты же веселишися». Увѣдевъ же игуменъ о семъ, въ утрий день съ всею братиею приде къ умершему, и обретоша его сѣдяща и плачюща. Ужасошася, яко видѣвша того оживъша, въпрошаху того, глаголюще: «Како оживѣ или что видѣ?» Сий же не отвещеваше ничтоже, точию: «Спаситеся!» Они же моляхуся ему слышати что от него, да и мы, рече, ползуемся. Онъ же рече к нимъ: «Аще вы реку, не вѣруете ми». Братиа же к нему съ клятвою рѣша, яко: «Съхранимъ все, еже аще речеши намъ». Онъ же рече имъ: «Имѣйте послушание въ всем къ игумену, и кайтеся на всякъ час, и молитеся Господу Иисусу Христу, и пречистей его Матере, и преподобнымъ отцемь Антонию и Феодосию, да *скончаете* живот здѣ и съ святыми отци погребении сподобитеся въ печерѣ. Се бо боли всех вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнет сиа вся исполнити по чину, точию не възносися. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя».

Шед же в печеру, заградився о себѣ двѣри и пребысть, не глаголя никомуже ничтоже, 12 лѣт. Егда же хотяше преставитися, призвав всю братию, тожде ей глаголаше, ежи испръва, о послушании и о покоании, глаголя: «Блаженъ есть, иже здѣ сподобивыся положенъ быти». И сие рекъ, почи с миромъ о Господѣ.

И бѣ нѣкто брат *единъ*, боля лядвиами от лѣт многъ; и принесенъ бысть над него; обоимъ же тѣло блаженнаго и исцелѣ от того часа, и дажде до дьне смерти своеа никакоже поболѣвъ лядвиами, ниже инымъ чим. И *сему исцѣлѣвшему* имя Вавила. И той сказа братии сицѣ: «Лежащу ми, — рече, — и въпиющу от болѣзни, и абие вниди сий блаженный и глаголя ми: “Прииди, исцелю ти”. Азъ же хотя того въпрошати, когда и коли сѣмо прииде, онъ же абие невидимъ бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди Господеви, никогдаже бо изыде и виде солнце въ 12 лѣт, и плачася не преста день и нощь, ядяше бо мало хлѣба и воды *пооскуду* пиаше, и то чрес день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго имъ.

Аще ли кому невѣрно мнится се написанное, да почтет житие *святыхъ* отець нашихъ Антониа и Феодосиа, началника рускымъ мнихом, — и тако да вѣрують. Аще ли ни тако пременится, неповинни суть: подобает бо збытися притчи, реченней Господѣмъ: «Изыде сѣати сѣмени своего, ово паде при пути, и другое паде в терннии»[135] — иже печалми житейсками подовляються, о них же пророкъ рече: «Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжко слышаше»; другый же: «Господи, кто вѣрова слуху нашему?»[136]

К Поликарпу. Ты же, брате и сыну, симъ не въслѣдуй; не тѣхъ бо ради пишу сие, но тебѣ приобрящу. Съвѣт же ти даю: благочестиемь утвердися въ святѣмъ *томъ монастырѣ* Печерьском, не въсхощеши власти, ни игуменъства, ни епископьства; и довлѣет ти къ спасению, иже конъчати жизнь свою в немь. Вѣси сам, яко могу сказати всѣхъ книг подобнаа; уне ми, тебѣ полѣзнаа, еже от того божественаго и святаго монастыря Печерьскаго съдѣаннаа и слышаннаа от многых мало сказати.

О ПРЕПОДОБНЕМ КНЯЗИ СВЯТОШИ ЧЕРНИГОВСКОМ.[137] СЛОВО 20

Се блаженный и благовѣрный князь Святоша, имянемъ Николае, сынъ Давидовъ, внукъ Святославль, помысли убо прелесть житиа сего суетнаго, и яко вся, яже здѣ, мимо текут и мимо ходят, и будущаа же благаа непроходима и вѣчна суть, и царство небесное *бесконечно* есть, иже уготова Бог любяшим его, — остави княжение, и честь, и *славу*, и власть, и вся та ни въ что же вменивъ, и пришед въ Печерьский монастырь, и бысть мних, в лѣто 6614, февруариа 17.[138]

Его же вси исповѣдають ту сущии черноризци добродѣтелное его житие и послушания. Пребысть же в поварни 3 лѣта, работаа на братию; своима рукама дрова сѣкаше на потрѣбу сочиву, многажды же и съ брега на своею раму ношаше дрова; и едва остависта *брата* его Изяславъ и Владимеръ[139] от таковаго дѣла. Сей же истинный послушник с молбою испроси, да едино лѣто еще въ поварни поработает на братию. И тако сий яко искусенъ и съвръшен въ всѣмъ, и по сем приставиша его ко вратом *монастыря*, и ту пребысть 3 лѣта, не отходя никаможе, развѣ церкви. И оттуду убо повелѣнно бысть ему служити на трапезѣ. И тако, игуменею волею и всеа братиа, принуженъ бысть кѣлию себѣ имѣти, юже сътвори, яже и донынѣ зовома есть «Святошина», и *оград*, егоже своима рукама насади.

Глаголють же о немъ и се, яко вся лѣта чернечества *его* не видѣ его никтоже николиже праздна, но всегда имяше рукодѣлие в руках своихъ, и симъ доволне быти одежди его от таковаго рукодѣлиа. Въ устѣх же всегда имяше молитву Иисусову беспрестани: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя!» Не вкуси же иного ничтоже, токмо от монастырьскиа яди питашеся; аще и много имяше, но та вся на потрѣбу странным и нищим подаваше и церковное строение. Суть же и книгы его многы и донынѣ.

Имяше же сий блаженный князь Святоша, еще въ княжении сый, лѣчца хытра велми, имянем Петра, родомъ *сирянина*, иже прииде с ним в монастырь. Видѣвъ же сего Петръ волную нищету, в поварници же и у врат присѣдяща, лишився его и живяше в Киевѣ, врачюа многы. Прихождаше часто къ блаженному и, виде его въ мнозѣ злострадании и безмѣрном пощении, увѣщеваше его, глаголя: «Княже, *достоит* ти смотрѣти о своемь здравии, и тако погубити плоть свою многым трудомъ и въздержаниемь, иже иногда изънемогъшу ти, не *мощи* имаши понести наложеннаго ти ярма, егоже еси изволилъ Бога ради. Не хощет бо Богъ чресъ силу поста или труда, но точию сердца чиста и съкрушена; ниже обыклъ еси той нужды, юже твориши, работаа яко нужный рабъ. Но и благочестиваа твоа братиа Изяславъ и Владимеръ великую убо *укоризну* имѣета себѣ нищетою твоею. Како от таковыа славы и чести въ послѣдне убожество прииде, еже уморяти тѣло свое и датися в недугъ подобныа пища. Дивлюся утробнѣй ти влазѣ, иже иногда отягчѣнѣ бывше от сладкиа пища, нынѣ же убо суровое зелие и сухъ хлѣбъ приемлющь тръпит. Блюди, да нѣкогда недуг отвсюду събрався, и не имущю ти крѣпости, скоро живота гоньзнеши, мнѣ же не могущу ти помощи, оставиши плачь неутешим братома своима. Се бо и боаре твои, служивше тобѣ, мнящеися иногда велиции быти *и* славни тебѣ ради; нынѣ же, лишени твоеа любве, желѣтвѣ: домы великие сътворивше, и сѣдят в них въ мнозѣ унынии. Ты же не имаши гдѣ главы подклонити, на смѣтиищи сем сѣдя, и мнят тя яко изумѣвшася. Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отець твой Давидъ, или дѣд твой Святославъ, или кто въ боарех се сътвори, или сего пути *въждел*ѣ, развѣ Варлаама, игумена бывшаго здѣ?[140] И аще мене преслушаешися, преже суда суд приимеши».

Се же и многажды глаголаше ему, овогда в поварни с нимъ сѣдя, иногда же у вратъ, наученъ братома его. И отвеща блаженный: «Брате Петре! Многажды смотрѣх и разсудихъ не пощадѣти плоти моеа, да не пакы брани на ся въставлю: да сългнѣтаема многым трудомъ, смирится. Силѣ бо, — рече, — брате Петре, в немощи подобно съвръшитися.[141] Не суть бо страсти *нынѣшнего* времени точнии будущей славѣ, *хотящей* явитися в нас.[142] Благодарю же Господа, яко свободил мя есть от мирьскиа работы и сътворилъ мя есть слугу рабом своим, блаженным симъ черноризцем. Брата же моа да внимаета собѣ, кождо бо свое

бремя понесет, и довлѣеть има и моа власть. Сиа же вся Христа ради оставих: и жену, и дѣти, дом, и власть, и братию, другы, и рабы, и села — и того ради *чаю* жизни вѣчныа наслѣдникъ быти. Обнищахъ же Бога ради — да того приобрящу. И ты убо, егда уврачюеши, не гнушати ли ся велиши брашенъ? Мнѣ же умрети за Христа — приобрѣтенние есть, а еже на сметиищи седѣти — съ Иевомъ ся творя царствие.[143] Аще же ни единъ князь сего не сътворилъ прежде менѣ, предвождай да авлюся имъ: якоже ли поревнуеть сему, и да въслѣдуеть сему и мнѣ. Прочие, еже внимай собѣ и научившим тебѣ».

И егда убо разболяшася сий блаженный, и, видѣвь же его, лечець *приготовляеть* зѣлиа на потрѣбу врачеваниа, на кыйждо недугъ, когда бѣаше или огненое жжение, или теплота кручиннаа, и прежде пришѣствиа его здравъ бываше князь, никакоже не дадый себѣ врачевати. И се многажды сотворися. Нѣкогда же *тому* Петрови разболѣвъшуся, посла к нему Святоша, рече: «Аще не пиеши зѣлиа, — *скоро* исцѣлѣеши; аще *ли* менѣ *преслушаешися*, — много имаши пострадати». Онъ же, хитръ ся творя и болѣзни гонзнути хотя, мало живота не погрѣши, растворениа вкусивъ. Молитвою же святаго исцелѣ.

Пакы же сему разболѣвшуся, наречие посылаеть к тому святый, глаголя, яко: «Въ 3 *день* исцелѣеши, аще не врачюешися». Послушавше его сирианинъ, въ 3-й день исцѣлѣ, по словеси блаженнаго. Призвав же его, святый глагола ему, веля ему острищися. «По трѣх бо мѣсяцѣхъ, — рече, — отхождю свѣта сего». Се же рече, назнаменуа ему смерть. *Сирианинъ* же *не* разумѣвъ хотящаа ему быти, сий Петръ пад пред ногами ему, съ слезами глаголя: «Увы мнѣ, господине мой и добродѣтѣлю мой, и драгый мой животе! Кто призрить на странъствие мое, и кто напитает многую чадь трѣбующих, и кто заступит обидимых, кто помилуеть нищих? Не рѣхъ ли ти, о княже, оставити имаши плачь неутѣшимый братома си? Не рѣхъ ли ти, о княже, не тако ли мя словом Божиимь исцѣли и силою, якоже твоею молитвою? Гдѣ нынѣ отходиши, пастырю добрый? Повѣждь мнѣ, рабу своему, язву смертную, да аще азъ тя не изоврачюю, да будеть глава моа за главу твою и душа моа за душу твою! Не млъча отъиди от менѣ, но яви ми, господине: откуду ти таковаа вѣсть, да дам живот свой за тя. Аще же извѣстил ти есть Господь о том, моли его, да азъ умру за тя. *Аще ли же оставляеши мя, то гдѣ сяду* и плачюся своего лишениа: на сметиищи ли семь, или въ вратех сихъ, идѣже пребываеши? Что ли имамъ наслѣдовати твоего имѣниа? Самому ти нагу сущу, но и отходящу ти, в сѣх исплатенныхъ рубищах положенъ будеши. Даруй ми твою молитву, якоже древле Илиа Елисѣови милоть,[144] да раздражу глубину сердечную и проиду мѣста райскаа крову дивна дому Божиа. Вѣсть же и звѣрь по возшествии солнца събратися, на ложих своихъ да лягуть, и бо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенца своа,[145] — ты же 6 лѣт имаши в монастыри и мѣста твоего не познах».

Блаженный же рече к нему: «Добро есть уповати на Господа, нежели надѣатися на человѣка: вѣсть же Господь, како препитати всю тварь, могый заступати и спасати бѣдныа. Брата же моа, не плачита менѣ, но плачита себѣ и чад своих. Врачеваниа же в животѣ не требовахъ, *мертвии* бо живота не имут видѣти, ни врачеве могут въскресити». Исходя же с ним в печеру, исъкопа гробъ себѣ и рече сирянину: «Кто наипаче възлюби гробъ сей?» И рече сирянинъ: «Видѣ, яко аще кто хощет, но ты живи еще, а мене здѣ положи». Блаженный же рече: «Буде тебѣ, якоже хощеши». И тако остригся, пребысть плачася день и нощь не престаа за три мѣсяци. Блаженный же утѣшаше его, глаголаше: «Брате Петре! Хощеши ли, поиму тя с собою?» Онъ же со плачем рече к нему: «Хощу, да мене пустиши, и азъ за тя умру, ты же моли за мя». И рече к нему блаженный: «*Дръзай*, чадо, готовъ буди: въ 3-й бо день отъидеши к Господу». По проречению же святаго, по 3-хъ дьнехъ причастився божественыхъ животворящих тайнъ бесмертных, и възлегъ на одрѣ, опрятався, и простеръ нозѣ, предасть душу в руцѣ Господеви.

Блаженный же князь Святоша потом пребысть лѣт 30, не исходя из монастыря, дондеже преставися въ вѣчный живот. И въ день преставлениа его мало не весь град обретеся.

И се увѣдавъ брат его и пославъ с молбою къ игумену, глаголя, прося собѣ на благословение креста, иже у паремантии его,[146] възглавница и кладкы его, на нейже кланяшеся. Игуменъ же дасть ему, рекъ: «По вѣре твоей буди тобѣ!» Сей же, приимъ, честно имяше и вдасть игумену 3 гривны злата, да не туне възметь знамение братне. Сему же Изяславу нѣкогда разболѣвшуся, и уже в нечаании от всѣхъ бывша, и при смерти суща того видѣвше, приседяху ему жена его, и дети его, и вси боляре. *И сий же*, мало въсклонився, проси воды печерьскаго кладязя и тако онемѣ. Пославше же, взяша воды; и, отръше гробъ святаго Феодосиа, дасть же игуменъ власяницу[147] Святошину, брата его, да облекуть его в ню. И прежде *даже* не вниде *носяй* воду и власяницю, и абие проглагола князь: «Изыдете скоро на срѣтение пред градъ преподобныма Феодосию и Николѣ». Вшедшу же посланному с водою и съ власяницею, и възопи князь: «Никола, Никола Святоша!» И давше ему пити, и облекоша его въ власяницу, и абие здравъ бысть. И вси прославиша Бога и угодникы его. Ту же власяницу взимаше на ся, егда разболяшася, и тако здравъ бываше. Самъ же къ брату ехати хотяше, и удръжанъ бысть от тогда сущих епископъ. Въ всякую же рать сию власяницу не себѣ имяше, и тако без вреда пребываше. Съгрѣшившу же ему нѣкогда, не смѣ взяти еа не себѣ, и тако убиенъ бысть *в* рати;[148] и заповѣда в той же положити ся.

Многа же и ина исправлениа о том мужи повѣдають. Иже и донынѣ свѣдають ту сущии черноризци о блаженнѣмъ князи Святоши.

К Поликарпу. И пакы обращу к тебѣ слово. Что таковое ты сътдѣа? Богатество ли остави? — но не имѣ его. Славу ли? — но не постиже еа, от убожества въ славу прииде и въ все благое. Помысли сего князя, егоже ни единъ князь в Руси сътвори: волею бо никтоже вниде в чернечество. Въистину сий болѣ *всих* князий рускыхъ! Како же сравнается твоа укоризна того власяници? Ты бо в наготу позванъ еси — и се ризами красными украшаешися, и сих ради обнаженъ имаши быти нетлѣнныа одѣжда и, яко не имѣа брачныа ризы, *сирѣчь* смирениа, — осудишася. Но что пишет блаженный Иоанъ, иже в Лѣствици: «Жидовинъ жадаеть брашна, да празнуеть по закону».[149] Ты же, сим подобяся, попечение твориши о питии и о ядении, симъ славенъ ся творя. Послушай блаженнаго Евагриа:[150] «Мних, аще согрѣшить, празника на земли не имать». Ни питай тѣла своего, да не супостат ти будеть, ни выше мѣры начни высокых: егда не возмогъ, укоризну себѣ восприимеши. Буди подражатель святых отець, *да не* будеши лишен божественыа славы тоа. Аще не постигнеши съ совръшенными венчанъ быти, поне со угодившими похваленъ быти подщися. Вчера пришелъ еси в чернечьство, и уже обещеваешися, и прежде навыкновениа епископъству хощеши, и законодавець крѣпокъ показуешися; и прежде *своего* покорениа всѣхъ смирити хощеши; мудроствуеши высокаа, съ грътдынею повелеваа, съпротивно отвещеваа. Сиа вся навыкох от устъ твоихъ, яже помышляеши о земныхъ, а не о небесных; о плотъскихъ, а не о духовных; о похотех, а не о въздержании; о богатествѣ, а не о нищетѣ. Свѣта отступи, а въ тму дал ся еси; жизнь отвръгъ и муку вечную себѣ уготовалъ еси, приимъ оружие на врага, и то въ свое сердце вънзилъ еси. Въспряни, брате, и разумѣй опасно о своем житии, неподвижну мысль имѣа и умъ от святаго мѣста того.

Но и се ти, брате, исповем, подобно твоему тщанию.

О ЕРАЗМѢ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ *ИСТРОШИ* ИМѢНИЕ СВОЕ КЪ СВЯТЫМЬ ИКОНАМЬ И ТѢХ РАДИ СПАСЕНИЕ ОБРЕТЕ. СЛОВО 21

Бысть черноризець имянем Еразмъ в том же *монастыре* Печерьскомъ; имѣа богатество много, и все, иже имѣа, на церковную потрѣбу истроши, иконы многы окова, иже и *донынѣ* суть у васъ *над* олтарем. И сий обнища велми, и небрегомъ бысть никимже, в нечаание себѣ въвръгъ, яко не имѣти ему мзды истощеннаго ради ему богатества, еже въ церковь, яко не въ милостыню сътвори. Сиа диаволу ему вложившу въ сердце, нача нерадениемъ жити и въ всяком небрежении и бесчинно дьни своа препроводи.

И разболѣвся зѣло и наконець пребысть нем и *не* зряй 8 дьний, и мало дыхание въ пръсех имы. Въ 8-й же день приидоша к нему вся братиа, и видяще страшное издыхание его, чюдящеся, глаголаху: «Горе, горе души брата сего! Яко в лѣности и въ всякомъ гресе пожитъ, и нынѣ нѣчто видить, и мятеться, не могый изыти».

Сий же Еразмъ, яко николиже болѣвъ, въставъ, сѣде и рече имъ: «Братиа и отци, послушайте, въистинну тако есть. Якоже вси вѣсте, яко грѣшникъ есмь и не покаахся и донынѣ. И се днѣсь явиста ми ся святаа Антоний и Феодосий, глаголющи ми: “Молиховеся къ Господу, и дарова тебѣ Господь врѣмя покаанию”. И се видѣхъ святую Богородицю, имущу на руку Сына своего, Христа, Бога нашего, и вси святии с нею. И глагола ми: “Еразмѣ! Понеже ты украси церковь мою и иконами възвеличи, и азъ тя прославлю въ царствии Сына своего, убогыа бо всегда имате съ собою.[151] Но, въставъ, покайся и приими великий аггельский образъ,[152] и въ 3-й день поиму тя, чиста, к себѣ, и възлюблешаго благолѣпие дому моего”».

И сиа рекъ братии, и нача исповѣдати грѣхы своа, елико сътвори, пред всими не стыдяся, радуася о Господѣ. И тако въставъ, иде въ церковь, и пострыженъ бысть въ схыму, и в 3-й день ко Господу отъиде въ добре исповѣдании. Се слышах от тѣхъ свѣдѣтель святыхъ и самовидець, блаженных старець.

К Поликарпу. Да се вѣдый, брате, не мни: «Въсуе истрошивъ, еже имѣ», яко все пред Богомъ изочтено есть и до мѣдници. Чай от Бога милости труда ради твоего. Двои двѣри доспѣлъ еси тои святѣй велицей церкви Святыа Богородица Печерьскиа, и та отвръзеть ти двѣри милости своеа, ибо ерѣи въпиють *о* таковых всегда в той церьки: «Господи, освяти любящаа благолѣпие дому твоего и *тыя* прослави божественою силою твоею!» Помяни же и оного патрикиа, иже крестъ повелѣ сковати от злата чиста. Ему же възревнова юноша, и мало своего злата приложивъ, наслѣдникъ бысть всему имѣнию его.[153] Ты же, аще изнуриши сущее на славу Божию и пречистой его Матере, не погубиши мзды своеа, но рци съ Давидом: «Приложу на всяку похвалу твою»,[154] — и тебѣ речеть Господь: «Прославляющаа мя прославлю».[155] Понеже самъ ми еси реклъ: «Уне ми, еже имѣю, то все на церковъную потребу истрошу, да не *напрасно ратию*, или татми, или огнемъ взято будет». Азъ же похвалих доброе произволение твое. «Обещайтеся бо, — рече, — Господеви — въздатите».[156] Уне бо есть не обещатися, нежели обещавшуся, не въздати.[157]

Аще ли что таковому лучится, когда или ратию, или татми украдену быти, никакоже похули, ни смутися, но благохвали Бога о сем, и съ Иовомъ рци: «Господь дасть, Господь взять».[158]

И еще ти к *сему* исповѣмъ о Арефѣ черноризци.

О АРЕФЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ЕМУЖЕ ТАТМИ УКРАДЕННОЕ ИМѢНИЕ ВЪ МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИСЯ, И СЕГО РАДИ СПАСЕСЯ. СЛОВО 22

Бысть убо черноризець в том же Печерьскомъ *монастырѣ*, имянемъ Арефа, родом полочанинъ. Много богатество имѣа въ кѣлии своей и никогдаже подаде ни единоа цаты[159] убогому, ниже хлѣба, и толми бѣ скупъ и *немилосердъ*, яко и самому ся гладом уморяти.

Въ едину же нощь пришедше татие, покрадоша все имѣние его. Сий же Арефа от многыа скорби, яже о златѣ, хотѣ сам ся погубити, и тяжу велику възложи на неповинныхъ, и многых мучивъ бес правды. Мы же вси моляхомся ему престати от възысканиа, онъ же никакоже послушаше. Старци же блаженнии ти, утѣшающе его, глаголаху: «Брате! Възверзи на Господа печаль свою, и тъй тя препитаеть».[160] Сий же жестокыми словесы всѣмъ досаждаше.

По малех же дьнехъ впадъ в недугъ лютъ, и уже при конци бывъ, ни тако преста от роптаниа и хулы. Но иже всѣхъ Господь хотя спасти, показа ему аггельское пришѣствие и бесовъскиа полки, и начат и звати: «Господи, помилуй! Господи, съгрѣшихъ, — твое есть и не жалю си». Устрабивъ же ся от болѣзни и сказаше нам явление. «Егда, — рече, — приидоша аггели, и внидоша бѣси, и начаша истязатися о украденномъ златѣ, и глаголаху *бѣси*: “Яко не похвали, но похули, и се нашь есть и нам преданъ есть”. И аггелъмъ же глаголющимъ ко мнѣ: “О окоанный человѣче! Аще бы еси благодарилъ Бога о сем, и се бы ти вменилося, якоже Иову.[161] Аще бо къто милостыню творит, — велие пред Богомъ есть, но своею волею сътвори; а взятое насилиемь, аще кто благодарит Бога, — боли милостыни есть: хотѣлъ убо диаволъ в хулу въврещи человѣка, се сътворивъ, той же Богови все предасть, и сего ради паче милостыни есть съ благодарением”. Сиа аггелом рекшим ко мнѣ, и азъ възопих: “Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, съгрѣших! Господи, твое есть, не жалю си!” И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели възрадовашася, и вписаше въ милостыню погыбшее сребро».

Мы же, сиа слышахом, прославихомъ Бога, извѣстившаго намъ си. Разсудивше блаженнии ти старци и рѣша: «Въистинну достойно и праведно при всемь благодарити Бога». Мы же того по вся дьни видяще славяще и хваляще Бога, удивихомся пременению того ума же и нрава: иже прежде никтоже можаше его отвратити от хулы, нынѣ же присно Иевъвъ гласъ зоветь: «Господь дасть, Господь взятъ, яко Господеви годѣ, тако и бысть. Буди имя Господне благословено въвѣкы!»[162] И аще не бы видѣлъ аггельскаго авлениа и слышалъ тѣхъ словесъ, никакоже бы престалъ робща; и мы вѣровахомъ истиннѣй быти вещи. И аще бы се было мало, не бы онъ старець, иже въ Патерицѣ молился Богови, да приидут на нь разбойници и вся его *възмут*: услышанъ же бывъ, и приидоша на нь разбойници, и вся сущаа в руцѣ их предасть.[163]

К Поликарпу. И се уже, брате, всяцеми наказании наказах тя. Проси у Бога, да ту жизнь свою скончаеши в покоании и в послушании игумена своего Анкидина. Сиа три *вещи* боле всѣх *добродѣтелей* суть, якоже Афонасей Затворникъ *сведѣтельствова*.[164]

И се ти еще ино дивно чюдо скажу, еже сам видѣхъ. Сице убо сътворися в томъ же святѣмъ *монастырѣ* Печерьском.

О ДВОЮ БРАТУ, О ТИТЕ ПОПѢ И ЕВАГРИИ ДИАКОНѢ, ИМѢВШИМ МЕЖУ СОБОЮ ВРАЖДУ. СЛОВО 23

Два брата бѣста по духу: Евагрий-дияконъ, Титъ же попъ. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмь дивитися единоумию их и безмѣрней *любви*. Ненавидяй добра диаволъ, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити,[165] и сътвори им вражду, и таку *ненависть* вложи има, яко и в лице не *хотяху* видѣти другъ друга, и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смиритися има съ собою, они же ни слышати хотяше.

Идущу же Титови с кадилом, отбѣгаше Евагрий фимиана; егда же ли не бѣгаше, то пременоваше его Титъ, не покадивъ. И пребысть много врѣмя въ мрацѣ грѣховнѣмь: Титъ убо прощениа не възмя, Евагрий же камъкаше гнѣваася. На се врагу въоруживщу ихъ.

Нѣкогда же сему Титу разболѣвшуся велми и уже в *нечаании* лежащу, и нача плакатися своего лишениа, и посла с молениемь ко диякону,

глаголя: «Прости мя, брате, Бога ради, яко без ума гнѣвахся на тя». Се же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же ти, видевше Тита умирающа, влечаху Евагриа нуждею, да проститься съ братомъ. Болный же, видѣвъ брата, мало въсконься, паде ниць пред ногама его, глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Онъ же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всѣми нами, глаголя: «Николиже хощу с нимъ прощениа имѣти: ни в сий вѣк, ни в будущей», — и истръгъся от рукъ старець тѣхъ, и абие падеся. И хотѣвшим намъ въставити его, и обретохом его уже умеръша, и не могохомъ ему ни рукы протягнути, ни устъ свѣсти, яко давно уже умерша. Болный же скоро въставъ, яко николиже болѣвъ.

Мы же ужасохомся о напрасней смерти и *о* скором *исцелѣнии* его, и много плакавше, погребохом Евагриа, отвръстѣ имѣ уста и очи, и руцѣ растяженѣ.

Въпросихомъ же Тита: «Что сътворися?» Титъ же сказаше намъ, глаголя: «Видѣхъ, — рече, — аггелы отступльша от менѣ и плачащуся о души моей, бѣси же радующеся о гневѣ моемь. И тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его *приведосте* ко мнѣ, и видѣхъ аггела немилостива, дръжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падеся мертвъ, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся Бога, рѣкшаго: «Оставите — оставятся вам».[166] Рече бо Господь: «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повиненъ есть суду».[167] Ефрѣм[168] же: «Аще кому случится въ враждѣ умрети, и неизмолимъ *суд* обрящуть таковии».

Аще ли же сий святыхъ ради Антониа и Феодосиа отрады не прииметь, лютѣ человѣку тому, сицевою страстию побежену быти.

К Поликарпу. От неа же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу, емуже бо кто повинется, тому и поработится, но, скоро пад, поклонися враждующему на тя, да не преданъ будеши аггелу немилостивому, да и тебѣ съхранит Господь от всякого гнѣва. Той бо рече: «Да не зайдет солнцѣ въ гневѣ вашем».[169] Тому слава съ Отцемь и съ Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и в вѣкы.

ВТОРОГО ПОСЛАНИА, ЕЖЕ КО АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АНКИДИНУ, О СВЯТЫХЪ БЛАЖЕННЫХЪ ЧЕРНОРИЗЕЦЬ ПЕЧЕРЬСКИХ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМЪ, ЧЕРНОРИЗЦЕМЬ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

Господу поспешествующу и слову утверьжающу, къ твоему благоумию, *пречестный* архимандрите всеа Руси, отче и господине мой Анкидине. Подай же ми благоприатнаа твоа слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженныхъ муж житиа, дѣаниа и знамениа, бывшихъ въ святемь семь монастырѣ Печерьском, еже слышах *о* них от епископа Симона Владимерьскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьского монастыря, иже и сказа мнѣ, грѣшному, о святѣмь и велицем Антонии, бывшаго началника рускимъ мнихомъ, и о святѣмь Феодосии, и иже по них святыхъ и преподобныхъ отець житиа и подвигы, скончавшихся дому пречистыа Божиа Матере. Да слышит твое благоразумие моего младоумиа и несъвръшена смысла.

Въспросилъ мя еси нѣкогда, веля ми сказати от тѣхъ *черноризець* съдѣанная; совѣдый мою грубость и *неизящное* нрава, иже всегда съ страхомъ въ всякой повести бесѣдую пред тобою, — то како могу ясно изърещи сътвореннаа *ими* знамениа и чюдеса преславнаа? И мало нѣчто сказах ти от тѣхъ преславных чюдех, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумъно исповѣдах. Понудихся писаниемь извѣстити тебѣ, еже *о* святыхъ и блаженныхъ отець печерьских, да и сущи по нас черноризци увѣдять благодать Божию, бывшу въ святѣмь семъ мѣсте, и прославять Отца небеснаго, показавши *таковыа свѣтилникы* в Рустѣй земли, в Печерьскомъ *святѣмь* монастырѣ.

О НИКИТѢ ЗАТВОРНИЦИ, ИЖЕ ПО СЕМЪ БЫСТЬ ЕПИСКОПЪ НОВУГРАДУ.[170] СЛОВО 25

Бысть въ дьни преподобнаго игумена Никона братъ единъ, Никита имянемь. Сей, жалаа славимъ быти от человѣкъ, дѣло велие не Бога ради замысливъ и нача просити у игумена, да в затворь внидет. Игуменъ же възбраняше ему, глаголя: «О чадо, нѣсть ти ползы праздну седѣти, понеже юнъ еси; уне ти есть, да пребудеши посреди братиа и, работаа тем, не погрешиши мзды своеа. Сам видилъ еси брата нашего, святаго Исакиа Печерника, како прелщенъ бысть от бѣсовъ. Аще не бы велиа благодать *Божиа* спасла его и молитвъ ради преподобныхъ отець Анътониа и Феодосиа, иже и донынѣ чюдеса многа творят». Никита же глаголаше: «Никакоже прелщюся таковою вещию. Прошу у Господа Бога, да и мнѣ подасть чюдотворениа дар». Отвѣщав же Никонъ, рече: «Выше чюдесъ силы прошение твое; блюди, брате, да не възнесъся, ниспадеши. Велит ти наше смирение служити на святую братию, ихъже ради вѣньчанъ имаши быти за послушание твое». Никита же никакоже внятъ глаголемым от игумена, но, еже въсхотѣ, то и *сътвори*, заздавъ о собѣ двѣри и пребысть не исходя.

Не по мнозехъ же дьнехъ прелщен бысть от диавола. Въ время бо пѣниа своего слышаше глас молящься с нимъ и обоняше воня благоуханиа неизреченно, и симь прельстися, глаголя в себѣ: «Аще не бы сый аггелъ былъ, не бы молился съ мною, ни Духа Святаго обоняние бы было». И нача прилѣжно молитися, глаголя: «Господи, яви ми ся сам разумно, да вижу тя». Тогда же глас бысть к нему: «Не явлюся тебѣ, зане юнъ еси, да не възнесься, низъпадеши».[171] Затворник же съ слезами рече: «Никакоже, Господи, прелщуся, наученъ бо бых от игумена моего не внимати прелести диаволи, тобою же вся велимаа сътворю». И тогда душепагубный змий приимъ область над ним и рече: «Невозможно человѣку, въ плоти сущу, видити мене, се посылаю аггелъ мой: да пребудет с тобою, и ты пребудеши, волю его творя». И абие ста пред нимъ бѣсъ въ образѣ аггела. Пад убо мнихъ, поклонися *ему*, аки аггелу. И глагола ему бѣсъ: «Ты убо не молися, но буди почитаа книгы, и сими обрящешися съ Богомъ бесѣдуа, да от нихъ подаси слово полѣзно приходящимъ к тебѣ. Азъ же присно буду моля о спасении твоемь Творца своего». Прелстив же ся, мних никакоже помолився, но прилежаше чтению и поучению, бѣса же видяше беспрестани молящася о немъ, и радовашеся яко аггелу, творящу молитву за нь. Бесѣдоваше же о ползѣ души приходящимъ к нему, нача пророчьствовати, и бысть о нем слава велика, яко всѣмь дивитися събытию *словесъ* его.

Посылаеть же Никита къ князю Изяславу, глаголя, яко: «Днѣсь убиенъ бысть Глѣбъ Святославичь в Заволочии,[172] скоро посли сына своего Святоплъка на столъ Новугороду».[173] И якоже рече, тако и бысть: по малехъ же дьнехъ увѣдана бысть смерть Глѣбова. И от сего прослу затворник, яко пророкъ есть; и велми послушаху его князи и боляре.

Бѣсъ убо приходящаго быти не вѣсть, но еже самъ сдѣа и научи злыа человѣкы, — или убити, или украсти, — сиа възвѣщаеть. Егда бо прихождаху къ затворнику словеси утѣшна слышати от него, бѣсъ же, мнимый аггелъ, повѣдаше ему вся случившаася имъ, тъй же пророчьствоваше — и бываше тако.

Не можаше никтоже стязатися с нимъ книгами Ветхаго закона, всь бо изусть умѣаше: Бытие, Исход, Левгиты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину,[174] и вся книгы жидовьскыа свѣдяше добре. Евангелиа же и Апостола, яже въ благодати преданныа нам святыа книгы на утвержение наше и на исправление, — сих николиже въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть бесѣдовати к себѣ. И бысть разумно всѣмь от сего, яко прелщенъ есть от врага.

И сего не тръпяще преподобнии ти отци: Никонъ-игуменъ, Пиминъ Постникъ, Исайа, *иже* бысть епископъ граду Ростову, Матфѣй Прозорливець, Исакей святый Печерникъ, Агапитъ Лечець, Григорий Чюдотворець, Никола, иже бысть епископъ Тмутороканю, Несторъ, иже написа Лѣтописець, Григорий, творець каноном, Фектистъ, иже бысть епископъ Черниговъскый, Онсифоръ Прозорливець. Сии вси богоприатнии приидоша къ прельщенному, и моляшеся Богови, и отгнавше бѣса от него, и к тому не видѣ его. Изведоша же его вонъ и вопрошаху его о Вѣтсемь законе, хотяще слышати от него что. Сий же кленяшеся, яко николиже не читавъ книгъ; иже прежде умѣаше изъусть жидовскиа книгы, нынѣ же ни *единого* слова не съвесть, испроста рещи, ни единого слова знааше. Сии же преблаженнии отци едва научиша его грамотѣ.

И оттуду дасть себе на воздержание, и послушание, и чистое, смиреное житие, яко превзыти ему всѣхъ добродѣтелью; его же послѣжде поставиша епископомъ Новугороду за премногую его добродѣтель. Иже и многа чюдеса сътворивъ: нѣкогда бо бездождию бывшу, и помолився Богу, дождь съ небеси сведе, и пожаръ граду угаси. И нынѣ съ святыми чтут его, святаго и блаженнаго Никиту.[175]

О ЛАВРѢНТИИ ЗАТВОРНИЦИ. СЛОВО 26

Посемь инъ нѣкто брат, имянемъ Лаврѣнтѣй, сей въсхоте в затвор внити. Сему же святии ти отци отнудь же не повелѣша сего сътворити.[176] Сий же Лаврентей шед къ Святому Дмитрию въ Изяславль монастырь и затвори себѣ. И крѣпкаго ради его житиа дарова ему Богъ благодать исцѣлениемь.

И к сему приведенъ бысть нѣкий человѣкъ от Киева беснуася; его же не возможе затворникъ отгнати — бѣ бо лютъ зѣло: яко дрѣво неудобъ носимо десятью мужь, онъ же, единъ, вземъ, завръже. Пребывшу ему много врѣмя *неисцелѣвшу*, и повелѣ затворникъ вести в Печерьский монастырь. Тогда бесный нача вопити: «К кому посылаеши мя? Азъ бо не смѣю приближитися к печерѣ святыхъ ради, положенныхъ в ней, въ *монастырѣ* же тридесетых единых боюся, съ прочими же борюся». Влекущи же его вѣдяху, яко николиже бывалъ в Печерскомъ монастырѣ и никогоже знаеть в немъ, въпросиша же его: «Котории суть, *ихъже* ты боишися?» Бесный же нарече ихъ всѣхъ по имяни. «Сии тридесять, — рече, — словомъ единемь изжженуть мя». Бѣ бо тогда всѣх черноризець в Печерѣ 100 и 80.

И глаголаша бесному: «Мы хощемь в печерѣ затворити тя». Бѣсный же рече: «Каа полза мнѣ с мертвыми бранитися? Тии бо нынѣ болшее дръзновение имуть къ Богу о своихъ черноризцех молитися и о приходящих к нимъ. Но аще хощете брань мою видити, ведите мя в монастырь». Нача глаголати жидовьскии и потомъ латыньскии, таже грѣческии, испроста рещи, всѣми языкы, ихъже николиже слышавъ, яко боятися и водящим его, изменению языка его дивящеся и разногласию. И преже въшествиа в монастырь исцѣлѣ и добре нача смыслити. Вшедшимъ же имъ въ церковь, и прииде игуменъ съ всею братиею, и не знааше игумена исцѣливый и ни единаго от тѣхъ 30, ихъже нарече, бѣсуася. Тогда въпросиша же того приведшеи: «Кто есть исцѣливый тя?» Сий же възираа на икону Богородичину чюдотворную и глаголаше: «Яко с сию усретоша нас, по имяни святии отци 30 числомъ, и тако *исцѣлѣхъ*». Имяна же всѣм убо съвѣдаше, самѣх же ни единаго от тѣхъ старець знааше. И тако вси купно славу въздаша Богови и пречистей его Матере, и блаженным угодником его.

И сего ради вписах ти, господине Акиндине, — не покрыю тмою невѣдѣниа дивнаа чюдеса блаженных онѣхъ и преподобныхъ отець нашихъ знамениа, и чюдеса, и справлениа. Да и прочии увѣдять святое житие преподобных отець печерьскых, еже быти тацѣмъ мужемь въ едино врѣмя, яко до 30, могущимъ словомъ изгонити бѣсы. К печерѣ же, рече, не смѣти приближитися беснующимся положенных ради в ней святыхъ отець Антониа и Феодосиа и прочих *святыхъ* черноризець, ихъже имена вписана суть въ книгы животныа.

Блаженъ, иже с тѣми сподобивыйся положенъ быти, блаженъ и спасенъ с тѣми сподобивыйся написанъ быти, с ними же и мене Господь сподобить милости въ день Судный молитвами твоими. Аминь.

СЛОВО 27. *И О СВЯТЕМЬ И БЛАЖЕННЕМЬ АГАПИТѢ, БЕЗМѢЗДНОМЪ ВРАЧИ*

Бѣ нѣкто от Киева постригшеся, именемь Агапитъ, при блаженнем отци нашем Антонии, иже послѣдъствоваше житию его аггельскому, самовидець бывъ исправлению его. Якоже онъ, великий, покрываа свою святость, болныа исцѣляше от своеа яди: мняся тѣмъ врачевное зѣлие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его; тако и сий блаженный Агапит, ревнуа святому тому старцю, помогаше болным. И егда кто от братиа разболяшеся, и тако остави кѣлию свою, приходяще ко болящему брату и служаще ему, — не бѣ бо ничтоже крадомаго в кѣлии его, — подоимаа же и полагаа же его, на своею руку износя, и подаваа ему от своеа яди, еже сваряше зѣлие, и тако здравъ бываше болный молитвою его. Аще ли *продолъжашеся* недугъ его, сице Богу

благоволящу, да вѣру и молитву раба своего умножить. Сий же блаженный Агапит пребываше неотступно, моля за нь Бога непрестанно, дондеже Господь здравие подасть болящему молитвы его ради. И сего ради прозван бысть Лечець, сему бо дарова Господь даръ исцелениа. И слышанно бысть о немь въ градѣ, яко нѣкто в монастыри лечець, и мнози болящии прихождаху к нѣму и здрави бываху.

Бысть же въ врѣмя сего блаженнаго человѣкъ нѣкий, армѣнинъ родом и вѣрою, хитръ бѣ врачеванию, яко таковъ не бѣ прежде его: еже толико видѣвь болящаго, познаваше и повѣда ему смерть, нарекъ ему день и час, — и ниякоже изменяшеся слово его, — и сего никакоже врачюеть. И от сих единъ болный принесенъ бысть в Печерьский монастырь, иже пръвый бысть у князя Всеволода,[177] егоже арменинъ в нечаание въведе, прорекъ ему по осми дни смерть. Блаженный же Агапит, давъ тому зѣлиа, еже самъ ядяше, и здрава сътвори его. И промчеся о немь слава по всей земли той.

Арменинъ же уязвенъ бысть завистною стрѣлою, и нача укоряти блаженнаго, и нѣкого осуждена на смерть посла в монастырь, повелѣвъ дати тому смертнаго зѣлья, да пред ними вкусивъ, пад, умреть. *Блаженный* же, сего видѣвъ умирающа, дасть ему монастырьскиа яди, и здрава сътвори его молитвою своею, и от смерти избави повиннаго смерти. И оттоле въоружается на нь иновѣрный той арменинъ, и научи на святаго Агапита единовѣрники своа, дати ему испити смертоноснаго зѣлиа, хотя его симъ зѣлиемь уморити. Блаженный же пиаше бес пакости, ничтоже зла пострадавъ, вѣсть бо Господь благочестивыа от смерти избавляти: «Иже аще и смертно что испиють, ничтоже ихъ не вредить; на недужныа *руки* възложать — здрави будуть».[178]

В тыи же дьни разболѣвся князь Владимерь Всеволодовичь Мономах,[179] и прилежаше ему арменинъ, врачюа его, и ничтоже успѣ, но паче недуг бываше болий. И уже при концы бывъ, посылаеть молбу къ Ивану, игумену Печерьскому,[180] да поиудить Агапита *прийти* до него, — бѣ бо тогда князя в Черниговѣ. Игуменъ же, призвавъ Агапита, велить ити в Черниговъ. И отвещавъ блаженный: «Аще ко князю иду, то и ко всѣмь иду; не буди мнѣ славы ради человѣческиа пред *монастырьскиа* врата изыти и преступнику быти обѣта своего, еже обещахся пред Богомъ быти ми в монастырѣ и до послѣдняго издыханиа. Аще ли изгониши мя, иду въ ину страну и потом възвращуся, дондеже вещь сию минеть». Не бѣ бо николиже исходилъ из монастыря. Видѣв же *посланный* от князя, яко не хощеть ити, молить мниха, яко да поне зѣлиа дасть. Принуженъ же бысть игуменомъ, дасть ему зѣлие от своеа яди, да дасть болящему. И егда же князь вкуси зѣлиа, и ту абие здравъ бысть.

Прииде же Владимерь в Киевь и вниде в Печерьский монастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавы тому зѣлие и здравие съ Богомъ, — не бѣ бо николиже видѣлъ, — мня сего имѣниемь подарити. Агапит же, не хотя славимъ быти, съкрыся. Князь же принесенно ему злато дасть игумену. Потом же посла Владимеръ къ блаженному Агапиту единого от болярь своихъ съ многыми дары. Его же посланный бояринъ обрете в кѣлии, и принесъ, положи пред ним принесенныа дары. И отвеща мних: «О чадо, николиже от кого что взяхъ, — нынѣ ли погублю мзду свою злата ради, егоже не трѣбую ни от кого же?» И отвеща бояринъ: «Отче, вѣсть пославый мя, яко не требуеши сего, но менѣ ради утѣши сына своего, емуже о Бозѣ даровалъ еси здравие, се приими и даждь нищимъ». И отвеща старець: «С радостью прииму тебѣ ради, яко требе ми суть. Рьци же пославшему тя: “Все, еже имѣлъ еси, чюжа бяху, тебѣ же отходящу, не могущу взяти ничтоже съ собою, нынѣ же раздай все трѣбующимъ, еже имаши, яко сего ради избавил тя Богъ от смерти, азъ бо ничтоже ти бых успѣлъ; и не мози ослушатися мене, да не тоже постражеши”». И earemь Агапит принесенное злато, изнесъ вне кѣлиа, повръже, сам же скрыся. И изшед бояринъ, видѣвъ поверьжено пред враты принесенное злато и дары, и вземъ все, дасть игумену Иоанну, и сказа все князю, еже о старци. И разумѣша вси, яко рабъ Божий есть. Князь же не смѣ преслушатися старца, но все имѣние свое раздасть нищимъ, по словеси блаженнаго.

По сих же разболѣвся сий черноризець Агапитъ, и прииде к нему предъ реченный арменинъ посетити его. И нача стязатися с ним о врачевней хитрости, глаголя, киимъ зѣлиемь цѣлится какий недугъ. И отвѣща блаженный: «Имже Господь подасть здравие». Разумѣв же арменинъ, *отинуд* не вѣдуща его ничтоже, и глагола къ своимъ: «Не умѣеть *сий* ничтоже». И емь его за руку, рече, яко въ 3-й день сий умреть. «Се же истинна есть, не изменится слово мое; аще ли не будеть тако, и азъ буду мнихъ».

Блаженный же съ яростию глагола тому: «Сицева ли суть твоего врачеваниа образи: смерть ми повѣдаа, а помощи ми не можеши! Аще еси худогъ, то дай же ми животъ; аще ли симь не владѣеши, то почто укоряеши мя, осуждаа въ 3-й день умрети ми? Мнѣ же извѣстилъ есть Господь въ 3-й мѣсяць умрети». Глаголеть же ему арменинъ: «Яко се уже разумѣлъ ся еси, то уже никакоже преидеши трѣтиаго дьне», бѣ бо изболѣлъ велми, *яко* не мощи ему ни двигнути собою.

Тогда принесоша болна нѣкоего от Киева, въставъ же Агапит, яко не болѣвъ, взя зѣлие, еже сам ядяше, показа лечьцу, глаголя: «Се есть зелие, разумѣй и виждь». Видѣвъ же, лечець глагола мниху: «Нѣсть се от наших зѣлей, но мню, яко се от Александриа приносят». Посмеав же ся блаженный невѣжеству его, дасть зѣлие болящему, и *того* здрава сътвори. Глаголеть же къ лечцю: «Чадо, не жали си, понеже убози

есмы, не имамъ чимъ напитати тя». Армѣнинъ же рече к нему: «Нынѣ, отче, 4 дьни постимся мы сего мѣсяца». Въпроси же блаженный: «Кто еси ты и коеа вѣры еси?» Лечець же рече к нему: «Не слышалъ ли еси менѣ, яко арменинъ есми?» Блаженный же рече к нему: «То како смѣлъ еси внити и осквернити кѣлию мою и дръжати за грѣшную мою руку? Изыди от мене, иновѣрне и *нечестиве*!» Осрамленъ же бывъ арменинъ, отъиде. Блаженный же Агапитъ пребывъ 3 мѣсяци и, мало поболѣвъ, къ Господу отъиде.

По смерти же его прииде арменинъ в монастырь и глагола игумену: «Отселе уже и азъ буду черноризець, и оставляю арменьскую вѣру, и истинно вѣрую въ Господа Иисус Христа. Яви бо ми ся блаженный Агапитъ, глаголя: “Обещался еси въсприати мнишеский образъ, аще сължеши, съ животомъ и душу погубиши”. И тако вѣрую. Но аще бы сий блаженный хотѣлъ на много врѣмя жити здѣ, не бы Богъ преставилъ от свѣта сего; аще же и приатъ его Господь, но вѣчный живот дарова ему, и мню, яко своею волею отъиде *от нас,* небеснаго царства жалаа, могый еще жити с нами. Якоже азъ разумѣхъ, 3 дьни не бѣ приити ему, и сего ради приложи себѣ 3 мѣсяци, и аще бых реклъ 3 мѣсяци, но и 3 лѣта бых пребылъ. Но аще умьре сий, но вселися въ обители, пребывающаа в животъ вѣчный, и тамо живъ есть». Таже сий арменинъ пострижеся в Печерьскомъ монастырѣ, и ту животъ свой сконча в добре исповѣдании.

Таковаа и болше сих съдѣашася от тѣхъ святыхъ черноризець, ихже въспомянувъ добродѣтелное житие, дивлюся, како премолчана быша великаа исправлениа *святыхъ отець нашихъ Антониа и Феодосиа*? То аще толико светило угасе *нашимь* небрежениемь, то како от него луча въсияють, — сих мню преподобныхъ отець наших печерьскых. Но якоже рече Господь: «Никоторый же пророкъ приятенъ есть въ отечествии своемь».[181]

Аще бых ти написалъ, честный архимандрите, господине Акиньдине, прежде назнаменаных святыхъ преподобных отець: овых — чюдотвориа, инѣхъ же — исправлениа, других же — крѣпкое въздержание, овых же — послушание, других — прозорливъство,— и сии вси послушествовании вѣрою, знамении и чюдесы от твоего черноризца, а от моего господина, епископа Симона. Другымъ убо неприатна мнятся *быти* глаголемаа величества ради дѣлъ, вина же есть невѣрованию — менѣ грѣшнаго суща съвѣдя Поликарпа. Но аще повелить твое *преподобъство* написати, ихъ же ми умъ постигнеть и память принесеть. Аще ти и непотрѣбно будеть, да сущим по нас ползы ради оставимъ, якоже блаженный Нестеръ въ Лѣтописци написа о блаженныхъ отцехъ: о Дамиане, Иермии, и Матфѣи, и Исакии. В Житии же святаго Антониа вся житиа ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена.

Но паче прежде реченнии черноризци ясно реку, а не втайне, якоже и прежде: аще бо азъ премолчю, от мене забвена будуть, и к тому не помянутся имена их, якоже было и до сего дьни. Се же речеся въ 15 лѣто твоего *игуменства*, еже не бысть помяновениа 100 и 60 лѣт,[182] нынѣ же, твоеа ради любве, утаеннаа слышана быша, и память *любящимъ* Бога присно чтома и хвалима, яко тому угожшеи, от него венчашася. Мнѣ же *таковыми* краситися *величие* есть, и симъ мню ся покрыти студа моего дѣла: еже токмо воспомяну слышаннаа, и *творю*, и мню, яко от мене *изыскану* быти чюдотворию тѣхъ.

Якоже бо рече Господь, «радость бываеть на небеси о единомъ грѣшници кающемся»,[183] то колма паче о толицехъ праведницѣхъ аггелом веселитися, яко тѣхъ житиа на земли пожиша и тѣх славы достоить тѣмь наслѣдником быти. Аде бо здѣ о плоти не *радиша*, но яко бесплотнии земнаа приобидѣша и вся житѣйскаа аки уметы умениша, да единаго Христа приобрящуть. Того бо единаго възлюбиша и любви его привязашася, и тому всю *волю* свою предаша, да от него обожение приимут, и той дарова имъ на земли противу трудом ихъ чюдотвориа дары възмѣздие, в будущем же *неизреченою* славою прославить. Безъ Святаго бо Духа ничтоже человѣку дается на земли, аще не будеть дано ему свыше.

Тѣмъже и азъ, грѣшный Поликарпъ, твоей воли работаю, дръжавный Акиндине, и сиа ти написах. Но и еще ти исповѣмъ мало нѣчто — о блажен-немъ и преподобнемъ отци нашемь Григории Чюдотворци.

О СВЯТЕМЬ ГРИГОРИИ ЧЮДОТВОРЦИ. СЛОВО 28

Сей блаженный Григорий прииде ко отцю нашему Феодосию в Печерьскый монастырь и от него наученъ бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, и послушанию, и прочимъ добродѣтелемь. Молитве же паче прилежаше, и сего ради приатъ на бесы побѣду, еже и далече сущимъ имъ вопити: «О, Григорий, изгониши ны молитвою своею!» Имѣаше бо блаженный обычай по всякомъ пѣнии запрещалныа творити молитвы.

Не теръпя же старый врагъ прогнаниа от него, не могый чимъ инемь житию его спону сътворити, и научи злыа человѣкы, да покрадуть его. Не бѣ бо иного ничтоже имѣа, развѣ книгъ. Въ едину же нощь приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыдеть на утреню, и

шедше, възмуть вся его. Ощутив же Григорий приход ихъ, — и всегда бо по вся нощи не спаше, но поаше и моляшеся беспрестани, посреди кѣлиа стоа. Помоли же ся и о сихъ, пришедших красти: «Боже, дай же сонъ рабом твоимъ, яко утрудишася *всуе*, врагу угажающе». И спаша 5 дьней и 5 нощей, дондеже блаженный, призвавъ братию, възбуди ихъ, глаголя: «Доколе стражете всуе, покрасти мя хотяще? Уже отъидета в домы своа». Въставшю же, и не можаху ходити, бяше бо изнемогли от глада. Блаженный же давъ имъ ясти и отпусти ихъ.

Се увѣдавъ градъский властелинъ и повеле мучити татии. Стужив же сий Григорие, яко его ради *предани* суть, и шед, дасть книгы властѣлину, татие же отпусти. Прочиа же книгы продавъ, и раздасть убогым, рекъ тако: «Да не како в беду впадуть хотящии покрасти а̀». Рече бо Господь: «Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣже татие подкоповають и крадуть; съкрывайте же себѣ съкровища на небесехъ, идѣже ни тля тлить, ни татие крадуть. Идеже бо, — рече, — съкровище ваше, ту и сердца ваша».[184] Татие же ти, покаашеся чюдеси ради бывшаго на них, и к тому не възвратишася на пръваа дѣла своа, но пришедше в Печерьский монастырь, въдашася на работу братии.

Имѣаше же сей блаженный малъ оградець, идѣже зѣлие сѣаша и древа плодовита. И на се пакы приидоша *татие*, и егда взяше на своа бремя, хотящеи отъити, и не възмогоша. И стоаша два дьни неподвижими и угнетаеми бремены, и нача въпити: «Господине Григорие, пусти ны, уже покаемся грѣховъ своих, и к тому не *сътворим* сицевыи вещи!» Слышавше же черно-ризци, и, пришедше, яша их, и не могаста съвести ихъ от мѣста того. И въпросиша ихъ: «Когда сѣмо приидоста?» Татие же рѣша: «Два дьни и две нощи стоимъ здѣ». Мниси же рѣша: «Мы всегда выходяще, не видехом васъ здѣ». Татие же рѣша: «Аще быхомъ видѣли вас, то убо молилися бы вамъ съ слезами, дабы нас пустилъ. Се, уже изнемогше, начахомъ въпити. Нынѣ же молите старца, да пустить насъ».

Григорий же, пришед, глагола имъ: «Понеже праздни пребывасте всь живот свой, крадущаа чюжаа труды, а сами не хотяще тружатися, нынѣ же стойте ту праздни прочаа лѣта до кончины живота своего». Они же съ слезами моляху старца, к тому не сътворити имъ таковаа съгрѣшениа. *Старець* же умилися о них и рече: «То аще хощете *дѣлати* и от труда своего инѣхъ питати, то уже пущу вы». Татие же съ клятвою рѣша: «Никакоже преслушаемся тебѣ». Григорий же рече: «Благословенъ Богъ! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потрѣбу ихъ приносите». И тако отпусти ихъ. Татие ти скончаше живот свой в Печерьском монастырѣ, оградъ предръжаще; их же, мню, исчадиа и донынѣ суть.

Иногда же пакы приидоша трие нѣции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста старца, ложно глаголюще: «Сий другъ нашь есть, и осуженъ есть на смерть. Молимъ же тя, подщися избавить его: дай же ему чимъ искупитися от смерти». Григорий же възплакався жалостию, провѣде бо о немъ, яко приспѣ конець житию его, и рече: «Люте человѣку *сему*, яко приспѣ день погыбели его!» Они же рѣша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умреть». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять себѣ. Григорий же рече: «И азъ дамъ, а сий умреть». И въпроси ихъ: «Коею смертию осуженъ есть?» Они же рѣша: «На дрѣвѣ повѣшенъ хощеть быти». Блаженный же рече имъ: «Добре судисте ему, заутра бо сий повѣсится». И пакы сниде въ погребъ, идѣже молитву творяше, да некако умъ *ему слышить* земнаго что, ниже очи его видѣта что суетных, и оттуду изнесе оставшаа книгы, дасть имъ, рекъ: «Аще не угодно будеть, възвратите ми». Они же, вземше книгы, начаша смѣатися, глаголюще: «Продавше сиа, и разделимь себѣ». Видѣвши же древеса плодовита, и рѣша к себѣ: «Приидемь в сию нощь и объемлемь плод его».

Наставши же нощи, приидоша сие трие и запроша мниха в погребе, идѣже бѣ моляся. Единъ же, рѣша его на дрѣвѣ повѣсити, възлѣзъ горѣ и нача торгати яблока, и яся за вѣтвь: оной же отломльшися, а сии два, устрашившися, отбегоша; сий же, летя, ятся ризою за другую вѣтвь и, не имѣя помощи, удавися ожерелиемъ.

Григорий же бо запренъ бѣ и не обретеся приити к сущей братии въ церковь. Изъшедше же вонъ изъ церьки, и вси видѣвше человѣка, висяща мертва, и ужасошася. Поискавши же Григориа и обретоша его в погребе затворена. Изъшедше же оттуду блаженный, и повелѣ сняти мертваго, и къ другомъ его глаголаше: «Како се убо збысться ваша мысль! "Богъ бо непоругаемь бываеть".[185] Аще бысте мя не затворили, то азъ, пришед, снялъ быхъ его съ древа, и не бы сей умерлъ. Но понеже врагъ вы научилъ хранити суетнаа лжею, тѣм же милость свою оставили есте». Слышавше же ругателе та събытие словес его, и, пришедше же, *падоша* на ногу его, просяще прощениа. Григорий же осуди ихъ в работу Печерьскому монастырю, да к тому тружающеся свой хлѣбъ ядять и доволни будут и инехъ напитати от своихъ трудовъ. И тако тии скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерьскомъ монастырѣ рабомъ пресвятыа Богородица и ученикомъ святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о немъ, юже претерпѣ блаженный страсть смертную. Нѣкаа убо вещь монастырьскаа приключися: от падениа животнаго осквернену быти съсуду, — и сего ради сий преподобный

Григорий сниде ко Днепру по воду. В той же час приспѣ князь *Ростислав* Всеволодичь, хотя ити в Печерьский *монастырь* молитвы ради и благословениа: бѣ бо идый противу ратнымъ половцемь съ братомъ своимъ Владимеромъ.[186] *Видѣвъши* же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣв же мних всѣхъ при смерти суща, и нача глаголати: «О чада, егда бѣ трѣбе умиление имѣти и многы молитвы искати от всѣхъ, тогда же вы паче злое творите, яже Богови неугодна суть. Но плачитеся своеа погыбели и кайтеся своихъ съгрѣшений, да поне отраду приимите въ страшный день, уже бо вы и постиже суд, яко вси вы в воде умрете, и съ княземъ вашим». Князь же, страха Божиа не имѣа, ни на сердци себѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнѣвъ его пустошь глаголюща, яже пророчествоваше о немь, и рече: «Мнѣ ли повѣдаеши смерть от воды, умѣющему бродити посреди еа?» И тогда *разгнѣвався* князь, повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ, и камень на выю его обѣсити, и въврещи въ воду. И тако потопленъ бысть. Искавше же его братиа 2 дьни и не обретоша; въ 3-й день приидоша в кѣлию его, хотяще взяти оставшаа его, и ее мертвый обрется в кѣлии связанъ, и камень на выи его, ризы же его еще мокры, лице же его бѣаше свѣтло, самъ же аки живъ. И не обретеся кто принесый его, но и кѣлии заключеннѣ сущи. Но слава о семъ Господу Богу, творящему дивнаа чюдеса своихъ ради угодникъ! Братиа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честнѣ, иже и за многа лѣта пребысть цело и нетлѣнно.

Ростиславъ же не общевавъ вины о грѣсѣ и не иде в монастырь от ярости. Не въсхотѣ благословениа, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему.[187] Владимерь же прииде в монастырь молитвы ради. И бывшим имъ у Треполя, и *полкома* снемъшимася, и побегоша князи наши от лица противных. Владимерь же преехa реку молитвъ ради святыхъ и благословениа; Ростиславъ же утопе съ всими своими вои по словеси святаго Григориа.[188] «Имже бо, — рече, — судомъ судите — судиться вамъ, в *нюже* мѣру мѣрити — възмѣрится вам».[189]

Разумѣйте опасно, обидящии, притчу, реченную Господем въ святѣмь Евангелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, к нему же часто прихождаше и стужаша ему, глаголюще: «Мсти мене от суперника моего».[190] Глаголю бо вамъ, яко сътворит Господь въскорѣ рабомъ своимъ отмщение,[191] той бо рече: «Мнѣ месть, и азъ отмщу».[192] Глаголеть Господь: «И не приобидите единого от сих малыхъ, яко аггели ихъ всегда видят лице Отца моего, иже есть на небесѣхъ».[193] «Яко праведенъ Господь правду възлюби, и праваа видѣ лице его».[194] Еже бо человѣкъ всѣеть, то и пожнеть. Сицева бо гордымъ отмщениа, имже Господь противится, смиреным же даеть благодать.[195] Тому слава съ Отцемь и Святымъ Духомъ нынѣ*, и присно, и въ вѣкы вѣкомь. Аминь.*

О МНОГОТРЪПѢЛИВЕМЬ ИОАННѢ ЗАТВОРНИЦЕ. СЛОВО 29

Подобообразиа и равнострастие имѣти рожденным на земли пръваго человѣка, ибо, видевь красоту овоща, не удръжашеся и Бога ослушася, и страстно житие приатъ. Ибо егда създанъ бысть, и не имѣ порока на собѣ, яко Божие създание есть: Господь бо Богь нашь, пръсть въсприимъ от земля, рукама пречистыма и непорочныма създавъ человѣка, блага и удобрена, но онъ, акы калъ, земнаа любя, ко сластемъ пополъзеся, и сласти ему приложишася, и обладанъ бысть оттоле родъ человѣчь страстию, и во ины сласти уклонися, и боримы есмы всегда. [196]

И от тѣхъ единъ азъ побежаюся, им же и работаю, смущаемь *помыслы* душа моеа, и страстнѣ тѣмь касаася и неослабно хотѣние имый къ сътворению грѣха, и тѣмь иже нѣсть мнѣ *подобна* на земли всѣхъ за многаа съгрѣшениа моа, в нихъже и до сего *часа* пребываю.

Но той единъ, иже от всѣхъ обрете истину, себе отлучивъ на Божию волю и того заповѣди непорочно съхранивъ, въ чистоте же съблюд тѣло свое и душу, кромѣ всякыа скверьны плотьскиа и душевныа. Сего меню Иоанна преподобнаго, затворившаго себѣ в теснемь мѣсте единомъ отъ печеры. И пребысть въ велицемь въздержании лѣт 30, многымъ же постомъ удручаа и томя тѣло свое и желѣза тяжкаа на всемь телѣ своемь нося.

И к сему нѣкто от братии часто прихождаше, томимъ бѣ от дѣйства диаволя на вожделение плотское, и сей моляше блаженнаго Иоанна молити Бога за нь, да подасть ему ослабу страстемь и утолить похотѣние плотьское. И се, многажды приходя, глаголаше. Блаженный *же* Иоанъ глаголаше тому: «Брате, мужайся и крѣпися, потръпи Господа, подщися съхранити пути его, и той не оставить *тя* в руку его и не предасть нас в ловитву зубомъ ихъ».[197] И отвеща брат къ затворнику: «Вѣру ими ми, отче, аще не подаси ми ослабы, то не почию, от мѣста на мѣсто преходя». Блаженный же Иоанъ рече к нему: «Почто хощеши себе предати на снедь врагу? И *уподобишися* мужу, стоащу близъ пропасти, и егда враг его пришедъ и внезаапу съверъжеть его долу, и бываеть падение таковаго люто, яко не мощи ему въстати. Аще здѣ пребудеши, въ святемь и блаженнемь монастыре семь, — подобенъ еси мужу, *стоащу* далече пропасти, да врагъ трудится, влекий тя в ню, и не возможеть, дондеже Господь изведеть тя тръпѣниемь твоим от рова страстей, от бръниа тименна и поставить на камени нозѣ твои. Но послушай менѣ, чадо, да ти исповемь случившее ми ся от юности моеа.

Много бо пострадах, томимъ на блудъ, и не *вѣмь*, что съдѣахъ своего ради спасениа: два дьни или три *пребывах* не ядый, и тако три лѣто скончахъ, многажды же и всю недѣлю ничтоже вкушахъ, и без сна пребывахъ по вся нощи, и жаждею многою уморяхся, и желѣза тяшка на себѣ нося, и пребыхъ в такомъ злострадании до трию лѣт, но ни тако покоа *обретохъ*. И идох убо в печеру, идѣже лежить святый отець нашь Антоний, и ту на молитву обратихся, и пребых день и нощь у гроба его моляся. И слышахъ его, глаголюща ко мнѣ: “Иоаннѣ, Иоаннѣ! Подобаеть ти здѣ затворитися, и невидѣниемь и млъчаниемь брань упразднится, и Господь поможеть ти молитвами преподобных своих”. Аз же, брате, от того часа здѣ вселихся, в тесное и скорбное се мѣсто, и есть ми се 30-тое лѣто, и в мало лѣто покой обретохъ.

Весь животъ свой страстнѣ брався с помыслы телѣсными. И жестоко пребывах, проводя толико живот своей пищею. И потомъ, не ведый, что сътворити, не могый тръпѣти брани плотьскиа, и умыслих нагъ жити и броня тяжкии възложити на тѣло свое, якоже оттоле и донынѣ на мнѣ, студенью и желѣзомъ истончеваемь. И ину вещь сътворих, еаже ради ползу обретох. Ископавъ убо яму, до раму досяжущу, *приспѣвшимъ* же дьнемь святаго поста, и внидох въ яму и своима рукама осыпався пръстию, яко толико имѣти свободнѣ руцѣ и главу, и тако, угнѣтаемь злѣ, пребых всь постъ, не могый двигнутися ни едином съставом, — но ни тако стремление плоти и ражжение телеси преста. Но и к сему врагъ диаволъ страхованиа ми творя, хотя мя оттуду отгнати, и ошутих его злодѣйство. Нозѣ бо мои, иже въ ямѣ, *изодну* възгорѣшася, яко и жилам *скорчитися* и костемъ троскотати, уже пламени досягшю до утробы моеа, и удовѣ мои изгорѣша, — азъ же забыхъ лютую ту болѣзнь и порадовавъся душею, яко да та ми чиста съблюдена есть от таковыа скверны, и се изволих изгорѣти въ огни томъ зѣло Господа ради, нежели изыти ми изъ ямы тоа. И се видѣхъ змиа страшна и люта зѣло, всего мя пожрѣти хотяща и дышюща пламенемь и искрами пожигаа мя. И се въ многы дьни творяше ми, хотя мя прогнати. Приспѣвшю же нощи Въскресениа Христова, внезаапу нападе на мя лютой той змий, и главу мою и руцѣ мои въ уста своа вложи, и опалѣша ми власы на главѣ и на брадѣ, якоже видиши мя нынѣ. Азъ же убо въ грътани быхъ змиа того, и възопих из глубины сердца *моего*: “Господи Боже, Спасе мой! Въскую мя еси оставилъ? Ущедри мя, Владыко, яко ты еси единъ человѣколюбець. Спаси мя, грѣшнаго, едине безъгрѣшне! Избави мя от скверннаго безакониа моего, да не увязну в сети неприазнены в вѣки вѣкомъ! Избави мя от устъ врага сего! Се бо, яко лев рикаа, ходить, хотя мя поглотити! *Въздвигни* силу твою и прииди, да мя спасеши! Блесни млъниа твоа и иждени, да исчезнет от лица твоего!” И яко скончах молитву, и абие бысть млъниа, и лютый той змий исчезе от *мене*, и к тому не видех его и донынѣ.

И оттоле свѣт божественый осиа мя, яко солнце, и слышах глас, глаголющь ко мнѣ: “Иоаннѣ, Иоаннѣ! Помощь ти бысть, прочие же внимай собѣ, и да не горѣе ти что будеть, и *постражеши* что зло въ

будущемь вецѣ”. Аз же поклонихся, рѣхъ: “Господи, почто мя остави злѣ мучиму быти?” И отвеща ми, глаголя: “Противу силе трѣпѣниа твоего наведох на тя, да иждеженъ будеши, яко злато. Не попущаеть бо Богъ чрезъ силу труда напасть человѣку, егда како изнеможет, но, яко господинъ, рабомъ крѣпкымъ и могущимъ тяшкаа и великаа дѣла вручаеть, немощным же и слабымъ худаа и легкаа дѣла замышляеть. Тако разумѣй: при бранѣ страснѣи, еаже ради ты молишися, ты же убо *о себѣ* сущему мертвецю помолися, противу тебѣ лежащу, да ти облегчет от брани блудныа, сий бо боли Иосифа[198] сътвори и можеть помощи стражющим бѣднѣ такою страстию”. Аз же, не съведый таковому имени, и начахъ *звати*: “Господи, помилуй мя”» Последи же увѣдах, яко се бысть Моисей, угринъ родомъ.

И прииде на *мя* свѣтъ неизреченненъ, в немже и нынѣ есмь, и не трѣбую свѣщи *ни* в нощи, *ни* въ дьни, но и вси достойнии насыщаются таковаго свѣта, приходящеи ко мнѣ, и зрят явѣ таковаго утешениа, еже явѣ нощию освѣти, надѣжда ради оного свѣта. Мы же умъ погубили ко плотолюбию, и страсть попущаеть на ны, сътворяа праведное, Христосъ, николиже намъ плода сътворшимъ. Но, брате, азъ ти се глаголю: “Помолився сему Моисиеви преподобному, и той поможет ти”».

И взем же едину кость от мощий его, и вдасть ему, рекъ: «Да приложиши к телеси своему.» *Сему же бывшу*. И ту абие преста страсть и удовѣ ему *омертвѣша*, и оттолѣ не бысть ему пакости. Купно же благодаривши Бога, прославляющаго святыа своа: еже в житии ему угодиша, сих и по смерти исцелений дары обогати и вѣнци нетлѣниа украси, и царьствию своему сподоби. Ему же слава съ Отцемь и съ Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ.

О ПРЕПОДОБНЕМЪ МОИСѢИ УГРИНѢ. СЛОВО 30

Увѣдано бысть о семь блаженнемь Моисии Угринѣ, яко любимъ бѣ святымъ Борисомъ. Сей бо бысть угринъ родомъ, брат же Георгиа, на негоже святый Борисъ възложи гривну злата, егоже убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его *отрѣзаша* златыа ради гривны.[199] Сей же Моисий единъ избывъ от гръкиа смерти и гръкаго заколениа избежавъ, и прииде ко Предславѣ, сѣстры Ярославли,[200] и бысть ту. И въ дьни тыи нелзе прѣходити никаможе, и бѣ моляся Богу крѣпкий той душею, дондеже прииде благочестивый князь нашь Ярославъ, не стерпѣвъ теплоты душевныа еже ко братома си, на безаконнаго, и победи безбожнаго, и гордаго, и окааннаго Святополка. Сему же бежавшу в Ляхы, *и прииде* пакы со Болѣславомъ, и изгна Ярослава, а самъ сѣдъ въ Киевѣ.[201] И възвращася Белеславъ в *Ляхы*, и поатъ съ собою обѣ сестрѣ Ярославли и изыма же и бояръ его; с ними же и сего

блаженнаго Моисѣа вѣдяше, окованна по руцѣ и по нозѣ желѣзы тяшкими, его же твердо стрежаху: бѣ бо крѣпокъ тѣломъ и *красенъ* лицемъ.

Сего же видѣвши жена нѣкаа от великихъ, красна сущи и юна, имуще богатество многое и власть велию. И та убо приимъши въ умѣ видѣниа доброту и уязвися въ сердци *въжделѣниемь*, еже въсхотѣти сему преподобному. И нача лестными словесы увещевати его, глаголюще: «О человѣче, всуе таковыа мукы подъемлеши, имѣа разумъ, имже бы мощно избыти таковаго окованиа и страданиа». Рече же к ней Моисий: «Богу тако изволшю». Жена же рече к нему: «Аще ми ся покориши, азъ тя избавлю и велика сътворю въ всей Лятьской земли, и обладати имаши мною и всею областию моею».

Разумѣвъ же блаженный въжелѣние еа скверьное, и рече к нѣй: «То кый мужь, поимъ жену и покорився ей, и исправился есть когда? Адам пръвозданный, женѣ покорився, из раа *изгнанъ* бысть.[202] Самсонъ, силою паче всѣ *преспѣвъ* и ратным одолѣвъ, послѣди же женою преданъ бысть иноплеменникомъ.[203] И Соломонъ премудрости глубину *постигъ*, женѣ повинувся, идоломъ поклонися.[204] И Ирод многы побѣды сътворивъ, послѣди же женѣ поработився, Предтечю Иоанна усекну.[205] То како азъ, свободь сый, рабъ ся сътворю женѣ, еаже от рожениа не познах?» Она же рече: «Азъ тя искуплю, и славна сътворю тя, и господина всему дому *моему* устрою, и мужа *тя* имѣти себѣ хощу, токмо ты *волю* мою сътвори: въжделѣние душа моеа утѣши и подай же ми твоеа доброты насладитися. Доволна бо есмь твоеа похоти, не могу бо тръпѣти красоты твоеа, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, пожигаа мя. Азъ же отраду прииму помыслу моему и почию от страсти, и ты убо насладися моеа доброты, и господинъ всему стяжанию моему будеши, и наслѣдник моеа власти, и старѣйшина бояромъ». Блаженный же Моисѣй рече к нѣй: «Добре вѣждь, яко не сътворю воля твоеа, ни власти же твоеа, ни богатества хощу, но всего се лучши есть душевна чистота, паче же и телеснаа. Не буди мнѣ труда погубити 5 лѣт, еже ми Господь дарова въ узах сихъ тръпѣти. Не повиненъ сый сицевымъ мукам, ихже ради уповаю избавленъ быти вѣчныхъ мукъ».

Тогда жена, видѣвши себѣ лишену таковыа красоты, и на другый съвѣтъ диаволь приходить, помысливъ же сице, яко: «Аще искуплю его, всяко и неволею покорить ми ся». Посылаеть же ко дръжащему того, да возмет у неа, елико хощеть, Моисѣа же предасть ей. Онъ же, видѣвъ улучение времени и богатества приобретение, взя у неа яко до тысящи *имѣния*, Моисѣа же предасть ей. И с нужею влечаху его безстуднѣ на дѣло непреподобно. Яко се власть приимши на немъ, и повелеваеть ему причтатися себѣ, и разрѣшивши же его от узъ, и въ многоцѣнныа ризы

оболкъши его, и сладкыми брашны того кормящи, и нуждениемь любовнымъ того объемлющи, и на свою похоть нудящи.

Сий же преподобный, видѣвь неистовъство жены, молитвѣ и посту прилежаше паче, *вкушая въ бдѣнии, изволивъ паче* сухий хлѣбъ Бога ради и въду съ чистотою, нежели многоцѣнное брашно и вино съ скверьною. И не токмо себѣ срачици единоа съвлече, якоже *Иосифъ*, но и всѣхъ ризъ себѣ съвлече, изъбѣжа от грѣха, и ничтоже вмени житиа мира сего; и на таку ярость подвиже-ну, яко и гладомъ уморити его.

Богъ же не оставляет рабъ своихъ, уповающих к нему. Нѣкотораго от рабъ жены тоа на милость преклони: втайнѣ подаваше ему пищу. Друзии же, того увѣщевающе, глаголаху: «Брате Моисѣю! Что възбраняеть ти женитися? Еще бо юнъ еси, и сиа вдова сущи, бывши с мужемъ лѣто едино, и есть красна паче инех жонъ, богатество имущи безъчислено и власть велию в Лясѣхъ, и аще бы сиа въсхотѣла нѣкоему князю, то не бы еа гнушался; ты же, пленникъ сый и н*еволенъ от жены сея, и господинъ ей* быти не хощеши! Аще ли же глаголеши: «Не могу преступити заповѣди Христовы», то не глаголеть ли Христосъ въ Евангелии: “Сего ради оставить человѣкъ отца своего и матерь и прилепится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, уже бо *нѣста два*, но плоть едина”.[206] Апостолъ же: “Уне есть женитися, нежели раждизатися”; вдовицамъ же велить второму браку причитатися.[207] Ты же, не имѣа обычаа мнишеска, но свободь сый того, почто злымъ и горкимъ мукам вдаешися, или что ради стражеши? Аще ти ся лучить умрети въ бедѣ сей, то кою похвалу имаши? Кто же ли от пръвыхъ и донынѣ възгнушася жены, развѣ чернецъ? Авраамъ, Исакъ, Ияковъ?[208] Иосифъ же вмалѣ победивъ, и пакы женою побеженъ бысть.[209] Ты же аще нынѣ съ животомъ гонзнеши, женою же паки обладанъ будеши, и кто не посмеется твоему безумию? Уне ти есть покоритися жене сей и свободну быти, и господину быти всѣмь».

Онъ же глагола им: «Ей, братие и добрии мои друзи, добре ми съвещеваете. Разумѣю, яко лучше змии нашептаниа, еже в раи Евзѣ,[210] словеса предлагаете ми. Бѣдите мя покоритися женѣ сей, но никакоже съвѣта вашего прииму. Аще ми ся лучить умрети въ узах сихъ и горких мукахъ, всяко чаю от Бога милости *приати*. Аще и вси праведници спасошася съ женами, азъ единъ грѣшенъ есмь, не могу съ женою спастися. Но аще бы Иосифъ повинулся женѣ Петерфиинѣ, то не бы сый потомъ царьствовалъ: видѣвъ же Богъ търпѣние его и дарова ему царство, тѣмъ же и в роды хвалим есть, яко целомудръ, аще и чада прижитъ. Азъ же не Египетьскаго царства желаю приати и обладати властьми, и велику быти в Лясѣхъ, и честну явитися въ всей Руской земли, — но вышняго ради царства вся сиа приобидѣхъ. Аще же съ животомъ избуду от рукы жены сеа, то чернецъ буду. Что же убо въ Евангелии Христос рече? “Всякъ, иже оставить отца своего, и матерь, и

жену, и дѣти, и домъ, той есть мой ученикъ”.[211] Христа ли паче послушати или вас? Апостолъ же глаголеть: “Оженивыйся печется, како угодити женѣ, а неоженивыйся печется, како угодити Богу”.[212] Въпрошу же убо васъ: кому паче подобаеть работати — Христу ли или женѣ? “Раби, послушайте господий своихъ *на благое, а не на злое*”.[213] Буди же разумно вамъ, дръжащим мя, яко николиже прельстить мя красота жены сеа, ниже отлучить мене от любви Христовы».

Сии слышавши жена, помыслъ лукавъ въ сердци сий приимши, всаждаеть его на кони съ многымы слугами, и повеле водити его по градомъ и по селамъ, якоже доволѣеть ей, глаголющи ему: «Сиа вся твоа суть, яже угодна суть тебѣ; твори якоже хощеши о всѣмъ». Глагола же и к людемь: «Се господинъ вашь, а мой мужь, да вси, срѣтающе, покланяйтеся ему». Бяху бо мнози служаще той рабы и рабыня. Посмѣявъ же ся блаженны безумию жены и рече ей: «Всуе тружаешися, не можеши мене прельстити тлѣнными вещьми мира сего, ни окрасти ми духовнаго богатества. Разумѣй, не трудися всуе».

Жена же рече ему: «Не веси ли, како проданъ ми еси, и кто изметь от руку мою тя? Жива тебѣ *никакоже* отпущу, но по многых мукахъ смерти тя предам». Онъ же бе-страха отвеща ей: «Не боюся еже ми рече, но предавый мя тебѣ болший грѣхъ имать. Азъ же отселе, Богу волящу, буду мнихъ».

В тыи же дьни прииде нѣкто мнихъ от Святыа Горы,[214] саномъ сы- иерѣй; Богу наставлешу его, и прииде къ блаженному, и облече его въ мнишеский образъ, много поучивъ его о чистотѣ, еже не предати плещи свои врагу и тоа сквернавыа жены избавитися, и сиа рекъ, отъиде от него. Взысканъ же бысть таковый — не обретенъ.

Тогда же жена, отчаявъшися своеа надѣжда, раны тяжки възлагаеть на Моисѣа: разтягши, повелѣ бити его жезлиемь, яко и земли наполнитися крови. И биюще, глаголаху ему: «Покорися госпожи своей и сътвори волю еа. Аще ли преслушаешися, то на уды раздробимь тѣло твое; не мни бо, яко избежи сихъ мукъ, но по многых муках предаси душу свою горцѣ. Помилуй самъ себѣ, отложи измождалыа сиа ризы и облечися въ многоцѣнныа ризы, и избуди ожидающих тебѣ мукъ, донележе не коснемся плоти твоей». И отвеща Моисѣй: «Брате, повеленное вамъ творити — творите, никакоже медляще. Мнѣ же никакоже мощно есть еже отрещися мнишескаго житиа и любве Божиа. Никакоже томление, ни огнь, ни мечь, ни раны не могуть мене разлучити от Бога и сего великаго аггельскаго образа. И сиа безстуднаа и помраченнаа жена показа свое безъстудие, не токъмо убояшися Бога, но и человѣческий

срам приобидѣвши, безъ срама нудящи и мя на осквернение и прелюбодѣание. Ни ей покорюся, ни тоа окаанныа волю сътворю!»

Многу же печаль имущи жена, како бы себѣ мстити от срама, посылаеть къ князю Болеславу, сице глаголющи: «Самъ вѣси, яко мужь мой убиенъ бысть на брани с тобою, ты же ми далъ еси волю, да егоже въсхощу, поиму себѣ мужа. Аз же възлюбих единого юношу от твоихъ пленникъ, красна суща, и исъкупивши, поахъ его в домъ свой, давши на нем злата много, и все сущее в дому моемь злато же и сребро и власть всю даровах ему. Онъ же сиа вся ни во что же вменивъ. *Многажды* же и ранами, и гладомъ томящи того, и недоволно бысть ему. 5 лѣт окованну бывшу и от пленившаго его, от негоже искупих его; и се шестое лѣто пребысть у мене, и много мученъ бысть от мене преслушаниа ради, еже сам на ся привлече по жестосердию своему; нынѣ постриженъ есть от нѣкоего черноризъца. Ты же что велиши о немь сътворити, да сътворю».

Онъ же повеле ей приехати к себѣ и Моисѣа привести съ собою. Жена же прииде ко Болеславу и Моисѣа приведе съ собою. Видѣвь же преподобнаго Болеславъ и много нудивъ его поати жену, не увеща и рече к нему: «Кто тако нечювьственъ, якоже ты, иже толиких благъ и чьти лишаешися и вдал ся еси в горкиа мукы! И отнынѣ буди вѣдаа, яко животъ и смерть предлежить ти: или волю госпожа своеа сътворити, от нас честну быти и велику власть имѣти, или, преслушавшися, по многых муках смерть приати». Глагола же и къ женѣ: «Никтоже от купленых тобою пленникъ буди свободь, но, акы госпожа рабу, сътвори еже хощеши, да и прочии не дрьзнуть *преслушатися* господий своих».

И отвеща Моисѣй: «Что бо глаголеть Богъ: “Каа убо полза человѣку, аще и весь миръ приобрящеть, а душу свою отщетить, или что дасть измѣну на души своей?”[215] Ты же что ми обещеваеши славу и честь, еаже ты самъ скоро отпадеши, и гробъ тя прииметь, ничтоже имуща! Сиа сквернаа жена злѣ убиена будеть». Якоже и бысть по проречению преподобнаго.

Жена же, на немъ вземши власть болшую, безъстудно влечаше его на грѣхъ. Единою же повеле его положити нужею на одрѣ своемь съ собою, лобызающе и обоимающе, но не може ни сею прелестию на свое жалание привлещи его. Рече же к ней блаженный: «Въсуе труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дѣла сътворити, но страха ради Божиа тебѣ гнушаюся, яко нечистыи». И сиа слышавши, жена повелѣ ему по 100 ранъ даати на всякъ день, послѣди же повелѣ ему тайныа уды урѣзати и глаголющи: «Не пощажу сего доброты, да не

насытяться инии сего красоты». Моисѣй же лежаше яко мертвъ от течениа крови, мало дыханиа в собѣ имый.

Болеславъ же, усрамися величества жены и любве пръвыа, потаквии ей творя, въздвиже гонение велие на черноризци и изъгна вся от области своеа. Богъ же сътвори отмщение рабомъ своимъ въскорѣ. Въ *едину* убо нощь Болеслав напрасно умьре, и бысть мятѣжь великъ въ всей Лятьской земли, и въставше людие избиша епископы своа и боляры своа, якоже и в Лѣтописци повѣдаеть.[216] Тогда и сию жену убиша.

Преподобный же, възмогъ от ранъ, прииде ко святѣй Богородици в Печерьский святы монастырь, нося на собѣ мученическыа раны и венець исъповѣданиа, яко победитель и храборъ Христовъ. Господь же дарова ему силу на страсти.

Нѣкий бо брат, боримъ бывъ на блуд, и пришед, моляше сего преподобнаго помощи ему. «И аще ми, — рече, — что речеши, имамъ съхранити и до смерти таковаго обѣта». Блаженный же рече тому: «Да николиже слова речеши никацѣй женѣ въ животѣ своемь». Онъ же обещаше с любовию. Святый же, имѣа жезлъ въ руцѣ своей, — бѣ бо не могый ходити от онѣхъ ранъ, — и сим удари его в лоно, и абие омерътвеша уды его, и оттоле не бысть пакости брату.

Се же вписано есть в Житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисѣи, [217] — бѣ бо пришелъ блаженный въ дьни святаго Антониа; и скончася о Господѣ в добре исповѣдании, пребывъ в монастырѣ лѣт 10, а въ пленении страда въ узах 5 лѣт, шестое лѣто — за чистоту.

Помянухъ же чернеческое изгнание в Лясѣхъ преподобнаго ради постриженеиа, еже вдатися Богу, егоже възлюби. Сие въписано есть в Житии святаго отца нашего Феодосиа. Егда изъгнанъ бысть святый отець Антоние князем Изяславомъ Варлаама ради и Ефрѣма, княгыни же его, ляховица сущи,[218] възбрани ему, глаголющи: «Ни мысли, ни сътвори сего. Сице бо нѣкогда сътворися в земли нашей: и нѣкиа ради вины изгнани быша черноризци от предѣлъ земля нашиа, и велико зло *съдѣася* в Лясѣхъ». Сего ради Моисѣа сътворися, якоже и пред написахомъ о Моисѣи Угринѣ и о *Иоаннѣ* Затворницѣ, еже съдѣа ими Господь въ славу свою, прославляа их, тръпѣниа ихъ ради, и дары чюдотвориа обогати. Тому слава нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомъ.

О ПРОХОРЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ МОЛИТВОЮ В БЫЛИА, ГЛАГОЛЕМѢЙ ЛОБЕДА, ТВОРЯШЕ ХЛѢБЫ И ВЪ ПОПЕЛУ СОЛЬ. СЛОВО 31

Якоже изволися человѣколюбцю Богу о своей твари, на всяка времена и лѣта промышляа роду человѣческому и полѣзнаа даруа. Ожидаа нашего покааниа, наводить на ны овогда гладъ, овогда же рати за неустроение сущаго властелина. Симъ бо приводить Владыка нашь и человѣческое нерадение на добродѣтель, *на память* дѣлъ неподобных, ибо дѣлающе злаа дѣла неподобнаа предани будут злым и немилостивым властѣлиномъ, грѣхъ ради наших, но ни тии убѣжать суда: суд бо безъ милости не сътворшимъ милости.

Бысть убо въ дьни княжениа Святополча в Киевѣ. Много насилиа сътвори людемь Святополкъ, домы силныхъ до основаниа без вины искоренивъ, имѣниа многыхъ отъем. И сего ради попустил Господь поганымъ силу имѣти над нимь, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, и глад крѣпокъ, и скудота велиа при всем Руской земли.

Бысть же въ дни тыи прииде нѣкий человѣкь от Смоленъска къ игумену Иоанну, хотя быти мних; его же и постригъ, Прохора того имянова. Сий же убо Прохоръ-черноризець вдасть себѣ въ послушание и въздержание безмѣрное, яко *и* хлѣба себѣ лишивъ. Събираеть убо лобеду, и, своима рукама стираа, хлѣбъ себѣ творяше, и симъ питашеся. И сего приготовляше до года, и въ преидущее лѣто тоже приготовляше, яко доволну ему быти безъ хлѣба всь животъ свой.

И виде *Господь* тръпѣние его и великое въздержание, положи ему горесть ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдворится плачь, и заутра радость».[219] И сего ради прозванъ бысть Лобедникъ, ибо николиже хлѣба вкуси, развѣ просфуры, ни овоща никаковаже, ни питиа, но точию лобѣду, якоже и выше речеся. И сий не поскорбѣ николиже, но всегда работаше Господеви радуася. И ни устрашися николиже находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птиць, не стяжа бо селъ, ни житница, *идѣже съберет* благаа своа.[220] Сий не рече, якоже богатый: «Душе, имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжь и пий, веселися!»[221] Иного бо не имяше, развѣ точию лобеду, но се приготовляше токмо на приидущее лѣто, глаголаше к себѣ: «Человѣче, в сию нощь душу твою истяжуть от тебѣ аггели, а яже приготованнаа лобеда кому будеть?» Сий дѣломъ исполъни слово Господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесны, яко не сѣють, ни жнуть, ни в житница събирають, но Отець вашь *небесный* питаеть их».[222] Симъ ревнуа, и сий

преподобный Прохоръ легко преходя путь, идѣже бо бываше лобеда, то оттуду на свою раму, яко на крилу, в монастырь приношаше, на свою кормлю готовляше: ненаоранне земли ненасеанна пища бываше ему.

Гладу же велику приспѣвшу, и смерти належащии глада ради бывающа на вся люди, блаженны же дѣло свое съдръжаше, събираа лобеду. И сего видѣвь нѣкий человѣкъ, събирающа лобеду, начатъ и той събирати лобеду, *себе* же ради и домашних своихъ, да темь препитаются въ гладнае время. Сему же тогда блаженному паче умножашеся лобеда на пищу, и болий труд творяше себѣ в тыи дьни, собираа таковое зѣлие, якоже и прежде рѣхъ, и, своима рукама стираа, творяше хлѣбы и раздаваше неимущимъ и от глада *изнемогающимъ*. Мнози же бяху тогда к нему приходяще въ гладное врѣмя, онъ же всѣмъ раздаваше, и всемь сладко являшеся, яко с медомъ суще; а не тако хотѣти кому хлѣба, якоже от руку сего блаженнаго сътворенное от дивиаго зѣлиа приати. Кому бо дааше съ благословениемь, то свѣтелъ и чистъ являашеся и сладокъ бываше хлѣбъ; аще ли кто взимаше отай, обреташеся хлѣбъ яко пелынь.

Нѣкто бо от братия втайнѣ украдъ хлѣбъ и не можаше ясти, зане обреташеся в руку его яко *пелынь*, и горекъ паче мѣры являшеся. И се сътворися многажды. Стыдяша же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшениа. Гладенъ же бывъ, не могый тръпѣти нужда естественыа, видя смерть пред очима своима, и приходить къ Иоанну-игумену, исповѣда ему събывшееся, прощениа прося о своемь съгрѣшении. Игуменъ же, не вѣровавъ реченнымъ, повелѣ иному брату се сътворити: втайнѣ хлѣбъ взяти, да разумѣють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлѣбу, и обретеся тако же, якоже и крадый брат повѣда, и не можаше никтоже вкусити его от горести. Сему же сущу еще и в рукахъ его, посла игуменъ испросити хлѣбъ. «Да от руку, — рече, — възмете, отходяще же от него, и другый хлѣбъ украдите.» Сима же принесенома бывши, украденый же хлѣбъ пред *ними* пременися и бысть, яко пръсть, горекъ, акы пръвый, и взятый хлѣбъ от руку его — акы медъ, и светелъ явися. И сему чюдеси бывшу, прослу таковый муж всюду, и многы прекормивъ алчныа, и многымъ на ползу бывъ.

Егда же Святоплъкъ съ Давидомъ Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту,[223] егоже ослепи Святоплъкъ, послушавъ Давида Игоревича, с Володимеромъ и съ самѣмъ Василкомъ, и не пустиша гостей из Галича, ни людей изъ Перемышля, и не бысть соли въ всей Руской земли. Сицеваа неуправлениа быша, к сему же и грабленна безаконнаа, якоже пророкъ рече: «Сънѣдающи люди моа въ хлѣба мѣсто, Господа не призваша».[224] И бѣ видѣти тогда люди, сущаа в велицей печали и изнемогших от глада, от рати, не имяху бо ни *пшеница*, ниже соли, чимъ бы скудость препроводити.

Блаженный же тогда Прохоръ, имѣа кѣлию свою, и събра множество попела от всѣхъ кѣлий, и не ведуще сего никомуже, и се раздаваше приходящим, и всѣмь бываше чиста соль, молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множащеся. И ничтоже взимаа, но туне всѣмь подаваше, елико кто хощеть, и не токмо монастырю доволно бысть, но и мирьскаа чада, к нему приходяще, обилно възимаху на потрѣбу *домомъ* своимъ. И бѣ видѣти торжище упражняемо, монастырь же полонъ приходящих на приатие соли. И оттого въздвижеся зависть от продающих соль, и сътворися им *неполучение* жаланиа. Мнѣвше собѣ в тыа дьни богатество много приобрести в соли, бысть же имъ о том печаль велиа: юже бо прежде драго продаваху, по два головажне на *куну*, нынѣ же по 10, и никтоже възимаше.

И въставше вси, *продающе* соль, приидоша ко Святополку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохоръ-чернець, иже есть в Печерьскомъ монастырѣ, отъятъ от нас богатество много: даеть соль *всѣм* к нему приходящимъ невъзбранно, мы же обнищахом». Князь же, хотя имъ *угодити*, двое же помысливъ в себѣ: да сущую молву в них упразднить, себѣ же *богатество* приобрящеть. Сию мысль имѣа въ умѣ своемь, съвѣщавъ съ своими съвѣтники цѣну многу соли, да емь у мниха, продавца ей будеть. Тогда крамолникомъ тѣмъ обещеваеться, глаголя: «Васъ ради пограблю черньца», крыа в себѣ мысль приобретениа богатества. Сим же хотя мало угодити имъ, паче же многу спону имъ творя: зависть бо не вѣсть предпочитати еже полѣзно есть творити.

Посылаеть же князь, да возмуть соль всю у мниха. Привезѣне же бывши соли, и приидѣ князь, хотя видѣти ю, и с тѣми крамолникы, иже навадиша на блаженнаго, и видѣвше вси, яко попелъ видѣти очима. Много же дивишася: что се будеть? — и недоумѣахуся. Извѣстно же хотяху увѣдети, что се будет таковое дѣло, обаче же повелѣ ю съхранити до 3 дний, да разумѣють истинно. Нѣкоему же повелѣ вкусити, и обретеся попелъ въ устѣхъ его.

Приходяще же по обычаю множество народа, хотяще же взимати соль у блаженнаго, и увѣдѣвше пограбление старче, възвращающеся тщама рукама, проклинающе сътворшаго сие. Блаженный же тѣмъ рече: «Егда иссыпана будеть, и тогда, шедше, разграбите ю». Князь же, държавъ ю до трех дьнехъ, повелѣ нощию изсыпати ю. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие прѣложися в соль. И се увѣдавше, граждане, пришедше, разграбиша соль.

И сему дивному чюдеси бывшу ужасеся сътворивый насилие: не могый же съкрыти вещи, зане пред *всѣм* градом сътворися, нача испытовати, что есть дѣло сие. Тогда сказаша князю ину вещь, еже сътвори блаженный, кормя лобедою множество народа, и въ *устѣхъ* их хлѣбъ сладокъ бываше; нѣкоторыи же взяша един хлѣбъ безъ его благословениа — и обретеся яко прьсть и горекъ, акы пелынь, въ устех ихъ. Си слышавъ, князь стыдѣвся о створеннем, и шед в монастырь къ игумену Иоанну, покаася к нему. Бѣ бо прежде вражду имѣа на нь, зане обличаше его несытьства ради, богатьства и насилиа ради. Его же ем, Святоплъкъ в Туров заточивъ,[225] аще бы Владимерь Монамах на сего не восталъ, его же убояся Святоплъкъ въстаниа на ся, скоро *възврати* с честию игумена в Печерьский монастырь.

Сего же ради чюдеси велику любовъ нача имѣти къ святѣ Богородици и къ святымъ отцемь Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше, ведый его въистину раба Божиа суща. Дасть же слово Богови к тому не сътворити насилиа никомуже. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще бо азъ, по изволению Божию, прежде тебѣ отъиду свѣта сего, и ты своима рукама въ гробъ положи мя, да сим явится на мнѣ безлобие твое; аще ли ты прежде мене преставишися и поидеши к неумытному Судии, то азъ на раму своею в печеру внесу тя, да того ради Господь прощение подасть ми о многосъгрѣшеннѣмь к тебѣ грѣсѣ». И сие рекъ, отъиде от него.

Блаженный же Прохоръ многа лѣта поживъ в добре исповѣдании, богоугоднымъ, чистым и непорочным житиемь. Посем же разболѣвся святый, князю тогда *на войнѣ сущу*. Тогда святый наричие посылаеть к нему, глаголя, яко: «Приближися час исхода моего от тѣла; да аще хощеши, прииди, да прощение възмевѣ и скончаеши обѣщание свое, да приимеши отдание от Бога и своима рукама вложиши мя въ гробъ. Се бо ожидаю твоего прихода, да умѣдлиши, и азъ отхожу; да не тако исправитъ ти ся брань, яко пришедшу ти ко мнѣ». И сиа слышавъ, Святоплъкъ в той же час воа распустивъ и прииде къ блаженному. Преподобный же, много поучивъ князя о милостинѣ, и о будущемь судѣ, и о вечней жизни, и о *бесконечнѣй* муцѣ, давъ ему благословение и прощение, и *цѣловавъ* вся сущаа съ княземь, и въздѣвъ руцѣ горѣ, *предасть* духъ. Князь же, вземъ святаго старца, несе и в печеру, и своима рукама въ гробъ вложи.

И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу побѣду сътвори на противныа агаряны,[226] и взя всю землю *ихъ*. И се бо бысть Богомъ дарованнаа побѣда в Руской земли, по проречению преподобнаго.

И оттоле убо Святополкъ, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и прихождаше в монастырь съ благодарениемь, поклоняяся святѣй Богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в печеру къ святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмь преподобнымъ отцемъ покланяася, и исхождаше в путь свой. И тако добре строашася Богомъ набдимое княжение его. Самъ бо свѣдѣтель бывъ, ясно исповѣдаа чюдеса бо и знамениа, яже быша преславнаа Прохора же и инехъ преподобных, с нимиже буди всѣм намъ получити милость о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашем, ему же слава *съ Отцѣмь и съ Святым Духом ныне и присно.*

О ПРЕПОДОБНЕМЪ МАРЦѢ ПЕЧЕРНИЦѢ, ЕГОЖЕ ПОВЕЛѢНИА МЕРТВИИ ПОСЛУШАХУ. СЛОВО 32

Дрѣвнихъ убо святыхъ подражающе мы, грѣшнии, писанию, еже они изъяснишa и многымъ трудомъ възыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастех земных; инѣхъ убо *сами* видѣвше, инѣхъ же слышавше прежде ихъ бывшихъ житиа же и чюдеса, дѣаниа, еже есть Паторикъ Печерьский, в томъ, сложьше, сказаше о них отци, еже мы, почитающе, наслажаемься духовных тѣхъ словесъ.

Аз же, недостойный, ни разума истинны не постигъ и ничтоже от тѣхъ таковаго видѣхъ, но слышанию послѣдуа, еже ми сказа преподобный епископъ Симон, сиа написахъ твоему отечеству. И нѣсмь николиже объходилъ святыхъ мѣстъ, ни Ерусалима видѣхъ, ни Синайскиа горы, да быхъ что приложилъ к повести, якоже обычай имуть хитрословесници сим краситися. Мнѣ же да не буди хвалитися, но токмо о святѣмь семъ монастырѣ Печерьскомъ и въ немь бывших святыхъ черноризець, и тѣхъ житиемь и чюдесы, иже поминаю радуяся, желаю бо и азъ, грѣшный, святыхъ тѣх отець молитвы. Отсюду убо начало положу повести, еже о преподобнем Марцѣ Печерницѣ.

Бѣаше убо сий святый Марко житие имѣа в печерѣ, и при семь изнесенъ бысть святый отець Феодосие от печеры въ святую великую церковь.[227] И сий же преподобный Марко многа мѣста ископа в печерѣ своима рукама, и на своею плещу прьсть износя, и бѣ по вся дьни и по вся нощи тружаася о дѣле Божии. Ископа же и мѣста многа на погребении братии; от сего ничтоже взимаше, но еже сам кто *что* дааше ему, и се приимъ, убогымъ раздаяше.

Единою же ему копающу по обычаю, и, трудився, изнеможе, остави мѣсто уско и неразширено. Лучи же ся единому от братиа, болѣвъ, къ

Господу отъити в той день, и не бѣ иного мѣста, развѣ того тѣснаго. Принесенъ же бысть мертвый в печеру, и нудима сего вложиша тесноты ради. Роптание же бысть на Марка от братии, понеже не можаху мертваго опрятати, ни маслоа на нь възлиати, зане бѣ мѣсто уско. Печерникъ же, съ смирением всѣмь поклоняася, глаголаше: «Простите мя, отци, за немощь недоконцахъ». Они же болма укоряху его, досаждающе ему. Марко же глагола мертвому: «Ибо тѣсно есть мѣсто се, *самъ* бо, брате, покрепися и приими масло, възлей на ся». Мертвый же простерь руку, мало восклонся, взем масло, възлей на ся крестообразно, на пръси и на лицѣ, съсуд отдасть; сам же, пред всими опрятався, възлегъ, успе. И сему чюдеси бывшу, приатъ всѣхъ страх и трепетъ о сътвореннемь.

Пакы же инъ брат, много болѣвъ, умре. И нѣкто же от другъ ему и губою отре его, и иде в печеру, хотя видѣти мѣсто, идѣже положитися хощеть тѣло любимаго имъ, и въпроси блаженнаго сего. К нему же отвѣща преподобный Марко: «Брате, иди, рци брату: “Пожди до утриа, да ископаю ти мѣсто, и тако отъидеши на онъ житиа покой”. Пришедъ же братъ глагола ему: “Отче Марко, азъ и губою отрохъ его тѣло, мертво суще, кому ми велиши глаголати?” Марко же пакы рече: «Се мѣсто, видиши, не докончано. Велю ти, иди, рци умершему: “Глаголеть ти грѣшный Марко, брате, пребуди еще сий день, и утро отъидеши ко желаемому Господу нашему. Донележе приготоваю ти мѣсто в положение, пришлю по тя”».

Пришедый же братъ, послуша преподобнаго, прииде в монастырь и обрете всю братию, обычное пѣние над ним съвръшающу. И ставъ у мертваго, и рече: «Глаголеть ти Марко, яко мѣсто нѣсть ти уготовано, брате, но пожди еще до *утриа*». И удивишася вси словеси сему. И егда сиа изрече братъ предъ *всѣми*, и ту абие прозрѣ мертвый, душа его възвратися во нь, и пребысть день той и всю нощь, отвръстѣ имы очи, и ничтоже глагола никомуже.

Заутра же братъ онъ, приходивый прежде, иде в печеру, хотя увѣдѣти, аще мѣсто уготовано есть. К нему же рече блаженный: «Шед, рци умершему: “Глаголеть ти Марко — остави животъ сий временный и прииди на вечный, се бо мѣсто уготованно ти есть на приатие тѣлу твоему, *отдай* же Богови духъ твой, тѣло твое съ святыми отци здѣ положено будет в печерѣ”». Пришедъше же братиа вся, сиа изъглагола ожившему, и ту абие смежи очи свои и предасть духъ — прѣд всѣми, пришедшими посещениа ради его. И тако честнѣ положенъ бысть въ преди реченнемь мѣсте в печерѣ. И сему чюдеси вси удивишася: како словомъ блаженнаго оживѣ мертвый, и пакы повелениемъ его преставися.

Пакы же ина два брата бѣста в томъ же велицѣмь монастырѣ Печерьском, съпряженна любовию сердечною от юности, единоумие имѣа и едину волю, еже къ Богу. Сии умолиста блаженнаго Марка, да имъ устроить мѣсто обще, и ту абие положена будета, егда Господь повелить.

По времени же мнозѣ Фиофилъ, старий брат, отъиде нѣкамо потрѣбы ради; юный же разболѣвся, отъиде на онъ житиа покой, и положенъ бысть на уготованнемь мѣсте. По дьнехъ же нѣколицех прииде Феофилъ. Увѣдѣв же о братѣ, съжалиси зѣло и, поимъ нѣкиа съ собою, иде в печеру, хотя видѣти умершаго, гдѣ и на коемъ мѣсте положенъ бысть. Видѣвъ же его, положена на вышнемъ мѣсте, негодоваше и ропташе много на Марька, глаголя: «Почто еси здѣ положилъ его? Яко азъ старѣйши его есмь, ты же положилъ его на моемь мѣсте». Печерникъ же, муж смиренъ сый, кланяяся тому, глаголаше: «Прости мя, брате, съгрѣших к тебѣ». И сиа рекъ, глагола умершему: «Брате, въстани и дай же мѣсто неумершему брату, сам же лязи на нижнемъ мѣсте». И ту абие, словомъ преподобнаго, въста мертвый и ляже на нижнемь мѣстѣ пред всими приходящими. И бѣ видѣти чюдо страшно *и ужасти полно*.

Тогда же брат, роптавый и *которавый* на блаженнаго положениа ради братня, припад к ногама *Марковыма*, глагола ему: «Отче Марко, съгрѣших, подвигнувъ брата с мѣста. Молю ти ся, повелѣ ему, да пакы ляжеть на своемь мѣсте». Блаженный же рече ему: «Господь отъятъ вражду межу нами. Се же сътвори роптаниа твоего ради, да не въ вѣкы враждовавъ, съблюдеши злобу на мя. Но и тѣло безъдушное являеть сущую любовь к тебѣ, подаваа тебѣ и по смерти старѣйшиньство. Хотѣхъ, да не изыдеши отсюду, да свое старѣйшиньство наслѣдиши, и в сий час здѣ положенъ бы былъ, но понеже неготовъ еси на исход, но иди, попечися о своей души, и по малехъ дьнехъ семо принесенъ будеши. Иже бо мертвых въставляти Божи дѣло есть, аз же человѣкъ грѣшенъ *есмь*. Но и се мертвы, бояся твоего досаждениа *и моего укорениа*, еже от тебѣ не тръпя, оставилъ ти есть полъ мѣста, обще вамъ *уготованнаго*. Богъ бо можеть въздвигнути его, азъ бо не могу рещи умершему: “Въстани”, и пакы: “И лязи на вышнемъ мѣсте”. Въспрѣти ему ты и рци, егда тебѣ послушаеть, якоже и нынѣ”. Сиа слышавъ, Феофилъ оскорбѣ зѣло от страшных словесъ Марковых и мнѣвъ, яко ту ему пад умрети, не ведый, аще доидеть до монастыря.

И пришед въ свою кѣлию, приатъ его плачь неутешим. Раздаяв же все свое, да иже и до срачици, токмо остави себѣ свиту едину, тако и мантию, и бѣ ожидаа часа смертнаго. И никтоже можаше его уставити от горкаго плача и никогдаже кто можаше сего принудити сладкых брашенъ вкусити. Дьни убо наставшу, глаголаше в себѣ: «Не вѣмый, аще постигну до вечера»; нощи же пришедши, плачася, глаголаше:

«Что сътворю, аще доиду до утриа? Мнози, въсставше, вечера не достигоша и, на ложих своих легше, не въставше от ложей *своих*; то како азъ, иже извещение *приимъ* от преподобнаго, яко помалѣ скончати ми ся?» И моляшеся Богови съ слезами даровати ему врѣмя покаянию.

И сице творяше на всякъ день, алча, и моляся, и плача, на всякъ час ожидаа отъинудь дьни, часа смертанго. Чаа от тѣла разлучениа, и толма плоть свою истнии, яко и съставом его всѣмь изочтеномъ быти. Мнози же, хотѣвше утѣшити его, и на болшее рыдание приведоша его. И от многаго плача *изъгуби си* очи; и тако пребысть вся дьни живота своего и в велице въздержании, Богови угождаа добрымъ житиемъ.

Преподобный же Марко, увѣдавъ час, иже къ Господу отшествиа сврего, призвавъ Феофила и рече ему: «Брате Феофиле, прости мя, понеже оскорбих тя на многа лѣта! Се бо убо отхожду свѣта сего, и моли о мнѣ; азъ же, аще прииму дрързновение, не забуду тебѣ, да сподобить ны Господь тамо видѣниа обрестися в *мѣсте* отца Антониа и Феодосиа». Феофилъ же съ плачемъ отвеща тому, глаголя: «Отче Марко, почто мя оставляеши? Или поими мя съ собою, или даруй ми прозрѣние». Марко же к нему рече: «Брате, не скорби, понеже Бога ради ослепися очима телесныма, но духовныма на разум того прозрѣлъ *еси*. Азъ бых, брате, вина твоему ослеплению: повѣдах ти смерть, хотя души твоей ползу сътворити и высокый твой разум на смирение привести, сердца бо съкрушенна и съмиренна Богъ не уничижить».[228] Феофилъ же рече ему: «Вѣдѣ, отче, яко грѣхъ ради моихъ падся пред тобою, умеръ бых в печерѣ, егда мертваго въстави, но Господь святыхъ ради *твоихъ* молитвъ дарова ми животъ, покааниа моего ожидаа. Нынѣ же сего прошу у тебѣ, да с *тобою* отъиду к Господу или даруй ми прозрѣти». Марко же рече: «Нѣсть ти трѣбѣ видѣти маловременнаго свѣта сего, проси у Господа, да тамо узриши славу его; ниже смерти желаа, приидеть бо, аще и не хощеши. Но се буди знамение твоего отшествиа: прежде бо триехъ дьнехъ твоего преставлениа прозриши, и тако ко Господу отъидеши, и тамо узриши свѣтъ некончаемый и славу неизреченную». Сиа рекъ, блаженный Марко преставися о Господѣ, и положенъ бысть въ печерѣ, идѣже самъ себѣ исъкопа.

Феофилъ же сугубо рыдание въсприимъ, и язву въ сердцци имѣа о отчи разлучении, и проливаше источникъ слезъ, емуже паче множашеся. Имѣаше же съсуд, и егда *упражняшеся* на молитву, прихожаху ему слезы, и поставляше съсуд и над темь плакаше, и того наполнивъ слезъ за многа лѣта, бѣ бо по вся дьни ожидаа проречениа преподобнаго.

Егда же разумѣ, еже о Бозѣ ему скончатися, моляшеся Богови прилѣжно, приатным быти слезам его пред нимъ, и въздѣвъ руцѣ горѣ, начатъ молитися, сице глаголя: «Владыко Господи, человѣколюбче Иисусѣ Христе, мой Царю пресвятый, не хотяй смерти грѣшникомъ, но ожидаа обращениа, съвѣдый неможение наше, утѣшителю благый, болящимъ здравие, грѣшником спасение, изнемогающим укрѣпителю, падающимъ въстание! Молю ти ся, Господи, в час сий, удиви на мне, недостойнемь, милость свою и излий благоутробиа твоего неизъчерпаемую пучину, еже не искусити ми ся от въздушныхъ князь мытарьствы и не обладану быти ми *ими*, молитвами угодникъ твоихъ, великых отець наших Антониа и Феодосиа, и всѣхъ святых, иже от вѣка угодившихъ ти. Аминъ».

Ту абие нѣкто красенъ ста пред нимъ и рече к нѣму: «Добре помолися, но что се хвалиши о тщете слезъ?» И взять съсуд, паче боли того, благоуханиа исполненъ, яко миро благовонно: «Сие, — рече, — от твоихъ слезъ, еже въ молитвѣ къ Богу изълиалъ еси от сердца, еже рукою, или убрусомъ, или ризою отрѣ, или на землю отпад от очию твоею. Сиа вся събрах в сѣмъ съсудѣ и съкрыхъ, повелениемь Творца нашего, и нынѣ посланъ есмь повѣдати тебѣ радость, и съ веселиемь отъидеши к нему, той бо рече: "Блажени плачющии, яко ти утѣшатся"». [229] И сие *рекъ*, невидим бысть.

Блаженный же Феофилъ призва игумена и сказа ему явьление аггела и глаголание, и съсуда два показа ему: единъ исполненъ слезъ, другый же бывъ, паче араматы, благыа воня, еже повеле възлиати на тѣло свое. Сам же въ 3 день къ Господу отъиде. И сего достолѣпно в печерѣ положиша близъ Марка Печерника; помазавъше того от съсуда аггелова, яко и всей печерѣ наплънитися благоюханиа, и слезный же съсуд на нь възлиявше, да сѣавы слезами пожнеть в радости рукояти своа: плакаху бо ся, *рече*, вметающе сѣмяна своа, сии о Христѣ утешени будут,[230] — ему же слава съ Отцемь и Святым Духом.

О СВЯТЫХЪ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦЕХЪ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Якоже реченно есть, мати всѣмъ благыням — нестяжание, такоже и корень есть и мати всѣмь злымъ — сребролюбие.[231] *Яко* рече Лествичникъ: «Любяй събирати *имѣние*, сицевый до смерти иглы ради тружается,[232] а не *любляй* имѣниа, сей Господа възлюби и заповѣди его съхрани. Таковый блюсти имѣниа не может, но расточаеть благолѣпно, всѣмъ трѣбующимъ *подаваа*, якоже Господь рече въ Евангелии: «Человѣкъ, аще не отречется всего сущаго, не можеть быти мой ученикъ».[233]

И сему словеси *послѣдова* Феодоръ, оставль убо мирьскаа и богатестворазда нищимъ, и бысть мних и добрѣ *подвизася* на добродѣтель. Повелениемь же игуменимь бысть житель в печерѣ, еже *зовется* Варяжескаа, и в той многа лѣта сътвори въздержася.

И сему принесе врагъ стужение и печаль немалу имѣниа ради, разданнаго им нищимъ, яко помышляше долготу лѣт и изнеможание плоти, яко недоволну ему быти монастырьской ядию. Искушение бо то врагъ ему принесе, онъ же не разсудивъ в себѣ, ни помяну Господа, рекшаго: «Не печетеся о утренемь, что ямы, или что пиемь, или въ что облечемъся; възрите же *паче* на птици небесныа, яко ни сѣють, ни жнут, и Отець *вашъ* небесный питаеть ихъ».[234] Многажды же *смущаше* того врагъ и къ отчаанию хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатества, еже убогым вданное. И сие вх многы дни помышляа, помрачаемь врагом недостатка ради, и къ своимъ другомъ свою скорбь ясно исповедаа.

Единъ же нѣкто от съвръшенѣйших, имянемь Василие, того же монастыря мних, рече ему: «Брате Феодоре, молю ти ся, не погуби мзды своеа. Аще ли имѣнию хощеши, все еже имамъ, дам ти, токмо ты рци пред Богомъ: “Вся, яже раздахъ, твоа буди милостини”, — и ты бес печали буди, приимъ имѣние *свое*, но блюди, аще стерпить ти Господь?» Сиа слышавъ Феодоръ и убояся страхомъ велиимъ гнѣва Божиа. Иже слышавъ от того сътворьшесе в Коньстянтинѣ-градѣ[235] раскааниа ради еже о златѣ, иже въ милостыню раздааннѣмъ: како пад срѣди церкви, умре, и обоего себѣ лиши, съ златомъ бо и животъ погуби. И сиа въ умѣ приимъ, Феодоръ плакася своего съгрѣшениа и брата ублажаше, въздвигшаго его от таковаго недуга. О таковых бо рече Господь: «Аще кто изведеть достойнаа от недостойнаго, яко уста моа суть».[236] И оттоле възрасте велика любовъ межи има. Сему же убо Феодору добрѣ спѣющу в заповѣдех Господнихъ и тому угоднаа съвръшающу, *велика* язва бысть диаволу, яко не възможе того богатества имѣнием прельстити, и пакы въоружается противный и ину кознь своеа погыбели тому *въставляеть*.

Василий убо посланъ бываеть игуменом на нѣкое дѣло, и врѣмя покосно врагъ обреть своего зломудриа, преобразився в того брата подобие и входить к печернику, преже полѣзнаа глаголя: «Феодоре, како нынѣ пребываеши? Или преста от тебѣ рать бесовъскаа, или еще пакости ти творять люблениемь имѣниа, *память* приносящии ти разданнаго ради *имѣниа*?» Не разумѣв же Феодоръ бѣса его суща, мнѣвъ, яко братъ ему сиа глаголеть, к нему же отвѣща блаженный: «Твоими, отче, молитвами нынѣ добрѣ есть ми ся; тобою бо утверженъ бых и не имамъ послушати бесовъских мыслей. И нынѣ, аще что велиши, с радостью сътворю, не

преслушаюся тебѣ, зане велику ползу обретохъ души твоимъ наказаниемь». Бѣсъ же, мнимый брат, приимъ дръзновение — зане не помяну Господа Бога — и глагола ему бѣсъ: «Другы съвѣтъ даю ти, имже покой обрящеши и въскорѣ въздание приимеши; токмо ты проси у него, и дасть ти злата и сребра множество, и не дай же к себе входити никомуже, ни сам исходи ис печеры своеа». Печерникъ же *яко* обѣщася. Тогда отъиде от него бѣсъ.

И се невидимо помышлениа приношаше ему пронырливый о съкровищи, яко подвигнути его на молитву, да просит у Бога злата, и аще получит, то въ милостыню раздасть. И се видѣ въ снѣ бѣса, свѣтла же и украшена же, акы аггела, являюща тому сокровища в печерѣ, — и се многажды виде Феодоръ. Дьнем же многымъ минувшимъ, пришед на показанное мѣсто, и нача копати, и обрете съкровище, злата же и сребра множество и съсуди многоцѣнныи.

И в то врѣмя пакы приходит бѣсъ въ образѣ брата и глаголеть печернику: «Где есть съкровище, данное тебѣ? Се бо, явивыйся тебѣ, той и мнѣ сказа, яко множество злата и сребра дасть ти ся по твоей молитве». Феодоръ же не хотя тому съкровища показати. Бѣсъ же явѣ убо печернику глаголаше, втайнѣ же помышлениа тому влагаше, яко, вземше злата, отъити на ину страну далече. И глаголеть: «Брате Феодорѣ, не рѣхъ ли ти, яко въскорѣ отдание примеши? Той бо рече: “Аще кто оставит домъ, или села, *или* имѣниа мене ради, стократицею приимет и живот вѣчный наслѣдит”.[237] И се уже в руку твоею есть богатество, сътвори о немь, якоже хощеши». Печерникъ же рече: «Сего ради просих у Бога, то аще ми дасть, сие все въ милостыню раздамъ, яко сего ради дарова ми». Супостат же глаголеть ему: «Брате Феодоре, блюди, да не пакы врагь стужить ти раздааниа ради, якоже преже, но дасть ти се въ оного место разданного тобою убогым. Велю ти, да вземь сие, идеши на ину страну и тамо притяжеши села, еже на потрѣбу, можеши бо и тамо спастися и избыти бесовъскых козней, и по своемь отшествии дати сиа имаши, аможе хощеши, и сего ради память ти будеть». Феодоръ же к нему рече: «*То не* стыжусь ли, яко оставивъ миръ и вся, яже в нем, и обѣщахся Богови здѣ живот свой съкончати, в печерѣ сей, и нынѣ бѣгунъ бываю и мирьский житель? Аще ли ти годе есть, да в монастырѣ живу и все, елико речеши ми, сътворю». Бѣсъ же, мнимый брат, рече: «Утаити не можеши съкровища, — увѣдано будет *взято*, но приими мой съвѣтъ, еже ти велю. Аще бы се не угодно было Богу, не бы тебѣ даровалъ, ни мнѣ известилъ».

Тогда печерник вѣровавъ яко брату и готовить свое исхождение ис печеры, пристроивъ возы и ларца, в няже съкровища съберет, да изыдет, аможе хощет, повелениемь бесовъскым, да створить ему что зло своимъ прознодѣйствомъ, еже от Бога отлучити и святаго мѣста, и от дому Пречистыа и преподобныхъ отець нашихъ Антониа и Феодосиа.

Богъ же, не хотя ни единому погибнути от сего святаго мѣста, и *сего* спасе молитвами святыхъ своихъ.

И в то время прииде Василей от послания *игуменя*, иже преже спасы печерника от помышлениа злаго. И прииде сий в печеру, хотя видѣти живущаго в ней брата, и глаголеть *ему*: «Феодоре, брате, како о Бозѣ *пребываеши* нынѣ?» Удивися же Феодоръ въпрошению, что вѣщаеть тако, яко долго врѣмя не видѣвся, и рече ему: «Вчера и ономъ дни всегда бѣ съ мною и поучаа мя, и се иду, аможе велиши *ми*». Василий же рече ему: «Рци ми, Феодоре, что се есть глаголъ, *еже* глаголеши: “Вчера и ономъ дни бѣ со мною и поучаа мя?» Егда что бѣсовъское привидение есть? Не утаи мене Бога ради”. Феодоръ же съ гнѣвом рече ему: «Что мя искушаеши и почто смущаеши душу мою, овогда сице ми глаголя, *овогда* инако, и коему словеси вѣровати?» И тако отгна его от себѣ, словеса жестокаа давъ ему.

Василий же, сиа вся приимъ, иде в монастырь. Бѣсъ же пакы въ образѣ Василиевѣ прииде к нему и рече ему: «Погубилъ ти, брате, окаанный умъ. Не въспомянух досады твоеа, еже от тебѣ в сию нощь приахъ, но *се ти глаголю*: изыди в сию нощь скоро, вземъ обретенное». И сиа изъглагола, бѣсъ отъиде от него.

Дни же убо наставшу, пакы прииде Василей к нему и, поимъ нѣкиа съ собою от старець, глагола печернику: «Сиа приведохъ в послушество, яко три мѣсяци суть, отнележе с тобою видѣхся, и се третий день имамъ в монастырѣ, — ты же глаголаше: “Вчера и ономъ дни”. Яко нѣчто бесовъское есть действо. Но тому приходящу, не дай же ему бесѣдовати съ собою, преже дай же молитву сътворить, и тогда разумѣеши, яко бѣсъ есть». И сътвори же молитву запрещениа, святыа призвавъ на помощь, и отъиде в свою келию, утвръдив печерника.

Бѣсъ же к тому не смѣ явитися печернику, и разумѣся лесть диаволя Феодору. И оттоле всякого приходящаго к нему преже помолитися нудяше, и тако бесѣдоваше с ним. И оттоле укрепися на врагы *и разумѣ проныръство их*, и Господь избави его от мысленыхъ звѣрий и работну не быти имъ, якоже многым случается, в пустыни пребывающим, или в печерахъ, или в затворѣ живущим особѣ. Велико утврьжение трѣбе есть, да не погыбнет от бѣсовъ, якоже сего хотѣша погубити, но избави его Господь.

Обретенное же съкровище, ископавъ яму глубоку и тамо влож, засыпа, еже от *дьний* тѣхъ и донынѣ никтоже съвѣсть, идѣже съкровенно есть.

Самъ же вдасть себѣ в работу велию, да не пакы, празденъ бывъ, мѣсто подасть лѣности, и от того родится *бестрастие*, и пакы таже деръзость бѣсомъ будет. Постави же в печерѣ жерновы и оттоле нача работати на святую братию: от сусѣка пшеницю взимаа и ту своима рукама изъмилаше, и чрезъ всю нощь безъ сна пребываше, тружаяся в дѣлех и молитвѣ, заутра в сусѣкъ муку отсыпаше и пакы взимаше жито. И се в многа лѣта творяше, работаа на святую братию, и легота бываше рабомъ, и не стыдяшеся о таковѣй работѣ и моляше Бога беспрестани, дабы отнялъ от него память сребролюбиа. И Господь свободи его от таковаго недуга, яко ни помыслити ему к тому о богатествѣ. *Злато* и сребро яко калъ вменися ему.

Времени же многу минувшу, *ему* в тацей работѣ и злострадании тружающуся зело. *Видѣвъ* же сего келарь,[238] тако тружающася, нѣкогдаже привезену бывшю житу от селъ, и посла к нему в печеру 5 воз, да не всегда приходя взимати жито, стужить *си*. Сей же, ссыпавъ жито в сосуды, и нача молоти, поа Псалътырь изусть; абие утружася, възлеже, мало хотя опочинути. И се внезапу громъ бысть, и начаша жерновы молоти. И разумѣвъ бесовъское дѣйство сущее, въставъ же блаженный, нача молитися Богови прилѣжно, и рече великим гласом: «Запрещает ти Господь, вселукавый диаволе!» Бѣсъ же не престаняше меля в жорновы. Феодоръ же пакы рече: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, съвергошаго вас съ небесъ и давшаго в попрание своим угодникомъ, велит ти, мною грѣшным, не престани от работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братию. И сиа рекъ, ста на молитвѣ. Бѣсъ же не смѣ преслушатися, и изъмолов жито все до свѣта 5 возъ. Феодоръ възвести келареви, да пришлет по муку. Удивив же ся келарь дивному чюдеси, яко 5 воз единою нощью измолото, и вывезе ис печеры 5 возъ муке, таже и другаа 5 възъ прибысть мукѣ.

И се дивно чюдо бысть тогда, и нынѣ слышащим, събысть бо ся реченное въ Евангелии, яко: «И бѣси повинуются вамъ о имени моемь».[239] Се бо рече: «Дах вам власть наступати на змиа, и скорпиа, и на всю силу вражию».[240] И прочие хотѣвше убо бѣси пострашити блаженнаго и съузу себѣ работную приискавше, еже вопити имъ к тому: «Здѣ не обрящемся!»

Феодоръ же и Василий съвѣт богоугоденъ положиста межю собою, иже николиже мысли своеа утаити от себѣ, но сию разрѣшити и разсудити еже *по* Божию съвѣту. Василей убо в печеру входит, Феодоръ же старости ради ис печеры исходить, кѣлию же собѣ поставити хотя на вѣтхомъ дворѣ.

Бѣ бо тогда пожженъ монастырь,[241] и плотомъ привезеномъ на брегъ на строение церьки и всемь кѣлиамъ, и извозникомъ наатымъ возити на гору. Феодоръ же, не хотя быти инѣмь тяжекъ, самъ на собѣ нача носити *древа*; и еже что възношаше Феодоръ, строениа ради кѣлии своеа, бѣси же, пакости ему дѣюще, сметаху съ горы: сим хотяще прогнати блаженнаго. Феодоръ же рече: «Во имя Господа Бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свиньа ити,[242] велить вы мною, рабомъ своимъ, да всяко дрѣво, иже на брезѣ, на гору възнести, да будут бес труда работающе Богови, и тѣмъ *устроять* домъ молитвѣный святѣй владычици нашей Богородици и кѣлии себѣ уготовят. Да престанете имъ пакости творя и увѣсте, яко Господь есть на мѣсте сем». В ту же нощь не престаша бѣси носяще древеса от Днѣпра на гору, дондеже не остася ни едино дрѣво долѣ, яко сим, възградиша церковъ и кѣлиа, покровъ же и мостъ, и елико доволно всему монастырю на потребу.

Заутра же въставше извозници и ехавша на брег, хотяще взяти дрѣво, и ни единаго же обрѣтше на брезѣ, но все суще на горе, то же все не въ единомъ мѣсте кладено, но все разно, с чим коему быти вмѣсте: покровъ, и особъ помостъ, и особь великое дубие, неудобь носимо за долгость, — но все цѣло на горѣ обрѣтеся. Се же дивно бысть всемь видѣвшимъ и слышащим, еже сътвориша выше человѣчьскыа силы. Се же иновѣрным множемь невѣрно мнится, величества ради чюдеси, но сведѣтели сим прославиша Бога, творящаго предивнаа чюдеса своихъ ради угодникъ. Якоже рече Господь: «Не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, радуйте же ся паче, яко имена ваша написана *суть* на небесѣхъ».[243] Но се убо съдѣа Господь в славу свою молитвъ ради святых отець нашихъ Антониа и Феодосиа.

Бѣси же не тръпяще укоризны ихъ, иже иногда от невѣрныхъ чтомы, и поклоняемы, и мнимы аки бози, нынѣ же от угодникъ Христовыхъ небрегомы, и уничижаеми, и бесчествуеми, и акы раби куплени работають и древа носят на гору, и от человѣкъ отгоними бывають, боящеся прещениа преподобных, — вся бо льсти ихъ Василиемь и Феодоромъ обличишася. Видѣша же бѣсъ себѣ человѣки укаряема и въпиаше: «О злаа и лютаа ми супостата, не престаю, ни почию, до смерти ваю боряся с вами!» Не вѣдый диаволъ, яко болшу венцю исходатай будет има. И навади на ня злыа человѣкы погубити ею, иже напрягоша лукъ свой, вещь горку, и оружие их вниде въ сердца ихъ, *еже послѣди скажемъ*.

Наймити же и извозници въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего, глаголюще тако: «Не вѣмы, коею кознию сему древу повелѣлъ еси на горѣ быти». Неправедный же судиа мзду взят от тѣхъ и повелѣ имь на преподобнемь мзду взяти, тако рекъ: «Да помогут ти

бѣси платити, иже тебѣ служат», — не поминаа на ся осуждениа Божиа, еже неправедно судяй сам осужденъ будеть.[244]

И пакы ратникъ диаволъ въздвизаеть бурю на преподобныа: обрѣтает нѣкоего от княжих съвѣтник, люта, и свѣрепа, и неподобна нравом, и дѣлом, и всею злобою. Приходит к сему болярину бѣсъ въ образѣ Василиевѣ, понеже знаемь бѣ ему Василий, глаголеть болярину сицѣ: «Иже преже менѣ *бывый* въ печерѣ Феодоръ, сей обрете съкровище, — злата и сребра множество и съсуди многоцѣннии, — и съ всѣмь с тѣмь хотя бежати на ину страну, аз же удръжах его. И се нынѣ уродствуеть: бѣсом велит молоти *и з берега* древа носити на гору, и бывает тако, а съкровища хранит до времени, да мене утаився, и с нимь отъидет, аможе хощет. Вы же ничтоже обращете».

И то слыша бояринъ от бѣса, и мнѣвъ его Василиа суща, приведе его къ князю Мстиславу Святоплъчицю.[245] Бѣсъ же сие изъглаголавъ князю, и болша сих, и рече: «Скоро сего имете и съкровище *возмете*. Аще ли не дасть, то ранами попрѣтите ему и муками; аще ли еще не дасть, *предадите* его мукамъ многым; аще ли же и тако не дасть, то мене призовите, и азъ обличю его прѣд всѣми вами и мѣсто покажю, идѣже съкровенно есть съкровище». И сице изглаголавъ бѣсъ к нимъ злое съвещание, и изыде от очию их.

Рано же князь, аки на лов или на нѣкоего воина крѣпка, сам еха съ множеством вои, и емь блаженнаго Феодора, приведе его в дом свой. И преже убо ласканиемъ въпрошаше того, глаголя: «Отче, повѣж ми, аще съкровище обрѣте? Се бо, — рече, — разделю с тобою, и будеши отець отцю моему и мнѣ». Бяше бо Святополъкъ в Туровѣ. Феодоръ же рече: «*Ей*, обретох и нынѣ съкровено есть в печерѣ». Князь же рече: «Много ли, отче, злата, и сребра, и съсудовъ, и кым, слышится, то съкровено есть?» Феодоръ же рече: «В Житии святаго Антониа повѣдаеться, Варяжский поклажяй есть, понеже съсуды латиньстии суть, и сего ради Варяжскаа печера зовется и донынѣ. Злата же и сребра бесчислено множество». Князь же рече: «Что ради не даси мнѣ, сыну своему? Сѣбе же возми, елико хощеши». Феодоръ же рече: «Азъ от сего не трѣбую ничтоже, или велиши взяти, еже ми не на ползу, не трѣбую бо сих, яко свободну ми от *сего* бывшу. Не помню бо, а все бы вам повѣдалъ, яко сему работаете, азъ же свободи сый от сего».

И тогда князь съ гнѣвом рече слугамъ: «Сего мниха, не хотѣвша милости моеа, велю оковати по руцѣ и по нозѣ и за три дьни не дати хлѣба ни воды». И пакы въпрошенъ бысть: «Повѣж ми съкровище». Феодоръ же рече: «Не свѣмь, гдѣ скрых его». Князь же повелѣ его мучити крѣпко, яко омочитися и власяници от крови; и посемъ повелѣ

его в дымѣ *велицѣ* повѣсити, и привязати его опакы, и огнь *възгнетити*. И тогда мнози удивишася тръпѣнию мужа, яко в росѣ въ пламени пребываше, но ни власяници его огнь прикоснуся. И нѣкто от предстоащих сказа о Феодорѣ, еже сътвори чюдо. Въ ужасти бывъ князь, и глагола старцю: «Почто погубляеши себѣ и не даси съкровища, еже нам достойно?» Феодоръ же рече: «Истину ти глаголю, молитвою брата моего Василиа тогда спасенъ бых, егда обретох, и нынѣ отъятъ Господь память сребролюбиа от менѣ, и не вѣм, гдѣ съкрых его».

Князь же скоро посла в печеру по святаго Василиа. Сему же не хотящу приити, нужею приведоша его ис печеры. Князь же рече ему: «Все, еже велѣлъ ми еси сътворити сему злому, и сътворих, тебѣ же хощу въ отца мѣсто имѣти». Василий же рече: «*Что* ти повелѣх сътворити?» Князь же рече: «Еже еси ми повѣдалъ съкровище, сей же не повѣсть его, и мучих его». И отвѣща Василий: «Познахъ козни злаго бѣса, прельстившаго тя, а на мене сългавша и на сего преподобнаго: мене бо не видѣ никогдаже исходяща ис печеры своеа 15 лѣт». Такоже вси предстоащеи рѣша: «При нас еси глаголалъ князю». Василий же рече: «Всѣх вас прельстил бес, нѣсми видѣлъ князя, ни вас».

Разгнѣвав же ся князь и повелѣ бити его безъ милости. Не стръпѣвъ бо обличениа, и шуменъ бывъ от вина, и възъярився, и вземь стрѣлу, уазви Василиа. И егда застрѣли его, Василий же изем стрѣлу от утробы своеа, верже ю къ князю и рече: «Сею стрѣлою сам уязвенъ *будеши*». Еже и збысться по пророчению его.

И повелѣ князь затворити ею разно, да утрѣ мучить ею злѣ, и в ту нощь оба скончастася о Господѣ. И се увѣдавше братиа, и пришедше, взяша телеса ею, и погребоша их честно в печерѣ Варяжской. В ней же подвизастася, ту же и положена быста въ одѣжи кровавей и въ власяници, яже и донынѣ цѣла сущи: еаже бѣ постыдѣся огнь, како сиа тлѣнию причастится?

Не по мнозех же днехъ самъ Мстиславъ застреленъ бысть в Володимери на забралѣхъ, по пророчению Василиеву, биася съ Давидомъ Игоревичемь.[246] И тогда позна стрѣлу свою, еюже застрѣли Василиа, и рече: «Се умираю днѣсь преподобных ради Василиа и Феодора».

Да збудется реченное Господомь: «Всяк, взимаай нож, ножем умирает».[247] Понеже безаконно уби, и самъ *безаконно* убиенъ бысть. Сиа же мученичьский венець *приаша* о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашем, ему же слава съ Отцемь и *Святым Духом.*

О ПРЕПОДОБНѢМЬ *СПИРИДОНѢ* ПРОСКУРНИЦѢ И О АЛИМПИИ ИКОННИЦѢ. СЛОВО 34

Всяка душа *проста* свята есть, не имѣа лукавъства в себѣ, ни льсти въ серьдци. Таковый истиненъ есть Богу и человѣкомъ, сицевый не может съгрѣшити Богу, паче же и не хощет, яко съсуд Божи есть и Святому Духу жилище бываеть, от того бо освящается душа, и тѣло, и умъ, якоже рече Господь: «Азъ же и Отець к нему приидевѣ и обитель у него сътворим.[248] Вселю бо ся, — рече, — в ня и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будуть мнѣ людие».[249] Апостолъ же рече: «Братие, вы есте *церкви* Бога жива, и Духъ Святый живет въ вас»[250] Таковии на земли аггельскыи пожиша, на небесѣхъ с тѣми въ вѣки радуются: *якоже* в жизни неразлучени быша *от тѣх*, сице и по смерти с ними веселятся, еже и на конци слова скажем о семь.

Сий убо преподобный Спиридонъ бяше невѣжа словом, но не разумом; не от града прииде в чернечество, но от нѣкоего села. И въсприатъ страх Божи въ сердци си, и нача учитися книгам, и извыче весь Псалтырь изусть. Повелениемь же игумена Пимина Постника[251] печаше проскуры, и с ним брат нѣкто, Никодим имянем, ему единоуменъ, *единонравен*. Иже добре послужиша в пекарници за многа лѣта, *честно* и непорочно съвръшивше свою службу. Блаженный же Спиридонъ, отнележе в пекарницю прииде, не измени своего подвига и труда духовнаго, но свою *работу* съвръшаше съ всяцѣмь говѣниемь и съ страхом Божиимъ, жертву чисту от своего труда принося Богови. Плод же, иже от устъ его, — жива и словесна жрътва, — от того приношашеся о всѣх и за вся *всемогущему* Богу: беспрестани бо Псалтырь поаше, и ту на всякъ день скончеваа, или дрова секы, или тѣсто меся, и сие беспрестани въ устѣх имѣаше.

И сему нѣкогда обычную работу съвершающу съ всяцем говѣниемь, прилучися нѣкогда сему блаженному вжещи пещь, якоже и всегда, на испечение просфурам, и от пламени огненаго загорѣся покровъ храму. Онъ же взем мантию свою и закры устии пещи, свите же своей завязавъ рукава и сию взем, течаше на кладязь, и ту налиа воды, и скоро течаше, зовый братию, да угасят пещь и храм. Братиа же, притекше, видѣша дивну вещь, како не изгорѣ риза и не истече вода от свиты, еюже угасиша силу огненую.

Многа же тщаниа *требѣ*, еже въспомянути всѣх, и похвалити, и ублажити о Господѣ скончавшихся здѣ, въ блаженнемь сем монастырѣ Печерьском. Давидъскии рекуще: «Радуйтеся, праведнии, о Господѣ,

правымъ сердцемь подобаеть похвала! Добре пойте ему съ въсклицаниемь в десятоструннѣмь псалтири».[252] Не от пръваго на десять часа Господу помолившеся и тому угоднаа творяще,[253] но от юности Богу себѣ предавше, и многа лѣта пожиша, и добре старости къ Господу отъидоша, и ни единаго дьни и часа правила своего измениша. Насаждени быша в дому *Божиа Матери*, тии процвѣтут въ дворѣх Бога нашего и еще умножаться въ старости маститѣ, якоже сий блаженный.

Преподобный же Алимпие преданъ бываеть родительма своима на учение иконнаго писаниа. Егда бо грѣчестии писци из Цариграда Божиим зволениемь и пречистыа его Матере приведени быша нуждею писати церьки Печерьскиа, во дьни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при прѣподобнѣмь игумени Никонѣ, якоже о них сказано есть въ Послании Симоновѣ,[254] еже показа Богъ и сътвори чюдо страшно въ церьки своей.

Мастеромъ бо олтарь мусиею кладущим, и образъ пречистѣй святѣй владычици нашей Богородици и приснодевѣ Марии сам въобразися, всѣм же сим внутрь сущим олтаря, покладываху мусиею, Алимпий же помогаа имъ и учася, — и видѣвше вси дивное и страшное чюдо: зрящим имъ на образъ, и се внезаапу просвѣтися образ владычица нашеа Богородица и приснодевы Мариа паче солнца, и не могуще зрѣти, падоша ниць ужасни. И мало возникше, хотяху видѣти бывше чюдо, и се изъ устъ пречистыа Богоматере излете голубъ бѣлъ, и летяше горѣ ко образу Спасову, и тамо скрыся. Сии же вси сматряху, аще ис церьки излетѣлъ есть, и всѣмъ зрящим, и пакы голубъ излете от устъ Спасовъ и леташе по *всей* церьки. К коемуждо святому прилѣтаа, овому на руцѣ сѣдаа, иному же на главѣ; слетѣвъ же долу, сѣде за иконою чюдотворною Богородичиною намѣстною. Долу же стоащии хотѣша яти голубъ и приставиша лѣствицю, и се не обретеся за иконою, ни за завѣсою. Смотрѣвши же всюду, не вѣдяху, *гдѣ съкрыся голубъ, и стояху* вси зряще ко иконѣ, и се пакы пред ними излѣте голубъ изъ устъ Богородичинъ и идя на высоту ко образу Спасову. И възопиша горѣ стоящим: «Имѣте и!» Они же простроша рукы, хотяху яти его, голубъ же пакы влете въ уста Спасова, отнуду изыде. И се пакы свѣт, паче солнца, осиа тѣхъ, изимаа зракы человѣчьскиа. Сии же падши ниць и поклонишася Господеви. С ними же бѣ сий блаженный Алимпие, видѣвъ дѣтель Святаго Духа, пребывающу в той святѣй честнѣй церьки Печерьской.

И егда же скончаше ю пишуще, тогда блаженный Алимъпие постриженъ бысть при игумени Никонѣ. Добре извыкъ хитрости иконнѣй, иконы писати хитръ бѣ зѣло. Сий же хитрости въсхотѣ научитися не богатества ради, но Бога ради се твъряше. Работаше бо, елико доволно бысть всѣмь, — игумену и всей братии писаше иконы, и от того ничтоже взимаа. Аще ли же когда не имяше дѣла себѣ сий

преподобный, то взимаа взаимъ злато и сребро, еже иконамъ на потрѣбу, и дѣлаше имже бѣ долженъ, и отдаваше икону за таковый долгъ. Многажды же моляше другы своа, да въ церкви гдѣ видѣвше обѣтшавшаа иконы, и тыа к нему принесуть, и сиа обновивъ, поставляше на своихъ мѣстѣх.

Все же се творяше, да не празденъ будеть, понеже святии отци рукодѣлиа мнихомъ *повелѣша* имѣти и велико се пред Богомъ положиша, якоже рече апостолъ Павелъ: «Мнѣ же и сущим съ мною послужисте руци мои, и ни у единаго же туни хлѣба ядох».[255] Такоже и сий блаженный Алимпие. На три части разделяше рукодѣлиа своа: едину часть на святыа иконы, а вторую часть въ *милостиню* нищим, а трѣтиюю часть на потрѣбу тѣлу своему. И се творяше по вся лѣта, не дадяше себѣ покоа по вся дьни: в нощи же на пѣние и *на* молитву упражняшеся, дьни же приспѣвъшу, отлучаше себѣ на дѣло, праздна же николиже бяше видѣти его, но и събора церковнаго вины ради дѣла не отлучашеся николиже. Игуменъ же за многую его добродѣтель и чистое житие постави его священникомъ, и в таковѣмъ чину священьства добре и богоугодно пребысть.

И нѣкто от Киева богатыхъ прокаженъ сый. И много от влъхвовъ и от врачевъ врачюемь бываше, и от иновѣрных человѣкъ искаше помощи, и не получи, но и гръшее себѣ приобрѣте. И нѣкто от друг его понуди его ити в Печерьский монастырь и молити нѣкиа от отець, да помолятся о немь. Оному же приведену бывшу в монастырь, игуменъ же повелѣ его напоити *губою* от кладязя святаго Феодосиа, главу же и лицѣ ему помазаше. И абие въскипѣ всь гноемь за невѣрьствие его, якоже бѣгати его всѣм смрада ради. Онъ же възвратися в домъ свой и, плачася и сѣтуа, не исходя оттуду по многы дьни, смрада ради. И глагола ко другом своим: «Покры срамота лице мое. Чюжъ бых братии моей и страненъ сыновомъ матере моеа,[256] понеже не *съ* вѣрою приидох къ святыма Антонию и Феодосию». И бѣ по вся дьни ожидаа смерти.

И поздѣ нѣкогда прииде в себѣ, помысли своа съгрѣшениа, прииде къ преподобному Алимпию и покаяся к нему. Блаженный же рече к нему: «Чадо, добре сътворилъ еси, исповѣдавъ Богови грѣхи своа пред моим недостоинъствомъ, рече бо пророкъ Давидъ: “Исповѣмь на ся безакониа Господеви, и тъй отпустить нечестие сердца моего”».[257] И много поучивъ его еже о спасении души, и взем вапницю,[258] и шаровными вапы, *имиже* иконы писаше, и сим лице ему украси и струпы гнойныа замазавъ, и сего на *пръвое* подобие, благообразие претвори. И приведе-го въ божественую церковь Печерьскую, дасть ему причастие святыхъ тайнъ и веле ему умытися водою, еюже священници умываются, и ту абие спадоша ему струпии и исцелѣ.

Виждь ми разумъ блаженнаго! Христу бо уподобися:[259] якоже бо Господь прокаженаго исцелѣвъ и повелѣ ему показатися священникомъ и принести даръ за очищение его, сице убо и сий святый бѣгаа величаниа; якоже и Христосъ слѣпаго исцелѣвъ, и не ту абие прозрѣвъ, но повеле ему ити к Силуамли купѣли и измытися, такоже и сий блаженный преже вапы украшаеть образ смръдящий невѣриа ради, честь же творить и служителемь Божиимъ, да и тии обещници будуть с нимь чюдеси. Водою же того омывъ, не токмо телесных проказъ *очисти*, но и душевных. Того же исцеленнаго правнукъ окова кивот златом над святою трапезою за очищение того. И сему скорому исцелению вси удивишася. Рече же к нимъ преподобный Алимпие: «Братие! Внимайте сему рекшему: “Не можетъ рабъ двема господинома работати”.[260] Якоже и сий преже поработися врагу, чарование грѣхом, послѣди же приде къ Богу, отчаався преже же спасениа своего, и болма проказа нападе на нь невѣрьствиа ради его. “Просите убо, — рече Господь, — и не просто просите, но с вѣрою просите, и приимите”.[261] И егда же покаяся къ Богу и мене послуха постави, и скорый на милость сего ущедры и исцели». И отъиде исцелѣвый в дом свой, и славя Бога и того рождьшую пречистую Матерь, и преподобных отець наших Антониа и Феодосиа, и блаженнаго Алимпиа. Се бо новый нам Елисѣй, иже Неомана Сирианина от проказы исцелѣ.[262]

И инъ нѣкто муж христолюбець от того же града Киева церковь себѣ постави и въсхотѣ сътворити церьки на украшение и великых иконъ: 5 дѣисуса[263] и двѣ намѣстнии. Сий же христолюбець вдасть сребро двѣма мнихома монастыря Печерьскаго и доскы иконныа, да сътворять ряд съ Алимпиемъ, и еже хощет, возметь от иконъ. Сии же мниси ничтоже рекоша Алимпиеви, и *взяста* от мужа елико хотѣста. И пакы христолюбець посла ко мнихом, аще иконы его съдѣланы суть. Они же рѣста, яко еще злата трѣбуеть, и пакы взяша от христолюбца злато и истеряста. И пакы нарѣчие въспустиста мужеви, глаголавша на святого сице, яко и еще просить толико же, елико взять. Онъ же христолюбець с радостю вдасть. И помалѣ пакы черноризци рекоста: «И еще Алимпий толико же трѣбуеть». Христолюбець же рече: «Аще и до десятижды въпросить, то дам, токмо благословениа его хощу, и молитвы, и дѣла руку его». Алимпиеви же ничтоже вѣдящу о сем, еже мниси тии сътвориста.

Присылаеть убо муж, хотя видѣти, аще иконы написаны суть, она же черноризица възвестиста ему, тако глаголюще, яко: «Алимпий *поимавъ* злато и сребро с лихвою и не хощеть писати иконъ твоих». Христолюбець же той прииде въ монастырь съ многою дружиною и входить ко игумену Никону, хотя въздвигнути крамолу на преподобнаго Алимпиа. Игуменъ же призва Алимпиа и рече ему: «Брате, что се неправда сиа бысть от тебѣ сыновѣ нашему? Многажды бо молив тя, да возмеши, что хощеши, иногда же туне пишеши». Блаженны же рече: «Отче честный, вѣсть твоа святыни, яко никогдаже лѣности имѣхъ о дѣле сем. Нынѣ же не свѣмъ, о чемъ глаголеши». Игуменъ же рече, яко:

«Три цены взялъ еси от седми иконъ, а иконъ не пишешь». И се, яко на обличение тому, повелѣша принести доски иконныа, мниси же призвати, имавшаа цену, на обличение его, да прятся с нимь.

Послании же видѣша тыа иконы, написаны зѣло хитры, и принесоша а пред игумена. Яже видѣвше, вси удивишася и ужасни быша, съ трепетом ниць на земли падоша и поклонишася *нерукотворенному* образу Господа нашего Иисус Христа, и пречистѣй его Матере, и святыхъ его. И промчеся *велика* слава о сем въ всем градѣ Киевѣ. Приидоша же и она мниха, глаголавшаа на блаженнаго, не вѣдуще о сем ничтоже, и начаша стязатися съ Алимпиемь, тако глаголюще, яко: «Три цены взялъ еси, и иконъ не пишеши». Отвещаша же вси тѣмъ, рѣша: «И се нынѣ иконы *Богом написаны* суть». Сии же *видѣвше*, и ужасошася о бывшем чюдеси.

Сиа же черноризца, крадшая монастырь, обличена бывша, и от всѣхъ вещей отпадша, и изгнана бывша от монастыря Печерьскаго. Но и тако своа злобы не остася, глаголюще хулу на блаженнаго, и всѣмь глаголюще, яко: «Мы есми *написали* иконы, господинъ же тѣхъ не хотя дати нам мзды, и се замыслилъ есть, лишивъ наю найма, и сългаста на иконы, яко Богомъ написаны суть, а не суть *нами* въображени». И тако устависта народ, притѣкающь на позорь тѣхъ инокъ, и хотящим имъ поклонитися, сии же възбраняста, и сего ради людие вѣроваша мнихомъ, облыгающе блаженнаго Алимпиа.

Но Богъ прославляеть святыа своа, якоже рече Господь въ Евангелии: «Не может град укрытися, връху горы стоа; ниже вжагают свѣтилника, поставляют под спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтить всѣмъ приходящимъ».[264] Такоже и сего преподобнаго Алимпиа не утаися добродѣтелное житие. *Дойде же* и до князя Владимера чюдо, бывшее о иконах. Бысть же нѣкогда сице. Волею Божиею от пожара изгорѣ Подолие всѣ,[265] и та церьки изгорѣ, в нейже бяху иконы тыи. И по пожарѣ обрѣтошася сѣдмь иконъ тѣх цѣлы, а церьки вся изгорѣ. И се слышавъ, князь идѣ *видѣта* бывшаго тамо чюдеси еже о иконах, како не изгорѣ и како написашася Божиимъ мановениемь, и прослави всѣх Творца, сдѣвающаго преславнаа чюдеса молитвами угодникъ своихъ Антониа и Феодосиа. Взем же Владимерь едину *икону*, святую Богородицю, и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже сам създа,[266] иже и донынѣ стоить, ейже азъ самовидець бых. Се же при мнѣ сътворися в Ростовѣ: церьки тои падшися, и та икона без вреда пребысть, и внесена бысть въ древяну церковь, якоже изгорѣ от пожара, икона же та безъ вреда пребысть, ни знамениа огненаго на себѣ имущи.

И приидем убо ко иному сказанию, еже о блаженѣмь Алимпии. Инъ нѣкто христолюбець дасть сему *блаженному* икону намѣстную писати. По малех же днехъ разболѣся блаженный Алимпий, иконѣ же суще не писанѣ. Боголюбець же притужаше блаженному. Рече же к нѣму *блаженный*: «Чадо, не приходи ко мнѣ, ни стужай ми, но възверзи на Господа печаль свою, еже о иконѣ, и той сътворить, якоже хощеть; икона ти въ свой праздникъ на своемь мѣстѣ станеть». И порадовася муж, понеже икона до праздника напищется, и вѣру емь словеси блаженаго, и отъиде в домъ свой, радуяся. И прииде пакы боголюбець онъ на канунъ Успениа, хотя взяти икону, и видѣ *икону* не писану, блаженнаго же Алимпиа велми болна суща. И досажаше ему, глаголя: «Почто не възвестил ми еси своеа немощи, и азъ бых далъ икону иному писати, дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ бывъ, нынѣ же посрамил мя еси, удрържавъ икону». К нему же блаженный кротцѣ отвѣщавъ: «О чадо, егда лѣностию се сътворих? Или невъзможно Богу икону своеа Матере словом написати? Азъ бо отхожу свѣта сего, якоже яви ми Господь, и по моем отшествии всяко утѣшить тя Богъ». Муж же той *отъиде* от него, печалуа, в дом свой.

По отшѣствии же его вниде нѣкто юноша свѣтелъ и, взем вапницю, нача писати икону. Алимпий же мнѣвъ, яко разгнѣвася на нь господинъ иконы и писца иного прислалъ есть, понеже исперва аки человѣкъ бѣша, но скорость дѣла сего бесплотна показася. Овогда убо златом покладываше икону, овогда же на камени вапы тряше, и всѣм писаше, и въ 3 часы икону написа, и рече: «О калугѣрѣ,[267] егда что недостаточно, или чим грѣших?» Преподобный же рече: «Добре *сътворилъ* еси. Богъ поможеть тебѣ зѣло хитро написати сию икону, се тобою съдѣлалъ ю есть». Вечеру же приспѣвшу, и се невидим бысть съ иконою.

Господинъ же иконы безъ сна пребысть всю нощь от печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себѣ и *грѣшна* нарицаа таковыа благодати. И въставъ убо, иде въ церьковь, да тамо плачется своего съгрѣшениа, и отврьзъ двѣри церьки, и видѣ икону сиающу на мѣсте своемь, и падѣ от страха, *мнѣвъ*, яко привидение нѣкое явися ему. *Възбнувъ* же мало от страха, разумѣвъ, яко икона есть, въ трепете и ужасти мнози бывъ, помянувъ глаголы преподобнаго, и текъ, възбуди домашняа своа. Они же с радостью текоша въ церьковь съ свѣщами и с кандилы, и видѣша икону, сиающу паче солнца, и падши ниць на земли, и поклонишася иконѣ, и лобызаше съ веселиемь душа.

Боголюбець же той прииде ко игумену и нача повѣдати *сътворившееся* чюдо, еже о иконѣ, и вси вкупѣ идоша ко преподобному Алимпию, и видѣша его уже отходяща свѣта сего. И въспроси его игуменъ: «Отче, како и кимъ написана бысть икона?» Онъ же повѣда имъ все, еже видѣ, яко: «Аггелъ есть, — рече, — написавъ ю, и се предстоить, поати мя

хотя». И сиа рекъ, предасть духъ. И сего опрятавше, несоша въ церьковь, обычное пѣние над ним сътворивше, положиша его в печерѣ съ преподобными отци, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемь.

О ПРЕПОДОБНЕМЬ И МНОГОСТРАДАЛНЕМ ОТЦИ ПИМИНЕ И О ХОТЯЩИХ ПРЕЖЕ СМЕРТИ ВЪ ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗЪ ОБЛЕЩИСЯ. СЛОВО 35

Начало слову еже о Пиминѣ вземше, на исповѣдание снидем того крѣпкаго страданиа, еже съ благодарениемь тръпѣти болѣзни доблественѣ.

Сий бо блаженный Пиминъ боленъ родися и възрасте, и того ради недуга чистъ бысть от всякиа сквѣрны и от утробы матерня и не позна грѣха. И многажды моляше родителя своа, да пострижется въ иноческый образъ. Они же, яко чадолюбци, *надѣахуся*, своему житию сего хотѣвша наслѣдника имѣти, и възбраняху ему.

Сему же убо изнемогшу и въ отчаании бывшу, и принесенъ бысть в Печерьскый монастырь, да исцелѣеть тѣх святых отець молитвами или *от* тѣхъ руку прииметь святый *аггельскый* образъ. Родителя же *его*, имуща сердечную *любовь* к нему, и своего чада не остависта, но всѣхъ моляще *молитися* за сына ею, да исцелѣеть от недуга. Много же преподобнии тии отци потрудившеся, и ничтоже пользова его, сего бо молитвами предолеваше всѣх, ибо не прошаше здравиа, но приложениа болѣзней, да не како, здравъ бывъ, и исторженъ будеть родительма *своима* от монастыря, и не получить мысли своеа. Отцю же и матере пресѣдящим ему и не дадущим его постriщи, и стуживъ сий блаженный, нача Богови молитися прилѣжно, да исполнит жалание его.

И се въ едину нощь, всѣм спящим внѣ, и се внидоша к нему аки скопци свѣтлии съ свѣщами, идѣже лежаше Пиминъ, носяще съ собою Евангелие, и свиту, и мантию, и куколь, и все, еже на потрѣбу пострыганию, и глаголаше ему: «Хощеши ли, пострижем тя?» Онъ же с радостию обещася имъ, глаголя: «Господь вы посла, господиа моа, исполнити желание *сердца* моего». Они же ту *абие* начаша въспросы творити: «Что *прииде*, брате, припадаа къ святому жертовнику сему и ко святѣй дружине сѣй? *Желаеши* ли сподобитися мнишескому великому аггельскому образу?» И прочаа вся по ряду сътвориша, якоже есть писано, таже и в великий образъ постригоша его, и облъкше его в мантию и в куколь, и все, еже трѣбѣ, пѣвше, великаго аггельскаго

образа управивше и устроивше, и целовавше его, Пимина же того нарекше, и свѣщу въжегше, рѣша: «До 40 дьний и нощий сиа свѣща да не угаснеть». Сиа вся съдѣавше, отъидоша въ церьковь, власи же вземше въ убрусѣ,[268] положиша на гробѣ святаго Феодосиа.

Братиа же, сущии в кѣлиахъ, слышаще глас пѣниа, и тии възбудивше сущих окрестъ себѣ, мнѣвше, яко игуменъ нѣ с которыми постригаеть и или уже преставилъся есть, и вси купно приидоша в кѣлию, идѣже болний лежа, и обрѣтоша вся спяща: отца же, и матерь его, и рабы. И с тѣми внидоша ко блаженному, и вси исполнишася благоуханиа, и видѣша сего весела и радостна, и облечена въ одѣжу мнишескую. И въпросиша того: «Кыим постриженъ бысть, и что слышахом глас пѣниа? Сии же родителие твои, у тебѣ бывша, и *ничтоже* от сего слышавше». Рече к ним болный: «Азъ *мню*, яко игуменъ, пришед съ братиею, постриже мя и Пимина *мя* имя нарече. И тѣхъ пѣниа бываше, еже вы слышасте, и свѣщи, рекоста, до 40 дьний и *нощий* горѣти, власи же мои вземше, идоша въ церьковъ».

Сиа же от *него* слышавше, идоша въ церьковъ, и видѣша церьковь заключену, възбужше же пономаря[269] и въпросиша их, аще кто входилъ есть въ церьковъ после павечерняа молитвы? Они же отвещавше, рекоша, яко *никтоже* входилъ есть в ню, но и ключа у иконома суть. Вземше же *ключа*, идоша въ церьковь и видѣша на гробѣ Феодосиевѣ въ убрусѣ власы его, възвѣстиша игумену, и поискавше тѣхъ, кто его есть постриглъ, и не обретоша. Разумно же бысть всѣмъ, яко се есть промыслъ, свыше от Бога бывающь.

Разумѣим же добрѣ о бывшем чюдеси, аще вмениться, рече, сему въ уставное пострижение? Понеже послушество имяше: церьки заключенѣ сущи, и власом ту обретшимся на гробѣ святаго Феодосиа, и свѣща, доволна единого дьни горѣнию, за 40 дьни и нощи непрестанно горѣ и не изгорѣ, и к тому постриженна не сътвориша, глаголавше ему: «Довлѣеть ти, брате Пимине, от бога данный ти даръ и нареченное ти имя».

Въпросиша же его: «Каковии бяше постригшеи тя?» Показавше ему книгы постриганиа, аще от сего не суть исправили. Пиминъ же рече: «Что мя искушаеши, отче! Ты сам съ всею братиею пришед и сътворивъ еже о мнѣ по написанному книгъ сих, и рек ми, яко: “Подобает *ти* пострадати в болѣзни, и егда будет исход твой, тогда здравие подасть ти ся и своима рукама понесеши одръ”. Но моли за мя, честный отче, да подасть ми Господь тръпѣние».

Пребысть же блаженный Пиминъ в тяжцей той болѣзни многа лѣта, яко гнушатися его и служащим тому, многажды бо оставлыше его гладна и жадна два дьни или три. Сий же вся с радостию тръпяше, Бога о всѣм благодаряше.

Инъ же нѣкто, такоже боленъ, принесенъ бысть в Печеру и постриженъ. Мниси же, на то *устроени*, болным служити, вземше и сего, несъше ко Пимину, да обѣма купно равно послужат. Небрежение же имуще о таковѣй службѣ, сию в забытие поверьгоша, и изнемогаша болнии *безводием*. Пиминъ же рече къ болящему: «Брате, понеже гнушаются служащеи намъ, смрада ради бывающаго от нас, то аще въставит тя Господь, можеши ли пребыти въ службе сей?» Болный же обѣщася блаженному до смерти своеа съ усердиемь послужити болнымъ. Пиминъ же рече к нему: «Се Господь отьемлет болѣзнь твою от тебѣ, и к тому здравъ бывъ, исполни обѣт твой и служай ми и подобным мнѣ. На нерадивыа же о службе сей наводит Господь болѣзнь лютую, яко да тѣмь наказани бывше, спасутся». И ту абие въста болный и служа ему, на нерадивыа же и не хотѣвшаа служити болным всѣхъ обиатъ недуг, по словеси блаженнаго.

Исцѣлѣвый же брат от недуга мало нѣкогда съгнуси въ себѣ и уклонися от Пимина, и сего алчна и жадна остави, смрада ради утробнаго. И леже въ особной храминѣ, и внезапу огнь зажже его, и не могый въстати за три дьни, и не стръпѣ жажи водныа, и нача вопити: «Помяните тя, Господа ради, се бо умираю безъводиемь!» Слышавъ же въ друзѣ кѣлии, приидоша к нему и видѣша его одръжима недугомъ, възвѣстиша о нем Пимину, яко: «Брат, служай ти, умирает». Рече же блаженный: «Еже человѣкъ всѣеть, то и пожнеть:[270] понеже остави мя гладна и *жадна*, и сам въсприалъ еси, сългавъ Богови и мою худость презрѣвъ. Но обаче учимы есмы не въздаати зла за зло,[271] шедше, рците ему: “Зоветь тя Пиминъ, въставъ, прииде *сѣмо*”».

И егда, пришедше, изъглаголаше ему, тогда болный здравъ бысть, и въ той час прииде къ блаженному, никимже водим. Преподобный же поноси тому, рекъ: «Маловѣрѣ! Се здравъ еси; к тому не съгрѣшай. Не веси ли, яко равну мзду имѣета боляй и служай? Но тръпѣние убогых не погыбнеть до конца: здѣ убо скорбь, и туга, и недугъ вмалѣ, а тамо радость и веселие, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханиа, но жизнь вѣчнаа. Того бо ради, брате, сиа тръплю. Богъ же, иже тебѣ мною исцелѣвый от недуга твоего, той может и мене въставити от одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хощу: “Претръпѣвый бо до конца, — рече Господь, — той спасеться”.[272] Уже ми есть в жизни сей всему изгнити, да тамо плоть моа будет безъ истлѣниа, и смрадное обоняние — таможе благоухание неизреченно. Добро убо, брате, церковное предстоание, въ свѣтле и чистѣ пресвятѣмъ мѣстѣ, и съ аггельскими силами невидимо пѣснь пресвятую всылати велми богоугодно и

благоприатно: церкви бо небо земное нарицаеться, и стоащи в той на небеси стояще мнятся. Что же ли, брате, темнаа сии и смраднаа храмина: не преже ли суда суд и преже бесконечныа мукы мука? Иже болѣзнуай *достойнѣ* глаголеть: “Тръпя, потерпѣх Господа, и внят ми”. [273] Сих ради апостолъ глаголет въ плоти болящим: “Аще убо наказаниа тръпите, яко сыновом вам обрѣтается Богъ, аще ли без наказаниа есте, рабичища есте, а не сыновѣ”.[274] О сих бо рече Господь: “Въ тръпѣнии вашем стяжете душа ваша”».[275]

И в таковем страдании лежа преподобный Пиминъ лѣт 20. Въ время же преставлениа его явишася три столпы над трапезницею и оттуду на връх церьки приидоша. О них же речено бысть в Лѣтописци.[276] Съвѣсть же Господь, знамение сие показавый, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣние Божие *бысть*.

В той бо день, въ нъ же хотяше преставитися, здравъ бысть преподобный Пиминъ и обихожаше вся кѣлиа и, всѣм поклоняяся до земля, прощениа просяше, повѣдаа исход свой от житиа сего. И глаголаше и́ к болящим *братиамъ*: «*Друзи* и братиа моа! Въставше, проводите мя». И абие словом его отступаше *болѣзнь* от них, и здрави бывающе, *идоша* с ним. Сам же, въшед въ церьковъ, *причастися* животворящих Христовых тайнъ, тако, вземь одръ, несяше *к печере*, в нейже николиже бывалъ и николиже видѣ еа от рожениа своего, и, вшед, поклонися святому Антонию и мѣсто показа, в немже положитися хотяща.

«Здѣ, — рече, — два брата положисте в сие лѣто, и егоже брата бескимы положисте, сего въ скимѣ обрящете. Хотѣ убо многажды пострищися и небрегом бысть от братиа нищеты ради, им же вменися въ грѣх; сей же дѣла достойна *показа* образу, и сего ради дарова ему Господь скиму: имущему добраа дѣла — дасть ему, от неимущаго же и еже мнится имѣа — отъимется от него; имущему убо *везде* дано будет. [277] Другаго же брата, егоже въ скимѣ положиста, взята бысть от него, понеже в животѣ не въсхотѣ еа, но, умираа, рече: “Аще видите мя, уже отходяща, и тако пострижете мя”. И сего ради отъятся от него благодать, не разумѣ бо рекшаго: “Не мерьтвии въсхвалять тя, Господи, но мы, живии, благословимъ Господ”».[278] “Въ адѣ бо, — рече, — кто *исповѣсть ти ся*?”[279] Таковым бо пострижение скимное ничтоже ползуеть, аще сего дѣла добраа от мукы не збавить. Третий же здѣ от давных лѣт положен. Того же скима нетлѣнна есть и блюдется ему на обличение и на осуждение, яко недостойна образу дѣла стяжавша, в лѣности же и въ гресех житие свое проводиша, не вѣдый рекшаго: “Емуже дасться много, много истяжут от него”.[280] И аще сего Антониева и Феодосиева молитва не предварит, повиненъ есть сицевый суду». И сиа изъглаголавъ, рече ко братии: «Се приидоша постригшеи мя, пояти мя хотяще». И сиа рекъ, възлегъ, успѣ о Господѣ. Его же

великою честию в печерѣ положиша. Окопавша же преже реченное мѣсто, и обретоша тако, по словеси блаженнаго, три черноризци: единаго всего истлѣвша, куколь же единъ цѣлъ бяше; два же мниха, новъ умершаа, иже убо въ скимѣ положенный, с сего скима снята бысть и на другого положена, иже бѣ не постриженъ. И много дивишася *неизреченному* суду Божию, и рекоша, яко: «Ты, *Господи, въздаси* комуждо по дѣлом его».

Да отселе, братие, мнит ми ся разумѣти: иже въ болѣзни пострижется с вѣрою, просит у Бога живота, да в чернечествѣ поработаеть ему; обладая же животом и смертью, Господь, аще сего отведеть, то въ 11 час съ пришедшими равна *праведним* сътворить его Господь.[281] А глаголяй же сице: «Аще видите мя умирающа, тогда пострижете мя», — сего суетна вѣра и пострижение.

О ПРЕПОДОБНѢМЪ ИСАКИИ ПЕЧЕРНИЦѢ. СЛОВО 36

Яко въ огни искушается злато, и человѣчи приатни в пеще смирениа. И аще убо Господу въ пустыни приступити искуситель не постыдѣся,[282] колико паче человѣку искусы принести хощеть! Якоже и сему бысть блаженному.

Сий бо преподобный отець нашь Исакий, еще ему сущу въ мирьстем житии, богат бѣ купець, родом торопчанинъ.[283] Сей помысли быти мнихъ, и раздаа все имѣние *свое* трѣбующим и монастырем, прииде к великому Антонию в печеру, и моляшесе ему, дабы былъ мнихъ. И приатъ его Антоние, възложи на нь мнишеский образ и нарече имя ему Исакие, бѣ бо ему мирьское имя Чернь.

Сий же Исакие въсприатъ житие крѣпко и облечеся въ власяницю, и повелѣ купити себѣ козлищь, и одрати его *мѣхом,* и възъвлече на власиницю, и осше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ, въ единой улици, в кѣлии малѣ, яко четыре лакоть сущи, и ту моляше Бога съ слезами. Снѣдь же его бѣ просфура едина, и то же чрез день, и воды в мѣру пияше. Принося же ему великий Антоние и подаваше ему оконцемъ, елико рука вместится — и тако приимаше пищу. И в таковем житии сътвори 7 лѣт, на свѣт не исходя, ни на ребрех възлегъ, но сѣдя мало сна приимаше.

Единою же, по обычаю, наставшу вечерю, нача покланятися, поа псалмы, даже и до полунощи, и яко утрудися, и сѣде на седалѣ своемь. Седящу же ему и по обычаю свѣщу погасившу, и се внезаапу свѣту въсиавшу в печерѣ, яко от солнца, яко и зрак человѣку отъимати. И поидоша к нему два уноши прекраснѣ, и блистастася лица ихъ, аки солнце, и рѣша: «Исакие, вѣ есвѣ аггелы, а се идет к тебѣ Христос съ аггелы». И *въставъ* Исакий, и видѣ тлъпу бѣсовъ и лица их паче солнца, единъ же *посрѣди* их сияше паче *всѣх*, и *отъ лица его луча исхожааху*. И глаголаста ему: «Исакие, се есть Христос, пад, поклонися ему». Исакий же не разумѣ бесовъскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститися, и, изъшед ис кѣлии, поклонися, акы Христу, бесовъскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашь еси, Исакие!»

И введоша его в кѣлию, посадиша и́, и начаша садитися около его. И бысть плъна кѣлиа бесовъ и улица Печерьскаа. И рече единъ от бесовъ, глаголемый Христос: «Възмѣте сопѣли, и бубны, и гусли и ударяйте, а Исакий *нам спляшет*». И удариша в сопѣли, и в гусли, и в бубны, и начаша им играти. И утомивше его, остави его елико жива суща, и отъидоша, поругавшеся ему.

Заутра же, бывшу дьни и приспѣвшу вкушению хлѣба, прииде Антоний по *обычаю* къ оконцю и глагола ему: «Благослови, отче Исакие!» И не бѣ гласа, ни послушаниа. И многажды глагола Антоние, и не бѣ гласа, и рече в себѣ: «Егда преставился есть?» И посла в монастырь по Феодосиа и по братию. И пришедше *же братиа*, и *откопаше*, идѣже бѣ загражено устие, и взяше его, мняще его мертва быти; и изнесше его, положиша пред печерою, и видѣша его, яко живъ есть. И рече игумен Феодосий, яко от бѣсовьскаго дѣйства сие бысть ему. И положиша его на одрѣ, и служаше ему святый Антоний.

Въ тыа же дьни приключися Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Онтониа про князя Всеслава.[284] И присла Святославъ ис Чернигова в нощи по святаго Антониа. Антоний же пришед ко *Чернигову* и възлюби мѣсто, *нарицаемое* Болдины горы, ископавъ печеру и вселися ту. И есть ту монастырь Святыа Богородица на Болдиныхъ горах[285] и донынѣ близъ Чернигова.

Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний отшелъ есть к Чернигову, и шед съ братиею, и взятъ Исакиа, и принесе его въ кѣлию свою, и служаше ему. Бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣлом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни въстати, ни седѣти, но лежаше на единой странѣ, *многы* же и червие вметахуся под бедры ему с мочениа и с поливаниа. Феодосий же сам своима рукама мыаше и опряташе; и лежа за 2 лѣта, святый же служа ему.

Се же есть дивно чюдо, яко за два лѣта не вкуси хлѣба и воды, ни от какого же брашна, ни от овоща, ни языкомъ проглагола, но немь и глух лежа 2 лѣта.

Феодосий же моляше Бога за нь и молитву творяше над ним день и нощь, дондеже на *трѣтие* лѣто проглагола и прошаше на ногу въстати, акы младенець, и нача ходити. И небрежаше въ церковь ити, и нуждею едва привлачаху его въ церковъ, и *тако помалу нача ходити въ церковь.* И посем нача ходити на трапезницу, и *посаждаху* его кромѣ братиа, полагаху пред нимъ хлѣбъ, и не хотяше взяти его, они же влагаху в руку его. Феодосий же рече: «Положите пред нимъ хлѣбъ и не влагайте в руку его, да сам ясть». И не ядяше всю недѣлю, и помалу оглядався, вкушаше хлѣба — и тако научашеся ясти. И симъ образом избави его великий Феодосие от козни диаволя и прелести его. Исакий же въсприа пакы житие жестоко.

Феодосию же преставившуся и Стефану игуменьство приимъшу,[286] Исакий же рече: «Се уже прельстил мя еси, диаволе, сѣдяща на едином мѣсте, отселе уже не имам в печерѣ затворитися, но имамъ тя *побѣдити* благодатью Божиею, ходя в манастыри». И паки облечеся въ власяницу и на власяницю свиту тесну, *и нача уродство творити*. И нача помогати поваромъ и работати на братию, и на заутренюю преже всѣхъ входя и стоаше крѣпко и непоколебимо. И егда же приспѣваше зима и мрази лютии, стоаше же въ плесницах раздраных, яко многажды примерзаху нозѣ его к камени, и не подвизася ногама, дондеже отпояху утренюю. И по заутрении вхожаше в поварню и приготоваше огнь, и дрова, и воду, и тогда прочии прихождаху от братиа поварове.

Единъ же поваръ, также бѣ имянем тѣмь Исакъ, и рече, посмѣяся: «Исакие, *оно* сѣдить вранъ чернъ, и иди, ими его». Онъ же поклонився до земля, и шед, ятъ врана, и принесе его пред всѣми *повары*. И ужасошася вси о бывшем, и повѣдаша игумену и братии, и начаша оттоле братиа чтити его. Онъ же, не хотя славы человѣчьскиа, нача уродство творити и пакостити нача: ово игумену, ово же братии, ово мирьским человѣкомъ, друзии же раны ему даяху. И нача по миру ходити, и тако урод ся сътвори.

И пакы вселися в печеру, в нейже преже был, — Антоней убо преставися,[287] — и нача събирати к собѣ юных от мирьскиа чади, въскладываше на них порты чернеческиа. Да ово от игумена Никона раны приимаше, иногда же и от родитель детей тѣх. Блаженный же то все тръпяше и подъимаше раны, и наготу, и студень день и нощь.

Въ едину же нощь вжегъ пещь в кѣлии, в печерѣ, яко разгорѣся пещь, — бѣ бо утла, — и нача пламенъ исходити горѣ *утлизнами,* оному же нѣчим скважнии покрыти, и въступи босыми ногами на пламень, дондеже изгорѣ пещь, и сниде ничимъже вредимъ. И ина многа повѣдаху о нем, *а иное* сам видѣх.

И тако побѣду взя на бесы, яко и *мух* ни въ что же *имя* устрашениа их и *мѣчтаниа*. Глаголаше бо к ним: «Аще бо мя бѣсте и прельстили первие, понеже не вѣдахъ козней ваших и лукавъствиа, нынѣ имамъ Господа Иисуса Христа, Бога моего, и на молитвы и отца моего Феодосиа надѣяхся, имам побѣдити вас». Многажды бо ему пакости дѣяху бѣси и глаголаху: «Нашь еси, Исакие, понеже старейшему нашему поклонился еси». Онъ же глаголаше: «Вашь старейши Антихристъ есть, а вы есте бѣси»; и знаменаваше лице свое крестнымъ знамениемь — и тако изчезаху бѣси.

Иногда же пакы прихождаху к нему, страх творяще ему в мечтѣ, яко се многъ народ с мотыками и лыскары, глаголюще: «Раскопаемь печеру сию и сего загребем здѣ»; инии же глаголаху: «Изыди, Исакие: хотят тя загрести». Онъ же глаголаше к ним: «Аще бысте человѣчи были, то во дьне ходили бысте, а *вы есте тма* и въ тмѣ ходите»; и знаменався крестом, и исчезаху. Иногда же страшаху его въ образѣ медвѣжии, овъгда же лютым звѣремь, овогда *львом*, иногда же змиа ползаху, ово ли жабы, и мыши, и всякъ гад — и не възмогоша ничтоже сътворити ему.

И рѣша: «О Исакые, побѣдил ны еси!» Он же отвѣщеваше: «Якоже бѣсте вы мене прелстили во обрзѣ Иисус Христовѣ и въ аггельстѣмь, недостойни суще таковаго сана, но се въистинну является въ образѣ звѣрином и скотиемь, и змиами и всякым гадомь, аци же и сами есте». И оттоле не бысть пакости ему никоеаже от бѣсовъ, якоже и самь повѣдаше, яко: «Се бысть ми, — рече, — за 3 лѣта брань».

И потом нача крѣпчаѣ жити и въздержание имѣти, пощение и бдѣние. И тако живущу ему, и приспѣ конець житиа его. Разболѣвся в печерѣ, и несоша его в монастырь, болна суща, и тако поболѣ до осмий дьний, и непреминущим путемь къ Господу отъиде в добрѣ исповѣдании. Игумен же Иоаннъ и вся братиа, опряташа тѣло его, погребоша честно съ святыми отци в печерѣ.

Таци бо быша мниси Феодосиева монастыря, иже сияют и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за вся православныа цари и князи, и за здѣ сущую братию, и за вся работающаа въ дому Божиа Матере, и за *мирьскую чадь*, и за приходящаа и подавающаа от имѣний своих в монастыр, в немже и донынѣ добродѣтелное житие живут обще, вси купно, в пѣнниих, и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и пречистѣй его Матере, и святыхъ отець Антониа и Феодосиа, и всѣх преподобных отець печерьских молитвами съблюдаеми.

Да и нас сподобить Господь молитвами их избыти от сѣти ловящаго нас диавола и обрѣстися в мѣсте отца Антониа и Феодосиа. И призовемь, братие, блаженныа тыа отца и чюдотворьца, помощникы и молитвеники тыа обрѣсти ко Господу Богу, еже не отлученномь намь быти преподобных тѣх черноризець, не отторженомь от блаженнаго и святаго того мѣста, и пренепорочныа и пречистыа Дѣвы жилища не лишеномь быти, еже сама обѣщася, но подщимся и прочаа дни своа въ покаании препроводити и угодити Богу. Буди же всѣмь намь милость получити и жизнь вѣчную о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемь, ему же слава и дръжава съ Отцем.

ВЪПРОС БЛАГОВѢРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТЫНѢХ.[288] *СЛОВО 37*

Прииде нѣкогда благовѣрный и великий князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеровъ, къ святому отцю нашему Феодосию, игумену Печерьскому, и рече ему: «Исповѣжь ми, отче, вѣру варяжьскую, какова есть».

Преподобный же отець нашь Феодосие и рече: «Послушай, благочестивый княже, еже въспроси благородие твое нашего смирениа.

Вѣра ихъ зла и законъ ихъ нечистъ есть: во Савелиеву вѣру[289] и въ ины ереси многы въступили суть и всю землю осквернили. Ты же, благовѣрный, самодръжче, блюди себе от нихъ. Ереси бо их сиа суть: *прьвое* — иконъ не целуют; *второе* — мощи святыхъ не целуют; *третие — крестъ на земли написавши, цѣлуют и въставше, попирают ногами*; *4-е* — в пост мясо ядят; *5-е* — опресноки служат; *6-е — попове их крьщають въ едино погружение, а мы въ три,* мы же мажемь миромь крещающаго и маслом, а они крещающемуся сыплют соль во уста, въ имя же святыхь не наричют, но како взовут родители их, в то имя крещают. Сего ради вѣры латыньскиа бѣгати лѣпо есть, ни обычаа их дръжати, и камканиа их не приимати, и не послушати реченное ими,

зане неправо вѣруют, и глаголють, и нечисто живут. *Ядят бо съ псы и с кошьками, пиють же свой сець — зло есть и проклято сие — и* ядят жолвыи, и дикиа кони, и ослы, и удавленину, и медвѣдину, и бобровину. Первыа же недѣли *Великаго* поста и въ вторник пущаются мяса, мнихы их ядят лой, в суботу же постятся. Христианом же своих дщерий недостоит даати за них, ни поимати у нихь за себе, ни братитись с ними, ни кумитися, ни цѣлованиа с ними имѣти, ни ясти с *ними, ни пити* изъ единого съсуда. Тѣм же просящимь у вас, дайте им, Бога ради, ясти, но въ их съсудѣх; аще ли *не* будет в них съсуда, въ своемь дати и потомь, измывше сосуд, молитва дати. *А о съгрѣшениих своих* не от Бога просят прощениа, но прощають их попове по дару их. Попове же их не женяться законною женою, но съ рабынями блуд творят, и службу дѣють, а грѣха собѣ в том не творять. Бискупи же их дръжат наложници и на войну ходять, перьстень на руцѣ носят. Мертвеци кладут на запад ногами, а главою на въстокъ, и руцѣ по длину полагають, очи, уши же и носъ *въском залѣпляють*. И женящеися поимают сестреници. И мертвымь тѣломъ служат, яко мертва Господа мняще, мы же службу творимь живымь тѣломь, самого Господа вѣдяще одесную Отца сѣдяща, и паки судити приидет живымь и мертвымъ. Они бо, латина, мертваа, иже мертву службу съдѣвают; мы же, живу Богу жертву чисту и непорочну приносяще, живот вѣчны обрѣсти имамы. Тако бо писано есть: “Въздасть комуждо по дѣлом его”.[290] *Брашна* их не приимати, яко многа суть тѣхъ злаа и неправеднаа. Развращенна и погыбелна вѣра их, яже и жидове не творят, то они творят. Множае же в Савелиеву ересь вступили суть, яко всѣх языкъ поганѣйши и злѣйши суть, зане не мощно блюстися ихъ, а поганых мощно. Латина бо и Евангелие, и Апостолъ имеют, и иконы святыа, и в церковь входят, но вѣра их и законъ нечистъ. Множествомь ереси их всю землю онечествоваша, понеже по всей земли варязи суть. *Велика* нужда от них правовѣрнымь христианом, иже мѣжи тѣх живущеи въ единомь мѣсте. А иже кто ублюдется от нихъ, чисту вѣру нося, и пред Богом станеть одесную, радуяся; аще ли самоволиемь приближится к нимь, той с ними станет ошуеею, плачася гръко. Нѣсть бо жизни вѣчныа живущимь в вѣре *латыньстѣй*, или в срачиньстей, *или во аръменьстей*, ни части имѣти съ святыми в будущий век. Не подобает бо их вѣры хвалити: аще ли кто хвалит ихъ вѣру, таковый обрѣтается свою хуля; или начнет хвалити непрестанно чюждаа вѣры, отреченныа православнаго христианьства, таковый обретается двоивѣрець и близъ ереси есть. Ты же, чадо, таковых дѣаний блюди себе и не присвойся ихъ, но бѣгай тѣх, и свою вѣру непрестанно хвали и, якоже можеши, подвизайся в ней добрыми дѣлы. Милостивъ же буди, христолюбче, не токмо до *своих* домочадець, но и до чюжих, и аще види нага, одежди *и́*, или гладна, или бѣдою одръжима, помилуй и́. Аще ти от которыа вѣры еретикъ или латининъ, всякого помилуй и от бед избави, и мзды от Бога не погрѣшиши; Богъ бо и самь *питаеть* всѣхъ, и поганыа якоже хрестианы. Поганым же и иновѣрным всѣмь попечение от Бога, въ будущий же вѣкъ чюжды будут възданиа благых; мы же, живуще въ правъславней вѣрѣ, и здѣ есмы набдимы Господомь, въ будущем же вѣце спасаеми Господемь нашим Иисус Христомь. Аще ли кому по вѣре сей святѣй Бога ради умерети, то дръзновениемь да не остается правыа вѣры, но умреть за Христа, святии бо, рече, за вѣру умроша, да оживут о Христѣ. Ты же, сыну, аще обрящеши иновѣрникы с вѣрными прю дѣюща и прелестию хотяща

свѣсти от православныа вѣры правовѣрных, ты же, истинно вѣдый православие, не скрывай в себѣ, но помози правовѣрнымь на зловѣрныа. И аще поможеши, яко добрый пастырь, овца имаши избавити от устъ лвовых; аще ли умлъчиши, то *яко* отъемь у Христа и предаеши Сатанѣ, слово о них въздаси въ день Судный. И аще ти речет кто: “Сию вѣру и *ону* Богь далъ”, ты же рци *ему*: “Ты кто еси, *кривовѣрне*? Мниши Бога двовѣрна? Не слышиши ли, окаанне и развращенне злою вѣрою, писано бо есть: “Тако глаголеть Господь: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещение”.[291] И Господь рече тако: “Лѣпо есть намь исплънити всяку правду”,[292] да сиа вся исплънивъ, и пакы взыде на небеса и ученикы своа пославъ на проповѣдание *въ конца* вселенныа. Тѣм же ты, зловѣрне, толико лѣт държавъ православную вѣру, и нынѣ съвратил ся еси на зловѣрие и поучение сатанино. То не слышалъ ли еси апостола Павла, глаголюща, яко аще и нѣции *суть* смущающе вы и хотяще *превратити* благовѣствование Христово, аще и аггелъ, съшед съ небесе, благовѣстит вамь паче, не якоже мы благовѣстихом вамь, да будет проклят.[293] Вы же отринувше проповѣдание апостольское и святыхь отець исправление, приасте неправую вѣру и учение разъвращенно, исполнено погыбели. Того ради от нас отвръжени бысте и отлучении, да того ради намь с вами недостоить житиа приимати и *пресвятыхъ* тайнъ обще с вами причастие имѣти или приступити ни вамь к нашей божественей службе: зане многы ереси в вас».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАДРИТА ПЕЧЕРСКАГО,[294] И О ВАСИЛИИ ПОПѢ. СЛОВО 38

Преставися блаженный и преподобный отець нашь Поликарпъ, архимандритъ Печерьский, в лѣто 6690, мѣсяца июля в 24, въ день святы мученикъ Бориса и Глѣба. И спрятавше тѣло его, погребоша честно с конечными пѣсньми, якоже самь заповѣда. По смерти же его бысть мятежъ великъ в монастырѣ. По старци оном не могоша себѣ избрати игумена, и бысть скорбь велиа въ братии, туга и печаль — не подобаше бо таковому великому стаду ни единого часа бес пастыря быти.

Въ вторникъ же убо братиа удариша в било, и снидошася вси въ церковь, и начаша мльбы творити къ святей Богородици. И се дивное бысть дѣло, яко единѣми усты *мнози рекоша*: «Послемся к Василию попу на Щековицю,[295] дабы был нам игуменъ и правитель иноческому стаду Феодосиева монастыря Печерьскаго». И пришедше, вси поклонишася Василию-презвите-ру и рекоша: «Мы, вся *братиа*, иноци, кланяемся тебѣ и хощем тя имѣти отца, игумена себѣ».

Попъ же Василий в велице изумлении бывъ, пад, поклонися противу имъ и рече имъ: «Отци и братиа, азъ чернечество въ сердьци *токмо* имѣлъ есмь, игуменьства же ради что помыслисте о моей худости?» Много же прѣвся, и обещася *им*. *Они* же, *поимше* его, идоша с ним в монастырь, въ день пяток. И *приеха* митрополит Никифоръ на *пострижение* его, и Лаврѣнтий, туровьский епископъ, и Никола, полоцкий епископъ,[296] и вси игумени. Постриже же его Никифор своею рукою, и бысть игуменъ, *пастырь* иноком Феодосиева монастыря.

Написана бысть книга сиа, *нарицаемыа* Паторикъ Печерьский, житиа и чюдеса святыхъ и преподобных отець печерьскихъ Антониа и Феодосиа и всѣх преподобных отець печерьскых, а повелениемь смиренно инока Касияна, уставника печерьскаго,[297] в лѣто 6970, индикта[298] 10, мѣсяца апрѣля 10, в суботу святаго и праведнаго Лазоря, друга Христова,[299] на память святыхъ мученикъ Терентеа и Помпиа и иже с ними,[300] въ богоспасаемемь градѣ Киевѣ, въ обители царьстей пречистыа Богоматере и преподобных отець *нашихъ* Антониа и Феодосиа, в *Печерьском* монастырѣ, святаго и великаго святителя и чюдотворца Христова Николы Мирь Ликийских в пустынцѣ, *при княжении* благовѣрнаго и христолюбиваго князя Семена Александровича, при архимандрите Печерьском кир Николѣ,[301] тѣхь святыхь молитвами преподобных отець печерьских Антониа и Феодосиа и святых всѣх чюдотворець печерьскых. Богу нашему слава в вѣкы. *Аминь*.

---

[1] *Паторик...* — Патериками (греч. paterik от pater — отец, отсюда русское название «Отечник») назывались сборники нравоучительных изречений и рассказов о жизни христианских монахов, совершавших свои аскетические подвиги обычно в одной местности (Египетский, Синайский, Римский патерики). Занимательностъ и беллетристичность повествования, простота и афористичность стиля привели к популярности этого жанра, сделали патерики «народной книгой» средневековья.

[2] *...церьки Богородицина Печерьскаа...* — Церковь Успения Богородицы, строительство и роспись которой велись с 1073 по 1089 год, — главный собор Печерского монастыря — имела суровый, аскетичный вид. Это был шестистолпный крестовокупольный храм, лишенный башен и галерей, увенчанный лишь одним куполом. По преданию, отраженному в Патерике, собор строили греческие мастера в меру, данную варягом Шимоном; результаты археологических раскопок 1972 года позволяют говорить об участии в строительстве болгар; вместе с греческими мастерами, украшавшими собор мозаикой, фресками и иконами, работал древнерусский художник Алимпий (см.

34-е «слово» Патерика). О перестройках храма дают представление гравюры в книгах лаврской типографии. В Патерике, изданном в 1661 году, он изображен пятиглавым, а его древнее ядро окружено приделами, часть из которых объединена под одной кровлей. После пожара 1718 года Успенский собор был восстановлен, надстроен и украшен в стиле барокко; в конце XIX века он был расписан заново в сухой академической манере. В период оккупации Киева взорван фашистскими захватчиками.

[3] *Архимандрития* — монастырь с архимандритом во главе. Архимандритией Печерский монастырь стал при игумене Поликарпе между 1169 и 1171 годами. По мнению историка Я. Н. Щапова, на Руси архимандрития — институт, противопоставленный митрополиту и связанный с княжеской властью. Печерский игумен первым получил титул архимандрита, который стал присваиваться настоятелю важнейшего монастыря в городе, обладавшему определенными правами и вне своего монастыря (см. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси. X—XIII вв. М., 1989, с. 159—160).

[4] *Лавра* — название крупных и важных по своему положению православных общежительных мужских монастырей.

[5] *Феодосий* — церковный деятель и писатель Древней Руси, один из основателей Киево-Печерского монастыря, игуменом которого был с 1062 по 1074 год. См. Житие Феодосия Печерского и его Поучения (наст. изд., т. 1). Феодосию Печерскому посвящен цикл статей в Повести временных лет, среди них 1074 года — о смерти Феодосия, 1091 года — о перенесении его мощей, 1108 года — о вписании имени святого в Синодик (см. наст. изд., т. 1). Последние две статьи, а также Житие Феодосия Печерского и Похвала святому, сначала существовали в Патернке на правах литературного «конвоя», а затем постепенно, по мере редакторской работы над памятником, вошли в его состав.

[6] *...Африканъ, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златы луды... бяху два сына — Фриадъ и Шимон.* — Имена Африкан, Фрианд и Шимон известны только по Киево-Печерскому патерику, причем одно из них — Фрианд, возможно, ошибочно принятое за имя собственное древнеисландское «friandi-friaendi», что значит «родственник», «родич». В данном эпизоде имеется в виду битва Ярослава с Мстиславом 1024 года. Якун (Гакон) — предводитель отряда варягов, участвовавших в этом сражении на стороне Ярослава. В Повести временных лет сказано: «...и бѣ Акунъ съ лѣпъ, луда у него златомъ истъкана» (и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан). Симон, автор этого рассказа Патерика, неверно понял текст своего летописного источника, объединив в одно слово словосочетание «съ лѣпъ». Луда — плащ, верхняя одежда; есть и другие толкования этого слова — маска, шлем, латы.

[7] *Ярослав* — Ярослав Мудрый, сын Владимира I Святославича. Победив Святополка в битве на реке Альте в 1019 году, занял киевский стол и княжил до 1054 года. Его правление ознаменовалось

укреплением государственного и политического положения Киевской Руси, расцветом культуры.

[8] *...изыдоша сие трие Ярославичи... Изяславъ, Святославь и Всеволод...* — Еще при жизни Ярослав Мудрый дал «ряд» на княжение своим сыновьям: старший, Изяслав, получал Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро. После смерти отца эти три князя заключили союз и совместно вели военные действия против внешних врагов, согласовывали свою внутреннюю политику. В 1068 году они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж на юго-восток от Киева) потерпели поражение. Это вызвало восстание киевлян, потребовавших дать им оружие, чтобы продолжить борьбу с половцами. Изяслав на это не решился и был изгнан киевлянами, посадившими на княжеский стол Всеслава Полоцкого, который находился в это время в заточении в Киеве, плененный в междоусобной распре Ярославичами. Изяслав бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 году и снова занял киевский стол. В 1073 году триумвират Ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволодом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 года.

[9] *Антоний* — основатель Киево-Печерского монастыря. Родился около 983 года в г. Любече. Совершил хождение в Константинополь, а затем на Афон, где жил в пещере близ монастыря Есфигмен. Здесь он был пострижеи в монахи игуменом Феоктистом и в качестве миссионера направлен на Русь, где поселился в Варяжской пещере в Берестове около Киева. После смерти князя Владимира Святославича, в период междоусобной борьбы его сыновей за киевский стол, Антоний удалился на Афон, откуда по приказу игумена Феоктиста в 1028 году вернулся в Киев и поселился в Иларионовой пещере на берегу Днепра. Вокруг Антония, прославившегося монашескими подвигами, собрались ученики и последователи, среди них — Никон Великий, Феодосий Печерский, Моисей Угрин и др. Они выкопали пещерную церковь, трапезную, общий подземный ход, поставили над пещерами деревянную Успенскую церковь. Так возник Киево-Печерский монастырь, сказание об основании которого читается в Повести временных лет под 1051 годом (см. 7-е «слово» Патерика). Известность и авторитет Антония были так велики, что вступивший в 1054 год на киевский стол князь Изяслав Ярославич вместе с дружиной приходил к нему для благословения. В 1061 году отношения Антония с киевским князем осложнились из-за пострижения в монастыре приближенных Изяслава, боярина Варлаама и евнуха Ефрема. Предпочитая отшельничество, Антоний поставил в игумены Варлаама, а сам удалился в Ближнюю, так называемую Антониеву, пещеру. В 1062 году князь Изяслав назначил Варлаама игуменом основанного им монастыря Святого Дмитрия, и Антоний по просьбе братии сделал новым игуменом Феодосия Печерского. В 1067 году князья Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, отправляясь в поход на половцев, просили

благословения у Антония, и он предсказал им поражение, что произошло в битве на реке Альте. В конце 60-х годов Антоний был обвинен киевским князем в помощи Всеславу Полоцкому и удалился в Чернигов к Святославу Ярославичу, где жил в пещере на Болдиных горах. Позднее по просьбе князя Изяслава вернулся в Киев, в 1073 году участвовал в закладке каменного Успенского собора. Антоний умер на девяностом году жизни и похоронен в Ближней пещере Киево-Печерского монастыря. Канонизацию святого Антония Печерского историки церкви относят к домакарьевскому периоду: ко второй четверти XII — первой четверти XIII века (Е. Голубинский), к концу XIV — началу XV века (В. Васильев). Житие Антония Печерского, не дошедшее до нас,— один из основных источников сведений по истории монастыря для авторов Киево-Печерского патерика.

[10] *...яко 10 лакот.* — «Локоть»— мера длины, приблизительно равная расстоянию от локтя до конца вытянутого среднего пальца. Сопоставляя метрические величины с их определением в «локтях», можно считать его равным 46 см.

[11] *...имущь вѣса 50 гривенъ...* — В данном случае «гривна» — единица денежного счета, равная определенному весу драгоценного металла.

[12] *«Приидѣте... наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира».* — Мф. 25, 34.

[13] *«Да благословить тя Господь от Сиона... и до послѣдних рода вашего!»* — Ср. Пс. 127, 5.

[14] *...сѣдѣ Георгий Владимерович в Киевѣ...* — Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха. Ростово-Суздальская земля была закреплена за ним еще при жизни отца. В 1146 году умер Всеволод Ольгович, владевший Киевом. Киевский стол занял его брат Игорь Ольгович, который вскоре был смещен Изяславом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха. За Киев началась междоусобная распря, в результате которой в 1149 году киевский стол захватил Юрий Владимирович, но в 1151 году Изяслав Мстиславич вернул себе Киевское княжение. В 1154 году Юрий Долгорукий снова захватил Киев и был киевским князем до 1157 года.

[15] *Зовет вы царица Влахерну.* — Влахерна — район Константинополя, расположенный около гавани, где находилась церковь Богородицы с «чудотворной» иконой Богоматери. Отсюда название церкви и иконы.

[16] *Вда же намь и мощи святыхь мученикь... рекши нам: «Сиа положите во основании».* — По решению V Карфагенского собора, в основании каждого храма должны лежать мощи мучеников за христианскую веру. Среди мощей святых, положенных в основание Успенского собора Киево-Печерского монастыря, мощи святого Полиевкта — патриарха Константинопольского, за красноречие прозванного вторым Златоустом, который, по преданию, крестил княгиню Ольгу (память 5 февраля); Арефы Эфиопского — одного из мучеников, скончавшихся в Аравии в 523 году (память 24 октября);

святого Артемия, который перенес в Рим мощи апостолов Андрея и Луки и за распространение хритианства в Египте принял в 363 году мученическую смерть (память 20 октября).

[17] *Та намѣстнаа... будет.* — Местными («наместными») называются иконы, имеющие постоянное место в нижнем ярусе иконостаса, находящиеся по обеим сторонам царских врат в церкви.

[18] *В дни благовѣрного князя Святослава, сына Ярославля... —* Святослав Ярославич был великим киевским князем с 1073 по 1077 год (см. подробнее коммент. к словам «изыдоша сие трие Ярославичи» (сноска 8)).

[19] Въ Житии бо святого Антониа... — Житие Антония Печерского, по предположению С. П. Розанова, было создано не позднее 90-х годов XI века в Чернигове или Тмутаракани, ибо история возникновения Киево-Печерского монастыря в нем изложена иначе, чем в памятниках киевской литературной традиции (см. Розанов С. П. К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского. — ИОРЯС за 1914 г., т. 19, кн. 1, 1915, с. 34—46). Житие Антония Печерского послужило источником сведений для авторов Повести временных лет и Киево-Печерского патерика (см. «слова» о Евстратии, Агапите, Моисее Угрине, Феодоре и Василии и др.). Уже в XIII веке для составителей Патерика Житие Антония Печерского — редкий, забытый памятник, к XVI веку его не находят в русских рукописных собраниях. В первой половине XVII века на Украине на основе летописных и агиографических источников было создано новое Житие Антония Печерского, которое вошло в Патерик издания 1661 года.

[20] В ФеодосиевѣЖитии... — В Житии Феодосия Печерского есть «чудеса», знаменующие место основания Успенского собора: явление «некоему христолюбцу» огненной дуги, один конец которой исходил из купола старой, деревянной церкви, другой указывал на место, где позднее был возведен каменный собор Успения Богородицы; видение людям, живущим близ монастыря, яркого света в ночи и процессии монахов во главе с Феодосием, направлявшейся с иконой Богородицы из старой церкви на место возникновения новой, и др. (см. наст. изд., т. 1). Житие Феодосия Печерского послужило историческим и литературным источником для авторов и редакторов Киево-Печерского патерика, в состав которого оно вошло не позднее XV века.

[21] «Радуйтеся... имена ваша суть написана на небесѣх...» — Ср. Мф. 5, 12.

[22] ...животныа книгы... — В данном случае речь идет о синодиках, поминальных книгах.

[23] ...и на семь камени съгради Господь церковь сию, и врата адова не удолѣют еи. — Эта фраза об утверждении Печерской церкви является реминисценцией из Евангелия (Мф. 16, 18). Христос, обращаясь к Петру, говорит: «Ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Петр, по-гречески, — камень).

[24] *Никон* — игумен Киево-Печерского монастыря после Стефана, с 1078 по 1088 год. Был сподвижником Антония и Феодосия, о высоком авторитете Никона свидетельствует то, что Нестор называет его Великим. В 50-е годы XI века вместе с Антонием жил в пещере на берегу Днепра, где позднее был основан Киево-Печерский монастырь. По предположению М. Д. Приселкова, печерский монах Никон и бывший митрополит Руси Иларион — одно историческое лицо. Никон играл большую роль в политической жизни Киевской Руси 60—70-х годов XI века. Дважды ему пришлось бежать из Киева в Тмутаракань, спасаясь от гнева князей: в 1061 году, после пострижения в монахи приближенных Изяслава; во время междоусобной войны Ярославичей, когда он выступил в поддержку изгнанного из Киева Изяслава. В Тмутаракани Никон основал монастырь, оттуда он приезжал в 1067 году в Киев с целью поставления в Тмутаракань нового князя вместо умершего Ростислава. По гипотезе А. А. Шахматова, Никон — автор летописного свода, составленного около 1073 года, где исторический материал впервые обрел подобную форму изложения. Возможно, именно Никон ввел в летопись рассказ об основании Киево-Печерского монастыря, легенды о призвании варягов на Русь, о крещении княгини Ольги в Царьграде и др., он активно использовал фольклор Причерноморья и придал летописанию светский характер. Сведения о Никоне содержат Повесть временных лет, Житие Феодосия Печерского и рассказы Киево-Печерского патерика.

[25] *Канев* — город на Днепре, южнее Киева.

[26] *Треполь* — город на Днепре, расположенный между Киевом и Каневом.

[27] *...Стефанъ-игумень, демественикъ... Влахерньскую церковь на Кловѣ създа* — Стефан был постриженником Киево-Печерского монастыря, учеником Феодосия. В 60—70-е годы XI века исполнял обязанности доместика (руководителя церковного хора) и екклисиарха (проповедника) монастыря. Перед смертью Феодосий Печерский советовал братии избрать игуменом Иакова-пресвитера, но монахи настояли на кандидатуре Стефана, поддержанной и киевским князем Святославом Ярославичем. В игуменство Стефана шло строительство каменного Успенского собора, был возведен новый деревянный монастырь. В 1078 году в результате конфликта с «некиими от братии» Стефан был изгнан из монастыря. Видимо, столкновение произошло между ним и Никоном, который в 1077 году вернулся в Печерский монастырь и через год стал его игуменом. Как полагают исследователи, Никон был сторонником нестяжательной политики монастыря, строгой аскетической жизни монахов. Стефан, напротив, занимался приумножением монастырских богатств, активной строительной и торгово-хозяйственной деятельностью. В 1077 году на киевский стол вернулся Изяслав Ярославич, поддерживавший Никона, что предрешило изгнание Стефана. Когда в следующем году киевским князем после смерти брата стал Всеволод Ярославич, бывший печерский игумен, получив «на потребу от боляр и велмож» большие средства, построил на Клове (урочище на ручье Клове между Киевом и Печерским монастырем) каменную церковь во имя Влахернской

Богоматери. Он собрал вокруг себя братию и основал монастырь, где игуменствовал до 1090 года, когда стал первым епископом новоутвержденной кафедры во Владимире Волынском. В сане епископа он принимал участие в перенесении мощей Феодосия Печерского из пещеры в Успенский собор (1091). Умер в 1094 году, похоронен в Киеве. В XVII веке на основе летописных и агиографических источников было создано Житие Стефана, включенное в состав печатных редакций Патерика.

[28] *...князь Владимеръ Всеволодичь Монамах...* — Владимир Мономах (1053—1125) — сын Всеволода Ярославича, внук Ярослава Мудрого, Мономахом прозван по имени матери, дочери византийского императора Константина IX Мономаха. При крещении получил христианское имя Василий. Выдающийся государственный деятель и полководец. См. Поучение Владимира Мономаха в т. 1 наст. изд. На время правления Владимира Мономаха приходится расцвет литературы Киевской Руси. Для Симона, автора Слова о создании церкви Печерской, Владимир Мономах — символ былого могущества и единства страны.

[29] *...Владимеръ... създа церковь въ градѣ Ростовѣ... Георгий-князь... създа церковь в градѣ Суждалѣ в ту же мѣру, яже по лѣтех вся та распадошася...* — Сообщение о постройке Владимиром Мономахом и его сыном Георгием соборных храмов Ростова и Суздаля входило в систему доказательств об огромном значении киевского наследия в развитии культуры и искусства русских княжеств периода феодальной раздробленности. Успенский собор в Суздале был возведен на рубеже XI—XII веков и стал оплотом церкви в недавно христианизированном крае. По распоряжению князя Георгия Всеволодовича обветшавший храм был разобран и в 1222—1225 годах на его месте была построена новая церковь «краснейшю первыя», к основанию которой был причастен владимиро-суздальский епископ Симон, один из авторов Патерика. Успенский собор в Суздале выдержал несколько перестроек и реставраций, о его первоначальном виде можно судить по сохранившемуся нижнему ярусу XIII века. Ссылаясь на результаты раскопок А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина, Н. Н. Воронин считал, что если суздальский собор, бывший по своим размерам значительно меньше печерского, внешне напоминал его, то рассказ Симона о строительстве Мономахом каменного собора в Ростове является вымышленным (см. подробнее: Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — ТОДРЛ, т. 11. М.—Л., 1955, с. 102).

[30] *...игумену Иоану...* — Иоанн был игуменом Киево-Печерского монастыря после Никона, с 1088/89 года. До какого года он игуменствовал — точно неизвестно, но в 1108 году печерским игуменом был уже Феоктист. Из рассказов Повести временных лет и Патерика известно, что он участвовал в освящении Успенского собора, в погребении печерского монаха Исакия, был инициатором перенесения мощей Феодосия Печерского, присутствовал при «изгнании беса» из печерского затворника Никиты, во время правления в Киеве Святополка Изяславича был сослан в Туров за обличение князя в насилии над людьми и жажде богатства. Возвращение Иоанна в Киево-

Печерский монастырь было связано с междоусобной борьбой князей после ослепления Василька Теребовльского в 1097 году. По свидетельству Поликарпа, одного из авторов Патерика, Святополк «убоався... въстаниа на ся» Владимира Мономаха и «скоро възврати съ честью игумена в Печерьскый манастырь» (см. 31-е «слово» Патерика). По предположению М. Д. Приселкова и Б. А. Рыбакова, Иоанн был составителем Начального летописного свода (см.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 34—36; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 245—259).

[31] *Трапеза* — жертвенник, престол — сооружение в виде стола, стоящее в левой стороне алтаря, на котором приготовляется «бескровная жертва»— хлеб и вино, для совершения евхаристии — причащения.

[32] *Иоан же митрополит...* — Иоанн II, митрополит Киевский с 1080 по 1089 год, участвовал в поставлении ростовского епископа Исайи, основал две новые епископии: во Владимире Волынском (около 1085) и в Турове (1088), присутствовал на похоронах князя Ярополка Изяславича (1086), освящал церковь Святого Михаила в Выдубицком монастыре (1088) и Успенский собор в Киево-Печерской лавре (1089). В некрологической статье Повести временных лет он характеризовался как «мужь хытръ книгамъ и учению». Иоанну приписываются сочинения нравственно-дидактического (Ответы на вопросы Иакова-черноризца) и религиозно-полемического характера (Послание к папе римскому Клименту III).

[33] *....епископи: Иоань Черниговьскый и Исайа Ростовьской, Лука Белоградскый, Антоний Юрьевьскый...* — О епископах, участвовавших в освящении Успенского собора, известно мало. Антоний как епископ Юрьевский упоминается в летописных статьях под 1089—1091 годами. Лука Белгородский принимал участие и в освящении церкви Святого Михаила в киевском Андреевском монастыре (1088), умер в 1089/90 году. Иоанн стал епископом Черниговским до 1087 года, в 1091 году присутствовал при перенесении мощей Феодосия Печерского, умер в 1110 году. Самый известный из епископов — Исайя Ростовский. Родом из Киевской земли, он в юности принял постриг в Киево-Печерском монастыре при игумене Феодосии (1062—1074). По просьбе киевского князя Изяслава Ярославича был поставлен Феодосием Печерским на игуменство в Дмитровский монастырь, сменив на этом посту Варлаама, умершего 1073—1074 году. Около 1088 года Исайя был назначен киевским митрополитом Иоанном II на ростовскую епископию, где язычники убили его предшественника — епископа Леонтия. Скончался в 1090/91 году и похоронен в ростовском Успенском соборе. Причислен к местночтимым святым Ростова с 1474 года, Киева — с 1643 года; в 1762 году по указу Синода имя Исайи было внесено в Святцы для общерусского почитания.

[34] *«Изчезоша испытающей испытаниа!»* — Ср. Пс. 63, 7.

[35] *Пресвятаа Богородице... апостолы от конець вселенныа собравши въ честь своему погрѣбению...* — По церковному преданию, в день успения Богородицы апостолы из разных стран земли были чудесным образом перенесены в Иерусалим, в Гефсиманию, и поставлены между гробами родителей Богородицы и Иосифа Обручника.

[36] *«Възмѣте, врата, князи ваша»...* — Пс. 23, 7 и 9.

[37] *«Кто есть царь славы»...* — Пс. 23, 8 и 10.

[38] *«О глубина богатества и сило разума! Кто кслѣдит умь Господень или кто съвѣтникъ бысть ему?»* — Ср. Рим. 11, 33—34.

[39] *Нестера, мниха обители монастыря Печерьскаго...* — Нестор был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074—1078 гг.), который позднее возвел его в «диаконский сан», хотя, возможно, пришел в монастырь еще в игуменство Феодосия Печерского, «лет сущу 17 от рождения» (см. приписку к 7-ому «слову» Патерика). Является составителем Повести временных лет и автором Чтения о житии Бориса и Глеба, Жития Феодосия Печерского. С именем Нестора, кроме Жития Феодосия Печерского, в Патерике связываются «сказание, что ради прозвася Печерьский монастырь», рассказы о первых черноризцах печерских (Дамиане, Иеремии, Матфее, Исакии), «слово» о перенесении мощей Феодосия из пещеры в Успенскую церковь. В старопечатном Патерике издания 1661 года читается «Житие Нестора», причисленного к местночтимым киевским святым митрополитом Петром Могилой в 1643 году; общерусское почитание установлено в 1762 году.

[40] *Владимир Святославич* — киевский князь (980—1015). Княжение Владимира I ознаменовалось усилением Киевской Руси как в международном плане, так и во внутренней жизни страны. При Владимире I в 988 году на Руси было принято христианство как единая официальная религия.

[41] *Любеч* — город на Днепре, недалеко от Чернигова.

[42] *И въ Святую Гору доиде...* — Святая Гора — Афон. Своеобразная монашеская республика из православных монастырей. Находится на восточном выступе Халкидонского полуострова в Эгейском море. Первый монастырь был основан в 962 году греком Афанасием. В 1172 году на Афоне возник первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Связь русской церкви с Афоном играла большую роль в церковно-религиозной жизни Древней Руси.

[43] *...прозря... хотящаа быти добродѣтели ...нарече имя ему Антоние..* — Возможно, мирское имя Антония — Антипа (в переводе с греческого — «вместо отца»). При пострижении назван Антонием в честь Антония Великого (христианский подвижник III—IV веков, основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни. Прославился аскетическими подвигами, живя в гробнице, в пещере на берегу Нила, где общался с приходящими к нему через узкое отверстие в стене; в борьбе с

искушениями дьявола изнемог так, что его приняли за мертвого. Известен как непримиримый противник арианства, еретического учения, по которому Христос — творение Бога, но не Бог. Культ Антония широко распространен в западной церкви, где в XI веке возник орден святого Антония. Житие Антония Великого, созданное около 365 года знаменитым греческим духовным писателем Афанасием Александрийским, — один из ранних переводных памятников агиографии, известный на Руси с XI века).

[44] *Берестово* — вотчина и загородная резиденция великих киевских князей, находившаяся недалеко от Киево-Печерского монастыря. Название «Берестово», видимо, происходит от берестового (березового) леса, окружавшего тогда село. Здесь находились рубленный из дерева двухэтажный княжеский дворец и службы, монастырь и церковь Спаса, возникшие около 1072 года. Еще при Ярославе Мудром в Берестове существовала церковь Святых Апостолов, в которой начал свою церковно-политическую деятельностъ будущий первый русский митрополит Иларион. Архитектуряый комплекс в Берестове отличался богатым декором и противостоял суровому облику построек Киево-Печерского монастыря.

[45] *...безбожный и оканный Святополкъ... уби святаго Бориса и Глѣба.* — После смерти Владимира I Святославича его сын Святополк, убив братьев Бориса, Глеба и Святослава, захватил киевский престол. После длительной борьбы за киевское княжение Ярослава Святославича со Святополком, последний потерпел в 1019 году окончательное поражение, бежал и погиб. Об убийстве Святополком Бориса и Глеба, перипетиях борьбы с ним Ярослава подробно рассказывается в Повести временных лет и в Сказании о Борисе и Глебе (см. наст. изд., т. 1).

[46] *...презвитерь, именемь Ларионъ...* — Иларион был священником в церкви Святых Апостолов в княжеском селе Берестове. По словам летописца, «муж благ, книжен и постник», он «ископа печерку малу» для уединенной молитвы, где позднее возник Киево-Печерский монастырь. Был первым киевским митрополитом из русских. Однако константинопольская патриархия не утвердила Илариона на митрополичьей кафедре. Видимо, сразу после смерти Ярослава (1054) Иларнон был смещен с поста главы русской церкви и заменен митрополитом-греком Ефремом. Существует гипотеза, что после низложения Иларион удалился в Киево-Печерский монастырь. Иларион — автор Слова о законе и благодати — раннего памятника русского ораторского красноречия, в котором провозглашалось равноправие русской церкви и русского народа с остальным христианским миром (см. наст. изд., т. 1).

[47] *Сажень* — русская мера длины, равная 2,13 м.

[48] *Святая София* — Софийский собор в Киеве, памятник древнерусского зодчества, главное церковное и общественное здание Киевской Руси. Заложен при князе Ярославе Мудром и митрополите Феопемпте в 1037 году как митрополичья церковь. В Софийском кафедральном соборе осуществлялось посвящение в митрополиты.

[49] *Великий Антоний* — христианский подвижник III—IV веков, основатель и идеолог отшельнической монашеской жизни. Прославился аскетическими подвигами, живя в гробнице, в пещере на берегу Нила, где общался с приходящими к нему через узкое отверстие в стене; в борьбе с искушениями дьявола изнемог так, что его приняли за мертвого. Известен как непримиримый противник арианства, еретического учения, по которому Христос — творение Бога, но не Бог. Культ Антония широко распространен в западной церкви, где в XI веке возник орден святого Антония. Житие Антония Великого, созданное около 365 года знаменитым греческим духовным писателем Афанасием Александрийским, — один из ранних переводных памятников агиографии, известный на Руси с XI века.

[50] *И постави им игумена именем Варлама...* — В Житии Феодосия Печерского Нестора говорится, что Варлаам был поставлен игуменом монастыря при Изяславе Ярославиче, то есть после 1054 года. Варлаам был сыном боярина Иоанка. В одно время с Варлаамом в монастыре был пострижен «каженик» (скопец) Ефрем, также знатного происхождения, близкий к князю Изяславу Ярославичу человек. Эти пострижения вызвали такое недовольство Изяслава, что Антоний с частью монахов был вынужден на время покинуть монастырь, а Никон, постригавший Варлаама и Ефрема, — бежать в Тмутаракань. При игумене Варлааме произошло примирение монастыря с князем Изяславом, который подарил землю для монастырского строительства, был возведен деревянный Успенский собор, построены хозяйственные службы и монастырская «ограда». В 1062 году Изяслав Ярославич основал Дмитровский монастырь и сделал его игуменом Варлаама (надеясь, что в делах религиозно-политического и культурного развития Руси княжеский монастырь станет авторитетнее Киево-Печерского). В конце 60-х — начале 70-х годов Варлаам совершил два путешествия в Иерусалим и Константинополь. Возможно, что в первом «хождении по святым местам» его сопровождал «каженик» Ефрем, о котором известно как об ушедшем в Царьград после основания Никоном монастыря в Тмутаракани (1061—1068). Одна из главных задач путешествия Варлаама — изучение греческих монастырских уставов. Как игумен Дмитровского монастыря, где постригались богатые и знатные люди, он, видимо, был недоволен строгим Студийским уставом, предполагавшим общежительство, обязательный физический труд, отказ от личной собственности. На обратном пути из Константинополя в Святогорском монастыре близ Владимира Волынского Варлаам «впаде в недуг лют» и скончался. Это произошло после смерти Антония Печерского (1073 г.) и до кончины Феодосия Печерского (1074 г.): в завещании он не упоминает Антония, а привезенные из Константинополя церковную утварь, книги и иконы просит передать Феодосию. В XVII веке Варлаам был причислен к местночтимым киевским святым (1643), было создано его Житие, входящее в состав печатных редакций Киево-Печерского патерика.

[51] *...монастырь Святаго Дмитреа...* — Дмитровский монастырь был основан князем Изяславом Ярославичем около 1062 года на Михайловой горе (см. выше). Видимо, в это же время Изяслав построил большой шестистолпный каменный храм Дмитрия Солунского, богато

украшенный мозаиками, фресками, барельефами. Монастырь оставался в семье князя и после смерти Изяслава. В нем его старший сын Ярополк построил церковь Святого Петра (около 1087 года), а младший сын Святополк — Михайловский Златоверхий собор (заложен в 1108 году), который стал родовым у его потомков.

[52] *...монастыря Студийскаго...* — Имеется в виду Студийский монастырь в Константинополе. С 798 по 826 год настоятелем монастыря был Феодор Студит, идеолог монашества. Он составил монастырский устав (обязательный труд, отказ от личной собственности, общежительство), принятый Киево-Печерским монастырем и ставший образцом для всех русских монастырей.

[53] *...пришелъ из Грѣкъ с митрополитом Георгиемь.* — Георгий — грек по происхождению, киевский митрополит. По мнению историка церкви Макария Булгакова, занимал митрополичью кафедру в 1062—1077 годах; по предположению Филарета Гумилевского, — в 1065—1073 годах. Георгий был членом императорского сената и носил придворный титул синкелла. В 1073 году он был в Византии и при заложении Успенского собора Киево-Печерского монастыря его замещал юрьевский епископ Михаил.

[54] *Се же написахъ и положих, иже в кое лѣто началъ быти монастырь... А о Феодосиевѣ житии пакы скажем.*— 7-е «слово» Патерика восходит к рассказу Повести временных лет под 1051 годом. 8-е «слово» — «Житие Феодосия Печерского» Нестора (т. 1 наст. изд.).

[55] *«С похвалами бывающиа памяти праведных възвеселятся людие»...* — Ср. Пс. 67, 4; Притч. 29, 2.

[56] *«Праведник, аще умреть, — живъ будет, и душа праведных в руцѣ Божии суть».*— Ср. Прем. 3, 1.

[57] *«Се коль добро и что красно, еже быти братии вкупѣ».* — Ср. Пс. 132, 1.

[58] *...услыша било церковное заутрении...* — Било — металлическая или деревянная доска, в которую ударяли для созыва братии.

[59] *...поимъ съ собою Климента, егоже постави игуменом в себѣ мѣсто.* — Климент был игуменом Кловского Богородичного монастыря. Поставлен в игумены Стефаном в 1090 году, после того как он стал епископом во Владимире Волынском.

[60] *...епископи вси вкупѣ... Ефрѣмь Переаславьский, Стефанъ Владимерьский, Маринъ Юрьевьский, Иоанъ Черниговьский, Антоней Порьский.* — Ефрем Переяславский — приближенный киевского князя Изяслава Ярославича, его домоправитель. В 1060/61 году постригся в Киево-Печерском монастыре и вызвал этим поступком гнев князя. По благословению Антония Печерского в начале 60-х годов Ефрем отправился в Константинополь, где жил в одном из монастырей. Здесь он списал и, видимо, перевел Устав Студийского монастыря, который

послал Феодосию Печерскому в Киев. На Русь вернулся, скорее всего, в начале 80-х годов и был рукоположен в митрополиты Переяславля (между 1073 и 1077 годами). При князе Всеволоде Ярославиче Переяславская митрополия была упразднена: в 1091 году Ефрем упоминается как епископ. По свидетельству В. Н. Татищева, в 1095 году Ефрем ездил в Константинополь; в 1096 году участвовал в поставлении новгородского епископа Никиты и в этом же году скончался. Владимиро-суздальский епископ Симон, один из авторов Патерика, называл Ефрема в числе самых знаменитых постриженников Киево-Печерского монастыря. При митрополите Петре Могиле Ефрем был причислен к местночтимым киевским святым, было создано Житие Ефрема, которое с XVII века входит в состав печатных редакций Патерика. Марин Юрьевский, другой участник перенесения мощей Феодосия Печерского, был поставлен в епископы в 1091 году киевским митрополитом Иоанном III. В 1093 году встречал в Киеве вступавшего на великокняжеский престол Святополка Изяславича. В 1095 году этот князь построил около Киева город Святополч (Витичев) и переселил туда юрьевского епископа вместе с другими юрьевцами. Антоний «Порьский» возглавлял юрьевскую епископскую кафедру в 1089 году, в 1090 году был перемещен в Белгородскую епархию. Носил титул Поросского, так как в его ведении находилась территория по реке Рось и ее притокам южнее Киева. О Стефане Владимирском см. коммент. (сноска 27). Об Иоанне Черниговском см. коммент. (сноска 33).

[61] *...Фектистъ-игуменъ...*— Феоктист был игуменом Киево-Печерского монастыря после Иоанна, по одним источникам с 1103 года, по другим с 1108 по 1112/1113 годы. По инициативе Феоктиста и при поддержке князя Святополка Изяславича имя Феодосия было внесено в Синодик и стало поминаться в службе по всем епархиям, что послужило началом церковного почитания святого. В 1108 году при игумене Феоктисте было завершено строительство монастырской трапезной. В 1113 году он был рукоположен митрополитом Никифором I в епископы Черниговские. Умер Феоктист в 1123 году.

[62] *...нача понужати... князя Святоплъка...* — Святополк II Изяславич, сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь полоцкий (1069—1071), новгородский (1078—1088), туровский (1088—1093), великий киевский князь (1093—1113).

[63] *Синодик* — книга с перечнем имен умерших, поминаемых на литургиях и вселенских панихидах.

[64] *...в цѣломудрии живуща, по божественому Павлу, бракъ честенъ храняще.* — В Послании к ефесянам апостола Павла (см. Еф. 5, 22—33).

[65] *«Сътворите себѣ другы от мамоны... приимут вы в вѣчныа кровы».* — Лк. 16,9.

[66] *«Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничю примить».* — Мф. 10, 41.

[67] *...прииде к нѣму Георгий-князь...* — Юрий Долгорукий.

[68] *...вдастъ и гривну, юже ношаше сий...* — Гривной называлась не только денежная единица, но и украшение, надевавшееся на шею, знак отличия.

[69] *Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича с половци...* — Имеется в виду поход на Киев Юрия Долгорукого в 1149 году. Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха, занимал киевский великокняжеский стол с 1146 по 1149 год и с 1151 по 1154 год.

[70] *...правнуци его любовь имѣють къ Святому Дмитрею...* — Предполагают, что под «святым Дмитрием» подразумевается церковь Святого Дмитрия, построенная в Суздале епископом Ефремом, постриженником Киево-Печерского монастыря. Дмитровская церковь и монастырь, возникшие в конце XI века, стали крупным культурным центром, где велось летописание. Историки называют Дмитровский монастырь в Суздале «северной Киево-Печерской лаврой». Из этого монастыря вышел ряд ростовских епископов.

[71] *Похваляему праведнику възвеселятся людие.* — Ср. Пс. 67, 4; Притч. 29, 2.

[72] *...видѣхомъ свѣт вѣры апостоломъ нашим... княземь Владимером...* — Князь Владимир I Святославич, внук княгини Ольги, за введение христианства на Руси как государственной религии (988) был причислен русской православной церковью к лику святых и наречен «равноапостольным».

[73] *«Аще кто остави отца и матерь... приимет мзду и въ будущий вѣкъ царство небесно».* — Ср. Мф. 10, 37; Лк. 18, 29—30; Мр. 10, 29—30.

[74] *«Аще зерно пшенично впадет в землю... умреть, то многъ плод сътворит».* — Ср. Мр. 4, 20; Мф. 13, 23; Лк. 8, 15.

[75] *...умножи талантъ, данный ему от Бога...* — Ср. Мф. 25, 20, 22, 29.

[76] *«Благый рабе, вѣрный, в мале бѣвѣренъ, над многыми тя поставлю».*— Мф. 25, 21.

[77] *«Мнози будут послѣднии пръвии и пръвии послѣднии».* — Мф. 19, 30; 20, 16.

[78] *...по апостолу, — «задняа забываа, на прѣдняа простираася».* — Фил. 3, 13.

[79] *...и бысть, по Иеву рещи — «око слепым и нога хромым».*— Иов 29, 15.

[80] *«Друг другу тяготы носите, и тако скончаете закон Христовъ».* — Гал. 6, 2.

[81] *...яко Моисий съ горы Синайскыа, душею сиаа паче лица Моисиеea...* — В библейских рассказах сообщается, что когда Моисей после беседы с Богом на Синайской горе сошел вниз, лицо его было озарено сиянием (см. Исход. 34, 29—30).

[82] *...иже десятъ талантъ приимъ и тысящу ими приобрѣте!* — Феодосий Печерский сравнивается с «добрым и верным рабом» евангельской притчи, который, получив от господина серебро, не зарыл его в землю, а приумножил богатство, употребив таланты (денежная единица у древних евреев) в дело. Ср. Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 11—27.

[83] *Радуйся, столпе огненый, свѣтлѣе паче при Моисии бывшаго... и амалика мысленаго лучами духа устраши...* — В библейском рассказе об «исходе» евреев из Египта говорится, что идущим по пустыне в «обетованную землю» евреям путь указывал сам Бог, который шел впереди их «днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном». Во время шествия по пустыне произошло сражение евреев с племенами амалекитян, окончившееся, благодаря божественной помощи, поражением последних (см. Исход 17, 8—16).

[84] *«Вѣруай в мя — рекы истекуть исъ чрева его воды живы».* — Иоан. 7, 38.

[85] *Егда умножишася грѣси наша...* — Вероятнее всего, имеется в виду монголо-татарское нашествие на Русь. Киев был захвачен и разрушен монголо-татарами в 1240 году.

[86] *Слово 12.* — См. летописную статью 1074 года в Повести временных лет.

[87] *...Нифонтѣ, бывшу епископу Новагорода...* — Известно, что Нифонт принял постриг в Киево-Печерском монастыре при игумене Тимофее (1124—1131). В 1130 году он был посвящен в новгородские епископы киевским митрополитом Михаилом. Выполнял миссию посредника в примирении киевлян с черниговцами (1135), новгородцев с суздальцами (1148). Когда в 1136 году из Новгорода был изгнан князь Всеволод Мстиславич, епископ стал главой исполнительной власти в республике. В 1140 году ездил «по князи» в Киев; в 1154 году ему удалось «ввести» на новгородское княжение сына Юрия Долгорукого Мстислава. Нифонт отказался признать законными выборы на соборе русских епископов митрополита Климента (1147), за что был заточен в Печерском монастыре князем Изяславом Мстиславичем (1149). За провизантийскую политику Нифонт заслужил благодарственную грамоту константинопольского патриарха Николая IV Музалона, а также титул архиепископа, что освобождало от прямого подчинения киевской митрополии. Во время епископства Нифонта в Новгороде были построены церкви Успения на Торговище (1135/36), Климента на Ладоге (1153), Саввы Освященного на Савиной улице и Спасский собор в Пскове (1154). Ему приписывается основание Спасо-Мирожского монастыря. Как новгородский епископ Нифонт был связан с Антонием Римлянином и летописцем Германом Воятой. В 1155—1156 годах Нифонт находился в Киеве, куда прибыл для встречи возвращавшегося

из Константинополя нового митрополита Константина, здесь он заболел и умер. В Ипатьевской летописи дана высокая оценка религиозно-политической деятельности Нифонта, он назван «поборником всей Русской земли». Летописная заметка о видении и смерти новгородского архиепископа Нифонта, читающаяся в Ипатьевской летописи под 1156 годом, была включена в Киево-Печерский патерик редактором Кассианом в 1460 году, так как, по монастырскому преданию, Нифонт был собирателем сведений по истории лавры, а возможно, и составителем рассказов о печерских святых. В Кассиановской второй редакции патерика (1462 г.) «слово» о Нифонте Новгородском помещено не в конце памятника, а между летописным сказанием о печерских первоподвижниках и посланием Симона; в нем изменен порядок следования частей: сначала сообщается о прибытии Нифонта в Киев для встречи нового митрополита и о вражде его с Климентом (Климом), затем о видении и смерти. По мнению А. А. Шахматова, «слово» о Нифонте в его древнейшей редакции было взято Кассианом из Печерской летописи, однако эту перестановку можно объяснить и действием хронологического принципа расположения материала в Патерике 1462 года. Похороненный в Киево-Печерской лавре, Нифонт был канонизирован как общерусский святой на церковном соборе 1549 года. В печатных редакциях Патерика XVII века есть Житие Нифонта Новгородского, составленное на основе летописных известий; оно помещено среди произведений, написанных владимиро-суздальским епископом Симоном.

[88] *...в Русию идет Константин-митрополит...*— Константин I был рукоположен в киевские митрополиты в 1155 году в Константинополе как опытный богослов, знакомый с положением дел в русской церкви. Патриархия была обеспокоена возможностью раскола русской церкви, где часть епископов признала законность поставления мнтрополита из русских без санкции Константинополя, часть выступила против решения собора 1147 года. Прибыв в Киев в 1156 году, Константин начал борьбу со сторонниками Климента Смолятича, его предшественника на митрополии, однако ему не удалось подчинить своей власти все русские епископии. Когда Киев захватил сын князя Изяслава Мстиславича, покровителя Климента, Константину пришлось бежать в Чернигов (1158). Чтобы не допустить раскола церкви, русские князья заключили соглашение, по которому ни Климент, ни Константин не признавались митрополитами, и просили Константинополь о назначении нового главы русской церкви. Вскоре после этого решения Константин умер в Чернигове(1159).

[89] *...любовъ же имаста съ княземь Святославом съ Олговичем...* — Святослав Ольгович был новгородским князем с 1135 по 1138 и с 1139 по 1141 годы, принимал активное участие в борьбе с Изяславом Мстиславичем на стороне Юрия Долгорукого, с 1154 по 1164 год — князь Черниговский.

[90] *...Свѣтлыа недѣли.* — Пасхальная неделя.

[91] *Послание... епископа Симона Владимерьскаго и Суздальского к Поликарпу, черноризцю печерьскому.* — Симон (около 1166—1226) был

монахом Киево-Печерского монастыря, позднее игуменом Рождественского монастыря во Владимире и духовником великой княгини, супруги Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). В 1214 году он стал владимиро-суздальским епископом. Во время княжеских усобиц, когда после поражения в Липицкой битве (1216) князь Юрий Всеволодович был вынужден уступить владимирский стол старшему брату Константину, Симон последовал за княжеской семьей в городец Радилов, оставив епископию. В 1217 году он сопровождал Юрия Всеволодовича в его поездке во Владимир для примирения с Константином, а затем переехал вместе с княжеским двором в Суздаль, доставшийся Юрию в удел. Симон возвратился на епископию только после смерти Константина (1218) и утверждения на владимирском столе Юрия Всеволодовича. Церковно-политическая и литературная деятельность Симона была направлена на укрепление позиций Владимиро-Суздальского княжества в государственной и культурной жизни страны, на «освящение» власти представителей рода Мономаховичей. Симон был человеком «учительным», книжным. Он создал ряд произведений, легших в основу Киево-Печерского патерика: Слово о создании церкви Печерскои, Послание Симона к Поликарпу и рассказы о печерских подвижниках Онисифоре, Евстратии, Никоне, Кукше и Пимене, Афанасии, Святоше, Еразме, Арефе, Тите и Евагрии. Анализ исторических реалий позволяет определить время создания этих произведений — 1222—1226 годы, что делает несостоятельной попытку отождествить автора Патерика с Симоном, получившим сан епископа в 1160 году и умершим в 1172 году. Поводом для создания Послания Симона к Поликарпу послужило не дошедшее до нас письмо печерского монаха с жалобами на жизнь в монастыре. Известно, что Поликарп одно время игуменствовал в Козмодемьянском монастыре, скорее всего, не в Киеве, а в Суздале, хотел «игуменити у Святаго Дмитриа» и мечтал о епископской кафедре, поддерживаемый княгиней Верхуславой, вдовой князя Ростислава Рюриковича, и ее братом — князем Юрием Всеволодовичем. Видимо, с просьбой о содействии в поставлении на епископию Поликарп обратился и к Симону. Имея власть над Поликарпом как старший в роде, или духовный учитель, или церковный иерарх, Симон в послании к Поликарпу осуждает его желание чести и славы, призывает к смирению. Из текста послания известно, что Поликарп встречался с Симоном и от него слышал рассказы о святых Киево-Печерского монастыря. Он продолжил труд Симона по созданию Патерика, написав послание к печерскому архимандриту Акиндину и рассказы о Никите, Лаврентии, Агапите, Григории, Иоанне, Моисее Угрине, Прохоре, Марке, Феодоре и Василии, Спиридоне и Алимпии, Пимене. Вопрос о датировке сочинений Поликарпа относится к числу дискуссионных: они могли быть написаны либо в период с 1214 по 1226 год, во время епископства Симона, либо в конце первой трети XIII века. В связи с канонизацией святых Киево-Печерского монастыря в XVII веке создаются жития Симона и Поликарпа, которые читаются в издании Патерика 1661 года; здесь Поликарп назван родственником Симона и отождествлен с печерским архимандритом Поликарпом (1164/65—1182/83).

[92] *...Псалтырь чтеши или обанадесять псалма поеши...* — Псалтирь — одна из книг Ветхого завета, относящаяся к разряду учительных.

Состоит из 150 (151 — в греческой и славянской Библии) псалмов, песен, восхваляющих Бога, авторство которых приписывается израильско-иудейскому царю Давиду (конец XI века — около 950 года до н. э.). Свое название книга получила от струнного музыкального инструмента, аккомпанируя на котором, Давид пел свои песни.

[93] *...апостоль Петръ... не от церъки ли бывающиа молитвы избавиша его от руку Иродову?* — См. коммент. к словам «и на семь камени съгради Господь церковь сию» (сноска 23). В Деяниях апостолов рассказывается, что Ирод заключил Петра в темницу под крепкую стражу. «Церковь, — говорится здесь, — прилежно молилась о нем Богу». Ночью к Петру явился ангел и вывел его из темницы. Ср. Деян. 12, 3—11.

[94] *«Единою прошу у Господа... да зру красоту Господню и посѣщаю церковь святу его».* — Пс. 26, 4.

[95] *«Дом мой — дом молитвы наречется».* — Мф. 21, 13.

[96] *«Идѣже бо... два или трие събрании въ имя мое, ту есмь посреди ихъ».* — Мф. 18, 20.

[97] *...якоже въ Отечъницѣ писано.* — В данном случае имеется в виду эпизод, сюжет которого изложен Симоном, из так называемого Скитского патерика (сборника изречений и повестей из жизни восточных монахов IV—V веков), известного на Руси с XI века.

[98] *«Аще убо ясте и пиете — все въ славу Божию творите».* — Ср. 1 Кор. 10, 31.

[99] *Ты ли еси болши Давида-царя, емуже Семей досаждаше в лице?* — Имеется в виду эпизод из Второй Книги Царств (16, 9—I2) Библии. Когда Давид с народом и воинами уходил из Иерусалима, захваченного его сыном Авессаломом, то Семей из рода Саула насмехался над Давидом и его спутниками. Один из слуг Давида, Авесса, сын Саруин, хотел убить Семея, но Давид остановил его, сказав: «Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида».

[100] *...како Господь нашь смири себѣ... и о распинающих. его моляшеся.* — Ср. Фил. 2, 8; 1 Петр 2, 23; Иоан. 10, 20.

[101] *«Молите бо... за врагы ваша... и благословите кленущаа вы».* — Ср. Мф. 5, 44.

[102] *...низверъже тя, якоже прежде Сатану съ отступными силами...* — Ср. Апок. 12, 9.

[103] *...архимандрыту Акиндину Печерьскому.* — Современником Симона и Поликарпа, авторов Патерика, был архимандрит Киево-Печерского монастыря Акиндин (1224—1231). Его, начиная с печатных редакций Патерика XVII века, часто отождествляют с другим

Акиндином, который с 1156 года был игуменом Печерского монастыря, в 1159 году возведен в сан архимандрита и скончался в 1164 году.

[104] *...море есть и не дръжит в собѣ гнилого ничегоже, но измѣщеть вонь.* — Ср. Ис. 57, 20; Мф. 13, 48.

[105] *«Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданиемь твоимъ».* — Пс. 118, 71.

[106] *«Никтоже възметь чести о собѣ, но званный от Бога».* — Евр. 5, 4.

[107] *...хуждьши есмъ иконома...* — Эконом — монах, ведающий хозяйством монастыря.

[108] *...княгини Ростиславляа, Връхуславля...* — Верхуслава-Анастасия, дочь князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), жена князя Ростислава Рюриковича (сын великого князя киевского Рюрика Ростиславича), умершего в 1218 году.

[109] *...епискупом или Новугороду, на Онтониево мѣсто, или Смоленьску, на Лазарево мѣсто, или Юрьеву, на Олексѣево мѣсто.* — В перечне возможных для Поликарпа поставлений на епископию упоминается Алексей Юрьевский, известный как епископ до 1225 года, а также Лазарь Смоленский, который был поставлен в епископы после 1205 года и умер до 1226. Самый известный в перечне — Антоний Новгородский (в миру Добрыня Ядрейкович). По мнению В. О. Ключевского, он был сыном новгородского воеводы Ядрея, погибшего в 1193 году. Между 1200 и 1204 годами Добрыня совершил путешествие в Константинополь и в Книге Паломник описал достопримечательности этого города до его разгрома крестоносцами. После возвращения из путешествия Добрыня принял постриг в Хутынском монастыре. Был сторонником антисуздальской боярской партии, которая в 1210 году пригласила на княжение в Новгород черниговского князя Мстислава Мстиславича Удалого и, отправив «на поточение» в Торопец новгородского архиепископа Митрофана, поставила на его место Антония. Около 1220 года, в связи с победой суздальской партии в Новгороде, он был вынужден оставить архиепископскую кафедру и до 1225 года был епископом в Перемышле. Когда на новгородское княжение был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, Антоний возвращается на кафедру в Новгород, но вскоре заболевает, теряет дар речи и уходит в Хутынский монастырь, где умирает в 1232 году. В XVII веке причислен клику святых.

[110] *...послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю...* — Имеется в виду Первое Послание апостола Павла к Тимофею (3-я глава Послания, в которой говорится о том, каким должен быть епископ).

[111] *...якоже князь Георгий хотѣлъ...* — Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо), великий князь владимирский с 1212 по 1238 год (погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити).

[112] *...Леонтий, епископъ Ростовъскый...* — Леонтий был епископом Ростова с середины до 70-х годов XI века. О том, что он был мучеником за веру, сообщается только в послании Симона. В Житии Леонтия Ростовского, древнем (60-е годы XII века) и популярном памятнике древнерусской агиографии, известном в 12 редакциях и более 200 списках, говорится, что он, крестив ростовцев, «с миром к Господу отиде».

[113] *...съ онема варягома вѣнчася от Христа...* — Имеется в виду рассказ Повести временных лет под 983 годом: киевляне, еще язычники, по выпавшему жребию собирались принести своим богам в жертву юношу-варяга, исповедовавшего с отцом христианство. Отец отказался выдать сына, обличая языческих богов и проповедуя христианство. Оба были убиты.

[114] *...Николае и Ефремь — Переяславлю, Исайа — Ростову... Лука — Белуграду, Ефрѣмъ — Суждалю.* — Среди знаменитых постриженников Киево-Печерского монастыря Симон называет Николая Переяславского (1070-е — 1080-е годы), Германа Новгородского (1078—1096), Мину Полоцкого (1105—1116), Лаврентия Туровского (1182). О Исайе Ростовском и Луке Белгородском см. сноску 33. О Стефане Владимирском см. сноску 27. О Ефреме Переяславском, Марине Юрьевском см. сноску 60. О Феоктисте Черниговском см. сноску 61.

[115] *...почти Лѣтописца старого Ростовскаго...* — По предположению И. П. Еремина, Симон имеет в виду один из не дошедших до нас изводов Повести временных лет, составленный в Ростове и дополненный местными известиями (см. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, с. 322).

[116] *...сиа съборныа церьки... юже сам създахъ?* — Речь идет о соборе Рождества Богородицы в Суздале, построенном в 1222—1225 годах князем Юрием Всеволодовичем и освященном Симоном. О «соборной церкви, красе Владимира», участие в создании которой принимал епископ Симон, не существует единого мнения. Это может быть Успенский собор, построенный князем Андреем Боголюбским в 1158—1161 годах и перестраивавшийся после пожара в 1185—1189 годах, но, скорее всего, Симон имел в виду центральный собор Рождественского монастыря, который он освящал. Эта фраза в Патерике позволяет датировать послание Симона: оно могло быть написано в период с 1225 по 1226 год, когда умер епископ.

[117] *Десятина* — сбор в пользу церкви в Древней Руси, составлявший десятую часть княжеских доходов.

[118] *Сказание Симона... что ради имѣти тщание и любовъ къ... Антонию и Феодосию Печерьским.* — Заглавие имеет общий характер и, скорее всего, относится ко всему циклу рассказов Симона о печерских святых. В редакциях Патерика до 1460—1462 годов это «слово» называлось иначе, например, «О лживом мнихе», «Об Онисифоре».

[119] *...при игуменьствѣ Пиминовѣ...* — Пимен был игуменом Киево-Печерского монастыря после Тимофея, предположительно с 1132 по 1141 год.

[120] *«Азъ есмь рекий Аврааму: двадесяти ради праведникъ не погублю града сего...»* — Имеется в виду библейский эпизод (см. Быт. 18, 23—33). Бог говорит Аврааму, что хочет уничтожить за грехи людей город Содом. Авраам спрашивает у Бога, неужели он погубит с грешниками и праведных людей, если их будет пятьдесят? Бог отвечает, что если в Содоме окажется пятьдесят праведников, то он пощадит весь город. Тогда Авраам начинает называть все меньшие и меньшие цифры праведников: сорок пять, сорок, тридцать, двадцать, десять. Сказав, что он пощадит город, если в нем будет хотя бы десять праведников, Бог замолчал и ушел.

[121] *Бѣ бо сий Еустратие плененъ безбожными агаряны... —* «Агарянами» в Древней Руси называли кочевников Востока, считая, что они происходят от Авраама и его наложницы-египтянки Агари.

[122] *«Проклят всякъ, висяй на древѣ».* — Ср. Вт. 21, 23.

[123] *И речет ми, яко и разбойнику: «Днесь съ мною будеши в раи».* — В Евангелии от Луки рассказывается, что один из разбойников, рядом с которыми был распят Христос, издевался над Христом и говорил ему: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же укорял первого разбойника за эти слова и просил у Христа благословения. Второму разбойнику Христос предсказал: «Ныне же будешь со мною в раю» (см. Лк. 23, 43).

[124] *«Узрите живот вашь, висящь прямо очима вашима...»* — Ср. Вт. 28, 66.

[125] *«Пригвоздиша руцѣ мои... и о матизмѣ моей меташа жребиа». —* Ср. Пс. 21, 17 и 19.

[126] *«Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемся и възвеселимся и во нь!»* — Пс. 117, 24.

[127] *...яко субот ваших ненавидить Господь и преложи праздникы ваша в сѣтование...* — Ср. Ис. 1, 14; Ам. 8, 10.

[128] *...протостраторъ...* — первоподвижник.

[129] *...сътвори его епарха.* — Эпарх — правитель области, города, наместник.

[130] *Корсунь — древнерусское название греческой колонии в Крыму Херсонеса (в настоящее время западная окраина Севастополя).*

[131] *«Обрати бо ся болѣзнь того на главу его, на връхъ того неправда его снидет».* — Пс. 7, 17.

[132] *«Възми, възми, распни его, кровъ его на нас и на чадѣх нашихъ!»* — Ср. Лк. 23, 21; Мф. 27, 25.

[133] *...егда начаше кенаникъ пѣти.* — Кенаник (причастен) — стих, который поется на литургии во время причащения священнослужителей.

[134] *«Тако да просвѣтится свѣт вашь... и прославят Отца вашего, иже есть на небесѣхъ».* — Мф. 5, 16.

[135] *«Изыди сѣати сѣмени своего, ово паде при пути, и другое паде в тернии»...* — Имеется в виду евангельская притча о сеятеле. Ср. Лк. 8, 5 и 7.

[136] *«Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжко слышаше... Господи, кто вѣрова слуху нашему?»* — Ис. 6, 10 и 53, 1.

[137] *О преподобнем князи Святоши Черниговском.* — Святослав Давыдович Черниговский (ок. 1080—1142) — сын черниговского князя Давыда Святославича, внук Святослава Ярославича, правнук Ярослава Мудрого. В 1098 году, после разрыва Любечского мирного договора, принимал участие в битве на Рожне поле в составе дружин Святополка Изяславича Киевского против войск Владимира Мономаха и Василька Теребовльского. После поражения бежал вместе со Святополком во Владимир Волынский, а оттуда — в Луцк, куда прибыли послы князя Давыда Игоревича, осадившего Владимир, с просьбой не принимать участия в междоусобице. Святослав дал княжеское слово, целовал крест, но нарушил договор, напал на Давыда и разгромил его войска под Владимиром. Давыд, используя военную помощь половецкого хана Боняка, осадил Святослава в Луцке и принудил к сдаче города, после чего Святослав был помилован и отпущен к отцу в Чернигов. 17 февраля 1106 года, оставив черниговское княжение, дом и семью, Святослав постригся в Киево-Печерском монастыре под именем Николая. Стал одним из самых авторитетных печерских монахов. Известно, что в 1141 году Святоша участвовал в переговорах между Ольговичами и Мономаховичами по поводу спорных владений. Канонизация его как местночтимого святого относится к 1643 году, как общерусского — к 1762 году.

[138] *...и пришед въ Печерьский монастырь, и бысть мних, в лѣто 6614, феврувриа 17.* — В одном из сборников кирилло-белозерского книгописца Ефросина, где Святослав ошибочно назван «сыном Мстислава, внуком Юрия Черниговского», содержится неизвестная редакция сцены отречения князя от мирской жизни. Святослав Давыдович обращается к боярам с речью о «суете света», его невидимо постригают в монахи «Спас со ангелы». См. Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. 35, Л., 1980, с. 125.

[139] *...брата его Изяславъ и Владимеръ...* — Владимир Давыдович княжил в Чернигове с 1139 по 1151 год. Был убит в битве на реке Руте, выступая на стороне Юрия Долгорукого, когда произошло

столкновение Юрия с Изяславом Мстиславичем за киевское княжение. Изяслав Давыдович занял черниговский стол в 1151 году, после смерти Владимира. В 1154 году сел на киевский стол, в 1155 году уступил его Юрию Долгорукому. В 1157 году, после смерти Юрия Долгорукого, вновь стал киевским князем. В 1161/62 году был убит в междоусобной войне за Киев с Ростиславом Мстиславичем (сын Мстислава Владимировича, князь смоленский, затем киевский, до 1169 года). По свидетельству Симона, братья были недовольны пострижением Святослава в Киево-Печерском монастыре, тем, что, став монахом, он выполнял тяжелую и грязную работу: служил истопником в монастырской поварне, был привратником, работал в трапезной, строил келью и сажал сад. После смерти Святоши его вещи, обладавшие, по монастырскому преданию, чудотворной силой, были переданы Изяславу Давыдовичу.

[140] *...сего пути въжделѣ, развѣ Варлаама, игумена бывшаго здѣ?* — См. сноску 50.

[141] *Силѣ бо... в немощи подобно съвръшитися.* — Ср. 2 Кор. 12, 9.

[142] *Не суть бо страсти нынѣшнего времени точнии будущей славѣ, хотящей явитися в нас.* — Ср. Рим. 8, 18.

[143] *...на сметиищи седѣти — съ Иевомъ ся творя царствие.* — Иов — библейский персонаж, являющийся примером терпения и преданности Богу в постигших его несчастиях, в конечном счете был возвышен и вознагражден за все свои страдания. Пораженный проказой, «взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел» (см. Иов. 2, 4—8).

[144] *...якоже древле Илиа Елисѣови милотъ...* — Милоть — плащ из овечьей шкуры, овчина. Елисей — пророк, сподвижник пророка Илии. Когда Илия был вознесен в огненной колеснице на небо, его милоть упала к ногам Елисея как знак духовной преемственности Елисеем земной миссии Илии (см. 4 Цар. 2, 1 —15).

[145] *Вѣсть же и звѣрь по возшествии солнца събратися, на ложих своихъ да лягуть... и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенца своа...* — Ср. Пс. 103, 22 и 83, 4.

[146] *...прося собѣ на благословение креста, иже у паремантии его...* — Парамандия (параманд) — четырехугольный плат с изображением креста и других знаков страдания Христа, носимый монахами на груди и плечах.

[147] *...дасть же игуменъ власяницу...* — Власяница — одежда из грубой шерстяной ткани или необработанного волоса, надеваемая на тело для «усмирения плоти».

[148] *...и тако убиенъ бысть в рати...* — См. сноску 139.

[149] *...что пишет блаженный Иоанъ, иже в Лѣствици: «Жидовинъ жадаеть брашна, да празнуеть по закону».* — Иоанн Лествичник, синайский подвижник VI века, автора книги, в которой представлено тридцать ступеней (отсюда ее название «Лествица», т. е. лестница) духовного восхождения к совершенству (см. Лествица 14, 7).

[150] *...блаженнаго Евагриа...* — Евагрий Понтийский (конец IV — начало V века), сын священника в Иборе, был посвящен в диаконы Григорием Богословом в Константинополе и стал его учеником. Жил в Иерусалиме и Нитрийской пустыне. Известен как автор ряда сочинений о монашестве.

[151] *...азъ тя прославлю въ царствии Сына своего, убогыа бо всегда имате съ собою.* — Мф. 26, 11.

[152] *...великий аггельский образъ...* — высшая ступень монашества, великая схима.

[153] *Ему же възревнова юноша, и мало своего злата приложивъ, наслѣдникъ бысть всему имѣнию его.* — Имеется в виду 281-е «слово» Синайского патерика: юноша, подмастерье золотых дел мастера, делая по заказу богача-вельможи золотой крест для церкви, добавил из благочестивых побуждений к данному заказчиком золоту немного собственного золота, скрыв это. Когда открылась истина, вельможа усыновил юношу и сделал его своим наследником.

[154] *«Приложу на всяку похвалу твою»...* — Пс. 70, 14.

[155] *«Прославляющаа мя прославлю».* — 1 Цар. 2, 30.

[156] *«Обещайтеся бо... Господеви — въздатите».* — Ср. Пс. 75, 12.

[157] *«Уне бо есть не обещатися, нежели обещавшуся, не въздати».* — Ек. 5, 4.

[158] *...и съ Иовомъ рци: «Господь дасть, Господь взять».* — Иов. 1, 21.

[159] *...никогдаже подаде ни единоа цаты...* — Цата — мелкая монета.

[160] *«Възверзи на Господа печаль свою, и тъй тя препитаеть».* — Пс. 54, 23.

[161] *«Аще бы еси благодарилъ Бога о сем, и се бы ти вменилося, якоже Иову».* — В Книге Иова, входящей в состав учительной части Ветхого завета, рассказывается, как Бог, испытывая веру и терпение Иова, насылал на него и его семью беды и болезни. За все выпавшие на его долю страдания Иов благодарил Господа, за что Бог вернул ему благосостояние, даровал многочисленное семейство, покой и здоровье (см. Иов 42, 10—17).

[162] *«Господь дастъ, Господь взятъ... Буди имя Господне благословено вовѣкы!»* — Ср. Иов. 1, 21.

[163] *...старець, иже въ Патерицѣ молился Богови, да приидут на нь разбойници... и вся сущаа в руцѣ их предасть.* — Имеется в виду 294-е «слово» Синайского патерика: старец, к которому в келью пришли разбойники и все забрали, отдал им и не замеченную ими вещь. Другой старец, услышав об этом, стал молить Бога, чтобы и к нему пришли разбойники. Его молитва была услышана, и он с радостью отдал все имеющееся у него пришедшим грабителям.

[164] *...якоже Афонасей Затворникъ сведѣтельствова.* — См. 19-е «слово» Киево-Печерского патерика.

[165] *...диаволъ, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити...* — Ср. 1 Петр 5, 8.

[166] *...убояхомся Бога, рѣкшаго: «Оставите — оставятся вам».* — Ср. Лк. 6, 37—38; Мф. 7, 1.

[167] *«Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повиненъ есть суду».* — Мф. 5, 22.

[168] *Ефрѣм* — Ефрем Сирин — церковный писатель IV века, автор толкований Священного писания, песнопений и статей, обличающих ереси.

[169] *«Да не зайдет солнцѣ въ гневѣ вашем».* — Ср. Еф. 4, 26.

[170] *О Никитѣ затворници, иже по семъ бысть епископъ Новуграду.* — Никита был монахом Киево-Печерского монастыря. В 1096 году он был возведен киевским митрополитом Николаем в сан епископа Новгородского. Никите приписывается чудесное спасение Новгорода от засухи и пожара в 1098 году. Он благословил Антония Римлянина на создание в Новгороде Антониева монастыря. Скончался в 1108 году, причислен к лику местночтимых новгородских святых.

[171] *«...да не възнесься, низъпадеши».* — Ср. Сирах. 1, 30.

[172] *«Днѣсь убиенъ бысть Глѣбъ Святославичь в Заволочии...»* — Глеб Святославич, сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, княжил сначала в Тмутаракани, а потом в Новгороде. Убит в 1078 году. Заволочье — новгородская область (Двинская земля).

[173] *«...посли сына своего Святоплъка на столъ Новугороду».* — Святополк II Изяславич, сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь полоцкий (1069—1071), новгородский (1078—1088), туровский (1088—1093), великий киевский князь (1093—1113).

[174] *...Бытие, Исход, Левгиты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину...* — Ветхозаветные книги Бытие, Исход, Левит, Числа приписываются пророку Моисею. В них рассказывается о сотворении мира и излагается библейская история от Адама до основания Израильского царства и вавилонского плена. Под «Пророчествами» подразумеваются книги больших пророков — Исайи,

Иеремии, Иезекииля, Даниила, и малых — Осии, Иоиля, Амоса, Аввакума, Софония, Аггея, Захарии, Малахии.

[175] *...съ святыми чтут его, святаго и блаженнаго Никиту.* — Точное время канонизации Никиты Новгородского неизвестно. Существует предположение, что это произошло до макарьевских соборов 1547 и 1549 годов. Мощи Никиты были открыты в 1558 году и положены в новгородском Софийском соборе.

[176] *...Лаврѣнтѣй... въсхоте в затвор внити. Сему же святии ти отци отнудь же не повелѣша сего сътворити.* — Из рассказа Патерика о Лаврентии, а также из «слов» об Исакии и Никите, видно, что в игуменство Феодосия и Никона затворничество и юродство в монастыре не поощрялись. Лаврентий «вошел в затвор» в княжеском Дмитровском монастыре, который соперничал с Киево-Печерским.

[177] *...иже пръвый бысть у князя Всеволода...* — Имеется в виду Всеволод Ярославич. Еще при жизни Ярослав Мудрый дал «ряд» на княжение своим сыновьям: старший, Изяслав, получал Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль-Южный, Ростов, Суздаль и Белоозеро. После смерти отца эти три князя заключили союз и совместно вели военные действия против внешних врагов, согласовывали свою внутреннюю политику. В 1068 году они выступили против половцев и в битве на реке Альте (приток реки Трубеж на юго-восток от Киева) потерпели поражение. Это вызвало восстание киевлян, потребовавших дать им оружие, чтобы продолжить борьбу с половцами. Изяслав на это не решился и был изгнан киевлянами, посадившими на княжеский стол Всеслава Полоцкого, который находился в это время в заточении в Киеве, плененный в междоусобной распре Ярославичами. Изяслав бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 году и снова занял киевский стол. В 1073 году триумвират Ярославичей распался. Святослав в союзе с Всеволодом изгнал из Киева Изяслава, который бежал в Польшу. На киевский стол сел Святослав Ярославич. После смерти Святослава (1077) киевский стол получил Всеволод Ярославич, но он добровольно уступил его Изяславу, а сам сел в Чернигове. После гибели Изяслава в междоусобной войне (1078) Всеволод Ярославич занял киевский стол и княжил до 1093 года.

[178] *«Иже аще и смертно что испиють... здрави будуть».* — Мр. 16, 18.

[179] *...разболѣвся князь Владимерь Всеволодовичь Мономах...* — В описываемый Поликарпом период Владимир Мономах княжил в Чернигове (1076—1077, 1078—1094).

[180] *...посылаеть молбу къ Ивану, игумену Печерьскому...* — Иоанн был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1088/89 года, после смерти Никона. Подробнее см. сноску 30.

[181] *«Никоторый же пророкъ приятенъ есть въ отечествии своемь».* — Лк. 4, 24.

[182] *Се же речеся въ 15 лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновениа 100 и 60 лѣт...* — На основании этого свидетельства (в сопоставлении с предшествующим сообщением, в Повести временных лет под 1074 годом, что жития первоподвижников Печерского монастыря «Нестеръ въ Лѣтописци написа», — и началом игуменства Акиндина — 1224 год) ряд исследователей Патерика датирует сочинения Поликарпа 1234—1239 годами.

[183] *...«радость бываеть на небеси о единомъ грѣшници кающемся»...*— Ср. Лк. 15, 10.

[184] *«Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣже татие подкоповають и крадуть... Идеже бо... съкровище ваше, ту и сердца ваша».* — Ср. Мф. 6, 19—21; Лк. 12, 34.

[185] *«Богъ бо непоругаемъ бываеть...»* — Гал. 6, 7.

[186] *...князь Ростислав Всеволодичь... идый противу ратнымъ половцемь съ братомъ своимъ Владимеромъ.* — Во время нашествия половцев в 1093 году (воспользовавшихся смертью Всеволода Ярославича) в союзе против них выступили Святополк Изяславич, занявший киевский стол, Владимир Мономах, княживший в это время в Чернигове, и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович, княживший в Переяславле.

[187] *Не въсхотѣ благословениа... възлюби клятву, и прииде ему.* — Ср. Пс. 108, 17.

[188] *...Ростиславъ же утопе съ всими своими вои по словеси святаго Григориа.* — Решающая битва в войне русских с половцами 1093 года произошла у города Треполя (недалеко на юг от Киева), на реке Стугне. Потерпев поражение, русские, отступая, должны были переправляться через Стугну. Во время переправы погибло много русских воинов. О гибели Ростислава Всеволодовича (1070—1093), утонувшего на глазах у старшего брата, Владимира Мономаха, поэтически-сочувственно рассказано в Слове о полку Игореве. Автор летописной статьи 1093 года в Повести временных лет разделяет печаль с матерью князя и всеми людьми, оплакивающими Ростислава «юности его ради». В «слове» Поликарпа гибель Ростислава в водах Стугны — «божественное наказание» за мученическую смерть печерского монаха Григория.

[189] *«Имже бо... судомъ судите — судиться вамъ, в нюже мѣру мѣрити — възмѣрится вам».* — Мф. 7, 2.

[190] *...стужаша ему, глаголюще: «Мсти мене от суперника моего».* — Имеется в виду евангельская притча «о судье неправедном», который решил защитить вдову, чтобы она не приходила больше докучать ему своими просьбами (см. Лк. 18, 1—8).

[191] *...яко сътворит Господъ вскорѣ рабомъ своимъ отмщение...* — Ср. Лк. 18, 8.

[192] *«Мнѣ месть, и азъ отмщу».* — Рим. 12, 19.

[193] *«И не приобидите единого от сих малыхъ... Отца моего, иже есть на небесѣхъ».* — Ср. Мф. 18, 10.

[194] *«Яко праведенъ Господь правду възлюби, и прaваа видѣ лице его».* — Пс. 10, 7.

[195] *Сицева бо гордымъ отмщениа, имже Господъ противится, смиреным же даеть благодать.* — Ср. 1 Петр 5, 5.

[196] *...и обладанъ бысть оттоле родъ человѣчь страстию... и боримы есмы всегда.* — Имеется в виду библейский рассказ о сотворении человека и грехопадении Адама.

[197] *«...и не предасть нас в ловитву зубомъ ихъ».* — Пс. 123, 6.

[198] *...сий бо боли Иосифа...* — По библейскому преданию, Иосиф — любимый сын патриарха Иакова от его жены Рахили. Был продан братьями купцам, направлявшимся с торговым караваном в Египет. Здесь он стал рабом начальника стражи фараона Потифара, жена которого сначала пыталась соблазнить Иосифа, а затем оклеветала его перед мужем. Иосиф был заточен в темницу, но за проявленную мудрость в истолковании снов освобожден и приближен к фараону. Ему удалось спасти население Египта от голода и помочь хлебом своим родным в земле Ханаанской, которые позднее переселились на плодородные земли Египта. Перед смертью завещал похоронить его в земле предков, что выполнил Моисей во время исхода евреев из Египта. За красоту, телесную и духовную, Иосиф прозван «Прекрасным». См. Быт. 30; 37—50.

[199] *...егоже убиша съ святым Борисом на Алтѣ и главу его отрѣзаша златыа ради гривны.* — Венгр по происхождению, Моисей был братом Георгия, убитого вместе со своим князем Борисом по приказанию Святополка в 1015 году.

[200] *...и прииде ко Предславѣ, сѣстры Ярославли...* — Речь идет об одной из сестер Ярослава Мудрого, которая в 1018 году попала в плен к польскому королю Болеславу I и была сделана им наложницей.

[201] *...и прииде пакы со Болѣславомъ, и изгна Ярослава, а самъ сѣдъ въ Киевѣ.* — В 1016 году произошло первое столкновение Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным, окончившееся победой Ярослава и бегством Святополка в Польшу. В 1018 году Святополк при помощи польского короля Болеслава I Храброго (Святополк был женат на его сестре) снова захватил киевский стол. Польские войска, пришедшие с Болеславом и Святополком, были размещены «на покорм» по киевским городам. Против поляков начались народные выступления, и в том же 1018 году Болеслав с остатками своего войска и русскими пленниками вернулся в Польшу.

[202] *Адам пръвозданный, женѣ покорився, из раа изгнанъ бысть.* — См. Быт. 1—3*.*

[203] *Самсонъ, силою паче всѣ преспѣвъ... женою преданъ бысть иноплеменникомъ.* — Самсон — сын Маноя из колена Данова, из города Цора, по ветхозаветному преданию, был наделен громадной физичеекой силой, тайна которой заключалась в его длинных волосах. Возлюбленная Самсона филистимлянка Далила остригла у спящего богатыря волосы и выдала его врагам. Самсона ослепили и заковали в цепи. Когда волосы у пленного Самсона выросли, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне. Обстоятельства его жизни и подвиги описаны в Книге Судей (13—16)*.*

[204] *...Соломонъ премудрости глубину постигъ, женѣ повинувся, идоломъ поклонися.* — Соломон — сын царя Давида от Вирсавии, преемник его власти в израильско-иудейском царстве, создатель Храма Богу. Обладал огромными познаниями, достиг вершин земной мудрости. Ему приписывается составление следующих библейских книг: Песнь Песней Соломона, Екклезиаст, или Проповедник, Притчи Соломона. С увеличением богатства посредством торговли и дани от подвластных народов в нем проявилась страсть к роскоши и чувственным удовольствиям, особенно к вину и женщинам. В гареме Соломона содержалось до 700 жен и 300 наложниц, которые большею частью были язычницами. Предоставив женам свободу вероисповедания, он позволил устроить капища языческим божествам и сам стал служить Астарте, Хамосу и Молоху. Подробнее см. Вт. 17, 17;3 Цар. 4, 20—34 и 11, 1—8*.*

[205] *...Ирод многы побѣды сътворивъ, послѣди же женѣ поработився, Предтечю Иоанна усекну.* — Имеется в виду Антипа Ирод, сын Ирода Великого, управлявший Галилеею и Переею (4—39 гг.), четвертою частью Иудейского царства, поэтому его называли «Четверовластником». Влюбившись в жену своего брата, Иродиаду, Антипа всецело попал под влияние этой жестокой женщины: развелся со своей женой и вступил в связь с Иродиадой, за что был обличен Иоанном Крестителем. На пиру за пляску дочери Иродиады Саломии, выполняя обещание, велел обезглавить Иоанна Предтечу, а его голову на блюде принести в награду девушке. Вскоре после этого Антипа Ирод потерпел поражение от Ареты и был выслан из Рима на юг Франции, где кончил жизнь в уединении, бедности и неизвестности (см. Мф. 14, 1—11; Мр. 6, 17—28)*.*

[206] *«Сего ради оставить человѣкъ отца своего и матерь... нѣста два, но плоть едина».* — Мф. 19, 5—6*.*

[207] *Апостолъ же... велить второму браку причитатися.* — Ср. 1 Кор. 7, 8—9.

[208] *Кто же ли от пръвыхъ и донынѣ възгнушася жены... Авраамъ, Исакъ, Ияковъ?* — Речь идет о ветхозаветных патриархах: Аврааме — родоначальнике еврейского народа, его сыне от жены Сарры Исааке и внуке Иакове (Израиле), сыне Исаака от жены Ревекки. Сарра, Ревекка

и Рахиль, вторая жена Иакова, долгое время были бесплодными, их сыновья — «моленные», «богоданные». Потомство Авраама и Иакова многочисленно: у первого от жен и рабыни было 8 сыновей, у последнего — 12, любимый из которых Иосиф, сын Рахили. См. Быт. 11—30.

[209] *Иосифъ же вмалѣ победивъ, и пакы женою побеженъ бысть.* — После того как заключенный в темницу Иосиф истолковал сны фараона, тот возвысил его и женил на дочери илиопольского жреца Асенефе. См. Быт. 42, 45—52.

[210] *...лучше змии нашептаниа, еже в раи Евзѣ...* — Ева — прародительница всех живущих на земле людей, жена первого человека, созданная Богом из ребра Адама во время его сна. Прельщенная дьяволом в образе змея, она нарушила заповедь Бога и вкусила от запрещенного плода, склонив к этому и Адама (см. Быт. 2, 21—25; 3, 1—16, 20).

[211] *«Всякъ, иже оставить отца своего, и матерь, и жену... естъмойученикъ».* — Ср. Лк. 14, 26.

[212] *«Оженавыйся печется, како угодити женѣ, а неоженивыйся печется, како угодити Богу».* — Ср. 1 Кор. 7, 32—33.

[213] *«Раби, послушайте господий своихъ на благое, а не на злое».*— Ср. Еф. 6, 5; 1 Петр. 2, 18; Кол. 3, 22; Тит. 2. 9.

[214] *...прииде нѣкто мнихъ от Святыа Горы...* — Святая Гора — Афон. Своеобразная монашеская республика из православных монастырей. Находится на восточном выступе Халкидонского полуострова в Эгейском море. Первый монастырь был основан в 962 году греком Афанасием. В 1172 году на Афоне возник первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Связь русской церкви с Афоном играла большую роль в церковно-религиозной жизни Древней Руси.

[215] *«Каа убо полза человѣку, аще и весь миръ приобрящеть... что дасть измѣну на души своей?»* — Мр. 8, 36—37.

[216] *...якоже и в Лѣтописци повѣдаеть.* — Имеется в виду запись под 1030 годом в Повести временных лет, где в одном ряду стоят события разного времени: смерть польского короля Болеслава I (1025) и восстание «в Лядской земле» (1031 или 1037—1038).

[217] *Се же вписано есть в Житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисѣи...* — Рассказ Поликарпа о Моисее Угрине восходит к Житию Антония Печерского, в котором сообщалось больше подробностей исторического характера, чем дошло до нас в Патерике. Подробнее см. сноску 19.

[218] *...княгыни же его, ляховица сущи...* — Изяслав Ярославич был женат на тетке польского короля Болеслава II Гертруде. С помощью польских войск князь Изяслав вернул себе киевский стол в 1069 году.

[219] *«Вечерь въдворится плачь, и заутра радость».* — Пс. 29, 6.

[220] *...бысть житие его, яко единому от птиць, не стяжа бо селъ, ни житница, идѣже съберет благаа своа.* — Ср. Мф. 6, 26.

[221] *«Душе, имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжь и пий, веселися!»* — Ср. Лк. 12, 19.

[222] *«Възрите на птица небесны... Отець вашь небесный питаеть их».* — Мф. 6, 26.

[223] *Егда же Святоплъкъ съ Давидомъ Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту...* — После Любечского съезда князей в 1097 году, на котором была сделана попытка урегулировать междукняжеские отношения и был заключен договор, закреплявший за князьями их владения, сразу произошло нарушение этого договора: Святополк Изяславич, князь киевский, и Давыд Игоревич, князь Владимира Волынского, хитростью захватили Василька Теребовльского и ослепили его, обвинив в притязаниях на их земли. Это событие вызвало ряд столкновений между князьями. Об ослеплении Василька и о последовавших за этим событиях подробно рассказано в Повести временных лет под 1097 годом. В Патерике имеется в виду один из эпизодов межкняжеских распрь после ослепления Василька: выступление Святополка Изяславича в союзе с ослепленным им Васильком и его братом Володарем против своего бывшего союзника Давыда Игоревича в 1099 году. Главным виновником ослепления Василька считался Давыд Игоревич, уговоривший Святополка ослепить Василька.

[224] *«Снѣдающи люди моа въ хлѣба мѣсто, Господа не призваша».* — Ср. Пс. 13, 4.

[225] *Его же ем, Святоплъкъ в Туровъ заточивъ...* — В начале княжения Святополка Изяславича в Киеве отношения монастыря с князем резко обострились. Игуменствовавший в это время Иоанн обличал князя в насилиях над населением Киева и в недостаточной борьбе с половцами. Святополк сослал Иоанна в Туров. Разрыв Святополка с монастырем продолжался до 1098 года. Заинтересованный в духовной помощи монастыря, Святополк возвращает Иоанна из ссылки, примиряется с монастырем и начинает покровительствовать ему.

[226] *И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу побѣду сътвори на противныа агаряны...* — Вероятнее всего, в виду имеется поход на половцев 1103 года, после Долобского съезда князей, на котором, по предложению Владимира Мономаха, было принято решение об этом походе. На территории половецких земель, на реке Сутень, объединенные силы русских князей нанесли сокрушительное поражение половцам.

[227] *...при семь изнесенъ бысть святый отець Феодосие от печеры въ святую великую церковь.* — Перенесение мощей Феодосия из пещеры в

Успенский собор монастыря произошло в 1091 году. Об этом событии подробно повествует 9-е «слово» Патерика.

[228] *«...сердца бо съкрушенна и съмиренна Богъ не уничижить».* — Ср. Пс. 50, 19.

[229] *«Блажени плачющии, яко ти утѣшатся».* — Мф. 5, 4.

[230] *...сѣавы слезами пожнеть в радостирукояти своа: плакаху бося... вметающе сѣмяна своа... утешени будут...* — Ср. Пс. 125, 5—6.

[231] *...мати всѣмъ благыням — нестяжание, такоже и корень есть и мати всѣмь злымъ — сребролюбие.* — Ср. 1 Тим. 6, 10.

[232] *«Любяй събирати имѣние, сицевый до смерти иглы ради тружается...»* — Лествица. 17, 2.

[233] *«Человѣкь, аще не отречется всего сущаго, не можеть быти мой ученикъ».* — Лк. 14, 33.

[234] *«Не печетеся о утренемь, что ямы, или что пиемь... възрите... на птици небесныа... Отець вашъ небесный питаеть ихъ».* — Ср. Мф. 6, 31 и 26.

[235] *Иже слышавъ от того сътворьшеся в Коньстянтинѣ-градѣ...* — Передаваемый сюжет восходит к «слову» Пролога под 19 января: «О спасшемся от болезни милостыни ради, и паки раскаявся умре».

[236] *«Аще кто изведеть достойнаа от недостойнаго, яко уста моа суть».* — Ср. Иерем. 15, 19.

[237] *«Аще кто оставит домъ... мене ради, стократицею приимет и живот вѣчный наслѣдит».* — Ср. Мф. 19, 29.

[238] *Келарь* — в древнерусском монашестве монах, ведающий монастырскими вотчинами и светскими делами монастыря.

[239] *«И бѣси повинуются вамъ о имени моемь».* — Ср. Лк. 10, 17.

[240] *«Дах вам власть наступати на змиа, и скорпиа, и на всю силу вражию».* — Лк. 10, 19.

[241] *Бѣ бо тогда пожженъ монастырь...* — Имеется в виду нападение на Киево-Печерский монастырь половцев 20 июля 1096 года. Монастырь был выжжен и разграблен. Это событие подробно описано его очевидцем Нестором в Повести временных лет под 1096 годом.

[242] *«Во имя Господа Бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свинъа ити...»* — Речь идет о чуде Иисуса Христа, по слову которого бесы вышли из бесноватых и вселились в стадо свиней, бросившееся с обрыва в море, о чем сообщают Евангелия от Матфея (8, 28—34), Марка (5, 1—20) и Луки (8, 26—39).

[243] *«Не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, радуйте же ся паче, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ».* — Лк. 10, 20.

[244] *...еже неправедно судяй сам осужденъ будеть.* — Ср. Мф. 7, 1—2; Рим. 2, 1.

[245] *Мстислав Святополчич* — сын князя Святополка Изяславича от наложницы, князь Владимира Волынского.

[246] *Не по многзех же днехъ самъ Мстиславъ застреленъ бысть... биася съ Давидомъ Игоревичемь.* — Мстислав Святополчич был убит стрелой при осаде Владимира в 1099 году Давыдом Игоревичем (во время княжеских распрь после ослепления Василька Теребовльского).

[247] *«Всяк, взимаай нож, ножем умирает».* — Мф. 26, 52.

[248] *«Азъ же и Отець к нему приидевѣ и обитель у него сътворим».* — Ср. Иоан. 14, 23.

[249] *«...Вселю бо ся...в ня и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будуть мнѣ людие».* — 2 Кор. 6, 16.

[250] *«Братие, вы есте церкви Бога жива, и Духъ Святый живет въ вас».* — 1 Кор. 3, 16.

[251] *Повелениемь же игумена Пимина Постника...* — Пимен был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1132 по 1141 год.

[252] *«Радуйтеся, праведнии, о Господѣ... пойте ему съ въсклицаниемь в десятоструннѣмь псалтири».* — Ср. Пс. 32, 1—3. Здесь «псалтирь» — десятиструнный древнееврейский музыкальный инструмент.

[253] *Не от пръваго на десять часа Господу помолившеся и тому угоднаа творяще...* — В евангельской притче о работниках в винограднике рассказывается, что все, независимо от часа найма на работу, получили равную плату за труд. Ропщущим на несправедливость решения хозяин виноградника заявил, что волен поступать, как хочет, что они завистливы, а он добр. «Так будут последние первыми, и первые последними».— Мф. 20, 1—16.

[254] *Егда бо грѣчестии писци из Цариграда... приведени быша нуждею писати церьки Печерьскиа... якоже о них сказано есть въ Послании Симоновѣ...* — Имеется в виду Слово о церкви Печерской Симона, которое или составляло особое послание, или входило в послание к Поликарпу вместе с рассказами Симона о печерских святых (точки зрения исследователей по этому вопросу расходятся). Поликарп дает отсылку к 4-му «слову» Патерика: «О пришествии писцевъ церковныхъ ко игумену Никону от Царяграда».

[255] *«Мнѣ же и сущим съ мною послужисте руци. мои, и ни у единаго же туни хлѣба ядох».* — Деян. 20, 34.

[256] *«Покры срамота лице мое. Чюжъ бых братии моей и страненъ сыновомъ матере моеа...»* — Пс. 68, 8—9.

[257] *«Исповѣмь на ся безакони Господеви, и тъй отпустить нечестие сердца моего».* — Пс. 31,5.

[258] *...и взем вапницю...* — Вапница — сосуд или ящик для хранения красок.

[259] *Христу бо уподобися...* — Имеются в виду евангельские чудеса исцеления Христом прокаженного (Мф. 8, 2—4; Мр. 1, 40—44; Лк. 5, 12—14) и слепорожденного (Иоан. 9, 1—41).

[260] *«Не можетъ рабъ двема господинома работати».* — Ср. Мф. 6, 24; Лк. 16, 13.

[261] *«Просите убо... и не просто просите, но с вѣрою просите, и приимите».* — Ср. Мф. 21, 22; Иак. 1,6.

[262] *Се бо новый нам Елисѣй, иже Неомана Сирианина от проказы исцелѣ.* — Пророк Елисей излечил от проказы Неемана, военачальника сирийского царя. По слову Елисея, Нееман семь раз омылся в водах Иордана, «и обновилось тело его», «и очистился» (см. 4 Цар. 5, 1—19).

[263] *Деисус* — от греческого слова, означающего «моление». Деисус — композиция, состоящая из трех икон. На центральной изображен Христос, судящий людей после конца мира. По сторонам от иконы Христа — икона Богоматери и икона Иоанна Крестителя, которые изображены заступниками за грешников, молящими Христа о милости. В деисусе по сторонам от этих икон могут быть изображены и другие святые. Деисусом иногда называют основной ряд иконостаса или весь иконостас вообще.

[264] *«Не может град укрытися, връху горы стоа... да свѣтить всѣмъ приходящимъ».* — Ср. Мф. 5, 14—15.

[265] *...изгорѣ Подолие всѣ...* — Подол — район Киева. Здесь имеется в виду большой пожар 1124 года.

[266] *...и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже сам създа...* — Ростовский храм, возведенный Владимиром Мономахом, был дубовым и сгорел в 1160 году; первый каменный собор в Ростове был построен в 1161 году при Андрее Боголюбском. Икона работы Алимпия, о которой пишет Поликарп, скорее всего, икона «Богоматерь Великая Панагея (Оранта)», входящая в собрание древнерусского искусства Третьяковской галереи. Она была найдена в ярославском Спасском монастыре, где до 1788 года находилась резиденция ярославских митрополитов (сюда икона была привезена после ликвидации ростовской митрополии). Искусствоведческий анализ произведения свидетельствует о том, что икона по своим стилистическим особенностям близка к мозаикам Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, выполненным в 1108—1113 годах, как

предполагают исследователи, не без участия греческих мастеров и Алимпия. На основании сообщения Поликарпа, что он был «самовидцем» чуда спасения иконы работы Алимпия Печерского в ростовских церквах, считают Ростов его родиной.

[267] *Калугер* — почтенный старец, монах.

[268] *...власи же вземше въ убрусѣ...* — При посвящении в монахи остригались волосы, отсюда и термин — «пострижение».

[269] *Пономарь* — обычно низший церковнослужитель, главной обязанностью которого было звонить в колокола, участвовать в клиросном пении, прислуживать при богослужении. Здесь имеется в виду привратник храма, его хранитель.

[270] *«Еже человѣкъ всѣетъ, то и пожнеть...»* — Гал. 6, 7.

[271] *...учимы есмы не въздаати зла за зло...* — Ср. 1 Фес. 5, 15; 1 Петр. 3, 9; Рим. 12, 17.

[272] *«Претръпѣвый бо до конца... той спасеться».*— Мф. 10, 22 и 24, 13.

[273] *«Тръпя, потерпѣх Господа, и внят ми».* — Ср. Пс. 39, 2.

[274] *«Аще убо наказаниа тръпите... аще ли без наказаниа есте, рабичища есте, а не сыновѣ».* — Ср. Евр. 12, 7—8.

[275] *«Въ тръпѣнии вашем стяжете душа ваша».* — Лк. 21, 19.

[276] *...явишася три столпы над трапезницею... О них жеречено бысть в Лѣтописци.* — Это известие Поликарпа о явлении трех столпов над церковью во время смерти Пимена расходится с сообщением Повести временных лет (1110 г.) об одном столпе надгробом Феодосия Печерского. Видимо, Поликарп пользовался или другим летописным источником, или опирался на монастырское предание, где «три столпа» должны были подчеркнуть особую святость подвижника.

[277] *...имущему убо везде дано будет.* — Ср. Мф. 13, 12; Мр. 4, 25.

[278] *«Немерьтвиивъсхвалять...номы,живии, благословимъГоспода».* — Ср. Пс. 113, 25—26.

[279] *«Въ адѣ бо... кто исповѣсть ти ся?»* — Пс. 6, 6.

[280] *«Емуже дасться много, много истяжут от него».* — Ср. Мф. 25, 29; Лк. 8, 18, 19, 26.

[281] *...то въ 11 час съ пришедшими равна праведним сътворить его Господь.* — Имеется в виду притча из Евангелия от Матфея (20, 1—16), где «царствие небесное» уподобляется «хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Работники

нанимались хозяином несколько раз в течение дня, последние — в 11 часов, но получили равную со всеми плату. См. подробнее сноску 253.

[282] *...аще убо Господу въ пустыни приступити искуситель не постыдѣся...* — Речь идет об искушении Иисуса Христа дьяволом. К исходу сорокового дня поста он явился Христу в пустыне и искушал его возможностью превратить камни в хлеб, чтобы насытиться. Затем предложил Христу прыгнуть вниз с крыши иерусалимского храма и проверить завет Бога, что он будет храним ангелами. В третий раз за поклонение дьяволу он обещал Христу власть над всеми царствами мира и вечную славу. Об этом рассказано в Евангелиях от Матфея (4, 1—11), Марка (1, 12—13) и Луки (4, 1—13).

[283] *...родом торопчанинъ* — из города Торопца.

[284] *...и нача гнѣватися Изяславъ на Онтониа про князя Всеслава.* — См. сноску 9.

[285] *...монастырь Святыа Богородица на Болдиныхъ горах...* — Болдины горы — гористая местность в западной части Чернигова, где во время правления сына Ярослава Мудрого Святослава (ум. 1073) был основан Ильинский пещерный монастырь (1069), а на горе — Елецкий, главная церковь которого своим архитектурным обликом напоминала Успенский собор Киево-Печерского монастыря.

[286] *Феодосию же преставившуся и Стефану игуменьство приимъшу...* — Описываемые события относятся к 1074 году.

[287] *...Антоней убо преставися...* — Антоний Печерский умер в 1073 году.

[288] *Въпрос благовѣрного князя Изяслава о латынѣх.* — Это произведение Феодосия Печерского, вошедшее в состав Патерика в 60-е годы XV века, было адресовано киевскому князю Изяславу Ярославичу. Оно было написано, скорее всего, в 1069 году, когда Изяслав вернул себе киевское княжение с помощью военной силы поляков. В связи с этим «вопрос о латинской вере», актуальный после разделения церквей в 1054 году, обрел особую остроту. В послании к Изяславу Ярославичу Феодосий обличает «латинские ереси» и призывает князя сохранить верность православию, опасаясь католического влияния на Русь. «Однако Изяслав не оправдал надежд Феодосия: изгнанный в 1073 году из Киева, он снова обратился за помощью к польскому королю Болеславу, а затем к германскому императору и даже к самому римскому папе Григорию VII» (Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1987, с. 69).

[289] *...во Савелиеву вѣру...* — Савелиева ересь. Названа так по имени некоего Савелия (середина III века), толкование которым сущности Троицы (Бог в состоянии покоя и молчании есть единое существо, а в творении и помышлении является в трех различных формах — Отца, Сына и Духа) было признано еретическим.

[290] *«Въздасть комуждо по дѣлом его».* — Мф. 16, 27.

[291] *«Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещение».*— Ср. Еф. 4, 5.

[292] *«Лѣпо есть намь испольнити всяку правду»...* — Мф. 3, 15.

[293] *...аще и нѣции суть смущающе вы и хотяще превратити благовѣствование Христово... да будет проклят.* — Ср. Гал. 1, 7—8.

[294] *О преставлении преподобнаго отца нашего Поликарпа, архимадрита Печерскаго...* — Поликарп, скончавшийся в 1182/83 году, был первым игуменом Киево-Печерского монастыря, который получил титул архимандрита. В 1460 году Кассиан, редактор Патерика, поместил после рассказов Поликарпа о печерских святых сообщение о смерти архимандрита Поликарпа, взятое из Киевского летописного свода, который явился продолжением Повести временных лет и был доведен до 1200 года. Это сближение двух Поликарпов привело позднее к их отождествлению у редакторов Патерика XVII века.

[295] *...к Василию попу на Щековицю...* — Щековица — урочище в Киеве. Василий был игуменом Киево-Печерского монастыря после смерти Поликарпа (1182/83) до игуменства Акиндина (1224—1231 гг.), последнее упоминание о нем относится к 1197 году.

[296] *....приеха митрополит Никифоръ ка пострижение его, и Лаврѣнтий, туровьский епископъ, и Никола, полоцкий епископъ...* — Никифор II, киевский митрополит (поставлен до 1183 года, умер после 1201 года), участвовал в пострижении священника Василия в монахи и в поставлении его на игуменство в Печерском монастыре. Известно, что Никифор оказывал большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Руси: сумел организовать русских князей на отпор венгерского вмешательства в галицкие дела (1189); руководил церемонией возведения на киевский стол князя Рюрика Ростиславича (1194); будучи греком, побуждал русских князей к походу на половцев, угрожавших Византии (1201—1202). Второй участник пострижения Василия — Лаврентий, как епископ Турова упоминается в 1182 году. Третий — Николай Гречин, сначала был поставлен епископом во Владимир (по другим источникам — в Ростов), но встретил противодействие князя Всеволода Большое Гнездо и был переведен в Полоцк (1184).

[297] *...а повелениемь смиренно инока Касияна, уставника печерьскаго...* — Кассиан — монах Киево-Печерского монастыря, создатель двух редакций Патерика. Первую редакцию он, клирошанин монастыря, составил в 1460 году и посвятил Акакию, «наместнику киевскому», поэтому она иногда называется Акакиевскою. По мнению А. А. Шахматова, первая редакция Патерика, выполненная Кассианом, не отличалась творческой самостоятельностью и в основном повторяла состав Иоанновской редакции памятника (первая половина XV века). Кассиан дополнил Патерик рядом летописных статей: о вписании имени Феодосия Печерского в Синодик; о пострижении Святоши, князя Черниговского; о видении и смерти Нифонта Новгородского; о

преставлении архимандрита Поликарпа и избрании Василия-попа. В редакторской работе Кассиана уже на этом этапе видно исследовательское начало. Благодаря летописным источникам ему удалось закрепить за определенными датами отдельные вехи монастырской истории, дополнить ее новым материалом, атрибутировать тексты, вошедшие в состав Патерика. Введение в патериковый свод летописного материала нарушило принцип тематической группировки текстов, возможно, поэтому количество списков Патерика редакции 1460 года невелико. Через два года Кассиан, уже «уставник печерский», создал новую, более полную и в художественном отношении более стройную редакцию памятника. В этой редакции читается текст Послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу о латинской вере, а основным принципом организации материала является хронологический. Автором вставок и разночтений, встречающихся в редакции 1462 года, Д. И. Абрамович считал самого Кассиана, А. А. Шахматов указывал на возможные источники заимствования — Печерскую летопись и Житие Антония Печерского. О популярности, быстром и широком распространении Кассиановских редакций Патерика свидетельствуют следующие факты: они были положены в основу всех позднейших рукописных и печатных редакций памятника; ими пользовались составители миней четий на май (митрополит Макарий, Герман Тулупов, Иоанн Милютин, Дмитрий Ростовский); к настоящему времени выявлено более 80 списков Патерика редакций Кассиана, самые ранние из которых датируются концом XV — началом XVI века.

[298] *Индикт* — одна из единиц церковного летоисчисления, равная 15 годам.

[299] *...в суботу святаго и праведнаго Лазоря, друга Христова...* — Лазарь, брат Марфы и Марии, которого, по евангельскому преданию, Христос воскресил из мертвых. Воспоминание об этом чуде празднуется в Лазареву субботу перед Вербным воскресением.

[300] *...на память святыхъ мученикъ Терентеа и Помпиа и иже с ними...* — Память святых мучеников Терентия, убитого в Сирии при императоре Деции Кае Траяне, и Помпия, казненного в Африке в 250 году за отказ принести жертвы идолам и исповедание христианства, празднуется православной церковью 10 апреля.

[301] *...при княжении благовѣрнаго и христолюбиваго князя Семена Александровича, при архимандрите Печерьском кир Николѣ...* — Имеется в виду сын князя Александра Владимировича, внук Ольгерда, последний киевский князь Семен Александрович (Олелькович), умерший в 1471 году. Николай упоминается как архимандрит Киево-Печерского монастыря в 1446, 1455—1462 годах.

ПЕРЕВОД

ПАТЕРИК ПЕЧЕРСКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОЗДАНИЮ ЦЕРКВИ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ, КАК САМОГО ГОСПОДА БОГА ПРОМЫСЛОМ И

ВОЛЕЮ И ЕГО ПРЕЧИСТОЙ МАТЕРИ МОЛИТВОЙ И БЛАГОВОЛЕНЬЕМ СОЗДАЛАСЬ И СВЕРШИЛАСЬ БОГОЛЕПНАЯ, НЕБУ ПОДОБНАЯ, ВЕЛИКАЯ ПЕЧЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ, АРХИМАНДРИТИЯ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛАВРОЙ СВЯТОГО И ВЕЛИКОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ

СЛОВО 1

Благослови, отче.

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына — Фриад и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому и святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот пал в ноги старцу и молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по Божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Шимон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую — такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! Избавь меня от горькой этой смерти молитвами пречистой твоей Матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И возвратился он к великому Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины — в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: “Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где созидается церковь Матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим”. Я же упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: “Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!” И вот увидел я церковь наверху и подумал: “Что это за церковь?” И был свыше к нам голос, говорящий: “Которая будет создана преподобным во имя Божией Матери, в ней же и ты положен будешь”. И видели мы ее величину и высоту, если размерить ее тем золотым поясом, то двадцать локтей — в ширину, тридцать — в длину, тридцать — в высоту стены, а с верхом — пятьдесят. Мы же все прославили Бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доныне не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услыхал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалил Бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон, вот он хочет такую церковь построить», и отдал Феодосию пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устроение монастыря.

Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосии же спросил его: «О чадо, что просит твое величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосии же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что имею». Симон же

сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от Бога, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он мне сказал: “Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь Матери моей”. Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у Бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От Господа было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого его образа, потому и молю тебя — как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», что и доныне вкладывают умершему в руку такую молитву. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, Господи, когда придешь во царствие твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, Владыка, и рабов своих, Симона и Георгия, сподоби справа от тебя стать, в славе твоей, и слышать благой твой глас: “Придите, благословенные Отцом моим, наследуйте уготованное вам царство от создания мира”».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосии же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же благодатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием, оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в Господа нашего Иисуса Христа со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви.

С тех пор сын его Георгий великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и поручил ему сына своего Георгия. Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве, тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил землю Суздальскую.

О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И это вам, братья, расскажу другое дивное и преславное чудо о той богоизбранной церкви Богородичной.

Пришли из Царьграда четыре мастера церковных, люди очень богатые, в пещеру к великому Антонию и Феодосию, говоря: «Где хотите ставить церковь?» Те же им ответили: «Там, где Господь место обозначит». Пришедшие же сказали: «Как же так, — свою собственную смерть предвидя, — места еще не назначили, столько золота вручив нам?» Тогда Антоний и Феодосии, призвав всю братию, стали расспрашивать греков, говоря: «Скажите истину: как это было?»

Мастера же эти рассказали: «Однажды, когда мы еще спали в домах своих, рано, на восходе солнца, пришли к каждому из нас благообразные скопцы, говоря: “Зовет вас царица во Влахерну”. Когда же мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих, то пришли все в одно время к царице и рассудили, что одно и то же повеление царицы слышал каждый из нас и одни и те же посланцы были у нас. И вот увидели мы царицу и множество воинов при ней, мы поклонились ей, и она сказала нам: “Хочу церковь построить себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам, возьмите золота себе на три года”. Мы же, поклонившись, сказали: “О госпожа царица! В чужую страну посылаешь ты нас, — к кому мы там придем?” Она же сказала: “К ним посылаю, к Антонию и Феодосию”. Мы же сказали: “Зачем же, госпожа, на три года золота даешь нам? Им и прикажи о нас, чтобы на пропитание от них нам было потребное, а одаришь нас, чем сама захочешь”. Царица же сказала: “Сей Антоний, только благословив, отойдет из этого мира на вечный покой, а сей Феодосии через два года после него отойдет к Богу. Вы же возьмите золота с избытком, а что до того, чтобы почтить вас, то не может так никто, как я: дам вам, чего и ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Я и сама приду посмотреть церковь и в ней буду жить”. Дала она нам и мощи святых мучеников: Артемия и Полиевкта, Леонтия и Акакия, Арефы, Якова, Феодора, сказав нам: “Это положите в основание”. Мы же взяли золота с избытком. И сказала она нам: “Выйдите наружу, посмотрите церковь”. И увидели мы церковь на небе, и, вернувшись, поклонились ей, и

спросили: “О госпожа царица, каково имя церкви?” Она же сказала: “Хочу ее своим именем назвать”. Мы же не посмели ее спросить: “Как твое имя?” Она же сказала: “Богородицына будет церковь”, и дала нам эту икону, говоря: “Она будет наместной”. Мы же, поклонившись ей, пошли в дома свои, неся эту икону, полученную из рук Царицы».

И тогда все прославили Бога и ту, которая его родила. Антоний же ответил: «О чада, мы никогда не выходили из места сего». Греки же клятвенно заверили: «Из ваших рук взяли мы золото перед многими свидетелями, и до корабля с ними вас проводили, и через месяц после вашего ухода отправились в путь; и вот сейчас десятый день, как мы вышли из Царьграда. Спрашивали мы Царицу о величине церкви, и она сказала нам: “Я меру послала — пояс Сына моего, — по его повелению”».

И отвечал Антоний: «О чада, великой благодати Христос удостоил вас, ибо вы его воли вершители. Звавшие же вас, те благообразные скопцы — пресвятые ангелы, а царица во Влахене — сама, зримо явившаяся вам, пресвятая, чистая и непорочная владычица наша, Богородица и приснодева Мария, стоявшие же при ней воины — бесплотные ангельские силы. Подобные же нам, и данное вам золото — то Бог ведает, так как он сам сотворил и свершил это со своими рабами. Благословен приход ваш, и добрую спутницу имеете вы, эту честную икону Госпожи, и она даст вам, как обещала, чего ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило: этого никто не может дать, кроме нее и сына ее, Господа Бога и спасителя нашего Иисуса Христа, пояс которого и венец, принесенные сюда варягами, и являются мерой ширины, и длины, и высоты той пречестной церкви, — голос с неба известил это от великой славы».

Греки же со страхом поклонились святым и сказали: «Где то место? Покажите». Антоний же сказал: «Три дня будем молиться, и Господь обозначит нам». И в первую ночь, когда он молился, явился ему Господь и сказал: «Обрел ты благодать передо мной». Антоний же сказал: «Господи, если я обрел благодать перед тобой, пусть будет по всей земле роса, а место, которое тебе угодно освятить, пусть будет сухо». Наутро нашли сухим то место, где ныне церковь стоит, а по всей земле была роса. На другую же ночь, также помолившись, Антоний сказал: «Пусть будет по всей земле сухо, а на месте святом роса». Пошли и нашли так. В третий же день, ставши на месте том, помолившись и благословив место это, измерили золотым поясом ширину и длину. И воздел руки к небу, и сказал Антоний громким голосом: «Услышь меня, Господи, ныне отметь место огнем, пусть разумеют все, что тебе оно угодно». И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и долину выжег, рву подобную.

И все бывшие со святыми от страха упали как мертвые. Так положено было начало той Божественной церкви.

О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. СЛОВО 3

Основана же была сия божественная церковь Богородицы в 6581 (1073) году. В дни княжения благоверного князя Святослава, сына Ярославова, была заложена церковь эта, и сам он своими руками начал ров копать. Христолюбивый князь Святослав дал сто гривен золота в помощь блаженному и размеры определил золотым поясом, как повелел голос, услышанный с небес на море. В Житии святого Антония найдешь об этом подробнее. Из Жития же Феодосия всем известно, как явился столп огненный от земли до неба, иногда же облако или же радуга сходили с верха старой церкви на это место, много раз и икона переходила, — ангелы переносили ее в то место, где ей надлежало быть.

Что, братия, чудеснее этого? Перелистав все книги Ветхого и Нового заветов, нигде не найдешь таких чудес о святых церквах, как об этой: от варягов, и от самого Господа нашего Иисуса Христа, и честного его и божественного и человекообразного изображения — святой головы Христовой венец, и божественный голос слышали от Христова изображения, повелевший венец нести на уготованное место, и небесный голос велел поясом этим измерить церковь, которую видели еще до ее созидания. А из Греции икона пришла с мастерами, и мощи святых мучеников положены были подо всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам.

Должно же нам похвалить прежде отшедших благоверных князей, и христолюбивых бояр, и честных иноков, и всех христиан православных. Блажен и преблажен, сподобившийся погребенным быть здесь, великой благодати и милости Господней удостоится он молитвами святой Богородицы и всех святых. Блажен и преблажен, тут в поминание записанный, ибо примет он отпущение грехов и награда небесная его не минует. Ведь сказано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо имена ваши написаны на небесах» — церковь эта любима Богом паче небесной. Родившая его пожелала ее создать, как обещала во Влахерне мастерам, так сказав: «Приду, чтобы видеть эту церковь, хочу в ней жить». Доброе и предоброе это дело — находиться в ее святой и божественной церкви, и какую славу и похвалу обретет положенный здесь и записанный в ней в поминальные книги — перед ее очами будет он поминаться всегда.

И это, возлюбленные мои, добавлю вам слово, чтобы укрепить вас. Нет того злее, чем от такого света отречься, и возлюбить тьму, и отвергнуть богонареченную церковь, оставить Богом построенную и искать людьми сотворенную за мзду от насилий и грабежей, что сама взывает к Богу на строителя своего. Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец — сам Бог, который своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сравнял на благо дома Матери своей для пристанища рабам своим. Разумейте, братья, основание и начало ее: Отец свыше благословил росой, и столпом огненным, и облаком светлым; Сын меру дал своим поясом: хотя и деревянный был крест, но Божиею силою облечен; Святой же Дух огнем невещественным ров ископал, где положить основание, и на таком камне создал Господь церковь эту, что и врата адовы не одолеют ее. Так же и Богородица: на три года золота дала строителям, и своего пречистого образа икону даровала и ее наместной поставила, — от иконы этой чудеса многие свершаются.

О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. СЛОВО 4

И вот еще дивное чудо, о котором расскажу вам. Пришли из того же богохранимого града Константинополя к игумену Никону иконописцы и стали говорить: «Поставь перед нами тех, с которыми мы рядились, хотим с ними тяжбу вести: нам они показали церковь малую, так мы и урядились с ними перед многими свидетелями, эта же церковь очень уж велика; вот возьмите ваше золото, а мы вернемся в Царьград». В ответ на это игумен спросил: «А кто рядился с вами?» Иконописцы же описали их внешность, сходную с обликом игумена Феодосия и Антония. И сказал им игумен: «О чада, не в силах мы показать их: десять лет тому как отошли они из этого мира, и теперь непрестанно молятся за нас, и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем».

Услышав такой ответ, греки, ужаснувшись, привели и других многих купцов, греков и кавказцев, которые пришли вместе с ними из тех земель. И сказали они: «Вот перед ними рядились мы, золото взяли из рук тех старцев, а ты не хочешь позвать их сюда. Если же они умерли, то покажи нам изображение их: пусть все увидят, те ли это?» Тогда игумен вынес перед всеми иконы их. Увидев лики святых, греки и кавказцы поклонились, говоря: «Воистину, это они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, и спасать, и охранять прибегающих к ним». И они отдали в монастырь мозаику, которую принесли было на продажу, ею теперь святой алтарь украшен.

Иконописцы же начали каяться в своем согрешении. «Когда, — говорили, — пришли мы в Канев на ладьях, то увидели в высоте эту великую церковь. И спросили мы бывших с нами: “Какая это церковь?” И нам ответили: “Печерская, которую вы должны расписывать”. Мы же, рассердившись, хотели плыть назад. И той же ночью поднялась буря сильная на реке. Утром же, когда мы проснулись, то оказались у Треполя, и ладья сама шла вверх по течению, как будто сила некая влекла ее. Мы же с трудом удержали ее и простояли весь день, размышляя, что бы это значило, что прошли мы за одну ночь, не гребя, такой путь, какой другие в три дня с трудом проходят? На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: “Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле Сына моего и моей; если не послушаетесь меня и захотите бежать, — я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви моей. И то знайте, что вы оттуда не выйдете, но, в монастыре моем постригшись, там и скончаетесь, и я вам дарую милость в будущем веке ради строителей этой церкви, Антония и Феодосия”. Мы же, на другой день вставши, хотели плыть вниз и гребли изо всей силы, а лодка шла вверх, против течения. Тогда мы, повинуясь воле и силе Божьей, покорились, и вскоре ладья под монастырем сама пристала».

Тогда все черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили великого Бога и чудотворную икону его пречистой Матери, и святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою монахами в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свитки их и ныне лежат на полатях, и книги их греческие хранятся в память чуда.

Когда игумен Стефан, демественник, который был изгнан из монастыря, увидал преславные чудеса — как пришли мастера, и принесли икону, и рассказали о видении Царицы во Влахерне, то сам создал на Клове церковь по подобию Влахернской. Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда еще юный, самовидцем был того дивного чуда, когда пая с неба огонь и выгорела яма, где потом заложено было основание церкви по размерам пояса. Слух об этом разошелся по всей земле Русской. Поэтому-то Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяславля, чтобы видеть то великое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем золотым поясом опоясали его, и он тотчас же выздоровел молитвами святых отцов наших Антония и Феодосия.

И во время своего княжения христолюбец Владимир, взяв размеры той божественной церкви Печерской, создал во всем подобную церковь в городе Ростове: такой же вышины, ширины и длины. И он на хартии записал, где и в каком месте церкви какой праздник изображен, и все это было повторено по образцу той великой, Богом ознаменованной

церкви. Сын же его, Георгий-князь, слышавший от своего отца Владимира о всем, что было с этой церковью, и сам в своем княжении построил в городе Суздале церковь в ту же меру. И все те церкви со временем разрушились; эта же, Богородицына, одна пребывает вовеки.

ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ, СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5

Были два неких человека именитых из города того, друзья между собой, Иоанн и Сергий. Однажды пришли они в церковь богонареченную и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили.

Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын Захария. И вот больной призвал игумена Никона и раздал все свое имущество нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию. Малолетнего же сына своего Захарию отдал на попечение другу своему, как брату верному, завещав ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда исполнилось Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Тот же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство, решившись ради этого жизнь с душою погубить, и сказал он юноше: «Отец твой все богатство свое Богу отдал, у того и проси золото и серебро: он тебе должен, может быть и помилует тебя. Я же ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему, раздав все свое имущество в милостыню, он тебя нищим и убогим оставил».

Выслушав это, юноша стал тужить о своем лишении. Обратился он с мольбой к Сергию, говоря: «Дай мне хоть половину, а половину оставь себе». Сергий же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария же стал просить третью часть и даже десятую. Наконец, видя, что он лишился всего, сказал Сергию: «Приди и поклянись мне в церкви Печерской, перед чудотворной иконой Богородицы, где ты вступил в братство с отцом моим».

Тот же пошел в церковь и, став перед иконой Богородицы, сказал, клянясь, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота; и

хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. И когда выходил он из дверей, то стал вопить: «О святые Антоний и Феодосии, не велите погубить меня этому ангелу немилостивому, помолитесь святой Богородице, чтобы отогнала она от меня бесчисленных бесов, которым я предан. Возьмите золото и серебро: оно спрятано в доме моем». И страх охватил всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой святой Богородицы.

Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так вот удвоил Господь богатство, вознаграждая творящих милостыню. Захария же все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы тот употребил их, как хочет. Сам же постригся и жизнь окончил здесь. На это золото и серебро построена была церковь Святого Иоанна Предтечи, где всход на полати, в память Иоанна-боярина и сына его Захарии, чьих было золото и серебро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

Освящена была церковь Печерская в 6597 (1089) году, в первый год игуменства Иоанна. И не было плиты каменной для сооружения жертвенника. И долго разыскивали, кто бы мог сделать жертвенник каменный, и не нашли ни одного мастера; тогда сделали деревянную доску и положили ее. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви был деревянный жертвенник, и из-за этого игумен пребывал в большой печали. Прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа вошли иноки в церковь петь, по обычаю, вечерню, и увидели, что у алтарной ограды лежит каменная плита и подпоры для устроения жертвенника. Тотчас дали знать об этом митрополиту. Он же восхвалил Бога и повелел свершить освящение и вечерню.

Долго разыскивали, откуда и кем принесена была эта плита и как в церковь внесена, когда она заперта была? И всюду расспрашивали, откуда она привезена была, водой ли или по суше, и нигде не нашлось никаких следов тех, кто привез ее. Послали туда, где делаются такие вещи, три гривны серебра, чтобы мастер взял деньги за свой труд. Посланные обошли все места и не нашли мастера. Мудрый создатель и помощник всех, Бог, сотворивший это чудо, жертвенник сделал, и положил, и утвердил его руками святительскими на приношение своего пречистого тела и святой крови, возжелав, чтобы его за весь мир во все дни приносили в жертву на том жертвеннике, который сам даровал.

На другой день пришли с митрополитом Иоанном епископы: Иоанн Черниговский и Исайя Ростовский, Лука Белгородский и Антоний Юрьевский, никем не званные, пришли они на чин освящения. И спросил их блаженный митрополит: «Почему пришли вы, когда вас не звали?» И отвечали епископы: «Владыка, посланец от тебя сказал нам, что четырнадцатого августа будет освящение церкви Печерской, и мы все должны быть с тобой на литургии. Мы не смели ослушаться твоего слова, и вот мы здесь». Антоний же, епископ Юрьевский, сказал: «Я был болен, и вот этой ночью вошел чернец ко мне и сказал мне: “Завтра освящается церковь Печерская, будь там”. И только что услышал я это, как сразу выздоровел, и вот я здесь по повелению твоему». И все удивились приходу епископов.

Святитель хотел разыскать тех людей, которые звали их, и вдруг раздался голос: «Да исчезнет испытывающий предначертанное!» Тогда митрополит воздел руки к небу и сказал: «Пресвятая Богородица! Как на успение свое ты со всех концов вселенной собрала апостолов, в честь своего погребения, так и ныне, на освящение своей церкви, созвала ты их наместников, наших сослужебников!»

И все в ужасе были от великих чудес. Обошли вокруг церкви трижды и начали петь: «Поднимите, врата, верхи ваши», — и не было никого в церкви, кто бы мог отпеть: «Кто есть сей царь славы?», потому что все до одного вышли из церкви. После долгого молчания вдруг из церкви раздался голос, похожий на ангельский: «Кто есть сей царь славы?» Стали искать, что это за голоса, откуда они и чьи. Когда же вошли в церковь, то двери были затворены, и ни одного человека не нашлось в ней. И стало ясно всем, что все свершается Божьим промыслом о той святой и божественной церкви.

После этого и мы скажем: «О бездна богатства и премудрости! Кто познает ум Господен или кто может быть советником ему?» Господь да сохранит вас и будет блюсти вас во все дни жизни вашей молитвами пресвятой Богородицы, и преподобных и блаженных отцов наших печерских Антония и Феодосия, и святых черноризцев монастыря того. С ними же да удостоимся и мы получить милость в этом веке и в будущем о Христе Иисусе Господе нашем, ему же слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7

Во время княжения самодержца Русской земли, благоверного великого князя Владимира Святославича, соблаговолил Бог, чтобы появился просветитель Русской земли и наставник иноков, о котором и будет это сказание.

Жил в городе Любече некий благочестивый муж, в которого смолоду вселился страх Божий, и захотел он стать иноком. Человеколюбивый же Господь вложил в его душу желание идти в страну Греческую и там постричься в монахи. Немедля устремился он в путь, странствуя за странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения Господа, и достиг Царьграда. И пришел он на Святую Гору, и обошел афонские святые монастыри, и, увидев эти монастыри на Святой Горе и жизнь тех святых отцов, превосходящую человеческие возможности, — оставаясь во плоти, они подражали ангельскому житию, — еще сильнее воспылал он любовью ко Христу и захотел повторить подвиги этих монахов. Пришел он в один из тамошних монастырей и умолил игумена, чтобы тот возложил на него ангельский образ иноческого чина. Игумен же, прозрев, что он свершит великие добрые дела, послушал его, постриг под именем Антония, наставив и обучив иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, в остальном подвизался в покорности и послушании, так что все радовались за него. И сказал ему игумен: «Антоний, иди снова на Русь, да будешь там и другим примером их успеха и утверждения в вере, и будет с тобой благословение Святой Горы».

Антоний же ушел на Русскую землю, и пришел в город Киев, и стал думать, где бы ему жить. Походил он по монастырям и не пожелал ни в одном из них поселиться: Бог не соблаговолил. И стал он ходить по лесам, и по горам, и по разным местам. Придя в Берестово, нашел пещеру, которую когда-то выкопали варяги, и поселился в ней, и жил в ней в великом воздержании. Через некоторое время после этого умер князь Владимир, и захватил власть безбожный и окаянный Святополк, и, сев в Киеве, стал избивать братьев своих: убил святого Бориса и Глеба. Антоний же, увидев такое кровопролитие, содеянное окаянным Святополком, снова удалился на Святую Гору.

Когда благочестивый князь Ярослав победил Святополка, то сел он в Киеве. И так как полюбил боголюбивый князь Ярослав Берестово и тамошнюю церковь Святых Апостолов, то многих священников содержал при ней. Был в ней пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, знаток божественного Писания и постник. И ходил он с Берестова к Днепру, на холм, где ныне старый монастырь Печерский, и здесь молился, ибо был тогда там лес дремучий. И выкопал он тут маленькую двусаженную пещерку, и, приходя из Берестова, пел псалмы, и молился Богу втайне.

И, по прошествии некоторого времени, Бог вложил в сердце благоверному великому князю Ярославу благую мысль: собрал он в 6559 (1051) году епископов и поставил Илариона митрополитом в Святой Софии, а пещерка его сохранилась.

Когда Антоний находился на Святой Горе, в монастыре, где свершилось его пострижение, то было от Бога возвещение игумену. «Отпусти, — сказал он, — Антония на Русь, нужен он там». Призвал его игумен и сказал: «Антоний! Иди снова на Русь, такова воля Бога, и будет с тобой благословение от Святой Горы, и многие от тебя черноризцами станут». И, благословив, отпустил он его, и сказал ему: «Иди с миром!»

Когда же Антоний вернулся в Киев и пришел на холм, где Иларион вырыл малую пещерку, полюбилось ему место это, и поселился он здесь. И начал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня на месте этом, и да будет благословение на нем Святой Горы и молитва отца моего, который постриг меня». И стал он жить тут, молясь Богу. Пищей же его был хлеб сухой, и воды пил в меру; и копал он пещеру, и, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах. Потом узнали о нем люди, стали приходить к нему, принося, что было нужно. И прошла о нем слава, как о Великом Антонии, и начали приходить к нему, прося от него благословения.

Потом же, когда умер князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел на киевский стол. Антоний к тому времени уже прославился по Русской земле. Князь же Изяслав, прослышав о житии его, пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы. И сделался известен всем великий Антоний, и почитали его все. И начали приходить к нему боголюбивые люди, чтобы постричься, и он принимал их и постригал. И собралась у него братия около двенадцати человек. И Феодосии, к нему придя, постригся. Выкопали они пещеру большую, и церковь, и келий, которые целы и теперь в пещере, под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им великий Антоний: «Это, братия, Бог объединил вас, и благословение на вас Святой Горы, с которым меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг; и да будет же на вас благословение: во-первых, от Бога и пресвятой Богородицы, во-вторых, от Святой Горы!» И сказал он им еще: «Живите теперь сами по себе, и я поставлю вам игумена, а сам пойду на другую гору и там останусь один». Как я уже сказал — привык он к уединению. И поставил он

игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем; в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, никогда и никуда не выходив из пещеры. В ней же лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне.

Игумен же и братия продолжали жить в пещере. И умножилось их число, и не могли они уже в пещере вместиться, и задумали они рядом с пещерой поставить монастырь. И пришли игумен и братия к святому Антонию, и сказали ему: «Отче! Братии стало так много, что не можем поместиться в пещере, да благословит Бог и пречистая Богородица, и твоя молитва, чтобы нам поставить маленькую церковь вне пещеры». И разрешил им преподобный. Они же поклонились ему до земли и вышли. И поставили церковку маленькую над пещерой во имя Успения святой Богородицы.

И стал Бог, молитвами пречистой Богородицы и преподобного Антония, умножать черноризцев, и братия, посоветовавшись с игуменом, решили построить монастырь. И пошли опять они к Антонию, и сказали ему: «Отче, братия умножается, и хотим мы построить монастырь». Антоний же возрадовался и сказал: «Благословен Бог за все, молитва святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами!» И сказав это, послал одного из братии к князю Изяславу, говоря так: «Княже благочестивый, Бог умножает братию, а местечко маленькое, просим у тебя, чтобы дал ты нам гору ту, что над пещерой». Князь же Изяслав, услышав это, обрадовался и послал к ним боярина своего, чтобы передать им гору ту.

Игумен же и братия заложили церковь большую и монастырь, обнесли оградой, и много келий поставили, и, поставив церковь, украсили ее иконами. И с тех пор прозвался монастырь Печерским, потому что черноризцы прежде жили в пещере. И с тех пор называется он Печерским монастырем, и на нем благословение Святой Горы.

Когда монастырь уже был основан, а игуменствовал в нем Варлаам, князь Изяслав поставил монастырь Святого Дмитрия и перевел Варлаама на игуменство в монастырь Святого Дмитрия; надеясь на богатство, он хотел сделать свой монастырь выше Печерского. Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами и лощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом, как я уже рассказал.

Когда Варлаам ушел в монастырь Святого Дмитрия, то братия, посоветовавшись, пошли к старцу Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена». Он же спросил: «Кого хотите?» Они же ответили ему: «Кого хочет Бог, и пречистая Богородица, и ты, честной отче». И сказал им великий Антоний: «Кто еще есть среди вас столь послушлив, кроток и смирен, как блаженный Феодосии? Пусть он и будет вам игуменом». Все братья рады были, поклонились ему до земли, и поставили Феодосия игуменом. Было тогда братии двадцать человек.

Принявши монастырь, Феодосии ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами. И стал принимать он многих черноризцев, и собрал братии сто человек. И начал он разыскивать устав монастырский, а в это время оказался тут честной инок Михаил из монастыря Студийского, который пришел из Греции с митрополитом Георгием. И начал Феодосии расспрашивать его об уставе иноков студийских, и, найдя у него устав, списал его. И установил в монастыре своем, как петь пение монастырское, как поклоны держать и чтение читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и как за трапезой сидеть, и что есть в какие дни. Все это по уставу Феодосии определил и ввел в своем монастыре, а от того монастыря переняли все русские монастыри этот устав. Потому и честь Печерскому монастырю, так как древнее он всех и честью выше всех.

И так жил Феодосии в монастыре, ведя добродетельную жизнь, соблюдая иноческое правило и принимая всякого, приходящего к нему.

Пришел к нему и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду. И вот я написал это и изложил, в каком году возник монастырь и почему называется Печерским. А о житии Феодосия ниже расскажем. <...>

НЕСТОРА, ИНОКА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

«Когда умножаются праведники, веселится народ», — сказал премудрый Соломон. Обычай ведь есть в божественный праздник торжества духовного ликованию предаваться богоименитым людям, по словам мудрого Соломона: «Праведник, если и умрет, — жив будет, и души праведных в руке Божьей». Прославляет Господь славящих его, как воистину этого блаженного и доблестного мужа, высокого житием, чудного добродетелями, неутомимого в чудесах, блаженного Феодосия.

Соблаговолил Бог явить своего угодника, что воистину и свершилось по воле Божьей через восемнадцать лет после преставления преподобного.

В 6599 (1091) году все иноки пречистой Печерской лавры, собравшись вместе со своим наставником игуменом, единодушно порешили перенести мощи преподобного Феодосия.

Подобает за это хвалу принести им: воистину блаженны отцы, и мудро решение ваше. О Богом собранный совет! О постнический великий собор! О пречестное воинство! О благое объединение, ведь сбылось на вас изречение Отца, сказавшего: «Что может быть лучше и прекраснее, чем единение братии». Воистину добр замысел ваш, отцы, громогласнее трубы слова решений ваших. С истинным своим пастырем пожелали быть всегда вместе, — нельзя было не восклицать: «Лишены мы отца и учителя!» И все, как едиными устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего Феодосия, не подобает нам быть без пастыря, а пастырю не подобает Богом порученных ему своих овец оставлять, чтобы страшный зверь не пришел и не разогнал стадо Христово словесных овец; пусть придет пастырь в свою ограду и цевницею духовной вострубит, пусть пастырская свирель оградит нас от нападения коварного зверя и блюстителя жизни нашей и ангелов-хранителей призовет». Все единогласно друг другу говорили: «Подобает нам, братья, всегда пред очами своими честную гробницу отца нашего Феодосия видеть и достойное поклонение всегда ему творить, как истинному отцу и учителю. Негоже лежать преподобному отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал ее и черноризцев собрал».

И совет сотворив, не медля повелели устроить место, где положить мощи святого, и гробницу каменную поставили. В это время приспел праздник пречестного Успения святой владычицы Богородицы; и за три дня до праздника Божьей Матери повелел игумен в пещеру идти, чтобы то место отметить, где лежат мощи святого отца нашего Феодосия. По его же благому изволению и по повелению игумена и я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святые мощи Феодосия. Да будет вам известно, что истинную правду поведаю я, так как не от кого-то другого это слышал, но сам был зачинщиком этого дела.

Пришел игумен и сказал: «Пойдем, чадо, в пещеру к преподобному отцу нашему Феодосию». И пришли мы в пещеру втайне от всех. Когда рассмотрели мы, куда копать, и обозначили место, где раскапывать, — в стороне от входа, — то сказал мне игумен: «Никому не сообщай об этом, кроме того, кого по своему желанию возьмешь в помощники, и пусть не знает об этом ни единый из братии, пока не вынесем мощи святого из

пещеры». Я же приготовил в тот день лопаты, чтобы копать. Был вторник. Поздно вечером взял я с собою двух монахов, мужей особо добродетельных, никто другой об этом не знал. И как только пришли мы в пещеру, то, сотворивши с поклонами молитвы и отпев псалмы, принялись за дело. Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать другому брату; и так раскапывали мы до полуночи и не могли обнаружить мощей святого. И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум другая мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв лопату, начал снова усердно копать. Монах же, который был со мной, стоял перед пещерой, и, когда услыхал он, как ударили к заутрене в било, сказал мне брат: «Ударили в церковное било!» Я же в это время докопался до мощей святого, и, когда он мне говорил о том, что бьют в било, я сказал ему: «Докопался я, брат!» И когда раскопал я мощи святого, то великий страх охватил меня, и стал я взывать: «Преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй меня!»

В это самое время два монаха в монастыре не спали, и стерегли, когда игумен, утаившийся с кем-то, будет тайно переносить мощи преподобного, и прилежно наблюдали за пещерой. И как ударили в церковное било к заутрене, то увидели они три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви Пречистой, где потом положен был преподобный Феодосии. И это увидели все монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе. Было им до этого извещение о перенесении мощей святого, и сказали они: «Это переносят мощи честные преподобного Феодосия из пещеры». Когда наступило утро и уже занялся день, то слух об этом распространился по всему городу, и множество людей пришло со свечами и фимиамом.

Великий же и преславный Стефан, о котором уже говорилось в Житии блаженного, бывший игуменом после Феодосия, а по отшествии из монастыря поставивший на Клове свой монастырь, и потом по благословению Божьему ставший епископом города Владимира, в это самое время находился в своем монастыре, и увидел он ночью за полем зарево великое над пещерой. Подумал он, что это переносят честные мощи святого Феодосия, а его накануне известили об этом; и, сильно огорчившись, что без него переносят мощи святого, он в тот же час сел на коня и быстро поскакал к пещере вместе с Климентом, которого он поставил игуменом на свое место. И пока они ехали, то видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет.

Когда подошли они к дверям пещеры, мы сидели у мощей святого. Я же, когда докопался до мощей, послал к игумену, говоря: «Приди, отче, да вынесем мощи преподобного». Пришел игумен с двумя иноками. И

когда раскопали как следует и наклонились, то увидели, что лежат его мощи достойно его святости, и все части тела целы, и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, а лицо преподобного светло, а очи закрыты, и добро-гласные уста его сомкнуты. И так, возложив на одр святые его и честные мощи, вынесли их из пещеры. На другой же день, изволением Божьим, собрались вместе епископы и пришли к пещере, имена же их: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Марин Юрьевский, Иоанн Черниговский, Антоний Поросский. И игумены из всех монастырей с множеством черноризцев пришли, и люди благочестивые. И взяли пречестные мощи святого Феодосия из пещеры с множеством свечей и фимиамным каждением; как уже говорилось, множество народа со свечами в руках пришло из города встречать святого; и принесли его в богосозданную пречистую церковь, и возрадовалась пречистая церковь, восприяв своего служителя. И было видно в церкви, как свет свечей сиял ярче дневного света; прикасаясь к святому, святители лобызали мощи его, иереи, припадая к нему, с любовью целовали, пришедшие же с народом иноки прикасались к остаткам одежды святого, песни духовные к Богу воссылая и благодарственные хваления святому принося. И так положили его в его церкви Божьей Матери в притворе на правой стороне в четырнадцатый день месяца августа, в четверг, в час дня; и светло отпраздновали день тот.

В 6616 (1108) году игумен Феоктист начал с мольбою просить благоверного великого князя Святополка, чтобы стали поминать имя святого преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, в Синодике, ибо Бог так соизволил. Святополк с радостью обещался сделать так; зная житие его, Святополк сам начал всем рассказывать о житии преподобного Феодосия. И свершил это митрополит, повелев включить святого в Синодик. Повелел митрополит всем епископам вписать имя святого Феодосия в Синодик. И все епископы с радостью вписали имя святого и преподобного отца нашего Феодосия и поминают его на всех соборах и доныне.

О проречении святого. И этого нельзя молчанию предать, но поведаю вам вкратце о сбывшемся пророчестве святого отца нашего Феодосия.

Еще при жизни блаженного Феодосия, когда он игуменствовал и управлял порученным ему Богом стадом, то пекся он не только о единых черноризцах, но и о мирянах заботился, о душах их, как бы им спастись; особенно же о детях своих духовных, утешая и поучая приходящих к нему, а иногда и сам домой к ним приходил, чтобы дать благословение. И был некий благочестивый вельможа, духовный сын святого, по имени Ян. И вот однажды пришел Феодосии в дом к Яну и жене его Марии, а оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую

верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосии, что жили они по заповедям Господним и в любви меж собой пребывали.

И когда пришел он к ним, то стал учить их о милостыни к убогим, и о небесном царствии, ожидающем праведников, и о муках грешников, и о смертном часе. И о многом говорил он еще от божественного Писания, в конце концов дойдя и до слов о том, когда положены будут тела их во гроб. Благочестивая жена Яна, выслушав поучения преподобного, спросила его: «Отче, честной Феодосии, кто знает, где меня похоронят?» Боговдохновенный же Феодосии, даром пророческим исполненный, ответил: «Поистине возвещаю тебе — где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут». И сбылось это через восемнадцать лет после преставления святого. Преподобный Феодосии умер за восемнадцать лет до перенесения из пещеры тела его, а когда перенесли мощи святого, то тогда же, в этот же год и месяц, преставилась жена Яна Мария, в шестнадцатый день месяца августа. И пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли, и положили тело ее в церкви Святой Богородицы Печерской напротив гробницы Феодосия, на левой стороне. Преподобный положен был четырнадцатого августа, а она — шестнадцатого.

Вот каков был досточудный этот муж — сбылось пророчество преподобного Феодосия, истинного пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и оберегая их, молясь за порученное ему стадо, и за всех православных христиан, и за землю Русскую. И по отшествии своем из сего света молится он за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на его гробницу и вспоминая поучение его и воздержание, прославляют Бога.

Я же, грешный и недостойный раб его и ученик Нестор, недоумеваю, как восхвалить доброе его житие и воздержание, но скажу хотя бы немного. Радуйся, отче наш и наставник, мирскую суету отвергнув и молчание возлюбив! Радуйся, послуживший Богу в тишине и в монашеском житии, преисполнившись божественным даром! Радуйся, отче, лощением вознесшийся, и плотские страсти возненавидивший, и мирские наслаждения и желания света сего отринувший! Радуйся, идущий по стопам высокомысленным вослед отцов, молчанием возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие! Радуйся, укрепившийся надеждой вечных благ, которые и восприял! Радуйся, преподобный, умертвивший плотское мудрствование и источник беззакония и мятежа усмиривший! Радуйся, козней и сетей бесовских избегший! Радуйся, что с праведными, отче, почил, восприяв за труды свои награду! Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал

Великому Антонию, основателю монашества, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к Богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным! Радуйся, победивший мирские похоти и миродержца-князя тьмы века сего! Радуйся, поправший сопротивника дьявола и козни его победивший, твердым помыслом оградившись от вражеских его стрел! Радуйся, укрепившийся оружием крестным и непобедимой верой, помощью Божьей!

О честный пастырь Христова стада, богомудрый Феодосии, молись за нас и за меня, раба твоего Нестора, чтобы избавились мы от сети вражеской, и от дьявола охрани нас своими молитвами о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же подобает слава, честь и поклонение с безначальным его Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим его Духом ныне, и присно.

О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 10

Через некоторое время захотел Георгий, сын Симона и внук Африкана, оковать гробницу преподобного отца Феодосия, что и сделал.

Послал он одного из подручных бояр своих, именем Василия, из города Суздаля в богоименитый город Киев, в Печерский монастырь, чтобы оковать гробницу преподобного Феодосия, и дал ему Георгий пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота на окование гробницы преподобного. Василий взял деньги и нехотя отправился в путь; проклиная жизнь свою и день рождения своего, так говорил он в уме своем: «Что это задумал князь столько богатства погубить? И какая награда ожидает его за то, что он окует гроб мертвеца? Но что даром получено, то даром и брошено! Хуже всех же мне одному, не смеющему ослушаться господина своего! Чего ради я дом свой оставил, для кого в этот горький путь иду? И от кого честь приму: не к князю я послан и не к иному вельможе. Что я скажу, или разговаривать, что ли, стану я с этим гробом каменным, и кто ответит мне? Кто не посмеется моему безумному приходу?» Это говорил он своим спутникам, и многое другое.

Святой же явился ему во сне и кротко сказал: «О чадо, я хотел тебя вознаградить за труд твой; но если не покаешься, тяжкие ждут тебя испытания». Однако Василий не переставал роптать, и великую беду

навел на него Господь за грехи его: кони все у них пали и все, что у них было, украли воры, кроме посланного с Василием сокровища. Василий же открыл сокровище, посланное на окование раки святого, и взял оттуда пятую часть золота и серебра, и истратил на себя и на коней; и не уразумел он, что гнев претерпел за хулу свою.

И когда приехал он в Чернигов, то упал с коня и так разбился, что не мог и рукой пошевелить. Бывшие с ним положили его в ладью и привезли его под Киев, когда наступил уже вечер. И в ту же ночь явился ему святой, говоря: «Василий, не слышал разве ты Господа, говорящего: “Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители”. Хорошо уразумел сын мой Георгий слова Господа, сказавшего: “Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника”. Ты же за труд свой увенчан был бы, и такой славы никто еще не удостаивался, какую принял бы ты вместе с Георгием; ныне же всего этого лишился ты, однако не отчаивайся за жизнь свою. Но не иначе ты исцелишься, как покаявшись в согрешении своем: прикажи, чтобы отнесли тебя в Печерский монастырь, в церковь Святой Богородицы, и пусть положат тебя на гробницу мою, и ты будешь здоров, а истраченное тобой золото и серебро найдешь целым». И все это наяву произошло с Василием в ту ночь, а не во сне, когда являлся ему преподобный Феодосии.

Утром же пришел к нему князь Георгий со всеми боярами, и, видя его в столь горестном состоянии, опечалился за него и ушел.

Василий же поверил видению святого и велел свезти себя в Печерский монастырь. Когда они были уже на берегу, вошел некто неизвестный к игумену, говоря: «Скорее иди на берег, приведи Василия и положи его на гроб преподобного Феодосия, и, когда он отдаст сокровище, обличи его перед всеми, сказав, что он взял себе пятую часть из него, если же он покается, то верни ему». И сказав это, сделался невидим. Игумен стал искать, что за человек являлся ему, и никто не видал, ни как он входил, ни как вышел. Тогда игумен пошел к Днепру, ввел Василия на гору и положил его на гробницу святого, — и встал Василий цел и здоров всем телом, и подал он игумену четыреста гривен серебра и сорок гривен золота. Игумен же сказал ему: «Чадо, а где еще сто гривен серебра и десять — золота?» Василий же начал каяться, говоря: «Я взял и растратил; подожди, отче, все тебе отдам; я хотел скрыть это, думая утаить от всевидящего Бога». Тогда высыпали деньги из сосуда, в котором они были запечатаны, сосчитали перед всеми, и оказалось все сполна: пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота, — и все прославили Бога и святого Феодосия. И тогда начал Василий рассказывать все по порядку: явление святого и деяния его.

На другой день князь, взявши с собой лекарей, пришел в то место, где был прежде Василий, чтобы лечить больного, и не застал его. Узнавши же, что Василия отвезли в Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь поспешно отправился в монастырь и нашел его здоровым, как будто он никогда не болел. И, услышав от него о дивных чудесах, князь поразился, и, радостию духовной преисполнясь, поклонился чудотворному гробу великого Феодосия, и ушел.

Узнав о случившемся, Георгий Симонович, тысяцкий, приложился еще больше душой к святой Богородице и святому Феодосию, и к обильному своему подаянию прибавил гривну, которую носил, весом в сто гривен золота, и написал так: «Я, Георгий, сын Симонов, раб пресвятой владычицы Богородицы и святого Феодосия, благословен был святою рукой его: некогда болел я три года глазами, так что и луча солнечного не видел, и по его слову исцелился, услышал из уст его: “Прозри!” — и прозрел. И вот поэтому пишу грамоту сию до последнего в роду моем, чтобы никто не был отлучен от дома пресвятой владычицы Богородицы и преподобных Антония и Феодосия. Если же кто и в крайнее убожество впадет и не сможет ничего дать, пусть будет положен хотя бы в селениях церкви той: везде ведь молитва Антониева и Феодосиева помогает. Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславовича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами, живущие в селе том, не знали о случившемся, и, лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему. Я пишу вам об этом потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия; он обещал отцу моему Симону как о своих черноризцах, так и о нас молиться. Молитву эту велел отец мой, веря в обет святого, вложить в руку его, когда будет в гроб положен, и открыто явился он одному из тех богоносных отцов, и сказал ему так: “Передай сыну моему Георгию, что я получил все блага по молитве святого, постарайся и ты, сын мой, идти по моим следам добрыми делами”. Если же кто не захочет благословения и молитвы святого отца Феодосия и уклонится от него, возлюбя проклятие, да получит возмездие». И вот поэтому правнуки Симона любовь имеют к храму Святого Дмитрия, — у них в нем место свое есть, и если кто-нибудь из них лишится его, тот проклят своими прародителями и отцами, ибо своей волей такой отрекается от молитвы святого, и благословения, и обещания преподобного отца Феодосия.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНАСТЫРЬ КОТОРОГО В БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ. СЛОВО 11

Когда воздается похвала праведнику, то веселится народ. Радостью и весельем наполнен день, когда муж праведный и преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет и с ангелами водворяется, и Бога зреть сподобляется. В сей день преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник и пастырь, великий среди отцов отец Феодосии, первый светильник, защитник и чудотворец земли Русской.

Где еще есть сей радости большая, чем то, что сподобились мы видеть отшествие к Богу отца и учителя нашего, принявшего венец нетления и близ престола Владыки предстоящего всегда и дерзновение имеющего молить о нас Владыку? Ведь радуется сын, и не только сын, но и рабы, видя господина своего в милости у земного царя за многие рати и победы над врагами царя. Мы же, сыновья и рабы господина своего, ликуем и радостно празднуем, восхваляя его подвиги и победу над духами нечистыми, и то, что он великую честь получил у Господа Вседержителя и для многих исходатайствовал жизнь вечную. И кто сможет достойно восхвалить или прославить земного ангела и небесного человека?

Люди, пребывающие во тьме и в глубокой тени, увидели свет веры через апостола нашего, посланного Богом, — князя Владимира: сам Бога познав святым крещением, он и нам его открыл, покров неведения с душ наших сорвав, и светлостью в Троице славимого Божества просвещены мы были. Другой же путь Христос своим ученикам указал, сказавши: «Всякий, кто оставит отца и мать, город и села свои ради меня, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует царство небесное». От кого же мы узнали сей путь и бремя легкое Иисусово и кто показал нам, как взять на себя крест и последовать за Христом? Только этот преподобный отец наш Феодосии! Были и прежде Феодосия уходящие от мирской жизни и шедшие трудным путем к спасению, но от него порядок и устройство всех в Руси монастырей происходят. Нет ведь никого другого, кто бы раньше него смог такое самоотречение проявить, как он с учителем своим, блаженным Антонием, ибо исполнил он притчу Господа, который сказал: «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то одно останется; а если умрет, то много плода принесет». Умертвившись для всего мирского, ожил он во Христе и обильный плод принес, породив его духом и сохранив добродетелью своею и правдой, и умножил он талант, данный ему Богом, и сбылось над ним сказанное Богом: «Добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многими тебя поставлю». О таких, как он, сказал Христос: «Многие последние будут первыми, а первые последними».

Сей, хотя и в нынешние времена явился, но крепость и любовь к Богу, которые в нем сияли, многих, прежде него бывших подвижников, превзошли. Уже в юном возрасте он земных благ гнушался и о небесном помышлял, от чрева матери был чистым сосудом для Святого Духа, невзлюбил он славу мира сего, нищету добровольно воспринял и во всем уподобился Господу своему. Красоты мимотекущие ни во что вменив, об одном только помышлял, — как бы прийти, предстать пред лицом Бога, наедине с ним общаться в молитве. И от матери многие и жестокие истязания принял он, ибо этим хотел отвратить злой враг святого отрока от доброго помысла; предвидя, окаянный льстец, что от него побежден он будет, многие беды обрушил он на него. Благодать же Божия вела его туда, где, как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир, и, видения не лишенный, предначертанное свыше принял, разумом восходя ежедневно на высшее, по апостолу, — «забывая заднее и вперед простираясь». Был он послушлив безмерно родившей его, но более того стремился исполнить Божественные повеления; уразумев мудростью Духа Святого, что препятствуют заботы о мирском заповеди Божественные исполнить, все отверг он и помыслил Господу посвятить себя, говоря: «Лучше мать огорчить на малое время, пока наконец не даст ей Господь разум суетным пренебречь, нежели царства Господнего лишиться».

Пришел он в город Киев, наставника ища и учителя, который ясно открыл бы ему путь божественный; и, долго искав, нашел, — не оставляет Господь без наград стремящихся к доброму. Мужа чудного встретил он, совершенного в рассуждении, и многоразумного, и пророческим даром обладающего, которого звали Антоний. К нему пришел блаженный Феодосии, юный возрастом, разумом же старый. Все повеленное ему учителем усердно исполнял он и больше того, и был, если сказать по Иову, — «око слепым и нога хромым»; апостольское слово, в котором сказано: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», всегда в сердце держал. Сей же блаженный не за одного или за двух понес бремя, но всей братии служил и всем помощь оказывал. Многие из них покой обретали служением его. С помощью Бога, который даровал ему силу телесную, творил он это во все дни, и никогда службы церковной не пропускал и правила келейного никогда не нарушал, и к уставу монастырскому, который написал для доброго труда и благого послушания, с великим прилежанием относился. За это Господь и возвеличил его.

Тот, кто работал как самый последний из всех и всем слугой служил, над всеми ними пастырем, и отцом, и учителем поставлен был. Когда князь перевел Варлаама-игумена из Печерского монастыря в другой, Феодосии, хотя он очень и не хотел этого, но не смея ослушаться своего учителя Антония и убедившись, что это Божье произволение, принял на себя игуменство неволею и еще большему труду предался, помышляя печься по мере сил своих о нуждах монастыря, а еще более того о духовном деле заботиться. И говорил себе святой Феодосии: «Приложу

к трудам труды и к подвигам подвиги, а то как предстанешь перед своим Владыкой, если стада его в целости не сохранишь? Или как скажешь: “Вот я и дети, которых ты мне дал, Боже”?» После того все ночи без сна пребывал он: то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая. И, в старейшинстве пребывая, не оставил он своих благих привычек: иногда воду носил, иногда же дрова колол, подавая собой пример всей братии. А когда приспевал Великий пост, тогда воин Христов Феодосии от всех земных дел отстранялся: уходил от братии, и в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней Великого поста наедине, с Единым через молитву беседовал. Кто сможет поведать его подвиги, и страдания, и рыдания слезные, и пост жестокий, и борьбу с лукавыми духами? А когда приближался светлый день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил как Моисей с горы Синайской, душою сияя ярче лица Моисеева, и во все годы жизни своей этого обычая он не нарушил.

Тогда и откровения Божьего сподобился он: о дне исхода своего узнал, в который из сего света в жизнь бесконечную повелено ему уйти. Не утаил от друзей и учеников своих, что к Богу идет, и обещался молиться Богу о доме пречистой Матери и о стаде чад своих до самого пришествия Господа Бога нашего. И как обещался, так и сделал.

И каких великих сподобился наград от Бога, такую и милость Господню подает нам во все времена и годы, приходя и посещая, обороняя и сохраняя и оберегая стадо свое от врагов душ наших. Кто, молив о спасении у гробницы святого, не получил надежды? Или кто, призвав с верою имя его святое, не избавился от горести душевной и не исцелился от болезни телесной? Это нам апостол и проповедник, сей нам пастырь и учитель, сей нам вождь и руководитель, сей нам стена и ограда, похвала наша великая и дерзновение наше к Богу.

Сегодня нам, братья, радоваться и веселиться духовно подобает, и благоукрашаться, и праздновать радостно, имея пред очами нашими гробницу преподобного отца нашего Феодосия, в которую ныне положено многострадальное и святое тело, излучающее чудеса во все концы Русской земли. Эта гробница приняла сокровище бесценное, сосуд Святого Духа, орудие божественное, честное тело отца нашего и учителя. На нее смотря, как на самого взираем, ибо если и в гробе лежит святой, но духом с нами всегда и нас видит. Если по заповеди его живем и повеления его сохраняем, то радуется он и милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как детей возлюбленных. Если же перестанем радеть о своем спасении и наставления его не сохраним, то и сами помощи его лишимся.

О святой отче Феодосии! Сам восполни недостатки наши своими добродетелями, без твоей ведь помощи не сможем мы ничего благого свершить, и в день преставления твоего с любовью, вместе собравшись, взываем к тебе. Радуйся, просвещение Русской земли, ибо как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил ты! Радуйся, учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого жития! Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись! Радуйся, умноживший стадо словесных овец в доме Божьей Матери, какого ни одного ни до тебя, ни после тебя в земле нашей не было! Радуйся, насадитель виноградника Христова, побеги которого протянулись до моря и до рек разрослись ветви его: нет ведь стороны такой, ни места такого, где бы не было лозы виноградника твоего! Радуйся, откровения Божьего вместилище и строитель дома пречистой Матери Божьей, который ты создал и великолепием украсил и в дар Богородице принес! Радуйся, умноживший талант господину своему, от которого десять талантов получил и тысячу на них приобрел! Радуйся, на духовном пастбище сада Христова вскормивший множество словесных овец, с него же вкусивши, и иных земель овцы в доме Божьей Матери остались, и вместе с верными твоими детьми духовными соединились! Радуйся, источник сладкий, испив из которого, целые полки иноков божественную жажду утолили, и без труда путь жестокий прошли, и вселились при истоках вод превысочайших! Радуйся, пастырь и учитель, сберегший стадо от волка мысленного непорочным и невредимым, и начальнику пастырей, Христу, приведший его! Радуйся, столп огненный, светлее, чем явившийся при Моисее: тот освещал как свет обычный, ты же духовно просветил новых израильтян, через пустыню соблазна житейского провел их, и амалекитян мысленных духовными лучами устрашил, и в землю обетованную вывел, скажу точнее, — в райские пределы, где ученики твои ликуют! Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга пречистой Божьей Матери, которая не нашла другого, кроме тебя, строителя дома своего, его же она возлюбила и обещалась оказывать милость ему благодатию даров своих, что и сбылось! Радуйся, отче Феодосии, наша слава и великолепие!

Лавра твоя славится тобою, и во всех концах вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды, на тверди небесной: исполнителями заповедей Божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества Бог сподобил их, дар прозрения от Святого Духа восприняли и слова Божественного были учителями. Приходили в нее цари, и поклонялись князья, и покорялись вельможи, и трепетали сильные мира сего, ужасались иноязычники, видя людей небесных, по земле шествующих. Как к престолу Господню, в дом Божьей Матери собирались иноки, воспевая песнь ангельскую беспрестанно; и с ангелами вместе сходились они у жертвенника Господня, одних ясно видя ангельский образ, с другими же мысленно и духовно беседовали и узнавали душой, когда приходили Божий ангелы; и многие из них въяве духов лукавых изгоняли и страшны были для них.

Таковы вот отрасли твоего виноградника, таковы ветви корня твоего, таковы столпы твоего храма, таковы дети, тобой порожденные, таковы отцы твоей лавры! Ибо, отче, подобает таким ученикам от такого учителя быть; ибо воистину истекла из уст твоих река Святого Духа, которую указал сам Христос, сын Божий, когда сказал, уча иудеев: «Кто верует в меня, у того из чрева потекут реки воды живой». Это же сказал он о Духе, который хотели принять верующие в него. Та река, нигде не останавливаясь, беспрестанно утоляет жажду чад своих до скончания лет. Ту реку изливая, апостолы привели все народы к Богу; из той реки пия, мученики пренебрегли плотью своей и предали тела свои на истязание и на муки различные; из той реки пия, святые отцы оставили города и села, богатство и дома свои, и стали жить в горах, и в дебрях, и в пещерах земных; из той реки пия, ученики твои пренебрегли всем земным, и устремились к небесному, и получили то, к чему стремились, — вселились в селения Бога, где пребывают сонмы бесплотных. И вот мы, им последуя, пришли в дом Божьей Матери под твое покровительство и твою защиту, возложив все упование наше на пречистую деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосии!

Если мы и не сподобимся идти путем первых твоих учеников, но помня, что сказали святые твои уста: «Если кто окончит жизнь свою в дому пречистой Божьей Матери, уповая на мою помощь, хотя и не свершит подвигов, я это возмещу и Бога умолю о них», — на эти слова надеясь, с мольбою призываем тебя. Сам знаешь, преподобный, хотя мы и молчим, что дни наши пропали в суетности мира этого, и, лишь образумившись, возложили мы на себя иго Христово, и пришли в дом пречистой владычицы нашей Богородицы, в ограду святую твою. Не предай же нас врагам душ наших, ибо ополчились они на нас, и пленяют нас беспрестанно, и различными помыслами поражают сердца наши, и совращают нас с пути Божьего разумения, и побуждают нас стремиться к мимотекущему и тленному, и вконец низвергают нас в глубину греховную. Но тебя, кормчий, обрели мы: направь нас к пристани тихой, и бурю душевную успокой, и помолись за нас общему Владыке, чтобы подал он нам голос и слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей его. Если мы от заповедей Господних отклонились и по лености своей нарушаем устав монастырский, тобою составленный, то за нашу веру к пречистой Деве и к тебе, отче святой Феодосии, да причтет нас Господь к сонму чад твоих, которые шествовали безупречно по стезям правды, и не отлучит нас от лицезрения сияющего лика своего, когда возьмет нас отсюда.

И еще при жизни нашей будь с нами и сохрани от многоразличных козней и дел вражеских, которые отвлекают от Бога, молитвою своей помоги нам жить беспорочно и богоугодно, подними души наши, погрязшие из-за лености в земном, подай бодрость и крепость духовную и старые грехи отпусти. Хотя нерадение духа нашего пересилило нас,

но, имея тебя пособником и помощником и в лавре твоей находясь, надеемся с твоей помощью чистыми перед Богом предстать и не попасть во власть врагов, видимых и невидимых. Сам ведь ты своим ученикам сказал, когда Богом повелено тебе было покинуть мир этот: «Да будет вам известно, чада, если по отшествии моем к Богу начнет в месте сем число иноков увеличиваться и монастырские достатки станут умножаться, то пусть это будет вам свидетельством, что угоден я Богу и молитва моя принята им». Мы же, отче, достоверно знаем по равноангельскому житию твоему и по страстотерпческому твоему подвигу, что еще до исхода своего из сей жизни угоден ты был Вседержителю Богу. Еще сильнее по исходе своем ты подтвердил пророчество, что должно место это пречистой Богородицы и твоя святая лавра процвести славою и величеством. Ты сказал, что беспрестанно будешь молиться о святой обители своей, и свершилось истинное и неложное обещание твое, ибо после преставления твоего никем не захвачено и не разрушено было место твое, но с каждым годом росло и расширялось.

Когда же умножились грехи наши, и свершились беззакония наши, и злоба наша Бога прогневала, то тогда Божиим попущением, из-за грехов наших, разрушены были храмы, и монастыри разорены были, и города пленены, и села опустошены народом незнаемым, народом немилостивым, народом бесстыдным, который Бога на боится, ничего человеческого в себе не имеет. И до сих пор мы в рабстве у них, и в обиде злой, и в муке лютой, и припадаем мы к тебе, с мольбой взывая: простри руки свои с молитвой к владычице деве и пречистой Богородице, да вспомнит она милости свои прежние об обители сей, которые она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь свою святую, которую она сама пожелала воздвигнуть в жилище себе; пусть умножит она стадо обители твоей и оказывает ей милость, как и раньше, соблюдая и укрепляя, заступаясь и храня от врагов, видимых и невидимых, чтобы свободными мы стали духом и телом, чтобы в свете сем временном могли мы жить богоугодно, не обладаемые никем, кроме как пречистой Богородицей и тобою, преподобный Феодосии, как и прежде отцы наши.

Зная о твоем милосердии, дерзнул я составить тебе похвалу: не потому, что я в силах достойную тебе похвалу написать, но надеясь награду от тебя получить, отче, и прощение грехов своих заслужить. Ибо прославили тебя небесные силы, приняли апостолы, приблизили к себе пророки, заключили в объятия мученики, вместе с тобой возрадовались святители, встретили сонмы черноризцев, возвеличила тебя и сама Царица пречистая Мать Господа, и прославила, и сделала известным от одного конца вселенной до другого, верный раб Господен!

Как же я смогу достойно восхвалить тебя, греховные уста имея и порочный язык? Но не имея ничего, что бы мог я принести тебе в день преставления твоего, приношу эту скромную похвалу, которая, как жалкий и зловонный ручей, вливаясь в просторы морские, не столько море наполняет, но от своего зловония очищается. Поэтому, о честной и святой отче Феодосии, не прогневайся на меня, грешного, но помолись обо мне, рабе твоем, чтобы не осудил меня в день пришествия своего Господь Иисус Христос, ему же подобает слава с безначальным его Отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне и присно.

О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал Господь воедино таких черноризцев в обители Матери своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами; и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братии, такое воздержание и смирение. И если какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился. И если возвращался такой брат, то шли к игумену, все кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы, постники, подвижники! Из них же вспомяну о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них — Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподобному Феодосию, то тот повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличий Феодосия и обещал ему царство небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосии с братией, и сели у постели его, изнемогающего от болезни. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосии, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки Божий. Игумен же и вся братия похоронили его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил крещение Русской земли; и был ему дан от Бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как уберечься от дьявола. И если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же прийдя к нему, обличал замысел его и утешал брата. И если кому-нибудь предсказывал он — хорошее ли или дурное, — всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полой цветы, которые называются лепками, и бес вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от церкви, — и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идущих около него. И спросил старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси — в келий ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока, и строго поучил его.

При этом блаженном Матфее преставился блаженный игумен Феодосии, и его место занял игумен Стефан, а после того — Никон, а старец все еще жил, и другие многие видения были ему. И почил старец о Господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре.

О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДЕЛ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

Блаженный Нифонт был черноризцем Печерского монастыря, подражал житию святых отцов, и за свои многие добродетели поставлен был епископом Новгорода. Безграничную веру и любовь имел он к пресвятой Богородице и к преподобным отцам печерским Антонию и Феодосию. Однажды услышал он, что от вселенского патриарха идет на Русь митрополит Константин, и, духовной радости исполнившись, помыслил в душе, что сразу сможет два благих дела свершить: в доме Пречистой побывать и преподобным поклониться и благословение от святителя принять; и вот по этой причине пошел он в 6664 (1156) году в Киев. И пока оставался он там, ожидая прихода митрополита, стало ему известно, что митрополит уже вышел из Царьграда.

В то время Клим-митрополит стол святительский занял без благословения царьградского патриарха. А принуждал Клим блаженного епископа Нифонта совершать службу вместе с ним. Нифонт же сказал ему: «Раз ты не принял благословения от святого вселенского царьградского патриарха, то не буду ни служить с тобой, ни поминать тебя на святой службе, так как поминаю святого царьградского патриарха». И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог зла ему сотворить никакого.

Патриарх же Царьграда, узнав о нем, прислал к нему послание, в котором восхвалял его за величие разума и непреклонность и приравнивал его к древним святым, которые твердо стояли за православную веру. Он же, прочитав патриаршее послание, с еще большей крепостью утвердился, был же он в великой дружбе с князем Святославом Ольговичем, ибо прежде того Святослав княжил в Новгороде.

И вот, когда пребывал этот блаженный епископ Нифонт в святом Печерском монастыре, безграничную веру имея к преподобным, о чем уже говорилось выше, вскоре постигла его болезнь. И рассказал он о

дивном видении. «Когда за три дня до своей болезни пришел я, — рассказывал он, — с заутрени, прилег ненадолго, то сразу же уснул чутким сном. И очутился я в Печерской церкви стоящим на месте Святоши, и стал я горячо со слезами молиться пречистой Богородице, чтобы увидеть мне святого и преподобного отца Феодосия. И когда собралось много братии в церковь, один из братии подошел ко мне и сказал мне: “Хочешь увидеть святого отца нашего Феодосия?” Я же ответил: “Очень хочу, если можешь сделать это, покажи мне его”. И он, взяв меня за руку, ввел в алтарь и там показал мне святого отца Феодосия. Я же, увидев преподобного, от радости бросился к нему, пал ему в ноги и поклонился ему до земли. Он же поднял меня, благословил и, обняв меня руками своими, поцеловал меня и сказал: “Хорошо, что пришел, брат и сын Нифонт, теперь будешь с нами неразлучно”. А в руке своей преподобный держал свиток, и я попросил его, и как он дал мне, я развернул и прочел. И было в нем в начале написано так: “Это я и дети, которых мне дал Бог”. И проснулся я и теперь понимаю, что болезнь эта от Бога».

Болел же он тринадцать дней и почил с миром восемнадцатого апреля, в Светлую неделю. И был положен честно в пещере Феодосиевой, прийдя к любимому, как и обещал ему Феодосии преподобный; вкупе они перед Владыкой Христом предстоят, наслаждаясь неизречимыми небесными красотами, и о нас, о своих чадах, молятся.

Таковы-то вот чудные мужи в том в святом Печерском монастыре были, так что многие из них апостолам уподобились и престолов их наместниками явились, о чем следующее слово в послании этом наглядно покажет нам.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли Господа оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предварят нас в царствии небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе! Служи Господу со страхом и полным смиренномудрием! Не будь таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игумена и его служителей. Не будь лжив — под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келий, маловажно: Псалтирь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, — все это не может сравняться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь Бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? И Давид молился, говоря: «Одного прошу я у Господа и того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм его». Сам Господь сказал: «Дом мой домом молитвы наречется». «Где, — говорит он, — двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братии, такому еще больше веруй, что тут Бог наш. И его божественным огнем приготовляется пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том Господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать, — этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в Отечнике написано. Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь Бога, потому что себе же вредит хулящий, как сказал апостол: «Едите ли, пьете ли — все во славу Божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет, что такой-то зло порицал тебя, — ответь сказавшему тебе: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит Господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!»

Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражию. Если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя, которого Семей поносил при всех? И один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать

Давида, да увидит Господь смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как Господь наш смирил себя, быв послушным до самой смерти своему Отцу: злословили на него, и он не противился; когда говорили, что он одержим бесом, били его по лицу, и заушали, и оплевывали, — он не гневался, но даже за распинавших его молился. Тому же и нас научил он: «Молитесь, — сказал, — за врагов ваших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский, и святых отцов Антония и Феодосия, и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у Святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддался врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать его часто, особенно пересаженное, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам Бог устроил так, не терпя гордости твоей: он извергнул тебя, как прежде Сатану с отступниками, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь — это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свою обиду, — горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоем: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословению игумена: снова захотел игуменствовать — у Святого Дмитрия, и не принуждал тебя к этому ни игумен, ни князь, ни я, — и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же, брат, что не угодно Богу твое старейшинство, для того и послал тебе Господь слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я уставам твоим!» Убедился я, что ты санолюбец и славы ищешь от людей, а не от Бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый Богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от Бога, поставленным от Бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так высоко? Таковые в первые времена свержены были с небес. «Разве я, — говоришь ты, — не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома

этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келий в келию и ссоришь брата с братом, говоря неполезное: «Или, — говоришь, — этот игумен и эконом этот думают, что только здесь и можно угодить Богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, — говорит, — готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и вышнего царства достоин бы был».

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль, — как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты ослушаешься меня, захочешь какой-либо власти, сделаешься епископом или игуменом, — проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный будешь, и извержен будешь вон, и после станешь горько плакать, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря пречистой Богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, Бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них — Леонтий, епископ Ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные, — это третий гражданин Русского мира, с теми двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в Житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами:

Николай и Ефрем — в Переяславле, Исайя — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмутаракани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас, грешных, будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому Господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, — и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст он мне благое время исполнить его.

Но ведает тайное Господь: истинно говорю тебе — всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, — все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме Божьей Матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь божественные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых тебе уже рассказывали. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦАМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был в Печерском том монастыре муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном. И сподобился он от Бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и, живя распутно, так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братии сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился Богу, говоря: «Господи, зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевши, покаялись». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, — сказал Антоний, — недостоин он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, — помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, говоря: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего, данного вам, что всякий,

положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили Господу Богу моему и пречистой его Матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: “Я тот, который сказал Аврааму: ради двадцати праведников я не погублю города сего”, — тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника; если здесь постигнет его смерть, — спасен будет». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил Бога о спасении души брата. И было ему видение от Бога, сказавшего: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение перемены: смрад в благовоние превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидать случившееся; и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоуханием и прославили Бога и святых его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, скорблю и плачу, и желаю там умереть, чтобы положенным быть только в божественной той земле, и принять малую отраду от многих грехов моих, молитв ради святых отцов о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем. И повелел игумен его постричь, и дал имя ему Евстратий. Он же раздал все имение убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный, поучая и умоляя всех христиан, наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в Бога веруете, не будьте

отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем, — в Господе умрем; если же жить будем, — исполним службу нашу; если за людей умрем — то смертию жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Этот Евстратий был взят в плен безбожными кочевниками и продан иудею. Через несколько дней все пленники умерли, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, другие через семь, крепкие же — через десять дней. И так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только монах, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником погибели золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день Воскресения Христова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над Господом нашим, Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил Бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от Бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: “Проклят всякий, висящий на древе”». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня Бог в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: “Ныне же будешь со мною в раю”. Он сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о нем сказал Моисей: “Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими”; Давид же: “Пригвоздили руки мои и ноги мои”, и еще: “Разделили ризы мои между собой и об одежде моей метали жребий”. О нынешнем же дне говорит: “Вот день, который сотворил Господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот!” Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ Богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши ненавидит Господь и преложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье, пронзил его, и тот предал душу свою Господу. И видели, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протостратором зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин казнить. Случилось же вот что. Некий иудей, богатый и очень отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставался отступником от Христа и его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство. И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсуни; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от Бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился. Услышав об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте всуе богатства вашего. Если бы хотел Господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в руки этих людей беззаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: “Я предаю в плен и священников”. Благое приняв от руки Господней, — неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голодом и жаждой морили, так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он Бога и молился. Зимой же на снег и на мороз выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они со сказавшими:

“Возьми, возьми, распни его, кровь его на нас и на детях наших!” — вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудою, как предатели нечестивые и беззаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: “Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия и святых черноризцев, которые с ними”». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием сидели около него, — вдруг в шестом часу он сделался невидим, и услыхали голос, произнесший с небес: «Хвалите Господа!»

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь кенаник. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах, и кровь еще капала из перерезанных голеней, — и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел Господь в беде тебя оставить, то не вывел бы он тебя оттуда; теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел этого старца, и рассказал о нем игумену и всей братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и жажды. И велел им блаженный ничего не принимать в пищу от поганых, сам же, в узах, молитвою всех исцелил, и сделал так, что они невидимо бежали.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям, чтобы распяли над ним этого монаха. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя

избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании вашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганые крестились, и монахами становились, — так, ради того блаженного Христова мученика Герасима <-Евстратия> иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сделались иноками. Многое же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов, недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир недостоин, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал Господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего, который на небесах». Что же может нарушить наш обет и переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых молитвенников и ходатаев пред Творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к Господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеуслышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликарпу. Не стану я много говорить о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес, — не поверишь.

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки и, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении; богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек Божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братнею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись они, видя, что он ожил, и стали спрашивать его, говоря: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего, только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь Господу Иисусу Христу, и пречистой его Матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой двери и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о Господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти своей никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я, — рассказывал он, — и стенал от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: “Приди, я исцелю тебя”. Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он Господу: никогда не выходил он из пещеры и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русских монахов, — и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобресть. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу малое из того многого, что слышал о содеявшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, по имени Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно царство небесное, уготованное Богом, любящим его, — оставил княжение, и честь, и славу, и власть и, все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614 (1106) году, февраля 17.

Все здешние черноризцы знают о его добродетельном житии и послушании. Три года пробыл он в поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доныне эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и доныне.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу в поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачуя многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном пощении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя Бога ради. Не угоден ведь Богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь впадешь из-за такой пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот и бояре твои, служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты же не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Давыд, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не послушаешь, то прежде Божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Я же благодарю Господа, что освободил он меня от мирских забот и сделал меня слугой рабам своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о

себе подумают: каждый свое бремя должен нести и довольно с них и моей волости. Все же это: и жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села, — оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради Бога, чтобы его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище? Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, — царствование. А то, что ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал приготовлять врачебное зелье против той болезни, которая тогда случалась — огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства, — быстро поправишься; если же не послушаешься меня, — много страдать будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва святого исцелила его.

Снова разболелся он, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься, говоря: «Через три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть ему. Сириец, не уразумев же, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, тот, кто дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто напитает многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом Божиим и силою его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть, да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя Господь о том, моли его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату: на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милоть, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома Божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо себе, в котором кладет птенцов

своих, — ты же шесть лет живешь в монастыре, и места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека: ведает Господь, как пропитать всю тварь, и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. Во врачевании же я и при жизни не нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Дерзай, чадо, и будь готов: через три дня отойдешь к Господу». И по пророчеству святого через три дня причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки Господа.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана его, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это ему, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети его, и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и онемел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата Святоши. И еще прежде чем вошел несший воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Выходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили Бога и угодников его. И всякий раз, как Изяслав заболевал, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. И хотел сразу же поехать к брату, но удержали его находившиеся тут епископы. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел

надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого мужа рассказывают. И доныне еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращу слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил? — но ты не имел его. Славу ли? — но ты не достиг ее, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе — такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значит твоя обида перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядными одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения, — осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в Лествице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подобясь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах если согрешит — не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься божественной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими Богу старайся удостоиться похвалы. Вчера вступил в монашество, а уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой жизни, хочешь епископства, и законодавцем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудрствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг, и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю, которая подобна твоему благому деянию.

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНЬЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и доныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню раздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем и во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои.

Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал так восемь дней едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия и, видя страшное его мучение, удивлялась и говорила: «Горе, горе душе брата сего! В лености и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доныне не покаялся. И вот сегодня явились мне святые Антоний и Феодосии и сказали мне: “Мы молились Богу, и даровал тебе Господь время покаяться”. И вот увидал я святую Богородицу, держащую на руках Сына своего, Христа, Бога нашего, и все святые были с ней. И сказала она мне: “Еразм! За то, что ты украсил церковь мою и иконами возвеличил ее, и я тебя прославлю в царствии Сына моего, убогих же всегда беру с собой. Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день я возьму тебя, чистого, к себе, возлюбившего благолепие дома моего”».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, которые совершил, не стыдясь, а радуясь о Господе. И встал, и пошел в церковь, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к Господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед Богом сочтено все и до последнего медяка. Надейся же на милость Божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и та отворит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома твоего и прославь их божественною твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав ему, приложил немного и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу Бога и пречистой его Матери, не лишишься награды

своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу тебе», — и скажет тебе Господь: «Прославляющих меня прославлю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало понапрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали Господу — исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить.

Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но хвали Бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, Господь и взял».

И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНЬЕ. СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келий своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам себя едва голодом не уморил.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на Господа печаль свою, и он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютый и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но Господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил — все твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда, — говорил он, — пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном золоте, и сказали бесы: “Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан”. Ангелы же говорили мне: “О окаянный человек! Если бы ты

благодарил Бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостыню творит, — великое это дело пред Богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит Бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает Богу, так вот это более милостыни”. И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: “Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все твое, а я не жалуюсь” И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали в милостыню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили Бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить Бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил Бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, Господь и взял; как Господу угодно, так и будет. Будь благословенно имя Господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился Богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у него все, и услышал его Бог, и пришли к нему разбойники, и отдал старец все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у Бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий Затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга, и избегали друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Тит шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же не отбегал, то Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени во мраке греховном: Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь при причастии. На это вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал с мольбой к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не захочу примириться с ним: ни в этой жизни, ни в будущей», — и вырвался из рук старцев, и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такою страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и порабощен им. Но скорее пойди и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому,

пусть и тебя Господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневе вашем». Слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

С помощью Господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращу его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русским монахам, и святом Феодосии, и о житии и подвигах бывших после них святых и преподобных отцов, почивших в дому пречистой Божией Матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святых и блаженных отцах печерских, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати Божьей, бывшей в святом этом месте, и прославили Отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! Нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и,

работая на нее, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия, которые и доныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы чудес прошение твое; берегись, брат, вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради нее и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почуял благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания Духа Святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам воочию, чтобы я мог видеть тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, Господи, не прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоем Творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей, — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, — бес, мнимый

ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, — поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, Господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Пимен Постник, Исайя, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмутаракани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись Богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг; и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему делать этого. Тогда Лаврентий ушел к Святому Дмитрию, в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему Бог благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева; и не мог затворник изгнать из него беса, — очень лют был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неисцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать, — сказал он, — одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у Бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». Начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слыхал их, так что испугались ведшие бесноватого, удивляясь такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. Когда они вошли в церковь, пришел игумен со братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. Тогда спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С нею встретили нас святые отцы, — и назвал по имени тридцать числом, — и я исцелился». И знал он имена всех их, а самих старцев тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу Богу, и пречистой его Матери, и блаженным угодникам его.

Для того и я написал тебе, господин мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие преподобных отцов печерских и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел приблизиться из-за положенных в ней святых отцов Антония и Феодосия и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня Господь да сподобит милости в день Судный молитвами твоими. Аминь.

СЛОВО 27. И О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот, великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье, и выздоравливали его молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболевал, он, оставив келию свою, — а в ней не было ничего, что можно было бы украсть, — приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению Бога, дабы умножить веру и молитву раба его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него Бога беспрестанно, пока Господь не возвращал здоровье болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что Господь дал ему дар исцеления. И услышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, — и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, — и такого уже он не лечил. И один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед монахами, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и напустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, желая его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает Господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если что смертоносное выпьют они, не повредит им; возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодович Мономах, и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Ивана, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, — он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы за монастырские ворота выйти и нарушить свой обет, который я дал перед Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И как только князь принял это зелье, тотчас выздоровел.

После этого, будучи в Киеве, Владимир пришел в Печерский монастырь, желая почтить инока и увидеть того, кто дал ему зелья и возвратил здоровье с помощью Божьей, — никогда он его не видал, — и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келий, и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! Никогда и ни от кого ничего не брал я, — неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! Знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о Боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостию приму ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя скажи: “Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой, — раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя Бог от смерти, а я ничего бы не смог сделать; и не думай ослушаться меня, чтобы, как прежде, не пострадать”». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келий, бросил его, а сам скрылся. И боярин, вышедши, увидал брошенным у ворот принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб Божий. Князь же не посмел ослушаться старца и все имение свое раздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится. И отвечал блаженный: «Каким Господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня

он умрет. «И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, — за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня Господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумей». Лекарь посмотрел и сказал иноку: «Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к Господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в Господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: "Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душу погубишь". И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то Бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, Господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, — он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, — он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела, — и больше этих, — делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела святых отцов наших Антония

и Феодосия? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи? — разумею преподобных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал Господь: «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах: одних — чудотворения, иных — подвиги, других — твердое воздержание, тех — послушание, иных — прозорливость,— и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу тем, которые будут после нас, как сделал блаженный Нестор — написал в Летописи о блаженных отцах — о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исакии. И в Житии святого Антония все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих Бога постоянно почитаема и хвалима, так как угодившие ему, они им и увенчаны. Для меня же величие — украшать труд их именами — это, надеюсь, оправдает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал Господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житию и славе которых достойны наследниками быть живущие на земле. Здесь о плоти не радели они, и, как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; его одного возлюбили они, и к любви его привязались, и ему волю свою предали, чтобы чрез него приблизиться к Богу; и он здесь, на земле, в возмездие за труды их, дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без Духа Святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покоряясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. И еще расскажу тебе нечто — о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, научил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их, — обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келий своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим, ибо утрудились они всуе, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги раздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет, ни воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ними, покаялись и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня

неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого!» Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смилостивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и доныне.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его: дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день погибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, и, вынесши оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, влез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом.

Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидали висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! “Бога обмануть нельзя”. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то Бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодович, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно Богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею?» И, рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила; на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братья же, вынесши тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение,

и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, — сказан, — судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца моего небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и ослушался Бога, и был порабощен страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как Божие создание: Господь Бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждениями земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них — побеждают меня страсти, и порабощен я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя Божьей воле и заповеди его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна преподобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на всем теле своем тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить Бога за него, чтобы избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи Господа ради и старайся сохранить пути его, и он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал брат затворнику: «Поверь мне, отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобишься ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет и внезапно столкнет его вниз, люто будет падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем, — подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока Господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей, грязной тины и утвердит на камне ноги твои. Но выслушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения: по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою многою морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: “Иоанн, Иоанн! Нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и Господь поможет тебе молитвами преподобных своих”. С того часа, брат, поселился я здесь, в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неутомимо боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и доныне остаются на теле моем, и сушат меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я

же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидал я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь Воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь видеть и теперь. Я же в пасти змея того уже был и возопил из глубины сердца своего: “Господи Боже, Спаситель мой! Зачем ты меня оставил? Сжалься надо мной, Владыка, так как ты единый человеколюбец. Спаси меня, грешного, единый Боже безгрешный! Избавь меня от скверного беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу свою и прийди, чтобы спасти меня! Блесни молнией своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица твоего!” И когда я окончил молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и доныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: “Иоанн, Иоанн! Вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке”. Я же поклонился и сказал: “Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?” И отвечал мне, говоря: “По мере силы терпения твоего я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог, но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такою страстью”. Я же, не зная имени, начал взывать: “Господи, помилуй меня!” Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом.

И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем, да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас, погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: “Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе”».

И взявши одну кость от мощей его, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так. И тотчас утихла страсть, и омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И

возблагодарили они вместе Бога, прославляющего святых своих, угодивших ему при жизни, и по смерти наградил он их даром исцеления и венцами нетления украсил, и царства своего сподобил. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угрине, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти, он, крепкий душою, оставался здесь и пребывал в молитве к Богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его; с ними же вели и этого блаженного Моисея, закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразилась она красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его льстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Когда какой муж, взявши женщину и покорившись ей, спасся? Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменникам, И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинуясь женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим

поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю: утоли вожделение души моей и дай мне красотой твоей насладиться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей власти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того — телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые Господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи от имения и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в многоценные одежды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совлек он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Христос в Евангелии: “Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотию, так что они уже не двое, а одна плоть”. И апостол говорит: “Лучше вступить в брак, нежели распаляться”; вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем

же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доныне гнушался женщины, кроме монахов? Авраам, Исаак, Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши лучше тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках — знаю я, что за это от Бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: Бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками и почитаемым во всей Русской земле сделаться, — ради вышнего царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? "Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть мой ученик". Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: "Женатый печется о том, как угодить жене, а неженатый думает, как угодить Богу". Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? "Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое". Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женщины, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его, кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Всуе трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это, не трудись всуе».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если Богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению Божию, пришел он к блаженному, и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками, так что и земля напиталась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, после многих мук горькой смертью умрешь. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять — исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись Бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою, — даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, у которого я его выкупила; и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, то я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову, не уговорил и сказал ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты; стольких ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую

власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит Бог: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит, или какой выкуп даст человек за душу свою?” Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься, и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще большую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха Божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, из-за прежней любви к этой женщине, потакая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И Господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братии, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего

к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в Житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о Господе в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и об изгнании чернецов из Польши за пострижение преподобного, предавшегося Богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в Житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде написали о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике, о том, что сделал чрез них Господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава ему ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРОХОРЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА, МОЛИТВОЮ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31

Такова воля человеколюбца Бога о своем творении: во все времена и лета заботится он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит он на нас иногда голод, иногда рати за междоусобные распри властелина. Этим Владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегнут суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил Господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Этот черноризец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготовлял он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду. И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот богач: «Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!» Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготовлял только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возьмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово Господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготовлял себе в пищу: на непаханой земле несеяный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже говорил, растирая его своими руками, делал из него хлебы и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть

блаженному своего согрешения. Однако будучи голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб, — сказал он, — возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлебы, украденный изменился пред всеми и сделался как сухая земля, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного, — светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Когда Святополк, в союзе с Владимиром и самим Васильком, пошел ратью на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались беззаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие Господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе изо всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене, за куну — две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инока, сам будет

продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь взять всю соль у инока. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все, что перед глазами их пепел. Сильно удивились все, — что бы это значило? — и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отведать, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и, узнав, что старец ограблен, возвращалось с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался он как сухая земля и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покаялся перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб Божий. И дал он слово Богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению Божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня преставишься и пойдешь к неподкупному Судии, то я на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы

Господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; прийди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое — своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от Бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с князем и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал над противными агарянами, и покорил всю землю их. Это была Богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой Богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое Богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, Господе нашем, слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, где они нам изъяснили то, что с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях; одних сами видели жития, и чудеса, и деяния, о других, до них бывших, лишь слышали и поведали отцы, сложив Патерик Печерский, а мы, читая его, наслаждаемся теми духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон, то я и написал твоему преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, которые поминаю, радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пещернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосии из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела Божия. Выкопал он много могил на погребение братии и ничего не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к Господу в этот день, и не было другой могилы, кроме той — тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елея на него возлить, так узка была могила. Пещерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не докончил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, соберись с силами и сам возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойди, скажи брату: “Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой”». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не докончена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: “Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день,

а завтра отойдешь к возлюбленному Господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришлю за тобой”».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Говорит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: “Говорит тебе Марко — оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай Богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами”». Когда пришла вся братия, сказали это ожившему, и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, имели одни мысли и одни желания, обращенные к Богу. И умолили они блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда Господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшой же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат, встань и дай место неумершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело Божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу сказать умершему: “Встань”, а потом: “Опять ляг на верхнем месте”. Вели ему ты и скажи — может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И когда пришел он в свою келью, то охватил его плач неутешный. Раздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил Бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуряя себя голодом, и молясь, и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его; и так проводил он все дни жизни своей в великом воздержании, угождая Богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у Бога, то не забуду тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими Антонием и Феодосией». С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем

ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, потому что Бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение его прозрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет». Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но Господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отойду к Господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у Господа, чтобы там увидеть славу его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». Сказав это, блаженный Марко преставился о Господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы его все умножались. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного.

Когда же почувствовал он свою кончину, то стал прилежно молиться Богу, чтобы угодны были слезы его пред ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря: «Владыко человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Царь мой пресвятой, ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощь нашу, утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю тебя, Господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия твоего, избавь меня от искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников твоих, великих отцов наших Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших тебе. Аминь».

Тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть твоих же слез, которые в молитве к Богу излил ты от сердца, — те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению Творца нашего, я собрал и сохранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к тому, который

сказал: “Блаженны плачущие, ибо они утешатся”». И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, не сравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к Господу. И положили его достолепно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие со слезами о Христе утешены будут, — ему же слава с Отцом и со Святым Духом!

О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благому есть нестяжание, так корень и мать всему злому — сребролюбие. Лествичник говорит: «Любящий собирать имение до смерти ради иглы трудится, а тот, кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди его сохранит». Такой сберечь имения не может, но растрачивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и Господь сказал в Евангелии: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником».

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство раздал нищим, и стал иноком, и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое раздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул Господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: “Что нам есть?” или “Что пить?”, или “Во что одеться?” Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и Отец ваш небесный питает их». И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обнищал он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед Богом: “Пусть все, что я раздал, твоей будет милостыней”, — и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это Господь”» Услышав это, убоялся Феодор страхом великим гнева Божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого — с золотом и жизнь свою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего его от такого недуга. О таких сказал Господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как мои уста». И с тех пор зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях Господних, и творил угодное Господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством, — и вот опять вооружается супостат и иную кознь восставляет ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул Господа Бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у Бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления пронырливый о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у Бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, — и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и нашел сокровище — множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес в образе брата и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти далеко в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: “Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует”. И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у Бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Берегись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном, — это дано тебе взамен того, что ты раздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое богатство, куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь мне, сделаю, но живя в монастыре». Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь, — узнают о нем и возьмут, но прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было Богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши его от Бога и святого места, и от дома Пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но Бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в Боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не виделись, — и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал ему: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: “Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?” Уж не бесовское ли это мечтание? Не утаи от меня Бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою: то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попомнив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, и сказал пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: “Вчера и третьего дня”. Здесь какое-то бесовское действо. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещальную молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесть дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним, И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и Господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворе, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил Господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал; и с того времени и доныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх Божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молол ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил Бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И Господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь же, видев, как он трудится, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтирь; наконец, устав, лег, желая поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жернова молоть. И поняв, что это бесовское действо, встал блаженный и начал молиться Богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергшего вас с небес и предавшего на попрание своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел ослушаться и до рассвета измолол все пять возов жита. Феодор же известил келаря, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда, и для ныне слышащих, — сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем моим». Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью». Хотели бесы устрашить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой так, что стали они взывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по Божьему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по. старости, вышел из пещеры, захотев келью себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен, и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки кельи своей, то бесы, пакость ему делая, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя Господа Бога нашего, повелевшего вам в свиней войти, повелевает он вам через меня, раба своего, чтобы каждое бревно, которое на берегу, подняли вы на гору, дабы облегчился труд работающих Богу, пусть так устроится молитвенный дом святой владычицы нашей Богородицы, и иноки кельи себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что Господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и

все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо — для кровли, и особо — для помоста, и особо — большие бревна, неудобоносимые из-за длины, — и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили Бога, творящего предивные чудеса ради угодников своих. Ведь сказал же Господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах». Это сделал Господь во славу свою, молитв ради святых отцов наших Антония и Феодосия.

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и ублажаемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в небрежении, и уничижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают — бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных, — ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя себе укоризну от людей, возопил бес: «О злые и лютые мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще большую славу доставит им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе бесы заплатить, которые тебе служат», — не вспомнил он о Божьем суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет.

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище, — золота и серебра множество и сосуды многоценные, — и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору, — и

свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то устрашите его побоями и пытками; если же и тогда не даст, то пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И, давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сначала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я, — говорил он, — разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и доныне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой мне, где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. Многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровище, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и ныне отнял Господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием. Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал, — и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходившим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. Не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, бросил ее князю и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о Господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доныне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене, во Владимире. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Так сбывается сказанное Господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет». Как он беззаконно убил, так и сам беззаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава с Отцом и Святым Духом.

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ. СЛОВО 34

Всякая душа простая свята, не имея лукавства в себе, ни лести в сердце своем. Такой человек праведен пред Богом и людьми, и не может

согрешить Богу, и еще больше, — не хочет, потому что он сосуд Божий и жилище Святого Духа, которым освящается его душа, и тело, и ум, как сказал Господь: «Я и Отец к нему придем и обитель у него сотворим. Вселюсь, — сказал, — в них и буду ходить в них, и буду их Богом, и они будут моим народом». Апостол же сказал: «Братья, вы церковь Бога живого, и Дух Святой живет в вас». Такие на земле живут как ангелы, и на небесах с ними вовеки радуются: ибо как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся, о чем мы скажем еще в конце этого слова.

Этот преподобный Спиридон был простец словом, но не разумом; не из города пришел он в чернечество, а из некоего села. И имел он страх Божий в сердце своем, и начал учиться книгам, и выучил всю Псалтирь наизусть. Повелением же игумена Пимена Постника он пек просфоры, а с ним другой брат, именем Никодим, такой же, как и он, умом и нравом. Добросовестно трудились они в пекарне много лет, честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридон, с тех пор как пришел в пекарню, не нарушал своего обета и труда духовного, но исполнял свою работу с особым благочестием и страхом Божиим, жертву чистую от своего труда принося Богу. Плод же уст его, — живая словесная жертва, — приносилась от него всемогущему Богу обо всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтирь, и, в каждый день до конца, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно была она у него на устах.

Однажды сей блаженный, совершая с особым благочестием свою обычную работу, затопил, как всегда, печь для печенья просфор, и вдруг от пламени загорелась кровля пекарни. Тогда он взял мантию свою и закрыл ею устье печи; потом, завязавши рукава у своей рубахи, взял ее и побежал с нею к колодцу, налил там в нее воды и быстро устремился назад, призывая братию гасить печь и пекарню. Иноки прибежали и увидели дивное явление: мантия не сгорела и вода не вытекла из рубахи, ими же Спиридон погасил разгоревшееся пламя.

Большое усердие требуется, чтобы достойно помянуть, и восхвалить, и воздать всем должное о Господе скончавшимся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте, праведники, о Господе, праведным подобает похвала! Стройно пойте ему с восклицанием на десятиструнной псалтири». Не от одиннадцатого часа они Господу молились и творили ему угодное, но от юности предали себя Богу, много лет прожили и в глубокой старости к Господу отошли, ни на один день и час не изменивши своему правилу. Насажденные в доме Божьей Матери, процветут они в чертогах Бога нашего и еще умножатся в старости маститой, как и этот блаженный.

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею Божиею и пречистой его Матери приведены были, против своего желания, расписывать церковь Печерскую, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, это о них рассказано в Послании Симона, когда Бог явил и сотворил чудо страшное в церкви своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ пречистой владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них, — и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, ярче солнца, так что невозможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст пречистой Богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу Спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст Спасовых и стал летать по всей церкви. И прилетая к каждому святому, садился, — одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной Богородичной иконой. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст Богородицы и поднялся вверх к Спасову образу. И закричали стоявшим вверху: «Хватайте его!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста Спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились Господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший Святого Духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но Бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем, — игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал взаймы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен, и отдавал икону заимодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед

Богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со мною послужили руки мои, и ни у кого я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привели его в монастырь, игумен повелел напоить его губкой из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрылся он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой, плача и сетуя, и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыл стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покаялся ему. Блаженный же сказал ему: «Чадо, хорошо сделал, исповедав Богу грехи свои пред моим недостоинством, ведь пророк Давид сказал: “Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом, и он простит нечестие сердца моего”». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапницу и разноцветными красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как Господь, прокаженного исцелив, велел ему показаться священникам и принести дар за очищение свое, так ведь и этот святой избегал славословия; как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления уступил служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водою же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и

от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал киот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! Внимайте сказавшему: “Не может раб служить двум господам”. Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к Богу, не веря в душе о спасении своем, и сильнее проказа напала на него за его неверие. “Просите, — сказал Господь, — и не просто просите, но с верою просите, и получите”. Когда же он покаялся перед Богом, поставив меня свидетелем, тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя Бога и родившую его пречистую Матерь, и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христолюбец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И этот христолюбец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христолюбец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христолюбца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христолюбец же этот дал с радостью. Спустя немного времени черноризцы опять сказали: «Алимпий еще столько же требует». Христолюбец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро с избытком, не хочет писать икон твоих». Тогда христолюбец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя: возьми за работу, сколько хочешь, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон, а икон не пишешь». И вот, для обличения его, повелел принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете

пали ниц на землю и поклонились нерукотворному изображению Господа нашего Иисуса Христа, и пречистой его Матери, и святых его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти Богом написаны». И ужаснулись они, видя совершившееся чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не желая платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, — сказал неправду, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на тех иноков, а тем, кто хотел поклониться им, они запрещали это, и оттого люди поверили монахам, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но Бог прославляет святых своих, как сказал Господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий; и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем приходящим». Так не утаилось и этого преподобного Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле Божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по Божьему мановению за одну ночь, и прославил он Творца всех, совершающего преславные чудеса молитвами угодников своих Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и доныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невредима, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христолюбец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпии, и икона осталась ненаписанной. Боголюбец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положись в своей печали об иконе на Господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте станет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и

поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написана, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немощи, я бы дал писать икону другому, чтобы праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по лености сделал это? Неужели Бог не сможет икону своей Матери словом написать? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя Бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого иконописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими, и за три часа написал он икону и сказал: «О калугер! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошибся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось ему. Но, оправившись немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном.

Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпию и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о Господе нашем.

О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35

Начиная слово о Пимене, приступим к повествованию о тяжком его страдании, и как со смирением и мужеством переносил он болезнь.

Этот блаженный Пимен больным родился и вырос, и из-за этого недуга оставался чистым от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься в иноки. Они же, любя своего сына, надеясь и желая, чтобы он стал наследником их богатства, запрещали ему это.

Когда же он изнемог так, что отчаялись за его жизнь, — принесли его в Печерский монастырь, чтобы исцелился он молитвами тех святых отцов или от их рук принял святой иноческий образ. Родители же Пимена, сердечно любя его, не оставляли детища своего и всех просили молиться за их сына, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитвы превозмогали все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезней, так как боялся, что если он выздоровеет, то родители увезут его из монастыря и не осуществится мечта его. Отец же и мать все время были с ним и не давали его постричь, и блаженный, опечалившись, стал прилежно молиться Богу, чтобы он исполнил желание его.

И вот однажды ночью, когда все вокруг спали, вошли со свечами туда, где лежал Пимен, похожие на скопцов светлых и несли они Евангелие, и рубаху, и мантию, и куколь, и все, что требуется для пострижения, и сказали ему: «Хочешь, чтобы мы постригли тебя?» Он же с радостью согласился, говоря: «Господь вас послал, повелители мои, исполнить желание сердца моего». И тотчас начали они спрашивать: «Зачем пришел, брат, припадая к этому святому жертвеннику и к святому братству этому? Желаешь ли сподобиться иноческого великого ангельского образа?» И все прочее исполнили по чину, как написано в уставе, потом в великий образ постригли его, и надели на него мантию и куколь, и все, что следует, отпевши, великого ангельского образа сподобили его, и, целовав его, дали ему имя Пимен, и, возжегши свечу, сказали: «Сорок дней и ночей эта свеча не угаснет». Свершив все это, они пошли в церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гроб святого Феодосия.

Иноки же, бывшие в кельях, слыша звуки пения, разбудили спавших вокруг, думая, что игумен с кем-то постригает Пимена или что тот уже скончался, и вошли все вместе в келью, где больной лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. И вместе с ними подошли к блаженному, и все ощутили благоухание, и увидели его веселым и радостным и облаченным в иноческую одежду. И спросили его: «Кто тебя постриг, и что за пение мы слышали? Вот родители твои были с тобой и ничего этого не слыхали». И сказал им больной: «Я думаю, что это игумен, придя с братиею, постриг меня и дал мне имя — Пимен. Их пение и было то, что вы слышали, и про свечу они сказали, что она будет сорок дней и ночей гореть, взявши же мои волосы, они пошли в церковь».

Услышав это от него, пошли в церковь, и увидели, что церковь закрыта, и разбудили пономарей, и спросили их, не входил ли кто в церковь после вечерней молитвы? Они же отвечали, говоря, что никто не входил в нее и что ключи у эконома. Взяв ключи, пошли в церковь и увидели на гробе Феодосия в платке волосы Пимена, и рассказали обо всем игумену, и стали искать, кто постригал Пимена, и не нашли. И поняли все, что то был промысел свыше, от Бога.

И стали раздумывать о бывшем чуде, говоря: «Может ли оно засчитаться Пимену за уставное пострижение?» Но так как свидетельство имелось: церковь была заперта, а волосы оказались на гробе святого Феодосия, и свеча, которой хватило бы только на день, сорок дней и ночей непрестанно горела и не сгорала, то и не стали совершать над Пименом пострижения, сказав ему: «Достаточен для тебя, брат Пимен, от Бога данный тебе дар и нареченное тебе имя».

И спросил его игумен: «Как выглядели постригавшие тебя?» И показал ему книги, по которым свершается постриг, чтобы убедиться — может быть, что-то было сделано не по ним. Пимен же сказал: «Зачем искушаешь меня, отче! Ты сам со всей братией приходил, и совершил надо мной по написанному в этих книгах, и сказал мне: “Подобает тебе пострадать в болезни, а когда приблизится твоя кончина, тогда обретешь здоровье и своими руками понесешь постель свою”. Моли только за меня, честной отец, чтобы Господь подал мне терпение».

И пробыл блаженный Пимен в той тяжкой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и Бога за все благодарил.

Некто другой, больной таким же недугом, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки же, приставленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим одновременно. Но, относясь с небрежением к такой службе, они забыли про них, и больные изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал этому больному: «Брат, так как гнушаются нами прислуживающие нам из-за исходящего от нас смрада, то если исцелит тебя Господь, сможешь ли ты на себя возложить службу эту?» Больной же обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: «Вот Господь снимает с тебя болезнь твою, и как только станешь здоров, исполни обет свой и служи мне и подобным мне. На тех же, которые не радеют об этой службе, наведет Господь болезнь лютую, чтобы могли, приняв такое наказание, спастись». И тотчас встал больной и начал служить ему, а на всех нерадивых и не хотевших служить больным напал недуг, по слову блаженного.

Исцелившийся же от недуга брат, спустя немного времени, стал втайне гнушаться Пименом из-за его смрада, пренебрег им и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной горнице, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня, и, не стерпев жажды, начал кричать: «Помогите мне, Господа ради, умираю от жажды!» Услыхали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, рассказали о нем Пимену: «Брат, прислуживающий тебе, умирает». Блаженный же сказал: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав Богу и мою немощь презрев. Но так как нас учили не воздавать злом за зло, то подите и скажите ему: “Зовет тебя Пимен, встань и приди сюда”».

Когда пришли и передали эти слова ему, то больной выздоровел и тотчас пришел к блаженному, никем не поддерживаемый. Преподобный же обличил его, говоря: «Маловерный! Вот ты здоров; больше не греши. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получат и больной, и тот, кто за ним ходит? Ведь терпение убогих не пропадает бесследно: здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все. Бог же, тебя через меня исцеливший от недуга твоего, может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу: “Кто претерпит до конца, — сказал Господь, — тот спасется”. Лучше мне всему изгнить в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное. Хорошо, брат, стоять в церкви, в светлом и чистом пресвятом месте, и с ангельскими силами невидимо воссылать пресвятую песнь — очень это богоугодно и благоприятно: церковь называется небом земным, и стоящие в ней стоят будто на небе. А что же, брат, это темное смрадное жилище: не суд ли прежде суда и не мука ли прежде вечной муки? Ведь больной может по справедливости сказать: “Терпя, обрел я сострадание Господа, и он внял мне”. Вот почему апостол говорит к страждущим

телесными болезнями: “Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами Бог; если же остаетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья”. О них сказал Господь: “Терпением вашим спасайте души ваши”».

И в таком страдании пролежал преподобный Пимен двадцать лет. Во время же преставления его явились три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано и в Летописце. Господь же ведает — ради ли этого блаженного было такое знамение или иное что хотел он означить этим.

В тот же день, когда должен был преставиться, выздоровел преподобный Пимен и обошел все кельи, и, кланяясь всем до земли, прощенья просил, объявляя о своем исходе из этой жизни. И говорил он болевшим монахам: «Друзья и братья мои! Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, отступала болезнь от них, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, войдя в церковь, причастился животворящих Христовых тайн, и потом, взяв свою постель, понес ее к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда отроду не видал ее, и, войдя, поклонился он святому Антонию и место показал, где хотел, чтобы положили его.

И сказал он: «Здесь вы положили в нынешнем году двух иноков, и того инока, которого вы без схимы положили, теперь в схиме найдете. Много раз хотел он постричься, но пренебрегала им братия из-за нищеты его, и им вменилось это в грех; он же жил достойно этого образа, и потому даровал ему Господь схиму: ибо творящему добрые дела — воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным, — отымется; творящему добро — всегда воздается. Другого же инока вы в схиме положили, а она взята у него, потому что при жизни он не захотел ее, но лишь, умирая, сказал: “Если увидите, что я уже отхожу, то постригите меня”. И потому отнялась от него благодать, ибо не уразумел он сказавшего: “Не мертвые восхвалят тебя, Господи, но мы, живые, благословим Господа”. “Ибо, — сказано, — во тлении кто исповедается тебе?” Таким схима не принесет никакой пользы, если добрые дела от муки их не избавят. Третий же здесь с давних лет положен. Его схима нетленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа — жизнь свою проводил он в лености и грехах, не ведая сказанного: “Кому много дается, с того много и спросится”. Если такого Антониева и Феодосиева молитва не спасет, то повинен он суду». И, проговорив все это, сказал он братии: «Вот пришли постригшие меня, которые хотят взять меня». И, сказав это, лег и почил о Господе. И с великой честью положили его в пещере. Откопавши же место, о котором он говорил, нашли, по слову блаженного, трех черноризцев: один весь истлел, только куколь цел был; из двух же иноков, недавно умерших, с

положенного в схиме она была снята и воздета на другого, который не был пострижен. И много дивились неизреченному суду Божию, и говорили: «Ты, Господи, воздаешь каждому поделам его».

Из этого, братья, следует, кажется мне, вот что разуметь: если кто в болезни пострижется с верою, прося у Бога жизни, тот, как в монашеском подвиге, послужит ему; владеющий же жизнью и смертью Господь, если и отведет его от мира, то, подобно работникам, нанятым в одиннадцатый час, признает его равным праведникам. Кто же говорит так: «Когда увидите меня умирающим, то постригите меня», — суетна того вера и пострижение.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келий, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к

нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действу. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв; и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосии, что это случилось с ним из-за бесовского действа. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдиных горах, близ Чернигова, монастырь Святой Богородицы.

Феодосии же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него много завелось червей под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосии же сам своими руками обмывал и переодевал его; и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосии же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно водили в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосии же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосии от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосии и игуменом стал Стефан, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и непоколебимо. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, — поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде, — Антоний к этому времени уже умер, — и начал собирать к себе юных мирян и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, — то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в келье, в пещере, и, когда печь разгорелась, — а она была ветхая, — пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их стращания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина — Антихрист, а вы — бесы»; и осенял лицо свое крестным знамением — и исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите»; и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря: «Три года была у меня с ними эта борьба».

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за всех православных царей и князей, и за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божьей Матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и пречистой его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия и всех преподобных отцов печерских.

Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосии. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем пренепорочной и пречистой Девы, как она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом.

ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТИНЯНАХ. СЛОВО 37

Пришел однажды благоверный великий князь Изяслав, сын Ярослава, внук Владимира, к святому отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому, и сказал ему: «Разъясни мне, отче, какова суть веры варяжской?»

Преподобный же отец наш Феодосии сказал: «Послушай, благочестивый князь, про то, о чем хочет узнать твое благородство, от нашего смирения.

Вера их вредная и уставления ее неправедны: в Савелиеву веру и в другие многие ереси впали они и всю землю тем осквернили. Ты же, благоверный самодержец, остерегайся их. Ереси же их таковы: во-первых — икон не целуют; во-вторых — мощи святых не целуют; в-третьих — крест, на земле изобразив, целуют, а встав, попирают ногами; в-четвертых — в пост мясо едят; в-пятых — служат с опресноками; в-шестых — попы их крестят одним погружением в воду, а мы — тремя, мы мажем елеем окрещаемого и маслом, а они сыплют соль в уста, во имя же святых не нарекают, но как назовут родители

детей, таким именем и крестят. Поэтому латинской веры следует остерегаться, обычаев их не держаться, причастия у них не принимать и не слушать сказанного ими, потому что неистинно веруют они и говорят и нечисто живут. Едят с собаками и кошками, пьют свою собственную мочу, — зло это и проклятию подлежит, — едят черепах, и диких коней, и ослов, и удавленину, и мясо медвежье и бобровое. В первую же неделю Великого поста и во вторник разрешают есть мясо, и монахи едят сало, в субботу же постятся. Христианам же своих дочерей нельзя выдавать замуж за них, ни их дочерей брать себе в жены, нельзя с ними брататься, ни кумиться, ни целоваться с ними, и нельзя есть с ними и пить из одной посуды. Если же они попросят у вас, то дайте им, Бога ради, поесть, но в их посуде; если же не будет у них посуды, то можно дать в своей и потом, вымывши посуду, молитву сотворите. А о согрешениях своих они не у Бога просят прощения, а попы их прощают за мзду. Попы же их не женятся законным браком, но с рабынями блудят и церковную службу творят, не видя в этом греха. Епископы же их держат наложниц, и на войну ходят, и перстень на руке носят. Мертвецов кладут на запад ногами, а головою на восток и руки вдоль тела укладывают, очи же, уши и нос залепляют воском. И в жены берут сестер. И мертвому телу Господню служат, считая его мертвецом; мы же службу творим живому телу Господню, самого Господа видя сидящим справа от Отца, который судить придет живых и мертвых. Они ведь, латиняне, мертвые, потому что мертвую службу творят; мы же, живому Богу жертву чистую и непорочную принося, вечную жизнь обретаем. Ведь так написано: “Каждому воздается по делам его”. Пищи же их нельзя вкушать, ибо много в них злого и неправедного. Развращена и гибельна вера их, ибо даже иудеи не делают того, что они творят. Многие же в Савелиеву ересь впали, которая сквернее и злее, чем вера любых других народов, потому что спастись от нее нельзя, а от языческих ересей можно. Латиняне и Евангелие, и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным христианам, которые с ними живут в одном месте. Тот же из христиан, который устоит перед ними, сохраняя веру в чистоте, станет перед Богом справа, радуясь; если же по доброй воле перейдет в их веру, то будет стоять вместе с ними слева, плача горько. Нет жизни вечной живущим в вере латинской или мусульманской, или армянской, не будут они вместе со святыми в будущем веке. Веру же их хвалить нельзя: если кто хвалит их веру, то оказывается он хулителем своей; тот, кто начинает непрестанно хвалить чужие веры, отреченные от православного христианства, такой оказывается двоеверцем и близок он к ереси. Ты же, чадо, храни себя от таких деяний и не придерживайся их, но избегай их, свою веру всегда хвали и, по силе своей, подвизайся в ней добрыми делами. Милостив же будь, христолюбец, не только со своими домочадцами, но и с чужими, и если видишь нагого, одень его, а если голодного или находящегося в беде, помоги такому. И если такой будет иной веры, еретик и латинянин, любому помоги и от бед избавь, тогда воздаяния от Бога не лишишься; Бог ведь сам всех питает, и поганых так же, как и христиан. О всех, и о язычниках, и о иноверных, заботится Бог, в будущем же веке лишены они будут воздаяния блаженных; мы же, живущие в правоверной вере, и здесь охраняемы Богом и в будущем

веке спасены будем Господом нашим Иисусом Христом. Если кому-либо по вере сей святой придется Бога ради умереть, то не лишится он истинной веры, но умрет за Христа, ибо святые, сказано, за веру умершие, да оживут о Христе. Ты же, сын мой, если встретишь иноверных, с правоверными спорящих и обманом стремящихся отвратить от православной веры правоверных, ты же, истинно ведающий православие, не скрывай этого в себе, но помоги правоверным в их споре с зловерными. И если поможешь, то, как добрый пастырь, спасешь овец от пасти львиной; если же промолчишь, то все равно что отнимешь у Христа и предашь Сатане, и должен будешь о них ответ держать в день Судный. И если тебе скажет кто-либо: “И эту и ту веру Бог дал”, то ты ответь ему: “Кто ты такой, кривоверный? Считаешь Бога двоеверцем? Не слышал разве, окаянный и развращенный злою верой, что написано: “Так говорит Господь: един Бог, едина вера, едино крещение”. И так сказал Господь: “Подобает нам исполнить всякую правду”, и, все это исполнив, он снова взошел на небеса и учеников своих послал проповедовать во все концы вселенной. Как же ты, зловерный, столько лет держался православной веры, а ныне совратился на зловерие и учение сатанинское. Не слышал разве ты апостола Павла, говорящего, что если некие станут совращать вас и перетолковывать благовествование Христово, даже если ангел, сошедший с небес, начнет поучать вас иначе, не так, как мы известили вам, да будет проклят. Вы же отвергли проповедь апостольскую и святых отцов наставления, приняли неправую веру и учение, развращенное и исполненное погибели. Ради этого от нас изгнаны и отлучены, потому что нам с вами не годится ни жить, ни вместе причащаться, а вам присутствовать на нашей божественной службе, так как много у вас ересей».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38

Преставился блаженный и преподобный отец наш Поликарп, архимандрит Печерский в 6690 (1182) году, в двадцать четвертый день месяца июля, в день святых мучеников Бориса и Глеба. И убрали тело его, и погребли честно с заупокойным пением, как он сам заповедал. После смерти же его начались раздоры в монастыре. После этого старца не могли иноки избрать себе игумена, и охватили братию скорбь, и горе, и печаль — ведь не подобает такому большому стаду ни единого часа без пастыря оставаться.

Во вторник же ударили в било, и вся братия собралась в церкви, и стали молиться святой Богородице. И вот что было удивительным — как едиными устами многие сказали: «Пошлем к Василию-попу на Щековицу, чтобы был он нам игуменом и правителем иноческого стада Феодосиева монастыря Печерского». И, придя, все поклонились

Василию-попу и сказали: «Мы, вся братия, иноки, кланяемся тебе и хотим, чтобы ты был нам отцом и игуменом».

Поп же Василий в великом изумлении, пав, поклонился и сказал им: «Отцы и братья, я о чернечестве только в сердце своем помышлял, ради чего же задумали вы меня, недостойного, поставить игуменом?» После долгих споров согласился он. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь, было это в пятницу. И приехал на пострижение его митрополит Никифор, и Лаврентий, туровский епископ, и Никола, полоцкий епископ, и все игумены. И постриг его митрополит Никифор своей рукой, и стал он игуменом и пастырем иноков Феодосиева монастыря.

Написана была сия книга, называемая Патерик Печерский, жития и чудеса святых и преподобных отцов печерских Антония и Феодосия и всех преподобных отцов печерских, повелением смиренного инока Кассиана, уставщика печерского, в 6970 (1462) году, индикта 10, в десятый день месяца апреля, в субботу святого и праведного Лазаря, друга Христа, на память святых мучеников Терентия и Помпия и других, пострадавших вместе с ними, в богоспасаемом городе Киеве, в царствующей обители пречистой Богоматери и преподобных наших отцов Антония и Феодосия, в Печерском монастыре, в пустыни святого и великого святителя и чудотворца Христова Николы Мирликийского, при княжении благоверного и христолюбивого князя Семена Александровича, при печерском архимандрите Николе, молитвами святых преподобных отцов печерских Антония и Феодосия и святых всех чудотворцев печерских. Богу нашему слава во веки. Аминь.

РУССКАЯ ПРАВДА (КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ)

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

ВСТУПЛЕНИЕ

Краткая редакция Русской Правды (далее — КП) является одним из наиболее древних сохранившихся памятников письменности Киевской Руси, а содержащаяся в ее составе так называемая Правда Ярослава, видимо, — древнейший памятник светского литературного языка древнерусского периода.

КП — свод законов первой половины XI в., разных по времени издания (здесь и далее излагаются выводы книги: Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988).

На Руси IX—X вв. создание писаного права значительно отставало от процесса развития государственности. В результате походов князей Олега, Игоря, Святослава, Владимира в Восточной Европе сложилось огромное государство — от Ладоги до Среднего Поднепровья, от Галиции и Волыни до Волго-Окского междуречья. Русь вела в это время активную внешнюю политику и заключала межгосударственные договоры (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 21—142; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980; Он же. Дипломатия Святослава. М., 1982). Древнерусская государственность развивалась. Существовала публичная власть в виде великокняжеской династии Рюриковичей. Племенные князья находились в первой половине X в. в вассальной зависимости («под рукой») киевских великих князей, а в середине этого столетия племенное деление было заменено территориальным — по погостам и городам с волостями. Существовал и Закон Русский, которым руководствовались в судебной практике великие киевские князья. Его нормы были учтены при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Закон Русский по составу своих норм и по их содержанию восходил к племенному периоду, возможно, к племенам Среднего Поднепровья VIII — первой половины IX в. Он развился в X в. в сложный по составу источник права. Но существовал Закон Русский, вероятно, в устной форме (аналогичным был путь развития Правд у германских и скандинавских племен). С принятием на Руси христианства как государственной религии и с распространением кириллицы появилась возможность записи сложившейся системы законодательных норм — Правды.

Поводом для такой записи стал конкретный случай — конфликт между новгородцами и варягами и правовое урегулирование их отношений Ярославом Святославичем в 1015—1016 гг. При составлении так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды (ст. 1—17 КП) из уже существовавшей правовой системы были избраны те нормы (об убийстве, ударах, увечьях, нарушении права собственности, бегстве зависимых людей), которые были необходимы для осуществления цели издания этого первого писаного судебника. Отсюда ограниченный нормативный состав статей так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды и их частичное редактирование в применении к варягам и колбягам.

Следующим этапом в развитии древнерусского светского права стало издание так называемой Правды Ярославичей, или Домениального устава (ст. 19—41 КП). Большая часть его норм была заимствована из продолжавшей использоваться устной системы права, но в составе Домениального устава эти нормы меняли и ограничивали свою функцию применительно к правовой защите княжеского господского хозяйства. Абсолютное большинство исследователей считает, что так называемая Правда Ярославичей, или Доменияльный устав издана, как следует из содержания ст. 19 КП, Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами после смерти отца. Однако, как следует из текстологического анализа КП и Пространной редакции Русской Правды (далее — ПП), законодательная деятельность братьев имела место еще при жизни отца (Стратонов И. А. К вопросу о составе и

происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. Отд. отт.; Зимин А. А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 7, М., 1954) или Домениальный устав был издан при Ярославе Мудром, существующий ныне заголовок (ст. 19 КП) появился в тексте ошибочно, а совместная законодательная деятельность Ярославичей ограничилась запрещением кровной мести (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде, с. 21—30).

КП включает в свой состав также «покон вирный» — изданный Ярославом Мудрым закон, регламентирующий время и корм вирника во время сбора виры — штрафа за убийство свободного человека. Особую статью составил «урок» (постановление) для мостников — оплату за ремонт моста или мостовой.

Объединение в едином своде разных по назначению и времени происхождения законов, последующее включение этого свода древнерусскими юристами в ПП и его название «Суд Ярославль ВолодимѢричь» позволяет предположить, что КП являлась первой кодификацией светского писаного права и проведена она была до кончины Ярослава Мудрого.

Еще в XVIII в. В. Н. Татищев и И. Н. Болтин предполагали происхождение норм КП в древнейший период, до X—XI вв. В литературе XIX в. этот вопрос конкретизировался в установлении генезиса Русской Правды из правового обычая или государственного закона. В 50—70-е годы нашего столетия связи Русской Правды с предшествующими нормами в обычном праве и Законе Русском обстоятельно изучались Л. В. Черепниным и А. А. Зиминым. Противоположный подход — утверждение государственных правовых новаций — разрабатывал С. В. Юшков, который абсолютизировал государственное нормотворчество.

В исследованиях XVIII — начала XX в. установилось традиционное и верное деление КП на Правду Ярослава, или Древнейшую Правду и Правду Ярославичей, или Домениальный устав (большой вклад в позитивную разработку истории текста КП внес в начале XX в. немецкий ученый Л. К. Гетц). Это деление, но с еще большими различиями в датировке и в определении места издания ее составных частей, сохранилось в литературе 20—80-х годов нашего столетия: Правда Ярослава, или Древнейшая Правда и Правда Ярославичей, или Домениальный устав — соответственно — 30-е годы XI в. и 1072 г. (М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков) или 1015—1016 годы, 70-е годы XI в. (Б. Д. Греков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков и другие) (мнения И. А. Стратонова, А. А. Зимина, М. Б. Свердлова об издании норм так называемой Правды Ярославичей, или Устава Ярославичей еще при жизни Ярослава Мудрого см. выше). Впрочем, существенным недостатком изучения Русской Правды в 40—80-е годы явилось мнение о прямых и жестких связях общественных отношений с содержанием Русской Правды (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин) без учета относительной самостоятельности темпов и содержания развития права и в то же время без учета традиционности

юридического и литературного его выражения как следствия особого значения традиции в средневековом менталитете.

КП сохранилась в двух списках середины XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода: Академический список и Археографический (Комиссионный) список. В. П. Любимов отметил при их описании, что Академический список является более исправным, хотя в нем отмечается порча некоторых слов. Археографический список имеет значительное число испорченных мест (Правда Русская. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, т. I. Тексты, с. 32). Поэтому в основу издания берется Академический список с указаниями разночтений по Археографическому списку.

Лучшее научное издание КП: Правда Русская. Т. I. С. 67—81. Оно стало основой последующих научных изданий. Мы также публикуем КП по этому изданию. Тексты сверены с их факсимильным воспроизведениям: Правда Русская. Под общей редакцией Б. Д. Грекова, т. III. М., 1963, с. 12—20, 24—29.

ОРИГИНАЛ

(Краткая редакция)

ПРАВДА РОСЬКАЯ

1. Убьеть муж мужа,[1] то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову;[2] аще будеть русинъ,[3] любо гридинъ,[4] любо купчина, любо ябетникъ,[5] любо мечникъ,[6] аще изъгои[7] будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь.

2. Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще не будеть на немъ знамениа никоторагоже, то ли приидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда.[8]

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию,[9] то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривенъ.

6. Аще будеть нога цѣла или начьнеть храмати, тогда чада смирять.[10]

7. Аще ли персть утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

8. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ.

9. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить.

10. Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть; или будеть варягъ[11] или колбягъ,[12] то на роту.[13]

11. Аще ли челядинъ[14] съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга,[15] а его за три дни не выведуть, а познають и въ третий день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду.

12. Аще кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемь миру,[16] то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду.

14. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: «Мое», нъ рци ему тако:[17] «Поиди на сводъ,[18] гдѣ еси взялъ»; или не поидеть, то поручника за пять днии.

15. Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ[19] пред 12 человѣка; да аще будеть обидя не вдалъ будеть, достоино ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.

16. Аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ оному вести, у кого то будеть купилъ, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

17. Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господинъ за нь 12 гривнѣ;[20] а за тымъ, где его налѣзуть удареныи тои мужь, да бьють его.

18. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будеть на немъ.[21]

Правда уставлена руськои земли,[22] егда ся съвокупилъ Изяславъ,[23] Всеволодъ,[24] Святославъ,[25] Коснячко,[26] Перенѣгъ,[27] Микыфоръ Кыянинъ,[28] Чюдинъ,[29] Микула.[30]

19. Аще убьють огнищанина[31] въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ убиици, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздъномъ[32] княжи 80 гривенъ.

20. А иже убьють огнищанина в разбои, или убиица не ищуть, то вирное платити, в неиже *вири*[33] голова начнеть лежати.

21. Аже убиють огнищанина у клѣти,[34] или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто.[35] А то же поконъ и тивуницу.

22. А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ.

23. А конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ[36] въ своем конюсѣ, егоже убилѣ дорогобудьци.[37]

24. А въ сельскомъ старостѣ княжи и в ратаинѣмъ 12 гривнѣ.

25. А в рядовници[38] княжѣ 5 гривенъ.

26. А въ смердѣ[39] и въ холопѣ[40] 5 гривенъ.

27. Аще роба[41] кормилица любо кормиличицъ,[42] 12.

28. А за княжь конь, иже тои с пятномъ, 3 гривнѣ, а за смердѣи 2 гривнѣ, за кобылу 60 рѣзанъ, а за волъ гривну, а за корову 40 рѣзань, а третьякь 15 кунъ, а за лоньщину полъ гривнѣ, а за теля 5 рѣзанъ, за яря ногата, за боранъ ногата.

29. А оже уведеть чюжь холопъ любо робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ.

30. Аще же приидеть кровавъ мужь любо синь, то не искати ему послуха.

31. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и тридесятъ рѣзанъ платити ему; или ихъ будеть 18,[43] то по три гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужеви.

32. А въ княжѣ борти[44] 3 гривнѣ, любо пожгуть, любо изудруть.

33. Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а въ огнищанинѣ, и в тивуницѣ, и въ мечници 12 гривънѣ.

34. А иже межу переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ.

35. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.

36. А въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ, а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ.

37. А оже украдуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны.

38. Аще убьють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то тои убитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьють, а люди будуть видѣли связанъ, то платити в немь.

39. Оже сѣно крадуть, то 9 кунъ; а въ дровехъ 9 кунъ.

40. Аже украдуть овъцу, или козу, или свинью, а ихъ будеть 10 одину овьцу укралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи; а хто изималъ, тому 10 рѣзанъ.

41. А от *гривне* мечнику куна, а в десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны, а от 12 гривну емъцю[45] 70 кунъ, а в десятину 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ.

42. А се *поконъ* вирныи: вирнику взяти 7 вѣдоръ солоду на недѣлю, тъже овенъ любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзану въже сыры, в пятницу тако же; а хлѣба по кольку могуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и сути имъ на ротъ, колько могуть зобати; а вирнику 60 гривенъ[46] и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а передѣ гривна; или ся пригоди в говѣние р*ы*бами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; тъ всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю; а борошна колько могуть изъясти; до недѣли же виру *сберуть* вирници. То ти урокъ Ярославль.

43. А се урокъ мостьниковъ:[47] аще помостивше мостъ, взяти от дѣла ногата, а от городници[48] ногата; аще же будеть ветхаго моста потвердити нѣколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

---

[1] *Муж* — в родоплеменном обществе полноправный участник народного собрания, воин, глава семьи; в период становления и развития феодального строя полноправный, лично свободный человек, находящийся под княжеской юрисдикцией, воин, глава семьи, знатный и незнатный.

[2] *Убьеть... то 40 гривенъ за голову...* — Данная норма содержит древнейшее право кровной мести и возможность денежного выкупа за преступление. В ней указан перечень лиц, имеющих право мстить. Однако это регламентированно ограниченный круг мстителей, в чем отразилось ограничение кровной мести, которое существовало еще в родоплеменном обществе. Виру, судебный штраф за убийство, преступник платил князю.

[3] *...аще будеть русинъ... любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь.* — Содержание второй части статьи раскрывается при предположении, что она является дополнением к предшествующему тексту в условиях новгородских событий 1015—1016 годов: в ней указывается равная вира за убийство людей, относящихся к категориям населения, различных по географическому происхождению и социальному статусу. *Русин* — здесь: житель среднего Поднепровья. *Словенин* — здесь, житель Приильменья, политическим центром которого является Новгород.

[4] *Гридин* — член младшей княжеской дружины, воин-профессионал, наемник; древнерусское слово, производное от древнескандинавского gridi — товарищ, телохранитель.

[5] *Ябетник* — человек, находящийся на княжеской службе. Но в отличие от военных слуг — гриди и судейского чиновника *мечника* (см. далее) *ябетник* находился на государственной должности или в составе управления княжеского господского хозяйства.

[6] *Мечник* — член княжеского административно-судебного аппарата.

[7] *Изгои* — особое социальное понятие, означавшее выходцев из разных сословий.

[8] *Или будеть кровавъ... а лѣтцю мъзда.* — Композиционно статья составлена сложно, вследствие чего, несмотря на кажущуюся простоту содержания, ее интерпретировали самым различным образом.

[9] *Тылеснь.*— В литературе широко распространено понимание этого слова как *тупая сторона меча, плашмя* или *тыльная сторона ладони*. Однако меч был обоюдоострым и потому не имел тыльной стороны. В семантике понятия *тылесня* не содержится значения *плашмя.* Наконец, понятие *пясть — кисть руки* включает в себя также кулак и тыльная частьруки. Наиболее близко к раскрытию содержания слова тылеснь предположение И. И. Срезневского — *обух*. Он отметил и близкий по форме синоним — тылъцъ. М. Н. Тихомиров дополнил эти наблюдения более поздними лексическими материалами: *задняя часть кисти руки* (?), *тылье, тупая сторона острого орудия*. На Руси X — первой половины XI в. оружием, которое имело оборотную сторону тупой, являлись сабля и боевой топор (или топор-орудие). Видимо, оборотная сторона именно этих видов оружия или орудия прежде всего имелась в виду под словом *тылеснь*. Разные виды ударов мечом перечисляются в ст. 4, 9 КП.

[10] ...тогда чада смирять. — Чада винительный падеж множественного числа от чадо — ребенок. Отсюда обоснованным является мнение, что чада смирять — удерживать детей от мщения, примирять.

[11] Варяг — название на Руси IX—XI вв. преимущественно скандинавских воинов и купцов. Наемные отряды варягов являлись частью княжеской дружины и русского войска.

[12] Колбяг — вероятно, название человека, относящегося к финно-угорскому населению северо-запада Руси и южнофинским народам, видимо, член купеческого союза, но по общественному положению колбяг находился ниже варяга.

[13] Рота — клятва, в данном случае — судебная.

[14] Челядин — зависимый человек, относящийся к челяди, широкой по социальному значению общественной категории, куда входили люди разных форм зависимости, включая рабов. Именно таким широким значением понятия челядь объясняется отсутствие в Русской Правде указания штрафа за убийство челядина.

[15] ...любо у варяга, любо у кольбяга... — Указание именно этих этнических групп свидетельствует о целенаправленном отборе и редактировании норм так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды как следствие новгородских событий 1015—1016 годов. Отсюда становится понятным, почему не названы в качестве укрывателей русин и словенин.

[16] ...въ своемь миру... — Среди многочисленных мнений о содержании этих слов предпочтительно мнение Г. Е. Кочина, который исходил из первоначально широкого значения выражения свой мир как своя община, противополагаемая другим городским и сельским общинам (Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940, с. 42). Видимо, во второй половине XI — начале XII в. понятие мир стало относиться лишь к сельским общинам, в связи с чем при редактировании текста КП во время подготовки ПП оно было заменено словом город.

[17] *...не рци ему: «Мое», нъ рци ему тако...* — В раннесредневековый период, когда письменность отсутствовала или была распространена ограниченно, особое значение имели словесно-обрядовые процедуры. В юридической функции они представляли собой легко запоминаемые правовые клише, словесно-обрядовое исполнение которых при свидетелях и без них обеспечивало исполнение устной сделки и ее подтверждение в случае необходимости судебными решениями.

[18] *Свод* — судебно-следственная процедура по выявлению участников сделок в связи с краденой вещью или зависимым человеком для установления первоначального правонарушителя-похитителя.

[19] *Извод* — судебное расследование, включавшее показания свидетелей.

[20] *...то холопа пояти, да платить господинъ за нь 12 гривнѣ...* — Возможен разный перевод этой фразы со значительно различающимся юридическим содержанием·. 1) «то холопа арестовать и господин должен заплатить за него 12 гривен», 2) «то холопа (господину) взять и пусть уплатит господин за него 12 гривен». Эта двойственность в понимании текста была снята древнерусскими юристами при подготовке Пространной редакции Русской Правды, где юридическая норма была отредактирована в ст. 65 во втором значении без возможиых иных толкований: «а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен».

[21] *А иже изломить копье... колко далъ будеть на немъ.* — Давно было отмечено, что эта норма была заимствована из Закона Судного людем. Она была отредактирована и добавлена к тексту так называемой Правды Ярослава, или Древнейшей Правды, видимо, небольшое время спустя после ее издания.

[22] *Правда уставлена руськои земли...* — В литературе преобладает мнение, что данный заголовок начинает так называемую Правду Ярославичей, или Домениальный устав, который был издан братьями после смерти Ярослава Мудрого. Однако текстологический анализ И. А. Стратонова и А. А. Зимина показал, что текст статей 19—41 КП относится ко времени Ярослава (но связан с законодательной деятельностью Ярославичей). Развивая эти наблюдения. М. Б. Свердлов предположил, что 1) текст статей 19—41 КП имел заголовок «Правда уставлена руськой земли», 2) он был издан при Ярославе Мудром и представлял собой Домениальный устав, 3) имена Ярославичей и их мужей появились в заголовке в результате неудачного более позднего редактирования (*Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988, с. 84—101).

[23] *Изяслав* — Изяслав Ярославич (1024—1078), третий сын Ярослава Мудрого, ко времени смерти отца в 1054 г. старший из сыновей, оставшихся в живых, туровский князь (до 1054), киевский князь в 1054—1068, 1069—1073, 1077—1078 гг.

[24] *Всеволод* — Всеволод Ярославич (1033—1093), пятый сын Ярослава Мудрого, в 1054—1073 гг. переяславский князь, правил также Ростово-Суздальской и Белозерской землями, в 1073—1077 гг. князь черниговский и других земель, в 1077, 1078—1093 гг. — киевский князь.

[25] *Святослав* — Святослав Ярославич (1027—1076), четвертый сын Ярослава Мудрого, до 1054 г. правил во Владимиро-Волынской земле, в 1054—1073 гг. — князь черниговский и других земель, в 1073—1076 гг. — киевский князь.

[26] *Коснячко* — в киевское княжение Изяслава Ярославича упоминается в 1068 г. как воевода, владел в Киеве двором в верхней части города, где находились наиболее важные церкви, дворы князей и знати.

[27] *Перенег* — как отметил М. Н. Тихомиров, имя Перенег неизвестно, но в Ипатьевской летописи под 6721 (1213) годом упоминается уменьшительная форма имени — Перенѣжько. Поэтому он с полным основанием, как ранее в Академическом издании Русской Правды и в подготовленном на его основе Учебном пособии, разделяет имена Коснячко и Перенег (*Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 80).

[28] *Никифор (Микыфор) Киевлянин* — о его деятельности в источниках не сообщается, но упоминается двор Никифора в Киеве. Этот двор находился на Старокиевской горе и был, видимо, значительным по размерам. Он служил ориентиром в рассказе Повести временных лет при изложении топографии Киева середины X в. Таким образом, подтверждается знатное положение Никифора Киевлянина.

[29] *Чюдин* — занимал видное общественное положение, имел в Киеве двор на месте прежнего княжеского двора времен княгини Ольги. В 1072 г. в великое княжение Изяслава Ярославича он «держал» Вышгород, то есть был княжеским посадником или тиуном (во времена княгини Ольги и, видимо, позднее Вышгород входил в состав княжеского господского хозяйства — домена). В 1068 г. упоминается брат Чудина Тукы среди приближенных мужей Изяслава Ярославича. Известен сын Чудина Иванко. Таким образом, имя Чудин хорошо известно и понимание его как указание прозвища при последующем имени Микула ошибочно.

[30] *Микула* — лицо, достоверно не идентифицируемое.

[31] *Огнищанин* — управляющий хозяйством княжеского двора.

[32] *Подъездной* — наиболее убедительно мнение Б. Д. Грекова, производившего этот социальный термин от слова подъезд — право приезда для получения податей, подати (на примере права епископа на подати в XV—XVI вв.); отсюда подъездной — сборщик податей.

[33] *...вири...*— Сохранившиеся два списка КП содержат здесь ошибочные чтения; при составлении ПП кодификаторы пользовались исправным списком КП, поэтому там содержится ясная по литературному выражению норма: «то виревную платити, в чьеи же верви голова лежить» (ст. 3 ПП, Троицкий I список). Вервь — соседская община (об общине в Древней Русн, источники и литературу см.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 90—105).

[34] *Клеть* — амбар или часть дома, где хранились продукты.

[35] *Аже убиють огнищанина... то убити въ пса мѣсто.* — В литературе широко распространено мнение, согласно которому огнищанин убит во время воровства. Лишь немногие исследователи, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, Б. А. Романов, еще в начале XX столетия отметили противоположное содержание статьи: огнищанин убит во время защиты княжеского хозяйства. Такое понимание статьи представляется верным.

[36] *Изяслав* — Изяслав Ярославич.

[37] *...Изяславъ... въ своем конюсѣ... убилѣ дорогобудьци.* — Дорогобужцы — жители города Дорогобужа на реке Горыни, притоке реки Припять на Волыни. Какой имеется в виду исторический факт — неизвестно.

[38] *Рядович* — зависимый человек по ряду-договору, сохраняющий частично права лично свободного. Есть мнения о содержании понятия рядович как рядовой или холоп, но они не представляются доказанными.

[39] *Смерд* — в данной статье имеется в виду человек, относящийся к феодально зависимому сельскому населению, частично сохраняющему права лично свободного. В социальную категорию смердов входило также лично свободное сельское население. Широкое по содержанию понятие смерды было заменено на Руси XIV—XV вв. новым — крестьяне. Среди многочисленных других мнений преобладают гипотезы о смердах как только о свободном или только зависимом населении, но эти мнения представляются менее обоснованными.

[40] *Холоп* — лично зависимый человек, социально-экономический и правовой статус которого определялся холопством, особой формой личной крепости при феодальном строе. В литературе широко распространено мнение, что холопы — это рабы.

[41] *Роба* — лексический атавизм, относящийся лишь к лично зависимым женского пола. К мужчинам такой формы зависимосги относилось лишь слово холоп. Термин раб использовался в Древней Руси лишь в церковно-славянской лексике. Такое изживание основного понятия, относящегося к патриархальному рабству, подчеркиваемое словом роба, свидетельствует об отражении в социальной лексике

смены древних отношений патриархального рабства новыми — феодальными.

[42] *Кормилец* — дядька-воспитатель.

[43] *...или ихъ будеть 18...* — В ст. 40 КП количество соучастников названо 10. На этом основании еще И. Ф. Г. Эверс обоснованно предположил, что вместо буквенного обозначения числительного «и і», то есть 18, надо читать «и і» — то есть «и 10». Ошибка появилась в результате подведения буквы И под титло, вследствие чего она стала читаться как цифра 8. Число 10 является общим обозначением множественности. Позднее в ст. 41 ПП эта цифра была заменена соответствующим описательным выражением: «будеть ли ихъ много».

[44] *Борть* — улей в дупле или колоде.

[45] *Емец* — вероятно, название административно-судебной должности, исполнение которой заключалось во взимании податей и судебных штрафов. Текст статьи, видимо, испорчен, поскольку из гривны выплатить князю штраф в три гривны невозможно. Наиболее обоснован расчет В. Л. Янина, который исходит из симметричности конструкции обеих частей ст. 41 КП. Продажа состояла в обоих случаях из штрафа в пользу князя и десятины. Десятина была равна 1/5 княжеской доли и 1/6 продажи. Штрафы в пользу мечника и емца выплачивались сверх продажи. По мнению В. Л. Янина, расчет штрафов, взимаемых мечником, исходил не из одной гривны, а из 90 кун, тогда как указание одной куны мечнику тоже ошибочно — первоначальной цифрой в протографе была 21 гривна (*Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде. — Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 144—145).

[46] *...вирнику 60 гривенъ...* — В тексте, вероятно, описка; в аналогичной ст. 9 ПП вирнику указана выплата в 8 гривен. Вирник — сборщик виры.

[47] *Мостник* — строитель мостов и мостовых.

[48] *...от городници...* — Городня — секция настила моста, мостовой, секция конструкции вала, городской стены.

ПЕРЕВОД

(Краткая редакция)

РУССКАЯ ПРАВДА

1. Если убьет человек человека, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры; если кто не будет мстить, то князю 40 гривен за убитого; если это будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, или изгой, или словении, то назначить за него 40 гривен.

2. Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нем не будет никакого признака ударов, то пусть придет на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за обиду 3 гривны и оплату врачу.

3. Если кто ударит кого палкой, или жердью, или кулаком, или чашей, или рогом, или обухом, то платить 12 гривен; если этого виновного не настигнут для немедленного отмщения, то ему платить, а тому делу конец.

4. Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен.

6. Если после удара по ноге будет нога цела или ударенный начнет хромать, тогда детей удерживать от мщения.

7. Если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду.

8. А за ус 12 гривен и за бороду 12 гривен.

9. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.

10. Если человек толкнет человека от себя или к себе, то 3 гривны, и пусть пострадавший приведет на суд двух свидетелей; если пострадавший варяг или колбяг, то пусть сам клянется.

11. Если челядин скроется или у варяга, или у колбяга, и его в течение трех дней не выведут, но обнаружат его хотя бы на третий день, то взять ему <господину> своего челядина, а 3 гривны за обиду.

12. Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить 3 гривны штрафа.

13. Если кто возьмет чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду.

14. Если опознает кто похищенное, то не берет его, и пусть не скажет тому, у кого находится опознанное: «Мое», но скажет ему так: «Пойди на свод, где взял». Если же не пойдет, то пусть предъявит поручителя, что пойдет на свод в течение пяти дней.

15. Если где-нибудь взыскивают на другом долг, а он начнет отказываться, то идти ему на извод перед 12 человеками; и если окажется, что он несправедливо не отдал ему, то истец должен получить свои деньги, а за обиду 3 гривны штрафа.

16. Если кто хочет забрать челядина, опознав его как своего, то при своде вести к тому, у кого этот последний по времени господин купил, а тот отведется к следующему, пока не дойдут до третьего; тогда пусть скажет третьему: «Отдай мне своего челядина, а свои деньги ты взыщи при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного человека и убежит в господский дом, а господин его не будет выдавать, то холопа господину взять, и пусть уплатит господин за него 12 гривен, а после того, где тот ударенный человек встретит его, пусть убьет его.

18. А если кто сломает копье, или щит, или повредит одежду и захочет, чтобы он <хозяин> оставил у себя, то взять с него <виновного> деньги; но если тот, кто сломал, захочет приобрести, то пусть заплатит деньгами столько, сколько господин заплатил за это.

Правда, установленная Русской земле, когда собрались Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Никифор Киевлянин, Чюдин, Микула.

19. Если убьют огнищанина за обиду, то убийца платит за него 80 гривен, а людям не надо; и за княжеского подъездного 80 гривен.

20. А если убьют огнищанина в разбое, а убийцу люди не ищут, то виру платить той верви, где лежит убитый.

21. Если убьют огнищанина у клети, или у коня, или у быка, или во время кражи коровы, то убить убийцу как собаку. И тот же закон в отношении тиуна.

22. А за княжеского тиуна 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде 80 гривен, как постановил Изяслав за своего конюха, когда его убили дорогобужцы.

24. А за княжеского сельского старосту и за старосту, который руководит пахотными работами, 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за смерда и за холопа 5 гривен.

27. Если роба-кормилица или кормилец, 12 гривен.

28. А за княжеского коня, если тот с тавром, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны, за кобылу 60 резан, а за вола гривну, а за корову 40 резан, а за трехлетку 15 кун, а за годовалую полгривны, а за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.

29. А если кто уведет чужого холопа или робу, то платить ему за обиду 12 гривен.

30. Если придет человек окровавленный или с синяками, то не искать ему свидетелей.

31. А если кто крадет или коня, или волов, или обкрадывает клеть, то, если один крал, то заплатить ему гривну и тридцать резан; если их будет 18, то платить каждому человеку по три гривны и 30 резан.

32. А за княжескую борть 3 гривны, если ее сожгут или выдерут пчел и соты.

33. Если смерда будут истязать, но без княжеского повеления, то 3 гривны за обиду; а за истязание огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

34. А если кто запашет межу или затешет межевой знак, то 12 гривен за обиду.

35. А если украдет ладью, то за ладью хозяину платить 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

36. А за голубя и за курицу 9 кун, а за утку, гуся, журавля, лебедя 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то 3 гривны за обиду.

38. Если убьют вора на своем дворе, или у клети, или у хлева, то так тому и быть; если продержат до рассвета, то вести его на княжеский двор; а если его убьют, но люди видели, что он был связан, то платить за него.

39. Если сено украдут, то 9 кун; и за дрова 9 кун.

40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 человек украли одну овцу, то пусть платят по 60 резан штрафа князю, а кто поймал воров, тому 10 резан.

41. А из гривны мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а из 12 гривен ему 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А это закон при сборе виры: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или две ногаты; а в среду резану или сыры, в пятницу то же, а хлеба и пшена сколько смогут съесть; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 вирниц, а при въезде гривна, а если приходится на говение кормить рыбами, то считать за рыбы 7 резан; таким образом всех кун 15 на неделю, а хлеба сколько смогут съесть; пусть вирники собирают виру не более недели. Таково постановление Ярослава.

43. А это постановление для мостников: если настелят мост, то взять за работу ногату, а за городню ногата; если же у старого моста надо будет починить несколько досок, 3, 4 или 5, то взять столько же.

РУССКАЯ ПРАВДА (ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ)

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова

ВСТУПЛЕНИЕ

Традиционное название — Пространная редакция Русской Правды (далее — ПП) — вводит в заблуждение. В сочетании с другим традиционным названием — Краткая редакция Русской Правды (далее — КП) — оно приводит к мнению, что существовал некий юридический памятник — Русская Правда, которая имела две редакции, краткую и пространную. Но это не так. ПП являлась сводом законов и представляла собой вторую кодификацию писаного русского права. Древнерусские юристы включали в ее состав законы, разные по времени и по происхождению. В их числе находилась и КП (Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988, с. 106—170). Таким образом, КП и ПП являются двумя различными памятниками юридической мысли и древнерусской письменности.

Создание ПП исследователи датировали по-разному и с существенными различиями в толкованиях, от первой трети XII в. (большинство исследователей) до начала XIII в. (Н. Л. Дювернуа, С. В. Ведров, В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Я. Н. Щапов и другие). Верным представляется первое мнение. ПП была издана, вероятно, в киевское великое княжение Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125) или Мстислава Владимировича Великого (1125—1132). Позднее, в период политического распада Киевской Руси на множество самостоятельных княжеств такая общерусская кодификация писаного права была невозможна. Выполнен был этот свод так удачно, что до конца XV в. он использовался в качестве источника светского права (Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982).

ПП написана прекрасным литературиым древнерусским языком без диалектизмов. Вместе с тем она является замечательным и еще не оцененным литературным произведением. Со свойственным средневековому реализму лаконизмом излагает ПП самые различные жизненные ситуации в связи с правонарушениями, в связи с отношениями господства и подчинения, в связи с долгом и наследованием, судебно-следственной процедурой и так далее. Литературно формулировки юридических норм изложены по-разному, от лапидарных клише до обстоятельного изложения. В текст включена прямая речь, что также придает ПП стилистическое разнообразие.

В течение долгого периода практического использования ПП в XII—XV вв. ее текст развивался. В. П. Любимов доказал, что списки ПП делятся на три группы: Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Карамзинскую, которые подразделяются на виды. Синодально-Троицкая группа наиболее близка к архетипу, тогда как другие группы являются более поздними по происхождению и содержат дополнительные статьи (Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 34—54). Поэтому текст издается по наиболее исправному Троицкому I списку (XIV в.), относящемуся к Синодально-Троицкой группе списков.

Лучшее издание ПП: Правда Русская, т. I, с. 89—457. Издаваемый текст Троицкого I списка сверен с его факсимильным воспроизведением: Правда Русская, т. III, М. 1963, с. 43—67.

ОРИГИНАЛ

(Пространная редакция)

СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМѢРИЧЬ.

ПРАВДА РУСЬСКАЯ[1]

1. Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови;[2] аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, *аще* будеть княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ бояресkъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь.

2. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ, Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша.

3. О убииствѣ. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьеи же верви голова лежить, то 80 гривенъ, паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую в*и*ру,[3] колико лѣтъ заплатить ту виру, зане же безъ головника имъ платити.

5. Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зане к нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помагати головнику; любо си дикую в*и*ру, но сплати*ти* имъ во обчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть.

6. Но оже будеть убилъ или въ свадѣ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже ся прикладываеть вирою.

7. Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление.

8. Аже кто не вложить в дикую в*и*ру, тому людье не помагають, но самъ платить.

9. А се покони вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ любо полоть, любо 2 ногатѣ; а в середу куна оже сыръ, а в пятницю тако же, а куръ по двою ему на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 уборковъ,[4] а гороху 7 уборковъ, а соли 7 голважень;[5] то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная,[6] а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна.[7]

10. *О вирах*. Аже будеть вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

11. О княжи *отроци*. Аже въ княжи отроци или в конюсѣ, или в поварѣ, то 40 гривенъ.

12. А за тивунъ за огнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ.

13. А в сельскомь тивунѣ княжѣ или в ратаинѣмь, то 12 гривенъ.

14. А за рядовича 5 гривенъ. Тако же и за боярескъ.

15. О ремественицѣ и о ремественицѣ. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ.

16. А за смердии холопъ[8] 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

17. А за кормилця 12 *гривенъ*, тако же и за кормил*и*цю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

18. О покле*п*нѣи вирѣ. Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру, паки ли варягъ или кто инъ, то *два*.

19. А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его.

20. Аже свержеть виру. А иже свержеть виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну; а от виры помочьнаго 9[9] *кунъ*.

21. Искавше ли послуха и не налѣзуть истьця начнеть головою клепати, то ти имъ правду желѣзо.[10]

22. Тако же и во всѣхъ тяжахъ, в татбѣ и в поклепѣ; оже не будеть лиця, то тогда дати ему желѣзо из неволи до полугривны золота;[11] аже ли менѣ, то на воду,[12] оли то до дву гривенъ, аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны.

23. *Оже кто ударить мечемь*. Аже кто ударить мечемь, не вынезъ его, или рукоятию, то 12 гривенъ продажи за обиду.

24. Аже ли вынезъ мечь, а не утнеть, то гривна кунъ.

25. Аже кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию, то 12 гривенъ.

26. Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нѣтуть.

27. Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или ус*о*хнеть *или* нога, или око, или *нос* утнеть,[13] то полувирье 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

28. Аже перстъ утнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна кунъ.

29. А придеть кровавъ мужь. Аже придеть кровавъ мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто будеть почалъ, тому плати*ти* 60 кунъ; аче же и кровавъ придеть или будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

30. Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лѣчебное, потнеть или на смерть, а вира.

31. Аче попъхнеть мужь мужа любо к собѣ ли от собе, любо по лицю ударить, ли жердью ударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту.

32. О челяди. А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познають и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

33. Аже кто всядеть на чю*жь* ко*нь*. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.

34. Аче кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаеть въ своемь городѣ, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

35. Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ или украдено у него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: «Се мое», но поиди

на сводъ, кдѣ есть взялъ, сведитеся, кто будеть виноватъ, на того татба снидеть; тогда онъ свое возметь, а что погибло будеть с нимь, то же ему начнеть платити; аще будеть коневыи тать, выдати князю на потокъ; паки ли будеть клѣтныи тать, то 3 гривны платити ему.

36. О сводѣ. Аже будеть во одиномь городѣ, то ити истьцю до конця того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемь ити до конця своду, а истьцю ждати прока, а кдѣ снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

37. О татбѣ. Паки ли будеть что татебно купилъ в торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати, у кого купилъ, то ити по немь тѣмъ видокомъ на роту, а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаеть у кого купивъ; познаеть ли на долзѣ, у кого то купилъ, то своѣ куны возметь, и сему платити, что у него будеть погибло, а князю продажю.

38. Аже познаеть кто челядь. Аще познаеть кто челядинъ свои украденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до 3-го свода; пояти же челядинъ в челядина мѣсто, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи: «*Не веде*, у кого есмь купилъ», но по языку ити до конця; а кдѣ будеть конечнии тать, то опять ворот*и*ть челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити, а князю продажѣ 12 гривенъ в челядинѣ или украдше.

39. О сводѣ же. А и*с* своего города в чюжю землю свода нѣтуть, но тако же вывести ему послухи любо мытника, передъ кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желѣти, что с нимь погибло, а оному своихъ кунъ желѣти.

40. О татьбѣ. Аже убиють кого у клѣти или у котороѣ татбы, то убиють во пса мѣсто; аже ли и додержать свѣта, то вести на княжь дворъ; оже ли убиють и, а уже будуть людие связана видѣли, то платити в томь 12 гривенъ.

41. Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣть, то же будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будеть ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ платит*и*.

42. О татбѣ же. Аже крадеть скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

43. Аже крадеть гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ.

44. А у него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ.

45. Паки ли лиця не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

А се уроци скоту. Аже за кобылу *60* кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано на нь, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ;[14] то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю.

46. Аже будуть холопи татье, судъ княжь. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

47. Оже кто кунъ взищеть. Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а онъ возметь своѣ куны; зане же не далъ ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

48. Аже кто купець купцю дасть *в* куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ, но ити ему самому ротѣ, аже ся почнеть запирати.

49. О поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха нѣтуть, но оже начнеть болшимь клепати, тому ити ротѣ, у кого то

лежал товаръ: «А толко еси у мене положилъ», зане же ему въ бологодѣлъ и хоронилъ товаръ того.

50. О рѣзѣ. Аже кто даеть куны в рѣзъ, или наставъ в медъ, или жито во просопъ, то послухи ему ставити: како ся будеть рядилъ, тако же ему имати.

51. О мѣсячнѣмь рѣзѣ. А мѣсячныи рѣзъ, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть,[15] а мѣсячныи рѣзъ погренути.

52. Послуховъ ли не будеть, а будеть кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ; будеть ли боле кунъ, то речи ему тако: «Промиловался еси, оже еси не ставил послуховъ».

53. Уставъ Володимѣрь Всеволодича.[16] *А се уставилъ* Володимѣръ Всеволодичь по Святополцѣ,[17] созва дружину свою на Берестовѣмь:[18] Ратибора[19] Киевьского тысячьского, Прокопью[20] Бѣлогородьского тысячьского, Станислава[21] Переяславьского тысячьского, Нажира,[22] Мирослава,[23] Иванка Чюдиновича,[24] Олгова[25] мужа, и уставили до третьяго рѣза,[26] оже емлеть въ треть куны; аже кто возметь два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три рѣзы, то иста ему не взяти.

Аже кто емлеть по 10 кунъ от лѣта на гривну, то того не отмѣтати.

54. Аже которыи купець истопиться. Аже которыи купець, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лѣта платити, тако же платить, зане же пагуба от Бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеть, а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чии то товаръ: ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

55. О долзѣ. Аже кто многимъ долженъ будеть, а пришедъ *гость* из иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнеть не дати гости кунъ, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати

же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣм же ся подѣлять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в дѣлъ; аже кто много рѣза ималъ, *то тому* не имати.

56. Аже закупъ[27] бѣжить. Аже закупъ бѣжить от господы, то обель; идеть ли искать кунъ, а явлено ходить, или ко князю или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робо*т*ять его, но дати ему правду.

57. О закупѣ же. Аже у господина ролеиныи закупъ, а погубить воискии конь,[28] то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугь и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити.

58. О закупѣ ж*е*. Аже изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити; но же погубить на поли и въ дворъ не вженеть и не затворить, кдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя, а того погубить, то то ему платити.

59. Аже господинъ переобидить закупа, а увидить купу его или отарицю,[29] то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ.

60. Паки ли приметь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

61. Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту[30] свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ.

62. Аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то без вины есть; биеть ли не смысля, пьянъ, а без вины, то яко же въ свободнѣмь платежь, тако же и в закупѣ.

63. О холопѣ. Аже холопъ обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

64. О закупѣ. Аже закупъ выведеть что, то господинъ в немь; но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатить господинъ его конь или что будеть ино взялъ, ему холопъ обелныи; и паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, и прокъ ему самому взяти собѣ.

65. А се, аже холопъ ударить. *Аже* холопъ ударить свободна мужа, а убѣжить в хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривенъ; а затѣмь аче и кдѣ налѣзеть удареныи тъ своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

66. О послушьствѣ. А послушьства на холопа не складають; но оже не будеть свободнаго, *то* по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати.

А в малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа.

67. О бородѣ. А кто порветь бороду, а въньметь знамение, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ.

68. О зубѣ. Аже выбьють зубъ, а кровь видять у него во ртѣ, а людье вылѣзуть, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна.

69. Аже украдеть кто бобръ, то 12 гривенъ.

70. Аже будеть росѣчена земля или знамение, им же ловлено, или сѣть, то по верви искати *в собе* татя *любо* платити продажю.

71. Аже кто борть разнаменаеть. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ.

72. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь перегородить межю, то 12 гривенъ продажи.

73. Аже дубъ подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривенъ продажѣ.

74. А се наклади.[31] А се наклады 12 гривенъ: отроку[32] 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомь на дву коню, сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмь кормомь, что има черево возметь, писцю 10 кунъ, перекладнаго[33] 5 кунъ, *за* мѣхъ[34] двѣ ногатѣ.

75. А се о борти. Аже борть подътнеть, то 3 гривны продажѣ, а за дерево пол гривны.

76. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за медъ, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будеть ли олѣкъ, то 5 кунъ.[35]

77. Не будеть ли татя, то по слѣду женуть; аже будеть слѣдъ ли к селу или к товару, а не отсочать от собе слѣда, ни ѣдуть на слѣдъ или отбьють, то тѣмь платити татбу и продажю; а слѣдъ гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять слѣдъ на гостиныцѣ на велицѣ, а села не будеть, или на пустѣ, кдѣ же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.[36]

78. О смердѣ. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.

79. Аже лодью украдеть, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемь воротити; а за морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью[37] 2 гривны, за челнъ 20 кунъ, а за стругъ гривна.

80. О перевѣсѣхъ. Аже кто подотнеть вервь в перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.

81. Аже кто украдеть въ чьемь перевѣсѣ ястрябъ или соколъ, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна; а за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за утовь 30 кунъ, а за густь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ.

82. А в сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будеть возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ.

83. О гумнѣ. Аже *зажьжеть* гумно, то на потокъ *и* на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити и. Тако же аже кто дворъ зажьжеть.

84. А кто пакощами конь порѣжеть или скотину, *то* продажѣ 12 гривенъ, а *за* пагубу господину урокъ платити.

85. Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободыми; будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець, или иметь и, а река тако: «По сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ», и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, *а* платити ему гривна за муку, зане по холопьи рѣчи ял*и*.

86. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а пол гривны дѣтьскому;[38] то ти желѣзныи урокъ, кто си в чемь емлеть.

87. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, либо ли запа на нь будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образомь аже не ожьжеть, то про муки не платити ему, но одино желѣзное, кто и будеть ялъ.

88. О женѣ. Аже кто убиеть жену, то тѣм же судомь судити, яко же и мужа; аже будеть виноватъ, то пол виры 20 гривенъ.

89. А в холопѣ и в робѣ виры нѣтуть; но оже будеть без вины убиенъ, то за холопъ *урокъ* платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.

90. Аже умреть смердъ. Аже смердъ умреть, то задниц*а* князю;[39] аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемь, то не даяти части имъ.

91. О задницѣ боярьстѣи и о друж*и*ннѣи. Аже в боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть.

92. Аже кто умирая раздѣлить домъ свои дѣтемъ, на том же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ детѣмъ, а на самого часть дати души.

93. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задниця еи мужня не надобѣ.

94. Будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея; любо си на жену будеть възложилъ, обаче матери своеи возмуть.

95. Аже будеть сестра в дому, то тои задницѣ не имати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть.

96. А се закладаюче городъ. А се уроци городнику: закладаюче городню,[40] куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони; имати же ему, донелѣ городъ срубять; а солоду одину дадять 10 луконъ.

97. О мостницѣхъ. А се мостнику уроци: помостивше мостъ, взяти от 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ от городнѣ; а мостнику самому ѣхати со отрокомь на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю, а ѣсть, что можеть.

98. А се о задницѣ. Аже будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ с *матерью*.

99. Аже будуть в дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то кто имъ ближии будеть, тому же дати на руцѣ и с добыткомь и с домомь, донелѣ же возмогуть; а товаръ дати перед людми; а что срѣзить товаромь тѣмь ли пригостить, то то ему собѣ, а истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъся ими; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли будеть ростерялъ, то то все ему платити дѣтемъ тѣм; аче же и отчимъ прииметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ.

100. А дворъ без дѣла отень всякъ меншему сынови.

101. О женѣ, аже ворчетъ сѣдѣти. Аже жена ворчеть сѣдѣти по мужи, а ростеряеть добытокъ и поидеть за мужь, то платити еи все дѣтемъ.

102. Не хотѣти ли начнуть дѣти еи ни на дворѣ, а она начнеть всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли; но что еи далъ мужь, с тѣм же еи сѣдѣти или, свою часть взѣмше, сѣдѣти же.

103. А матерня часть не надобѣ дѣтемъ, но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси роздѣлять; безъ языка ли умреть, то у кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

104. Аже будуть двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отця задниця, а онѣмъ своего.

105. Будеть ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отця, а умреть, то възворотить брату, на не же и людье вылѣзуть, что будеть отець его истерялъ иночимля; а что ему своего отця, то держить.

106. А матери, которыи сын добръ, перваго ли *мужа*, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

107. А се уроци судебнии. А се уроци судебнии: от виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а от бортноѣ земли 30 кунъ, а *от* инѣхъ *от* всѣхъ тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метелнику 6 вѣкошь.

108. О задницѣ. Аже братья ростяжють перед княземь о задницю, *то* которыи дѣтьскии идѣть ихъ дѣлить, то тому взяти гривна кунъ.

109. Уроци ротнии. А се уроци ротнии: от головы 30 кунъ, а от бортьноѣ земли 30 кунъ бес трии кунъ; тако же и от ролеиноѣ земли. А от свободы 9 кунъ.

110. О холопьствѣ. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самѣмъ холопомь; а второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомь, то како ся будеть рядилъ, на том же стоить; а се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключь к собѣ без ряду, [41] с рядомь ли, то како ся будеть рядилъ, на том же стоить.

111. А въ дачѣ[42] не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатъцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть.

112. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба или укажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

113. Аже кто перeиметь чюжь холопъ и дасть вѣсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не ублюдеть ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему, а будеть роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходить.

114. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемь любо городѣ, а будеть посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ от него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нетуть; аче упустить и гоня, а собѣ ему пагуба, а *не* платить в то никто же, тѣм же и переима нѣтуть.

115. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ усрячеть и, или повѣст*и* дѣеть, любо держить и у собе, а идеть от него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа в томь нѣтуть.

116. Аче же холопъ кдѣ куны *вылжеть*, а онъ будеть не вѣдая вдалъ, то господину выкупати али лишитися его; вѣдая ли будеть далъ, а кунъ ему лишитися.

117. Аже *кто* пустить холоп*а* в торгъ, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитися его.

118. Аже кто кренеть чюжь холопъ, не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купил, *ведая ли будеть купилъ, то кунъ ему лиху быти.*

119. А*же холопъ бѣгая будеть добудеть товара, то господину долгъ*, господину же и товаръ, а не лишатися *его*.

120. Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити за нь урокъ, что будеть взялъ.

121. Аже холопъ крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимь будеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; но оже будуть с нимь крали и хоронили, то всѣхъ выдати, паки ли а выкупаеть господинъ; аже будуть свободнии с нимь крали или хоронили, то князю въ продажѣ.

---

[1] *Суд Ярославль Володимѣричь. Правда Русьская*. — Содержание заголовка раскрывает отношение древнерусских правоведов к Краткой редакции Русской Правды при составлении Пространной редакции в первой четверти или первой трети XII в. Они воспринимали текст Домениального устава, или так называемой Правды Ярославичей относящимся к законодательной деятельности Ярослава Мудрого в той же мере, что и Правду Ярослава, или Древнейшую Правду. Об этом

свидетельствует содержание ст. 1 ПП, где сведены нормы ст. 1 КП и ст. 19 КП, относящейся в сохранившемся тексте КП к так называемой Правде Ярославичей. Ст. 2 ПП подтверждает такое понимание заголовка. В ней конкретно указывается содержание совместного законодательства Ярославичей — отмена кровной мести. Все остальное законодательство отнесено к Ярославу, более того — Ярославичи его подтвердили: «...а ино все, яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша». Эта же ограниченная по содержанию правовая реформа Ярославичей названа и в ст. 65 ПП, где к их закону отнесено запрещение убивать холопа, ударившего свободного человека, в отличие от законодательства Ярослава, разрешавшего убийство за это преступление.

[2] *...любо братучадо, ли братню сынови...* — Указание в перечне лиц, имеющих право на кровную месть, сына брата, который заменил сына сестры, указанного в ст. 1 КП, свидетельствует о реформе по ограничению кровной мести в великое княжение Ярослава Мудрого (в самостоятельное княжение Ярославичей кровная месть была полностью заменена денежным выкупом). *Сын сестры* находился в чужом кровно-родственном коллективе. Поэтому его исключение из числа мстителей еще более ограничивало круг кровных родственников, имевших право мстить. Но указание в ст. 1 ПП *сына брата* привело к ограничению значения ранее использованного в ст. 1 широкого понятия *братучадо,* сузив его значение до *двоюродный брат*, или к появлению частичной тавталогии при сохранении прежнего значения (см. коммент. к ст. 1 ПП).

[3] *Дикая вира* — коллективная выплата виры за чужую вину.

[4] *Уборок* — мера сыпучих тел.

[5] *Голважня* — единица измерения соли, возможно, в виде слитка, «головы».

[6] *Перекладная* — возможно, подать вирнику до окончания дела, в некоторых списках XIV в. эта пошлина осмысляется как *прикладная*, то есть добавленная к 8 гривнам.

[7] *Ссадная гривна* — подать вирнику при его въезде в общину (за сход с коня) (в комментариях к ст. 9 ПП использованы наблюдения А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова, Я. Н. Щапова).

[8] *А за смердии холопъ...* — В списках ПП «А за смердии холоп», поэтому в литературе широко распространено буквальное понимание этих слов — *холоп смерда*, сельский (холоп, работающий на земле) или *пашенный холоп*. Однако мнение о существовании холопов у смердов, а также о подобных значениях слова *смердий*, источниками не подтверждается. Между тем, на основании текстуального анализа В. П. Любимов показал в ст. 26 КП и ст. 16 ПП первоначальное равное указание *смердов* и *холопов* как двух социальных категорий (*Любимов В. П.* Смерд и холоп. — Исторические записки, 1941, т. 10). Поэтому в полной мере обосновано предположение Б. А. Романова о

появлении чтения «А за смердии холоп» как «давно укоренившейся описке» (Русская Правда: Учебное пособие. М.—Л., 1940, с. 59), а в новейшей литературе правомерно раздельное чтение *смерд* и *холоп* в ст. 16 ПП (работы И. И. Смирнова, Б. А. Рыбакова, Я. Н. Щапова и других).

[9] *...от виры помочьнаго 9.* — Интерпретация этих слов существенно различается в результате разночтения помечнаго в Троицком I списке. Отсюда их толкование как указание пошлины мечнику. Однако в рукописях более широко распространено чтение *помочного* и производные от него варианты. В отличие от единичного чтения *помечнаго* пошлина *помочное* упоминается вторично ст. 107 ПП. Поэтому данное понимание текста широко распространено в литературе.

[10] *Железо* — судебное испытание раскаленным железом, ордалия, «Божий суд».

[11] *Полгривны золота* — приблизительно, 5 гривен серебра, 20 гривен кун.

[12] *Вода* — судебное испытание посредством погружения в воду, ордалия, «Божий суд».

[13] *...или нос утнеть...* — Данное чтение в Пушкинской и Карамзинской группах списков было, видимо, древнейшим и составляло часть нормы, тогда как чтение *не утнеть* в Синодально-Троицкой группе лишено смысла (такое толкование продолжает наблюдения Б. А. Романова, А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова).

[14] *...а за коровиемолоко 6 ногатъ...* — В. Г. Гейман отметил, что здесь имеется в виду наказание за многократный тайный надой коров, а не разовый удой и не дойная корова, как считали предшественники, что было бы слишком большим наказанием в первом случае и слишком малым во втором (Правда Русская, т. II, М.—Л., 1947, с. 401).

[15] ...въ треть... — Как показал В. О. Ключевский, третный рез представлял собой 50% — из двух частей (50%—50%) — третья часть (*Ключевский В. О.* Сочинения, т. I, М., 1956, с. 248).

[16] Уставъ Владимѣрь Всеволодича. — Владимир Всеволодович Мономах, сын Всеволода Ярославича, во время восстания 1113 г. в Киеве после смерти Святополка Изяславича, который недостаточно сдерживал ростовщичество, был приглашен на киевское княжение. Чтобы погасить восстание, Владимир Мономах сразу же ограничил ростовщические проценты. Решение это было принято совместно с узким кругом представителей южнорусской знати.

[17] Святополк — Святополк Изяславич (1050—1113), сын Изяслава Ярославича, князь полоцкий, новгородский, туровский, великий князь киевский с 1093 г.

[18] *Берестово* — пригородное великокняжеское село под Киевом (ныне находится в пределах городской черты Киева), где в XI—XII вв., возможно, и ранее находился великокняжеский дворец.

[19] *Ратибор* — княжий муж Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. В 1079—1081 гг. являлся посадником в Тмутаракани, в 1095 г. находился в Переяславле, где княжил Владимир Мономах, в 1100 г. участвовал в съезде в Уветичах как доверенное лицо Владимира Мономаха. Видимо, сразу при вокняжении в Киеве Владимир Всеволодович назначил его киевским тысяцким.

[20] *Прокопий* — сведений о нем нет.

[21] *Станислав* — Станислав Добрый Тудкович (Тукович), в 1136 г. находился в числе киевских бояр, которые были убиты в результате княжеских распрей. Тогда он служил великому киевскому князю Ярополку Владимировичу, сыну Владимира Мономаха. В 1113 г. Станислав являлся переяславским тысяцким. Он был сыном Туки, княжого мужа Изяслава, а позднее Всеволода Ярославичей, брата Чудина, который участвовал в законодательной деятельности Ярославичей.

[22] *Нажир* — сведений о нем нет.

[23] *Мирослав* — сведений о нем нет. Это имя было широко распространено на Руси. Поэтому его идентификация с одним из бояр Мирославов, упоминаемых в 30—40-е годы XII в., была бы мало обоснованной.

[24] *Иванко Чудинович* — сын Чудина, киевского боярина и княжого мужа Изяслава Ярославича (см. коммент. к с. 492), двоюродный брат переяславского тысяцкого Станислава Доброго Тудковича. Поскольку в ПП он назван княжим мужем Олега Святославича, можно предположить, что его отец Чудин остался в Киеве после изгнания Изяслава и стал служить Святославу Ярославичу в его великое княжение, а его сын Иван продолжал эту службу у Олега Святославича.

[25] *Олег* — Олег Святославич (?—1115), сын Святослава Ярославича, князь владимиро-волынский, черниговский, тмутараканский, муромский.

[26] *Устав... до третьяго рѣза...* — Существенное значение для понимания нормативного состава и литературного содержания имеет определение статей Устава Владимира Мономаха о резах. Объективный критерий в определении его нормативного состава заключается в композиции текста ПП. Устав Мономаха завершает предшествующий по времени комплекс норм о резах-процентах, ст. 50—52, в качестве нового закона. Но весь этот комплекс норм при кодификации ПП неудачно расчленил целостный комплекс норм о долговых операциях (ст. 47—49, 54, 55). Поэтому верными представляются мнения о принадлежности к Уставу, изданному в 1113 г., только ст. 53 и

сомнение в принадлежности к нему ст. 54, 55. (*Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 128—136).

[27] *Закуп* — лично свободный сельский житель, владелец собственного хозяйства, который попадал в зависимость через купу (прежде всего деньги, видимо, под проценты). Купу он отрабатывал в хозяйстве господина при определенных формах внеэкономического принуждения.

[28] *...воискии конь...* — В Археографическом II списке воиньскыи, в двух списках Карамзинской группы — своискы. Учитывая эти разночтения, мнения исследователей значительно различаются в понимании значения этих слов. Но каждое из толкований остается уязвимым для критики. При понимании воинский неясна возможность употребления кавалерийских лошадей на пашне, да и само разделение лошадей на кавалерийских и пристяжных, как отмечал В. И. Сергеевич, для этого времени сомнительно. Своискы в значении свой, господина также сомнительно, поскольку неясно, почему при его гибели закуп не платит, тогда как за гибель значительно более дешевых плуга и бороны он платит. Если своискы — конь закупа, то при его утрате закуп со всей очевидностью платить не должен. Однако понимание текста как указания на то, что закупу платить господину не надо, если он погубит своего коня во время работы на господина, также лишено смысла. Поэтому реальное содержание нормы раскрывается, как представляется, только в том случае, если допустить, что пашенный закуп губит своего коня, а господин ему не платит, и в этом выражается неравноправное, зависимое положение закупа.

[29] *Отарица* — личная собственность закупа, включая землю.

[30] *Наймит* — в данном случае применение этого термина по отношению к закупу раскрывает содержание купы как денежного долга под проценты. Слово найм (новгородская диалектная форма намы) означал в XI—XII вв. проценты. Понятие наймит использовалось также для обозначения людей, работающих по свободному найму.

[31] *Наклады* — дополнительные к 12 гривнам натуральные и денежные пошлины. При взимании 12-гривенной продажи отрок получал еще пошлину в 2 гривны и 20 кун. Это — одна пятая часть от продажи. В таком размере проявилась регламентация данной пошлины: равно как и в соответствии со ст. 9 ПП вирник получал дополнительную пошлину в 1 /5 часть виры.

[32] *Отрок* — в данном случае это слово относится к административным лицам на разных социальных уровнях: отрок — член княжеской дружины, княжеского судебного аппарата, княжеский слуга, помощник судебного исполнителя, слуга княжеского служилого человека.

[33] *Перекладное* — возможно, по мнению М. Н. Тихомирова, подать судебному чнновнику за окончание дела.

[34] *Мех* — находки в Новгороде пломбирующих усгройств — цилиндров — позволили В. Л. Янину высказать убедительное предположение,

согласно которому в ст. 74 ПП речь идет о мешке, где складывались денежные доходы (*Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде. — Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 142—146). Поэтому основанием для дополнительного податного обложения могла быть транспортировка взимаемых денег.

[35] *Аже пчелы выдереть... то 5 кунъ.* — Содержание ст. 76 недостаточно ясно. А. А. Зимин приводит мнение научного сотрудника Института пчеловодства П. М. Комарова, согласно которому выражение пчелы не лажены означает, что пчелы не подготовлены на зимовку и вор похитил кормовой и «товарный» мед, Олекъ.— Хозяин взял «товарный» мед, а вор очистил борть до потолка (олек), похитив лишь кормовой мед. М. Н. Тихомиров привел известие (1533 г.) из Литовской метрики, откуда следует, что пчелы не лажены — ульи, за которыми не лазили, чтобы вынуть соты, тогда как олек — улей, в котором сидят молодые пчелы, еще не наносившие меду (Памятники русского права, вып. I, М., 1952, с. 103; *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучение Русской Правды, М., 1953, с. 103).

[36] *Не будеть ли татя... ни татбы.* — До классификации В. П. Любимовым списков Русской Правды исследователи предпочитали ясное по содержанию чтение поздних списков, Мусин-Пушкинского, Рогожского (Лаптевского) и Карамзинского, «аже будеть слѣдъ», поскольку текст оказывался легким для понимания: если след приведет к селу или торговому стану, а их жители или хозяева не отведут от себя следа, то... Если признать достоверность чтения Троицкого и других списков, то анализ текста значительно усложнится (Г. Е. Кочин, А. А. Зимин), но более ясным он не становится. Учитывая, что в Троицком I списке (как и в других) имеются явно ошибочные чтения, можно считать и данное чтение аже не будеть слѣда ошибочным. Недоумения и искусственные толкования при этом отпадут, а текст приобретет целостный и ясный смысл.

[37] *Набойная ладья* — ладья с набоями, досками, прибитыми для возвышения бортов.

[38] *Детский* — в данном случае младший дружинник, исполняющий судебные функции.

[39] *Аже смердъ умреть, то задница князю...* — Норма статьи исходит из того, что смерд умирает, не имея прямого наследника сына.

[40] *Городня* — звено городской ограды венчатой конструкции. Лукно, уборок — меры сыпучих тел, ныне точно не устанавливаемые.

[41] *...привяжеть ключь к собѣ без ряду...*— Обрядовая процедура, имеющая юридическое значение: привязывание (к поясу?) ключа при поступлении в тиуны без особого договора о сохранении свободы превращала человека в холопы. Такая форма похолопления была добровольной, но социально-экономически детерминированной. Взамен утраченной свободы она предоставляла права управления и более стабильное общественное положение в господском хозяйстве.

[42] *Дача* — то, что дается господином на определенных условиях.

ПЕРЕВОД

(Пространная редакция)

СУД ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА.

РУССКАЯ ПРАВДА.

1. Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата; если никто <из них> не будет за него мстить, то назначить 80 гривен за убитого, если он княжий муж или княжеский тиун; если он будет русин, или гридин, или купец, или боярский тиун, или мечник, или изгой, или Словении, то назначить за него 40 гривен.

2. По смерти Ярослава, снова собравшись, сыновья его, Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их, Коснячко, Перенег, Никифор, отменили месть за убитого, заменив ее выкупом деньгами; а все остальное — как Ярослав судил, так и сыновья его установили.

3. Об убийстве. Если кто убьет княжего мужа в разбое, а убийцу не ищут, то виру в 80 гривен платить верви, где лежит убитый, если же простой свободный человек, то 40 гривен.

4. Если которая-либо вервь будет платить дикую виру, пусть выплачивает ту виру столько времени, сколько будет платить, потому что они платят без преступника.

5. Если преступник является членом их верви, то в этом случае помогать <общинникам> преступнику, поскольку ранее он им помогал <выплачивать виру>; если же <выплачивать> дикую виру, то платить им всем вместе 40 гривен, а за преступление платить самому преступнику, а из совместной платы 40 гривен ему заплатить свою часть.

6. Но если <кто> убил открыто, во время ссоры или на пиру, то теперь ему так платить вместе с вервью, поскольку и он вкладывается в виру.

7. Если <кто> свершит убийство без причины. <Если кто> свершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его самого с женою и детьми на изгнание и на разграбление.

8. Если кто не вкладывается в дикую виру, тому люди не помогают, но он платит сам.

9. А это вирные постановления, которые были при Ярославе: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или 2 ногаты; а в среду куна или сыр, в пятницу столько же, две куры ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороха 7 уборков, а соли 7 голважень; все это — вирнику с отроком, а коней содержат четырех, на каждого коня давать овес: вирнику — 8 гривен, а 10 кун — перекладная <подать>, а метельнику — 12 векш, и еще ссадная гривна.

10. О вирах. Если вира 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векш, а ранее — ссадная гривна, а за убитого — 3 гривны.

11. О княжеском отроке. Если за княжеского отрока, или за конюха, или за повара, то <вира> 40 гривен.

12. А за тиуна огнищного и за конюшего — 80 гривен.

13. А за тиуна княжеского сельского или руководящего пахотными работами — 12 гривен.

14. А за рядовича — 5 гривен. Столько же и за боярского <рядовича>.

15. О ремесленнике и ремесленнице. А за ремесленника и за ремесленницу — 12 гривен.

16. А за смерда и холопа 5 гривен, а за робу — 6 гривен.

17. А за кормильца 12 гривен, столько же и за кормилицу, хотя это будет холоп или роба.

18. О недоказанном обвинении в убийстве. Если на кого будет недоказанное обвинение в убийстве, то выставить 7 свидетелей, чтобы они отвели обвинение; если же <обвиняемый> варяг или какой иной <иноземец>, то выставить двух свидетелей.

19. А за останки и за мертвеца, если не ведомо его имя и он неизвестен, то вервь не платит.

20. Если отведет обвинение в убийстве. А если кто отведет обвинение в убийстве, то дает отроку гривну кун за оправдание; а кто его недоказанно обвинил, то тому дать другую гривну, а за помощь в отведении обвинения в убийстве 9 кун.

21. Если ищут свидетеля и не найдут, а истец обвиняет в убийстве, то рассудить их испытанием железом.

22. Так же и во всех судебных делах, о воровстве и о клевете, если не будет поличного, а иск не менее полугривны золота, то тогда принудительно привести ответчика к испытанию железом; если же менее значительный иск, то к испытанию водой; если до двух гривен или менее, то идти ему на судебную клятву в отношение своих кун.

23. Если кто ударит мечом. Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью, то 12 гривен штрафа в пользу князя за обиду.

24. Если же, вынув меч, не ударит, то гривна кун.

25. Если кто кого ударит батогом, или чашей, или рогом, или тыльной стороной оружия, то 12 гривен.

26. Если кто, не утерпев, ударит мечом того, кто нанес удар, то вины ему в этом нет.

27. Если посечет руку, и отпадет рука или усохнет, или нога, или глаз или нос повредит, то полувиры 20 гривен, а пострадавшему за увечье 10 гривен.

28. Если повредит какой-либо палец — 3 гривны штрафа князю, а пострадавшему гривна кун.

29. Если придет окровавленный человек. Если придет на <княжеский> двор человек окровавленный или избитый до синяков, то не искать ему свидетелей, а платить ему <виновному> штраф князю 3 гривны; если следов побоев нет, то привести ему свидетеля в соответствии со словами его показания; а кто начал драку, тому платить 60 кун, если даже и придет окровавленный <человек>, но он сам начал, и придут свидетели, то за это ему платить, хотя его же и били.

30. Если <кто> ударит мечом, но не зарубит насмерть, то 3 гривны, а самому <пострадавшему> гривна за рану на лечение, если зарубит насмерть, то платить виру.

31. Если человек толкнет человека к себе или от себя, или по лицу ударит, или жердью ударит, и представят двух свидетелей, то 3 гривны штрафа князю; если будет варяг или колбяг, то вывести на суд свидетелей сполна <тоже двух> и пусть они идут на судебную клятву.

32. О челяди. Если челядин скроется, и объявят о нем на торгу, а в течение 3 дней его не вернут, то, если опознают его на третий день, <господину> забрать своего челядина, а тому <укрывателю> заплатить 3 гривны штрафа князю.

33. Если кто сядет на чужого коня. Если кто сядет на чужого коня без спросу, то 3 гривны.

34. Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он объявит о том на торгу, а после опознает пропажу в своем городе, то взять ему свое наличием, а за ущерб платить ему 3 гривны.

35. Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому <у кого пропажа обнаружена>: «Это мое», но пойди на свод, где он взял, пусть сойдутся <участники сделки и выяснят>, кто виноват, на того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный выплатит; если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны.

36. О своде. Если будет <свод> в одном городе, то идти истцу до конца этого свода; если будет свод по <разным> землям, то идти ему до третьего свода; а в отношении наличной <краденой> вещи, то третьему <ответчику> деньгами платить за наличную вещь, а с наличной вещью идти до конца свода, а истец пусть ждет остального <из пропавшего>, а где обнаружат последнего <по своду>, то тому платить за все и штраф князю.

37. О воровстве. Если <кто> купил что-либо ворованное на торгу, или коня, или одежду, или скотину, то пусть он выведет свидетелями двух свободных человек или сборщика торговых пошлин; если же он не знает, у кого купил, то пусть те свидетели идут на судебную клятву в его пользу, а истцу взять свое украденное; а что вместе с этим пропало, то о том ему лишь сожалеть, а ответчику сожалеть о своих деньгах, поскольку не знает, у кого купил краденое; если позднее ответчик опознает, у кого это купил, то пусть возьмет у него свои деньги, а тому платить <за все>, что у него <ответчика> пропало, а князю штраф.

38. Если кто опознает <свою> челядь. Если кто опознает своего украденного челядина и вернет его, то он должен вести его по денежным сделкам до третьего свода и взять у третьего ответчика челядина вместо своего, а тому дать опознанного: пусть идет до последнего свода, потому что он не скот, нельзя ему говорить: «Не знаю, у кого я куплен», но идти по показаниям челядина до конца; а когда будет выявлен истинный вор, то опять вернуть господину украденного челядина, а третьему ответчику взять своего, и за ущерб

<истцу> тому же вору платить, а князю 12 гривен штрафа за кражу челядина.

39. О своде же. А из своего города в чужую землю свода нет, но также представить <ответчику> свидетелей или сборщика пошлин, перед которым была совершена покупка, а истцу взять наличное, а об остальном, что с ним пропало, только сожалеть, а тому, кто купил краденое, сожалеть о своих деньгах.

40. О воровстве. Если убьют кого-либо у клети или во время какого иного воровства, то его можно убить как собаку; если продержат его до рассвета, то вести на княжеский двор; если же убьют его, а люди видели его уже связанным, то платить за него 12 гривен.

41. Если кто крадет скот в хлеве или клеть, то если один <крал>, то платить ему 3 гривны и 30 кун; если же их много <крало>, то всем платить по 3 гривны и по 30 кун.

42. О воровстве же. Если крадет скот в поле, или овец, или коз, или свиней, то 60 кун; если воров будет много, то всем по 60 кун.

43. Если крадет на гумне или зерно в яме, то сколько их крало, всем по 3 гривны и по 30 кун.

44. А у кого <что> пропало, но будет <обнаружено> в наличии, пусть наличное возьмет, а за <каждый> год пусть возьмет по полугривне.

45. Если же наличного не будет, а это был княжеский конь, то платить за него 3 гривны, а за других по 2 гривны.

А это постановление о скоте. За кобылу — 60 кун, а за вола — гривна, а за корову — 40 кун, а за трехлетку — 30 кун, за годовалого — полгривны, за теленка — 5 кун, за свинью — 5 кун, а за поросенка — ногата, за овцу — 5 кун, за барана — ногата, а за жеребца, если он необъезжен — гривна кун, за жеребенка — 6 ногат, за коровье молоко — 6 ногат; это постановление для смердов, если платят князю штраф.

46. Если окажутся воры холопами, то суд княжеский. Если окажутся воры холопами, или княжескими, или боярскими, или принадлежащими монахам, то их князь штрафом не наказывает, потому что они несвободны, но пусть вдвойне платит <их господин > истцу за ущерб.

47. Если кто денег взыщет <на ком-либо>. Если кто взыщет на другом денег, а тот станет отказываться, то если <истец> выставит против него свидетелей, а те пойдут на судебную клятву, то пусть он возьмет свои деньги; а поскольку <ответчик> не отдавал ему деньги в течение многих лет, то заплатить ему за ущерб 3 гривны.

48. Если какой-либо купец даст другому купцу денег для местных торговых сделок или для дальней торговли, то купцу не нужно предъявлять деньги перед свидетелями, свидетели ему <на суде> не нужны, но идти ему самому на судебную клятву, если <ответчик> станет запираться.

49. О товаре, данном на хранение. Если кто кладет товар на хранение у кого-либо, то здесь свидетель не нужен, но если <положивший товар на хранение> станет необоснованно требовать большего, то идти на судебную клятву тому, у кого товар лежал, <и пусть скажет>: «Ты у меня положил именно столько, <но не более>», ведь он его благодетель и хранил товар его.

50. О проценте. Если кто дает деньги под проценты, или мед с возвратом в увеличенном количестве, или зерно с возвратом с надбавкой, то следует ему представить свидетелей: как договаривались, так ему и получить.

51. О месячном проценте. А месячный процент брать ему <кредитору>, если <договорились> о малом <сроке>; если же деньги не будут выплачены в срок, то дают ему деньги в треть, а от месячного процента отказаться.

52. Если свидетелей не будет, а <долг> составит 3 гривны кун, то идти ему на судебную клятву <с иском> на свои деньги; если же <долг составил > большую сумму, то сказать ему так: «Сам виноват, что давал в долг без свидетелей».

53. Устав Владимира Всеволодовича. А это постановил Владимир Всеволодович после смерти Святополка, созвав свою дружину в Берестове: Ратибора, киевского тысяцкого, Прокопия, белгородского тысяцкого, Станислава, переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванко Чудиновича, мужа Олега, и постановили, что <долг> взимают из процента на два третий, если <должник> берет деньги в треть; если кто возьмет проценты дважды, то тогда ему взять сам долг; если он возьмет проценты трижды, то <самого> долга ему не брать.

Если кто взимает по 10 кун на гривну за год, то этого не запрещать.

54. Если какой-нибудь купец потерпит кораблекрушение. Если какой-нибудь купец, отправившись куда-либо с чужими деньгами, потерпит кораблекрушение, или нападут на него, или от огня пострадает, то не творить над ним насилия, не продавать его; но если он станет погодно выплачивать долг, то пусть так и платит, ибо эта погуба от Бога, а он не виноват; если же он пропьется или пробьется об заклад <проспорит>, или по неразумению повредит чужой товар, то пусть будет так, как захотят те, чей это товар: будут ли ждать, пока он выплатит, это их право, продадут ли его, это их право.

55. О долге. Если кто-нибудь будет многим должен, а приехавший из другого города купец или чужеземец, не зная того, доверит ему свой товар, а <тот> станет не возвращать гостю денег, и первые заимодавцы станут ему препятствовать, не давая ему денег, то вести его на торг, продать <его> вместе с имуществом, и в первую очередь отдать деньги чужому купцу, а своим — те деньги, что останутся, пусть они разделят; если будут княжеские деньги, то княжеские деньги отдать в первую очередь, а остальное в раздел; если кто взимал <уже> много процентов, то тому <свою часть долга> не брать.

56. Если закуп бежит. Если закуп бежит от господина, то становится полным <холопом >; уйдет ли в поисках денег, но уходит открыто, или бежит к князю или к судьям из-за оскорблений своего господина, то за это его не превращают в холопы, но дать ему <княжеское> правосудие.

57. О закупе же. Если у господина пашенный закуп, а он погубит своего коня, то <господину> не надо платить ему, но если господин дал ему плуг и борону и от него же взимает купу, то, погубив их, он платит;

если же господин отошлет его по своему делу, а что-либо господское погибнет в его отсутствие, то за это ему платить не надо.

58. О закупе же. Если из запертого хлева <скот> выведут, то закупу за это не платить; но если <он> погубит <скот> на поле, не загонит <его> во двор или не затворит, где ему велит господин, или во время работы на себя, и погубит его, то за это ему платить.

59. Если господин нанесет ущерб закупу, причинит вред его купе или личной собственности, то это все ему возместить, а за ущерб ему платить 60 кун.

60. Если < господин > возьмет на нем больше денег, то вернуть ему деньги, которые взял <сверх меры>, а за ущерб ему платить 3 гривны штрафа князю.

61. Если господин продаст закупа в полные холопы, то должнику под проценты свобода во всех <взятых в долг> деньгах, а господину за обиду платить 12 гривен штрафа князю.

62. Если господин бьет закупа за дело, то он не виновен; если он бьет не соображая, пьяным и без вины, то следует платить <штраф князю> как и за свободного, так и за закупа.

63. О холопе. Если полный холоп украдет чьего-либо коня, то платить за него 2 гривны.

64. О закупе. Если закуп украдет что-либо, то господин <волен> в нем; но если где-нибудь его найдут, то господин должен прежде всего заплатить за его коня или иное, что он взял, а его <закупа> делает полным холопом; а если господин не захочет платить за него и продаст его, то прежде всего пусть отдаст за коня, или за вола, или за товар, что взял чужого, а остальное взять ему самому себе.

65. А это, если холоп ударит. Если холоп ударит свободного человека и убежит в дом, а господин его не выдаст, то платить за него господину

12 гривен; а затем, если где найдет тот ударенный своего ответчика, который его ударил, то Ярослав постановил его убить, но сыновья после смерти отца постановили выкуп деньгами, либо бить его, развязав, либо взять гривну кун за оскорбление.

66. О свидетельстве. А свидетельства на холопа не возлагают; но если не будет свободного, то по необходимости возложить на боярского тиуна, а на других холопов не возлагать.

А в малом иске по необходимости возложить свидетельство на закупа.

67. О бороде. А кто повредит бороду и останутся следы этого и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю; если же свидетелей нет и обвинение не доказано, то штрафа князю нет.

68. О зубе. Если выбьют зуб и кровь видят у него <пострадавшего> во рту, и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю, а за зуб гривна.

69. Если кто украдет бобра, то 12 гривен.

70. Если будет разрыта земля или <обнаружен> признак <снасти>, которой производился отлов, или сеть, то по верви искать у себя вора или платить <верви> княжеский штраф.

71. Если кто уничтожит знак собственности на борти. Если кто уничтожит знак собственности на борти, то 12 гривен.

72. Если межу порубит бортную или пашенную распашет или забором перегородит дворовую межу, то 12 гривен штрафа князю.

73. Если подрубит дуб со знаком собственности или межевой, то 12 гривен штрафа князю.

74. А это дополнительные пошлины. А это дополнительные пошлины к штрафу в 12 гривен: отроку — 2 гривны и 20 кун, а самому <судебному исполнителю> ехать с отроком на двух конях, и давать им на каждого овса, а мяса дать — барана или полтуши говядины, а остального корма — сколько эти двое съедят, а писцу — 10 кун, перекладного — 5 кун, за мех две ногаты.

75. А это о борти. Если борть подрубит, то 3 гривны штрафа князю, а за дерево — полгривны.

76. Если украдет рой пчел, то 3 гривны штрафа князю; а за мед, если пчелы не приготовлены на зимовку, то 10 кун, если подготовлены, то 5 кун.

77. Если вор не будет обнаружен, то пусть ищут по следу; если след будет к селу или к торговому стану, а люди не отведут от себя следа, не поедут вести расследование или силой откажутся, то им платить украденное и штраф князю; а вести расследование с другими людьми и со свидетелями; если след потеряется на большой торговой дороге, а рядом не будет села или будет незаселенная местность, где нет ни села, ни людей, то не оплачивать ни штрафа князю, ни украденного.

78. О смерде. Если смерд мучает смерда без княжеского повеления, то 3 гривны штрафа князю, а за муку <пострадавшему> гривна кун; если кто будет мучить огнищанина, то 12 гривен штрафа князю, а за муку <пострадавшему> гривна.

79. Если кто украдет ладью, то 60 кун штрафа князю, а саму эту ладью вернуть; а за морскую ладью — 3 гривны, а за набойную ладью — 2 гривны, за челн — 20 кун, а за струг — гривна.

80. О сетях для ловли птиц. Если кто подрежет веревку в сети для ловли птиц, то 3 гривны штрафа князю, а владельцу за веревку гривна кун.

81. Если <кто> украдет в чьей-нибудь сети для ловли птиц ястреба или сокола, то штрафа князю — 3 гривны, а господину — гривна, а за голубя — 9 кун, а за куропатку (?) — 9 кун, а за утку — 30 кун, а за гуся — 30 кун, а за лебедя — 30 кун, а за журавля — 30 кун.

82. А за сено и за дрова — 9 кун, а сколько возов украдено, то владельцу получить за каждый воз по 2 ногаты.

83. О гумне. Если кто подожжет гумно, то на изгнание и разграбление весь его дом, но сначала он должен выплатить за погубленное, а остальное его хозяйство князь конфискует. Такое же наказание, если кто подожжет двор.

84. Если кто злонамеренно зарежет коня или скотину, то князю штраф 12 гривен, а за ущерб господину платить назначенное возмещение.

85. Эти все тяжбы судят при свободных свидетелях; если будет свидетель холопом, то холопу на суд не являться; но если хочет истец использовать его свидетелем, то пусть скажет так: «Я привлекаю тебя по показаниям этого <холопа>, но привлекаю тебя я, а не холоп», и может взять его <ответчика> на испытание железом; если тот будет осужден, то он возьмет свое по суду, если же тот не будет осужден, то <истцу> заплатить ему гривну за муку, ибо брали его по показаниям холопа.

86. А при испытании железом платить <в суд> 40 кун, а мечнику 5 кун, а детскому полгривны; это плата за испытание железом, кто за что получает.

87. А если привлекают на испытание железом по показаниям свободных людей, или подозрение на нем будет, либо ночью проходил <у места преступления>, то если <обвиняемый> каким-либо образом не обожжется, то за муки ему не платят, но только судебную пошлину за испытание железом платит тот, кто вызывал на суд.

88. О женщине. Если кто убьет женщину, то судить, таким же судом, что и за убийство мужчины; если же <убитый>будет виноват, то платить полвиры 20 гривен.

89. А за убийство холопа или робы виру не платят; но если кто-нибудь из них будет убит без вины, то за холопа или за робу платят назначенные судом деньги, а князю 12 гривен штрафа.

90. Если умрет смерд. Если смерд умрет, то наследство князю; если будут у него дома дочери, то выделить им часть <наследства>; если они будут замужем, то части им не давать.

91. О наследстве боярина и дружинника. Если умрет боярин или дружинник, то наследство князю не отходит; а если не будет сыновей, то возьмут дочери.

92. Если кто, умирая, разделит хозяйство свое между детьми, то так тому и быть; если же умрет без завещания, то разделить на всех детей, а на самого <покойного> отдать часть на помин души.

93. Если после смерти мужа жена останется вдовой, то детям на нее выделить часть, а что ей завещал муж, тому она госпожа, а наследство мужа ей не следует.

94. Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, все равно они получат наследство своей матери.

95. Если в доме будет сестра, то ей <отцовского> наследства не брать, но братьям следует отдать ее замуж, как они смогут.

96. А это <пошлины> при закладке городских укреплений. А это пошлины строителю городских укреплений: при закладке городни взять куну, а при окончании — ногату; а на корм, и питье, и мясо, и рыбу — 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 лукон овса на 4 коней; брать же ему столько, пока не будут построены городские укрепления; солода пусть дают 10 лукон один раз <на все время работы>.

97. О строителях мостов. А это пошлины строителю мостов: когда он построит мост, пусть возьмет по ногате за 10 локтей <моста>; если

будет чинить старый мост, то сколько починит пролетов, взять ему от пролета по куне; а ехать строителю мостов самому с отроком на двух конях, <брать> 4 лукна овса на неделю, а есть — сколько хочет.

98. А это о наследстве. Если были у человека дети от робы, то наследства им не иметь, но предоставить свободу им с матерью.

99. Если будут в доме дети малые, и не смогут они сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то тому, кто им будет близкий родственник, дать их на руки с приобретениями и с основным хозяйством, пока не смогут сами заботиться о себе; а товар передать перед людьми, а что этим товаром он наживет передачей его под проценты или торговлей, то это ему <опекуну>, а первоначальный товар воротить им <детям>, а доход ему себе, поскольку кормил и заботился о них; если же будет от челяди приплод или от скота, то все это <детям> получить наличием; если что растратит, то за все это тем детям заплатить; если же и отчим <при женитьбе> возьмет детей с наследством, то такое же условие.

100. А отчий двор без раздела всегда младшему сыну.

101. О жене, если она собралась остаться вдовой. Если жена собралась остаться вдовой, но растратит имущество и выйдет замуж, то она должна оплатить все <утраты> детям.

102. Если дети не захотят ее проживания на дворе, а она поступит по своей воле и останется, то любым образом исполнить <ее> волю, а детям воли не давать; а что ей дал муж, с тем ей и остаться <на дворе невыделенно> или, взяв свою часть, остаться <на дворе выделение>.

103. А на <выделенную> часть материнского имущества дети прав не имеют, но кому мать отдаст, тому взять; если отдаст всем, то пусть все разделят; если умрет без завещания, то у кого на дворе она находилась и кто ее кормил, то тому взять <ее имущество>.

104. Если у одной матери будут дети от двух мужей, то одним идет наследство своего отца, а другим — своего.

105. Если отчим растратит что из имущества отца пасынков и умрет, то вернуть <утраченное> брату <сводному>, на это и люди <свидетелями> станут, что отец его растратил, будучи отчимом; а что касается <имущества> его отца, то пусть он им владеет.

106: А мать пусть даст свое <имущество> тому сыну, который был <к ней> добр, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней плохи, то она может отдать <имущество> дочери, которая ее кормит.

107. А это пошлины судебные. А это пошлины судебные: от виры — 9 кун, а метельнику — 9 векш, а от <тяжбы> о бортном участке — 30 кун, а от всех иных тяжб, кому помогут <судебные исполнители> — по 4 куны, а метельнику — 6 векш.

108. О наследстве. Если братья будут судиться перед князем о наследстве, то детскому, который идет их делить, взять гривну кун.

109. Пошлины за исполнение судебной клятвы. А это пошлины за исполнение судебной присяги: от тяжбы по убийству — 30 кун, а от тяжбы о бортном участке — 30 кун без трех кун; столько же и в тяжбе о пахотной земле. А от тяжбы о свободе — 9 кун.

110. О холопстве. Полное холопство трех видов: если кто купит хотя бы до полугривны, представит свидетелей и ногату даст перед самим холопом; второй вид холопства: женитьба на робе без договора, если с договором, то как договорились, так на том и стоять; а это третий вид холопства: служба тиуном без договора или если <кто> привяжет себе ключ без договора, если же с договором, то как договорятся, на том и стоять.

111. А за дачу не холоп, ни за хлеб не превращают в холопы, ни за то, что дается сверх того <дачи или хлеба>; но если <кто> не отработает установленный срок, то вернуть ему, что получено; если отработает, то ничем более не обязан.

112. Если холоп бежит, а господин объявит об этом, если кто, услышав об этом или зная о том, что он холоп, даст ему хлеба или укажет ему путь, то платить ему за холопа 5 гривен, а за робу 6 гривен.

113. Если кто поймает чужого холопа и даст знать его господину, то получить ему за поимку гривну; если не устережет его, то платить ему 4 гривны, а пятая за поимку засчитывается ему, а если будет роба, то <платить> 5 гривен, а шестая за поимку засчитывается ему.

114. Если кто сам разыщет своего холопа в каком-либо городе, а посадник о том <холопе> не знал, то, когда <господин> расскажет ему, тому <господину> следует взять у посадника отрока, пойти и связать этого холопа и дать отроку вязебную пошлину в 10 кун, а вознаграждения за поимку холопа нет; если же упустит <господин>, преследуя холопа, то ему самому утрата, а за это никто не платит, и вознаграждения за поимку тоже нет.

115. Если кто, не ведая, что <некто> является чужим холопом, спрячет его, или сообщает ему вести, или содержит его у себя, а тот от него уходит, то идти ему на судебную клятву, <утверждая>, что не знал <того>, что он холоп, а платежа в этом нет.

116. Если холоп где-либо получил обманом деньги, а тот <человек> дал деньги, не ведая того, то господину либо выкупать, либо лишиться этого холопа; если же <тот человек> дал <деньги>, зная, <что тот являлся холопом>, то денег ему лишиться.

117. Если кто пустит своего холопа в торговые дела, а тот одолжает, то господину следует выкупить его и не лишаться его.

118. Если кто купит чужого холопа, не ведая <того>, то первому господину взять холопа, а тому, <кто купил>, взять деньги <обратно>, поклясться, что купил по неведению, если же он купил, зная это, то деньги его пропадут.

119. Если холоп, убежав <от господина>, приобретет товар, то господину <платить> долг, господину же <принадлежит> и товар, но холопа не лишаться.

120. Если кто бежал <от господина >, а украдет у соседей что-либо или товар, то господину следует платить за него то, что полагается за то, что взял.

121. Если холоп обкрадет кого-либо, то господину его выкупать или выдать с тем, с кем он крал, а жене и детям <отвечать> не надо; но если они с ним крали и прятали, то всех <их> выдать или снова их выкупает господин; если же с ним свободные крали и прятали, то они платят князю судебный штраф.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Подготовка текста А. А. Зализняка и Т. В. Рождественнской, перевод и комментарии А. А. Зализняка

ВСТУПЛЕНИЕ

Берестяные грамоты — сравнительно недавно открытый новый тип древнерусских письменных источников. Первая берестяная грамота была найдена в Новгороде в 1951 г., в ходе археологических раскопок под руководством А. В. Арциховского. К концу 1992 г. при раскопках древнерусских городов было найдено уже более 800 берестяных грамот, в том числе в Новгороде 745, в Старой Руссе 26, в Смоленске 16, в Пскове 8, в Звенигороде Галицком (под Львовом) 3, в Твери 2, в Москве, Витебске и Мстиславле по одной. Каждый год этот фонд пополняется.

На бересте писали не пером, а специальным металлическим или костяным инструментом — писалом, таким образом, буквы здесь выдавлены или выцарапаны.

Подавляющее большинство берестяных грамот — это частные письма. Они посвящены самым различным делам повседневной жизни — семейным, бытовым, хозяйственным, торговым, денежным, судебным, нередко также поездкам, военным походам, экспедициям за данью и т. п. Жизнь средневекового человека и его заботы предстают перед нами в этих письмах чрезвычайно непосредственно, в конкретных деталях.

Помимо писем, встречаются также различные реестры, ярлычки, черновики документов, ученические упражнения, азбуки; иногда заговоры; изредка тексты церковного характера.

Берестяные грамоты существенно изменили традиционные представления о степени распространения грамотности в древней Руси.

Авторы и адресаты берестяных грамот — отнюдь не только попы, монахи и высшие сановники; среди них представлены также, наряду с домовладельцами и купцами, старосты, ключники, ремесленники, воины и т. д. Особенно неожиданным оказалось то, что в переписке на бересте принимали участие женщины. В заметной части писем они выступают в качестве адресатов или авторов; имеется даже пять писем от женщины к женщине.

Письма на бересте (за исключением, может быть, одного-двух) не являются, конечно, литературными произведениями. Они писались с чисто практическими целями и не предназначались для последующего сохранения. Это не значит, однако, что они написаны небрежно или коряво. В большинстве случаев берестяное письмо писалось достаточно тщательно. Описок и ошибок здесь обычно не больше, чем в пергаменных рукописях. Часто видны поправки, сделанные самим автором — иногда даже стилистические; это свидетельствует о стремлении писать правильно (т. е. в соответствии с некоторыми представлениями о правильности).

Существовали также определенные эпистолярные нормы, которые усваивались вместе с обучением грамоте. Ими регламентировались, в частности, адресные и этикетные формулы, используемые в письмах. Показательно, что по крайней мере часть таких формул (или их элементов) имеет книжное происхождение (например, добрѣ створя — пожалуйста, покланяние — поклон). Можно говорить также о стиле древнерусских писем: в большинстве случаев он очень лаконичен, причем этот лаконизм нередко оказывается чрезвычайно выразительным.

Основное издание берестяных грамот — это продолжающаяся серия под общим названием «Новгородские грамоты на бересте» (ниже — НГБ). Изданы тома: *Арциховский А. В.* и *Тихомиров М. Н.* НГБ (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А. В.* НГБ (из раскопок 1952 г.). М., 1954; *Арциховский А. В.* и *Борковский В. И.* НГБ (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; Они же. НГБ (из раскопок 1955 г.). М., 1958; Они же. НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; *Арциховский А. В.* НГБ (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; *Арциховский А. В.* и *Янин В. Л.* НГБ (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978; *Янин В. Л.* и *Зализняк А. А.* НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.

В настоящем томе приводятся берестяные грамоты древнейшего периода (XI—XII вв.: № 246—109, стр. 518—520, — XI и рубеж XI—XII вв.; № 605 — № 2, стр. 520—522 — первая половина XII в.; № 723 — № 10, стр. 522—528, — вторая половина XII и рубеж XII—XIII вв.). В ряде случаев грамоты приводятся в исправленном (по сравнению с первоначальным изданием) чтении, основанном на дополнительном изучении оригиналов.

№ 246. Грамота пришла в Новгород из какого-то города, не подчинявшегося Новгороду (иначе не могло быть речи о конфискации имущества у знатного новгородца). Судя по тому, что в грамоте

смешиваются *ц* и *ч* (*хоцу, луцьшаго*), это был город из «цокающей» зоны (которая охватывала, помимо новгородской земли, также смоленскую и полоцкую). Наиболее вероятны: Смоленск, Витебск. Полоцк.

Автор письма Жировит, которому новгородец Стоян не возвращает долга, угрожает Стояну тем, что он добьется конфискации имущества у самого знатного из новгородских купцов, находящихся в городе. В дальнейшем этот купец взышет в Новгороде со Стояна, но при этом, конечно, по меньшей мере купеческая репутация Стояна пострадает. Такого рода наказание за вину соотечественника (так наз. *рубеж*) нередко практиковалось в древней Руси (как и в других странах средневековой Европы).

№ 247. Это фрагмент письма о локальном юридическом конфликте, посланного какому-то достаточно высокому представителю новгородской администрации. Речь идет об ущербе в 40 резан (резана — 1/50 гривны). При этом, однако, сообщение о взломе, поступившее от некоего обвинителя, оказалось ложным, и автор грамоты требует наказания для обвинителя.

Грамота написана на чистом древненовгородском диалекте. Особый интерес для истории русского языка представляют здесь архаичные формы *кѣле* — цел и *кѣлѣ* — целы, с сохранением исконного к без перехода в ц.

№ 527. Автор письма — по-видимому, воевода, возглавляющий пограничный отряд или гарнизон. Он обращается к своим домочадцам.

№ 590. Грамота представляет собой военное донесение. Ни автор, ни адресат не названы — очевидно, в целях конспирации.

№ 607/562. Это административное донесение, подобное, в частности, грамоте № 247.

№ 238. Грамота чрезвычайно интересна тем, что содержит угрозу вызова на Божий суд, а именно, на испытание водой. Согласно Русской Правде (ст. 22), если иск был не менее полугривны золота, полагалось испытание раскаленным железом, если от полугривны золота до двух гривен серебра — испытание водой, при еще меньшем иске — клятва (так наз. *рота*). В грамоте речь идет о гривне и восьми кунах, т. е. по нормам Русской Правды здесь достаточно роты. Автор мог неточно знать нормы закона или, что более вероятно, просто допустил довольно естественное для угрозы преувеличение.

Испытание водой в одних случаях состояло в том, что испытуемый должен был достать голой рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, в других — в том, что испытуемого, связанного веревкой, бросали в воду (в последнем случае испытуемый признавался невиновным, если шел ко дну, и виновным, если оставался на поверхности).

№ 109. Суть конфликта состоит в том, что рабыня, купленная Микулой для Жизномира, оказалась краденой (или беглой). Предстоит

предусмотренный для таких случаев Русской Правдой розыск вора с помощью последовательных очных ставок («сводов»): последний владелец раба указывает продавца, тот — предыдущего продавца и т. д. до «конечного татя», т. е. истинного вора.

Не вполне ясно, о какой рабыне Микула должен послать грамоту «тому мужу» — о той, что была куплена, или об еще одной. Вторая возможность определяется тем, что по Русской Правде в деле об украденном рабе нормальный розыск продолжался не до «конечного татя», а лишь до третьего свода. Третий (по счету от конца) владелец раба должен был отдать истцу своего раба взамен украденного, а сам продолжать розыск уже самостоятельно.

Указание Микуле не брать денегу продавца, возможно, означает, что не следует соглашаться на возврат денег за рабыню, если продавец захочет таким способом аннулировать сделку.

№ 605. Это послание от одного монаха к другому, выдержанное в жанре литературной эпистолы. Упоминание церковного звона — самое раннее в древнерусской письменности.

№ 424. Письмо послано в Новгород из Смоленска, но автор его, судя по языку — новгородец. Он советует родителям переселиться из Новгорода, где был неурожайный год и грозил голод, в Смоленск или в Киев.

№ 487. Это фрагмент увещевательного письма к строптивой женщине; автором его, возможно, был священник.

№ 421. По-видимому, Нежил совершил преступление и скрылся; штраф за него пришлось заплатить его отцу. Согласно Русской Правде, штраф в 20 гривен («полувирье») взыскивался за отсечение у кого-либо руки или ноги, за ослепление человека, за убийство жены. Сомневаясь в том, что сын захочет вернуться, Братята грозится послать за ним судебного исполнителя.

№ 422. Судя по тому, что Местята назван в грамоте в третьем лице, вероятно, он писал ее не сам.

№ 745. Редкий случай, когда указаны не только автор и адресат, но и место, откуда отправлено письмо — в данном случае Ростов Великий.

№ 2 из Звенигорода Галицкого.

№ 724. Упоминание песцов показывает, что речь идет о сборе дани в Заволочье, т. е. на северо-восточной периферии новгородских владений. Захарья, дезавуировавший полномочия Саввы на сбор дани с местного населения, — несомненно, важное лицо новгородской администрации. Вероятнее всего, это посадник. В XII—XIII вв. в Новгороде известен лишь один посадник Захария: он занимал эту должность с 1161 г. до своей гибели в 1167 г. Постоянными соперниками Новгорода в сборе дани с северо-восточных земель были суздальцы. Посадничество

Захария приходится на время княжения во Владимиро-Суздальской земле Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174 гг.). Андрей Боголюбский неоднократно упоминается в новгородский летописях как организатор вооруженного соперничества с Новгородом в Заволочье. Андрей, упоминаемый в грамоте, — безусловно лицо, обладающее большой властью: от его имени приходит в Заволочье «муж» с вооруженным отрядом; после того, как обнаружились внутренние разногласия среди новгородцев, заволочане «принимают» мужа от Андрея, т. е. признают право Андрея собирать с них дань. Таким образом, Захария и Андрей, фигурирующие в грамоте, с высокой вероятностью отождествляются с новгородским посадником 1161—1167 гг. и Андреем Боголюбским. Тем самым грамота получает дату 1161—1167 гг.

№ 235. Брат Судиши не выплатил свой долг Жадку, и за это Жадко добился от властей конфискации имущества у Судиши. Судиша называет это грабежом, поскольку он не был поручителем за брата, и обращается к Нажиру за защитой.

№ 676. В этой грамоте, как и в предыдушей, речь шла о мерах воздействия на злостного должника.

№ 624. Имя адресата могло быть как *Чернь*, так и *Черень*.

№ 717. Автором грамоты, вероятно, является игуменья Варварина монастыря, который находился в непосредственной близости к месту нынешних раскопок.

№ 682. Как и предыдущая, эта грамота связана с жизнью Варварина монастыря. И Харитания и Софья — явно монахини.

№ 657. В этой грамоте, сходной по тематике с двумя предыдущими, Варварин монастырь уже непосредственно назван. Очевидно, в деревне, где находится Олфимья, под ее присмотр была оставлена телка, принадлежащая Варварину монастырю.

№ 731. По предположению А. А. Гиппиуса, *Ярина* — сваха. Письмо представляет собой ответ родителей жениха (фактически — матери) на предложение свахи, с которым она обратилась несколькими днями раньше к самому жениху. Образная формула, завершающая письмо, — обещание вознаграждения.

№ 9. Эта грамота получила широкую известность. Большую дискуссию в свое время вызвал вопрос о том, кем она написана — мужчиной или женщиной. Предложенный перевод основан на представлении о том, что Гостята — женщина. Василь, к которому она обращается за помощью, — ее брат (или, может быть, дядя). Письмо, вероятно, пришло в Новгород из другого города (куда Гостята была выдана замуж); об этом говорит, в частности, слово «приезжай».

№ 603. Эта и три последующие грамоты связаны с фигурой Олисея Гречина. Ее содержание и содержание двух следующих грамот (№ 549 и

558), а также обнаружение на той же усадьбе следов живописной мастерской позволили В. Л. Янину отождествить Олисея Гречина с художником Гречином Петровичем, который, согласно летописному рассказу, в 1196 г. расписал фресками не сохранившуюся до наших дней Пречистенскую надвратную церковь в новгородском кремле. В то же время обстановка усадьбы характеризует Олисея Гречина как богатого священнослужителя, а грамоты № 502 и 603 указывают на его причастность к так называемому смесному суду князя и посадника, в котором заседали авторитетные светские и духовные лица. Отсюда возможность отождествления Олисея Гречина также с летописным Гречином, который в 1193 г. был одним из претендентов на пост новгородского архиепископа.

Мирослав (или Мирслав), фигурирующий в грамотах № 603 и 502, отождествлен В. Л. Яниным с новгородским посадником Мирошкой Нездиничем (посадничал с 1187 г. до своей смерти в 1203 г.).

Упоминаемый в грамоте № 603 князь Давыд — это смоленский князь Давыд Ростиславич (умер в 1198 г.); в 1184—1187 гг. в Новгороде княжил его сын Мстислав Давыдович.

В грамоте № 603 слово от и конец слова князю восстановлены по смыслу.

№ 502. Согласно В. Л. Янину, грамота представляет собой записку от одного члена смесного суда другому. Речь идет о предстоящем допросе полочанина Гавка.

№ 549. Это заказ на икону.

№ 558. Это просьба заказчика доставить изготовленные иконы. Слово семо по ошибке выписано дважды.

№ 531. Это самая большая из всех ныне опубликованных берестяных грамот. Согласно В. Л. Янину, сущность отразившегося в ней конфликта состоит в следующем. Некий Коснятин доверил свои деньги зятю Анны, поручив ему давать их в долг под проценты. Затем Коснятин заподозрил, что в отсутствие своего мужа дочь Анны распоряжается этими деньгами в свою пользу, отдавая их в долг без свидетелей и не требуя залога. Ссылаясь на то, что Анна якобы поручилась за зятя, он пригрозил оштрафовать ее и ее дочь как реальных ответчиков, каковыми по закону были поручители. Анна отрицает как факт поручительства, так и наличие каких-либо злоупотреблений со стороны дочери и обращается к своему брату Климяте с просьбой помочь ей в этом судебном деле. Как видно из упоминания погоста, семья Анны живет в сельской местности.

Письмо написано ярким эмоциональным языком. Заметим, что уже одно это делает невероятной выдвигавшуюся нередко гипотезу о том, что это и другие подобные письма писались за плату площадными писцами. Площадный писец несомненно сделал бы текст гораздо более стандартным по форме и бесцветным. Вдобавок, слова «я поручилась»,

«вина на мне», написанные по ошибке вместо «она поручилась», «вина на ней», легко объясняются только в том случае, если это писала сама Анна; у писца для таких ошибок не было психологических оснований.

Возможно, эмоциональным состоянием автора объясняется также наличие в тексте многочисленных описок, состоящих в основном в пропуске буквы или слога. Так, вместо поклоно, сестру, Воеславомо, слово возвело, съребра написано покло, сетру (несколько раз), Воелавомо, слово звело, сьбра; также такоко, лза, емо вместо тако, за, ему. Вероятно, опиской является также коровою (вместо куровою). Кроме того, имеются описки, которые Анна сама исправила.

№ 725. Климята, один из двух адресатов письма, — вероятно, тот же, что в предыдущей грамоте. В обоих случаях к нему обращаются за помощью в юридическом конфликте.

№ 705. Речь идет о сестре Домажира; следует предполагать, что Яков — ее муж.

Что именно означает слово знатьба в этом тексте, пока надежно не установлено. Основное значение слова *знатьба* — знак; возможно, так обозначался какой-то ритуально значимый предмет, принадлежавший покойнику. По предположению В. Л. Янина, речь идет о некотором имущественном документе, касающемся сестры Домажира.
В. Н. Топоров высказал другую гипотезу — «знатьбой» могла называться новая родня женщины в доме ее мужа, т. е. свойственники и свойственницы.

№ 439. Это письмо купца к своему компаньону.

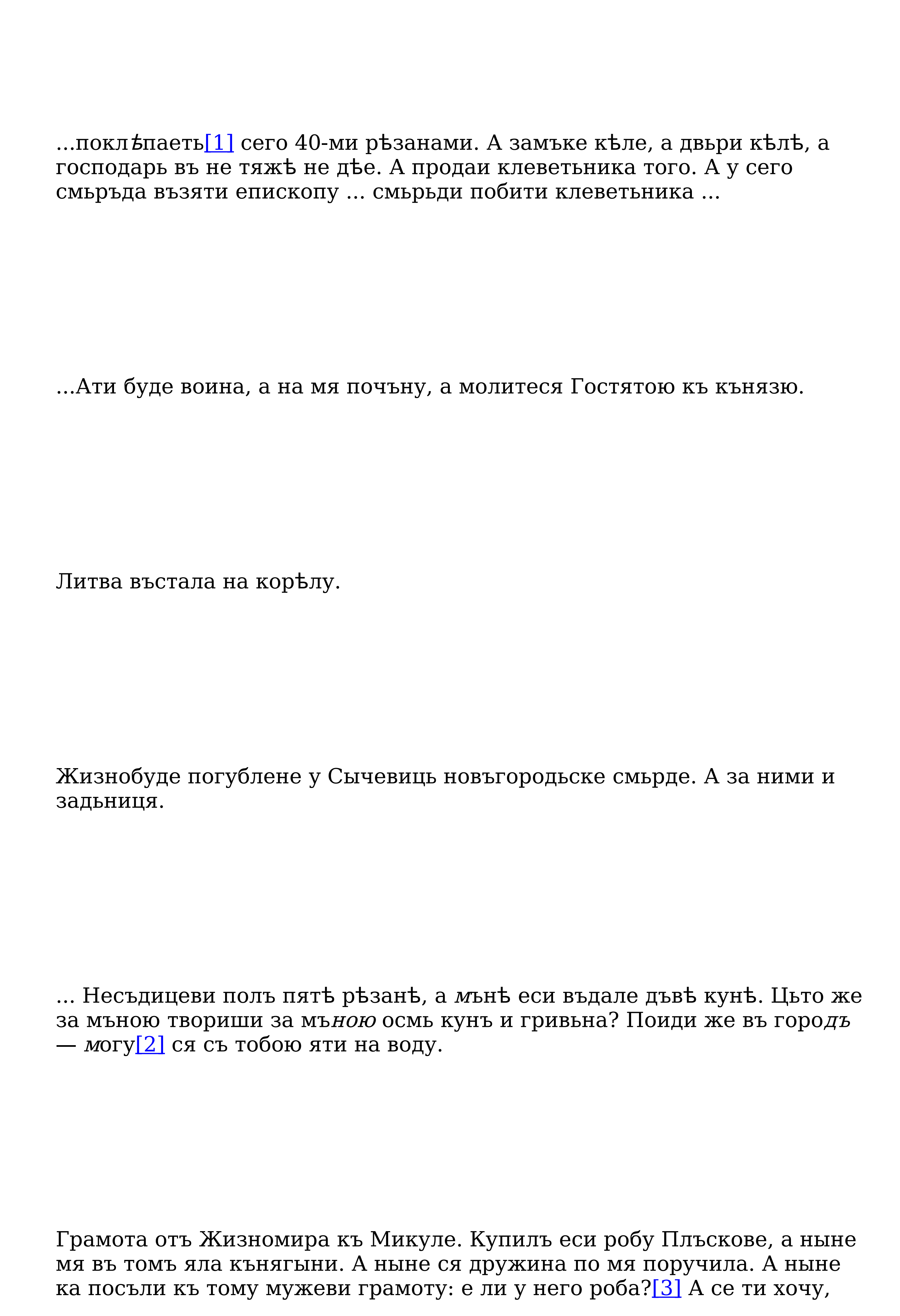
№ 1 из Твери. Станимир, поручившийся за Иванка, предлагает кредитору временно удовлетвориться половиной Иванкова долга.

№ 10 из Старой Руссы. Ярила, выступающий от имени рушан (т. е. жителей Русы), — по-видимому, сановник из администрации Русы.

Над началом слова *абыша* надписано маленькое о; возможно, это попытка исправить *абыша* на *обыша*. В слове пакостили конечное и восстановлено по смыслу (но не исключено все же, что это было *пакостиль*, и тогда в последней фразе речь идет об одном дворянине, а не о многих).

ОРИГИНАЛ

От Жировита къ Стоянови. Како ты у мене и чьстьное дрѣво възъмъ и веверицъ ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полу пяты гривьны, а хоцу ти вырути въ тя луцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръмь.



...поклѣпаеть[1] сего 40-ми рѣзанами. А замъке кѣле, а двьри кѣлѣ, а господарь въ не тяжѣ не дѣе. А продаи клеветьника того. А у сего смьръда възяти епископу ... смьрьди побити клеветьника ...

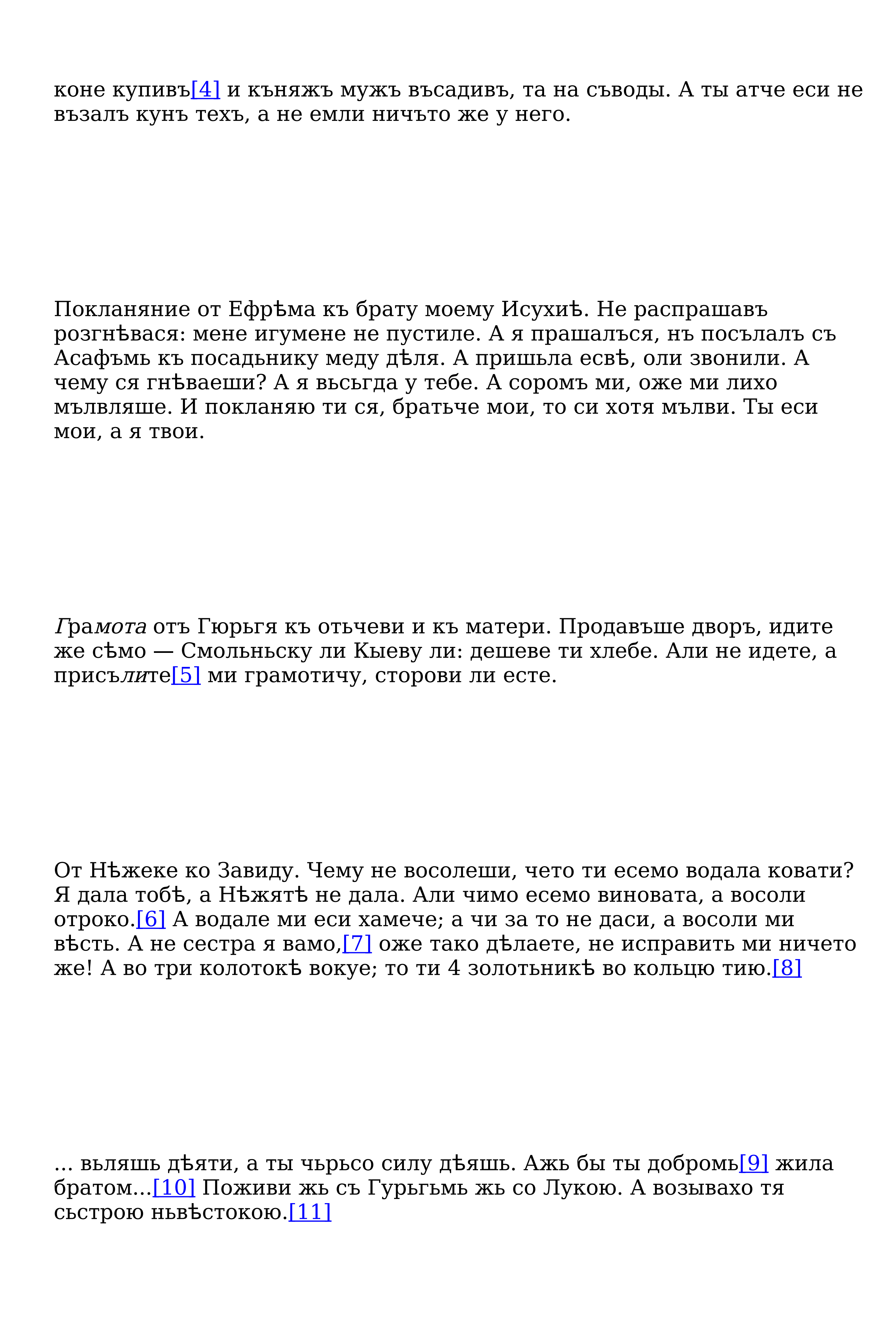
...Ати буде воина, а на мя почъну, а молитеся Гостятою къ кънязю.

Литва въстала на корѣлу.

Жизнобуде погублене у Сычевиць новъгородьске смьрде. А за ними и задьниця.

... Несъдицеви полъ пятѣ рѣзанѣ, а *м*ънѣ еси въдале дъвѣ кунѣ. Цьто же за мъною твориши за мъ*ною* осмь кунъ и гривьна? Поиди же въ горо*дъ* — *м*огу[2] ся съ тобою яти на воду.

Грамота отъ Жизномира къ Микуле. Купилъ еси робу Плъскове, а ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дружина по мя поручила. А ныне ка посъли къ тому мужеви грамоту: е ли у него роба?[3] А се ти хочу,



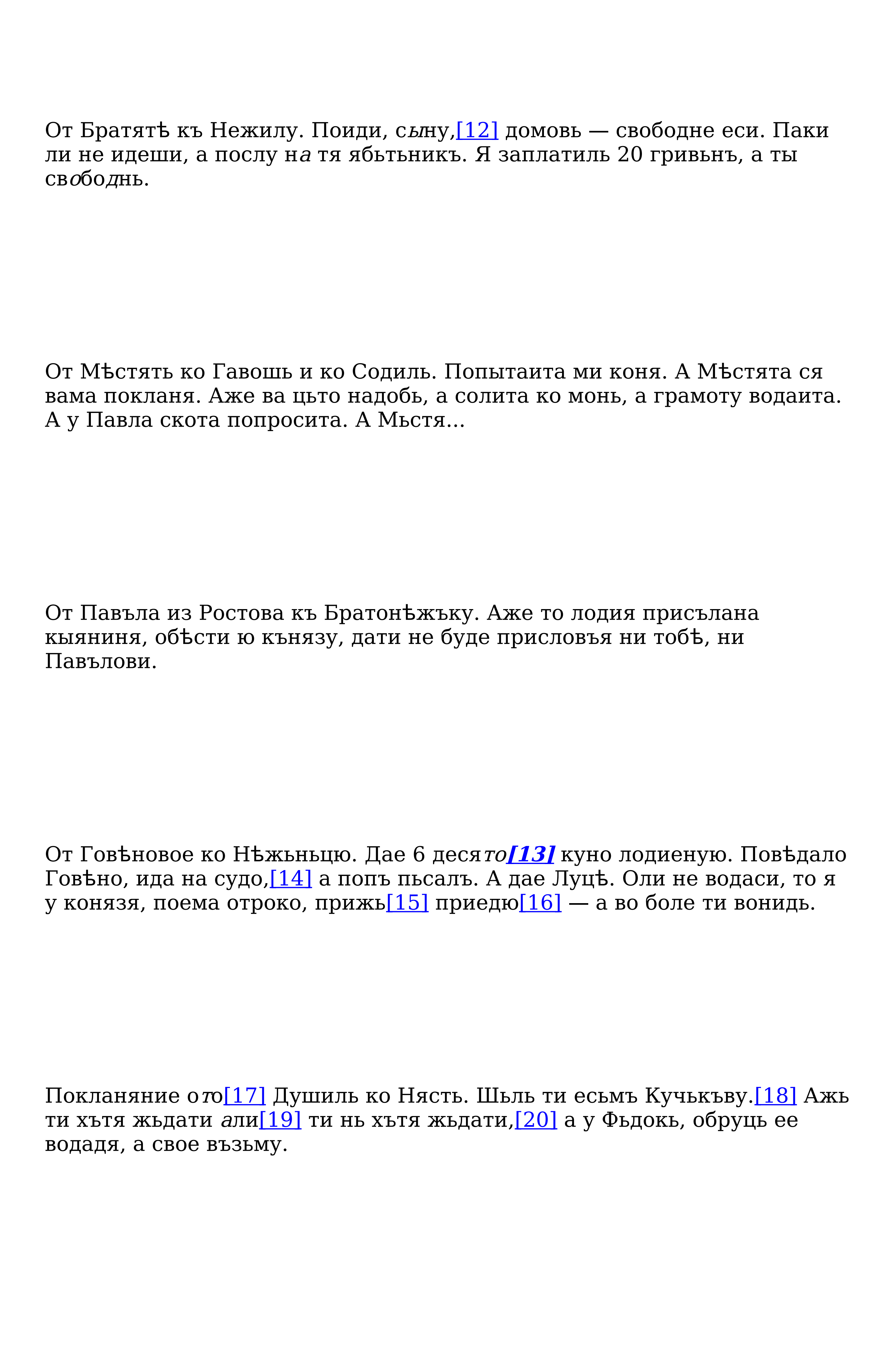
коне купивъ[4] и къняжъ мужъ въсадивъ, та на съводы. А ты атче еси не възалъ кунъ техъ, а не емли ничъто же у него.

Покланяние от Ефрѣма къ брату моему Исухиѣ. Не распрашавъ розгнѣвася: мене игумене не пустиле. А я прашалъся, нъ посълалъ съ Асафъмь къ посадьнику меду дѣля. А пришьла есвѣ, оли звонили. А чему ся гнѣваеши? А я вьсьгда у тебе. А сором̆ъ ми, оже ми лихо мълвляше. И покланяю ти ся, братьче мои, то си хотя мълви. Ты еси мои, а я твои.

*Г*ра*мота* отъ Гюрьгя къ отьчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идите же сѣмо — Смольньску ли Кыеву ли: дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъ*ли*те[5] ми грамотичу, сторови ли есте.

От Нѣжеке ко Завиду. Чему не восолеши, чето ти есемо водала ковати? Я дала тобѣ, а Нѣжятѣ не дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко.[6] А водале ми еси хамече; а чи за то не даси, а восоли ми вѣсть. А не сестра я вамо,[7] оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же! А во три колотокѣ вокуе; то ти 4 золотьникѣ во кольцю тию.[8]

… вьляшь дѣяти, а ты чьрьсо силу дѣяшь. Ажь бы ты добромь[9] жила братом…[10] Поживи жь съ Гурьгьмь жь со Лукою. А возывахо тя сьстрою ньвѣстокою.[11]



От Братятѣ къ Нежилу. Поиди, с*ы*ну,[12] домовь — свободне еси. Паки ли не идеши, а послу н*а* тя ябьтьникъ. Я заплатиль 20 гривьнъ, а ты св*о*бо*д*нь.

От Мѣстять ко Гавошь и ко Содиль. Попытаита ми коня. А Мѣстята ся вама покланя. Аже ва цьто надобь, а солита ко монь, а грамоту водаита. А у Павла скота попросита. А Мьстя...

От Павъла из Ростова къ Братонѣжъку. Аже то лодия присълана кыянинѧ, обѣсти ю кънязу, дати не буде присловъя ни тобѣ, ни Павълови.

От Говѣновое ко Нѣжьньцю. Дае 6 деся*то**[13]* куно лодиеную. Повѣдало Говѣно, ида на судо,[14] а попъ пьсалъ. А дае Луцѣ. Оли не водаси, то я у конязя, поема отроко, прижь[15] приедю[16] — а во боле ти вонидь.

Покланяние о*т*о[17] Душиль ко Нясть. Шьль ти есьмъ Кучькъву.[18] Ажь ти хътя жьдати *а*ли[19] ти нь хътя жьдати,[20] а у Фьдокь, обруць ее водадя, а свое възьму.

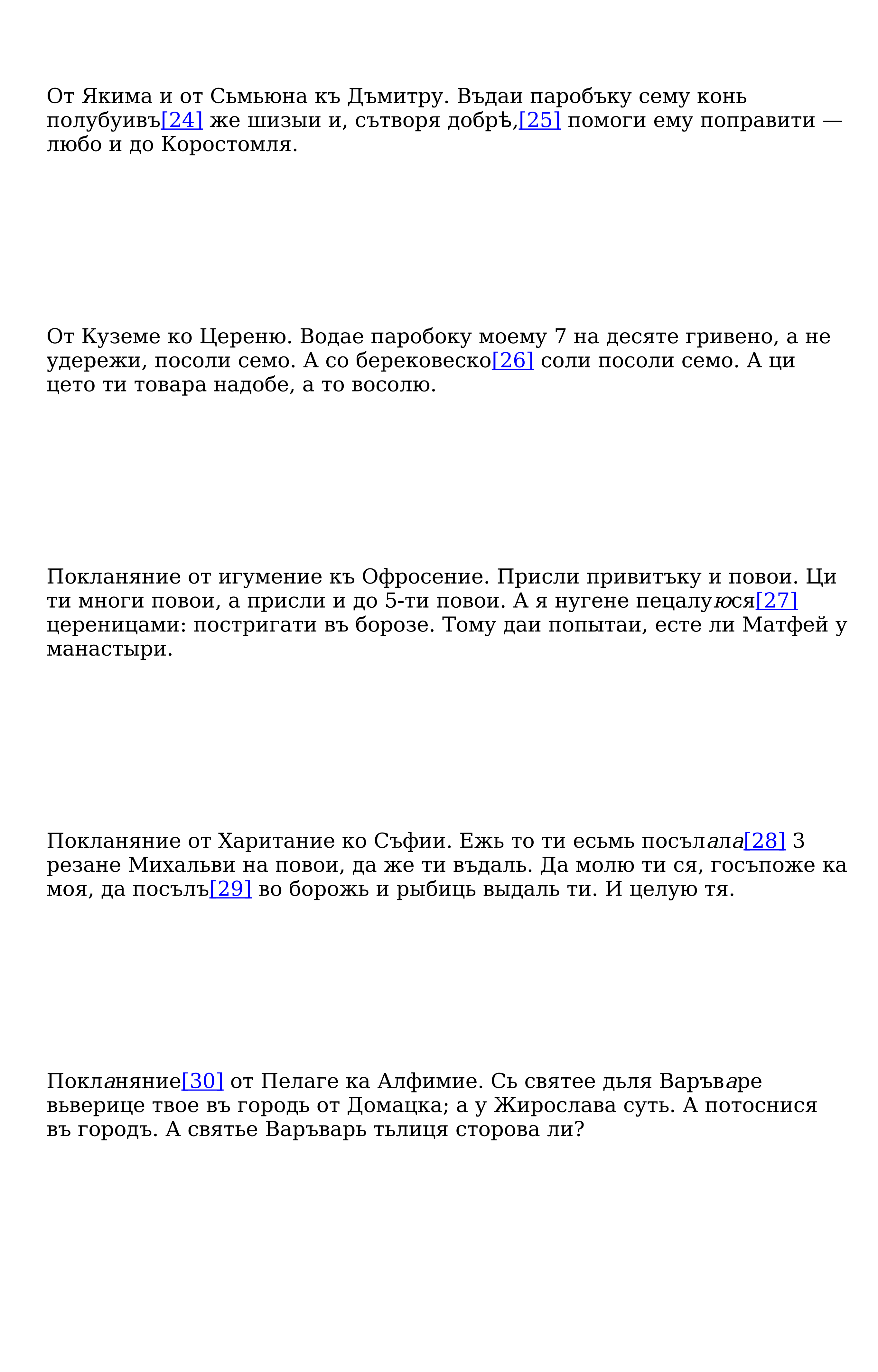
От Савы покланянее къ братьи и дружине. Оставили мя были людье; да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ, Захарья въ вѣре уроклъ: «Не даите Савѣ ни одиного песця хотя на нихъ емати. Самъ въ томь». А въ *т*омь ми ся не исправилъ въ борзѣ, ни къ вамъ, ни ту ти былъ. А въ томь есмь осталъ. По томь пришли смерди, от Аньдрѣя мужь прияли, и дане отъяли людье. И осьмь высягла, что о Тудоре. Порозумѣите, братье, ему, даче что въ *т*о ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ.

А селечяномъ сво*и*мъ[21] кънязь самъ отъ Волоку и отъ Мъс*т*ѣ учястокѣ водале. Аче ли ти, братье, вины людье на мя не ищу*т*ь, а довѣдока буде, то же нынеца радъ быхъ послале грамоту.

От Съмъка къ Кулотъкѣ. Оже то еси казале Несъдѣ вѣверичь тихъ дѣля, коли то еси приходиле въ Русь[22] съ Лазъвкъмъ, тъгъдъ възяле у мене Лазъвке Переяславьлѣ.

Отъ Судише къ Нажиру. Се Жядъке пославъ ябетника дова, и пограбила мя въ братни долгъ. А я не поруцене Жядку. А възборони ему, оти не после на мя опаса... Еду в...

... три гривьнь нь отопу*с*ти.[23] Или нь вода, а вьди ко старость ко Якуну.



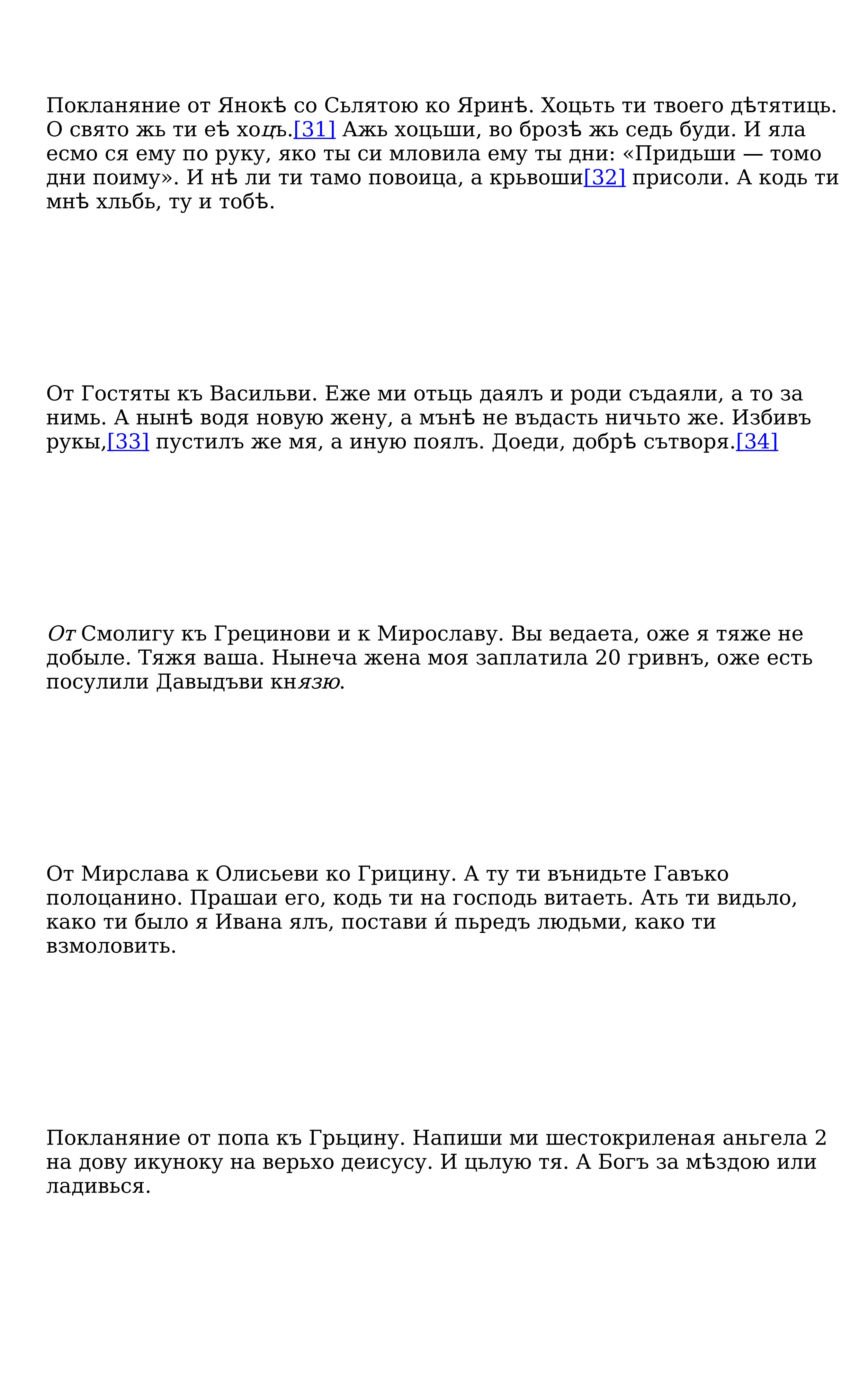
От Якима и от Сьмьюна къ Дъмитру. Въдаи паробъку сему конь полубуивъ[24] же шизыи и, сътворя добрѣ,[25] помоги ему поправити — любо и до Коростомля.

От Куземе ко Цереню. Водае паробоку моему 7 на десяте гривено, а не удережи, посоли семо. А со берековеско[26] соли посоли семо. А ци цето ти товара надобе, а то восолю.

Покланяние от игумение къ Офросение. Присли привитъку и повои. Ци ти многи повои, а присли и до 5-ти повои. А я нугене пецалу*ю*ся[27] цереницами: постригати въ борозе. Тому даи попытаи, есте ли Матфей у манастыри.

Покланяние от Харитание ко Съфии. Ежь то ти есьмь посъл*а*л*а*[28] 3 резане Михальви на повои, да же ти въдаль. Да молю ти ся, госъпоже ка моя, да посълъ[29] во борожь и рыбиць выдаль ти. И целую тя.

Покл*а*няние[30] от Пелаге ка Алфимие. Сь святее дьля Варъв*а*ре вьверице твое въ городь от Домацка; а у Жирослава суть. А потоснися въ городъ. А святье Варъварь тълиця сторова ли?



Покланяние от Янокѣ со Сьлятою ко Яринѣ. Хоцьть ти твоего дѣтятиць. О свято жь ти еѣ хо*ц*ъ.[31] Ажь хоцьши, во брозѣ жь седь буди. И яла есмо ся ему по руку, яко ты си мловила ему ты дни: «Придьши — томо дни поиму». И нѣ ли ти тамо повоица, а крьвоши[32] присоли. А кодь ти мнѣ хльбь, ту и тобѣ.

От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли, а то за нимь. А нынѣ водя новую жену, а мънѣ не въдасть ничьто же. Избивъ рукы,[33] пустилъ же мя, а иную поялъ. Доеди, добрѣ сътворя.[34]

От Смолигу къ Грецинови и к Мирославу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжя ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ, оже есть посулили Давыдъви кн*язю*.

От Мирслава к Олисьеви ко Грицину. А ту ти вънидьте Гавъко полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти было я Ивана ялъ, постави и́ пьредъ людьми, како ти взмоловить.

Покланяние от попа къ Грьцину. Напиши ми шестокриленая аньгела 2 на дову икуноку на верьхо деисусу. И цьлую тя. А Богъ за мѣздою или ладивься.

От попа от Минь ко Грьцину. А буди семо ко Петрову дени съ икунами семо.

От Ане покл*оно* ко Климяте. Брате господине, попецалуи о моемо орудье Коснятину. А ныне извета ему людеми: «Како еси возложило поруку на мою сестру и на доцерь еи, назовало еси сь*с*тру мою коровою и доцере блядею, а нынеца Федо, прьехаво, услышаво то слово, и выгонало се*с*тру мою и хотело потяти». А нынеца, господине брате, согадаво со Вое*с*лавомо, молови ему: «Тако еси возложило то слово, та*ко* доведи». Аже ти возомолови Коснятино: «Дала руку за зяте», ты же, браце господине, молови ем*у* тако: «Оже буду люди на мою сь*с*тру, оже буду люди, при комо буду дала руку за зяте, то те я во вине». Ты пако, брате, испытаво, которое слово *во*звело на мя и поруку, а буду люди на томо, — тобе не сестра, а мужеви не жена![35] Ты же мя и потени, не зеря на Федора! И даяла моя доци куны людеми[36] с ызветомо, а заклада просила. И позовало мене во погосто, и язо прехала, оже оно поехало проце, а рекя тако: «Язо солю 4 дворяно по гривене съ*ре*бра».

От Ръмшѣ покланянье къ Климятѣ и къ Павьлу. Бога дѣля, котореи любо потрудися до владычѣ; съкажита владычѣ мою обиду и мои бои желѣза. А я ему не дълъжьне ничимъ же. И молю ва ся.

Покланяние от Домажира ко Якову. Я у тебе слышу, цето ты молвише. Оце е тобе не годена, а попровади ко моне сестру. Азъ быле лони наделиле, а ныне быхо посолале.[37] А ныне слышю болену сестру. Оце ю Бого поемете, а присоли *сы*но[38] ко моне со ее знатебою, оте побуде сыно у мене, а я ся имо потешу, и посолю ю[39] опяте во городо. Пакы ли не управише того, а я тя передамо святее Богородице, ко нее же еси заходиле роте.

От ... ко Спироку. Оже ти не возяло Матее капи, воложи ю́ со Прусомо ко мне. Язо ти олово попродале и свинеце и клепание вохо. Уже мне не ехати во Сужедале. Воску куплены 3 *ка*пи.[40] А тобе поити суда. Воложи олова со цетыри безмене,[41] полотенеца со дова цереленая.[42] А куны прави со проста.

От Станимира поклоно ко Михалу ко Домажировицу. Хоцеши возяти половину куно — я поруцене отецеве твоему по Иванока. Не хоцеши ли, да я боле не могу водат*и*.[43]

Сь грамота от Яриль ко Онание. Въ волости твоеи толико вода пити[44] в городищяньх. А рушань скорбу про городищяне. Аже хоцьши, ополош дворян, *а*быша нь пакостил*и*.

---

[1] ...*поклѣпаеть* — Буквы, выделенные курсивом, восстановлены по смыслу.

[2] *...мъною... городъ... могу...* — Слова за *мъною* повторены автором по ошибке.

[3] *...е ли у него роба?* — Возможен перевод: у него ли рабыня?

[4] *...коне купивъ...* — Возможен перевод: коней купив.

[5] *Грамота... Присълите...* — Выделенные в тексте курсивом буквы восстановлены по смыслу.

[6] *...восоли отроко* (посылай судебного исполнителя). — Следует понимать как сарказм.

[7] *А не сестра я вамо...* — Формула клятвы или угрозы, восходящая, по-видимому, к языческой формуле отречения от своего рода.

[8] *...во три колотокѣ вокуе; то ти 4 золотьникѣ во кольцю тию.* — Колтки — женские украшения (часто из золота) в виде полых подвесок, прикреплявшихся к головному убору; их внутренность обычно заполнялась благовониями. Золотник — мера веса (ок. 4,25 г). Нежка заказала своему брату Завиду выковать для нее три колтка из двух колец.

[9] *Добромь* — в ориг. *дбромь* (описка).

[10] *...братом...* — Возможен перевод: с обоими братьями.

[11] *...возывахо тя сьстрою ньвѣстокою.* — Возможен перевод: вызывал я тебя через сестру-молодицу.

[12] *Сыну, на тя, свободнъ* — в ориг. *суну, н тя, свбонь*, исправлено по смыслу.

[13] *6 десято* — Выделенные курсивом буквы восстановлены по смыслу.

[14] *...ида на судо...* — перед смертью. *Суд* как одно из обозначений смерти неоднократно встречается в древнерусской литературе.

[15] *Прижь* — значение слова пока не установлено.

[16] *...приедю...* — вероятно, описка; следует: приеду.

[17] *Ото... али* — в ориг. *отто, ааи* — описки. Не исключенатакже описка в имени адресата.

[18] *Кучъкъву*.— Кучков — первоначальное название Москвы. Таким образом, данная грамота является самым древним дошедшим до нас письменным документом, где упоминается Москва.

[19] *Ото... али* — в ориг. *отто, ааи* — описки. Не исключена также описка в имени адресата.

[20] *...хътя жьдати али ти нь хътя жьдати...* — В принципе возможен также другой вариант: захочу ли я ждать или нет.

[21] *Своимъ* — в ориг. *свомъ* (описка).

[22] *Русь...* — Слово означает здесь Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. Судя по слову «приходил» (а не «ходил»), грамота пришла в Новгород из «Руси».

[23] *отопусти* — буква восстановлена по смыслу.

[24] *...полубуивъ...* — Значение слова пока не установлено. Перевод «дурковатый» основан на существовании слова *буивъ* (глупый, буйный); но возможно также, что *полубуивъ* было каким-то техническим термином коневодства.

[25] *Сътворя добрѣ* — этикетная формула книжного происхождения, восходящая, как показал Н. А. Мещерский, к греческой эпистолярной традиции.

[26] *Берковец* — мера веса (10 пудов).

[27] *Пецалуюся* — в оригинале *пцалуся*, исправлено по смыслу.

[28] *Посълала* — в оригинале *посляля*, исправлено по смыслу.

[29] *...посълъ...* — вероятно, соленую рыбу.

[30] *Покланяние, Варъваре* — в оригинале *покляняние, Варъвре*, исправлено по смыслу.

[31] *Хоць* — в оригинале *хоцць*, исправлено по смыслу.

[32] *...крьвоши* (ь вместо ожидаемого и) — возникло так: Янка сперва написала *крьни* (купи), а затем решила исправить это на *кривоши* (купивши) и заменила *ни* на *воши*; но *ь* в *крь* остался.

[33] *Избивъ рукы...* — в знак новой помолвки.

[34] *...добрѣ сътворя* — этикетная формула книжного происхождения, восходящая, как показал Н. А. Мещерский, к греческой эпистолярной традиции.

[35] *...тобе не сестра, а мужеви не жена!* — Клятва, восходящая к языческой формуле отречения от своего рода, ср. аналогичную формулу в грамоте № 644.

[36] *...людеми...* — Возможен перевод: через людей.

[37] *...наделиле, а нынебыхо посолале.* — То есть: выделил ей в «надел» какое-то имущество и готов ей «наделок» выслать.

[38] *...присоли сыно...*— В оригинале присоли соно, исправлено по смыслу.

[39] *...посолю ю...* — Вероятно, описка (вместо посолю и).

[40] *3 капи* — в оригинале 3 пи, исправлено по смыслу. Капь — мера веса (около 2 $^{1}/_{2}$ пудов).

[41] *безмен* — мера веса (около 2 $^{1}/_{2}$ фунтов).

[42] *...полотенца... цереленая* — по-видимому, листы красной меди.

[43] *...водати* — и восстановлено по смыслу.

[44] *...толико вода пити...* — .

ПЕРЕВОД

ГРАМОТЫ XI — РУБЕЖА XII—XIII вв.

Грамота № 246

От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром.

Грамота № 247

...обвиняет этого человека в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накажи штрафом того обвинителя. А у этого смерда епископу надлежит взять <такую-то сумму. Могут ведь> смерды избить обвинителя...

Грамота № 527

...Если будет война и на меня нападут, то проситесь через Гостяту к князю.

Грамота № 590

Литва пошла войной на карел.

Грамота №607/562

Жизнобуд, новгородский смерд, убит Сычевичами. А в их руках и наследство.

Грамота № 238

…<Ты дал> Несдичу четыре с половиной резаны, а мне ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой.

Грамота № 109

Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, а теперь меня за это схватила княгиня. Но за меня поручилась дружина. А ты теперь пошли к тому мужу грамоту: есть ли у него рабыня? А я вот хочу, коня купив и посадив княжеского мужа, идти на очные ставки. А ты, если не взял тех денег, не бери у него ничего.

Грамота № 605

Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы двое, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя. А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И <все же> кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой.

Грамота № 424

Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы.

Грамота № 644

От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай судебного исполнителя. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах.

Грамота № 487

...<такой-то вот как тебе> велел поступать, а ты действовала сверх своих возможностей. Если бы ты добром жила с братом* ...Поживи же с Гургием и с Лукой. А ведь я называл тебя сестрою, невесткою.

Грамота № 421

От Братяты к Нежилу. Иди, сын, домой — ты свободен. Если же не пойдешь, я пошлю за тобой судебного исполнителя. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен.

Грамота № 422

От Местяты к Гавше и Сдиле. Поищите для меня коня. А Местята вам кланяется. Если вам что нужно, то шлите ко мне, а <посланному> дайте грамоту. А денег попросите у Павла. А Местята...

Грамота № 745

От Павла из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина прислана, извести об этом князя, чтобы не было дурной славы ни тебе, ни Павлу.

Грамота № 2 из Звенигорода Галицкого

От Говеновой <вдовы> к Неженцу. Дай шестьдесят кун за ладью. Так сказал Говен, идя на суд Божий, а поп записывал. Дай их Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и приеду — это тебе дороже обойдется.

Грамота № 723

Поклон от Душилы Нясте. Я пошел в Кучков. Хотят ли ждать или не хотят, а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму.

Грамота № 724

От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав <человека, через него> клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. Сам за это отвечаю». А со мною по этому поводу сразу не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь, поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и <его> люди отняли дань. А восемь <человек>, что под началом Тудора, вырвались. Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его.

А сельчанам своим князь сам от Волока и от Меты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту.

Грамота № 105

От Семка к Кулотке. Что касается тех денег, про которые ты говорил Несде, то когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле.

Грамота № 235

От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражу. ...Еду в...

Грамота № 676

...три гривны не прощай. Если же не отдаст, то веди его к старосте Якуну.

Грамота № 735

От Якима и Семьюна к Дмитру. Дай этому слуге коня дурковатого сивого и, пожалуйста, помоги ему доставить <груз> — даже и до Коростомля.

Грамота № 624

От Кузьмы к Черню. Выдай слуге моему семнадцать гривен, не откажи, и пошли сюда. Да с берковец соли пошли сюда. А если тебе что-нибудь нужно из товара, то я пришлю.

Грамота № 717

Поклон от игуменьи к Офросении. Пришли привитку и повой. Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Матфей.

Грамота № 682

Поклон от Хритании Софье. Я послала Михалю три резаны на повой, так пусть он отдаст. Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье и <свежих> рыбок. Приветствую тебя.

Грамота № 657

Поклон от Пелаги Олфимье. Вот деньги твои от Домачка, для монастыря святой Варвары, в городе; а лежат у Жирослава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли?

Грамота № 731

Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего. К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие <на то, чтобы было>, как ты сказала ему давеча: «Придешь — в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе.

Грамота № 9

От Гостяты к Василю. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женясь на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость.

Грамота № 603

От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые вы посулили князю Давыду.

Грамота № 502

От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, то поставь его перед свидетелями: как он ответит.

Грамота № 549

Поклон от попа к Гречину. Напиши для меня двух шестокрылых ангелов на двух иконках сверху деисуса. Приветствую тебя. А относительно платы — порукой Бог или же договоримся.

Грамота № 558

От попа Мины к Гречину. Будь здесь к Петрову дню с иконами.

Грамота № 531

От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступись за меня перед Коснятином в моем деле. Заяви ему теперь при свидетелях о его неправоте: «После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и дочь ее, назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Федор, приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить». А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воиславом, скажи Коснятину: «Раз ты возвел это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя»,— то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней». Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и в каком поручительстве Коснятин меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это,— я тебе не сестра, а мужу не жена! Ты же меня и убей, не глядя на Федора! А давала моя дочь деньги при людях, с объявлением и требовала залога. А <Коснятин> вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «А шлю четырех дворян <взять с каждого из обвиняемых (?)> по гривне серебра».

Грамота № 725

От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас двоих доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде — о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему <обидчику> ничего не должен. Прошу же вас.

Грамота № 705

Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году наделил, а теперь я бы послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее «знатьбой», пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву.

Грамота № 439

От... к Спирку. Если Матей не взял у тебя капь воска, то отправь ее с Прусом ко мне. А я олово распродал и свинец и все клепанье. Уже мне не нужно ехать в Суздаль. Воску куплено три капи. А тебе нужно прибыть сюда. Возьми с собой олова примерно четыре безмена и примерно два красных полотенца. А деньги плати сразу же.

Грамота № 1 из Твери

От Станимира поклон Михалу Домажировичу. Если хочешь взять половину денег, — я поручитель перед твоим отцом за Иванка. Если же не хочешь, так я больше дать не могу.

Грамота № 10 из Старой Руссы

Это грамота от Ярилы к Онании. В Городище, твоем владении, только воду пить. А рушане скорбят о городищанах. Пожалуйста, припугни дворян, чтобы не пакостили.

В. А. Жуковский. "Слово о полку Игореве"

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен.
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал!
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»

Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копье
На конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона».

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,

Свивая все славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой чрез поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов:

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!

И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском!
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутороканский.
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди;
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты…
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,

Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие аксамиты!
Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червленый с белою хоругвию,
А челка червленая с древком серебряным
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!

Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому!

И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шеломы половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки.
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червлеными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;

Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей, Глебовны красныя.

Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмуторокане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало междоусобие.
Погибала жизнь Даждьбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу!

То было в тех сечах и в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера дó света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой!

Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает!
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,

Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончили бесстрашные русские,
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!

И встала обида в силах Даждьбожиих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: «То мое, а это мое же!»
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.

Так-то сии два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,

Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Вырвал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и венеды,
Греки и Моравы
Славу поют Святославу,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел на седло отрока;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.

И Святославу смутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь грояли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»

И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмутороканя
Или выпить шеломом из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,

Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием!»

Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого, многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татранами и шелбирами,
С топчаками, ревугами и олберами!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: "Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!"
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего!
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод!
Иль не помыслишь прилететь издалеча, отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
А отрок по резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,

Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовского через дальние земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко возлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремела, ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Сула струею сребряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
“Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!”
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелье!
Голоса приуныли,

Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвигнул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмуторокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал!
Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от беды.
Ему первому и вещий Боян мудрым припевом предрек:
“Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птице горазд,
Но Божьего суда не минуешь!”
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут,
И копья славят на Дунае».

Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет:

«Полечу, — говорит, — чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
«О ветер ты, ветер!
К чему же так сильно веешь?
Начто же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
Начто ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
«Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»
Прыснуло море ко полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю-князю Бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит:
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на́ воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,

Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену́ траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедями на ветрах.
Не такова, — примолвил он, — Стугна-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.
Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки защекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.

Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»

И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»

Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,

Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери когановой.
«Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой Богородице Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады! —
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

Между 1817 и 1819

Н. А. Заболоцкий. Слово о полку Игореве

Вступление
Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бонном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,

Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной.
Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.
О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулóю кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!

А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В Половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван Тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,

И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червленые лисица
Дико брешет в сумраке ночном...

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега, —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,

Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани.
В злат стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Кани́на брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как ворог,
Внук Даждьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду…
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра —
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,

И расстался с братом брат родной
На реке кровавой на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви преклонили.

16

И настала тяжкая година:
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел за сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны, —

Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и Морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло…
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое, отравленное зелье,
Сыпали жемчу́г на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали,
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым —
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешанно, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,

Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы пра́дедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
“Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую”.
Диво ль старцу, мне, помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат

И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле́, по Ро́си счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингва́рь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честно́м
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,

Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,

Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,

Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле, причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному —

Сам Господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь.

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит.

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке.
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».
— «О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной

Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Преклонилось дерево к земле.

6

Не сороки вó поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».
— «Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В Половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей Богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:
Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям, и дружине слава!
1946, 1958

Д. С. ЛИХАЧЕВ. ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Да начнем же песнь эту
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редéдю пред полками касбжскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзы́х коней
да посмотрим
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Троя́на
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изо́стрены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
встрепенулся див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле незнаемой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полуночи,
словно лебеди распуганные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки грозу подымают
по оврагам;
орлы клекотом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, разлетевшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и па́волоки,
и дорогие оксами́ты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена чёлка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половчине!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Кая́ле,
у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Бьёшься ты в бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь, и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
                    в поле незнаемом,
                    среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костьми была засеяна
                    и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.
Что мне шумит,
что мне звенит —
                    издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
                    за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Даждьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
                    на синем море у Дона;
плеща, прогнала времена изобилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:
                    «Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
                    «это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
                    на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц побивая, — к морю!
Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Ка́рна, и Же́ля
поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад

ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра совсем не потрогать».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.
Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой, —
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька

в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понесли меня вороны к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам кры́льца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, без веселья!
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но не с честью вы одолели,
не с честью кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?
Не вижу уже власти
сильного,

и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельби́рами,
и с топачака́ми,
и среву́гами,
и с ольбе́рами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: “Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!”
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло — князья мне не помогают;
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по нога́те,
а раб по ре́зани.
Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
раненные саблями калеными
на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремена
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу храбро одолеть.
Есть ведь у вас железные по́двязи
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и многие страны —
Хи́нова,
Литва,
Ятвя́ги,
Дереме́ла,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву обронило:
по Ро́си и по Суле́ города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
и копья польские

и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,
а тот и сказал:
«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через златое ожерелье.

Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатство Всеслава.
Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой.

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.

Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
с трех попыток отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костьми русских сынов.
Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещий Боян
давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда Божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует.
«Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?

Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было высоко под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»
Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слезы
на море рано».
Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю Бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,

избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
че́рнядями на ветрах».
Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,

То опутаем мы соколенка
                красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
                в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
                старого времени Ярослава,
                Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Бори́чеву
                ко святой Богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
Слава Игорю Святославичу,
                буй туру Всеволоду,
                Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князь и дружина,
борясь за христиан
                против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
                Аминь.

1950, 1986.